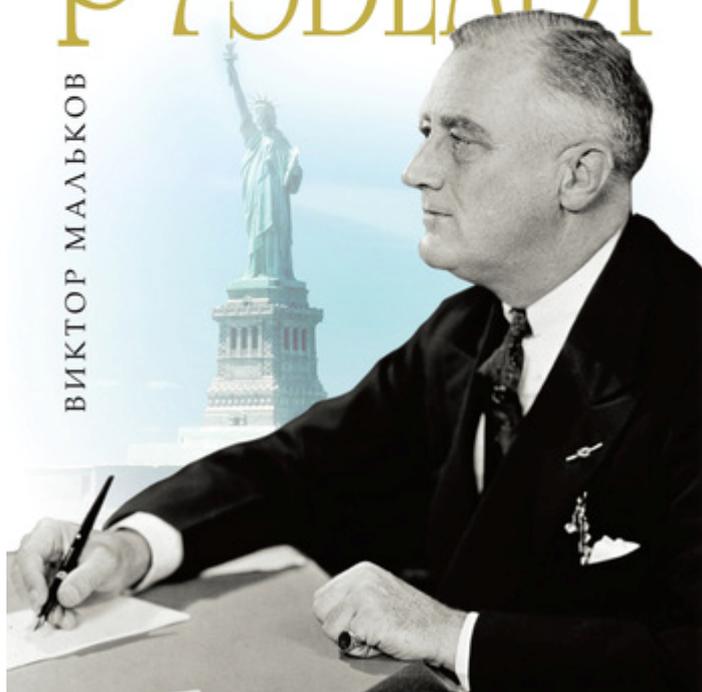

Виктор Леонидович Мальков Великий Рузвельт

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ РУЗВЕЛЬТ

ВИКТОР МАЛЬКОВ

Мальков В. Л. Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре»
М.: Язуза, Эксмо, 2011. – 560 с. – (Серия: Гении власти)

Аннотация

«Сегодня утром я убил свою бабушку!» – этой скандальной фразой президент Рузвельт возвращал внимание отвлекшихся собеседников. Он всегда знал, как заставить себя слушать, и привык добиваться своего любой ценой. Недаром биографы называют его и «львом», и «лисом» (а может, следовало бы «лисом в львиной шкуре?»), его прославляют как спасителя демократии и проклинают как «диктатора», величают «воплощением мужества» и осуждают как политического «жонглера» и «гроссмейстера предвыборного плутовства». Полжизни проведя в инвалидном кресле, Франклин Делано Рузвельт излечил и поднял на ноги собственную страну – и сам встал рядом с Отцами-основателями, создавшими Соединенные Штаты по библейской заповеди «Встань и иди!».

Эта книга – лучшая биография настоящего гения власти, величайшего американского президента XX века (и единственного, избравшегося на этот пост четыре раза!), который вытащил США из Великой депрессии и в союзе со Сталиным привел к победе во Второй Мировой войне.

Виктор Мальков

Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре»

Введение

Тема, обозначенная в названии этой книги, неисчерпаема и принадлежит к категории повышенной сложности. Хронологически она охватывает огромный период и, строго говоря, имеет прямое отношение к нашему времени. Больше полувека, насыщенных невероятными по значению и напряжению событиями. Благодаря скачку цивилизации с конца XIX века мир вступил в новое измерение. Менялось всё. Патриархальный уклад хозяйственных отношений, быт старых поместий, деревенских поселений и фабричных городов, оснащенных газовыми горелками и транспортом на лошадиной тяге, уступили место государственным законам о наемном труде, «экономике дымных труб» в освещенных огнями электрических фонарей и реклам больших городов, фантастически богатым банкирским и торговым домам, подземной железной дороге и наводнившим улицы автомобилям, воздушному транспорту. Разрыв между бедными и богатыми приобретал гигантские и все растущие размеры, порождая трущобы «внутреннего города» и роскошные пригороды олигархов. Все увеличивающийся приток иммигрантов сопровождался обострением классовых, расовых и межэтнических конфликтов.

На глазах у поколений, вошедших в период зрелости в первой трети XX века, внешний мир обретал совершенно новые очертания. Локальные конфликты перерастали в мировые войны, распадались империи, революции обретали характер цепной реакции, экономические кризисы становились все разрушительнее, а упадок культуры – прогрессирующим явлением. Усовершенствование оружия уничтожения привело к созданию атомной бомбы.

Франклин Делано Рузвельт, ставший 32-м президентом США, с юношеских лет находился в гуще этих перемен, наблюдал их с близкого расстояния и в разных географических поясах. У себя на родине в США, в Европе, в Центральной и Южной Америке. Он был их участником, а с определенного момента непременно инициатором и исполнителем тех или иных решений, в зависимости от которых объективно оказывались миллионы людей, целые народы, армии и флоты. Политическая история США с начала XX века и вплоть до конца Второй мировой войны напрямую связана с именем Рузвельта. Понятно, что найти правильные пропорции в воссоздании общего внешнего фона и не потерять связующую нить в жизнеописании личности, которая на большом отрезке времени была действующим фактором мировой истории, является делом непростым.

Но помимо трудности в передаче исторического контекста существует и другая специфическая сложность для историка, выступающего в жанре биографии. Удивление всех, кто когда-либо старался увидеть и показать во всем возможном правдоподобии незаурядную личность Рузвельта, вызывало открытие, сколь органично для окружающих его членов семьи, родных, друзей, политических единомышленников и оппонентов, ближайших помощников он входил и оставался до конца своих дней в избранную им для себя жизнь карьерного политика, государственного деятеля, президента США, Верховного главнокомандующего. Им были проявлены поразительные выдержка и самообладание, несмотря на страшный удар природы, сделавший его навсегда инвалидом, и приговор политического истеблишмента, отказавшегося в какой-то момент видеть в нем себе равного претендента на высшие должности и вообще на участие в каких-либо политических кампаниях. Загадкой для очень многих является, каким образом Рузвельту хватило сил, минуя болезненную реакцию ухода в себя, овладеть защитным механизмом от невротозов и не возводить между собой и окружающим миром невидимую стену одиночества.

Рузвельт, будучи избранным президентом США в трагическом для страны 1932 г., ухитрился при этом сохранить хладнокровие и рассудочность в условиях всеобщего страха и растерянности. Многие его современники, люди 30–40-х годов, политики, журналисты,

дипломаты и военные деятели не только вообще не замечали у него (до самых его последних дней) никаких отклонений, но порой даже напрочь забывали, что перед ними человек в инвалидной коляске, который не в состоянии самостоятельно передвигаться. Личность Рузвельта, его не типичная для американского президента мобильность, постоянные общения с народом в самых различных местах и в самое разное время, выезды на встречи в верхах в Тегеран, Ялту, Касабланку, Канаду и т. д. создавали образ абсолютно уверенного в себе человека, всегда в любых ситуациях сохранявшего уравновешенность. Какие-то черты делали его похожим на Моцарта от политики. И все же, что скрывалось за внешней личиной и высоким физическим тонусом этого жизнерадостного, улыбающегося знаменитой улыбкой человека? Вот вопрос, который всегда будет волновать исследователей, и едва ли кто-либо сегодня может сказать, что знает на него исчерпывающий ответ.

В англоязычной литературе существует большое число работ историков, экономистов, социологов и писателей о Рузвельте. Право называться классическим пионерным трудом принадлежит двухтомному исследованию Роберта Эммета Шервуда, одного из близких советников Рузвельта, писателя и драматурга, получившего возможность использовать материалы рузвельтовской библиотеки в Гайд-Парке и, в частности, архив Гарри Гопкинса¹. Перечень трудов отечественных авторов невелик. Но и те, что есть, написаны на вторичных источниках, т. е. преимущественно на книгах зарубежных авторов, иногда добротных, а иногда и поверхностных, конъюнктурных. Свою задачу автор предлагаемой вниманию читателя книги видит в том, чтобы по возможности полнее использовать доступные ему разнообразные архивные источники с тем, чтобы облик его героя в интерьере времени выглядел максимально достоверно. Однако достижение полного «сходства», разумеется, всегда будет оставаться лишь постоянно удаляющейся целью. Данное обстоятельство оставляет надежду, что в отечественной исторической и социологической литературе появятся новые работы о выдающемся американском политике и государственном деятеле, чье влияние и пример, в том числе и для России, так остро сознаются в наши дни.

И еще об одном соображении, важном для понимания структурных особенностей работы, проистекающих из характера жизненного пути Франклина Д. Рузвельта. Вернемся снова к Р. Шервуду, в 1946 г. взявшему на себя миссию стать первым летописцем истории деятельности рузвельтовской администрации в годы Великой депрессии и войны и столкнувшегося с переплетением в ней двух взаимодополняющих начал. Когда знаменитый спичрайтер Рузвельта задался вопросом, как полноценнее передать эту историческую реальность, он решил обратиться за советом к Элеоноре Рузвельт, написав ей 17 мая 1946 г. о своих размышлениях: «Я убежден безоговорочно, и я знаю, что Гарри (Гопкинс. – В.М.) думал таким же образом, что история не позволяет отрывать внешнюю политику Вашего мужа от его внутренней политики, хотя в последнее время некоторые люди, кажется, стали думать, что они отделены друг от друга непроницаемой перегородкой. Американский народ никогда бы не смог оказаться подготовленным и материально, и духовно для героических свершений в годы войны, если бы мы не вели ее за полное восстановление нашей национальной веры, которая возродилась за восемь лет социального прогресса, предшествовавшего Пёрл-Харбору. История никогда не должна потерять из виду этот важный факт»².

Шервуд оставил свое напутствие всем будущим искателям смысловой канвы «рузвельтовской революции». Оно могло бы стать эпиграфом и к этой книге.

Глава I Ранний Рузвельт

---

¹ Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. In Two volumes. N.Y., 1950.

² The Houghton Library. Robert Emmet Sherwood Papers. Sherwood to Eleonore Roosevelt. May 17, 1946.

Путь наверх

Единственный наследник состоятельной четы Джеймса и Сары Рузвельт, представителей избранного клана аристократических семей, живущих в долине реки Гудзон, выше Покипси, вырос в поместье-маноре вблизи тихого, незаметного поселения Гайд-Парк на севере штата Нью-Йорк. В самом живописном месте лесопарка на отвесном берегу реки находился большой хорошо обустроенный в английском стиле дом с подсобными строениями, окруженный старыми дубами и вязами, цветником и яблонями, предметом зависти всей округи. Сохранившиеся навсегда яркие воспоминания самого знаменитого американца XX века были связаны с этой уютной, безмятежно спокойной жизнью баловня родителей в двухэтажном гостеприимном особняке с огромным плодоносящим садом, сбрасывающим осенью удивительные своими размерами ароматные плоды, источающие непередаваемый запах детства. Дом в Гайд-Парке обладал особым притяжением благодаря тысяче примет и знакомых предметов, и поэтому, последовательно покорив все вершины политической карьеры – от сенатора законодательного собрания штата до президента США, маленький мальчик, ставший ровно через 30 лет первым лицом в государстве, мечтал когда-нибудь вернуться в этот сад и заняться выращиванием плодовых деревьев, фермерским трудом. Если это не было столь типичным для Франклина тяготением к словесным бравадам, то можно говорить о силе наследственности. Его дед был садоводом.

При рождении и после крещения в местной церкви мальчику дали имя Франклин Делано Рузвельт. Это случилось 20 января 1882 г. Будущий президент был окружен любовью родителей и отвечал им тем же, а еще послушанием и прилежностью в общении с частыми преподавателями, которые последовательно сменяли друг друга в доме Рузвельтов. Его отец Джеймс Рузвельт, потомок первых переселенцев из Голландии и довольно состоятельный человек, заработавший на железнодорожном бизнесе, был хорошо известен в тех кругах, которые контролировали государственные институты в Вашингтоне, но неизменно отклонял предложения стать послом либо подключиться к большой политике, как это сделал его близкий родственник Теодор Рузвельт, ставший в 1904 г. президентом США. Сколотить солидное состояние Джеймсу Рузвельту помогли вложения в динамично развивающийся железнодорожный бизнес.

Жизни сельского эсквайра Джеймс Рузвельт отдал свое предпочтение перед тяготами деловых операций и светской круговерти. Впрочем, он сумел заставить говорить о себе большой и сплоченный клан Рузвельтов. После Гражданской войны этот красивый величественный фронт, к недоумению и неудовольствию родственников, вернулся в лоно Демократической партии, продемонстрировав политическую дальновзоркость и личную отвагу. Маленький Франклин внутренне уважал выбор отца, но сохранял независимость в суждениях касательно планов на будущее. Ему не нравилось внимание его горячо любимой матери к его белокурым длинным волосам, и он настоял на том, чтобы она избавила его от них. Во время прощального обеда в Белом доме, данного в 1887 г. президентом-демократом Кливлендом, сопровождавший отца пятилетний Франклин внимательно выслушал «напутствие» уходящего в отставку усталого президента, пожелавшего ему никогда не быть президентом США, но, по-видимому, не придавал серьезного значения этому эпизоду 1 (далее сноски см. в Примечаниях. – *Прим. ред.*). Мать, Сара (Салли) Делано, пыталась долгое время добиться от сына следовать советам Кливленда, сохранив его для пасторальной идиллии в стиле «гудзоновских семей», но потерпела неудачу.

Красивая и статная Сара Делано была на 26 лет моложе своего избранника, недавно овдовевшего Джеймса Рузвельта, с которым она познакомилась в 1880 г. в Нью-Йорке на обеде у Теодора Рузвельта, будущего президента США. Сару не остановило, что ее избранник имел сыновей от первого брака. Европейски образованная, она обладала волевым, даже авторитарным характером и, хотя никогда не употребляла его во вред окружающим, тем не менее до конца дней своих старалась играть роль всенепременного советника, а в

критических случаях и требовательного наставника сына, невестки и внуков. Выбор частного колледжа в Гротоне (штат Массачусетс), основанного преподобным Эндикоттом Пибоди, для подготовки Франклина к университету отчасти был связан с ее, Сарой, обычаем судить о людях согласно занимаемой ими социальной позиции. От отца она унаследовала очень солидное состояние, что позволяло ей чувствовать себя никому и ничем не обязанной материально и следовать своим правилам. Ее супруг был попроще, но оба они соблюдали верность принципу *noblesse oblige*, ставящего благородство, благовоспитанность, порядочность, верность старинным стандартам поведения во главу угла.

Сара была воспитана в духе культуры старой, доброй Англии, Гротон же, – пожалуй, в то время самый эксклюзивный, аристократический колледж в Америке – строил свою деятельность по британской модели. С системой студенческих префектов (старост), поддерживающих принцип старшинства, униформой для студентов, физическим закаливанием и церемонным прощанием с ректором и его женой перед отходом ко сну. Основатели колледжа стремились создать в нем атмосферу товарищества, способную вылепить из воспитанников личности высоких христианских помыслов, джентльменов и широко эрудированных молодых людей. Дисциплину и постоянные строгости каждодневной жизни заставляли некоторых подростков сбегать из колледжа. Но те, кто выдерживал тяготы пребывания в Гротоне, получили хорошую волевою и интеллектуальную закалку, позволившую и дальше не пасовать перед трудностями. «Пережить горести в Гротоне, замечает один из биографов Рузвельта, означало быть готовым к любым испытаниям» 2.

Все воспитанники испытывали огромное уважение к ректору и трепет перед ним. Много позднее Франклин Рузвельт направил письмо старому ректору, в котором, не боясь пафосности, заявил, что он (ректор) для него, президента США, значит больше, чем многие другие, за «исключением моих отца и матери». Помимо проявленной выдержки и умения находить удовольствие в спортивном тренинге и командных играх Рузвельт, не имевший опыта школьного обучения, легко усвоил искусство скрывать свои «домашние» привычки, способные сделать его изгоем в коллективе мальчишек. Он был уживчив, легко находил баланс в общении со сверстниками разного воспитания и социального происхождения, незлопамятен. Однако он не стал слишком популярен среди воспитанников Гротона, возможно, потому только, что его дядя республиканец Теодор Рузвельт – воинствующий проповедник имперской политики и гроза олигархов, будучи избран губернатором штата Нью-Йорк, вызвал к себе неоднозначную реакцию. Пацифисты и антиимпериалисты, не уставая шельмовать покровительствующего Франклину неистового Тедди в левой печати за его геополитические взгляды, изложенные в пламенных речах в защиту американской военной мощи, экономической и территориальной экспансии, переносили критику и на его двоюродного племянника.

Окончание учебы в Гротоне для Франклина совпало с изменениями в укладе общественно-политической жизни США. Наступление поры юности было отмечено бурной индустриализацией страны и превращением ее в мирового финансового и промышленного лидера. Невидимые нити, соединявшие его с буколическим существованием в окруженном садом родительском доме на Гудзоне, стали ослабевать, порой помыслы возмужавшего Франклина устремлялись вслед за антиолигархическими идеями Теодора Рузвельта, за бравурной деятельностью политика-экстремала, чьи помыслы о мировом доминировании Америки простирались очень далеко. В какой-то момент, еще находясь в Гротоне, Франклин даже подумывал о добровольном уходе на испано-американскую войну 1898 г., пристально следил за Бурской войной в Южной Африке, выражая сочувствие колонистам. Но даже купив в подражание Тедди пенсне в золотой оправе, Франклин культивировал в себе в противовес обожаемому дяде не почитание принципа «разделяй и властвуй» и права Америки предписывать нормы поведения другим странам «во имя свободы», а идею сотрудничества и деколонизации. Это был первый невидимый для глаз шаг к конфликту Франклина с двоюродным дядей, копией которого он быть не хотел. Узнав о том, что на президентских выборах 1912 г. Франклин Рузвельт поддержал его соперника

демократа Вудро Вильсона и его программу «новой свободы», разъяренный Теодор Рузвельт назвал это предательством и объявил «перебежчику» священную войну. Раскол в клане Рузвельтов между двумя главными его ветвями стал фактом. Он не был преодолен и по прошествии десятков лет.

Но вернемся назад. Осенью 1900 г. Франклин поступил в Гарвард, а в декабре того же года случилась беда – умер горячо им любимый отец. Сара Рузвельт приняла на себя все заботы о сыне, включая почти ежедневное общение с ним через переписку, функции контролера за финансовыми расходами и всем остальным, что составляет тылы молодого человека, серьезно взявшегося за учебу с целью ускоренно, экстерном преодолеть ее ступени. Мать вскоре смогла убедиться, что Франклин был весьма успешен в учебе и в университетской внеаудиторной жизни, демонстрируя заметные способности наряду с формированием широких взглядов на злободневные проблемы национальной и региональной жизни, которые на историческом переломе от XIX к XX веку настолько назрели, что, казалось, ими был пропитан воздух. Ожидание прихода новой цивилизации и требования социальной справедливости для неимущих, женщин, жертв расизма и ксенофобии вызывали у Франклина сочувствующий отклик. В своих студенческих рефератах он затрагивает вопросы, входившие в программу прогрессивных реформ, которую отстаивали реформаторы в обеих главных партиях.

Самой яркой и противоречивой фигурой из них на политической авансцене страны оказался Теодор Рузвельт. «Лихой рейнджер», писатель и публицист обличал монополии, олигархов и обещал восстановить в правах всех, кто ими был разорен, обездолен и обещен. Правда, полагал, что деградация низших классов есть продукт естественных законов. Его яркая победа на губернаторских выборах в штате Нью-Йорк в ноябре 1898 г. запомнилась всем и даже привела его племянника в члены республиканского клуба Гарварда. Надев на себя красную кепку, Ф. Рузвельт принял участие в факельном шествии в честь пламенного сторонника «разгребателей грязи» – противников «баронов-грабителей» и их покровителей в политических кругах Вашингтона. И в 1901 г., несмотря на усиливающиеся расхождения во взглядах с дядей, Франклин отдал свой голос республиканцам, кандидатом в вице-президенты от которых баллотировался Теодор Рузвельт. Пуля анархиста Леона Шолгоша, смертельно ранившая 6 сентября президента Уильяма МакКинли, сделала полковника «лихих рейнджеров» хозяином Белого дома 3. Ни для кого так очевидно эти последовавшие одно за другим события не были столь же ясным голосом свыше, как для матери успешного студента Гарварда вдовы Джеймса Рузвельта, перебравшейся в Бостон, чтобы быть поближе к сыну. Но она тщательно скрывала свои предчувствия.

В ее понимании, сосредоточившись на пополнении собственного багажа знаний и посвятив всего себя помыслам повторить путь отца, Франклин мог бы рассчитывать в обозримом будущем на блестящую юридическую карьеру. Но Саре Рузвельт предстояло пережить шок: в конце 1903 г., не выполнив намеченную им самим программу обучения в Гарварде, двадцатиоднолетний Франклин Рузвельт влюбился в свою «отдаленную» (в пятом колене) девятнадцатилетнюю кузину Анну Элеонору Рузвельт, племянницу Теодора Рузвельта, в ту пору прочно завоевавшего репутацию «сильной личности», олицетворения «новой Америки», практикующей «дипломатию канонеров» и мирового арбитра.

Некоторые биографы Франклина Рузвельта полагают, что его роман, а затем и женитьба на Элеоноре Рузвельт была частью обдуманного стратегического плана 4. Существует также поверие, что и мечтательная, серьезная и застенчивая Элеонора Рузвельт, соглашаясь на брак, руководствовалась не чувствами к молодому повесе, слышшему в обществе легкомысленным почитателем анекдотов, пирушек, лошадей и яхт, а наставлениям любящего ее дяди и опекуна Теодора Рузвельта. Каким-то будто бы седьмым чувством «дядя Тедди» надеялся на превращение «гадкого утенка» в создание, способное приручить сына Джеймса и Сары Рузвельт и сделать клан Гайд-Парка опорой и продолжателем политической «династии» Рузвельтов, своей напористостью, суперпатриотизмом и бесстрашием призванной подчеркнуть законность и необратимость амбиций «первой» державы мира,

каковой на переломе веков явили себя Соединенные Штаты.

Однако ставить под сомнение влюбленность и искренность чувств молодой пары и преувеличивать значение каких-либо посторонних расчетов значит просто-напросто оказаться во власти салонных сплетен более чем вековой давности. О бескорыстии вспыхнувшего влечения Франклина к Элеоноре говорит то, что оно возникло в очень отдаленном прошлом, в доме тетки Элеоноры в 1898 г. на семейном вечере. Франклину было шестнадцать лет, Элеоноре – четырнадцать. Они танцевали, не зная, что им вскоре придется расстаться, и не задумываясь о будущем. Оба сознавали, что они не имеют права это делать. Через два года Франклин поступил в Гарвард, а Элеонора, потерявшая и мать, и отца, была отправлена бабушкой (матерью Теодора Рузвельта) учиться в Англию, в колледж в Алленсвуде – престижном закрытом учебном заведении для девушек. Никакой переписки между молодыми людьми не было и не предполагалось. Следующая случайная встреча произошла только после возвращения Элеоноры из Англии летом 1903 г. О договоренности между ней и Франклином о чем бы то ни было не могло быть и речи.

О первой встрече все забыли, никто не «инструктировал» ни того, ни другого, никто заранее не подготавливал их к брачному союзу. Более того, окружающие и с той, и с другой стороны вплоть до конца 1903 г. не знали, что ставшие взрослыми молодые люди, признавшись друг другу в любви, встречались то в Нью-Йорке, то в Вашингтоне, то в Гротоне. «Мало кто видел, – пишет биограф Элеоноры Рузвельт, – что восхищение переросло в любовь» 5. Сара Рузвельт, всегда имевшая самую доверительную и надежную информацию о сыне, готовая обсудить с ним любые сокровенные новости и рассчитывавшая на откровенность, записала в свой дневник в конце декабря 1903 г.: «Франклин поделился со мной совершенно поразительным заявлением». Много лет спустя она пояснила: «при нашем полном неведении» ее Франклин страстно влюбился в свою девятнадцатилетнюю очень далекую кузину и твердо объявил матери, что намерен жениться на ней без промедления. Сара пыталась возражать и делала это очень настойчиво, полагая, что время для брачного союза ее сына с Элеонорой еще не наступило и, когда оно наступит, она полюбит Элеонору и примет ее как дочь. А сейчас опасается, что «новое счастье» может заставить Франклина потерять интерес к учебе и дому. Мать проиграла эту дуэль.

Элеонора, испытывая боль, знала или догадывалась о сомнениях матери Франклина и стремилась снять их своим искренним заверением в преданности Франклину и желании исполнить любую прихоть Сары. «Вы должны знать, – писала она 9 декабря 1903 г. в по-настоящему трогательном письме к Саре, – что я всегда буду стараться исполнить любое Ваше желание» 6. Этим она хотела сказать, что Сара не только не теряет сына, но и обретает преданную, послушную дочь. Незадолго до этого, 21 ноября 1903 г., Франклин сделал Элеоноре предложение стать его женой.

При всей своей скромности, тактичности и желании не казаться капризной Элеонора не могла служить инструментом тактических замыслов дяди, Теодора Рузвельта, впрочем, если они вообще существовали. Дитя неблагополучной семьи (отец Элеоноры, брат Теодора, был алкоголиком и человеком без определенных занятий), благодаря своей любви к книгам, любознательности и самостоятельному мышлению Элеонора нашла в британском Алленсвуде источник неортодоксального для республиканизма Теодора Рузвельта свободомыслия, впитавшего в себя элементы фабианского социализма, антисоциал-дарвинизма, феминизма и пацифизма. Среди постоянных собеседников молоденькой Элеоноры в Алленсвуде была Беатриса Вебб, идеолог английского лейборизма. Тяга Элеоноры к людям с левыми убеждениями во многом имела своим источником подобного рода контакты.

Любовь Франклина и Элеоноры была подлинной, без примеси политики и политиканства. Она устояла перед настойчивыми попытками Сары уговорить сына оттянуть вступление в брак с тем, чтобы «проверить себя» и окончить университетский курс, но получила подтверждение в решении Франклина летом 1904 г. покинуть Гарвард и продолжить учебу в Школе права в Колумбийском университете с тем, чтобы быть ближе к

возлюбленной. Осенью 1904 г. он осуществляет свое намерение и переезжает в Нью-Йорк. Тогда же в декабре было наконец объявлено о помолвке Франклина и Элеоноры Рузвельт. Венчание намечалось на 17 марта 1905 г. В связи с этими событиями президент США Теодор Рузвельт 29 ноября 1904 г. направил Франклину специальное послание. В нем, еще раз блеснув талантом владения литературным письмом, «лихой рейнджер» выразил напутствие молодым в патетически отеческой форме: «Мы все чрезвычайно обрадованы хорошей новостью. Я люблю Элеонору так сильно, как если бы она была моей дочерью; и я люблю тебя, и доверяю тебе, и верю в тебя. Никакой другой успех в жизни – ни избрание президентом или что-то другое в этом роде – не может сравниться с радостью и счастьем, которыми награждает любовь достойного мужчину и достойную женщину... Ты и Элеонора очень достойные и мужественные люди, и я верю, что вы любите друг друга самоотверженно, а это означает, что вам будет открыт путь к золотому веку» 7.

Необычайно популярный (и не только в своей стране) президент Теодор Рузвельт, сыгравший роль миротворца на заключительном этапе Русско-японской войны, полностью доминировал во время свадебной церемонии. «Ура Тедди!» – кричали наиболее восторженные участники свадебной церемонии после венчания в здании на пересечении 76-й улицы и Пятой авеню в Нью-Йорке в назначенный день 17 марта 1905 г. Новобрачные оказались оттесненными и казались покинутыми гостями, облепившими кряжистую фигуру широко улыбающегося «дяди Тедди». Элеонора хранила спокойствие и выдержку, Франклин наблюдал с высоты своего роста за этой сценой, находя ее забавной. Во второй половине дня новобрачные отправились в Гайд-Парк отдохнуть перед длительным свадебным путешествием. Их же почетный свидетель, президент, возбужденный вниманием, выступая перед пестрой аудиторией по поводу Дня Святого Патрика, темпераментно говорил о взаимопомощи в социально неоднородном обществе. Но этого Франклин и Элеонора уже не слышали, они были поглощены заботами, связанными с путешествием в Европу и экзаменами Франклина в Школе права.

Медовый месяц, проведенный молодой четой в Европе – Италии, Германии, Франции, Англии, Швейцарии – в ситуации нарастающего европейского кризиса позволил молодой чете сориентироваться во многих текущих вопросах благодаря встречам, прессе, книгам, которые усердно покупал Франклин (он не очень любил читать книги, больше – собирать), знакомясь с настроениями, которыми жила Европа. Особое впечатление на них произвела реакция европейцев на заключение Портсмутского мира (5 сентября 1905 г.) между Россией и Японией при энергичном содействии Теодора Рузвельта. Франклин писал о смене отношения к США в Европе после длительного периода охлаждения. В Шотландии в семье друзей они обсуждали важные проблемы текущей политики и государственного устройства в обществе Сиднея и Беатрисы Вебб, сумевших позднее нанести ответный визит Рузвельтам в Гайд-Парке. Элеонора представила Саре английских сторонников как «крупных социологов». В ряде случаев Франклин дерзал проверять себя в выступлениях перед взыскательной иностранной аудиторией. Эти опыты общения с европейской публикой показали самому Франклину неудачными. Элеонора не соглашалась: «Это была очень хорошая речь». Темой выступления Франклина были вопросы садоводства.

Романтика медового месяца не помешала лучшему пониманию европейских реалий. Рост национализма, кипение политических страстей, появление новых, как правило, левых или левоцентристских партий, активизация рабочего движения, необычайная активность женщин, сложные дипломатические маневры, не предвещавшие ничего хорошего, милитаристские высказывания политиков. Европа пришла в движение. Впечатления, которые вынесла молодая чета, были сложными, их следовало привести в порядок, но одно стало очевидным – рассчитывать на status quo не приходится ни в Европе, ни в Америке.

Изменения произошли и в быту, и в университетских занятиях Франклина. Он окончательно перебрался в Нью-Йорк, чтобы жить вместе с Элеонорой в скромном доме, подобранном для них матерью Франклина на 36-й улице на Манхэттене. Покорение вершин юриспруденции Франклин продолжил в Школе права при Колумбийском университете.

2 мая 1906 г. родился первенец молодых Рузвельтов – дочь Анна Элеонора, любимица Франклина. Занятость в классах Школы права, нежелание поступиться времяпрепровождением в компаниях с друзьями за игрой в покер или гольф часто вызывали трения, ведя к возрастанию замкнутости Элеоноры и участвующим отвлечениям Франклина от удручающе монотонного штудирования юридической литературы и переключению на что-то другое, далекое от академических занятий и семейных забот. Его профессора констатировали, что он был умеренно прилежным студентом, но никогда не испытывал подлинного интереса к трудоемким правовым дисциплинам. В июне 1906 г. он решил покончить с учебой в Школе права и записался на восьмичасовой экзамен с расчетом быть принятым в Нью-Йоркскую ассоциацию юристов, открывающую дорогу к адвокатской практике.

В феврале 1907 г. он получил соответствующую регистрацию. Она вместе со связями его покойного отца, Джеймса Рузвельта, открыла ему дорогу в процветающую уолл-стритовскую юридическую фирму «Картер, Ледьярд и Мильберн», обслуживавшую моголов большого бизнеса – «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Америкен табако компани». Молодому юристу удалось убедить руководство фирмы, что он будет полезен во всем, что касается морского права. Любовь к морю, к яхтам повышала шансы Ф. Рузвельта. Глава фирмы Льюис Ледьярд был командором нью-йоркского яхт-клуба и давним деловым партнером отца Франклина Джеймса Рузвельта. Новоиспеченному эксперту по правовым вопросам мореходства исполнилось 25 лет.

В сентябре 1907 г. Франклин приступил к черновой работе в судебных коридорах и в справочных залах библиотек в должности младшего клерка юридической фирмы с окладом в 10 долларов в неделю. Как-то по прошествии многих лет Элеонору спросили, был ли Франклин удовлетворен своей работой. Она ответила: «Я не думаю, что ему нравилась работа юриста, но он был рад общению с людьми... Это было хорошим опытом». Франклин был выдержан, но, как заметило руководство фирмы, ему не хватало концентрации. Между тем семейное положение Рузвельтов усложнилось с рождением 23 декабря 1907 г. второго ребенка, на этот раз мальчика, названного в честь деда Джеймсом. Пришло время принимать решение, какой дорогой идти в будущее.

Один за другим историки рассказывают притчу о том, как Рузвельт делился своими планами на будущее с коллегами-клерками из юридической конторы «Картер, Ледьярд и Мильбурн». Он будто бы прямо заявлял, что юридическая практика общения с тупыми клиентами, пыльными коридорами муниципальных судов и бумажной пачкотней его не устраивает и что он по примеру «дяди Тедди» уходит в политику, чтобы стать президентом США. Причем он начнет с члена законодательного собрания штата Нью-Йорк, вслед за тем получит назначение на пост заместителя министра военно-морского флота и, наконец, перед решающим рывком займет должность губернатора штата Нью-Йорк. «Каждый, кто является губернатором Нью-Йорка, – объяснял он разинувшим рот коллегам, – имеет хороший шанс стать президентом» 8. По-видимому, эта красивая история была сочинена где-то после 1932 г., поскольку смертельно опасная болезнь, одолевшая физически крепкого Франклина и ее непредсказуемые последствия в 20-х годах реально лишили его увидеть любимую мечту сбывшейся. Стало быть, едва ли кто-нибудь после провала демократов на президентских выборах 1920 г. мог воспринимать ее чем-то большим, нежели озорной первоапрельской шуткой вроде тех, которыми так любили обмениваться здесь и там выпускники Гарварда.

Да и сам выбор в пользу перехода из юриспруденции в политику Франклин сделал не без труда, столкнувшись с недовольством и противодействием матери, полагавшей, что ее сын должен идти по пути отца и вести «спокойную, размеренную жизнь в Гайд-Парке», наслаждаясь комфортом сельского эсквайра с твердым доходом, обычным кругом семейных забот и относительно скромными запросами. Без поддержки Элеоноры, которая, напротив, втайне полагала, что политика отвлечет Франклина от рутины уолл-стритовской конторы, не дающей выхода кипучей энергии ее мужа, хотя, выше всего ставя добропорядочность, она помнила слова из завещания отца своего дяди Теодора Рузвельта: «Я испытываю стыд за

страну. Мы не можем больше выносить правительство столь же коррумпированное, как наше». Этот призыв «взяться за оружие» оставил ее равнодушной. Опасения, что политик легко может стать добычей владельцев салунов и хозяев городских конок, перевесили заботы о нравственном здоровье Франклина, готового от скуки впасть в депрессию, запить или раствориться в семейных заботах.

Если для матери сюрпризом было «обручение» ее сына с политикой, то для его жены Элеоноры столь же абсолютно неожиданным оказалось то, что Франклин, как и его отец, предпочтение отдал Демократической партии, внутренне почувствовав, что демократы лучше пропитались популистским духом, живее реагируют на ветер перемен. Никто не заметил, как начался процесс внутреннего размежевания «дяди Тедди» с представителем молодых демократов Нью-Йорка Франклином Рузвельтом. Никаких особых согласований с обожаемым дядей последнему не потребовалось и не могло быть. Франклин Рузвельт не нуждался в политическом паровозе. Все понимали, что Франклин сам знает, что делать. Обошлось простым уведомлением.

Дело в том, что Теодор Рузвельт в начале 1909 г. сдал свою вахту в Белом доме консервативному республиканцу У. Тафту. Правящая партия оказалась в состоянии внутреннего брожения и раскола. Причина: протестное движение за реальные реформы пустилось в самостоятельное плавание и приобрело общенациональный характер, в него оказались вовлечены главные общественные слои и классы 9. Заметную роль приобрело социалистическое движение. Его лидер Юджин Дебс бросил вызов лидерам ведущих партий – Республиканской и Демократической. Молодой Рузвельт сам сумел убедиться, что растущая популярность социалистов объясняется низким уровнем жизни рабочих в основных отраслях экономики – угольной, автомобилестроении, сталелитейной, текстильной, швейной и т. д. Поездка Рузвельта в угольные районы штата Кентукки, затеянная как туристическое путешествие, неприятно поразила его и заставила задуматься. Лик подлинной трагедии шахтеров, вчерашних иммигрантов из многих стран, живущих впроголодь в лачугах и каждый день рискующих жизнью, стал выразительным проявлением тяги людей к новым ценностям.

Республиканская партия утратила ощущение этих новых, совсем неожиданных для поверивших в неповторимость Америки – «храма на холме» – как беспроblemного государства широкого и глубокого социального недовольства, несоответствия устаревшего законодательства с идущими переменами. Теодор Рузвельт, признанный харизматический лидер и идеолог партии, уйдя с головой в пропаганду военной мощи США и «жесткой силы», едва не проворонил крен влево среди рабочих, средних слоев, интеллигенции, фермеров и даже части крупной буржуазии. Поддержка им прогрессистского крыла республиканцев выглядела несколько запоздалой на фоне активизации фракции демократов в конгрессе и вне его стен в поддержку перемен и реформ, вызывавших всеобщее одобрение: регулирование железнодорожных тарифов в сторону их уменьшения, прямые выборы сенаторов, снижение подоходного налога и т. д. Демократы менялись на глазах, в лоне партии появились яркие политики и ораторы, завоевавшие славу защитников низов, рабочих и фермерских заступников, антимилитаристов и обличителей «баронов-грабителей» 10. Среди них выделялась фигура университетского профессора Томаса Вудро Вильсона, дальновидного либерального реформатора, умеющего помимо всего прочего глобально мыслить в духе проектов нового мирового порядка без войн и сосуществования больших и малых народов, чья биография не была запятнана бюрократическими скандалами и близостью к коррупционным кланам.

Выборы губернаторов и членов законодательных собраний штатов в 1910 г. сулили демократам большой успех. В округе по выборам в законодательное собрание штата Нью-Йорк с центром в Покипси, т. е. поблизости от Гайд-Парка, демократы могли уверенно рассчитывать на победу, хотя в сельских районах фермеры по традиции продолжали голосовать за республиканцев. Потомственный молодой аристократ с магическим для сельского населения именем Рузвельт не мог не показаться лидерам местных демократов

находкой, хотя некоторые инвесторы принятие его в компанию демократов считали ненадежным. Впоследствии сам Франклин говорил, что его «похитили» на улицах Покипси для того, чтобы сделать членом нижней палаты законодательного собрания в Олбани. Вскоре же политическая кампания настолько захватила Рузвельта, что, как вспоминала много позднее Элеонора, она «вытеснила его любовь к ней, навсегда заставив забыть романтику и счастливые дни женитьбы».

Накануне осенних выборов 1910 г., первых выборов в его жизни, 28-летний Франклин Рузвельт, отец четверых детей, по-прежнему напоминал старшекурсника Гарварда – высокий, худощавый, с голубыми глазами и правильными чертами лица, без единой морщинки на лбу. С неизменным желанием быть в центре событий он был недоступен для Элеоноры даже тогда, когда был вместе с семьей на отдыхе. Он уходил на яхте в океан, утром занимался лошадьми. Внезапное усложнение дел с выдвижением его кандидатуры на выборах в законодательное собрание Нью-Йорка полностью поглотило силы и время Франклина, который с головой погрузился в создание своего собственного избирательного блока, независимого от спонсоров и финансовых подпорок со стороны большого бизнеса. «Как вы знаете, – говорил он членам комитета по отбору кандидатов от демократов, – я принимаю предложение о выдвижении кандидатом, будучи абсолютно не зависимым от кого-либо. Я не обязан ни одному человеку, я не нахожусь под влиянием специальных интересов, я сам по себе. Я не должен вам говорить, что не намерен сидеть, сложа руки. Напротив, нам предстоит очень насыщенный событиями месяц...» 11

Франклин исколесил на автомобиле, красном «Максвелле» с открытым верхом, взятым в аренду, весь штат, за пять изнурительных недель пожав тысячи рук и неизменно обращаясь к встречавшим его избирателям с неформальными и теплыми словами «Друзья мои...». В отдельные дни он произносил до десяти речей, ни одна из них не сохранилась, но историки обнаружили в бумагах Рузвельта высказывание, приписываемое Аврааму Линкольну: «Я не убежден в своей победе, но я знаю, что я говорю правду. Я не могу быть уверенным в своем успехе, но я нахожусь на стороне добра. Я должен быть с теми, кто на стороне истины и должен расстаться с теми, кто живет во лжи». Франклин этой цитатой сумел растрогать черствых фермеров, по традиции с недоверием относящихся к демократам.

Активность экс-президента Теодора Рузвельта, вновь поднявшего знамя борьбы «против реакционеров» в своей партии с расчетом в какой-то момент снова включиться в гонку за Белый дом в качестве кандидата от третьей прогрессивной партии, сильно осложняла шансы Франклина. Однако он не боялся выглядеть отбившимся от стаи. «Я не Тедди», – говорил он, обращаясь к толпе. Собравшиеся отвечали ободряющим смехом, не улавливая различия между платформами обоих Рузвельтов, но интуитивно испытывая больше доверия к молодому политику, когда он обличал привилегии верхов, мошенничество и коррупцию властных структур. К тому же в отличие от дяди племянник демонстрировал превосходное чувство юмора, предельную близость к «людям, живущим в долине Гудзона», готовность встречаться с ними в самых отдаленных местах округа, в тавернах и на обочине дорог и представлять их интересы «каждый день из 365 дней в году и каждый час из 24 часов в сутках». Для «грязных» фермеров, населяющих штат и 60 лет голосовавших за республиканцев, ненавидящих демократов из надменных городов, не похожая ни на что, очень подкупающая своей простотой и лаконичностью манера общения с ними значила больше, чем длинное перечисление грандиозных задач, стоящих перед обществом в целом. Этот стоящий перед ними красавец верзила выглядел очень убедительным, когда говорил своим ясным и модулирующим голосом, что их фермерские лидеры продали их и что он будет их «настоящим представителем» 12. Харизма молодого Рузвельта блокировала пропаганду республиканцев, повесивших на него ярлык «богатого молодого человека», устроившего «водевильное путешествие в интересах фермеров».

В ноябре 1910 г. Франклин Д. Рузвельт, ничем не обязанный машине демократов, отвергнув навязчивые предложения о спонсорстве боссов партии и затратив на свою избирательную кампанию из семейных доходов 1700 долларов, одержал бесспорную личную

победу в родном округе Датчес, традиционно республиканском. Число голосов, поданных за него, превосходило число голосов, поданных за список Демократической партии в целом, а она одержала победу в борьбе за пост губернатора штата (им был Джон Дикс) и завоевала большинство в законодательном собрании. В сентябре никому не известный «не раскрученный» политик превратился в ноябре в одного из наиболее известных демократов, стоящих в одном ряду с такими ветеранами прогрессивного крыла партии, как сенаторы Роберт Вагнер и Альфред Смит, его коллеги по законодательному собранию штата. Элеонора Рузвельт, уставшая думать о грозящем фиаско ее забросившего адвокатские дела супруга, переживавшая одиночество и растущее отчуждение от той половины клана Рузвельтов, которая оставалась с «дядей Тедди», в один миг превратилась в жену популярного общественного деятеля, лидера антиконсервативного блока в партии так называемых «инсургентов», решивших изжить партийную жизнь США от системы боссизма, олицетворением которой был пресловутый Таммани-холл, штаб-квартира демократов в Нью-Йорке.

Семья Рузвельтов, Франклин, Элеонора и четверо их детей (Элеонора была беременна пятым ребенком) перебрались в столицу штата Нью-Йорк Олбани, поселившись в просторном доме на Стейт-стрит, который Франклин немедленно объявил «открытым домом» для своих избирателей. Дом стал местом шумных встреч «инсургентов» и новых друзей. О Рузвельте стало известно и всей стране как энергичнейшем поборнике все ширившегося движения за прямые выборы сенаторов в конгресс США и соответственно за отмену избрания их законодательными собраниями штатов. Незаметно для самой себя Элеонора оказалась втянута в эту многообразную деятельность мужа. Уже тогда близко знавшие их люди отмечали, как незаменима стала она для мужа во всем, что касалось его прямых обязанностей сенатора и в развернувшейся фракционной борьбе. «Она все делала молча, спокойно и очень результативно», – вспоминал один из них 13. Ее разумность и теплота множили число друзей Франклина. Она еще не стала «очевидной силой» в семейном тандеме, но постоянно помогала молодому сенатору корректировать его позиции и оценки, хотя, как это ни может показаться сегодня странным, Франклин раньше Элеоноры занял единственно верную позицию в области избирательных прав женщин, считая, что они должны быть уравнены в правах с мужчинами. Элеонора какое-то время придерживалась иного взгляда, полагая, что мужчина превосходит женщину интеллектуально, а поэтому ее претензии должны ограничиваться кругом домашних обязанностей. Вскоре она рассталась с этим заблуждением.

Франклин Рузвельт стал ключевой фигурой в составе законодательного собрания штата Нью-Йорк, собравшегося для продолжения законодательной деятельности в феврале 1911 г. Он получил кресло председателя комиссии по сельскому хозяйству и члена еще десятка комиссий. Поговаривали о замещении им в будущем должности губернатора штата. Но судьба политика, настроившего против себя боссов партии, напоминает скольжение по ломкому льду. «Старшие друзья» навесили на него клеймо «политического нахала и выскочки», упорно распространяя слухи о ненадежности «маленького Рузвельта», способного-де сыграть злую шутку со старой гвардией демократов, о его воинствующем антикатолицизме. Франклин и его сторонники решили ответить контрманевром, поддержав растущее движение в поддержку кандидатуры Вудро Вильсона на пост президента США.

Почти ежедневно в качестве неформального лидера «инсургентов», борцов против «машины», Франклин делает заявления для прессы. Время от времени он допускает ошибки, одновременно демонстрируя замечательный талант драматизации самых будничных, неприметных коллизий. Рузвельт неутомимо разъезжает по территории штата, забирается в медвежьи углы и агитирует за обновление партии и ее новых кандидатов в лидеры. «Регулярные» демократы обрушиваются на Рузвельта и его друзей как на предателей и заговорщиков. Поводом послужили почти ежедневные собрания «инсургентов» на первом этаже дома Рузвельтов в Олбани. Не проведя еще ни одного прогрессивного законопроекта через сенат штата, с репутацией осторожного политика, придерживающегося тактики

«посередине дороги», Рузвельт становится едва ли не самым известным «новым лицом» в политическом истеблишменте Нью-Йорка.

В перипетиях изнурительной борьбы с республиканцами и «регулярными» демократами Рузвельт усвоил одно важное правило: его лицо должно быть узнаваемо избирателями, а сам он должен запомниться мужественной («до последней капли крови») борьбой за «общественный интерес». В 1912 г. в стране индивидуальных прав и свобод этот призыв становился украшением всех новоявленных политиков. Развивая повсеместно свою излюбленную тему о консервации природных богатств и сбережении лесов, Рузвельт умело подводил философское обоснование под правительственное регулирование использования земельных угодий, лесных массивов и водных богатств штата. Не спеша с активной поддержкой ряда назревших реформ (например, реформы, связанной с правами женщин и охраной их труда), «самый красивый» молодой сенатор с открытой улыбкой и серьезным лицом убеждал своих коллег и лоббистов спешить медленно, что создавало странное впечатление двойной игры – одновременно он принимал сторону то консерваторов, то либералов 14. По крайней мере, по мнению своего будущего бессменного министра труда Фрэнсис Перкинс, Рузвельт не симпатизировал рабочему движению и, что безмерно удивило его сторонников, уклонялся от того, чтобы твердо обещать голосовать за законопроект об ограничении продолжительности трудовой деятельности женщин и детей девятью часами в день и шестью днями в неделю.

Многим было неведомо, что расчет Рузвельта строился с более широким замыслом. Теоретически вопрос о понятии всеобщего блага, о соотношении личных (частных) интересов и общественной пользы, об экономических моделях, дебатировавшийся повсеместно, и особенно в леворадикальной прессе, заставил Рузвельта подняться на более высокую орбиту. Выступая 4 марта 1912 г. в г. Трое, он обрушился на защитников «неограниченной конкуренции» и сакрализации частной собственности. Выступление было столь необычным для этой поры обучения Рузвельта-политика, что современные исследователи назвали его революционным. Любые преувеличения в отношении превращения воспитанника аристократических семей «долины реки Гудзон» в принципиального критика эпохи *lais-faire* не оправданны. Рузвельт предлагал всего лишь подобие суммы новых идей, которые вытекали, как он говорил, из взаимозависимости труда и капитала. Но выбор места и времени, когда Рузвельт решил высказать эти идеи, заимствованные, очевидно, уже не у прогрессистов, а у социал-реформистов, говорят о многом. Трибуна прогрессивного народного форума в Трое после гибели 150 женщин-работниц текстильной фабрики на Манхэттене в пламени пожара, на пике борьбы за жесткий лесной кодекс предполагала эпический стиль. Он говорил под впечатлением взрывной терминологии бунтующих «синих воротничков» и разорившихся фермеров: «Если мы обратимся к истории... мы столкнемся с фактом... борьбы арийских рас за обретение индивидуальной свободы... Об этом, может быть, преждевременно говорить, но в целом сегодня и Европа, и Америка обрели свободу личности». А сейчас в начале XX века, продолжал Франклин, американцы ведут «новую борьбу за свободу общества», которая имеет более высокий и благородный смысл... Мы обнаружили, что, если каждый человек делает то, что он считает нужным, придерживаясь рамок закона и порядка, он часто не в состоянии отвечать требованиям цивилизации таким образом, чтобы удовлетворять ожиданиям благополучия со стороны огромного большинства». Конкуренция, добавил он, «доказала свою полезность до определенного уровня и не дальше. Кооперация должна начинаться там, где конкуренция уже не работает и кооперация становится таким же приемлемым термином для новой теории, как и всё остальное» 15.

Довольно-таки странная речь в Трое была отголоском того дискурса о социалистическом идеале, который затеяли социалисты. Она была также целиком выдержана в духе разворачивающейся кампании за обновление Демократической партии и выдвижение кандидатуры Вудро Вильсона. Франклин прочно связал свое имя с этой кампанией принстонского профессора и губернатора штата Нью-Джерси. Осенью 1911 г. он даже

побывал у Вильсона в Трентоне, столице Нью-Джерси. Совпадение их политических платформ было очевидным, но Франклин внутренне стремился сохранить свою независимость от любой политической «машины», кто бы ее ни представлял – Таммани-холл или В. Вильсон. Но в поддержку кандидатуры последнего Франклин мобилизовал все свои возможности. Ввиду раскола в Республиканской партии шансы губернатора Нью-Джерси стать первым за 20 лет президентом-демократом на порядок возросли.

Национальный съезд демократов в Балтиморе в июне 1912 г. был первым национальным съездом, в котором участвовал Франклин Рузвельт. Его фигура была очень заметна в толпе делегатов – в постоянном движении, рукопожатиях и разговорах с журналистами. Репортеры и делегаты из отдаленных штатов постоянно окружали его, чтобы удовлетворить свое любопытство беседой с нереспубликанским Рузвельтом. Один из них, близкий советник Вильсона и член Национального комитета демократов Джозефус Дэниэлс хорошо запомнил свое первое знакомство с этой «достопримечательностью» съезда. «Он был смешлив по-мальчишески, – вспоминал он позднее, – и мне кажется, я никогда не видел более красивой и привлекательной фигуры молодого человека. На этом съезде Франклин и я стали друзьями. Как говорится – любовь с первого взгляда». К вящей радости их обоих, Вудро Вильсон, получив большинство голосов делегатов съезда, был номинирован кандидатом на пост президента США.

Элеонора также присутствовала на съезде и смогла убедиться, каким неустойчивым был социальный мир в стране. В зале все кипело от возмущения и кричало против «баронов-грабителей», требуя коренных изменений в социальном законодательстве, ограничения власти монополий, изменения тарифной политики, борьбы с плутократией, создания системы страхования для малоимущих семей, безработных, стариков, предоставления финансовой помощи фермерам. Она писала, что поражение платформы прогрессистов, к которой принадлежал ее муж, неминуемо будет означать выход на авансцену политической жизни социализма 16. Возвращение в Белый дом Теодора Рузвельта, выступавшего в качестве кандидата созданной им прогрессивной партии, могло только ухудшить положение и пополнить ряды радикалов, все теснее спланивающихся вокруг популярного лидера социалистов Ю. Дебса. Яростные нападки старшего Рузвельта на своих противников множили ряды сочувствующих социалистам. Фотографии страстного любителя охоты Тедди на фоне убитых им хищников, его знаменитый и очень непривлекательный оскал зубов отпугивал своей неумной великодержавностью даже «регулярных» либералов.

Разрыв с «полковником» Теодором Рузвельтом для вчерашних его молодых почитателей становился неизбежным. Болезненное всего это восприняла Элеонора, по-прежнему любившая «дядю Тедди», но понимавшая опасность, которую создает деятельная, неумная натура Франклина, оказавшегося в то же время без группы сподвижников, вчерашних «инсургентов». Его будущее отныне целиком зависело от победы Вильсона на выборах в ноябре того же года. И еще от собственного здоровья, которое подавало тревожные признаки: как раз накануне очередной избирательной кампании Франклин стал часто простужаться. Осложнения приобретали угрожающий характер. Политическая карьера молодого Рузвельта могла оборваться, едва начавшись.

Чудесное спасение пришло благодаря участию с некоторых пор ставшего ближайшим другом семьи Рузвельтов маленького и невзрачного, но талантливого журналиста и почитателя Франклина Луиса Хоу. Изнывавший долгое время без работы, бедствующий и жаждущий найти себе применение репортер по согласованию с Франклином, лежащим в очередной раз с серьезным заболеванием в постели, организовал широчайшую пропагандистскую кампанию в форме «личных» писем избирателям за подписью Франклина Рузвельта, публикаций в газетах и т. д., в которых новый – старый кандидат в сенаторы обещал своим избирателям поддержку всех самых радикальных пунктов традиционной платформы прогрессистов с акцентом на фермерские проблемы, положение с трудовым законодательством и критику боссизма. Кандидату потребовалось только оплатить почтовые и бумажные расходы. За него практически все сделал Хоу, продемонстрировавший

организаторский талант, изобретательность, профессионализм и лояльность. В ноябре 1912 г. на фоне успехов соперников-республиканцев Франклин Рузвельт одержал еще более внушительную победу на выборах в законодательное собрание Нью-Йорка, чем это было два года назад. Хоу, маленький, некрасивый, хронически никому никогда не доверяющий человек, оказался незаменимым и как советник, и как промоутер, и как менеджер в ходе трудной избирательной кампании. Он был абсолютно предан, но никак не подобоострастен. Следующие 23 года Рузвельт и Хоу провели рядом, фактически не расставаясь.

В первые же дни после возвращения в Олбани Франклин ощутил на себе зависть и недоброжелательство своих коллег в сенате, но уже вскоре последовало приглашение в Трентон (Нью-Джерси) для встречи с вновь избранным президентом США Вудро Вильсоном. Речь шла о работе в новом составе правительства. Рузвельт отклонил ряд предложений. Но в день инаугурации президента 4 марта 1913 г. в Вашингтоне он повстречал симпатичного ему нового министра военно-морского флота Джозефуса Дэниэлса. Рузвельт с детства испытывал любовь к морю, флоту, судоводителям. Первый вопрос Дэниэлса – хочет ли он занять место его заместителя – не вызвал никаких размышлений Рузвельта. Он мгновенно ответил: «Ваше предложение радует меня больше, чем что-либо другое». Про себя Дэниэлс отметил: «Он идет по стопам Тедди». Поздравление самого идеолога морской мощи было сухим и формальным, но с многозначительным напоминанием того же рода: «...Вы заняли то самое место, которое раньше занимал я».

Вернувшись в Олбани, чтобы закончить свои дела сенатора, Франклин навестил своего коллегу и доброго знакомого сенатора Роберта Вагнера, временно занимавшего должность председателя сената. Узнав о перемещении Рузвельта в правительство, Вагнер обрадовался: Рузвельт тормозил реформы Вагнера, мешая их ускоренному прохождению через палаты законодательного собрания. Его уход обещал Вагнеру легкую жизнь. Рузвельт спросил коллегу, правильно ли он поступает, расставаясь с креслом сенатора. «Поезжай, Фрэнк, поезжай!» Вагнер на прощание с внутренним облегчением пожал руку Рузвельту: «...Я уверен, что вас ждет большое будущее в столице». И в этом он не ошибся.

Стать членом кабинета реформаторов после трех с небольшим лет пребывания в политике было делом абсолютно беспрецедентным. Многие старожилы Вашингтона называли Рузвельта «пожирателем боссов», опасаясь, что его талант выдворения с насиженных мест представителей старых «машин» может дорого обойтись представителям «знатных домов». Появление в офисе нового заместителя военно-морского министра Луиса Хоу в качестве секретаря-референта с его любовью к конспирации и отличным знанием положения дел в газетных редакциях расценивалось как неблагоприятный сигнал для сложившихся аппаратных кланов. Вскоре же Хоу был назначен на новую должность специального помощника Ф. Рузвельта, став его правой рукой в реализации всех деловых замыслов, в планировании тех или иных мероприятий и подведении аналитических выводов, в координации создаваемой Рузвельтом разведывательной службы на флоте, которая должна была послужить базой для развертывания в дальнейшем широкой сети в планетарном масштабе.

В Вашингтоне Рузвельт при содействии Хоу политически довольно быстро принял на себя еще и функции координатора действий сторонников независимой (от центральной машины демократов – Таммани-холла) политики, неподкупного и свободного от фаворитизма звена власти. Тому благоприятствовали мировоззренческие взгляды президента, так же как и Рузвельта – поклонника джефферсонизма. Непосредственной целью этих настойчивых санационных мероприятий «независимых» демократов была подготовка к промежуточным выборам 1914 г., которые должны были стать серьезным испытанием для всех, кто заполнил коридоры власти в Вашингтоне вместе с командой Вудро Вильсона. Рузвельт взял на себя «приведение в порядок» рядов демократов в его родном штате Нью-Йорк. И потерпел поражение. Ближайший советник президента Вильсона, полковник Эдвард Хауз, который оказывал поддержку Рузвельту в борьбе с «демократическими боссами», бросив все, летом 1914 г. отбыл по поручению Вильсона в Европу в связи с начавшейся

Великой войной, а сам президент ввиду внутренних и внешних осложнений отказался от поддержки прогрессистов в Демократической партии ради сохранения ее единства. Смятение и признание возросшей силы консерваторов («реакционных политиков», как атрибутировал их Рузвельт) привели к тому, что он как выход из положения стал подумывать о выдвижении своей кандидатуры на выборах в сенат конгресса США с тем, чтобы не конфликтовать с Вильсоном. Но изменившаяся внешнеполитическая ситуация, советы друзей и Элеоноры отвлекли его от этого намерения.

Дружественное расположение адмиралов, их настойчивая просьба остаться в правительстве сделали свое дело: министр Дэниэлс слыл пацифистом, в то время как Рузвельт, его заместитель, был известен как прилежный ученик адмирала Альфреда Томаса Мэхэма, теоретика морской мощи, и сторонник наращивания сил флотов США. Морские волки видели во Франклине родственную им душу и с энтузиазмом принялись поддерживать движение за его сохранение в военно-морском ведомстве. Начало войны в Европе, случившееся через 17 месяцев после того, как Франклин пришел в министерство флота, хотя и подогрело разногласия между антимилитаристом Дэниэлсом и его подчиненным, вмешательство Элеоноры помогло сохранять им расположение друг к другу. Мудрый и покладистый Дэниэлс не раз и в будущем выступал в роли советчика Рузвельта, не «держал злобы» на беспрестанно ставящего его своей критикой в положение обороняющегося подчиненного. Рузвельт, со своей стороны, оценил лояльность министра и отказался от мысли об отставке и попытке завоевать место в сенате конгресса США.

Потопление 7 мая 1915 г. германской подлодкой идущей под британским флагом «Лузитании» – пассажирского судна более чем с тысячью пассажиров на борту и гибель среди них 150 американцев всколыхнуло германофобию в США и раскололо правительство Вильсона на две примерно равные части. Одна часть внимала доводам известных всему миру пацифистов У. Брайана и Дж. Дэниэлса (верящих, что если США сохранят свой нейтралитет, то воюющие стороны скорее придут к миру, и все станет на свои места) и их оппонентами, полагавшими, что Америка упускает свой шанс, отдавая на закланье германскому воинству жаждающие мира и спокойствия страны Антанты. Франклин был на стороне этой части кабинета, отстаивая идею большого флота и решительного вмешательства в европейский конфликт. И он, и Элеонора полагали, что только объединенные усилия Франции, Англии и России принудят Германию к миру 17.

Разногласия с Дэниэлсом и Брайаном, важными фигурами в кабинете, тем не менее не могли серьезно угрожать карьере молодого политика. Однако было и более значительное препятствие, которое могло сыграть роль непреодолимого рифа, грозящего отбросить его на обочину партийной номенклатуры, на периферию политики. Этим препятствием был президент Вудро Вильсон, которому был несимпатичен весь клан Рузвельтов.

Разрыв казался неминуемым. Рузвельты, обе фракции «династии», были настроены антигермански и не разделяли позицию президента Вильсона и его окружения, сделавших ставку на нейтралитет, отстраненность от европейских дел, хотя война сразу же переросла рамки локального конфликта. Биограф Рузвельта Джеффри Уорд пишет: «Франклин вел трудную двойную игру, пытаясь сохранить к себе расположение президента, которому он служил, и одновременно не утратить близость с кумиром (т. е. с Теодором Рузвельтом. – *В.М.*), к которому он относился с обожанием с детства» 18.

Теодор Рузвельт в припадке ярости обвинял Вильсона в трусости и безволии. Франклин и Элеонора трактовали уклончивость президента в значительно более мягкой форме, но воспитанные в духе почитания европейской культуры, они испытывали растущее удивление медлительной реакцией президента пополам с возмущением по поводу вероломства и жестокости германской военщины, безнаказанно обрушившей смерть и разрушения на европейские города. Франклин считал, что победа Германии будет непосредственно угрожать безопасности США. «Что ты думаешь о У. Дж. Б. (об У. Брайане. – *В.М.*)? – писал Франклин Элеоноре о ситуации в кабинете. – Не хочется писать слишком много, скажу только, что испытываю отвращение к этой фигуре».

Жуткие подробности хозяйничанья немецких подлодок в Атлантике, активизация агентуры кайзера в Мексике резко снизили популярность проповедей сторонников пацифизма «без берегов». Уильям Брайан 8 июня 1915 г. ушел в отставку с поста государственного секретаря, вызвав у Франклина вздох облегчения и ликование патриота, полагавшего, что только силовые действия принудят Германию прекратить подводную войну. На месте Брайана в «туманном днище» (здание государственного департамента) оказался Роберт Лансинг, поборник «вооруженной дипломатии», внешней политики, подкрепленной силой. Президент Вильсон поменял тактику, хотя и продолжал ориентироваться на изоляционизм больших масс избирателей. Впереди предстояла борьба за второй срок, и он не хотел давать повода для критики. Однако объявленная им кампания «готовности» в виде шумных парадов и пропагандистских акций исподволь подводила американцев к осознанию того, что в нужный момент следует оказаться «в нужном месте», т. е. в Европе, на Западном фронте. Франклин Рузвельт стал одним из активных знаменосцев этой кампании. Главной его заботой была программа вооружений – веление времени. Умело уклоняясь от споров с начальством, живущим понятиями XIX века, он изумил членов комиссии палаты представителей по делам военно-морского флота своими обширными познаниями и осведомленностью о состоянии вооруженных сил. Он обрушил на конгрессменов поток цифр и фактов, которые нельзя было опровергнуть и ожидать услышать от молодого новопришельца в военно-морское ведомство.

Кризис, вызванный атаками германских подводных лодок на пассажирские суда, снял нарекания в горячности, посыпавшиеся на Франклина Рузвельта в связи с дебатами в руководстве Демократической партии по вопросу о войне и миротворческих усилиях Вильсона. Франклин и Элеонора уже открыто могли симпатизировать требованию Теодора Рузвельта принять жесткую линию по отношению к Германии, хотя у них сохранялось много оговорок в части политики, которую проводил «лихой рейнджер». Тот на съезде Республиканской партии в 1916 г. заявил о своем примирении с «Великой старой партией» и безоговорочно поддержал ее кандидатов на выборах этого года. Между тем платформа «честного нейтралитета», с которой республиканцы шли на выборы президента в 1916 г., никак не согласовывалась с его, Тедди Рузвельта, интервенционизмом. Элеонора и ее супруг были поражены этой метаморфозой и в еще большей степени встревожены предвыборными успехами республиканцев и их кандидата Чарльза Эванса Хьюза. Его победа (она казалась неотвратимой) 19 означала бы личную катастрофу для Франклина Рузвельта. Последний зарекомендовал себя сторонником социальных реформ и воинственным германофобом, т. е. человеком, выступающим за вмешательство в европейский конфликт на стороне Антанты, за мобилизационные мероприятия и пополнение арсеналов армии и флота новейшим вооружением. Назвать эту позицию популярной было никак нельзя. Особенно в округах с преобладанием немецкой и ирландской диаспор.

Сам Вильсон пришел к убеждению, что он не сможет победить. Покидая в день голосования нью-йоркскую штаб-квартиру демократов в отеле «Билтмор», Рузвельт обсуждал со своим близким другом Франклином Лейном, министром внутренних дел, условия учреждения новой юридической фирмы на Уолл-стрите с участием Фрэнка Полка, генерального консула госдепартамента и авторитета в области юриспруденции, с которым оба они были знакомы по учебе в Гротоне и Гарварде. Однако уже на следующий день, сидя у себя в кабинете военно-морского министерства, Рузвельт сделал короткую запись в рабочем дневнике: «Самый важный день в моей жизни. После вчерашнего вечера Вильсон мог одержать победу. Еще более обнадеживающе она выглядит сегодня в полдень». Вместе с Элеонорой Франклин позволил отвести душу, когда стало окончательно известно о победе Вильсона. Не скрывая торжества и злой иронии, он в беседе с репортером высмеял напрасные надежды «своего знаменитого кузена» 20 вынудить Вильсона уйти со сцены и вернуть себе кредит доверия большинства американцев. Политические мотивы и карьерные интересы взяли верх над родственными чувствами.

Другой хорошей новостью было то, что Вильсон, избранный на второй срок, начал

сдвигаться в «нужном» направлении во внутренней и внешней политике. Последовательные реформы в области трудового права, открывающие эру «индустриальной демократии», и решительные шаги во внешней политике, которые ждали от президента интервенционисты, завоевали ему расположение молодых демократов. 3 февраля 1917 г. Вильсон разорвал отношения с Германией. Посол Бернсторф положил на стол в госдепартаменте свой паспорт. По всей стране проходили марши готовности. В первых рядах шумных манифестаций шел президент, Франклин вел за собой колонну чиновников морского министерства. Он чувствовал себя юбиляром.

События развивались стремительно, и уже вскоре «отважные парни» в кабинете Вильсона вроде Франклина Рузвельта и Франклина Лейна стали востребованы в качестве пропагандистов новой роли Америки в мировых делах. 18 марта 1917 г. немецкие подлодки торпедировали несколько американских судов. 2 апреля того же года Вильсон на заседании палат конгресса заявил, что не видит альтернативы войне. Франклин Рузвельт воспринял президентское заявление с восторгом. Все менялось на глазах. С чувством важности момента он осуществил инспекцию американских военных баз в Мексике, на Гаити, Кубе и в Доминиканской Республике. Миссия была подчинена идее подготовки к отражению немецкой угрозы. Пышные встречи, салюты, «потешные» учения, беседы с молодыми морскими офицерами помогали шлифовке взглядов на латиноамериканскую политику США, в целом сформировавшуюся уже в 1913 и 1914 годах. Было ясно, что в противовес Дэниэлсу Рузвельт был вместе с ядром служаков в военно-морском ведомстве. С теми, кто настаивал не только на строительстве превосходящего остальные морские державы флота, но и на создании «полосы безопасности» на юге Соединенных Штатов.

Мексика с ее долгой революцией под боком у Соединенных Штатов вызывала у Франклина реакцию в стиле Теодора Рузвельта. «Я не хочу войны, – говорил он, – но я не вижу пути, встав на который мы могли бы ее избежать. Рано или поздно Америка должна вмешаться и очистить Мексику от политического хаоса» 21. Японская угроза (несмотря на услуги, оказанные Т. Рузвельтом Японии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.) беспокоила Франклина еще сильнее. Он предвидел возможность внезапной японской атаки на флот США, ослабленный разъединением материком на два океана. Через четверть века так и произошло в Пёрл-Харборе, потребовав от Рузвельта самопризнания в непростительной беспечности и проволочках 22. Взгляды Франклина постепенно становились хорошо известными публике. Престарелый адмирал А. Мэхэн, идеолог «жесткой силы», направил ему письмо в знак полной солидарности с ним. «Я пишу Вам, – признавался он, – потому что не знаю никого другого в нынешней администрации, к кому бы мне хотелось обратиться с этим письмом» 23.

Масштабы европейской войны помогли раскрыться тем качествам Рузвельта-политика, о которых ни он, ни его близкие и не подозревали. Его непосредственное начальство явно не поспевало за событиями. Ни извлечь стратегическую выгоду, ни содействовать экономической перестройке в соответствии с военным временем, наладив производство необходимой продукции, оно оказалось не в состоянии. Время обгоняло поклонников старомодного изоляционизма, не содействовавших раскрытию военного потенциала США и тем самым существенно мешающих обеспечить перевес сил Антанты над воинством Центральных держав. «Эти добропорядочные люди, – с досадой писал Франклин Элеоноре, – У. Брайан и Дж. Дэниэлс, имеют такое же понятие о том, что такое европейская война, как наш Эллиот (сын Рузвельтов, которому едва исполнилось четыре года. – *В.М.*) о высшей математике» 24. Рузвельт был твердо убежден, что современная война требует перевооружения, всеобщего военного обучения и создания особых государственных органов, регулирующих расходование ресурсов, военное производство, трудовые отношения в промышленности и надзирающих за условиями труда.

В своем стремлении перебороть инертность Дэниэлса и ему подобных Рузвельт настойчиво искал поддержки у полковника Э. Хауза, ближайшего советника президента, давно считавшего, что США должны вмешаться в войну на стороне Антанты. Состоялось

несколько встреч Рузвельта с Хаузом, в ходе которых с глазу на глаз они обсуждали все плюсы и минусы сложившейся для США ситуации. Одновременно Рузвельт принял участие в секретном конклаве смертельных врагов президента из противоположного лагеря. Среди них был ряд примечательных фигур: Корнелиус Блисс, генерал Леонард Вуд, финансист Джон Пирпонт Морган и, конечно же, Теодор Рузвельт, «дядя Тедди». По итогам этого секретного совещания, среди законспирированных участников которого Франклин Рузвельт выглядел наиболее решительно настроенным, были выработаны важные пункты платформы. Предпочтение, отметил Франклин в своем дневнике, решено было отдать позиции Теодора Рузвельта, требовавшего пересмотреть военную политику под углом зрения стратегической перспективы. Франклин лаконично резюмировал: «Я поддержал теорию TR».

Энергичный, инициативный, не колеблющийся в случае необходимости прибегнуть к приемам политиканства, радетель гегемонии американского флота на морях и безопасности США на дальних подступах к берегам Америки благодаря физическому магнетизму и административному рвению Франклин завоевал престижное место в вашингтонском истеблишменте. Но окружающие его коллеги и друзья не всегда одинаково судили о его внутреннем содержании из-за фривольной манеры поведения и некотором верхоглядстве в вопросах экономики или гражданского общества. «Он мог нравиться или привлекать к себе внимание, – много позднее вспоминал об этом времени в биографии Рузвельта известный дипломат Уильям Филлипс, его друг и щеголь из ближайшего круга университетских однокашников, – но он не мог претендовать на особую рассудительность, он был ярким собеседником, но не очень твердым в суждениях. Он мог очаровать кого угодно, но назвать его гигантом вряд ли кто-либо решался. Он обладал огромной жизненной силой, интересом ко всему, и он действительно стал очень дельным заместителем министра военно-морского флота. Он был всегда оживлен, всегда был душой компании, но он никогда не казался особо основательным» 25. К этому критичному перечню запомнившихся ему черт спутника юных лет и собрата по кабинету У. Филлипс мог бы добавить еще одну – личное мужество, раскрывшееся в военное время.

После выборов 1916 г. Рузвельты перебрались в арендованный ими дом сестры Теодора Рузвельта на N-стрит. Секретная служба на основании того, что его имя попало в «черный список» германских агентов чиновников американского правительства, известных антикайзеровскими настроениями, а потому намеченных к уничтожению германскими агентами, рекомендовали Рузвельту иметь при себе пистолет. Несколько дней он носил его в кармане, но затем решительно запрятал в стол. Однако открыто в разговорах с французами и англичанами в Вашингтоне высказал намерение отправиться на Западный фронт в составе американских экспедиционных сил. И только решительные возражения Дэниэлса и Вудро Вильсона, посчитавших, что Рузвельт будет больше полезен в Вашингтоне, заставили его отказаться от облачения в солдатскую шинель.

Возможно, если бы он ушел на фронт, в жизни Франклина и Элеоноры не произошло бы события, которое внесло особый элемент в их отношения, разрушив то, казалось бы, прочное доверие и взаимопонимание, сохранявшиеся с юношеских лет и прошедшие испытания семейными невзгодами и счастливыми днями жизни рядом с детьми, друзьями, в обстановке удачливо складывающейся карьеры Франклина и растущего светского успеха умной, доброжелательной и общественно активной Элеоноры.

Франклин влюбился в другую красивую и привлекательную женщину, секретаря Элеоноры. Ее звали Люси Мерсер, и она была на шесть лет моложе Элеоноры. Похвастаться аристократическим происхождением и богатством эта девушка из Вирджинии не могла, но ее красота, общительность, воспитанность помогали ей легко и ненавязчиво завоевывать благосклонность вашингтонского светского общества. Богатые матроны, жены чиновников и дипломатов время от времени поручали ей работу по разбору семейных архивов или по уходу за детьми. Люси справлялась с поручениями аккуратно и добросовестно, легко и просто обретая доверие своих работодателей и без труда добываясь дружбы и любви у порученных ее попечению детей. Работа секретарем и гувернанткой помогала Люси и ее

матери, вдове бывшего моряка, поддерживать скромное благополучие, но конечная цель была одна – найти богатого жениха и создать фундамент безбедной жизни.

Переполненная семейными заботами, обязанностями по линии различных фондов и уже необычайно разросшейся перепиской Элеонора прислушалась к советам своей родственницы и пригласила Люси помогать ей три раза в неделю вести ее переписку, а порой и присматривать за детьми. Люси появилась в доме Рузвельтов зимой 1913/14 г. и вскоре стала своим человеком, заслужив похвалы Сары, которая нашла двадцатидвухлетнюю Люси обворожительной, полной тепла и привязанности к детям и самой Элеоноре. Правда, через три года последняя убедилась, что наибольшим вниманием у Люси пользуется глава семейства, ее муж Франклин. Она могла бы предвидеть такой результат. В великосветском обществе он давно имел славу внешне чрезвычайно привлекательного человека, златоуста, наделенного природой красивым лицом, фигурой университетского игрока в футбол и ярким интеллектом. О способности Рузвельта быть интересным собеседником и, что всегда нравилось его тайным воздыхательницам и не нравилось Элеоноре, давать волю фантазии в пересказе светских новостей и морских путешествий ходили легенды.

Люси готова была слушать его всегда, непрерывно участвовать в обсуждении его планов, не останавливая поток его красноречия. Так, из банального флирта родилась история любви длительностью на всю оставшуюся жизнь. Осенью 1918 г. Элеоноре стали известны особые отношения Франклина и Люси, и она попросила Люси оставить их дом и больше не считать себя находящейся в числе секретарей Элеоноры. Одновременно она предложила Франклину сделать выбор – либо семья, либо Люси. Биограф Элеоноры пишет: «Франклин и Люси решили никогда не видеться в будущем». По крайней мере, так они говорили. Брак Элеоноры и Франклина продолжался. Но Франклин и Люси поддерживали связь через переписку, хотя в 1920 г. Люси вышла замуж за состоятельного человека – Уинтропа Раузерфорда и стала матерью дочери Барбары. В Библиотеке Рузвельта в Гайд-Парке хранится написанное в 1941 г. длинное письмо Люси президенту Рузвельту, которого она называет «мой бедный любимый».

Со слов кузины Франклина Маргарет Сакли известно также, что Рузвельт навестил Люси в ее усадьбе в штате Нью-Джерси проездом поездом на Квебекскую встречу с Черчиллем в сентябре 1944 г. Йон Мичем справедливо выражает свое изумление в связи с этим эпизодом. «Это была замечательная сцена: президент США военного времени, – пишет он, – по пути на конференцию с премьер-министром Великобритании выкраивает несколько часов, чтобы позавтракать со своей давней возлюбленной в обществе ее титулованных гостей и дальних родственников, которые хранят в тайне факт встречи с группой самых известных людей, находящихся под бдительным присмотром телохранителей» 26.

После выяснения отношений между Элеонорой и Франклином их совместная жизнь не могла оставаться прежней. Элеонора нашла, что ее супруг совершил предательство, которое она не должна прощать. Неверно, пожалуй, говорить, что каждый из них стал жить своей жизнью, но прежней теплоты общения уже не было. Элеонора была очень ранимой, и даже время не сделало ее другой. Но вихрь событий притупил боль от почти состоявшегося разрыва. Стратегические планы поглотили Рузвельта, да и состояние дел на фронтах в Европе отодвигало на задний план все личное. На карту было поставлено слишком многое.

Еще весной 1918 г., когда появились серьезные опасения, что Германия в состоянии нанести поражение Антанте, и выяснилось, что Англия испытывает огромную нужду в военной помощи, Рузвельт предпринимает очередную попытку оказаться на «передовой». Предварительно отказавшись баллотироваться на должность губернатора Нью-Йорка, он упросил Дэниэлса отправить его в Европу с целью посетить руководителей союзников, побывать на фронте и получить информацию «из первых рук». Инициативная миссия, начавшаяся 9 июля 1918 г., в основном носила дипломатический характер, но пересечение Атлантики проходило в боевой обстановке на борту миноносца «Дайер», сопровождавшего специальный конвой, напичканный тринитротолуолом, минами и колючей проволокой. Тревоги, учебные стрельбы, опасения в отношении «бродячих» мин и, наконец, встреча с

германскими подлодками у Азорских островов – все это было частью быта по пути в Шотландию. В Англии Рузвельт лично познакомился с Ллойд Джорджем, а на встрече с министром Ф. Смитом – с группой видных политиков и военных. Среди них был и Уинстон Спенсер Черчилль, бывший первый лорд Адмиралтейства, а тогда министр вооружений.

Во Франции Рузвельт имел беседы с Клемансо и маршалом Жоффром. В последний момент, до смерти напугав военно-морского атташе США, отвечавшего за его безопасность, Рузвельт направился к линии фронта и оказался от нее в шаговой доступности. Он побывал вблизи Шато-Тъери и Вердена, попав под обстрел немцев. Теперь Рузвельт познакомился с безобразным ликом войны: изрытая воронками земля, залитые дождем траншеи, запах трупов и сплошные разрушения домов, церквей, замков. «Мрак и непрерывные бои, без отдыха и сна». Позднее, будучи уже президентом, он скажет: я видел войну и ненавижу ее.

Рузвельт побывал и в Италии и только в сентябре 1918 г. возвратился в Нью-Йорк. Его сняли с борта корабля и положили на носилки с тем, чтобы отправить в госпиталь. Франклин был тяжело болен – двустороннее воспаление легких. Конечно, его ободрили многочисленные теплые послания восхищенных знакомых и сослуживцев. «Мы очень гордимся тобой», – написал ему в письме Теодор Рузвельт. Встав на ноги, Франклин вновь попросился «в солдаты» письмом к президенту. Вильсон ответил: слишком поздно – он получил уже к тому времени послание принца Макса Баденского о согласии последнего на перемирие, что означало конец войне.

Свидетелем ее заключительного аккорда Франклин оказался уже повторно в качестве заместителя министра военно-морского флота, посетив Европу ранней весной 1919 г. На этот раз он появился во Франции уже в сопровождении и под присмотром Элеоноры. Они оба уже по пути во Францию получили известие о смерти Теодора Рузвельта. Франклин был опечален, но высказался в том духе, что последняя болезнь «дяди Тедди была недолгой». Элеонора подвела итог: «Еще один великий человек ушел со сцены» 27. Но они оба находились в центре событий, в которых Теодор Рузвельт едва ли захотел бы участвовать. В Версале с участием главного триумфатора В. Вильсона проходила Парижская мирная конференция, наблюдателями которой они были. Путешествие же до Бреста Франклин и Элеонора проделали на борту комфортного лайнера «Джордж Вашингтон», на котором тем же путем следовали на главное дипломатическое сражение Великой войны президент В. Вильсон, его супруга и многочисленные советники. Таким образом, появился очень удобный случай притушить тлеющие много лет разногласия, недовольство и отчуждение.

Путешествие домой Рузвельты вновь осуществили совместно с президентской четой Вильсонов и их многочисленной свитой на борту все того же «Джорджа Вашингтона». Франклин продолжил свои диалоги с президентом. Светские мероприятия на борту лайнера посещали самые разнообразные пассажиры. Рузвельту удалось даже побыть в обществе посла США в России Фрэнсиса, поделившегося с присутствовавшими своими воспоминаниями о революционной смуте в стране красных и белых. Наиболее примечательным Франклин и Элеонора нашли выраженные Вильсоном намерения защищать до последнего идею Лиги Наций и участие в ней США. Увы, заметных сдвигов в отношениях Рузвельта и Вильсона не произошло.

Война содействовала формированию взглядов Франклина Рузвельта на сложный комплекс вопросов внешней и внутренней политики. Чета Рузвельтов нашла возможность во время пребывания в Европе посетить бывшую линию фронта вблизи Амьена. «То, что мы видели, – говорил потом Рузвельт, – невозможно забыть». Рузвельт заключил, что Соединенные Штаты уже никогда не допустят сдачи в плен изоляционизму, отгородившись от мира Китайской стеной и держась вдали от всего, что происходит в Старом Свете и на других континентах. Второй вывод, извлеченный им из опыта войны, состоял в том, что успешным оказался мобилизационный план, осуществленный Вильсоном и военным министром Ньютоном Бейкером, суть которого состояла в контроле из Вашингтона за промышленным производством и транспортом. «Американская организация военных усилий, – говорил он, – создавалась сверху вниз, а не снизу вверх. Это самое главное...» 28

Все тот же мобилизационный опыт натолкнул Рузвельта на необходимость создания механизма координации и планирования аппаратов трех ведомств – государственного департамента, военного и военно-морского министерств. Задача, которую должен был выполнять этот особый механизм, состояла в том, чтобы определять цели и возможности Америки в тех или иных ситуациях. Рузвельт послал этот проект, который, в сущности, предвосхитил создание Национального совета безопасности, для обсуждения в государственный департамент. Ответа он так и не дождался.

Рузвельт открыто говорил об особых функциях президента страны как национального лидера, подчеркивая важность усиления его исполнительной власти в условиях особых обстоятельств и необходимости привлечения лучших профессионалов безотносительно их партийной принадлежности. Другими словами, Рузвельт выступил с обоснованием целого ряда вполне назревших новаций, которые нравились далеко не всем. В том числе и президенту Вильсону. Добрый Дэниэлс, сам задетый нелояльностью Рузвельта во внутриведомственных коллизиях, сделал многозначительную запись в своем дневнике: «Ф.Д.Р. для В. (Вильсона. – В.М.) является *persona non grata*».

Больной, парализованный, ушедший в себя Вильсон, растерявший свою популярность в партии и среди избирателей, проигравший в жестокой дискуссии Республиканской партии по вопросу о Лиге Наций, не сулил ничего хорошего ни прогрессизму, ни его восходящей величине Франклину Д. Рузвельту. По всему чувствовалось, что его дни в военно-морском ведомстве сочтены. Покер, охота, званые обеды, прогулки на катерах по Потомаку, бездеятельность в опустевших после войны офисах департамента сменили полные напряжения дни подготовки к высадке войск в Европе, заботы о снабжении флота, нескончаемую вереницу встреч, заседаний, инспекционных поездок. Не приученный удовлетворяться вялотекущим ожиданием подарков судьбы, более всего ценивший азарт скрытой борьбы с превосходящими силами противника 38-летний глава большого семейства тяготился этой неопределенностью, замаскированной светскими развлечениями и официальным церемониалом. Ему не хотелось впустую растрачивать заслуженно заработанную репутацию эффективного и решительного государственного деятеля, не привыкшего быть неудачником, лузером в глазах людей, поверивших в него и весь клан Рузвельтов. Мысленно возвращаясь к наставлениям «дяди Тедди», Франклин начинал верить в предначертанность судьбы, своей и страны. Воображение восстанавливало какие-то давние времена, когда ему прочили успех на политическом поприще, у живой толпы избирателей, откликающейся на яркое слово или неожиланный прием агитации.

Первыми же идеями, которые были рождены его размышлениями о будущих занятиях, было желание попробовать себя в роли губернатора или сенатора конгресса США, добившись поддержки избирателей на выборах осенью 1920 г. С этими мыслями Франклин появился на съезде Демократической партии в Сан-Франциско, втайне надеясь, что в штаб-квартире партии, в этом гнезде боссизма, Талемани-холле у него не будет слишком много врагов. Съезд демократов открылся 28 июня 1920 г. в праздничной атмосфере зала, украшенного национальными флагами и огромным масляным портретом Вудро Вильсона. Но она вскоре была взорвана столкновением группировок, рассорившихся в ходе выдвижения кандидатов на пост президента США. Франклин поддержал кандидатуру своего старого знакомого, губернатора штата Нью-Йорк Альфреда Смита, выступив с речью, которую нельзя было, прослушав, забыть. Впоследствии Фрэнсис Перкинс, участвовавшая в работе съезда, писала: Рузвельт показал себя «одной из звезд в этом шоу. Каждый пожелал стать поближе к нему, Франклин же ухитрился быть отзывчивым, приятным и любезным со всеми до единого, кто оказывался рядом с ним» 29.

Лидирующие фигуры в партии заблокировали кандидатуру леволиберального Альфреда Смита, поддержав умеренного губернатора штата Огайо Джеймса Кокса, не замеченного в связях с непопулярной администрацией и негативно относящегося к непопулярной Лиге Наций. Но речь Рузвельта сделала свое дело. Когда на следующий день была запущена процедура выборов кандидата на пост вице-президента США, у него

неожиданно нашлось много сторонников, заявивших, что только имя Франклина Рузвельта, представлявшего штат Нью-Йорк, сделает список демократов сильным и сбалансированным. Судья Тимоти Энсберри, взявший на себя обязанность выдвинуть кандидатуру Рузвельта, сказал, обращаясь к съезду: «Молодой человек, чье имя я собираюсь предложить, по возрасту на три года старше тридцати пяти лет, требуемых по конституции... Но он за короткий период времени приобрел огромный опыт в качестве государственного деятеля... Его имя навечно вписано в американскую политику... Франклин Д. Рузвельт». Все остальные кандидаты отказались от выдвижения.

Тем временем, фактически находясь в состоянии полного временного отключения от источников информации, Элеонора вместе со своим «выводком» (пятеро детей Рузвельтов: Анна, Эллиот, Джеймс, Франклин и Джон. – *В.М.*) направлялась из Вашингтона на отдых в Кампобелло, маленький остров у северо-восточного побережья США, где семья владела летним домиком и участком земли. Все ее мысли были сосредоточены на возможности поскорее увидеть мужа. Она ничего не знала о результатах съезда демократов. Первое ошеломляющее известие по прибытии в Кампобелло она получила из телеграммы старика Дэниэлса. «Ваше сердце, – говорилось в ней, – преисполнилось бы радостью, видя спонтанный и восторженный взрыв одобрения, когда сегодня Франклин был номинирован в качестве претендента на пост вице-президента США. Выдвижение его кандидатуры сопровождалось бурными аплодисментами зала» 30.

Оставляя стены министерства военно-морского флота, Франклин ответил во всех отношениях достопримечательным, написанным от руки письмом, в котором не было ни капли самолюбования, но содержался глубокий смысл – итоговый взгляд на приобретенный у Дэниэлса жизненный опыт и предвосхищение будущего:

«Мой дорогой шеф!

Это не прощание – письмо мое и не может им быть после всех этих лет тесной совместной работы, и никакие написанные мною слова не смогут дать Вам лучше знать, чем Вы это уже знаете, как много значит для меня наше сотрудничество. Всю свою жизнь я буду вспоминать прошлое – не только место совместной работы, но, прежде всего, великолепный дух сотрудничества, с которым мы совместно одолели эти почти восемь лет. Вы преподнесли мне мудрые уроки, вынуждая меня оставаться на земле, когда я был близок к тому, чтобы взлететь за облака, и при всем при том никогда между нами не возникали ни серьезные конфликты, ни противоречия или недоверие.

И таким образом, по крайней мере частично, в качестве награды, которой Вы будете удостоены историей, я горд и более того счастлив тем, что смог оказывать Вам содействие. Я уверен, что мы будем сохранять это сотрудничество на годы вперед и, пожалуйста, позвольте мне обращаться к Вам за тем, чтобы иметь возможность получать от Вас заряд реального идеализма, честного служения и доброго американизма.

Итак, au revoir на время короткой разлуки. Остаюсь всегда с огромным уважением к Вам

Франклин Д. Рузвельт» 31

Главный горько-сладкий приз

В 1916 г. Америку накрыла эпидемия полиомиелита. Десятки тысяч смертей, большинство из них дети. Средства спасения были неизвестны. Рузвельты испытывали огромную тревогу за своих детей, стремились укрыть их в безопасных местах. Элеонора и Франклин понимали повышенную опасность и для них самих. Особенно это касалось Франклина. Он часто страдал простудными заболеваниями, а служебные обязанности вынуждали его много разъезжать по стране, подвергаясь опасности подхватить смертельно опасный вирус. Президентская избирательная кампания осени 1920 г. грозила особым

напряжением в силу того, что Демократическая партия начинала ее со слабых стартовых позиций, имея в качестве лидера (кандидата на пост президента) весьма невзрачного политика – Джеймса Кокса. Рузвельт иногда удачно, иногда неудачно стремился компенсировать невыразительность и консервативность своего партнера по списку демократов, но уже вскоре выяснилось, что республиканцы, опираясь на мощь крупного капитала и ослабление уз внутри прогрессистской коалиции Вильсона, последовательно набирают очки.

Призыв Рузвельта придерживаться твердой и последовательной внешней политики и «держат курс на закрепление организованного прогресса во внутренних делах» не находил необходимого отклика. Большинство населения возвращалось к политике изоляционизма, негативно относясь к «затее» с Лигой Наций, а страхи перед радикализацией рабочего движения, засильем «красных» сделали непопулярными прогрессистские лозунги. Антирадикальная истерия сделала свое дело. Воспользоваться падением влияния реформаторов и с целью закрепить успех их противников поспешили и ближайшие родственники, наследники Теодора Рузвельта. Его сын, Теодор Рузвельт-младший, разъезжал по стране «в хвосте агитационного поезда Франклина» и убеждал слушателей, что он (Франклин) не имеет права присваивать себе «бренд нашей семьи». Мать Франклина, Сара, умная женщина, не желая «влезать в политику», если ее спрашивали, почему ее сын так нелюбим остальными представителями именитого семейства, отвечала: «Может быть, потому, что мы внешне намного лучше выглядим, нежели они». Все понимали этот злой намек на лошадиный оскал Теодора Рузвельта, как нежелание Франклина изменять вильсонизму, несмотря на личные трения с угасающим президентом.

Франклин трудился самозабвенно, произнося тысячу речей, пожимая сотни тысяч рук, не щадя связок. Порой могло показаться, что доверие к Демократической партии возрастает, но когда его секретарь Марвин Макинтайр спросил, имеет ли он (Рузвельт) надежду, что список демократов и на этот раз победит, ответил: «Никаких иллюзий». А в письме английскому другу как бы в самооправдание своего участия в проигрышном деле написал: «...Какой бы ни был результат, эти выборы останутся для меня интересным опытом».

Рузвельт немного лукавил. Ему было совсем безразлично участие в общенациональной кампании. Он использовал его как трибуну для выражения суммы идей, которую он выработал в себе (в том числе и в общении с Дэниэлсом, Вильсоном и Брайаном) и с которой он не расставался до конца дней своих. Он имел, в частности, далеко идущие планы в отношении наделения вице-президента существенными дополнительными полномочиями. Но самым главным было выражение нового взгляда на политическое развитие страны в целом, которым он поделился со своими «единоверцами» по партии на церемонии формального провозглашения его кандидатом на пост вице-президента США. 9 августа 1920 г. в Гайд-Парке в присутствии пяти тысяч сторонников, ведущих лидеров партии, сидящих и стоящих под сенью старых дубов рузвельтовской усадьбы, Франклин Рузвельт делился своими «недозволенными» мыслями в ставшей в сущности глухой к реформаторству аудитории за пределами индустриального Северо-Востока. Он делал это в предвкушении будущего перелома в настроениях избирателей, хотя и подозревал, что успех 1916 г. демократам долго повторить не удастся.

«Некоторые люди последнее время заявляют: «Мы устали от прогресса, мы хотим вернуться туда, где мы находились до всех этих преобразований, вернуться к своему бизнесу, восстановить нормальные условия». Они не правы. Америка мечтает о другом... Добрые старые времена навсегда остались в прошлом. Мы должны двигаться вперед или застрянем надолго... Возможности Америки всем известны. Мы можем вести за собой мир, подавая ему великий пример... Демократическая программа предлагает улучшение жизни нашей стране, лучшую судьбу для ее народа. Это план надежды... Мы против засилья денег в политике, мы против частного контроля за национальными финансами, мы против обращения с людьми как с товаром, мы против контроля хозяев салунов над городами, мы против нищенских зарплат, мы против господства групп или клик. Мы точно так же против

возвращения состояния комы в нашу национальную жизнь...» Идея Лиги Наций не умрет, Соединенные Штаты обязаны ее поддержать 32. Определенно своей речью в защиту «реального идеализма» Рузвельт стремился отразить натиск нового республиканизма, играющего на популярности лозунга о возвращении к «нормальности», прерывании движения к переменам и возвращения классической политэкономии «твердого индивидуализма».

Однако республиканизм после непродолжительного послевоенного кризиса 1920–1921 годов, используя охвативший страну культ стяжательства, перенацелил ожидания большинства американцев на обогащение и потребительство, что по определению предполагало сужение и даже отмену важнейших пунктов социальной деятельности администрации 33. На этом негативном фоне, в условиях разброда Демократической партии и растущей непопулярности внешней и внутренней политики Вильсона, кумира партии в 1912–1919 гг., победа кандидата республиканцев У. Гардинга не могла вызвать удивление. Она была предопределена. Рузвельт отнес ее к циклической смене духовного подъема, вызванного войной, «разочарованием деструктивным критицизмом». Он хорошо запомнил то, что услышал из уст Вильсона: «Всякая война приносит после себя период материализма и консерватизма; люди быстро устают от идеалов, и мы сейчас только повторяем историю». Философское отношение к реальности успокаивало, но поражение было сокрушительным, оставив о себе горькие воспоминания и очень слабые надежды на реванш. Республиканцы завоевали 61 % голосов избирателей. Рузвельт проиграл в своем родном штате Нью-Йорк. Удар был очень сильным, заставлявшим задуматься о будущем. Что делать? Этим вопросом задавались все демократы. У Рузвельта был ответ. Он предсказывал, что демократы смогут провести своего кандидата в Белый дом не на следующих выборах, а только после очередной глубокой экономической депрессии, и уповал на то, что новая администрация не будет «сильно реакционной, что могло бы вызвать вспышку радикализма». Утешало только одно – молодость позволяла рассчитывать на возвращение в политику где-нибудь в далеком будущем, что, впрочем, больше было похоже на мираж.

Линия жизни, сделав зигзаг, вернула Франклина Делано Рузвельта, бывшего сенатора, заместителя министра военно-морского флота, бывшего кандидата на пост вице-президента США в частную жизнь. Сохранились старые связи, сложилась репутация, и Рузвельт возобновил партнерство в юридической фирме, работа в которой вызывала у него скуку и тоску. Пришлось обеспечить себе и запасные позиции – участие в деятельности крупного финансового учреждения со штаб-квартирой в штате Мэриленд – «Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд». Рузвельт был основательно измотан работой в министерстве военно-морского флота и особенно в ходе избирательной кампании 1920 г., когда ни о каком уединении с семьей невозможно было и мечтать, а «разоблачения» со стороны нанятых оппонентами профессиональных «расследователей» сыпались каждодневно, заставляя искать защиты у юристов. Хотелось отдохнуть, побыть с семьей и не слышать всех этих высказываний о вине Вильсона и всех остальных демократов в том, что, свергнув Америку в войну, они лишили страну продовольствия и одежды, о противозаконных действиях Дэниэлса и Рузвельта в управлении флотом и т. д. и т. п. Вошедший в силу «сухой закон» сделал тысячи бывших государственных чиновников-демократов объектом наблюдения для блюстителей нравственности среди газетных репортеров, политических оппонентов-республиканцев и прочих. Сведение счетов стало нормой.

Летний коттедж на живописном острове Кампобелло у берегов штата Мэн был вторым домом для Франклина Рузвельта. Здесь со своими детьми, окруженный, как правило, многочисленными гостями и добрыми соседями, он чувствовал себя беззаботным отпускником, предающимся любимой рыбалке, пикникам, катанию на яхте «Вирео», игре в теннис. Укрыться на время в этом убежище летом 1921 г. казалось Рузвельту пределом мечтаний. Ну, и попутно хотелось обсудить с гостившим здесь же Луисом Хоу перспективы и планы кампании по выборам губернатора штата Нью-Йорк осенью 1922 г. Чтобы быстрее добраться до Кампобелло, находившийся в Нью-Йорке Рузвельт с благодарностью

согласился с предложением президента «Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд» В. Блэка воспользоваться его большой яхтой «Сабало» и 5 августа 1921 г. отправился к побережью штата Мэн. Погода вскоре переменялась, океан заштормил, и капитан яхты, не знавший лоций прибрежных вод, передал руль Франклину, который простоял на мостике несколько часов, успокаивая пассажиров и рассказывая анекдоты. Только 7 августа «Сабало» прибыла в бухту Уелшиул, где и была встречена криками ликования семействами Рузвельтов и Хоу. Прямо здесь, на пристани, было решено завтра же направиться с детьми на рыбалку в устье Сан-Круа ривер, разбить там палаточный кемпинг. Но на следующий день Франклин решил отплатить владельцу яхты «Сабало» за гостеприимство организацией рыбалки вблизи побережья. Приготовления кончились тем, что, поскользнувшись на палубе, он упал за борт в воду. Она показалась ему ледяной. «Я никогда не чувствовал что-либо холоднее этой воды». Весь вечер 8 августа он чувствовал себя усталым и ломоту в ногах, что он объяснил рецидивом люмбаго. 10 августа Франклин в сопровождении Элеоноры, старших сыновей Элиота и Джеймса отправился в дальнюю прогулку на яхте «Вирео». По пути обнаружили очаг лесного пожара на одном из прибрежных островов. Нарвав зеленых веток с деревьев, два часа тушили пожар. Высадившись, наконец, на берег, усталые, прокопченные дымом от пожара, дети приняли предложение Франклина пробежать километра два и выкупаться в прозрачных, холодных прибрежных водах, а затем в мокрых купальниках таким же образом вернуться домой. Ноги по-прежнему ломило, но, когда ему передали утреннюю почту, Франклин, не меняя влажного купальника, уселся смотреть ее.

Через полчаса Франклин почувствовал серьезное недомогание: жар, отсутствие аппетита, необычное для себя чувство усталости. Он поднялся к себе в комнату и постарался уснуть. Проснувшись следующим утром, он понял, что его левая нога утратила чувствительность. Рузвельт пытался вернуть ее движениями, но вскоре отказалась слушаться и правая нога. Первый контакт с местным врачом ничего не дал. Тот вынес диагноз – простуда. Но на следующий день Франклин не смог стать на ноги без посторонней помощи. Единственный на острове телефон ограничивал поиски медицинской помощи. Позднее Франклин признавался другу, что на какое-то время он потерял веру в Бога, который, как это было прежде, благоволил ему, а теперь повернулся спиной. 15 августа, как вспоминала Элеонора, Франклин «потерял голову», и, хотя психическое состояние последнего вскоре улучшилось, общее положение подтверждало худшие опасения. 25 августа 1921 г. консилиум врачей, собравшийся в Кампобелло, вынес приговор: Франклин Рузвельт болен полиомиелитом.

Моментально общение Франклина с внешним миром, согласно принятым тогда правилам, было прекращено. Лишь Элеонора и Луис Хоу, героически несшие вахту у его постели в качестве медсестры и медбрата, знали о причине столь странного и внезапного ухода молодого, сильного и энергичного политика в полную изоляцию. Хоу, организовавший переезд Франклина в Нью-Йорк, постарался держать все, что произошло после 10 августа, в секрете от прессы с тем, чтобы свести до минимума ущерб для политического будущего Рузвельта. Младший Франклин, сын Рузвельта, увидел его в последний момент перед транспортировкой в поезд, идущий из Истпорта на юг, в Нью-Йорк. Он вспоминал, как отец помахал ему рукой, а его лицо озарилось знаменитой солнечной улыбкой. «Поэтому я решил, что он не может быть сильно болен» 34.

Мальчик не мог знать, что положение отца почти безнадежно. Врачи даже опасались, что он станет источником массового заражения на побережье. Известный специалист д-р Ловетт на свой страх и риск выдал сопровождавшему Рузвельта Хоу сертификат, удостоверяющий, что в течение месяца больной не опасен для окружающих, и с этим документом Рузвельт 13 сентября проделал путь на носилках с острова Кампобелло в Нью-Йорк. Сначала на моторной лодке до Истпорта на побережье штата Мэн, затем в багажном вагоне поезда с пересадкой в Бостоне до Нью-Йорка. Конечным пунктом этого мучительного путешествия стало отделение ортопедии госпиталя Пресвитерианской церкви. С этого момента, как писала Элеонора, началось «испытание огнем». В жизни и политической

биографии Франклина Делано Рузвельта открылась фаза, в которой слились воедино трагическое и героическое. В этом с первых дней могли убедиться все. Мать Франклина, Сара, узнавшая со слов Элеоноры о его «очень серьезном заболевании» только после возвращения из Европы, где она навещала родственников, приехала на Кампобелло 31 августа 1921 г. и застала атмосферу «всё как обычно». Она писала сестре: «Франклин и Элеонора сразу же решили выглядеть жизнерадостными, и потому атмосфера в доме безоблачная, я следую их прекрасному примеру» 35. Врачи и, главное, он сам первое время поддерживали надежду на то, что болезнь отступает и что вскоре ему (Франклину) будет позволено вернуться к делам. Но в конце сентября 1921 г. врачи констатировали, что восстановление идет очень медленно. Сохранялись сильные мышечные боли и неподвижность конечностей. Стал очевиден пугающий разрыв между неутешительными прогнозами врачей и необычным по меркам врачебного опыта оптимизмом пациента. Через три недели пребывания в клинике Рузвельт настоял, чтобы преданная ему секретарь Мисси Лехэнд каждодневно помогала разбирать ему почту, записывала его диктовки и отвечала на телефонные звонки.

Посетителей в его палате становилось с каждым днем все больше. Друзья, журналисты, деловые партнеры, коллеги по государственной службе, политики, Джозеф Дэниэлс, бывший министр военно-морского флота, одним из первых получил разрешение наведаться в палату Рузвельта. Вид парализованного бывшего заместителя привел его в состояние сильнейшего душевного расстройства. Франклин, увидев это, наградил старика сильным толчком и, смеясь в изумленное лицо Дэниэлса, сказал: «Вы рассчитывали увидеть инвалида, а я могу в первой же схватке свалить вас с ног!»

Источником мужества Франклина, пишет его современный биограф, были более сложные причины и мотивы, нежели только желание не видеть в глазах своих собеседников жалости, сочувствия или пример «дяди Тедди», храбро сражавшегося с хищниками и нередко страдавшего от их когтей и зубов. «Частично это было связано с верностью стандартам его времени и класса. «Дети тогда воспитывались иначе, чем теперь, – сказала как-то кузина Франклина Лаура Делано журналисту, взявшему у нее интервью и выпрашивающему о состоянии духа Франклина. – Вы просто никогда не должны были говорить, что вы больны. Я всегда думаю, что это было хорошей тренировкой для Франклина, когда он обезножил, он никогда не жаловался. Вы как-то просто не замечали то, что он частично парализован». Свойство привитого стоицизма было особенно типично для детей семьи Делано (к этой семье принадлежала мать Франклина – Сара. – *В.М.*). Франклин был с детства воспитан являть миру внешнюю невозмутимость, т. е. всегда казаться «очень приятным... или иначе всегда ясным и счастливым», как говорил об этом его дед со стороны матери Делано. Не хныкать, не волноваться, быть невозмутимым» 36.

Франклин вышел (или лучше сказать был вывезен) из клиники 28 октября 1921 г., пробыв на больничной койке 6 недель. В его истории болезни было записано «без улучшений». Местопребыванием семьи стал их дом в Нью-Йорке на Ист 65 Стрит. Утром 1 декабря Франклин приступил к ежедневному интенсивному тренингу по методу дипломированного врача-физиотерапевта Кэтлин Лейк. Вскоре окружающие (в особенности дети) перестали видеть в нем неподвижного, немощного затворника самой нешумной комнаты в доме. Тактика Элеоноры и Луиса Хоу способствовала этому. Оба они решили, что никогда не будут общаться с Франклином как с инвалидом и отгораживать его от внешнего мира, его радостей и злоключений.

Избранная тактика себя оправдала. Довольно быстро Франклин втягивался в привычный для него ритм жизни, отдавая массу времени физкультуре. И для начала он возобновил свою переписку с лидерами Демократической партии о ее будущем и убедился, что он не только не забыт, но и интересует всех как возможный кандидат на выборах в сенат конгресса США. Вернувшееся ощущение, что его, как выразился верный Хоу, «активный ум» востребован, придавало дополнительные силы, несмотря на возвращающуюся боль и множество неудобств, с которыми приходилось сталкиваться ежеминутно. Невероятным

усилием воли Рузвельт приучил всех, что он может обойтись без жалоб, каких-либо дополнительных просьб и услуг. С железной последовательностью он вновь возвращал знакомый распорядок и в семейный быт. Он вернулся к своей знаменитой коллекции марок, к строительству движущихся макетов судов, участию в соревнованиях и подведении их итогов, собиранию картин маринистов, к чтению. Прочитав ставшую очень популярной книгу Герберта Кларка Гувера «Американский индивидуализм», он послал автору комплиментарное письмо-отзыв.

Первый опыт использования им стальных протезов, позволявших периодически вставлять на ноги 37, ознаменовался возвращением к работе в «Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд». Он прервал свое партнерское участие в юридической фирме «Эммет, Марвин и Рузвельт» и через пару месяцев стал одним из учредителей большой, доходной венчурной компании, действующей в сфере корпоративного бизнеса. Его избирают президентом Строительного совета Америки. И хотя бизнес и деятельность корпоративного юриста отнимали массу времени и сил, политика обладала особым притяжением и особо важным полем деятельности в глазах Рузвельта. С помощью своего маленького штаба – Элеонора, Луис Хоу и личный секретарь Маргарита Лехэнд – он вошел в контакт с местными организациями и клубами Демократической партии посредством личных писем и обращений. В них он излагал принципы партийной перестройки, в которых настаивал на сохранении правительства США вне контроля «профессиональных денежных воротил», критиковал республиканцев за их убеждения в том, что законы «существуют только для того, чтобы делать людей богатыми без учета интереса большинства народа в построении процветающей и счастливой страны», и убеждал своих единомышленников по партии, что она должна оставаться верной «принципам прогрессивной демократии», избегая крайностей радикализма. Луис Хоу искусно играл роль компаньона, секретаря, телохранителя, устроителя дружеских вечеринок и угощений с коктейлями.

К началу избирательной кампании по выборам президента в 1924 г. Рузвельт, оставаясь еще преимущественно ограниченным в передвижении, играл уже заметную роль в определении стратегии своей партии, подборе и выдвижении кандидатов на различные выборные посты. Он был членом попечительских советов многих университетов. Влияние «отшельника» из Гайд-Парка чудесным образом получило последовательное распространение: через прессу, радио, заочное присутствие на партийных собраниях (об этом позаботились Луис Хоу и Элеонора), благотворительных мероприятий, публичных диспутах о нем и его позициях узнавали десятки и сотни тысяч людей. Используя дружеские отношения Л. Хоу с профсоюзами, он поддерживал с ними оживленные связи. Публичная деятельность Элеоноры в женском движении помогала не выветриваться имени Рузвельта из сознания людей. Важную роль играла информация о стараниях Рузвельта растормошить публику в связи с угрозой распространения полиомиелита и активизацией поиска средств борьбы с этим опасным заболеванием. Когда в начале 1927 г. врачи-ортопеды официально заявили о благотворном действии теплых геотермальных источников в штате Джорджия и рекомендовали создать постоянный медицинский центр в местечке Уорм-Спрингс, Франклин Рузвельт и Луис Хоу немедленно включились в кампанию по сбору средств по всей стране для строительства небольшого курорта со всей инфраструктурой (бассейн, гостиничный комплекс, дороги и т. д.). Рузвельт, находясь в Гайд-Парке, осуществлял руководство организационной деятельностью: сбор пожертвований, набор персонала, строительство и т. д. А после завершения всех мероприятий он стал почетным членом общины больных, живым, вдохновляющим примером стойкости и веры в исцеление. Самим своим присутствием, общением с мужчинами, женщинами и детьми, прогулками в специально оборудованном для него паккарде с открытым верхом, заразительным оптимизмом, игрой в ватерполо Рузвельт вселял веру в то, что страшная болезнь может отступить. Пресса время от времени оповещала страну о прогрессе благородного начинания предприимчивого «старого доктора Рузвельта». Благодаря твердой дружбе с владельцем «Фиделити» Ван Лир Блэком он оставался в платежной ведомости компании.

В политике фортуна стала, кажется, более приветливой к Франклину накануне президентских выборов 1924 г. Разумеется, он не мог претендовать на выдвижение кандидатом любого уровня, да и в целом шансы демократов были невелики. Коррупционный скандал, в котором оказался замешанным У. Мак Аду, один из лидеров партии, заставил обратить внимание на Рузвельта, как на самую популярную фигуру в партии, не связанную интригами и распрями. По оценке большой прессы, фактически у него не было соперников на съезде в 1924 г. А еще один нокаут, сваливший новоиспеченного кандидата демократов уолл-стритовского юриста Дж. Дэвиса, недобравшего осенью того же года на выборах и 30 % голосов, укрепил Рузвельта в убеждении, что «просперити», высокие заработки в стране и стабильный рынок делают невозможным для демократов выплыть против течения и вновь стать у руля страны. Наступала полоса ожидания.

Рузвельт сознательно уклоняется от разных лестных предложений, но продолжает слать циркулярные письма, в которых излагает свое видение ситуации и тактики партии в условиях преобладающей прореспубликанской, антиреформистской атмосферы, многочисленных легких способов обогащения. И в своих письмах он излагает нечто подобное платформе партии: «прогрессивная демократия», отказ от доверия ультрарадикализму, отклонение неапробированных политических теорий, расширение ответственности правительства в условиях «усложнения современной цивилизации» и с целью предотвращения злоупотреблений и воровства. В своем обращении к съезду демократов в 1926 г. в качестве его председателя (что ни для кого не было удивительным) Рузвельт вновь говорил об особой ответственности государства перед лицом усложняющихся национальных проблем. Он пессимистически смотрел на шансы партии в стране в разгар увлечения «сверхматериализмом», но, говоря о всеобщей боязни идеализма, предвидел время, когда страна начнет прислушиваться к идеям, которые не будут уже звучать чисто «материалистически». Но нельзя поддаваться горячности и нетерпению. Выборы президента в 1928 г. (истекал второй срок пребывания в Белом доме республиканца Калвина Кулиджа) не сулят ничего хорошего демократам. Слишком рано. «Я не вижу возможным избрание демократического президента раньше 1932 г.», – писал он одному из своих корреспондентов 38.

И вот первый звонок. Ощущение накопления отрицательных факторов в экономике США, ее общего неблагополучия вопреки внешнему процветанию все усиливалось по мере приближения к очередному рубежу – выборам президента в 1928 г. Рузвельт высказал свое видение ситуации в речи в связи с выдвижением им кандидатуры Альфреда Смита 27 июня на съезде демократов в Хьюстоне. «Америка нуждается в поводе, – говорил он, – вознице, который выведет ее на дорогу и сумеет избежать гибели в бездонном болоте грубого материализма, поглотившего многочисленные великие цивилизации прошлого, который обладает волей к победе и который не только заслуживает успеха, но и умеет добывать его» 39.

Эффект от речи Рузвельта, как свидетельствовала пресса, был огромен. Может быть, это обстоятельство подтолкнуло Рузвельта наконец принять предложение партийных «капитанов» баллотироваться на пост губернатора штата Нью-Йорк. Оказалось, что его согласие было получено в нужное время и, несмотря на страхи Луиса Хоу, при обстоятельствах весьма благоприятных для его босса. Ценой вопроса были только отказ от режима, предположительно обещавшего восстановление подвижности, и от поддержки лидеров партии (в том числе и А. Смита) на предполагаемых где-то впереди выборах президента, когда, как пишет биограф, «придет его очередь бороться за главный приз» 40. Тяжелые размышления закончились решительным выводом. «Если ты живешь в политике, – объяснял Рузвельт свое решение принять вызов сочувствующему ему шоферу, – ты должен играть по правилам игры».

Вечером 6 ноября 1928 г. были обнародованы предварительные результаты голосования по выборам президента и губернатора штата Нью-Йорк. Повсеместно Альфред Смит потерпел сокрушительное поражение. Рузвельт и его семья ждали похожей участи в

штаб-квартире кандидата в отеле «Билтмор» в Нью-Йорке. Утренние газеты 7 ноября готовились к рассылке с заголовками на первых полосах, возвещающих о поражении кандидатов-демократов. Убедившись в преобладании отрицательных результатов в информации с мест и предчувствуя печальный для себя финал, Рузвельт отправился домой спать. В 2 часа ночи телефонный звонок из штаб-квартиры разбудил его, заставив подумать о гонцах беды. Он отказался разговаривать и повесил трубку. В 4 часа утра его доверенные лица в отеле «Билтмор» объявили прессе, что подсчет голосов, поданных на выборах губернатора, закончился с небольшим преимуществом для Франклина Делано Рузвельта.

Глава II

«Мы должны быть партией либеральных принципов, спланированных действий, просвещенного подхода к международным делам...»

Расчетная точка. Паника

Существует мнение (в том числе и очень серьезных историков), что Рузвельт после катастрофы в августе 1921 г. с точки зрения интеллектуальной активности долго оставался в состоянии ухода от реальности, частичного анабиоза, предпочитая заниматься восстановлением своих физических сил, мускулатуры и общей подвижности. Мы могли увидеть, что это далеко не так. Для себя как политика он выстроил поведенческую модель, базирующуюся на представлении о цикличности избирательных предпочтений в зависимости от подъемов и спадов уровня благополучия нации. Он много раз приватно говорил об этом, как это он сделал в письме Уилларду Солсбери в конце декабря 1924 г.: «В 1920 году... я как-то заметил... что не верю в возможность демократов снова победить на национальных выборах, пока республиканцы не ввергнут нас в серьезный период депрессии и безработицы. Я все еще думаю, что этот прогноз себя оправдывает...»¹

Если отвлечься от данных экономической статистики в более широком смысле, Рузвельт полагал, что внутренняя нестабильность в стране неизбежно возрастет ввиду быстро меняющейся и не находящей адекватного понимания ситуации в структуре производства, отраслевом балансе, демографии, социальном укладе нации. С конца XIX в. ведущей тенденцией в стране стало изменение, все ускоряющиеся трансформации в некое непривычное внутреннее переплетение новых факторов риска, которые необходимо внимательно отслеживать с тем, чтобы быть готовым адаптироваться к ним. Особо показательно в этом отношении было его выступление в Мильтоновской академии в Массачусетсе перед выпускниками, в котором он говорил о наступлении эпохи глобальных перемен и необходимости встретить ее вооруженными новым мышлением и даже новыми ценностями. Проблемы мира, заключил Рузвельт, возникли по большей части стараниями тех, кто боится перемен, а не тех, кто стремится к революции... «В правительстве, в науке, в промышленности, в художественном творчестве бездеятельность и апатия являются самыми большими нашими потенциальными врагами»². Изданная отдельной брошюрой, речь Рузвельта была названа «Куда держать путь?». Всем было ясно, о чем идет речь. В конце концов, американцы и на пике «процветания» 20-х годов ощущали, что невиданное накопление несметных богатств на одном полюсе и бедности – на другом, внедрение культуры финансовых спекуляций чревато экономическим коллапсом, провалом, неуправляемостью социальной жизнью, безработицей.

Но вслух устои американского благополучия 20-х годов не подвергали сомнению внушаемые пропагандой потребительства обыватели. Могло ли быть иначе в годы правления Калвина Кулиджа, самого молчаливого президента США, который ровно за год до полного краха национальной экономики торжественно заверил конгресс, «что страна может оценивать настоящее с чувством удовлетворения и смотреть в будущее с оптимизмом»?³

Популярность правых консерваторов в современной нам Америке служит поводом для похвалы в адрес «эпохи Калвина Кулиджа», поминания ее в прессе и речах как вершины свободной от правительственного участия экономики, давшей богатство одним и достаток другим. Упор делается на мировых рекордах обогащения королей бизнеса и финансовых олигархов, хотя по большей части это обогащение происходило на базе войны, обеспечения монополиями США ведущих позиций в мировой хозяйственной системе за счет конкурентов США, обескровленных и обессиленных Первой мировой войной, послевоенной разрухой, застоєм и внутренними политическими кризисами. Не все, разумеется, так безнадежно серо. Большинство американских историков и экономистов (и среди них много весьма умеренных по своим убеждениям) считают «эру процветания» самым большим провалом в истории государственных институтов США, тем не менее приверженцы идеи антистейтизма и неограниченного, бесконтрольного верховенства бизнеса во всех без исключения сферах социально-экономической жизни нации стоят на своем, стесняясь прибегать к рузвельтовской риторике. Рональд Рейган, например, заявлял, что в годы деятельности администрации К. Кулиджа США «пережили, возможно, самый большой подъем процветания за всю свою историю» 4. Он ничего не сказал о том, на чем держалось это процветание, что же это за феномен, если иметь в виду общество в целом, и, что еще более важно, какое безрадостное «рандеву с судьбой» ожидало страну в конце десятилетия жертвоприношений бизнесу и делания денег из воздуха.

Спору нет, осуществив благодаря золотому дождю военных прибылей широкую технологическую модернизацию, американская экономика сделала огромный рывок вперед, оставив позади весь остальной мир. Производительность труда возросла на порядок. Промышленные рабочие в 1930 г. трудились в полтора раза эффективнее, чем в 1908 г. За 1923–1929 гг. производство стали возросло с 49 млн до 61,7 млн т; добыча нефти – с 732 млн до 1007 млн баррелей; производство электроэнергии – с 71,4 млрд до 116,7 млрд кВт·ч 5. Были созданы новые отрасли и новые звенья инфраструктуры, превратившие, точнее сказать, преобразовавшие старые ценности в новую потребительскую мораль (консюмеризм), которая стимулировала, в свою очередь, индустрию досуга и рекламы, ставшую неотъемлемым атрибутом фундаментальных перемен в экономике.

Но ни один продукт промышленного производства не символизировал столь же полно и выразительно революцию в бытовой культуре, как это сделал автомобиль. Именно с его производством были в большей степени связаны высокие темпы экономического роста в целом и благополучие доброго десятка других отраслей промышленности, стабильность товарооборота, размах дорожного строительства. В геометрической прогрессии выросло число рабочих мест в отраслях массового производства.

Небывалая предпринимательская лихорадка и спекулятивная горячка на фондовых биржах, поощряемые правительственным оптимизмом, в сознании многих людей создавали ложное впечатление, будто привычные опасности капиталистического цикла позади, процветание нескончаемо, что в Америку уже никогда не вернуться кризисы, массовые банкротства, нищета и голод, а вместе с ними классовая рознь, социальные конфликты. Средства массовой информации, исследовательские центры бизнеса усердно культивировали эти иллюзии, утверждая, что в экономике США действуют новые экономические законы и новая индустриальная этика, позволявшие говорить о неповторимости «Американского пути». Концепция развития «нового, специфически американского типа цивилизации», гармонически сочетавшего в себе возможности ничем не ограниченной капиталистической конкуренции и социального партнерства, культ техницизма и нового просвещенного менеджмента, была возведена в ранг официальной идеологии, персонифицировалась в облике министра торговли в администрации К. Кулиджа – Герберта Кларка Гувера. Судьба не просто уготовила ему стать будущим президентом, она отняла у всех его оппонентов малейший шанс завоевать доверие американцев.

Корпоративный капитал захватил командные позиции в экономике и политике. Его агрессивная наступательность по всем линиям привела к свертыванию мелкого и среднего

бизнеса, многих учреждений, призванных оградить общественные интересы от своекорыстных посягательств со стороны денежных магнатов, к росту консервативных настроений среди широких масс населения, оглушенных критикой в адрес «Большого правительства» и «Больших профсоюзов» и поверивших рекламе «нового капитализма». Одним из основных принципов политической философии «крайнего индивидуализма» было противодействие любым нововведениям, неугодным и не санкционированным крупным «ассоциированным» капиталом. «Это был период, – писал видный американский историк А. Линк, – почти уникальный благодаря необыкновенно сильной реакции против идеализма и реформ» 6.

Особо тяжелый урон в результате спада общедемократического движения и подавления социально-критической мысли понесло рабочее движение, накануне и в годы Первой мировой войны ставшее важным фактором гражданского общества. Лишенное динамического руководства, разобщенное и скованное установками профсоюзного экономизма в его наиболее крайних проявлениях («простой и чистый тред-юнионизм»), политически зависимое от двухпартийной системы, ослабленное полицейскими репрессиями и травлей в годы «красной паники» (1917–1920 гг.), поверившее в наступление эры «капитализма всеобщего благополучия» и «естественной гармонии интересов», рабочее движение США переживало период затяжного спада и деморализации. Прогнозы на будущее даже со стороны сочувствующих наблюдателей из числа либеральных аналитиков не сулили ему ничего утешительного: данные свидетельствовали об уменьшении числа организованных в профсоюзы рабочих. Казалось, «рабочий вопрос» был снят с повестки дня окончательно. Как найти верные ориентиры, какой путь избрать – вот чем были заняты мысли тех немногочисленных групп рабочих радикалов, которые и сами порой не верили в то, что они могут еще кому-то пригодиться.

Правительственный курс республиканцев, взявших «штурмом» Белый дом и конгресс, в 1921–1933 гг. в целом как нельзя лучше отвечал всем самым далеко идущим вождениям деловых кругов, в особенности их лидирующих группировок. Поклонение политической экономии Адама Смита, ничем не ограниченной стихии рыночных отношений, свободной от прямого правительственного регулирования и контроля, стало краеугольным элементом экономической стратегии федерального правительства Гардинга и сменивших его Кулиджа и Гувера. Самой популярной в вашингтонских департаментах была установка, выраженная в лаконичной формуле: «Предоставьте бизнес самому себе, а он позаботится о вас». Разумеется, ее не следовало понимать упрощенно, т. е. в том смысле, что участие государства в экономической жизни объявлялось в корне недопустимым, но единственно, где признавалась активная его роль, так это в фискальной политике, в сфере охранительной деятельности и контроля за иммиграцией.

Бизнес был заинтересован в жестком правительственном контроле за всеми формами свободомыслия, включая расовые, индустриальные отношения, воспитание молодежи и в интеллектуальной деятельности. Рост антиевропеизма и клерикального фундаментализма привел к деформации духовной жизни общества, вызвав многие негативные последствия. Социалистические течения почти полностью исчезли со сцены. Фактически распалось и прогрессистское движение, выступавшее длительное время влиятельной общественной силой и ставшее инициатором многих преобразований. Лишившись поддержки со стороны рабочего и фермерского движения, оно сбилось на повторение старых лозунгов и незаметно оказалось на обочине общественной жизни, в изоляции от ее главного русла. Беспорядочное отступление либерализма под натиском консервативной ортодоксии приводило к утрате им почти всех главных позиций на верхних и средних этажах государственного здания. Никто не мог поручиться, что прогрессивная демократия когда-либо вновь сможет играть заметную роль в определении общего вектора общественного развития, не говоря уже о правительственном курсе.

Замешательство среди либералов усиливалось по мере того, как Демократическая партия, еще недавно, казалось, склонявшаяся к идее превращения в партию умеренно-

популистского толка, резко свернула вправо, публично объявив устами своих лидеров, что она не меньше республиканцев озабочена, как создать лучшие условия для процветания монополистической верхушки общества и не слишком озабочена положением тех, кто находится у подножия социальной пирамиды. В конце 20-х годов новоявленный председатель Национального комитета Демократической партии (сам вчерашний республиканец) миллионер Джон Раскоб заявил, что вся разница между двумя главными партиями лишь в том, что демократы были «мокрыми», т. е. стояли за отмену сухого закона, а республиканцы – «сухими», т. е. против такой отмены.

Так же решительно (по существу, но не по форме), как и республиканцы, отмежевываясь от европейского свободомыслия и обещая стране «окончательно» ликвидировать последние следы бедности, демократы, формально не порывая с традициями «вильсонизма», все же несколько под иным углом зрения смотрели на происходящее за пределами США. Они не позволяли ослепить себя безрассудной верой во всемогущество Америки, способной якобы в одиночку, не связывая себя никакими обязательствами и опираясь на экономическую мощь и превосходство силы, не только реализовать собственные имперские амбиции, но и одновременно обеспечить повсюду выгодный США баланс сил. Сохраняя верность постулату В. Вильсона о мессианской роли США и об абсолютных преимуществах «Американского пути», демократы противопоставили заскорузлomu изоляционизму республиканцев концепцию активного вторжения в международные дела в интересах утверждения многостороннего влияния Вашингтона на ход мирового развития. В этом они видели основное условие укрепления нового миропорядка, а вместе с тем и эффективное средство «сдерживания революции». По-своему демократы более трезво оценивали главные тенденции мирового развития, более чутко улавливая пульс времени и содействуя пониманию американцами той роли, которую Америка, хочет она этого или не хочет, должна играть в изменившемся мире.

Сокрушительное поражение на президентских выборах в 1920 г. не означало, что партия начисто утратила надежду взять реванш в будущем. Пессимизм, овладевший большей частью руководства партии, не затронул честолюбивой группы молодых политиков, среди которых выделялся бывший заместитель военно-морского министра в администрации Вильсона и кандидат демократов на пост вице-президента в 1920 г. Франклин Делано Рузвельт. Энергичный, буквально на ходу улавливающий изменения обстановки и легко приспосабливающийся к ней, беззаветно верящий в свою звезду, Рузвельт в «просвещенных» кругах финансово-промышленного капитала Северо-Востока вызывал неподдельный интерес. В нем видели воплощение всех добродетелей либерализма той его разновидности, которую представлял Вильсон, но сдобренного большой дозой прагматизма в духе новой предпринимательской морали, как ее понимал Теодор Рузвельт.

Еще до победы на губернаторских выборах осенью 1928 г. после длительного пребывания в тени Рузвельт делает первый осторожный и одновременно рискованный шаг в новом туре борьбы за национальное признание. Те, кто поддержал Рузвельта, бросившего вызов республиканцам, разделяли его глубокие убеждения, что удар следует нанести там, где позиции противника слабее всего. Мишенью был избран внешнеполитический курс правящей партии, выглядевший явным анахронизмом, вступивший в противоречие с самим здравым смыслом. До того крайне редко выступавший в печати, Рузвельт принялся за написание статьи для журнала «Форин афферс» с целью, как он отмечал, «дать представление о точке зрения демократов на внешнюю политику США»⁷. Чувствуя, однако, себя не вполне подготовленным к выполнению такой задачи, будущий президент обратился за советом к многоопытному Норману Дэвису, видному американскому дипломату, стороннику «либерального интернационализма» Вильсона. Рузвельт просил его набросать краткий конспект внешнеполитической платформы демократов, из которого затем можно было бы «вытесать» нечто цельное, нешаблонное и внушительное. Акцент, как полагал Рузвельт, следовало при этом сделать на выявлении пороков республиканизма, чреватых в будущем неизбежными серьезными провалами для дипломатии США.

Н. Дэвис откликнулся обстоятельным письмом, в котором весьма определенно была прописана линия размежевания между республиканской доктриной и позицией демократов. Опытный профессиональный дипломат резко, в частности, критиковал республиканцев за их нежелание использовать возможности Лиги Наций и чванливое третирование ими приемов традиционной дипломатии. Он не рекомендовал кандидату демократов (кто бы он ни был) немедленно и открыто ставить вопрос о вхождении в Лигу Наций по причине изоляционистски настроенного общественного мнения страны, но считал важным объявить о том, что демократы «стоят за сотрудничество с другими странами мира в искренних усилиях, направленных на устранение войн и сохранение мира» 8. Невежество и неискренность республиканцев, по мнению Дэвиса, завели во многих случаях в тупик внешнеполитический курс Вашингтона. И самые печальные последствия это имело для отношений США с латиноамериканскими странами. Дэвис считал, что, пока не поздно, Соединенные Штаты должны сменить тон и предстать в глазах своих многочисленных южных соседей эдаким добрым родственником или соседом, воплощением миролюбия и бескорыстия. «Я думаю, – писал он, – было бы хорошо для нас заявить, что мы желаем взаимовыгодных отношений дружбы, равноправных и прибыльных торговых контактов с близкими нам латиноамериканскими республиками. Нам следует прекратить вмешательство в их внутренние дела, которое обернулось массовыми убийствами американскими солдатами так называемых мятежников, и другие виды несанкционированных вторжений, как это было в случае с Никарагуа».

Рузвельт был в восторге от этой шпаргалки. Скроить из нее статью, обещанную им журналу «Форин афферс» и призванную, как он мыслил себе, быть внешнеполитическим манифестом Демократической партии, не составляло труда. И то, что появилось в июльском номере за 1928 г., имело ярко выраженную антиизоляционистскую окраску и напоминало прямой вызов внешнеполитическим принципам республиканской администрации. Сказав о том, что в истории Америки были периоды, когда ее политическое руководство подавало цивилизованному миру пример доброй воли и миролюбия, Рузвельт тут же отметил, что с победой республиканцев летом 1919 г. на выборах в конгресс США «сделали очень мало или ничего не сделали» для решения острых проблем, с которыми столкнулось мировое сообщество после Великой войны и Версаля. Удивив многих, кто был знаком с его политической карьерой, Рузвельт обрушился на программу возобновления военно-морского строительства, начатого республиканцами («в поражающих масштабах») 9, обвинив их в подрыве «принципов мира» в связи с отказом от сотрудничества с Лигой Наций и Международным судом. Автор статьи на этот раз не высказывался за вступление в Лигу Наций, но в духе наставлений Дэвиса ратовал за более активное участие во всех начинаниях этой международной организации.

В той части статьи, где говорилось о политике Соединенных Штатов в Латинской Америке, Рузвельт заявил о невозможности для США в сложившихся условиях, не считаясь ни с чем, выполнять присвоенные ими самими жандармские функции на континенте. По-своему развивая идеи Дэвиса, Рузвельт предлагал использовать здесь новые, более соответствующие изменившейся обстановке методы, с тем чтобы удержать «братские страны» в орбите влияния США. «Пришло время, – писал он, – когда мы должны следовать... новому, улучшенному стандарту поведения в международных отношениях». Рузвельт считал, что лишь в случае, когда южные соседи окажутся охвачены внутренними потрясениями, США должны прийти им на помощь для восстановления порядка и стабильности. «Но, – говорилось далее в статье, – Соединенные Штаты не могут и не должны ссылаться на свое право или обязанность прибегать к интервенции без согласования с другими странами региона. Обязанностью США является совместное с другими латиноамериканскими республиками изучение проблемы и, если условия того требуют, предоставление помощи (либо в одностороннем порядке, либо вместе с другими странами) от имени всей Америки. Политике вмешательства во внутренние дела других государств на основе односторонне принятого решения должен быть положен конец; в сотрудничестве с

другими странами мы обеспечим больше порядка в нашем полушарии...» 10

Итак, «дипломатия канонеров» должна стать более улыбочивой и более... коллективистской, добрососедской. Ведь чрезмерное упование на право США осуществлять единоличный диктат в отношении южных соседей роняет репутацию Вашингтона и не приносит успеха усилиям, направленным на сохранение старых авторитарных режимов. Гибкая же тактика придаст лику внешней политики и дипломатии США благопристойные черты, более соответствующие демократическим тенденциям в международной жизни, укореняющимся с 1917 г. Разве не этого хотел В. Вильсон? Рузвельт был очень доволен своей работой. Она заставила говорить о себе как о новом слове в подходе к политике в целом, хотя консерваторы в обеих партиях и пытались замолчать саму тему внешней политики, упирая больше на «триумфальную поступь» материального преуспевания страны и на фантастические способности большого бизнеса без чьего-либо вмешательства решать любые проблемы, усмиряя с помощью инвестиций, подкупа и внутренних расколов сопротивление диктату ассоциированного капитала.

А между тем эти самые проблемы продолжали накапливаться незаметно для ослепленных эффектами внешнего благополучия экономических прорицателей нескончаемого капиталистического «процветания». Впрочем, стало ли оно реальностью для большинства трудового населения Америки? Факты показывают, что на этот вопрос ответ Рузвельта был отрицательным. Диспропорции в экономике сохраняли и после первого послевоенного экономического кризиса 1920–1922 годов очень острой проблему занятости и потребления. Безработица и в «хорошие времена» буквально по пятам преследовала рабочих многих отраслей, положение которых оставалось неблагоприятным, а иногда и просто бедственным. Гарантией сохранить рабочее место никто из них похвастаться не мог, а вот опасность оказаться без работы и без поддержки со стороны общества в течение нескольких месяцев, а то и нескольких лет подстерегала каждого. Точное число безработных установить было трудно: учет был весьма несовершенным. Но выборочные данные показывают, что в разгар «процветания» безработица почти никогда не опускалась ниже 4 % численности занятых в различных отраслях экономики помимо сельского хозяйства 11.

В 1929 г. один из популярных общественно-политических журналов США опубликовал статью председателя Национального комитета Демократической партии Джона Раскоба под названием «Каждый должен быть богатым». Однако статистика беспощадно развенчивала эти, по-видимому, не очень искренние призывы. В самом распределении доходов содержался ответ на вопрос о том, устранима ли бедность и классовая дифференциация в Америке. Согласно данным Института Брукинга, доход верхушки американских семей (0,1 % общего числа) в 1929 г. был равен доходу 42 % семей, находившихся на нижних ступенях социальной лестницы. Проведенные исследования показывали, что «процветание» сопровождалось не сужением пропасти между бедностью и богатством, а ее расширением 12.

Данные об имущественном расслоении населения еще более характерны. Почти 80 % всех американских семей (21,5 млн семей) не имели никаких сбережений, а 24 тыс. самых состоятельных семей (0,1 % всех семей) являлись владельцами 34 % всех сбережений 13. Разумеется, были категории населения, для которых «процветание» не только всегда оставалось чисто призрачным явлением, недостижимым фантомом, но и в определенной мере бедствием, периодом мучительной ломки, выталкивания их из сферы традиционных для них занятий в сферу мигрантов, кочующих в поисках работы. Это относится к рабочим некоторых старых, умирающих отраслей (добыча угля, большинство отраслей легкой промышленности), мелким предпринимателям, бесцеремонно вытесняемым крупным капиталом, и, конечно, к сельскохозяйственному населению, фермерам, издольщикам, сезонным рабочим.

Иногда 20-е годы в истории США называют «ревущими 20-ми», желая передать дух происходящих глубоких изменений и особый размах деляческой инициативы, спекулятивной горячки и показного оптимизма, которые придали специфическую окраску этому периоду.

Говоря о положении фермерства, эта дефиниция пригодна в том смысле, что его протестующий голос был особенно громким в силу прямого и самого значительного по своим масштабам почти за всю историю США обнищания этой категории населения под ударами затяжного аграрного кризиса. Все время раздвигающиеся «ножницы» между ценами на промышленные товары, потребляемые фермерами, и сельскохозяйственными продуктами (первые непрерывно росли, вторые так же непрерывно снижались) сделали большинство хозяйств мелких и средних фермеров хронически убыточными. Доля семей фермеров, представлявших 22 % населения США, в 1920 г. составляла 15 % в национальном доходе страны. Через восемь лет эта доля уменьшилась до 9 %. В 1929 г. средний ежегодный доход жителя сельской Америки составлял 273 доллара, средний доход американца-горожанина – 750 долларов¹⁴. Все увеличивающееся бремя задолженности, эпидемия разорения буквально сгоняли фермерское население с земли, которое бежало в города, пополняя армию безработных, малоимущих групп населения, маргиналов без профессии и сбережений.

Оказавшееся в тисках кризиса перепроизводства, напрасно взывающее о помощи со стороны правительства и, пожалуй, больше всех тогда заинтересованное в правительственном вмешательстве, фермерство и в целом аграрный сектор экономики становились прообразом ближайшего будущего всей экономики. Удивительнее всего, однако, было то, что столь явно заявившие о себе симптомы заболевания, свидетельствующие о надвигающемся крахе, не вызывали общественной тревоги, а отдельные трезвые прогнозы тонули в шумной разноголосице восхвалений в адрес экономической стратегии крупного капитала. Даже циничный пересмотр и шельмование социальной доктрины «прогрессивной эры» начала XX века не привели к пробуждению публики и не заставили ее выйти из состояния апатии и безмятежности. Как должное и как последнее слово философии делового успеха были восприняты многими нападки на вильсоновских либералов за допущенные ими «расширительные» толкования конституции, которые якобы ослабляли правовую защиту «против социалистических посягательств на собственность». Здесь в первую очередь имелось в виду известное расширение договорных прав профсоюзов, наносящих якобы непомерный ущерб собственническим интересам бизнеса. Идеология застоя, обращения вспять движения к переменам, отказ от поиска новых правовых форм общественных отношений, разумной социальной политики, диктуемой изменившимися условиями, жизнью, нашли свое законченное выражение в постулате, выдвинутом председателем Верховного суда и экс-президентом республиканцем У. Тафтом еще в 1921 г.: «Лучше терпеть зло, нежели прибегать к разрушительным нововведениям, в ходе которых эти нововведения могут оказаться хуже зла»¹⁵.

Получив столь авторитетную моральную санкцию, «зло» в виде ущемления прав лиц наемного труда, гонений на их организации, стачечную и политическую деятельность, либерально-конформистской истерии (термин, который предложил видный американский историк Л. Харц) пополам с проповедью индивидуализма, ксенофобии, расизма, презрения к неудачникам и обездоленным пустило глубокие корни, создавая условия, как выразился однажды Рузвельт, для возвращения эпохи «нового экономического феодализма» – абсолютного, ничем не ограниченного произвола олигархической верхушки общества¹⁶. В 1929 г. продолжительность рабочего дня американского рабочего была больше, чем в других индустриально развитых странах. Системы социального страхования и материальной помощи по безработице не существовало, в то время как в европейских государствах она давно уже служила средством защиты (пускай слабой) трудящихся от превратностей экономической конъюнктуры. Нещадная эксплуатация детского труда, дискриминация иммигрантов, афроамериканцев и женщин, рекордная продолжительность рабочего дня для многих категорий работников ставили Соединенные Штаты вровень с самыми отсталыми странами мира.

Все ярче проявлялось главное противоречие экономики «процветания». Целые регионы и отрасли оказались им не затронуты, обнажая все обострившийся конфликт между ограниченностью потребления масс и стремлением модернизовавшегося, технологически

передового капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества. Предчувствие Рузвельта близости внутреннего развала стало обретать для всех черты реальности. Осенью 1929 г. грохот обвала достиг высшей точки. Капиталистический способ производства вновь восстал против способа обмена, но на этот раз сила взрыва всех антагонистических противоречий не знала себе равных. Было и еще одно обстоятельство, которое говорит о многом: США стали эпицентром мирового экономического кризиса, именно отсюда поступали разрушительные импульсы, подрывающие мировое хозяйство и оказывающие дестабилизирующее воздействие на международную обстановку в целом.

Паника на нью-йоркской бирже сначала в виде первых толчков в сентябре, а затем в «черный четверг» 24-го и в «черную среду» 29 октября 1929 г. проложила глубочайшую межу в социально-экономической и политической истории США. В чем-то она вполне сопоставима с взятием южанами форта Самтер 12 апреля 1861 г. Стало принято все делить на «до» и «после». Страна была ввергнута в водоворот экономического кризиса в тот момент, когда еще не улеглись страсти избирательной кампании 1928 г., памятной безудержным бахвальством республиканцев в отношении достижений «новой эры», обещаниями их лидера президента Герберта Кларка Гувера сделать американцев «еще богаче» и натужными усилиями демократов убедить избирателей, что они могут делать все то же самое, только лучше и надежнее «Великой старой партии».

Лавина банкротств, падение производства (до самой низшей отметки в 1932 г.), многомиллионная безработица смыли румяна «процветания» и обнажили все органические болезни американской экономики и глубину сохранившегося социального неравенства в стране. В кричащей форме проявились необеспеченность широких слоев населения, иллюзорность, призрачность их благополучия. Общество, привыкшее судить о себе по красочным рекламным щитам, обнаружило, сколь мало еще доступность и дешевизна тех или иных потребительских ценностей вроде автомобиля выражают прочность основы, которая позволяет ему не только гармонично развиваться, но и просто существовать. Вмиг сотни тысяч семей, еще вчера пользовавшихся благами высоко индустриализованной цивилизации, с потерей кормильцем работы оказались один на один с нищетой и голодом, без всякой поддержки и, что хуже всего, без права получить такую поддержку. Знаменитый острослов Билл Роджерс мрачно съязвил: «Мы являемся первой в истории человечества нацией, следующей в приют для нищих в автомобиле» 17. Полнейшая незащищенность трудовой Америки от губительных ударов безработицы была самым тяжелым последствием господствующей социально-экономической доктрины. Размеры безработицы могли показаться просто невообразимыми. «Сколько американцев не имело работы в марте 1933 года? – спрашивал в одном из своих выступлений в 1936 г. Г. Гопкинс, ближайший помощник Рузвельта, взваливший на себя бремя организации социальной помощи. – Если вы назовете цифру в 18 или даже в 13 миллионов, то и меньшая из них способна навести ужас» 18.

А что же общество? Оно отвернулось от этих терпящих бедствие своих членов, алчущих помощи и участия, но взамен наталкивающихся на стену равнодушия и... оскорбительную подозрительность. Мораль обывателя, настроенная по камертону «процветания», не признавала ссылок на «независящие» обстоятельства. По словам того же Гопкинса, «существовала тенденция обвинять безработных в отсутствии патриотизма, в попытке жить за чужой счет» 19. Между тем государственная политика США в вопросе социального страхования по безработице на протяжении многих десятилетий выражалась в неуклонном следовании пресловутой формуле «твердого индивидуализма». В переводе на обычный язык это означало, что забота о миллионах американцев, оказавшихся жертвами кризиса, является их личным делом или в крайнем случае прерогативой местных властей и частных благотворительных фондов. По мнению Гопкинса, этой «социальной слепоте» не было оправдания. «Мы сталкивались со значительной безработицей, – говорил он, – на

протяжении 40 лет, но официально для решения этой проблемы вплоть до самого последнего времени не делалось ничего другого, кроме того, что ее упорно игнорировали» 20.

Нью-Йорк одним из первых среди больших городов США оказался в положении осажденной крепости, оставшейся без всего самого необходимого. Армия нищих росла как снежный ком. Каждый новый день увеличивал ее на тысячи семей, подвигая город к критической черте. Нетрудно понять, почему именно здесь, в Нью-Йорке, среди политиков либерального толка (в основном демократов) росло убеждение, что уменьшить вероятность катастрофы смогут только энергичные действия властей. Нью-йоркская действительность 1929–1933 гг. на всю жизнь оставила у многих из них острое ощущение глубины переживаемого страной социального кризиса и опасной близости взрыва в избытке скопившегося повсюду горючего материала. «Я самым тесным образом, – отмечал Гопкинс в 1936 г., – связан с проблемой руководства программой помощи безработным с первых дней кризиса... Я видел, как в широких масштабах стали проводиться увольнения, и был свидетелем ужасных потрясений, заставивших тысячи крепких семей обращаться за помощью к благотворительным организациям. Я видел, как удлинялись очереди за куском хлеба и чашкой кофе и переполнялись ночлежки для бедняков... Скопища мужчин слонялись вдоль улиц в безнадежных поисках работы... Впавшие в отчаяние, озлобленные толпы безработных штурмом брали местные муниципалитеты и помещения организаций помощи только для того, чтобы узнать о пустой казне и быть рассеянными с помощью слезоточивого газа. Женщины, дети и старики, физически страдая от холода и голода, молили власти о крохах, чтобы хоть как-то продлить свое существование...» 21

Как помочь «забытому человеку»?

Главным призом демократов на выборах 1928 г. было губернаторское кресло в штате Нью-Йорк. Победа Рузвельта удивила его самого и боссов партии. Ожидание неудачи было связано не только с утратой Демократической партией популярности у избирателей, но и с опасениями, что претендент сам по себе скорее оттолкнет, чем привлечет голоса. У вступившего на путь борьбы за победу в «имперском штате» Рузвельта с точки зрения стандартных критериев было слишком много слабых мест. В прошлом он никогда не избирался на выборную должность более высокого уровня, чем скромное место в законодательном собрании штата, потерпел поражение на президентских выборах, в которых участвовал в качестве кандидата демократов на пост вице-президента, связал себя с прогрессистским крылом партии в эпоху расцвета консерватизма и, наконец, был частично парализован.

Сам Рузвельт тоже не надеялся на успех, да и не хотел, как мы видели, его по той простой причине, что такой успех неизбежно сделал бы его кандидатом демократов на выборах 1932 г., победить на которых никто в Таммани-холле (штаб-квартира Демократической партии. – *В.М.*) и не рассчитывал. Поскольку боссы-демократы считали, что «республиканское процветание» будет длиться долго, Рузвельт и Л. Хоу секретно планировали начать борьбу за Белый дом только в 1936 г. Помимо своей воли (и это глубоко символично), таким образом, в 1928 г. Рузвельт сделал первый шаг к президентству. Дальше ход событий принуждал его часто изменять самому себе. Ирония судьбы? И да, и нет. Политик-прагматик, Рузвельт чувствовал себя непринужденно в любой ситуации, заранее готовый к любым неожиданностям.

Став губернатором Нью-Йорка и оказавшись лицом к лицу с самым крупным очагом национального бедствия, Рузвельт поддался инерции движения. Он опасался прослыть радикалом, а потому следовал в принципе тем же курсом, что и республиканская администрация. Лишь в августе 1931 г. губернатор Нью-Йорка решил создать Временную чрезвычайную администрацию помощи в штате Нью-Йорк (ТЕРА), которая призвана была осуществить некоторые мероприятия, вызванные неотложными нуждами обеспечения материальной помощью семей безработных. Первоначально Рузвельт полагал, что надобность в ТЕРА сама по себе вскоре отпадет, и потому заботился главным образом о том,

чтобы все начинание выглядело как можно благопристойнее в глазах консервативных критиков. Они с вождением смотрели на него, полагая, что через два года, на очередных выборах губернатора Рузвельт будет представлять собой политический труп на фоне ликующих сторонников консерватизма. Ему удалось уговорить встать во главе ТЕРА Джесси Страуса, председателя правления торговой фирмы «Мейсис и К°». Величественный Страус, не представлявший, как подступиться к делу, дав согласие, занялся поисками такого директора-распорядителя, на которого можно было бы свалить вину, если бы затея с ТЕРА провалилась. А в этом почти никто не сомневался. Увы, все попытки найти нужного человека, казалось, будут безуспешными: никто не хотел выступать в роли мальчика для порки. Неожиданно удалось получить согласие возглавить «безнадежное дело» скромного деятеля системы благотворительной помощи Нью-Йорка Гарри Гопкинса. Рузвельт никогда не жалел о своем выборе.

Уже вскоре Страус постарался избавиться от тягостных обязанностей президента ТЕРА и, выхлопотав себе пост посла во Франции, уехал туда. Он и Гопкинсу предложил поехать вместе с ним в качестве помощника. Последовал отказ. Перспектива стать «салонным шаркуном» Гопкинса не устраивала. Его планы простирались значительно дальше дипломатической карьеры и офисов госдепартамента. Освободившийся пост президента ТЕРА, близость к губернатору открывали широкий простор для деятельности. Главное же, жить во имя физической ликвидации нищеты было призванием этого странного Дон Кихота из штата Айова. Гопкинс знал, что Рузвельт был доволен его бескорыстностью, предприимчивостью, лояльностью, умением находить выход из различных труднейших положений, не докучая жалобами и просьбами.

Большинство историков сходятся на том, что пребывание Рузвельта на посту губернатора Нью-Йорка не было ознаменовано какими-либо существенными достижениями в области трудового законодательства и материальной помощи. Экономика штата находилась в столь же плачевном состоянии, как и повсюду, а тем временем по большому счету власти в Олбани (столица штата Нью-Йорк) занимали такую же выжидательную позицию, как и республиканская администрация в Вашингтоне. Слово «реформа» в Нью-Йорке было так же непопулярно, как где-нибудь в Оклахома-сити, вотчине республиканцев и оплоте старого порядка.

Лишь ТЕРА на фоне полицейских жестокостей, чинимых правительством над безработными, давала Рузвельту то психологическое превосходство над Гувером, в котором он так нуждался, начиная дуэль за президентское кресло. После шумной и известной на весь мир, ничем не оправданной физической расправы над пришедшими летом 1932 г. в Вашингтон за помощью ветеранами Первой мировой войны, вызвавшей бурную реакцию в стране, Рузвельт возблагодарил собственное благоразумие, удержавшее его от рискованного шага – призыва под ружье Национальной гвардии для «усмирения» голодных бунтов в его собственном штате, Нью-Йорке 22. К тому моменту, когда в связи с ростом безработицы обстановка в штате достигла особого напряжения, ТЕРА играла роль громоотвода. При ограниченных ресурсах она создавала молву о губернаторе как человеке дела, готового пойти навстречу «забытым и покинутым». Выборы губернатора Нью-Йорка в 1930 г. Рузвельт выиграл подавляющим большинством голосов, превысившим все ожидания.

Впрочем, в начале избирательной кампании 1932 г. все заметили, что в риторике губернатора Нью-Йорка появились новые интонации. И дело было вовсе не в том, что менялись, становясь более решительными, настроения его советников, членов так называемого «мозгового треста», куда вошли ученые, социальные работники и бизнесмены. Новому языку их обучали улицы промышленных городов, заполненные возмущенными людьми, бурлящие, готовые ошестиниться баррикадами, деревенские проселки, поднявшиеся на вооруженную борьбу с полицией и бандами хозяйских наемников шахтерские городки. По стране прокатилась волна общенациональных голодных походов безработных, везде выросла численность и активность их организаций. Как правило, их возглавляли откуда ни возмись появившиеся левые и их попутчики. Вслед за пробуждением рабочего движения,

опережая его, бурно начало развиваться фермерское движение. Вспыхивали фермерские забастовки, сопровождавшиеся бойкотом посреднических компаний, вооруженными выступлениями против властей. В конгрессе постоянно велись дебаты вокруг вопроса о неизбежной (в случае дальнейшего распространения безработицы, голода и массовой пауперизации) вспышке стихийных бунтов и перерастании их в нечто более серьезное и опасное для капитализма как системы 23. Во что все это могло вылиться? Цепную реакцию разрозненных мятежей или настоящую революцию? Настораживали события в Европе: исторический опыт свидетельствовал, что США не были отгорожены от нее непроходимым рвом, влияние подъема борьбы низов и верхов в европейских странах сказывалось все сильнее. Осенью 1931 г. Рузвельт специально попросил известного журналиста Ф. Аллена ознакомиться с положением в Германии 24. Ему хотелось ближе узнать, где и как возникают критические точки социального недовольства, к чему ведет эксперимент с низвержением большинства народа до уровня жалкого паупера, толкающий отчаявшихся людей на поиски панацеи отчаявшимися людьми. Европейские уроки были очень важны, коль скоро ближайшие друзья и советники находили, что даже Элеонора Рузвельт должна быть отнесена к «опасным идеалистам».

Внутренне Рузвельт, пожалуй, сознавал глубже и острее, чем кто-либо другой в руководстве Демократической партии, необходимость назревших перемен, но выработанная с годами привычка быть скрытным, не посвящать никого (даже самых близких людей) в свои планы, вера в эффект внезапности удерживали его от каких-либо определенных заявлений на этот счет. И тем не менее, взяв на вооружение осторожную тактику выжидания, ненавязчивого приобщения людей «к новому мышлению», он исподволь принялся убеждать Америку, что в его лице она имеет политика-реалиста, не смутьяна и не бунтаря, а «реального политика», обладающего чувством нового и отдающего себе отчет в подлинных причинах случившихся потрясений. Мастерски проведенная Рузвельтом осенью 1930 г. кампания по переизбранию его на пост губернатора Нью-Йорка и одержанная им ошеломляющая победа убедили скептиков в руководстве Демократической партии, что этот обреченный, как многим казалось, на бездеятельность, физически немощный политик способен спасти ее саму от бесславного конца. Джим Фарли, новый лидер демократов в штате Нью-Йорк, через день после губернаторских выборов сказал журналистам: «Я не знаю, как м-р Рузвельт сможет избежать того, чтобы не стать кандидатом своей партии на президентских выборах 1932 г., даже если никто не пошевелит пальцем в его поддержку». Рузвельт ни слова не говорил Фарли о своих намерениях, но заявление, сделанное последним, было подсказано и тщательно отредактировано Л. Хоу, главным советником губернатора 25.

В вышедшей в 1931 г. при содействии того же Л. Хоу и супруги губернатора Э. Рузвельт книге известного журналиста Э. Линдли Рузвельт был причислен к разряду «прогрессивных политиков», однако эти лавры были отпущены губернатору Нью-Йорка явно в кредит. Мысли о переформулировании национальной идеи и об экономической реконструкции Рузвельт не торопился выносить на всеобщее «обозрение». Еще весной 1931 г. Рузвельт говорит о «новых и не испытанных еще средствах», о необходимости экспериментировать, доверить государственное управление «позитивному руководству» в силу изменений в «экономическом и социальном балансе» страны 26. И ничего конкретного. Но вот в июне 1931 г., высказав ряд нелестных замечаний по адресу экономической доктрины республиканизма, Рузвельт рекомендует законодательному собранию штата Нью-Йорк программу действий, включавшую ассигнования на прямую материальную помощь безработным и организацию системы общественных работ. Обращаясь к членам собрания, Рузвельт с особой значимостью зачитал следующее место своего послания: «Обязанности штата перед гражданами аналогичны обязанностям слуги перед его хозяином. Одной из обязанностей штата является заботиться о тех гражданах, которые стали жертвами неблагоприятных обстоятельств, лишивших их возможности обеспечить самое необходимое для жизни... Помощь этим гражданам должна быть предоставлена правительством не в

качестве благодеяния, а в качестве исполнения общественного долга...» 27 На фоне упорного повторения Гувером тезиса о пагубности правительственного вмешательства в дело помощи неимущим с его упованиями на благотворительность эти заявления Рузвельта имели уже неортодоксальное звучание.

И только весной 1932 г., фактически вступив в избирательную кампанию за овладение Белым домом, Рузвельт окончательно придает своим речам форму оригинальной политической платформы, умудряясь при этом не сказать ничего конкретного о том, как добиться перелома в экономике. Основной упор был сделан на необходимость поставить в центре деятельности новой администрации общую идею приспособления к новым реальностям в экономике и политике. Предлагавшие Рузвельту «обоснованные» пилотные проекты перестройки экономики члены его «мозгового треста» с немалым удивлением затем узнавали, что большинство из них переплавлялось в некое довольно-таки безобидное блюдо и преподносилось общественному мнению в виде туманного призыва к активным действиям, направление которых должны были подсказать его величество «ход вещей» и политическая конъюнктура.

Хотя тон избирательной кампании Рузвельта зададо его знаменитое выступление по радио 7 апреля 1932 г. (речь о «забытом человеке»), принципиальный подход к решению трагических проблем Америки был изложен им в другой речи, произнесенной месяцем позже в Оглторпском университете (в мае 1932 г.). Со временем она стала подлинным евангелием рузвельтовских либералов и одновременно мишенью для их критиков. В ней Рузвельт сказал: «Страна нуждается, и, если я не ошибаюсь, страна требует смелого и настойчивого экспериментирования. Здравый смысл подсказывает обратиться к какому-нибудь методу и испытать его. Если он себя не оправдывает, надо честно признать это и поискать другой метод. Но, прежде всего, нужно попытаться что-то сделать» 28. Оба эти немногословные, но запоминающиеся выступления, наделавшие много шума и отражавшие появление новых ценностных ожиданий американцев, прояснили социальный и гуманистический аспекты идеи смелого социально-экономического экспериментирования, ставшего квинтэссенцией «эры реформ» Рузвельта.

Написанная профессором государства и права Колумбийского университета Р. Моли, тогда ведущей фигурой в «мозговом тресте», речь о «забытом человеке» объясняла происхождение экономического коллапса низким уровнем потребления масс и переносила внимание на проблемы перераспределения доходов. Экономическая политика Гувера, игнорирующая нужды миллионов простых американцев и целиком ориентированная на оказание поддержки имущим классам («они помогут другим»), была подвергнута сокрушительной критике как проявление обанкротившегося социально-дарвинистского подхода. В речи проводилась параллель между сложившимся в стране катастрофическим положением и войной и выражалось убеждение в неизбежном расширении роли государства в ходе решения вставших перед нацией проблем. Страна нуждается, сказал Рузвельт, «в планах, напоминающих те, которые были реализованы в 1917 г. (намек на военную экономику США. – В. М.) и которые строились как бы снизу вверх, а не сверху вниз, т. е. в планах, повернутых в сторону интересов забытого человека, находящегося у основания экономической пирамиды». Далее следовало признание, опровергающее официальную версию о причинах экономического краха. Гувер говорил о внешнем источнике кризиса. Настоящее средство, способное вернуть экономике устойчивость, заявил Рузвельт, «должно уничтожить бактерии внутри системы, а не лечить внешние симптомы заболевания» 29.

Речь о «забытом человеке», короткая и неформальная, вызвала самые разноречивые отклики: надежды в демократических низах и гнев верхов, усмотревших в ней чуть ли не желание посеять классовую рознь в стране, противопоставив неимущие слои имущим классам и возродив традиции популизма, а то и хуже того – анархосиндикализма. Сторонник Рузвельта сенатор К. Хэлл (штат Теннесси) с опаской говорил о повторении «еще одной кампании Брайдана», а многолетний лидер демократов А. Смит, длительное время известный своей популярностью у городского избирателя, сделал заявление в форме протеста, объявив

речь Рузвельта чем-то вроде подстрекательства, способного-де вызвать раскол в обществе, а вслед за тем и другие страшные последствия. То, о чем умолчал Смит, было понятно каждому. Напряжение в стране возрастало с каждым днем, заставляя многих рассматривать предстоящие выборы как референдум о судьбах капитализма в США 30.

Реакция на речь 7 апреля показала Рузвельту, что для него самой наибольшей опасностью оставалась возможность вообще выбыть из числа претендентов от Демократической партии на пост президента США. После нее никто не мог поручиться, что победу на съезде Демократической партии, который должен был собраться в июне 1932 г., может одержать поборник интересов простолюдина, человека с улицы, задавленного классом-эксплуататором и обманутого фортуной. Национальный комитет Демократической партии, контролируемый Раскобом и его людьми, побаивался Рузвельта, делая ставку на А. Смита (прогрессивно настроенный республиканец Гарольд Икес назвал его «восторженным младшим братом богатства») и на Джона Гарнера, сенатора от штата Техас, который некогда пользовался репутацией популиста, но к началу 30-х годов рассматривался руководством партии в качестве «демократического Кулиджа». К счастью для Рузвельта, те, кто вершил делами в партии, понимали, что, если даже Смит и Гарнер смогут завоевать две трети голосов делегатов съезда демократов, они вместе или порознь провалят все дело, заняв место знаменосцев партии. Настроения в стране изменились круто и, судя по всему, очень надолго. В 1932 г. никто бы не стал голосовать за кандидатов, отстаивающих политику старого образца.

Без такого молчаливого консенсуса в отношении признания необходимости придать облику Демократической партии новые черты 31, символизирующие ее близость к массам, Рузвельт бы, наверное, не решился дать указание Моли подготовить записку о переориентации партии в свете приближающихся выборов и задач завоевания большинства избирателей на ее сторону после двенадцатилетнего пребывания в оппозиции. Моли выполнил задание с тщанием, на которое только был способен. В результате на столе у Рузвельта появился длинный меморандум, призывающий Демократическую партию к повороту в сторону прогрессивных реформ и к укреплению массовой базы за счет привлечения под знамена партии демократических слоев населения – рабочих, фермерства, интеллигенции, средних слоев. «В стране нет места для двух реакционных партий», – писал Моли, почувствовавший себя на баррикадах. Народ, утверждал он, не хочет делать выбор между двумя названиями одной и той же реакционной доктрины. Он жаждет реальной альтернативы. И ее должна предложить «партия либеральных убеждений, спланированных действий, просвещенного подхода к международным делам... демократических принципов» 32. Моли утверждал, что новый курс Демократической партии позволит вернуть ей динамику и привлекательность. Он предложил сделать два найденных им слова – «новый курс» – эмблемой эпохи, поскольку-де они определяют содержание полосы качественных преобразований (от которых, кстати, сам Моли вскоре отречется), нужных стране, как воздух и энергия Солнца.

Просочившиеся сведения о домашних «заготовках» Рузвельта вызвали в недрах Демократической партии протестное движение, назвавшее себя «Остановить Рузвельта». Давние и непримиримые враги оказались в рядах этой пестрой коалиции – А. Смит, У. Макаду, Б. Барух, У. Херст. По самым благожелательным для Рузвельта оценкам, добиться победы над ней на съезде Демократической партии было делом сверхсложным. Так думали многие, но, похоже, это уже не могло вывести из равновесия самого Рузвельта. Изменив свою позицию по отношению к Лиге Наций и Международному суду (Рузвельт прежде слыл сторонником вхождения США в эти международные организации) и заявив о негативной оценке их деятельности и поссорившись из-за этого с Элеонорой, Рузвельт добился поддержки газетного магната Херста, идеолога шовинистического движения «Америка прежде всего». Многие «интернационалисты» среди демократов сочли это проявлением беспринципности. Однако сделка с Херстом принесла Рузвельту голоса делегации Калифорнии, которых так недоставало перед последним, четвертым туром

голосования на съезде. Эта же сделка привела к полубовному соглашению о снятии кандидатуры Гарнера, расставшегося со своей розовой мечтой стать президентом взамен должности вице-президента, которую он ни во что не ставил. Впрочем, это мало кого интересовало в окружении Рузвельта: «демократический Кулидж» в паре с Рузвельтом позволил добиться примирения с Раскобом, Барухом, Херстом и даже (временно) со Смитом, т. е. со всеми теми, кого тревожил или даже пугал «радикализм» губернатора Нью-Йорка.

Речь Рузвельта на съезде демократов в Чикаго 2 июля 1932 г., куда он прибыл, поломав многолетнюю традицию, на самолете, подтверждала факт буквально навязанного консервативному крылу партии компромисса. Она не была вполне самостоятельным сочинением Рузвельта, будучи скомпонованной из либерально-прогрессивистских идей известного меморандума Р. Моли. Противопоставить им что-либо из арсенала вигизма в тот момент, когда в Вашингтон со всех сторон стекались участники общенационального голодного похода безработных ветеранов Первой мировой войны и с каждым часом нарастало политическое напряжение, было просто нечего. Здесь у Рузвельта не было разногласий с Моли. Несколько важных пассажей речи были почти целиком заимствованы у ключевого члена «мозгового треста». Так, Рузвельт обрушился на идею «выхолощенного вигизма» о «просачивании», согласно которой, если богатству будет оказана поддержка, то в этом случае благополучие снизойдет и на «рабочих, фермеров и мелких предпринимателей». Вторя Моли, Рузвельт заявил, что народ Америки жаждет сделать настоящий выбор. «Мы, – сказал он, почти слово в слово повторяя меморандум, – должны быть партией либеральных принципов, спланированных действий, просвещенного подхода к международным делам и трудиться с максимальной пользой для подавляющего большинства нашего народа». Рузвельт вновь поднял тему о «забытых» американцах, которые требуют более справедливого распределения национального богатства³³. Именно к ним было обращено его обещание проводить политику обновления.

Все это укладывалось в идейно-политический контекст поворота влево, начатый речью о «забытом человеке». В остальном же выступление в Чикаго отличалось от меморандума Моли лишь своей неуловимой антидоктринерской, экспериментаторской интонацией. Рузвельт говорил о помощи тем, кто находился на вершине социальной пирамиды, имущим классам, и как будто изложенная им программа неотложных мер в целом не могла вызвать никакого беспокойства у американской буржуазии, воспитанной на идеях Локка. Здесь были: режим экономии в отношении правительственных расходов, отмена «сухого закона», новое законодательство, регулирующее рынок ценных бумаг, меры по охране лесов, регулирование сельскохозяйственного производства, снижение процентных ставок на ссудный капитал, снижение внешнеторговых тарифов и т. д. Финансовый и промышленный магнат Барнард Барух, ранее не входивший в число сторонников Рузвельта, после победного для того последнего голосования одним из первых засвидетельствовал свое почтение новому и теперь уже единоличному лидеру Демократической партии. Но сделал это без помпы, подчеркнуто незаметно.

Рузвельт пожинал плоды искусного маневра. Вся партия демократов, за исключением крайне правой группировки, встала под знамена «нового курса». Более того, в стане ее противников оказалось больше симпатизировавших Рузвельту, чем вчерашнему кумиру республиканцев Г. Гуверу. В штатах появились лозунги, призывающие сторонников республиканцев голосовать за их кандидатов в конгресс, а вместе с ними за Рузвельта на пост президента США. Сенатор-демократ от Луизианы Хью Лонг в присущей ему грубоватой манере заявил репортерам, что «самая большая беда демократов в том, что они контролируют все голоса, но сидят без денег». И тут же предложил: «Мы можем продать президенту Гуверу миллион голосов за полцены, которую он собирается заплатить, чтобы заполучить их. Мы можем обойтись и без этих голосов, а вот деньгам найдем применение»³⁴. Деньги тоже вскоре нашлись: самые большие взносы в избирательный фонд Рузвельта сделали виднейшие представители финансово-промышленного капитала: Б. Барух, У. Вудин, В. Астор, Дж. Раскоб, У. Херст, П. Дюпон, Дж. Кеннеди, Дж. Хёрли и др. Охотно принимая

эти «знаки внимания», Рузвельт стремился придать своим речам дополнительную эластичность, часто порождавшую недоумение и тревогу той части его сторонников, которые видели, что в сложившейся обстановке никому не удастся ограничиться разговорами, что нужны практические шаги с целью немедленного улучшения бедственного положения масс в качестве первого условия устранения опасности социального взрыва.

Однако Рузвельт после съезда в Чикаго не изменил тактический рисунок своей политической линии. Его выступления привычно носили общий, расплывчатый характер; порой даже складывалось впечатление, что они как бы уравнивали друг друга. В Коламбусе (штат Огайо) кандидат демократов атаковал Гувера за чрезмерные, по его мнению, действия в области регулирования экономики и призывал создать условия для конкурентной борьбы. Напротив, в речи в Сан-Франциско Рузвельт подтвердил свои убеждения в назревшей потребности правительственного регулирования той же самой экономики. Однажды он удивил Моли, попросив его из двух вариантов речи по тарифу (в одном отстаивалась идея протекционизма, в другом содержалась похвала свободной торговле) сделать один, синтетический. В речи в Питтсбурге (штат Пенсильвания) он ратовал за всемерное сокращение правительственных расходов, сбалансированный бюджет и децентрализацию государственного управления. А в другой речи, произнесенной в Портленде (штат Орегон), Рузвельт пообещал сделать все возможное, чтобы поднять благосостояние народа и защитить его от алчной верхушки общества. Последнее предполагало решительное вмешательство государства во все сферы экономической жизни, расширение его социальной функции и серьезные ограничения хозяйствования олигархов. В итоге никто не знал, чего можно ждать от кандидата демократов, хотя все связывали с его именем грядущие перемены.

В июле 1932 г. Рузвельт получил письмо от губернатора Северной Каролины Макса Гарднера, совсем не радикала, предупреждавшего его об опасном провале в случае неверного истолкования им настроений масс, недооценки их стихийно бунтарского духа. «Американский народ, – писал Гарднер, – против существующего порядка вещей. Мы больше, чем слепцы, если думаем, что американский народ станет цепляться за status quo... Если бы я был Рузвельтом (т. е. кандидатом в президенты. – В. М.), я бы занял более либеральные позиции (губернатор опасался произнести слово «радикальные». – В.М.). Я бы шел вместе с толпой, ибо массы сейчас находятся в движении, и если мы хотим спасти нацию, то мы должны дать либеральную трактовку тем ожиданиям, которые переполняют сердца людей...» 35 В письме сквозила тревога по поводу «гуттаперчивой» позиции Рузвельта.

У. Липпман – крупнейший политический аналитик-публицист, отозвался о поведении Рузвельта после съезда Демократической партии еще более скептически, чем он это делал прежде в своей переписке с теми, кого он относил к убежденным прогрессистам. «Две вещи в отношении Рузвельта, – писал он Феликсу Франкфуртеру, известному юристу, близко стоявшему к Рузвельту, 14 сентября 1932 г., – беспокоят меня, а именно: то, что он любит политическую игру саму по себе и прекрасно чувствует себя в ней. Стремление продемонстрировать свое виртуозное искусство толкает его на путь ультраполитиканства. Еще одно мое опасение связано с тем, что он так дружелюбен и впечатлителен, так хочет всем угодить и, как я думаю, так нетверд в собственных убеждениях, что почти все зависит от характера его советников. Меня в этом полностью убедили последние недели, и особенно вся эта история с заигрыванием с группой Херста – Макаду. Есть, разумеется, вещи, которые заставляют сочувствовать ему, – это стремление к переменам и его общее убеждение в необходимости переоценки ценностей. Но я очень медленно прихожу в себя от потрясения, которое произвела на меня его политическая кампания, предшествовавшая съезду демократов» 36. Липпман был удручен, как ему казалось, вялостью и невыразительностью кампании Рузвельта.

Даже в семейном кругу Рузвельт наталкивается если не на оппозицию, то на несогласие с его тактикой. Элеонора Рузвельт, супруга президента и энергичная поборница

«фундаментальных» социальных реформ, высказывала опасения (совсем не лишённые основания), что уклонение Рузвельта от четких обязательств в отношении требований масс приведет к росту их разочарования в политическом либерализме и к открытому переходу на позиции поддержки левых сил. Когда много позднее один из ее ближайших друзей признался, что в ноябре 1932 г. он голосовал не за Рузвельта, а за кандидата Социалистической партии Нормана Томаса, Элеонора Рузвельт не удивилась. «Я бы сделала то же самое, – сказала она, – если бы не была женой Франклина» 37. Американский историк Роберт Макэлвейн высказывает на первый взгляд парадоксальную, но в основе своей верную мысль, когда пишет, что Гувер своими обвинениями Рузвельта в тайной приверженности к радикальным переменам привлек на сторону последнего больше избирателей, чем это сделал сам кандидат Демократической партии 38. И в самом деле, пропагандистская антирузвельтовская кампания правых сил, рисовавших его радикалом, объективно делала кандидатуру Рузвельта предпочтительней его соперника для сотен тысяч избирателей, сочувствующих левым силам. Окажись на его месте А. Смит или Дж. Гарнер, эти американцы отдали бы свои голоса левым. «Настроение в стране такое, – признал после подсчета голосов один из членов администрации Гувера, – что мы, пожалуй, еще удачно вышли из этого положения, получив Рузвельта вместо социалиста или радикала» 39.

Выборы же 8 ноября 1932 г. подтвердили высказанную Л. Харцем мысль, что радикализм «нового курса» был не чем иным, как суррогатом социалистического проекта развития для США, тщательно замаскированного американской верой в постулаты Локка 40. Миллионы рабочих, творческой интеллигенции, фермеров, представителей городских средних слоев, молодежи и афроамериканцев дружно голосовали за партию «нового курса». Своей поддержкой, энергией и душевным порывом они подтвердили тот его внутренний подтекст, который еще был неясен для самого Рузвельта и о котором говорил Харц. Стихийно стала складываться новая демократическая, близкая по духу европейской социал-демократии коалиция левоцентристских сил. Растущее рабочее движение не играло в этой коалиции самостоятельной роли, хотя и превратилось в ее главную опору. Заметим к тому же, что идеологически само рабочее движение оставалось расколотым, а в организационном отношении не структурированным. Не здесь ли кроется причина, почему впечатляющая победа демократов, избрание Рузвельта президентом, поражение всех консервативных кандидатов, баллотировавшихся на вакантные места сенаторов и членов палаты представителей, не сдвинули с места разработку ясной и четкой программы преобразований, которых так ждал народ? Напротив, начался период политического затишья, бесцветных дебатов и препирательств. Складывалось впечатление, что полученный демократами мандат был им в тягость, что все ждали скорейшего выхода из кризиса.

Некоторые исследователи высказывают мысль, что и Рузвельту даже после больших и малых побед были свойственны моменты меланхолии, сомнений и даже страха. Но мир этого не видел, а 15 февраля 1933 г. он предъявил ошеломленной стране пример хладнокровия и полного самоконтроля. После более чем десятидневного рекреационного путешествия на яхте «Нурмахал» вблизи побережья Флориды Рузвельт в самом благодушном настроении высадился в Майями, а затем откликнулся на просьбу кучки местных жителей Бей Фронт Парка сказать несколько слов. Вблизи оказался и мэр Чикаго Антон Чермак, приблизившийся для короткого разговора с вновь избранным президентом США к борту его открытого автомобиля. Мэр не успел сказать ровно ничего, как в группе окружающих автомобиль Рузвельта людей появилась вытянутая рука с пистолетом, выстрелом из которого Чермак был смертельно ранен. Рузвельт остался невредим только благодаря реакции стоявшего поблизости полицейского, выбившего из рук стрелявшего бездомного безработного парня пистолет. Рузвельт приказал агентам секретной службы не угонять автомобиль, погрузить истекающего кровью Чермака рядом с собой на заднее сиденье и, попросив его не двигаться, отвез в госпиталь. Оказавшись в двух сантиметрах от пули убийцы, Рузвельт не потерял ни грана самообладания, более того, он безмерно удивил своих ближайших помощников, открыто говоривших с ним через пару дней о необходимости

принятия срочных мер по предотвращению революции. Выражение лица вновь избранного президента отражало одно – невозмутимость.

Однако события ранней весны 1933 г. заставили новую администрацию действовать более решительно. Накануне вступления Рузвельта в должность президента в Вашингтоне были получены известия о том, что во многих штатах, объявив о банкротстве, закрылись все банки. В дополнение к едва теплившейся деловой жизни это грозило в самое ближайшее время полным экономическим параличом. Страх перед будущим охватил людей. Огромные толпы осаждали еще оставшиеся на плаву банковские учреждения, требуя возврата своих вкладов. Закрывались предприятия, школы и муниципалитеты, росли огромные очереди за куском хлеба и чашкой кофе, пустыри покрывались «бидонвилями», поселениями бездомных, росло число самоубийств.

Газета «Нью-Йорк таймс», вышедшая утром 4 марта, в день инаугурации (церемонии вступления в должность президента) Рузвельта, писала в передовой: «О нем будут думать как о чудотворце». Да и сам новый президент хорошо понимал, что время выжидания прошло и только действия, немедленные, энергичные и непреклонные, могут предотвратить перерастание панических настроений в направленный (кем?) социальный взрыв, способный изменить старый порядок вещей снизу доверху. Американский капитализм оказался на краю пропасти. «Многие высокопоставленные лица в Вашингтоне и других городах, – отмечал в своих воспоминаниях бывший корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Вашингтоне Чарльз Хёрд, – искренне благодарили Господа за то, что день вступления нового президента в должность пришелся на субботу, когда банки, биржи и другие финансовые учреждения были официально закрыты. Никто не знал, какое пламя могло бы заняться от искр, высекаемых сменой правительства. Некоторые или, лучше сказать, многие боялись бунтов и мятежей в городах, которые могли вспыхнуть в задавленных бедностью кварталах или в хибарочных поселениях безработных. Хотя воинские части были введены в Вашингтон для помпы, штабу генерала Макатура было поручено быть готовым использовать эти силы и для выполнения более серьезной задачи...» 41

Ненастье последних дней перед инаугурацией как бы подчеркивало давящую тяжесть обстановки. Было заметно, что даже обычно уверенный в себе вновь избранный президент несколько подавлен. Стоя утром 4 марта на ступенях Капитолия, он принял присягу, все время сохраняя необычное для него напряженное выражение лица. Лишь после того как он произнес первые фразы заготовленной для этого случая речи, напряжение спало, снова появились присущие всегда Рузвельту раскованность и свобода. Слова врезались в сознание стоящих у подножия Капитолия или прильнувших к радиоприемникам американцев как призыв не поддаваться панике и сохранять надежду, не впадать в отчаяние, ждать перемен. «Итак, прежде всего, – говорил президент, – позвольте выразить мое твердое убеждение, что единственно, чего нам следует бояться, – это самого страха, безликого, неосознанного, неоправданного ужаса, который способен парализовать усилия, так необходимые, чтобы превратить отступление в наступление».

Рузвельт, еще не зная, располагает ли он временем для перегруппировки сил, говорил о скором контрнаступлении. Это должно было вселять оптимизм, убить вирус неверия в страну, правительство, «Американский путь». Обрушившись на некомпетентность банкиров, этих «неразборчивых в средствах ростовщиков», поставивших на место благородных христианских ценностей власть чистогана, Рузвельт объявил себя сторонником действий в интересах простых людей. «Изгнать менял из храма» – повторила за ним вся страна. Из всех обуревавших народ смятенных чувств он выделил только одно – обретенное сознание взаимообусловленности индивидуума и общества и взаимозависимость людей друг от друга, сознание того, «что мы не можем просто брать, мы должны также и отдавать». Радио разносило по всей стране слова президента: «Нация требует безотлагательных действий... Мы должны действовать незамедлительно». Создавшееся положение Рузвельт отождествил с состоянием войны, потребовав от «народа и конгресса» чрезвычайных полномочий, аналогичных тем, какими пользуется президент в военное время 42. Переход президента от

состояния замедленного реагирования на внешние раздражители к удвоенным скоростям в решении мало-мальски значимых серьезных проблем было удивительным и непривычным.

Во второй половине дня 4 марта 1933 г. в Овальном кабинете Белого дома состоялось первое рабочее заседание новой администрации. Президент обещал нации вернуть уверенность в будущем страны. Первыми эту уверенность обрели те, кто обитал на вершине социальной пирамиды: кабинет больше чем наполовину состоял из хорошо известных деятелей весьма умеренного толка. Присягу принесли: один из столпов консервативного крыла демократов в конгрессе, сенатор от штата Теннесси К. Хэлл (государственный секретарь); миллионер У. Вудин (министр финансов); независимый республиканец Г. Икес (министр внутренних дел); либерал Г. Уоллес (министр сельского хозяйства), влиятельный политик из «фермерского пояса»; снискавшая себе известность на поприще осуществления социальных программ в Нью-Йорке Ф. Перкинс (министр труда); Х. Каммингс (министр юстиции); Д. Роупер (министр торговли), занимавший административные посты еще в правительстве В. Вильсона; Дж. Фарли (министр почт); К. Свэнсон (министр военно-морского флота), вирджинский политик, пользовавшийся поддержкой рузвельтовской партии в сенате, и Дж. Дерн (военный министр). Никто из видных представителей профсоюзов или фермерских организаций в кабинет Рузвельта не вошел, но впервые за всю историю американского государства в нем появилась женщина-министр.

Реформы «ста дней»

Первоочередной проблемой, которой вынужден был заняться новый кабинет, был банковский кризис. Все ждали решительных мер. Впоследствии радикально настроенный сенатор Бронсон Каттинг писал: «Я с болью в сердце вспоминаю события 4 марта 1933 г. Тогда национализация банков Рузвельтом не встретила бы ни одного протестующего голоса. Это была крупная ошибка президента». За несколько часов до открытия специальной сессии конгресса Белый дом посетили два влиятельных лидера прогрессистов – сенаторы Р. Лафоллет и Р. Костиган, намеревавшиеся побудить президента передать банки в общественную собственность. Рузвельт отклонил это предложение 43. Вместо этого 5 марта декретом президента было объявлено о четырехдневном принудительном закрытии всех банков, «банковских каникулах». Одновременно правительство наложило запрет на вывоз золота, серебра и бумажных денег из США.

9 марта, в первый же день работы специальной сессии, на обсуждение конгресса был поставлен проект закона о банках. Некоторые вновь избранные сенаторы еще разыскивали свои места, когда чтение законопроекта правительства уже закончилось. Обсуждение заняло всего 40 минут. Через 8 часов после зачтения билля в конгрессе он был подписан президентом и стал законом. Разработанный банкирами и чиновниками министерства финансов, назначенными еще Гувером, он по большому счету не ущемлял интересов финансовых магнатов. «Президент изгнал меня из столицы 4 марта, а 9 марта они вернулись назад», – пожаловался один из прогрессивно настроенных конгрессменов. Ему вторил редактор журнала «Нейшн». Не скрывая негодования, он писал в частном послании 9 марта: «Информация, которую мы получили из Вашингтона, вызывает ужасное недоумение. Рузвельт в своей первой речи при вступлении в должность президента изгнал меня из храма, а теперь они вновь возвратились в Белый дом и объясняют ему, что он должен делать... Конечно, как это всем известно, банкиры сейчас приутихли, потому что получили страшный удар и не видят возможности в ближайшее время серьезно увеличить свои доходы. Но как только этот шквал уляжется (а это случится), они вернуться к своей старой практике, спасенные – кем? – средствами, полученными у народа и переданными им в рамках мероприятий по правительственному регулированию бизнеса» 44. Как бы то ни было, чудесным образом Рузвельт добился своего. Через несколько дней стабильность банковской системы была восстановлена. «Капитализм, – сказал позднее Р. Моли, – был спасен...» 45 У многих нахмурились брови. Но вслед за тем последовали совершенно неординарные шаги,

заставившие понять, что в Белый дом вселился человек, прямо противоположный тому, кто пытался апеллировать к вере американцев в спасительные свойства личной предприимчивости и инициативу.

21 марта президент направил конгрессу послание, предусматривавшее ряд мер помощи безработным: организацию специальных трудовых лагерей для безработной молодежи, широкое развитие общественных работ по всей стране и, наконец, финансовую помощь штатам для оказания прямой материальной поддержки голодающим семьям безработных. 31 марта конгресс принял Закон о создании лагерей для безработной молодежи (СКК) с целью привлечения к трудовой деятельности под общим наблюдением армейского командования 250 тыс. молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. А 12 мая Рузвельт подписал новый закон, согласно которому создавалась Федеральная чрезвычайная администрация помощи (ФЕРА), получившая в свое распоряжение от казны 500 млн долл. Половина этой суммы предназначалась штатам в виде дотации на организацию помощи безработным. ФЕРА возглавил Гарри Гопкинс, завоевавший в короткий срок огромный авторитет в стране благодаря своей неутомимой энергии и неподкупности.

Весной вновь стали поступать тревожные сигналы из фермерских округов. 9 мая в Белом доме раздался телефонный звонок из Миннесоты: губернатор штата заявил, что фермеры устали ждать, что они доведены до предела распродажами с молотка их собственности за неуплату долгов и готовы на самые крайние меры. Рузвельт немедленно дал указание подготовить правительственное распоряжение о моратории на фермерскую задолженность 46. 12 мая конгресс согласился вотировать аграрную программу правительства: были приняты Закон о рефинансировании фермерской задолженности и Закон о восстановлении сельского хозяйства (AAA). Такая отзывчивость и оперативность правительства и конгрессменов легко объяснимы: на 13 мая была назначена национальная фермерская забастовка. Во что она могла вылиться – никто не знал.

AAA явился крупной вехой в деятельности правительства «нового курса». Главная идея закона заключалась в попытке ликвидировать «ножницы» между ценой, затрачиваемой фермером на производство товарной продукции, и той, которую он получал после ее реализации. Чтобы сбалансировать предложение сельскохозяйственных товаров с рыночным спросом, программа AAA предусматривала в качестве главной меры изъятие из сельскохозяйственного производства части земли путем предоставления фермерам различного рода субсидий за отказ от ее обработки. AAA установил одинаковый процент сокращения посевных площадей для всех хозяйств, что, в свою очередь, возымело неодинаковые последствия для крупных и мелких хозяйств. Крупные землевладельцы и зажиточные фермеры часто совершенно безболезненно для себя шли на изъятие из производства неплодородных, а то и вовсе не обрабатываемых земель, получая значительные премии и займы от государства и обращая их на цели интенсификации производства, за счет чего еще больше увеличивали валовые сборы и доходы. Мелкому же и части среднего фермерства сокращение посевов, несмотря на предусмотренную компенсацию, не сулило особых выгод.

Эти аспекты аграрной программы правительства предопределили неодинаковое к ней отношение фермерских масс. Американский историк Д.К. Файт, проведя тщательное исследование, пришел к выводу, что фермерство в своей массе согласилось с мерами контроля за размерами производства, но восприняло их как «нелюбимое дитя». «Совершенно очевидно, – писал он, – что люди, планировавшие в Вашингтоне аграрную политику, приняли принципиальные решения вне зависимости от мнения фермерских масс, к которому политики отнеслись уважительно скорее в теории, чем на практике» 47. Зажиточное фермерство, крупные сельскохозяйственные компании получили определенные выгоды от правительственной регламентации (они весьма энергично поддерживали AAA) 48, процесс же разорения мелких фермеров хотя и не проходил в столь же мучительных формах, но тем не менее, по существу, не был остановлен. Трудно сказать, какой результат принесло бы правительственное «регулирование» в деле стабилизации цен, если бы не опустошительная

засуха, постигшая многие сельскохозяйственные районы США в 1933–1935 гг. и ликвидировавшая естественным путем часть излишков сельскохозяйственной продукции. «Садовод» из Гайд-Парка начал возрождение аграрного класса с изъятия и ликвидации части плодов его труда.

Правительственная деятельность протекала в ритме стаккато. Выявление новых потребностей или нарастание кризисных явлений в какой-либо части общественного организма вызывало спазм активности администрации, которой в спешке далеко не всегда удавалось найти удовлетворяющее ее само решение. Однако своей бурной деятельностью, отзывчивостью на идущие снизу сигналы, хорошо налаженной обратной связью правительство вносило элемент успокоения и надежды, чем достигало весьма существенного результата – психологического перелома, который прямо «работал» на авторитет «нового курса» и прежде всего самого Рузвельта 49.

Важной реформой, осуществленной правительством по инициативе сенатора Норриса и сразу же завоевавшей признание прогрессивной общественности, явилось создание 18 мая 1933 г. Государственной администрации гидроресурсов долины реки Теннесси для строительства плотин, обуздания паводков, эксплуатации гидроэнергетических сооружений, осуществления мелиоративных работ, производства удобрений и пр. В условиях США это был весьма смелый экономический и политический эксперимент, ибо деятельность нового учреждения базировалась не на частном интересе, а на создаваемой общественной собственности. Невиданная для Америки ломка канонов национального мышления! Невзирая на заявления консерваторов о «социалистическом характере» предлагаемой реформы и «подражании Советам», Рузвельт добился ее одобрения. Еще в 20-х годах группа либеральных законодателей во главе с сенатором Ф. Норрисом добивалась сохранения в руках государства двух заводов военных материалов в Масл-Шоулс (штат Алабама), построенных в годы войны. Но президенты Кулидж и Гувер отклонили все проекты Норриса, мотивируя это тем, что государственная собственность несовместима с принципом частного предпринимательства. Характерно, что победа сторонников реформы Норриса расценивалась в то время представителями радикально-демократической мысли как едва ли не самое крупное достижение «нового курса» в борьбе с монополиями 50.

6 июня был принят Закон о создании федеральной службы занятости. 13 июня конгресс одобрил Закон о рефинансировании задолженности по жилищному кредиту. 16 июня был обнародован Закон о кредитовании фермерских хозяйств (ФКА), принеший немалое облегчение фермерству, задавленному бременем задолженности. Но подлинной вехой в политической истории США этот день стал благодаря другому событию.

Американский историк Э. Хоули пишет: «Для группы конгрессменов, окруживших письменный стол президента утром 16 июня 1933 г., момент был поистине уникальный. Только что несколькими росчерками пера Франклин Рузвельт подписал Закон о восстановлении промышленности (НИРА), который, по оценке самого президента, представлял собой «самое важное и далеко идущее законодательство, когда-либо получавшее одобрение американского конгресса» 51. Содержание закона еще не стало по-настоящему известно широкой публике, а он уже был назван тем рычагом, который способен в самый короткий срок не просто привести в движение весь экономический механизм, а спасти его от разрушения и гибели. Реформистски настроенная часть крупного бизнеса встретила его с ликованием. Джон Рокфеллер-младший характеризовал НИРА как «многообещающее и великое усилие на пути восстановления» 52. Генри Гарриман, президент Торговой палаты США, назвал его сводом правил о «конструктивном сотрудничестве», руководствуясь которым благоразумные лидеры делового мира покончат в своей среде с «промышленными пиратами», «эксплуататорами рабочих» и «беспринципными ценопонижателями» 53.

Можно ли отсюда заключить, что НИРА представлял собой обоснованную и всесторонне продуманную систему мероприятий, венчавшую длительные усилия американской экономической мысли в поисках оптимального режима капиталистического

воспроизводства? Отнюдь нет. Тот же Хоули убедительно показывает, что НИРА был в известном смысле экспромтом, импровизацией, «продуктом скорого обдумывания».

В самом деле, еще в марте 1933 г. у правительства «нового курса» не было конкретных планов экономической реформы промышленности. Сам Рузвельт объяснял это тем, что мнения, рождавшиеся в ходе дискуссии об экономическом планировании и реорганизации, еще не «выкристаллизовались», что и оправдывало, по его мнению, пассивность администрации в этом вопросе. Что же тогда вынудило правительство в необычайной спешке в апреле 1933 г. подготовить проект закона о контролируемой экономике и модернизации трудовых отношений?

Толчок событиям был дан 6 апреля 1933 г. В этот день сенат, уступив давлению со стороны организованного рабочего движения, неожиданно для правительства большинством голосов одобрил законопроект сенатора Блэка о 30-часовой рабочей неделе на крупных промышленных предприятиях. Его авторы и сторонники таким способом рассчитывали уменьшить массовую безработицу, полагая, что это откроет вакансии для почти 6 млн работников. Устами своего президента У. Грина АФТ поддержала законопроект, рассматривая его как выход из положения и угрожая прибегнуть к всеобщей стачке в его поддержку.

Для большинства же промышленников подобная уступка была равносильна полной и безоговорочной капитуляции перед принципом самой строгой принудительной правительственной регламентации условий найма. На очень многих из них удручающе подействовала жесткость обычно угодливого У. Грина. В ней слышалось больше, чем желание просто припугнуть. Однако правительство, убедившись в резко отрицательном отношении крупного капитала к биллю, решило «потопить» его в поспешно подготовленном и вынесенном Рузвельтом в конгресс 17 мая 1933 г. Законе о восстановлении промышленности. НИРА, составленному, как писал Хоули, так же как и закон о банковской реформе, «пророками делового мира» принадлежало центральное место в системе реформ «нового курса». Целями политики регулирования промышленности объявлялись обеспечение «всеобщего благосостояния» путем кооперации между отдельными группами предпринимателей при одновременном достижении при содействии правительства сотрудничества между рабочими и работодателями, устранении «разрушительной конкуренции», ведущей к снижению прибылей, подрыву деловой устойчивости, сокращению инвестиций и занятости.

Упорядочения отношений между предпринимателями и группами предпринимателей было решено добиться путем принудительного картелирования промышленности. Для увеличения занятости, повышения покупательной способности и стабилизации товарного рынка различные отрасли промышленности должны были самоограничить себя «кодексами честной конкуренции». Предполагалось, что в каждой отрасли под наблюдением правительства административными мерами через согласование можно будет остановить пагубный процесс взаимоуничтожения и «ужасного перепроизводства», как выразился Рузвельт, и, следовательно, восстановить силы, выработав строго определенные нормы производства и сбыта, а также определив уровень товарных цен и условия коммерческого кредита.

Важнейшее, прямо-таки историческое значение имело включение в «плоть» закона знаменитого пункта 7(a), устанавливающего федеральное (общегосударственное) регулирование максимальной продолжительности рабочего дня и минимального уровня заработной платы в различных отраслях промышленности. Еще большим разрывом с прошлым (а для многих неожиданным) звучало положение, закрепляющее право промышленных рабочих организовываться в профсоюзы и заключать коллективные трудовые соглашения с работодателями посредством представителей, «избранных самими рабочими». Традиционный для правительства США отказ гарантировать рабочим право на коллективную защиту от произвола предпринимателей канул в Лету.

Группам промышленников вменялось в обязанность жить по европейским правилам,

содействуя, таким образом, созданию условий для ограждения индустриального общества США от одичания. Все оказывалось в руках президента. Подписанные им кодексы становились законом для предпринимателей, а общий контроль за реализацией программы НИРА возлагался на созданную Национальную администрацию восстановления (НАВ) во главе с одним из членов «мозгового треста» генералом Хью Джонсоном. Влиятельный сенатор Роберт Вагнер, автор многих законопроектов о труде, был назначен председателем Национального бюро по трудовым отношениям (НБТ), на которое была возложена миссия содействовать урегулированию трудовых конфликтов в промышленности. Упали на скорый выход промышленного производства из комы. Срок действия НИРА определялся в два года, до 16 июня 1935 г. До этого времени все мероприятия, связанные с осуществлением программы, исключались из сферы действия антитрестовского законодательства.

Не дожидаясь результатов длительной процедуры выработки кодексов для каждой отрасли промышленности, правительство предложило свой типовой образец (так называемый *blanket code*), который мог быть применен к любой отрасли в качестве временной основы восстановления деловой активности. Примерный кодекс устанавливал для служащих максимум продолжительности рабочего времени в 44 часа в неделю, минимум недельной заработной платы – от 12 до 15 долл.; для промышленных рабочих были приняты иные показатели – 35 часов в неделю и от 30 до 40 центов в час. Все отрасли промышленности довольно быстро разработали кодексы, длительность действия которых была различной. В середине 1934 г., согласно докладу НАВ, насчитывалось около 500 действующих кодексов, охватывающих 95 % лиц наемного труда 54.

В ходе первых же совещаний групп промышленников и профсоюзов, занимавшихся выработкой кодексов для различных отраслей промышленности, выявились явно неравноправные условия, в которых оказались рабочие и отраслевые ассоциации предпринимателей. Повсюду ответственность за подготовку проектов временных соглашений была возложена всецело на предпринимательские ассоциации, а участие профсоюзов в их выработке сводилось к критике и внесению поправок. Неорганизованные рабочие, а их было абсолютное большинство, лишались права голоса. Разработанные представителями корпораций кодексы для основных отраслей промышленности, как правило, фиксировали максимум продолжительности рабочей недели выше, а минимум заработной платы ниже по сравнению с официально установленным уровнем. К тому же действие кодексов было неодинаковым по отношению к разным категориям трудящихся. Там, где предприниматели шли на уступки одной категории рабочих, они стремились компенсировать это за счет другой. Рабочее движение к этим недостаткам в правоприменении НИРА отнеслось снисходительно, получив компенсацию в виде законодательства о помощи безработным.

Принятый 12 мая 1933 г. Чрезвычайный закон о помощи (ФЕРА) предназначен был закрыть одну из самых опасных пробоин в тонущем корабле. Полмиллиарда долларов были ассигнованы штатам для ликвидации угрозы голода и массовой пауперизации безработных и членов их семей. Из них 250 млн передавались в особый фонд, находившийся под контролем Администрации чрезвычайной помощи. Сразу же встал вопрос: кто ее возглавит? Честолюбивые планы уже завоевавшего известность Гопкинса, из которых он не делал тайны, едва не были нарушены, когда новый губернатор Нью-Йорка Герберт Леман, сменивший Рузвельта на этом посту, резко возразил против его перевода из Олбани в Вашингтон. Гопкинс ответил военной хитростью. Он телеграфировал Леману 19 мая 1933 г.: «Президент говорит, что связался с Вами по телефону и утром в понедельник ждет меня с докладом». В сильнейшем раздражении Леман сделал выговор Рузвельту, отправив на его имя телеграмму следующего содержания: «Чтобы сделать выбор, в Вашем распоряжении есть вся страна» 55. Пока старые приятели – президент и губернатор – ссорились, Гопкинс мог чувствовать себя в безопасности. Ветеран Демократической партии Джозеф Дэвис так говорил об этом аскетического вида человеке, вскоре ставшем правой рукой президента в деле осуществления беспрецедентных по своим масштабам социальных программ: «Он

обладал чистотой святого Франциска Ассизского, сочетавшейся с хитростью маклера на скачках» 56.

22 мая 1933 г. Гопкинс был приведен в Белом доме к присяге в качестве главного администратора федеральной программы помощи. Поспешив расстаться с торжественностью и выйдя за стрельчатую ограду резиденции президента США, Гопкинс поймал такси и подкатил к старому, полузаброшенному зданию «Уокер-Джонсон билдинг» на Нью-Йорк авеню, которому суждено было стать штаб-квартирой самого расточительного за всю историю США федерального учреждения. Гопкинс тотчас же принялся за дело. «Он сел за письменный стол, – писал Р. Шервуд, – и начал писать телеграммы, не дожидаясь даже, когда придут люди, чтобы передвинуть стол из коридора в его кабинет» 57. Как величайшую сенсацию пресса преподнесла публике сообщение о том, что в считанные часы, пока прислуга приводила в порядок помещение, Гопкинс ухитрился истратить 5 млн долл., передав их штатам для оказания помощи безработным. Кто-то немедленно получил возможность купить еду для детей, кто-то оплатить аренду жилого помещения...

Ничем не примечательное на вид, «Уокер-Джонсон билдинг» как нельзя лучше соответствовало своему назначению. Правительство «нового курса» всячески афишировало свою близость и солидарность с «униженными и оскорбленными», с «забытым человеком», и администрация ФЭРА в этом смысле призвана была играть ключевую роль. Строго придерживаясь этой установки, Гопкинс (с согласия Рузвельта) и остановил свой выбор на старом здании на Нью-Йорк авеню. По их убеждению, во всем внешнем облике штаб-квартиры ФЭРА ничто не должно было напоминать ледяную помпезность и неприступность опостылевших низам бюрократических учреждений, которыми так славились правительственные кварталы Вашингтона. Замысел удался. Либеральная пресса с восторгом писала о воскресении из мертвых быстро ставшего знаменитым на всю страну «Уокер-Джонсон билдинг» и непривычном стиле работы его новых хозяев. Свершилось! Миллионы отверженных теперь имеют своих бескорыстных защитников в новом правительстве. Хотя Гопкинс не являлся членом кабинета, вскоре в нем привыкли видеть главного советника президента, надежную его опору. ФЭРА придал всему «новому курсу» мессианские черты одним своим знаменитым девизом «накормить голодных, и притом чертовски быстро».

Найти людей, к чьим рукам не прилипали бы деньги, отпущенные на помощь голодающим семьям безработных, и к тому же людей, умеющих действовать по принципу «на войне как на войне», было делом исключительно сложным. ФЭРА не превратился в питомник идеалистов и бессребреников. Но наряду с «людьми Фарли» 58, т. е. ставленниками партийной машины демократов, на службу в ФЭРА пришла большая группа молодежи, политические взгляды которой были порой значительно левее и последовательнее, чем даже убеждения главного администратора, что не мешало ей, впрочем, как отмечал журнал «Нью рипаблик», «с комическим усердием копировать его манеры и образ действий» 59. Особую ярость реакционеров вызывала фигура Обри Вильямса, ближайшего сотрудника Гопкинса. Лидер консервативных республиканцев Гамильтон Фиш называл его «одним из самых больших радикалов в стране... одним из самых розовых в составе розовой администрации «нового курса» 60. Но на первых порах Гопкинс с санкции Рузвельта решил всем этим пренебречь 61.

«Гарри взял Вашингтон штурмом, – писал обозреватель в 1934 г. – Многие политики стали объектом для его нападков. Те, кто принадлежал к тори, мечтали снять с него скальп» 62. Чувствуя за собой поддержку президента и потому пренебрегая недовольством со стороны боссов Демократической партии, Гопкинс твердо держит курс на обретение все большей самостоятельности в своих действиях в качестве руководителя ФЭРА. Это отвечало его личным амбициозным замыслам и тайному плану Рузвельта «стреножить», подчинить своему влиянию партийную машину демократов в штатах. С этой целью Гопкинс пустил в ход свое собственное изобретение – сеть особых федеральных чиновников и политических осведомителей, призванных не только самолично определять нужды на местах и руководить организацией помощи, но и служить главным источником информации о состоянии умов, о

настроениях в низах. Гопкинс называл их «мое бюро погоды». Со временем Рузвельт использовал эту сеть информаторов в собственных политических целях, которые очень часто не совпадали с тем, что замышляла старая гвардия демократов. Складывалась некая теневая структура, чья близость к «низам» отражалась и в новых мировоззренческих ценностях.

Основная масса законов и постановлений начального периода «нового курса» была принята в чрезвычайной спешке, за первые три месяца пребывания правительства Рузвельта у власти. Зачастую законодатели на Капитолийском холме не имели времени ознакомиться с существом многих предложений, как они становились законами. Однако скоропалительность дала выигрыш во времени. Это были 100 дней, которые помогли американскому капитализму избежать своего Ватерлоо. 16 июня 1933 г. чрезвычайная сессия конгресса завершила свою работу, приняв серию реформ, беспрецедентных в истории государственной практики США и способствовавших оживлению хозяйственной деятельности. Разумеется, самым важным итогом было то, что экономика США прошла самую глубокую фазу кризиса, и хотя восстановление проходило далеко не последовательно, все же его признаки были налицо. К 1934 г. почти вдвое по сравнению с 1929 г. уменьшилось число банкротств промышленных компаний. Число рабочих на автозаводах в Детройте, где безработица охватила три четверти населения, намного возросло. Расплатившись по займам AAA, фермеры Айовы впервые за много лет заполнили универсальные магазины в Де-Мойне. Давка в торговых рядах напоминала дни рождественских праздников. Театры Бродвея вновь засветились огнями, и во многих из них спектакли прошли с аншлагом. Национальный доход в 1934 г. был на четверть выше, чем в 1933 г. И все же сомнения в устойчивости достигнутого прогресса оставались неизменным элементом общественного умянастроения.

«После двух недель пребывания в Пенсильвании, – сообщала в августе 1933 г. Гопкинсу в Вашингтон одна из его наиболее надежных поставщиков доверительной информации, – у меня сложилось впечатление, что безработица вместе с рабочими волнениями там, где вновь открываются предприятия, через несколько месяцев может вылиться в большие беспорядки... Католический епископ, чья епархия включает Питтсбург и район угольных шахт, где забастовки становятся все более частыми, сказал мне: «Какой бы недостаточной ни была правительственная чрезвычайная помощь, она сейчас является самым главным стабилизирующим фактором. Пенсильванское управление помощи осенью может оказаться без денег, и не исключено, что оно не сможет немедленно найти эти деньги. Если это случится, федеральное правительство должно будет взять эти расходы на себя, иначе... я знаю, о чем говорю, да поможет нам всем Господь Бог» 63.

Размышления об истоках государства «всеобщего благосостояния»

Наиболее часто повторяющейся, шаблонной ошибкой исторической публицистики и политической пропаганды является представление о реформаторстве Рузвельта в виде нагромождения экспериментов, творимых «вслепую», в спешке, без четкого генерального плана, методом ad hoc. Что-то вроде мер по ликвидации пожара на палубе корабля, вспыхнувшего внезапно и вызвавшего панику. Пожалуй, в этом повинны и сам Рузвельт (вспомним его знаменитую инаугурационную речь в марте 1933 г), и его соратники, усердно подчеркивавшие экспериментальный характер «нового курса», сконструированного якобы методом проб и ошибок, а также все последующие поколения исследователей и литераторов различной партийной принадлежности, неодинаковые по своим политическим убеждениям, симпатиям и антипатиям.

Из большого числа наиболее приметных суждений этого рода стоит привести только одно, которое явно того заслуживает, поскольку принадлежит бесспорному авторитету, пронизательному и ироничному Горю Видалу, автору многих знаменитых исторических романов. Обращаясь к анализу перемен в мире, происшедших в 80-х годах XX в. и, в частности, в связи с «перестройкой» в Советском Союзе, он писал в начале 1990 г. в газете «Обсервер»: «Когда в декабре 1986 г. Горбачев поворачивал ход мировой политики, «Тайм»,

этот изначальный пропагандист «холодной войны», предоставил сомнительную честь именоваться человеком года никого не вдохновляющей и малосодержательной фигуре Кори Акино. Но все проходит (Екклезиаст) даже в журнале «Тайм». Вот уже четыре года я сравниваю мастерскую изворотливость и искусство импровизации Горбачева с политическим стилем Франклина Рузвельта. Мою точку зрения называли возмутительной. А теперь «Тайм» 1 января 1990 г. пишет: «Импровизация, скорректированная обратной связью, таким был образ действий Рузвельта... Политический стиль Горбачева наводит на мысль о Рузвельте». Так писала «Тайм». Всею свое время...» 64. Гор Видал не отказал себе в удовольствии снисходительно ухмыльнуться («джентльмены, взросление дается не сразу»). Сочувствуя Горбачеву, он, по-видимому, ожидал, что политические новеллы последнего переживут их автора.

Мастерская изворотливость и импровизация. Историки и политологи всегда с этим охотно соглашались, когда говорили о социальной политике «нового курса» как о вынужденной реакции на возникшие в 1929 г. чрезвычайные обстоятельства – стремительную пауперизацию большинства населения, распространение социального недовольства и социального протеста в различных традиционных и нетрадиционных формах (порой экстремистских). Ныне в свете новых данных и нового опыта это представление нуждается в корректировке. Системный взгляд позволяет увидеть социальную политику Рузвельта на более значительную глубину ее мировоззренческой подосновы, чем это позволительно было сделать с привычных позиций, держа в поле зрения лишь вершину, кульминацию процесса, его результат, и «не замечая» всего остального.

Начнем с того, что Рузвельту было свойственно ассоциативное мышление, предпосылкой которого было всем хорошо известное развитое чувство истории, ощущение исторического времени, в рамках которого ему приходилось действовать, и особой ответственности перед наследием. Далекое не всегда, однако, его биографы учитывают, что это чувство было дано ему не только воспитанием, но и всем жизненным опытом современника и активного участника многих поворотных по своему значению событий первой трети XX века. Целый букет революций и войн: русские революции, мексиканская революция, китайская революция, Русско-японская война, балканские кризисы, Первая мировая война. Наконец, потрясения социальной плоти в самих Соединенных Штатах – всеобщие стачки, фермерские выступления, рост политического радикализма, расовые бунты и расовые погромы. «Второклассный интеллект, но первоклассный темперамент» 65, – сказал после встречи с Ф. Рузвельтом 8 марта 1933 г. девятидвулетний судья Оливер Уэнделл Холмс, по-видимому, подразумевая, что вновь избранному президенту недостает кругозора, адекватного сложнейшей ситуации, в которой он оказался в момент своей инаугурации. Не один только мудрый старец Холмс, почитаемый интеллектуальной элитой Америки, обманулся в оценке способности Рузвельта мыслить концептуально, масштабно, системно-последовательно, реалистично определяя главное и второстепенное в иерархии национальных приоритетов. Между тем задолго до драматических дней марта 1933 г. Рузвельт совершил ту скрытую от глаз внутреннюю эволюцию и подготовительную работу, которая позволила ему найти контрапункт всей программы реформ. Рэксфорд Тагвелл говорит об этом так: «...Он (Рузвельт. – В.М.) знал, что он должен быть президентом всего народа, а не только тех американцев, которые голосовали за него» 66. Уже одно это требовало озаботиться о доступности благ для всех и для каждого.

Ощущение всенародной избранности как психологическая, а затем политическая установка родилась не благодаря только какому-то озарению под напором непрерывно растущей с 1929 г. социальной напряженности и, как тогда принято было говорить, «грома слева». Она выросла из размышлений вокруг опыта бурно развивающихся с конца XIX в. процессов и сдвигов в анатомии и физиологии индустриального общества, накопления в его недрах в годы войны взрывоопасного горючего материала, вызывающего революционные потрясения повсеместно и с такой же неотвратимостью, как муссонные ливни или торнадо в прериях. Летом 1919 г. всегда чутко улавливающая общественные настроения и отражающая

их в своей обширной переписке супруга будущего президента Э. Рузвельт писала в письме из Вашингтона: «Сейчас все обеспокоены стачками и рабочим вопросом. Я считаю, что наступила новая эра, когда должны быть произведены революционные изменения в идеях, привычках и обычаях, если мы не хотим столкнуться совсем с другой революцией!» 67 Революционные методы против революции? Можно понять и так. Главное же, способ мышления выдавал фамильную черту Рузвельтов – бесстрашное отрицание идолопоклонства, отказ от идеализации прошлого и настоящего, устремленность в будущее в сочетании с политическим реализмом.

Ф. Рузвельт в рискованном для молодого политика идеологически нонконформистском, эпатазирующем духе озвучил этот вольтеринский порыв в своей знаменитой речи перед Национальным комитетом Демократической партии в мае 1920 г. Предложенную им политическую стратегию он назвал «здравым либерализмом» в противовес политике «консерватизма и реакции» республиканцев. Идея борьбы с привилегиями элиты и акцент на всеобщем благе пронизывали эту по-своему программную, хотя в терминологическом отношении несколько расплывчатую, речь. Ее концовка звучала как призыв к наступательным действиям во имя решительных перемен в социальной сфере общественной жизни. «Итак, – говорил Рузвельт, – мы приближаемся к началу избирательной кампании 1920 г. и подходим к ней, вооруженные основополагающими установками, сориентированными на будущее: консерватизму, социальным привилегиям, дискриминации и разрушению мы противопоставляем либерализм, здравый смысл, идеализм, конструктивность, прогресс» 68.

Все, как видим, оставалось в рамках и терминах вильсоновской риторики – «здравый смысл», «идеализм», «прогресс», – но Рузвельт явно лучше, чем кумир просвещенного либерализма, ощущал необходимость укрепления связи партии больших городов и южных плантаторов с пестрым и быстро увеличивающимся сектором электората, чье благополучие в материальном, правовом и социально-статусном смысле в первую очередь зависело от поддержки государства, его готовности прийти на помощь тем, кто испытывал особо острую зависимость от колебаний экономической конъюнктуры и произвола финансово-промышленных кланов. В августе 1920 г. на формальной церемонии открытия избирательной кампании Рузвельт говорил: «Мы против вторжения денег в политику, мы против частного контроля над национальной финансовой системой, мы против превращения человека в обычный товар, мы против передачи городов под власть содержателей салунов, мы против нищенских заработков рабочих, мы против верховенства групп или клик» 69. Под этой формулировкой мог бы подписаться любой западноевропейский социал-демократ.

Поражения демократов после Первой мировой войны, общественная апатия «эпохи нормальности» и тяжелая болезнь стали испытанием на прочность, но они не отвратили Рузвельта от дальнейшего продумывания новой социальной доктрины. Напротив. Физически неутомимое некогда тело оказалось парализованным, но пытливый ум сохранял способность улавливать самые тонкие нюансы меняющейся внутри страны и во вне ее обстановки. В рецензии на книгу своего друга Клода Бауэрса «Джефферсон и Гамильтон», опубликованной в популярной тогда газете «New York World» (декабрь 1925 г.), Рузвельт идентифицирует свое миропонимание с Джефферсоном, «который вернул правительство рядовому избирателю», разрушив монополию аристократии богатства и власти. «Возможно, мы когда-нибудь получим своего Джефферсона», – заключал он. После повторного успеха республиканцев на общенациональных выборах это звучало смелым и не вполне своевременным выпадом со стороны представителя аристократических семей. После своего неожиданного появления на конвенте демократов в июне 1924 г. Рузвельт не участвовал в подготовке политической платформы партии, но, прибегнув к типичному для себя маскараду, он руками своего идейного alter ego, супруги Элеоноры Рузвельт, внес целый пакет предложений к программе социального законодательства. В массе своей они предвосхищали социальное законодательство «нового курса» 70, и хотя и были отвергнуты комитетом по резолюциям, тем не менее набрали внушительное число голосов. Это была

маленькая проба сил с подстраховкой, позволяющей избежать серьезного риска политической компрометации, с последующим отнесением к разряду радикальных прожектеров и неудачников.

Тезис о «забытом человеке» и отказ от романтизации предприимчивого, подчиняющего судьбу сверхчеловека составили костяк идейной платформы губернатора Рузвельта. Политико-философский и морально-этический подтекст этой непопулярной в его собственной партии и вызвавшей бурю возмущения у оппозиции объективизации строился на убеждении, что экономика относится к средствам, а не целям жизни, что человек есть первореальность, что жесткая индивидуалистическая модель развития (при которой выживает сильнейший, не озабоченный моралью, а уделом слабого и просто неповоротливого становится благотворительность и признание собственной неполноценности) выработала свой моральный ресурс, изжила себя. И еще на одном, в значительной мере интуитивном ощущении, – что государство вследствие развития той же самой экономики и усложнения социальной структуры приобретает ключевое значение как мощный инструмент, способный остановить хищническое ограбление нации, вернув ей ощущение первородства, самооценности. Сразу после выборов 1928 г. Рузвельт сделал многозначительное заявление-прогноз, вобравшее в себя разнообразные нюансы идущей повсеместно (и в Европе, и США) с конца войны острой общественной полемики: «Я убежден, – говорил он, – что в будущем государство... возьмет на себя значительно большую роль в жизни его граждан... Сегодня некоторые склонны считать, что эта мысль является типично социалистической. Мой ответ им будет таким: она «социальная», а не «социалистическая» 71. Требовалось незаурядное политическое мужество, чтобы говорить об этой дифференциации в момент яростных гонений на инакомыслие.

Но Рузвельт неспроста обращался к этой небезопасной в Америке теме в ряде своих публичных выступлений и до и после осени 1928 г., хотя большинство его слушателей наверно тогда и не уловило всех тонкостей сделанного им противопоставления социального и социалистического вместе с констатацией возрастающего значения социальной функции государственной власти. А между тем во всем этом была своя интрига. Первое. Игра в понятия «социальный» – «социалистический» переводилась как «уже не либерализм и еще не социализм». Нечто такое, что посередине и к тому же не неизменное в своей зависимости от грядущей жизни, или по-другому: после Великой войны нельзя быть подлинным (не назывным) прогрессистом, если бояться «крутых» мер в социальной сфере, ассоциируемых кем-то пусть даже и с социализмом. Второе. Рузвельт не побоялся сформулировать на перспективу новую доктрину социальной ответственности государства за судьбы своих граждан. Но он сделал это не в категорической форме, ибо не принадлежал к числу политиков, мыслящих императивами. Но это и не была импровизация, пусть даже скорректированная обратной связью. Скорее здесь уместнее говорить о политической доктрине, построенной (как говорил Н.А. Бердяев) на интуиции конкретной жизни и исторической прозорливости. В Европе, да и во всем остальном мире социал-демократия в послевоенное время усилила и укрепила свое влияние. Гонимая с Востока волна грозила докатиться до берегов Америки. Губернатор Нью-Йорка, чутко улавливая вектор изменений, стремился противопоставить приливу леворадикальных идей стратегию упреждающих действий.

Программа реформ, предложенная Рузвельтом опешившему законодательному собранию штата (где в обеих палатах большинство принадлежало республиканцам), показала, что конкретно понимает губернатор под социальной ответственностью государства: помощь фермерам и фермерским кооперативам, меры контроля за рынком сельскохозяйственных продуктов, улучшение рабочего законодательства, поддержка школы, реструктуризация налогообложения с целью выравнивания доходов, наконец, передача в общественный сектор производства электроэнергии и неординарные меры по реформе системы здравоохранения. Каждая в отдельности из предложенных реформ не была чем-то

необычным, исходя из мирового опыта, но все вместе они составляли некую подкритическую массу даже для самого либерального штата в составе США. По крайней мере, в глазах консерваторов. Уже один этот перечень показывал, к какой части политического спектра принадлежал губернатор. И все это венчал призыв к новой Американской революции против баронов-грабителей в «Большой индустрии» 72.

В 1931 г., в разгар экономического кризиса, губернатор Рузвельт нанес еще один болезненный удар по идеологическим опорам американизма в том его понимании, которое культивировалось сторонниками «твердого индивидуализма», с железной непреклонностью отвергавшими идею наделяния государства функцией социальной защиты граждан, обездоленных экономической стихией. Социал-дарвинизм вынужден был оставить важные позиции, когда летом 1931 г. законодательное собрание штата Нью-Йорк, созванное на специальную сессию главой исполнительной власти, без проволочек приняло закон о чрезвычайной помощи по безработице («Закон Уикса»), предусматривавший создание специальной Временной администрации помощи. Словечко «временная» оказалось утешительной уступкой фанатам формулы «выживает сильнейший». Была пробита брешь в антистейтстском мировоззрении, где узаконение фактического неравенства уживалось с культом джефферсонизма и фарисейски циничным отношением к праву выбора рядового американца, «маленького человека». «Возница» предлагал выбираться на дорогу, не теряя даром времени и не пасуя перед критикой со стороны хранителей «американизма» и обвинениями в тайном сочувствии радикализму на европейский манер. Пройдет какое-то время, и судья Феликс Франкфуртер, сблизившийся в эти годы с губернатором Нью-Йорка и собравший вокруг него команду интеллектуалов («мозговой трест»), в письме другу-скептику У. Липпману скажет, что Америке следует идти именно таким путем, ведущим к «чему-то вроде эгалитаризма» 73.

Итак, инкубационный период «нового курса» содействовал, а может быть, даже обеспечил создание необходимого интеллектуального задела для реализации будущей программы преобразований. Образно говоря, черновой вариант ответа на вопрос «Что делать?» сложился задолго до «экспериментальных» 100 дней. Без такого накопления интеллектуального капитала, размышлений об опыте других стран этой программы просто бы не было. Далее. В главном и основном Рузвельтом и его сплоченным окружением была продумана и политическая стратегия реформ, для которой едва ли кто-нибудь другой лучше Рузвельта мог бы найти короткое, но метафорически емкое и неповторимо близкое к сути обозначение: «чуть-чуть левее центра».

Идеи и короткий, отнюдь не заверченный опыт социального реформаторства, приобретенный Рузвельтом в конце 20-х – начале 30-х годов на посту губернатора штата Нью-Йорк, имели своей проекцией более чем десятилетний бурный период политической активности, вошедшей яркой страницей в историю XX столетия. При этом социальная политика Рузвельта в период президентства была настолько органично увязана с каждым шагом президента как национального лидера, всем его обликом и риторикой, что в глазах всех будущих поколений стала идентифицироваться исключительно с личностью великого политика. Однако это было только отчасти справедливо, если учитывать субъективные устремления самого Рузвельта, который мог проявлять и осторожность, и медлительность, и даже нежелание что-либо менять в тех случаях, когда это угрожало неустойчивому равновесию между основными общественными силами, между низами и верхами. Само время и ход событий выступали соавторами реформ, не только диктуя линию поведения Рузвельта, но и формируя энергетику «нового курса» в целом, его внутреннюю динамику, прямо связанную, прежде всего, с экономическими условиями и с ситуацией в сфере социально-классовых отношений.

Предлагая обществу каскад преобразований и обновленческих идей (в истории американских администраций они носили беспрецедентный характер), Рузвельт имел существенное преимущество перед реформаторами прошлого как в Америке, так и в других странах. Весь период реформ «нового курса» в США протекал в обстановке сохранения

относительной стабильности государственных институтов и традиционных политических структур в стране как на федеральном, так (в основном) и на местном (штатном) уровнях. Сформировавшееся и жизнеспособное гражданское общество, воспитанное на уважении к конституционному порядку и предоставляющее выход общественному недовольству через легитимные каналы – прессу, парламентскую оппозицию, лоббизм, различные формы религиозно-общинной деятельности, просветительство и т. д., – служило своеобразным амортизатором, снимающим избыточное социально-политическое напряжение. Но, бесспорно, многое зависело от политического лидера, способного, как писал Альфред Вебер, служить «образцом индивидуальности» 74. Рузвельт оказался таким лидером. Он остерегался крутых, пропагандистски эффектных экспромтов, способных в случае неосторожного движения или идеологического «выверта» вывести конституционно-правовую и государственную системы из равновесия. В его планы не входил и отказ от основных постулатов американизма, традиционных ценностных приоритетов либерализма. Он не предавал анафеме прошлое, а лишь требовал хладнокровно демистифицировать его реальный контекст, трезво оценить его плюсы и минусы. Оставаясь реформатором, Рузвельт не стремился продемонстрировать пренебрежение к превратностям ради того, чтобы остаться в «памяти на века».

Хладнокровный учет масштаба кризиса и возможностей его преодоления без великих потрясений – вот что, пожалуй, отличало действия Рузвельта как политика. Здесь кроется объяснение многих «нетипичных» особенностей политической ситуации в стране. Так, имущественные, социально-классовые противоречия в Америке в годы Великой депрессии обострились, но президент искусно и эффективно, используя весь арсенал доступных ему средств, препятствовал политизации общества, которая подвела к краю пропасти такие страны, как Россия, Германия, Испания, Франция. В стране развивались как леворадикальные, так и правозэкстремистские движения, но их рост сдерживался изобретательной, гибкой политикой властных структур, ньюдилеров снизу доверху, идеологически открыто не противопоставлявших себя ни правым, ни левым, а главное, всерьез при поддержке федерального правительства взявшихся за работу по трудоустройству безработных, строительству муниципального жилья, модернизации трудового права, борьбе с преступностью, организации помощи фермерам, деятелям культуры, перестройке банковской системы, образования, созданию системы социальной защиты населения, улучшению инфраструктуры городов и поселков, техники безопасности и т. д. Поворот властей лицом к непривилегированным слоям вызывал спонтанный оптимизм, от которого, как говорил английский экономист Кейнс, зависит большая часть (в отличие от ожиданий, основанных на расчетах и стремлении к выгоде) позитивных устремлений человека, его способность к реальным свершениям, действиям. Этот «психологический множитель» наряду с воспроизведением Рузвельтом многих почерпнутых из арсенала леворадикальных и популистских движений практических предложений перекрыл каналы распространения влияния последних на широкие социальные низы, общественные и профессиональные организации. Подавляющее большинство из них оставалось более или менее последовательными сторонниками «нового курса» и президента Рузвельта до самого конца.

«Выполнимая программа реконструкции» с ударением на первом слове этого словосочетания – вот квинтэссенция той формулы практических действий, с которой Рузвельт обратился к народу. Президент-демократ отказался от формулирования «великих замыслов». Создание нового типа государства – «государства всеобщего благосостояния, где простые люди – рабочие, фермеры, интеллигенты, мелкие предприниматели – могли бы чувствовать себя защищенными в процветающем обществе, составляло содержание высказанных им в речах мыслей, ставших его платформой. Она была предельно проста и понятна, хотя и обладала важной отличительной чертой, оставаясь даже в годы войны адресной и социально ориентированной. Тем она отличалась от реформ и преобразований Бисмарка, обусловленных милитаристскими целями. Все же остальные свойства (вплоть до обвинений в закоммунизированной прокоммунистической направленности) были по большей

части либо приписаны «новому курсу» его сторонниками и противниками, либо являлись плодами «творчества» на местах, где те или иные политические группировки, поддерживая в целом президента, уклонялись по собственной инициативе влево и даже пытались перехватить лидерство у умеренного ядра Демократической партии.

Основополагающие принципы Локка и Бентама Рузвельтом нарушены не были 75. Поверим Л. Харцу, хотя есть и другие мнения. Еще раз отметим, что и в годы Второй мировой войны, принесшей стране небывалое экономическое процветание, Рузвельт не изменил своей концепции активного государственного дирижизма в целях продолжения эффективного функционирования гражданского общества, имеющего сбалансированные социальные и межэтнические отношения, а главное – не на словах, а на деле озабоченного материальным благополучием и сильных, и слабых. Вошедший в обиход термин «welfare state» хорошо передавал процесс перевоплощения «американской мечты» в силу изменения как внутренних, так и внешних условий в уравнение социального статуса богатых и бедных, признания принципа социальной защищенности граждан страны 76.

Все сказанное не противоречит тому, что Рузвельт зачастую намеренно уходил от включения в повестку дня многих вопросов, способных позволить сравнить его со сторонниками более радикальных мер. Между тем среди них были жгучие вопросы о международных и межрасовых отношениях, о гражданских правах для черных американцев, о федеральной системе обязательного медицинского обеспечения населения и др. Рузвельт отклонил требования форсировать принятие соответствующего законодательства по этим вопросам, полагая, что общество не готово принять его на основе добровольного консенсуса, устраняющего возможность серьезного всплеска социально-классовых конфликтов. Отвечая на вопрос о сущности его социальной философии, он заявил как-то, что является и демократом и христианином. В этой преднамеренной расплывчатости, собственно, и заключалось понимание им задач общественного обновления, идущего дальше классического либерализма, но не порывающего с ним.

Инициативная роль исполнительной власти в проведении реформ и политики социального партнерства сопровождалась усилением института президентства. И это было еще одной важной чертой концепции «welfare state». Фактически он автоматически наделялся особыми полномочиями, не предусмотренными конституцией. Возник феномен «имперского президентства», стремящегося на себе замкнуть принятие многих важных решений по реформированию сверху экономики и государственных структур.

Говоря об особом понимании Рузвельтом функций «ответственного правительства», нельзя не сказать о региональном аспекте его «Плана реконструкции». Особенно характерен пример Юга. К 30-м годам Юг в социально-экономическом отношении если и занимал особое место в экономической структуре, то, скорее всего, как некий реликтовый политико-культурный субстрат, как «зона сплошной бедности» и отсталости. Однако южные политики, представлявшие, в сущности, однопартийную структуру (на Юге полностью доминировали демократы-диксикраты) в рамках национальной двухпартийной системы, играли очень важную роль в конгрессе и его комиссиях, как правило, лидируя в организации сопротивления нововведениям, закладывающим основы «государства всеобщего благосостояния». Рузвельт сумел добиться здесь перелома. Лидеры демократов, используя свое влияние на комитеты конгресса, сумели сгладить главные противоречия между южным (консервативным) и северным (либеральным) крыльями партии и тем самым не только предотвратили раскол, но и создали предпосылки для превращения «черного пояса» в анклав движения за «социальное государство». Фигура спикера палаты представителей Сэма Рейберна, южного демократа, но надежного сторонника Рузвельта, показательна в этом смысле. Однако цена, которую приходилось платить за единство, была достаточно велика: уход от прямой критики недемократических, расистских порядков на Юге и отказ от форсированного внедрения идей равенства белых и афроамериканцев. Неясные и невыясненные (в достаточной мере), но тем не менее существовавшие планы Рузвельта повести дело (после выборов 1940 г.) в направлении реорганизации Демократической партии

с целью создания на ее базе новой «прогрессивной» партии, очищенной от консервативных элементов, во многом были связаны со сложными взаимоотношениями Рузвельта с местными партийно-политическими элитами, особенно на Юге.

Политический ландшафт США 30-х годов благодаря социальному реформаторству Рузвельта изменялся очень динамично. Но эти изменения носили неоднозначный характер. И большинство из них имело свою специфику в региональных границах, хотя сжатие или расширение социальной базы реформ вело к обновлению обеих ведущих партий в целом – Демократической и Республиканской. Республиканская партия сблизилась, например, с либеральными реформаторами в промышленных центрах Северо-Востока и в Калифорнии и сползла на более антиреформаторские позиции в некоторых западных штатах и на Среднем Западе. Прогрессивный республиканизм на Среднем Западе, оставивший заметный след в политической истории США в 1900–1939 гг., фактически исчез к 40-м годам полностью. Фермерство охладело к государственному регламентированию, требуя невмешательства в его хозяйственную деятельность. В условиях оживления экономики и роста доходов оно жаждало большей свободы и независимости.

Видя неоднозначные изменения в общественных настроениях, Рузвельт в своих действиях руководствовался не идеологическими, а преимущественно чисто политическими соображениями. Президент предпочитал взаимодействовать с прочно устоявшимися политическими машинами или организациями, предлагая им взамен поддержки тех или иных начинаний свой патронаж, финансовую помощь городу, штату и т. д. Его не столь сильно занимала партийная принадлежность той или иной политической организации и идеологическая окраска ее программных заявлений, сколько ее конкретная позиция в отношении реформ, реальные масштабы ее влияния на электорат и возможность использовать его в собственных целях. Идеологический фактор во взаимодействии президента с общественными силами был сведен к минимуму, поскольку он мог только препятствовать осуществлению Рузвельтом его миссии модератора, гаранта политической стабильности, посредника в классовых отношениях. Он даже порой принимал поддержку общественных сил, в которых лидирующую роль играли коммунисты и социалисты. Таким путем ему удавалось сохранить за собой политическую инициативу.

Эпоха «нового курса» наложила свой, и притом решающий, отпечаток на всю последующую экономическую, социально-политическую и духовную жизнь США, на модификации ценностных ориентаций американцев, их представлений о том, каким должно быть модернизированное государство «первой новой нации», его функции после краха вигистской модели и в условиях склонения к тоталитарным моделям и распространения этатизма. Идею «государства всеобщего благосостояния» Рузвельт сумел выразить в следующих немногих, но емких словах, вобравших суть проводимых им реформ, и прежде всего создания условий для осуществления более справедливого распределения национального богатства при концентрации усилий на решении проблемы бедности: «О мере нашего прогресса следует судить не по тому, сколь большим будет приращение к благополучию тех, кто и без того не обделен богатством, а по тому, достаточно ли мы поддержали тех, кто владеет слишком немногим» 77. Он мог бы выразить ту же мысль словами великого русского публициста: «Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи?»

Глава III Гром слева

Рузвельт: одна треть нации живет в плохих домах, плохо одета и плохо питается

Если в области восстановления деловой активности меры, принятые правительством в

необычайной спешке, привели к неожиданно скорому улучшению, то в плане решения острейшей национальной проблемы, непосредственно касавшейся судеб миллионов людей, – проблемы занятости достижения администрации были весьма скромными. Многие исследователи говорят даже о провале программы борьбы с безработицей, осуществляемой под эгидой различных правительственных ведомств начиная с 1933 г.

В самом деле, главная цель всей социальной стратегии рузвельтовских демократов – обеспечение полной занятости или хотя бы приведение безработицы к докризисному уровню – осталась голубой мечтой. «Статистика... – пишет известный американский исследователь Милтон Дербер, – почти не нуждается в комментариях. Достаточно сказать, что лишь в самый разгар краткосрочного кризиса после Первой мировой войны уровень безработицы составлял 11,7 % от общего числа занятых. А чтобы еще яснее представить себе трагические масштабы Великой депрессии, надо вспомнить, что никогда после кризиса 1893–1896 гг. этот уровень не достигал и 9 %» 1. Сравнение действительно не в пользу «нового курса». В 1939 г. уровень безработицы составил 17,2 % (9,5 млн человек), т. е. примерно в 6 раз превышал 1929 г. 2. Незадолго до очередных президентских выборов 1940 г., которые сам Рузвельт рассматривал в качестве критического рубежа в своей политической карьере, в стране безработных было больше, чем в 1931 г., т. е. в апогее краха, в момент чрезвычайно низкой деловой активности и массовых увольнений. Фактически только мировая война спасла американскую экономику от очередного спада и нового увеличения массовой безработицы 3.

Процесс обнищания и пауперизации больших масс городского населения страны так и не удалось приостановить полностью. Зимой 1934 г. число тех, кто получал прямую материальную помощь по безработице, составляло свыше 20 млн человек. Но размеры этой помощи не превышали 16 долл. в месяц на семью из четырех человек. К 1937 г. это пособие в связи с ростом стоимости жизни было несколько повышено (до 20 долл.), однако и эта сумма не покрывала самых скромных расходов на питание, не говоря о прочих статьях семейного бюджета 4. Джон Льюис, бесспорно ведущая в ту пору фигура в прогрессивном крыле профсоюзного движения США, был не всегда объективен в оценке деятельности администрации Рузвельта (порой темперамент, болезненное честолюбие или чисто политические соображения мешали ему хладнокровно судить о сути происходящего). Но, выступая на съезде союза горняков в Коламбусе (штат Огайо) в 1940 г., он дал точную оценку сложившейся ситуации в области занятости, которую никто, включая и самого Рузвельта, не мог бы оспорить. «Мы вступаем в новый год, – говорил он, – с сознанием, что Демократическая партия не выполнила свои обязательства перед американским народом. Находясь семь лет у кормила власти, она так и не смогла решить главный вопрос – вопрос о безработице... По-прежнему над страной витает дух отчаяния...» 5

Отмечая в целом положительное значение создания системы федеральных общественных работ, левые и прогрессисты критиковали администрацию Рузвельта сильнее всего именно за склонность к полумерам, стремление подчеркнуть временный характер государственного вмешательства, связать ограниченность помощи моральными соображениями, как многим казалось, совершенно неприемлемыми в возникшей обстановке 6. А между тем признаки нарастания кризиса во всей системе организации помощи безработным, созданной администрацией «нового курса» и продублированной на местах, особенно заметно проявились с середины 1937 г. Ухудшение положения с наибольшей силой ощущалось в крупнейших промышленных штатах – Огайо, Пенсильвании, Иллинойсе и др. В Нью-Джерси власти отказали всем нуждающимся в помощи, предоставив взамен ее лицензии на право сбора подаяния 7. Губернатор Огайо вынужден был отдать распоряжение организовать одноразовое питание тысяч голодных людей с помощью походных кухонь частей Национальной гвардии 8.

Проведенные обследования подтвердили, что позорное явление коллективного нищенства и существования за счет городских свалок, с которым демократы торжественно обещали покончить еще в 1932 г., продолжало оставаться печальной реальностью.

Миллионы американцев и общество в целом продолжали уплачивать тяжкую дань массовой безработице ослаблением семейных уз, искалеченными судьбами молодежи, упадком морали, ростом преступности, самоубийствами, тяжелыми недугами. Созданная ньюдилерами система общественных работ под руководством министра внутренних дел Г. Икеса и Г. Гопкинса (ВПА и СВА) смогла снять лишь часть груза проблем, и это проявило себя столь отчетливо, что даже среди многих ее политических сторонников возникло убеждение в тщетности усилий изменить положение к лучшему без создания мощного государственного сектора в промышленности и строительстве, способного развиваться на плановых началах и предоставить работу тем, кто лишился ее на частных предприятиях.

Оживление экономики, трудовое законодательство «нового курса» в сочетании с главным фактором – решительной борьбой рабочего класса более заметно сказались на положении занятой части трудящегося населения. Была сокращена (и в ряде случаев существенно) продолжительность рабочей недели, повышены минимальные ставки заработной платы низкооплачиваемых категорий работников, запрещен и ликвидирован детский труд, улучшены условия труда рабочих в ряде отраслей, где профсоюзы, воспользовавшись расширением своих прав, сумели добиться осуществления требований рабочих. Речь идет, разумеется, об известном улучшении в положении промышленных рабочих в целом. Однако «кодексы честной конкуренции», разработанные предпринимателями для отдельных отраслей, как известно, отличались друг от друга. Некоторые из них не включали пункты, предусматривающие минимальные ставки зарплаты, в других ничего не говорилось о снижении продолжительности рабочего времени.

Аграрное законодательство «нового курса», несмотря на каскад осуществленных нововведений и реализованных под эгидой правительства проектов, оказало двойственное влияние на положение сельскохозяйственного населения Америки 9. Крупные и некоторая часть средних фермеров, получившие правительственные премии за выключение части земель из производства и обратившие полученные от государства средства на интенсификацию ведения хозяйства, смогли извлечь из них немалые выгоды, поскольку осуществление всех мероприятий в рамках AAA проходило при тесном взаимодействии с организацией крупного фермерства – Американской федерацией фермерских бюро. В то же время положение мелких фермеров и в особенности арендаторов, кропперов – издольщиков и сельскохозяйственных рабочих по-прежнему оставалось тяжелым, а во многих случаях ухудшилось в связи с тем, что программа сокращения производства означала для них либо разорение и принудительный сгон с земли, либо низведение до уровня натурального хозяйства 10.

Ухудшение положения беднейшей части сельскохозяйственного населения и обострение ситуации в «хлопковом поясе» заставили правительство заняться проблемой «забытых фермеров». В апреле 1935 г. Рузвельт объявил о создании Администрации по переселению, на смену которой в 1937 г. пришла Администрация по сохранению фермерских хозяйств. Одновременно было принято законодательство об ассигновании 80 млн долл. для предоставления в виде займов фермерам-арендаторам с целью покупки собственных ферм. В теории эта программа должна была содействовать улучшению материального положения малоимущих групп сельского населения. На практике же предоставленными льготами смогло воспользоваться лишь незначительное меньшинство арендаторов 11. Разорение фермерства и имущественное расслоение продолжались ускоренными темпами. Всего с 1935 по 1940 г. в США исчезло 716 тыс. ферм (10,5 % общего числа) 12. Задолженность фермерства в 1940 г. достигла огромной цифры – 10 млрд долл. 13. Неутешительный итог непрерывных семилетних усилий в попытке излечить сельское хозяйство страны от одолевавших его недугов! Лишь война, появление огромного рынка сбыта продовольственной продукции в воюющие страны, упадок сельскохозяйственного производства во многих регионах и сдвиги в экономическом развитии Юга в связи с военно-промышленной конъюнктурой приостановили кризис в сельском хозяйстве США и создали предпосылки к его модернизации и подъему. Отношения администрации «нового курса» с

фермерством складывались сложно в силу непредвиденных поворотов в развитии аграрной экономики. А это, в свою очередь, приводило подчас к прямо противоположным результатам в реализации правительственных программ помощи. Но так или иначе в выигрыше всегда оставалось крупное, капиталистическое фермерство 14.

И все же при проведении экономических реформ не было в США другого такого слоя населения, на положении которого осуществление «нового курса» сказалось бы столь же противоречивым образом, как это случилось с двенадцатью миллионами афроамериканцев. Во время избирательной кампании 1932 г. Рузвельт обещал отнестись с полным пониманием и беспристрастием к вопросу о включении американцев с черной кожей в сферу воздействия чрезвычайных мер помощи «забытому человеку» 15. Однако на практике эти меры оборачивались для негритянского населения далеко не однозначными последствиями. Хотя более половины его в 30-х годах жило в сельской местности, главным образом в хлопкосеющих штатах Юга, только 20 % черных фермеров были собственниками земли, которую они обрабатывали. Остальные трудились на земле крупных землевладельцев в качестве арендаторов и батраков. Система кропперства и издольной аренды – своеобразная модификация рабского труда периода, предшествовавшего Гражданской войне, немногим улучшала материальный и правовой статус вчерашних невольников. Невзгоды же аграрного кризиса 20-х годов плюс экономическая катастрофа 1929–1933 гг. сделали положение этой беднейшей части сельскохозяйственного населения Америки просто безвыходным. Администрации «нового курса», таким образом, представился великолепный случай явить стране свой «непредвзятый» подход в вопросах помощи, политическое бескорыстие и гуманизм.

Однако первые же итоги претворения в жизнь Закона о восстановлении сельского хозяйства (AAA) показали, что мероприятия по сокращению сельскохозяйственного производства и изъятию из обработки части пахотной земли делали страдающей стороной прежде всего именно эту, самую нуждающуюся часть сельского населения. Они не могли принести никаких выгод тем, кто и без того владел ничтожной площадью земли или же вообще ничего не имел, всецело завися от прихоти лендлорда, его способности и заинтересованности вести расширенное воспроизводство. Черные фермеры, издольщики и батраки фактически не могли выправить положение, используя механизм арбитражных комиссий. Осуществлявшие все контрольные и распорядительные функции на местах представители белых лендлордов не оставили черным арендаторам и кропперам никаких шансов на справедливое рассмотрение их жалоб 16. О решимость «кавалеров» не допустить ослабления зависимости арендаторов от хозяев плантаций разбивались все попытки толкования аграрного законодательства «нового курса» на беспристрастной, равноправной основе.

В свою очередь, федеральные чиновники стремились держаться «нейтрально» ради обеспечения поддержки лендлордов в реализации общей программы. Воспользовавшись этим, плантаторы не допускали к процедуре выработки рекомендаций и наблюдению за распределением правительственной помощи представителей черных арендаторов, обеспечив за собой все преимущества и льготы, предоставляемые AAA. Результаты не замедлили сказаться. Данные Бюро цензов за 1940 г. показывают, что в том году в США насчитывалось почти на 200 тыс. меньше черных арендаторов, чем их было в 1930 г. 17. Бросая землю, черные американцы целыми общинами переселялись с Юга на Север, в промышленные центры, оседа в трущобах гетто и пополняя армию безработных.

И хотя реформы «нового курса», начиная с НИРА, внесли известные перемены к лучшему в положении городского черного населения 18, однако размеры пособия во многих местах (особенно на Юге) были столь малы, что не покрывали и сотой доли расходов негритянской семьи на питание, одежду и кров, а на общественных работах черные сплошь и рядом подвергались унижительному обращению, дискриминации и разного рода ущемлениям 19. Тем не менее в целом нужно признать, что положение афроамериканцев уже не было столь трагичным, как двумя годами раньше, в период правления республиканцев, хотя

Рузвельт отказался предпринимать что-либо основательное с целью улучшения социально-правового положения черного населения. Этот аспект проблемы им даже не рассматривался.

Правда, шагом вперед был формальный отказ Национальной администрации восстановления включить в «кодексы честной конкуренции» положения, не признающие равенства прав белых и черных рабочих в вопросах зарплаты. И хотя предприниматели нашли тысячи лазеек, чтобы уклониться от распространения пункта о минимуме заработной платы на черных, тем не менее в целом правительственная регламентация условий найма налагала известные моральные ограничения на дискриминационную практику предпринимателей на крупных промышленных предприятиях, транспорте и в горнодобывающих отраслях. Однако большое число черных рабочих было занято на мелких предприятиях с устаревшим оборудованием или в сфере услуг, конкурентоспособность которых всецело зависела от затрат на переменный капитал. Удорожание рабочей силы в связи с введением новых правил нормирования и оплаты труда заставило предпринимателей идти либо по линии автоматизации производства, либо по линии его свертывания. В обоих случаях первой жертвой хозяйского произвола становились черные рабочие, пополнявшие ряды безработных. Таким образом, возникла прямо-таки парадоксальная ситуация: если в конечном счете рабочий класс США выиграл от правительственного регулирования трудовых отношений, то в ряде случаев на положении многих категорий как белых, так и черных рабочих его последствия сказались негативным образом.

Известное улучшение положения трудящихся США в связи с претворением в жизнь законодательства «нового курса» не коснулось большинства черных тружеников еще и потому, что они в основном были заняты в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания, других отраслях экономики, на которые не распространялось действие этого законодательства. Это относится и к Закону о социальном страховании (1935 г.). Его статьи, предусматривавшие создание системы пенсионного обеспечения по старости и страхования по безработице, могли быть применены только к 10 % от общего числа черных в составе рабочей силы 20. Сельскохозяйственные рабочие, прислуга, рабочие сезонных профессий (среди которых преобладали черные американцы) и т. д. попросту не были приняты в расчет при определении категорий трудящихся, которые могли претендовать на пособия и пенсии. Сохранить лояльность демократов-южан и не дать расистам повода для резких нападок на «новый курс» представлялось Рузвельту более оправданным, чем проявлять твердость и последовательность в принципиальных вопросах межрасовых отношений.

Все познается в сравнении. Положение американцев с черной кожей в период правления предшествующих республиканских администраций было столь трагичным, что самые незначительные достижения в годы «нового курса» могли рассматриваться ими как слабый луч надежды в конце длинного темного туннеля. В связи с этим питтсбургская негритянская газета писала в январе 1936 г.: «Существование на грани голодной смерти, которое стало их уделом при президенте Гувере, уже не грозит безработным негритянским рабочим. Они нашли работу на объектах ПВА, СВА, ВПА, ФЕРА и т. д. Критики еще скажут о практикуемой дискриминации цветных кропперов, квалифицированных и неквалифицированных рабочих-негров... Все это так. Было бы бесполезно пытаться отрицать это... Но какое другое правительство США в прошлом... смогло добиться чего-либо более значительного? Ответ, конечно, может быть только один – никакого» 21. На президентских выборах 1936 г. 71 % черных избирателей отдали свои голоса Рузвельту, 67 % их голосовало за него и в 1940 г. 22.

Благотворно реформы «нового курса» сказались на положении городских средних слоев. Однако и здесь у многих они вызвали двоякое к себе отношение. С одной стороны, различные слои интеллигенции, учащаяся молодежь, служащие, лица свободных профессии и т. д., несколько лет стоявшие на краю пропасти, смогли наконец почувствовать себя в относительно большей экономической безопасности благодаря реализации специальных правительственных программ помощи, предназначенных дать им минимум защиты от хаоса, всеобщего застоя в делах, от банкротств, падения спроса на интеллектуальный труд и т. д. С

другой стороны, часть средних слоев, связанная с мелким бизнесом, поначалу поверившая обещанию Вашингтона восстановить права «независимого предпринимательства» и «честную конкуренцию» путем ограничения произвола крупного капитала, вскоре убедилась, что правительство, во-первых, бессильно приостановить процесс концентрации экономической мощи и, во-вторых, вообще не склонно этим заниматься. Недовольство и метания этой части городских средних слоев, экономически и идеологически связанных с мелким бизнесом, безошибочно указывали не только на то, что неудовлетворенность их своим экономическим статусом сохранялась, но и на то, что они могут отдать свои симпатии политическим лидерам экстремистского толка. Это, в свою очередь, предполагало новые изменения в расстановке политических сил, появление политиков-чудотворцев типа Хью Лонга на Юге или Чарльза Кофлина на Севере, чему «новый курс» призван был препятствовать.

Бесспорно. Рузвельт уже в конце первого срока пребывания в Белом доме начинал сознавать тщетность расчетов достигнуть чего-либо с помощью пожарных полумер и штопанья общественных «дыр» средствами, приносящими лишь временное облегчение тем, кто больше всего страдал от опустошений, связанных с почти полным расстройством экономики. Признание давящей тяжести нерешенных проблем и несоразмерности принятых мер с масштабами бедствия сквозило в каждой фразе его знаменитой речи, произнесенной 20 января 1937 г., в торжественный день церемонии по случаю вторичного вступления на пост президента. Он говорил: «Я вижу десятки миллионов граждан страны – значительную часть ее населения, которые в этот самый момент лишены большей части того, что, даже исходя из самого низкого на сегодняшний день уровня жизни, считается совершенно необходимым. Я вижу миллионы семей, ежедневно живущих на столь скудные доходы, что это становится уже семейным бедствием. Я вижу миллионы людей, чья будничная жизнь в городах и на фермах протекает в условиях, признанных недостойными цивилизованного общества еще полстолетия назад. Я вижу миллионы людей, лишенных образования, отдыха и возможности изменить к лучшему свою участь и участь своих детей. Я вижу миллионы людей, не имеющих средств на покупку продукции ферм и заводов и тем самым тормозящих возможность миллионов других производительно трудиться. Я вижу, что треть нации живет в плохих домах, плохо одета и плохо питается» 23.

Статистика и специальные исследования показывали, что в некотором смысле дело обстояло даже хуже, чем представлял себе это президент. Экономический кризис 1937–1938 гг., обрушившийся внезапно и совершенно «некстати», как разрушительный повторный толчок землетрясения, грозил уничтожить до основания все, что с таким великим трудом удалось восстановить в 1933–1936 гг. Сильнейшие удары нового кризиса подавляли чуть окрепшие ростки благополучия. Оказалась замешана и политика. Однако объяснять ненадежность достигнутых к середине второго срока президентства Рузвельта результатов реформ отсутствием политической воли было бы верхом наивности. Справедливо между тем говорить, что президент стал заложником тактики лавирования и приспособленчества, которую он избрал, пытаясь не допустить раскола общества перед лицом сложнейших внутренних и внешних задач. Один решительно настроенный сторонник «нового курса» нашел, что именно в этой тактике лавирования таится источник бессилия либерализма, поверженного исчезнувшей нищетой. «...Мы слишком охотно, – писал он, – идем на компромиссы с нашими врагами, полагая, что таким образом завоюем их симпатии и вынудим их быть справедливыми» 24. Так думали очень многие новые демократы, всерьез полагавшие, что страна переживает мирную революцию при исключительно благоприятных условиях.

Рузвельт придерживался всегда более сдержанных оценок. Он не видел в «новом курсе» разрыва с традицией «Американского пути», считая вместе с тем, что выживание реформ во многом зависит от энтузиазма тех, кто обеспечил своими голосами ему победу в 1932 и 1936 гг. Печальная судьба прогрессизма и вильсоновского либерализма начала века всегда оставалась у него перед глазами. Не повторить ее означало для Рузвельта сохранение

прямой и опосредованной связи с теми пластами электората, которые составляли его одновременно наиболее массовую, активную и организованную часть.

Мятежные голоса

Бурные и драматичны сцены у зданий муниципалитетов, осаждаемых сотнями бездомных людей, или у ворот предприятий, захваты помещений законодательных собраний штатов участниками рабочих манифестаций, голодные походы безработных не вызывали такой тревоги в верхних этажах государственного здания, как поступающая информация о новых явлениях в организованном рабочем движении. Мятежный дух, который овладевал им снизу доверху, заставлял даже самых «надежных», с точки зрения предпринимателей и властей, конформистски настроенных лидеров переосмысливать идейные установки гомперсизма и заняться поисками новых ориентиров. Многие в руководстве АФТ чувствовали себя в растерянности, обманутыми и даже брошенными на произвол судьбы. Длительное время рекламируемое ими «процветание» рушилось, как карточный домик, как многоярусное сооружение при девятибалльном шторме, погребая под своими обломками красивые, но несбыточные обещания о царстве «социального мира» и «равенстве возможностей».

Один из самых последовательных пропагандистов мифа о «новом капитализме» в профдвижении США, вице-президент АФТ Джон Фрей, в разгар кризиса сделал следующую запись в своем блокноте: «Каждый сейчас хочет возврата процветания. Но появились огромные различия во мнении, каким оно должно быть. Предприниматели и банкиры, возможно, мечтают о том замечательном времени, когда богатство создавалось в невиданных еще размерах, а число миллионеров и мультимиллионеров возрастало за одну ночь. Что же касается тружеников, живущих на заработную плату, то они хотят такого процветания, которое дало бы им гарантию от безработицы и улучшило бы условия труда. И уж совершенно ясно, что рабочие не хотят возвращения такого процветания, которое было у нас в 1924–1929 гг., потому что оно создало предпосылки пугающей всех депрессии и породило невероятные страдания, вызванные безработицей. Если вернуться прежние времена, мы вновь столкнемся с подобной или еще худшей депрессией. Условия, порождающие перепроизводство, будут означать возврат еще большей нужды или голода. Сегодняшнее процветание, которое ведет к перепроизводству, затовариванию и голоду завтра, совершенно неприемлемо» 25.

В письме от 12 сентября 1932 г. Фрей размышлял уже о том, каким должно быть обновленное рабочее движение США. «Цена, которую трудящиеся платят за некомпетентность, невежество и бесчеловечность капитанов финансов и промышленности, невероятно велика... Я не сомневаюсь, – писал он, – в способности тред-юнионистского движения выдержать шторм. Но я также убежден, что, когда наступят лучшие времена, мы должны проводить более наступательную и далеко идущую политику, чем прежде. Рабочий должен научиться полагаться только на себя и на свою организацию и ни на кого больше. Мы нуждаемся в новом трудовом законодательстве, особенно в таком, которое определяет и гарантирует права рабочих. Однако наиболее принципиальные вопросы не могут быть разрешены законодательным путем. Только опираясь на организацию, только путем продуманных боевых действий мы сможем найти путь к спасению» 26.

Кто бы мог подумать двумя годами раньше, что такой верный сторонник гомперсистской ортодоксии, доктрины непротивления капиталу, как Фрей, способен возвысить свой голос до столь решительного тона? Правда, когда волна социального протеста поднялась еще выше, он, испугавшись размаха рабочего радикализма, заговорил иначе и даже обвинил рузвельтовских либералов в разжигании классовой ненависти. Это было уже явное преувеличение: партия Рузвельта не преследовала подобных целей. Совсем напротив: ее усилия с самого начала были направлены на то, чтобы сбить накал страстей, заблокировать и заглушить развитие политического радикализма в низах общества, прежде

всего в рабочем движении.

Законодательство «первых ста дней» вопреки мнению некоторых историков о преобладании в нем чисто экономических задач над всеми другими призвано было создать прежде всего психологический перелом, внести успокоение, проще говоря, выпустить пар из котла, давление в котором достигло критического уровня. И надо сказать, что желаемый эффект, хотя и не полностью, был достигнут. В самом деле, многократное увеличение расходов на помощь безработным, создание системы общественных работ, меры помощи фермерам привели к снижению накала массового движения безработных во многих промышленных центрах 27, к приостановке фермерских выступлений общенационального характера и стихийных бунтов молодежи. Однако желанной общей «передышки» не получилось. Напротив, рабочее движение в целом продолжало развиваться по восходящей линии, причем эпицентр активности сместился на территории действующих предприятий, в ведущие отрасли американской промышленности. Стаечная борьба, борьба за организацию профсоюзов становилась главной формой движения. Отныне его судьба находилась в руках тех, кто своим трудом поддерживал жизненный тонус нации, движения «рядовых», отвергнувшего старые методы борьбы, а вместе с ними и старых лидеров.

Воодушевленные тем пониманием, которое нашло у широкой демократической общественности страны требование признания за наемными работниками права на коллективную самозащиту, и отвергнув старую соглашательскую тактику гомперсизма, трудящиеся в солидарном порыве включались в прямые действия. Эта не прекращающаяся все десятилетие 30-х годов бескомпромиссная борьба, отмеченная драматизмом, мужественной решимостью и высоким идейным накалом, стала важнейшим фактором социальных перемен. Свыше миллиона американских рабочих бастовало уже в 1933 г., отстаивая сносные условия существования и право на организацию в профсоюзы. Но это было только начало. Кривая стачечного движения неуклонно шла вверх. В 1934 г. число участников забастовочного движения достигло 1,5 млн человек 28. В борьбу включились десятки тысяч рабочих автомобильной промышленности (Детройт, Толидо), текстильщики (Фол-Ривер), шахтеры (Алабама), портовики Западного побережья, строители, рабочие алюминиевых предприятий, водители такси Филадельфии, швейники Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, Сент-Луиса, Кливленда, обувщики Лина (Массачусетс), рабочие текстильной промышленности и т. д. На фоне всеобщего брожения в рабочих низах, кризиса доверия к политике «классового мира», проводимой лидерами АФТ, усиления влияния левых сил выступления трудовой Америки выглядели как предзнаменование важных перемен во всей системе классовых отношений в стране 29.

Самой примечательной особенностью этого нового подъема было то, что рабочие не ограничивались чисто экономическими требованиями, а повсеместно добивались осуществления тех основных прав на коллективную защиту от предпринимательского произвола, которые формально (лишь формально) были гарантированы им НИРА. Используя недомолвки и разного рода недоговоренности в рабочих статьях НИРА (пункт 7А), предприниматели стремились увековечить систему «открытого цеха», воспрепятствовать созданию массовых профсоюзов в старых и новых отраслях. Целый арсенал средств, включая специальные частные полувоенные формирования, использовался ими для насильственного подавления рабочей инициативы и запугивания активистов 30. Но все было напрасно. Уроки, которые рабочие США вынесли из опыта борьбы в предкризисные годы, не прошли даром. И главный из них состоял в осознании великой жизненной силы рабочей солидарности, необходимости действовать сообща, организованно в борьбе за улучшение условий существования и труда.

Движение безработных как нельзя лучше закрепило этот урок. Там, где существовали организации безработных, удавалось кое-что сделать для нуждающихся семей, а это «кое-что» в условиях кризиса часто являлось последним и единственным шансом не умереть с голоду, не оказаться в положении бездомных скитальцев. Тяготы, которые пришлось вынести рабочим в их борьбе со своекорыстным классом собственников, пекущимся лишь о

собственном благополучии, могли быть значительно меньшими, если бы не было разобщенности и дезорганизации в их рядах. Три года страданий сделали этот вывод самоочевидным и оказали большое воздействие на психический склад рабочего класса. Именно эта спонтанно сознательная реакция рабочего на эгоистическое до жесткости поведение хозяев, демонстрировавших образцы антигуманности, и послужила самым мощным ускорителем того необычайного подъема движения за организацию рабочих в профсоюзы и их радикализации, который начался с 1933 г. и который не знала еще история американского рабочего движения 31.

Вот образец документа, вышедшего из недр профсоюзного движения того времени. Мы цитируем воззвание Национального совета федеральных союзов рабочих автомобильной промышленности к рядовым членам и активистам профсоюзов от 1 марта 1935 г. Точки над «i» в нем поставлены четко и определенно, язык документа не допускает инотолкований, он лаконичен и предельно тверд. Это призыв к бескомпромиссной борьбе. «Нам противостоят хозяева предприятий, которые говорят языком джунглей. Их философия – это философия Бурбонов, которые, присвоив себе все права и привилегии, отказывают во всем тем, кто трудится на них. Выбор сделан. Нетерпимые условия труда, столь долго существовавшие на заводах автомобильной промышленности, должны быть изменены. Права человека стоят выше прибыли и права на эксплуатацию. Рабочие-автомобилестроители сейчас имеют возможность нанести мощный удар, который принесет им свободу и справедливость» 32.

В процентном исчислении количество стачек в защиту права организации в профсоюз увеличилось с 19 % в 1932 г. до 45,9 % в 1934 г. Вплоть до 1942 г. забастовки такого рода составляли почти 50 % общего числа стачек 33. За короткий промежуток времени был остановлен процесс сокращения численности тред-юнионов, неуклонно развивавшийся с начала 20-х годов, причем численность некоторых профсоюзов выросла в десятки и даже сотни раз. Если в 1933 г., согласно данным рабочей статистики, общее число членов тред-юнионов составляло менее 3 млн человек, то в 1940 г. их было уже свыше 7 млн 34. По существу, впервые были пробиты глубокие бреши в антипрофсоюзных заграждениях, которыми корпоративный капитал окружил многие ведущие отрасли промышленности с сотнями тысяч занятых в них трудящихся – электротехническую, металлургическую, автомобилестроение, химическую, автомобильный транспорт, нефтяную, авиационную, станкостроительную, горнодобывающую и т. д.

Этот стремительный процесс высвобождения скрытой энергии рабочего движения имел своим источником рабочие низы и носил спонтанный характер. Он застал буквально врасплох не только предпринимателей, либеральных идеологов и политиков, но и воспитанных на догмах гомперсизма старых профсоюзных лидеров. Другая важная особенность – наиболее широкое распространение движения «нового тред-юнионизма» получило среди рабочих основных отраслей промышленности, т. е. там, где степень обобществления труда, рационализации производственных процессов, централизации капитала и концентрации рабочей силы достигла наивысшего для своего времени уровня. Уже сам характер поточного производства на основе конвейерной системы сделал очевидным в глазах занятых в нем рабочих все преимущества отказа от цеховой, замкнутой, элитарной структуры профдвижения и создания в этих отраслях массовых производственных профсоюзов, вовлекающих в свои ряды работников различных специальностей и разной квалификации – от подсобных рабочих до высококвалифицированного персонала. Перспектива ломки складывавшейся десятилетиями структуры профессионального движения, его демократизации и приобщения к решению социально-политических задач больших масс решительно настроенных белых и черных рабочих никак не устраивала верхушку АФТ. Таким образом, конфликт вокруг вопроса об организационной структуре тред-юнионизма перерос в борьбу двух тенденций в профдвижении – соглашательской, оппортунистической, с одной стороны, и классово-сознательной, последовательно демократической, нацеленной на ориентиры более высокого порядка, чем защита одних лишь экономических прав и интересов касты избранных, – с другой.

С каждым месяцем линия водораздела обозначалась все резче, все определеннее. «Новый тред-юнионизм» (или «социальный тред-юнионизм»), привлекая под свои знамена большие массы неорганизованных рабочих, оказавшихся в наихудших, прямо-таки бедственных условиях, решительно отверг план мелких, разрозненных действий, предложенный руководством АФТ, которое открыто помышляло «утрясти» весь конфликт с отдельными группами корпоративного капитала путем кулуарных сделок в рамках старых формул гомперсизма о социальном партнерстве и единстве интересов рабочей аристократии и менеджмента. В полном согласии с этой стратегией руководство АФТ не желало, например, что-либо изменить в статусе черных рабочих, отклонив предложения начать кампанию за их вовлечение в профсоюзы 35. В то же время в отличие от национальных и межнациональных союзов АФТ, стремившихся не допускать в свои ряды черных, «новый тред-юнионизм» сделал важный шаг к разрушению расистских барьеров, распахнув двери для «цветных» трудящихся, подвергшихся наиболее жестокому угнетению и дискриминации.

Господствующая в новых союзах атмосфера не имела ничего общего с апатией и пораженчеством, разъедавшими большинство цеховых тред-юнионов АФТ. У. Рейтер, будущий руководитель Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности и активный участник стачечных боев в защиту права на организацию в новые, производственные профсоюзы, отмечал в статье, опубликованной в марте 1933 г., что в них царил совсем иной дух. Они были организованы «на широкой индустриальной основе и руководствовались принципом классовой борьбы». Рабочие, писал он далее, «под левым руководством ведут упорную борьбу с целью создания мощного союза рабочих автомобильной промышленности, боевой классово сознательной организации. Стачки вселили в сознание рабочих Детройта дух мятежа против системы капиталистического феодализма и проложили дорогу к успеху движения, которое не знает параллели в истории автомобильной промышленности США» 36. Таким видел молодой У. Рейтер подъем «нового тред-юнионизма». Он был близок к истине. В годы кризиса 1929–1933 гг. и «нового курса» американское профсоюзное движение в целом проделало большой участок пути в направлении к социал-демократическому выбору, о чем, впрочем, не принято было говорить с трибун 37.

Ход событий способствовал росту классового самосознания рабочих, самостоятельности низов, обогащению всего движения наступательным духом, выдвижению целой плеяды молодых рабочих-вожачков, тесно связанных с рабочей средой. Их идейный и политический кругозор не был скован рамками узколобого профсоюзного практицизма, элитарной психологией рабочей верхушки. Особое место и роль среди них принадлежали коммунистам, явившимся буквально из подполья. В июле 1934 г. филиал АФТ в Детройте провел неофициальное обследование состава рабочих-активистов по идеологическому принципу и нашел, что следующие группы играют лидирующую роль: коммунисты, сторонники АФТ, члены ИРМ и социалисты. Коммунисты были названы первыми, а их деятельность охарактеризована следующим образом: «Компартия еще десять лет назад завоевала руководящие позиции в профсоюзе авторбочих и длительное время была единственной боевой силой в автомобильной промышленности» 38.

Перечень отраслей, где коммунисты, действуя фактически поначалу в одиночку, очень часто маскируясь под кочующих агитаторов без определенной политической ориентации, заложили основы массовых профсоюзов, можно продолжить: в таких из них, как сталелитейная, электротехническая, химическая, резиновая, текстильная, мясоконсервная и др., коммунисты проявили себя не только мужественными организаторами и политическими вожаками масс, но и творцами новой тактики «промышленной войны», принесшей в конечном счете серьезные успехи 39. Нельзя не учитывать вместе с тем, что коммунисты и другие левые группы руководили «обучением» рабочего класса стачечной борьбе в особо сложной ситуации – после длительного периода «отвыкания» от активных массовых действий и в условиях сохранения враждебного противодействия со стороны верхушки АФТ

Конец 1934 и начало 1935 г. на внутреннем фронте борьбы труда и капитала, демократии и реакции были ознаменованы рядом событий, которые не оставили сомнений, в каком направлении стремятся развиваться рабочее и демократическое движения. Радикализация широких масс и прямые действия с их стороны (всеобщие стачки, выступления безработных, фермерские волнения и т. д.) сочетались с качественно новыми явлениями – повышением уровня синхронизации движений социального протеста и усилением тенденции к их идейному и организационному сближению. Борьба рабочего класса получала определенную поддержку со стороны средних слоев, демократической интеллигенции, национальных меньшинств. Укрепились связи между фермерскими организациями и профсоюзами, организации безработных искали контактов с забастовщиками. Осенью 1934 г. и весной 1935 г. были сделаны первые важные шаги к объединению движения безработных 41. Были сделаны также важные шаги к конституированию крупных отраслевых профсоюзов индустриального типа.

За всю свою историю рабочее движение как политический фактор никогда не приобретало такой высокой степени самостоятельности. Его давление на институты власти возросло многократно. Осенние выборы в конгресс в 1934 г. показали, что поддержка рабочего и демократического движения имеет для «нового курса» и рузвельтовских либералов, возможно, решающее значение. Из этого факта следовал и другой вывод: пассивность правительства в деле улучшения законов о труде и социального обеспечения грозила обернуться на президентских выборах 1936 г. сокрушительным поражением демократов и возникновением мощной политической оппозиции двухпартийной системе под левоцентристским руководством. Принимая во внимание успехи движения Народного фронта во Франции, Испании и ряде других стран, нетрудно было предвидеть, в каком общем направлении будут в этом случае развиваться события и в США.

Новая ситуация, возникшая в связи с поляризацией классовых сил в стране к середине 30-х годов и нарастанием сопротивления капитала и консервативных сил, потребовала от рабочего движения удесятить усилия, с тем чтобы продвинуться вперед в деле создания массовых профсоюзов. Однако добиться этого оказалось совсем непросто, несмотря на то что права рабочих на создание независимых профсоюзов были как будто гарантированы историческим законом Вагнера (Закон о трудовых отношениях), инициированным правительством, с энтузиазмом поддержанным рабочим движением и принятым в 1935 г. конгрессом. Причина крылась не только в жесточайшем противодействии со стороны предпринимателей, но и в трудностях внутреннего порядка, являющихся результатом раскола рабочего движения, десятилетиями культивируемого всем комплексом общественно-экономических условий, всем укладом жизни американского общества.

Многонациональный состав, расовая рознь, отсутствие серьезного опыта самостоятельной политической деятельности, традиционные идеологические слабости американского профдвижения (подчинение двухпартийной системе, засилье профсоюзного экономизма и т. д.) – все это сильно затрудняло сплочение рабочего движения под знаменем борьбы за новое качество жизни, соответствующее американским стандартам. Вот почему, когда перед профдвижением США встал важный вопрос о расширении его массовой базы, оно оказалось вовлеченным в острейший конфликт, внутреннюю смуту, которые помешали ему играть еще более заметную роль в событиях.

Как известно, истоки этого конфликта восходят к идейным разногласиям между прогрессивным и консервативным течениями в организованном рабочем движении США, проявившимся еще в начале XX в. Но непосредственная причина заключалась в отказе большинства руководства АФТ оперативно откликнуться на жгучие проблемы, с которыми столкнулись в годы Великой депрессии широкие массы трудящихся. Однако появилась возможность выхода рабочего движения на качественно новый уровень, соотношение сил в профдвижении с каждым месяцем менялось не в пользу цеховых, кастово замкнутых союзов. Даже увеличение рядов самой федерации шло главным образом за счет производственных

союзов, входивших в нее 42.

С каждым годом все определеннее выявлялись интересы сторон, вовлеченных в эту тяжелую войну в «рабочем доме». В то время как рабочие массы в ведущих отраслях промышленности выступали за перестройку профдвижения на началах создания широких производственных союзов, сильных солидарностью входивших в них членов, консервативные лидеры в АФТ настаивали на увековечении принципов цеховщины, раскола профдвижения, его децентрализации. Лозунгом масс становилась последовательная борьба за улучшение своего материального положения и за социальные права с использованием широкого арсенала средств и методов борьбы (всеобщие и сидячие забастовки, голодные походы, демонстрации, политические кампании и т. д.). Напротив, для большинства лидеров АФТ эти методы были неприемлемы, ибо граничили в их понимании с бунтом и даже революцией. Большинство рабочего класса интуитивно, а иногда и сознательно настаивало на более решительном вмешательстве организованного рабочего движения в политику. Но с этим и подавно никак не могли примириться лидеры АФТ, которые усматривали в любой попытке создать специальный политический механизм, способный защищать интересы трудящихся, происки «красных», навязанный внешними силами умысел сбить их с дороги политического «нейтрализма», проложенной Гомперсом.

Лидеры АФТ делали все от них зависящее, чтобы отдалить неизбежное 43. В 1934 г. в Сан-Франциско собрался очередной съезд АФТ. Уже здесь борьба между сторонниками организации рабочих в профсоюзы по производственному принципу и защитниками цеховщины приняла острый характер, хотя и не дала определенных результатов. Было очевидно, однако, что рано или поздно это произойдет. Те профсоюзные руководители, которые выступали за создание производственных союзов (Дж. Льюис, С. Хиллмен, Ч. Говард и др.), все лучше сознавали, что попытки чинить искусственные препоны почину, идущему снизу, ведут только к росту политического радикализма. И именно эта группа влиятельных лидеров решила форсировать разрыв с утратившим моральный кредит в глазах миллионов рабочих консервативным большинством в исполкоме АФТ. На 55-м съезде АФТ в г. Атлантик-Сити, после открытого столкновения между консервативным большинством и сторонниками производственных профсоюзов, в ноябре 1935 г. в рамках АФТ был создан Комитет производственных профсоюзов, целью которого объявлялось содействие объединению неорганизованных рабочих в производственные союзы. В общественной структуре США возник влиятельный центр притяжения для левоцентристских сил.

Исполком АФТ сразу же расценил случившееся как возрождение параллельного тред-юнионизма, как подрыв «основ». Однако это нимало не обескуражило тысячи молодых энтузиастов, по всей стране приступивших к организации в производственные профсоюзы рабочих в основных отраслях промышленности. Движение поднялось на новую ступень, вызвав замешательство даже у тех лидеров, которые не прочь были присвоить себе лавры «отцов-основателей» КПП. Приход левых сил к руководству ряда вновь созданных профсоюзов подлил масла в огонь. Борьба противоборствующих сил в американском профдвижении вступила в фазу острейшего конфликта. Сопrotивление гомперсистов было не единственным, что пришлось преодолеть прогрессивным силам в борьбе за вовлечение миллионов рабочих в ряды профсоюзов. Сражения на предприятиях с хозяевами и менеджментом оказались еще более ожесточенными. Корпорации были полны желания не допустить вторжения производственных профсоюзов на территорию промышленных империй. Накал индустриальной войны в 1936–1938 гг. достиг высшей точки.

Опираясь на формальное подтверждение конгрессом своих прав, зафиксированных в Законе о трудовых отношениях (Закон Вагнера), рабочие повели лобовую атаку на позиции монополий в основных отраслях. Еще невиданная до того волна стихийно возникавших по инициативе снизу забастовок буквально захлестнула крупнейшие промышленные центры США. Главным лозунгом стачечников стало требование признания созданных ими самими профсоюзов, а отличительной особенностью всего забастовочного движения – широкое распространение так называемых «сидячих забастовок». Около полумиллиона рабочих

приняло участие в таких забастовках с сентября 1936 по май 1937 г. 44. В 1936 г. число таких стачек достигло 50, в 1937 г. – 170 45. Объявив стачку, рабочие не покидали территорию предприятия до тех пор, пока их требования не получали удовлетворения. Жестоким репрессиям полиции и частных охранных отрядов рабочие противопоставили стойкость, волю, высокий дух классовой солидарности.

Для Рузвельта используемые рабочими в широких масштабах новые формы борьбы создали чрезвычайно острую политическую проблему. Политический истеблишмент, предприниматели в один голос требовали от правительства подавить (любым путем, включая применение грубой силы) рабочий бунт, грозивший наградить вирусом незаконопослушания и анархии все общество. Президент колебался. У него как-то вырвалось: «Чума на оба ваши дома». Но стремление сохранить поддержку рабочих, принесшую ему уже внушительные победы на общенациональных выборах, заставило предпочесть сжатому кулаку сдержанность. На пресс-конференции 15 апреля 1937 г., на которой не было репортеров, но где присутствовали ведущие газетные издатели и редакторы, все как один безоговорочно отвергавшие «новый курс» и жаждущие провала Рузвельта, президент объяснил свой отказ публично осудить «сидячие забастовки» убеждением, что отношения между профсоюзами и предпринимателями должны пройти через эти испытания, прежде чем новые принципы будут усвоены и приняты обеими сторонами. Рузвельт как будто бы вспомнил уроки Вильсона, проповедовавшего терпимость к «заблудшим» душам.

В истории страны еще не было ничего подобного. Пресса писала о сходстве ситуации, возникшей во многих промышленных центрах США, с той, что имела место во Франции и Испании, где у власти в то время находились правительства Народного фронта, а еще ранее в Италии накануне фашистского путча в 1922 г. Реакцию владельцев монополий на эти события и (что поделаешь) само собой напрашивавшиеся параллели высказала 7 января 1937 г. в редакционной статье влиятельная «Детройт фри пресс». В статье под названием «Война против «Дженерал моторс» говорилось: «Президент корпорации Слоун сказал, что вопрос стоит так: либо заводы нашей корпорации будут управляться рабочими организациями, либо менеджмент сохранит свои полномочия. Вот какой представляется нам ситуация» 46. Напротив, ликованием встречали успехи «сидячих забастовок» жители рабочих кварталов. Известная американская журналистка Мэри Хитон Ворс писала в своем репортаже об окончании стачки на заводах «Дженерал моторс»: «Рабочие вышли на демонстрацию со знаменами, распевая песни. Они остро сознают свой огромный созидательный потенциал. Они прошли путь от заводов до центра города, а затем вернулись к зданию, занимаемому штаб-квартирой профсоюза. Такой массы радостных, возбужденных победой людей Флинт еще не видел. Улицы полны народом. Мужчины и женщины, сидящие в машинах, участники демонстрации, говорят друг другу: «Присоединяйтесь к союзу! Мы свободны» 47.

Успехи рабочего движения, его роль и влияние в политической жизни могли быть еще большими, если бы оно сумело найти пути к преодолению раскола в своих рядах. Однако ни руководство АФТ, ни традиционалистски настроенная часть общественного мнения не примирились с фактом организации независимого центра и с философией, исповедуемой его сторонниками. Несколько изменив свою собственную позицию в отношении вовлечения неорганизованных рабочих в профсоюзы, сделав ее более гибкой, лидеры АФТ тем не менее не отказались от мысли добиться ликвидации КПП.

Практически вопрос о конституировании КПП в самостоятельный центр профдвижения был решен на конференции Комитета в Атлантик-Сити (осень 1937 г.), которая приняла программу новой организации. Ее первый съезд, собравшийся в Питтсбурге в ноябре 1938 г., принял устав и официальное наименование – Конгресс производственных профсоюзов. Президентом КПП был избран Джон Льюис, президент профсоюза горняков. Раскол между «простым и чистым тред-юнионизмом» и течением, ориентирующимся на более широкие социальные цели, стихийно тяготеющим к антибуржуазности и политической самостоятельности, стал фактом, наталкивающим современников на далеко идущие выводы

в отношении будущего.

КПП в первые годы своего становления и развития был боевой организацией, вобравшей многие прогрессивные черты и традиции американского рабочего движения. Своим демократическим духом и решимостью вести последовательную борьбу за экономические и социальные права рабочих, белых и черных, мужчин и женщин, квалифицированных и неквалифицированных, КПП обязан был тому, что он создавался в ходе схваток в промышленности и опирался на рабочие низы, выдвинувшие из своей среды сотни способных, преданных интересам своего класса руководителей новой формации. Самым же существенным было то, что КПП возник и некоторое время развивался как определенная идейная, политическая и организационная общность, одним фактом своего существования бросившая вызов гомперсизму, этому живому воплощению крайностей профсоюзного экономизма, засилия бюрократической машины старых, интегрированных в олигархическую структуру американского общества кастово-замкнутых цеховых союзов 48.

В качественно новый этап своего развития вступило в 1935–1936 гг. и движение безработных. Внутри его усилились объединительные тенденции, в связи с чем в значительной степени расширился и диапазон его политического влияния на события. Весной 1935 г. на базе руководимых социалистами организаций безработных был создан Рабочий альянс Америки, который в январе 1936 г. принял решение о слиянии с самым крупным и влиятельным течением в движении безработных – советами безработных, во главе которых стояли коммунисты 49. Уроки борьбы европейского рабочего движения против фашизма и реакции, опыт политики Народного фронта положительно сказались на процессе развития унитарных тенденций. В марте 1936 г. было выработано соглашение об объединении всего движения безработных под эгидой единой организации, принявшей название Рабочего альянса 50. Коммунисты и социалисты в его руководстве были в большинстве, им принадлежало решающее слово. В принятой съездом (апрель 1936 г.) «Декларации принципов» говорилось о необходимости борьбы за «полную свободу» рабочих и фермеров, используя всю имеющуюся в их распоряжении «политическую и экономическую мощь». В документе высказывалась решимость добиваться установления «нового социального строя, при котором плановое производство в соответствии с нуждами людей заменит сегодняшний хаос в производстве, подчиненном принципу наживы» 51. Рядовые участники движения едва ли что-либо слышали о стратегических замыслах руководства, но в политических кругах они не могли не остаться незамеченными.

Рабочий альянс приобрел значительное влияние и вес в общественно-политической жизни страны. И АФТ, и КПП поддерживали с ним тесные отношения. Правительство официально признало Рабочий альянс в качестве законного представителя рабочих, занятых на объектах ВПА (WPA). Используя в полной мере оружие непарламентских, массовых действий, Рабочий альянс превратился в одну из важных групп политического давления на правительство и конгресс. В этом факте нашла свое проявление одна из главных закономерностей общественного развития США в «бурное десятилетие» 30-х годов, выразившаяся в неуклонном возрастании роли трудящихся масс в борьбе за социальный прогресс. Многократно вырос объем массы, активно участвующей в историческом действии. Стачки и выступления рабочих охватывали уже не сотни и тысячи людей, а десятки и даже сотни тысяч участников. Поведенческие стереотипы рабочего класса претерпевали серьезные изменения. Этнический и расовый факторы уступали место рабочей солидарности 52. Самое же главное состояло в том, что рабочее движение в целом поднялось на более высокий уровень политической деятельности.

Рабочее движение в своем подавляющем большинстве поддерживало Рузвельта и «новый курс», но вместе с тем в его рядах крепло убеждение в необходимости прибегнуть к независимому политическому действию. Уже своим участием в избирательных кампаниях в 1932 и 1934 гг. рабочий класс показал, что отныне он не собирается оставаться сторонним наблюдателем за дуэлью двух буржуазных партий, а, напротив, намерен активно вмешаться в нее и оказать поддержку лишь тем общественным деятелям, кто не на словах, а на деле

доказал свою приверженность курсу на социальные перемены. Энергичные и решительные действия Рузвельта и его администрации в самый тяжелый момент национального кризиса обеспечили им поддержку миллионов трудящихся, хотя реальные результаты нововведений сказались не сразу и удовлетворили не всех. Когда пришло ощущение несоразмерности достигнутого ожиданиям, появилась и заинтересованность в более глубокой реконструкции общественных структур. Остановиться на полпути или идти дальше – на этот вопрос, вставший перед ньюдилерами во второй половине 30-х годов, у рабочих Америки был однозначный ответ: идти дальше. Воздавая должное усилиям администрации Рузвельта по части помощи безработным и в сфере трудового законодательства, рабочая Америка все более отчетливо сознавала, что все эти меры лишь начало, что они недостаточны и не снимают главного вопроса, как добиться радикального поворота к лучшему. Бюллетень бастующих рабочих компании «Хадсон мотор кар» в апреле 1937 г. так выразил эту мысль: «Мы переживаем переломный момент в истории нашей цивилизации. Пока цены будут расти, а заработки отставать от них, почва для рабочих волнений будет сохраняться. Стачки, рабочие беспорядки, локауты и сидячие забастовки в этих условиях будут учащаться. Современная промышленность похожа на человеческий организм. Есть болезни, с которыми он справляется сам, а есть болезни, которые нуждаются в специальном лечении. Тело человека сообщает о неполадках путем болевых ощущений, этим оно предупреждает об опасности и требует остановиться и прислушаться к тому, что происходит с ним. Конечно, можно принять аспирин и снять боль, но это не остановит развитие болезни. Промышленные волнения как бы являются болью нашего экономического и социального организма. Что-то в нем неисправно, если миллионы людей начинают выражать свой протест массовыми действиями и включаются в стачечное движение. Это предупреждение. Хотелось бы надеяться, что экономический аспирин не будет применяться там, где нужны серьезные усилия для определения средств, действительно решающих реальную проблему» 53.

Показательно, что с каждым годом все сильнее ощущалась поддержка профсоюзами возродившейся идеи создания третьих, независимых от двухпартийной системы, рабоче-фермерских партий. И это обстоятельство, пожалуй, было самым серьезным доводом для Рузвельта и демократов в пользу налаживания более тесных контактов с рабочим движением. Сама же эта идея дебатировалась внутри рабочего движения еще начиная с 1932 г. Ее приверженцев, как показало развитие на местах, а также съезды АФТ в 1933, 1934 и 1935 гг., становилось все больше 54. Такие партии были созданы во многих штатах (Висконсин, Миннесота, Монтана, Северная и Южная Дакота, Орегон, Массачусетс и др.) и сразу же заявили о себе весьма активным образом на политической арене. Наметилась тенденция, а кое-где предпринимались практические меры к объединению этого движения на общей платформе. В порядке политического зондажа ряд видных деятелей «нового тред-юнионизма» дал понять, что они даже не исключают возможности создания в скором будущем в национальном масштабе независимой рабочей партии. Об этом вскользь упомянул С. Хиллмен, президент Объединенного профсоюза швейников, в 1934 г. 55. К его словам Рузвельт все чаще начинал прислушиваться.

В декабре 1935 г. Джон Льюис заявил в интервью: «Насколько мне известно, рабочие в годы администрации Рузвельта получили больше, чем при любом другом президенте. Совершенно очевидно, что их долгом является предложить Рузвельту стопроцентную поддержку на следующих выборах (на президентских выборах 1936 г. – *В.М.*). Но это вовсе не означает, что рабочие упустили время и не видят необходимости выставить свой собственный избирательный список. Не может быть двух мнений в отношении того, что в нашей стране больше не существует равенства возможностей...» 56 Профсоюзы, занятые войной в собственном доме, в действительности упустили время. Однако косвенное признание сохраняющихся настроений в пользу создания самостоятельной рабочей партии прозвучало и в речи Джона Льюиса накануне выборов 1940 г., когда он, выступая на съезде рабочих автомобильной промышленности, заявил об утрате в народе доверия «к двум существующим партиям», о росте популярности идеи формирования «его (рабочего класса. –

В.М.) собственной партии» 57. Кто-то с радостью приветствовал это заявление, кто-то отнес его к чисто риторической бравате, смахивающей на шантаж.

Несмотря на то, что социальные реформы и успех Рузвельта на выборах 1936 г. были использованы противниками создания самостоятельной рабочей партии в качестве довода, подтверждающего «мудрость» беспартийной политики, однако для очень многих рядовых членов профсоюзов он звучал не слишком убедительно. Попыткой компромисса между сторонниками и противниками независимого политического действия в профдвижении явилось создание в 1936 г. по инициативе Дж. Льюиса и С. Хиллмена Беспартийной рабочей лиги, специального политического механизма, призванного оказывать поддержку сторонникам Рузвельта в обеих партиях 58. Та же тенденция нашла свое выражение и в образовании секции Беспартийной лиги в штате Нью-Йорк, так называемой Американской рабочей партии, горячо поддержанной всеми нью-йоркскими профсоюзами и оказавшей большое влияние на политическую борьбу в этом штате. Хотя лидеры партии всячески подчеркивали свою приверженность Рузвельту как национальному лидеру, в самом факте активного участия профсоюзов в деятельности партии сквозил намек на возможность осуществления в перспективе этой идеи в варианте «свободного полета» 59.

Неотъемлемой частью подъема рабочего движения во второй половине 30-х годов явилась борьба за демократию, гражданские права, против войны и фашизма. Серьезный успех был одержан в деле подрыва позиций расизма в стране. Увеличившийся приток рабочих-негров в промышленность поставил много новых вопросов перед рабочим движением, требовавших безотлагательного решения. В ходе общей борьбы против мощи монополий расовые предубеждения и предрассудки постепенно уступали место растущему пониманию общности судьбы белых и черных рабочих. Уроки солидарности были усвоены в пикетных линиях, в колоннах голодных походов, в совместных акциях против выселений, в бараках лагерей безработных, в политических кампаниях в защиту жертв антинегритянского террора на Юге и антифашистских демонстрациях.

До 1935 г. только левые сравнительно малочисленные союзы Лиги профсоюзного единства на основе полного равноправия принимали в свои ряды негритянских рабочих. Из их среды выдвинулось впоследствии немало активных борцов за дело пролетарской солидарности, смелых и мужественных рабочих лидеров. Общий сдвиг наметился лишь с созданием Комитета производственных профсоюзов. Отношение «нового тред-юнионизма» к проблеме гражданских свобод и ликвидации расовых барьеров было сформулировано в программе КПП, принятой на конференции в Атлантик-Сити в 1937 г. В твердых выражениях в ней было заявлено, что КПП борется против ущемления гражданских прав черных американцев, видя в этом свой высокий долг и призвание 60. Впоследствии руководство КПП создало специальный Комитет борьбы с расовой дискриминацией (переименован позднее в Комитет по гражданским правам) 61.

Рабочий класс США не оказался в стороне и от важных проблем, связанных с развитием событий на мировой арене. С начала 30-х годов в Соединенных Штатах, как и в других странах, развернулось широкое антивоенное движение, роль рабочих организаций в котором была весьма заметна 62. Антифашистские и антивоенные демонстрации уже в 1933 г. имели место во многих городах США. Со всей энергией демократическая общественность страны и многие профсоюзы поддержали созыв 1-го антивоенного конгресса в США (29 сентября 1933 г.). Среди более чем 2600 делегатов этого конгресса были представители ряда крупных профсоюзов и организаций безработных 63. На конгрессе было положено начало деятельности Американской лиги борьбы против войны и фашизма, в работе которой приняли участие многие профсоюзы США 64. В 1934 г. происходит дальнейший рост антифашистского движения в стране. На массовом митинге в Нью-Йорке в марте 1934 г. была принята резолюция «Цивилизация против гитлеризма». В ней, в частности, говорилось: «Мы заявляем, что гитлеровское правительство, установившее деспотическую диктатуру, толкает германский народ на путь варварства, что угрожает прогрессивному развитию человечества в направлении мира и свободы и представляет

реальную опасность для цивилизации во всем мире» 65.

Среди сознательной части американского рабочего класса зрело убеждение в необходимости активной борьбы организованного пролетариата против фашистской угрозы и подготовки новой мировой войны. Для нее все яснее становились причины прихода к власти германского и итальянского фашизма, истинный характер «умиротворительной» политики будущих европейских и американских мюнхенцев, потенциально конструктивные роль и значение Советского Союза в европейских и дальневосточных делах в контексте сложившейся к тому времени обстановки. Об этом свидетельствуют страницы рабочей печати, резолюции съездов федераций труда штатов и многих крупных профсоюзов. Журнал профсоюза швейников в передовой статье апрельского номера за 1935 г. писал, например: «За исключением Советского Союза, в Европе нет другого государства, которое с готовностью сделало бы все для поддержания мира. Как же в таких условиях может быть обеспечен прочный мир?.. Как было бы лестно для нас, если бы мы могли сказать, что США держатся в стороне от этой бешеной гонки военных приготовлений... Но мы не можем претендовать на что-либо подобное... И отнюдь не будет чем-то новым и неожиданным, если скажем, что только рабочие могут предотвратить войну... Именно нашу кровь и наши трудовые усилия война пожирает прежде всего» 66.

В рабочей среде все более широкую известность получала деятельность Лиги борьбы против войны и фашизма, хотя ее слабая практическая связь с основной массой организованных рабочих серьезно ослабляла антивоенное и антифашистское движение в США 67. Тем не менее уже второй и последующие конгрессы Лиги свидетельствовали, что это движение все более становилось реальной и весьма влиятельной силой во внутривнутриполитической борьбе в стране. Лига и ее печатный орган журнал «Файт» критиковали политику «нейтралитета» 68. Многие профсоюзы АФТ, а затем и КПП, поддерживавшие Лигу, выступали в защиту Испанской республики, народа Эфиопии, подвергнувшегося агрессии итальянского фашизма, суверенитета Австрии 69. Между тем высшее руководство АФТ, осудив фашизм, безоговорочно поддержало политику «нейтралитета».

Выдвинувшаяся на волне подъема рабочего движения новая плеяда молодых профсоюзных лидеров, неплохо ориентируясь в сложных перипетиях тогдашней международной обстановки, понимала, из какого источника исходит военная опасность и каким должен быть ответ на нее сил, противостоящих агрессии. Голос этой части лидеров профдвижения и левых сил становился все явственнее, его не перекрыл громкий хор сторонников политического виджизантизма. Важно также отметить, что стихийный изоляционизм и нейтральность народных масс, искренне сочувствовавших жертвам агрессии и фашизма, не имели ничего общего с известными принципами внешнеполитического изоляционизма, политики «умиротворения» агрессоров, прикрываясь которыми американские «антиинтервенционисты» стремились реализовать свои планы экономической и политической экспансии и обеспечить для себя наиболее выгодные позиции на международной арене. В 30-е годы изоляционизм народных масс питался их недоверием и ненавистью к крупному финансово-промышленному капиталу, нажившемуся на поставках вооружения в годы Первой мировой войны и втайне участвовавшему в подготовке новой мировой войны. Усилившаяся к концу 30-х годов критика внешнеполитического курса Рузвельта со стороны некоторых профлидеров объяснялась отчасти опасениями, что военные приготовления, отвлекающие внимание и средства правительства от выполнения социальных программ, сулили односторонние выгоды большому бизнесу, который не прочь был заработать на военных заказах и поправить свое финансовое положение. Скандальные разоблачения пушечных королей, награвших руки на поставках оружия в годы Первой мировой войны, подлили масла в огонь, заставляя каждый шаг правительства рассматривать под этим углом зрения.

В поисках смыслов

Антимонополизм, казалось бы изгнанный в годы «процветания» из всех уголков национального самосознания, стал вновь в 30-х годах наиболее существенным элементом всей общественной обстановки в США. Крупный финансово-промышленный капитал утратил свои привлекательные черты «великой созидательной силы» в глазах миллионов простых американцев. Мифы рушились, гении предприимчивости и наживы обретали свой первозданный вид «баронов-грабителей», беззастенчиво наживающихся на страданиях соотечественников, к бедствию и горю которых они относились с нескрываемым презрением и равнодушием. Обнаженность основного конфликта и восприятие его через критику эгоистических интересов корпоративного капитала делали распознавание главного источника американской трагедии доступным и понятным большинству рабочих, большей части фермерства, интеллигенции.

Антимонополизм многих общественных деятелей и в особенности новой плеяды рабочих лидеров был настроен по камертону развивающегося движения, которое к осени 1936 г. достигло высшей точки своего развития и стало важной приметой времени. Никто с ним не мог не считаться, оно проявляло себя повсеместно, в самых различных формах, обретая силу всенародного протеста. Росло убеждение, что национальные, материальные и интеллектуальные ресурсы, присвоенные монополиями, служат не благополучию народа, а чуждым его интересам целям – обогащению верхушки общества, внешнеполитической экспансии, военным приготовлениям и манипуляциям с парламентскими учреждениями в угоду политическим кликам власть имущих.

Сопоставление трагического хода событий в Италии и Германии, вскрывших связи монополистического капитала с фашизмом, с аналогичными явлениями в США содействовало формированию правильного представления о монополиях как носителях крайне опасного начала для демократических свобод и институтов. В целом рабочий класс с каждым годом бурного десятилетия 30-х годов все теснее связывал себя с преобразовательными стремлениями, во многих случаях весьма расплывчатыми, утопичными, но содержащими в себе общую идею о разумно организованном обществе, в котором труженик перестал бы быть рабом бесконтрольного хозяйничанья кучки финансово-промышленных магнатов, живущих в роскоши и не желающих ничего знать о судьбе эксплуатируемых ими миллионов 70.

Антимонополистические настроения получили широкое распространение и в фермерской среде. Меры, принятые правительством Рузвельта с целью оказания помощи фермерству, носили крайне противоречивый характер и не устранили горючий материал, в избытке скопившийся в сельскохозяйственных районах. Очаги его самовозгорания проявили себя в разных местах по-разному, но повсюду господствующее настроение проявлялось в стремлении избавиться от гнета крупного финансово-промышленного капитала, опутавшего мелкое и среднее фермерство цепями экономической зависимости, обкрадывавшего его с помощью политики цен, кредита, жесткого контроля за рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов и т. д. Именно в этом контексте возрождения популистских настроений в фермерских массах следует рассматривать появление в перечне требований ряда фермерских организаций лозунгов передачи в собственность государства гидроэлектростанций, национализации природных ресурсов, банков и некоторых корпораций в сфере коммунального обслуживания, линий электропередачи и т. д. 71. Укрепление контактов фермерских и рабочих организаций на местах на почве их общей заинтересованности в создании третьей партии (в штатах и в общенациональном масштабе) указывало на расширение взаимопонимания рабочей и мелкобуржуазной демократии на основе признания общности их интересов в борьбе с засильем крупного капитала и контролируемого им механизма политической власти.

В целом аграрный радикализм на протяжении всех 30-х годов оставался активным фактором антимонополистического движения, хотя типичное для фермерской демократии явление – зависимость от условий экономической конъюнктуры и разного рода местных особенностей подчас увлекало фермерство на консервативные политические позиции.

Между тем позитивные тенденции в борьбе фермеров нашли свое выражение в действиях ряда фермерских организаций, возглавляемых прогрессивными и левыми деятелями. К их числу следует отнести Лигу объединенных фермеров и Союз южных фермеров-арендаторов, возникший в 1934 г. в штатах Арканзас, Теннесси, Оклахома и Техас 72. Они вели борьбу за углубление демократических начал аграрного законодательства «нового курса», за действенную помощь беднейшему фермерству. В этой борьбе приняли участие и многие рядовые члены Национальной фермерской стачечной ассоциации и Национального фермерского союза, отражавшие интересы мелкого и среднего фермерства. В то же время значительная часть руководства этих фермерских организаций отказала в доверии «новому курсу» и поддержала консервативную оппозицию, рассчитывая использовать свой политический вес для получения уступок после ее победы на очередных выборах.

Экономический кризис 1929–1933 гг. и последовавшая за ним депрессия поколебали доверие к капиталистическим институтам, к морали и этике буржуазного мира в самых широких слоях демократической интеллигенции, в городских средних слоях, среди престарелых граждан Америки и учащейся молодежи. Преимущественно социально-этический характер протеста этих слоев порождал не только неодинаковые представления об идеальной модели нового общества, свободного от кризисов, анархии производства и отношений господства, но и беспорядочные, несогласованные и несогласуемые усилия изменить положение, апеллируя исключительно к правосознанию классов и социальных групп с упором на резонерство и просветительство. Переход к «муниципальному социализму» мирным, ненасильственным путем, через серию реформ пропагандировала Лига независимого политического действия (ЛНПД), в деятельности которой принимали участие видные представители американской интеллигенции – философ Дж. Дьюи, экономисты П. Дуглас, С. Чейз, Г. Лейдлер и др. ЛНПД осенью 1933 г. выступила с инициативой создания Фермерско-рабочей политической федерации. Ее платформа провозгласила необходимость постепенного слома старого порядка, основывающегося на безраздельном господстве капитала, и переводе общества на рельсы всестороннего обновления, признания сосуществования различных форм собственности, внедрения плановых начал и т. д.

Критика «нового курса» социал-реформаторами толкала их к размежеванию с рузвельтовскими либералами, которые в глазах разночинной демократии не оправдали надежд на быстрый поворот к более эффективному управлению экономикой и восстановлению жизненного уровня народа 73. На этой почве возникли многочисленные попытки возглавить движение за создание общенациональной третьей прогрессистской партии на базе местных рабоче-фермерских партий, которые в ряде штатов (Миннесота, Висконсин, Мичиган, Южная Дакота и др.) не только пустили основательные корни, но и добились серьезных успехов на выборах. В Миннесоте, например, рабоче-фермерская партия во главе с популярными лидерами Олсоном и Бенсоном сумела с 1930 до 1938 г. занять положение ведущей политической силы в штате, оттеснив обе буржуазные партии. На какое-то время всеобщее внимание привлекло широкое движение «Покончить с нищетой в Калифорнии» во главе с писателем Эптоном Синклером, рассчитывавшее подчинить своему влиянию Демократическую партию, сделав ее оплотом социал-демократии.

Первоначально многообещающим с точки зрения общенациональной перспективы был и процесс складывания предпосылок для победы коалиции левых и демократических сил в штате Висконсин, где весной 1934 г. при широкой поддержке рабочих и фермерских организаций прогрессисты братья Филипп и Роберт Лафоллеты, используя давние прогрессистские традиции штата, основали новую Прогрессивную партию. Опираясь на довольно широкую массовую базу, партия в ходе ряда избирательных кампаний нанесла поражения демократам и республиканцам, сумев сохранить за собой на протяжении целого ряда лет большинство в законодательном собрании и пост губернатора штата. Прогрессисты открыто отмежевались от ведущих партий как представляющих одни и те же «реакционные интересы» и, сосредоточив свои усилия на обличении «жестокосердия и идиотизма»

существующей в США экономической системы, в которой контроль всецело принадлежит «организованному богатству», пообещали отдать все силы строительству «нового порядка, где американцы будут чувствовать себя в безопасности и жить в условиях изобилия» 74.

Однако из-за внутренних трений и фракционной борьбы не выработавшее четкой программы движение за создание третьей партии не смогло в 30-х годах подняться выше частичных успехов. Сказались колеблющаяся природа его социальной базы, неодинаковость устремлений лидеров и гибкие контрдействия администрации Рузвельта. Наталкиваясь на них, прогрессистское движение чаще всего пыталось достичь поставленных задач, не порывая с традиционной двухпартийной системой, а только стремясь как бы преобразовать ее изнутри, методом подчинения себе избирательного механизма обеих буржуазных партий.

Ни в коей мере не переоценивая масштабы радикализации, а тем более полевения широких демократических масс в США в годы «нового курса» – рабочих, фермеров, средних городских слоев, интеллигенции, молодежи, тем не менее следует сказать, что достигнутый ими уровень осознания природы общественных противоречий в национальном и международном масштабе и решимость переломить не контролируемый ими ход событий представляли собой качественно новый элемент всей общественно-политической обстановки в стране. Не считаться с этим в условиях расширения борьбы за Народный фронт во многих странах Европы и Америки на фоне роста экономики в СССР и неопределенности перспектив для США Рузвельт не хотел, да и не мог, несмотря на яростные атаки тех, кто находился справа.

Глава IV **«Чуть-чуть левее центра»**

Формула успеха

Полоса социально-экономических реформ в США, хронологически охватывающая почти целое десятилетие 30-х годов и обычно связываемая с именем Франклина Д. Рузвельта, вошла в историю страны как эпоха «нового курса». Однако на деле, разумеется, ничего принципиально нового в том, что сам Рузвельт первоначально собирался осуществить, не было. Дело было в другом. Если воспользоваться мыслью Альфреда Вебера, высказанной им в начале 1918 г. по поводу Вудро Вильсона, суть происходившего заключалась в способности Рузвельта пробудить и выразить настроения народа подобные тому воодушевлению, что испытывали крестоносцы, придав им соответствующую идеологическую форму 1. Структурно обусловленный факт, таким образом, обретает с течением времени в ходе трансформаций законченный вид подлинной революции сверху. Явление типичное для многих стран (вспомним Бисмарка или Наполеона III), хотя этот общетеоретический вывод предполагает в каждом отдельном случае выяснение ряда специальных моментов, как то: в результате действия каких исторических сил вызваны к жизни глубокие преобразования, осуществленные на почве данного общественного уклада, но открывающие в нем новые витальные силы, как сказываются на них динамика классовой борьбы, объем массы ее участников, а также другие качественные показатели, включая общую политическую обстановку – внутреннюю и международную?

Известное положение о том, что реформы, как правило, следуют за социальным действием, полностью подтверждается всем ходом исторического развития США в эпоху индустриализма и модернизации. Показательно, что первое серьезное проявление либерального реформаторства как идейно-политического течения на американской почве было прямо связано с подъемом борьбы рабочего класса, оживлением широких демократических движений фермерства и городских средних слоев в конце XIX и начале XX в. Аграрный радикализм в лице популистского движения и усиление бунтарских настроений в рабочем движении с заметным креном в сторону социализма Дебса и Де Леона

вызвали к жизни феномен брайанизма. Помня о политической функции брайанизма как инструмента гашения социального протеста, очень важно вместе с тем отметить его способность аккумулировать энергию масс, особенно мелкобуржуазных слоев. Будучи прямым продуктом партийно-политической машины демократов, Брайан в целях удержания в сфере влияния этой машины части электората, уходящего влево, счел необходимым предложить суррогат левоцентристской платформы, скроенный на основе совмещения идей раннего популизма и социал-реформизма с антиимпериализмом и пацифизмом.

Не вдаваясь в частности, заметим, что наиболее типичным для брайанизма, как политической философии прогрессизма, было именно это стремление сохранить связь с самобытной традицией демократизма низов, отмеченной недоверием к богатству, плутократии, войне, коррупции, внешнеполитическому экспансионизму. Не случайно Брайан долгое время не оставлял мысль обратить Демократическую партию в партию сторонников муниципальной собственности и пропагандировал лозунг национализации железных дорог ². Известно также, что он критически отзывался о попытках сделать США «мировым полицейским» ³. Это на фоне усиления внешнеполитической экспансии США в начале XX в. и роста глобальных appetites американских корпораций произвело на широкую публику довольно сильное впечатление и не могло не иметь положительного значения. Изобличения грабительских помыслов и практики монополий, доброжелательное отношение к требованиям профсоюзов, заверения в верности пацифизму обеспечили «великому простоянину» симпатии рабочих ⁴, городских средних слоев, мелкого фермерства, радикальной интеллигенции, иммигрантов. Отвоевав у социалистов голоса многих их неустойчивых сторонников, брайанизм ценой шагов навстречу радикальным настроениям объективно выполнил свою роль – дал толчок новой перегруппировке сил в составе избирательного корпуса демократов, увеличения в нем городского элемента, способствовал приобретению ими репутации народной партии за счет расширения и демократизации ее идейной платформы.

В дальнейшем освоение искусства мимикрии со стороны, в сущности, весьма дюжинного либерализма стало ведущей политической традицией Демократической партии, несмотря на то что это порой стоило внутреннего разлада, а временами ослабления поддержки класса крупных собственников. Уже на заре своей политической карьеры Рузвельт высоко оценил преимущества этой способности к поверхностному перевоплощению, ставшей отличительной чертой Демократической партии с момента знаменитого чикагского съезда (1896 г.). Однако во всем остальном он был противником брайанизма, отзываясь о нем как о малопочтенном прожектерстве и опасном заигрывании с огнем.

Мы уже видели, что мирозерцанию Франклина Рузвельта ближе всего была другая, более умеренная разновидность либерального реформаторства, которая к 1912 г. выкристаллизовалась в политической философии Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона, воплотив в себе идеи частичного государственного регулирования капиталистической экономики и модернизации правовых институтов в целях упорядочения под эгидой государства социальных отношений, оказавшихся в результате неконтролируемого хозяйничанья капитала на грани опаснейшего для его собственного господства кризиса. Поскольку в условиях затухания аграрного радикализма к началу Первой мировой войны необычайно ярко и выпукло выступило главное противоречие бурно развивающегося по пути индустриализации общества – противоречие между трудом и капиталом, либерализм этого рода обнаружил известную предрасположенность к смещению в сторону назревших проблем «рабочей» политики, их решения по образцу передовых европейских стран.

Сами ведущие фигуры администрации «нового курса», включая президента, признавали, что рабочий вопрос в годы Великой депрессии занимал центральное место в их деятельности, хотя они никогда ранее и не предполагали, что он может играть столь важную, а порой даже решающую роль в политической борьбе всех этих лет ⁵. Ход событий заставил президента, его советников и парламентариев, казалось, давно отвыкших думать

категориями социальных нужд, да и весь класс собственников в целом повернуться лицом к самой острой и не терпящей отлагательства проблеме. Письма С. Розенмана, ближайшего советника Рузвельта-губернатора, свидетельствуют, что будущий президент уже зимой 1932 г. был весьма озабочен мыслью о том, каким он предстанет в глазах рабочей Америки – ретроградом или человеком прогрессивных убеждений, сторонником перемен или пугалом радикалов 6.

Благодаря хорошо поставленной еще в ходе избирательной кампании 1932 г. службе информации, психологической разведке, новый президент и его «мозговой трест» были неплохо осведомлены о настроениях в промышленных центрах. Сомнений быть не могло – мятежный дух проник в сознание рабочей Америки и может вскоре овладеть им. Лорена Хиккок, опытная и наблюдательная журналистка, добровольно взявшаяся быть информатором Гарри Гопкинса и исколесившая по его поручению вдоль и поперек дороги Востока и Запада, Севера и Юга, не скрывая внутреннего волнения, в своих регулярно посылаемых в Вашингтон докладах описывала трагические картины нищеты и бедствий, в море которых все глубже и глубже погружалось трудовое население страны 7. В ее докладах резче всего сквозила одна мысль: социальное напряжение достигло сверхопасного предела даже в тех местах, где подавляющее большинство трудового населения издавна отличалось «стопроцентным патриотизмом», политическим консерватизмом и повышенной религиозностью. Пораженная фактом деградации материальных условий жизни тысяч рабочих семей, оставшихся без элементарных средств к существованию в силу безработицы и бездеятельности властей, Хиккок особый упор делала на то, что дальнейшее ухудшение положения может привести во многих местах к неизбежной развязке – вооруженным столкновениям с применением огнестрельного оружия, накопление которого (особенно в шахтерских поселках) приняло угрожающие размеры. С часу на час можно ждать, сообщала она, что все эти ружья и револьверы «заговорят» 8.

Превосходно уловив эту зреющую решимость населения промышленной Америки добиваться перемен, Рузвельт делает шаг навстречу его чаяниям, провозглашая знаменем национальной политики курс на реформы, но реформы социально-правового характера, поначалу устраняющие лишь самые вопиющие проявления господствующей в обществе системы социального неравенства и сохраняющие в абсолютно неизменном виде ее устои. Знакомясь с программой нововведений, начертанной Рузвельтом в его выступлении в разгар избирательной кампании 1932 г., Уолтер Липпман, один из самых проницательных американских политических обозревателей того времени, с нескрываемым разочарованием отметил, что убеждениям избранника демократов недостает соответствующих моменту определенности и продуманности 9. Липпман ничуть не сгушал краски – бесцветность позитивной программы Рузвельта прямо-таки бросалась в глаза. Однако он явно недооценивал особенности тактического мышления Рузвельта, поражавшего даже близко знавших его людей способностью гибко реагировать на меняющуюся обстановку, скрытно от противников (чтобы застать их врасплох) подготавливать свои новые шаги. Не соглашаясь с Липпманом, близко знавший Рузвельта Феликс Франкфуртер писал о его умении молниеносно видоизменять свою позицию, о его склонности к неожиданным (даже для советников) ходам, рассчитанным втайне им самим, без посвящения посторонних, и целиком подчиненным его собственным тактическим замыслам 10.

Франкфуртер не ошибался: вступив в должность президента, поставленный лицом к лицу с возможностью возникновения кризиса власти, Рузвельт тотчас же отдает распоряжение о созыве особого совещания по «рабочему вопросу» под эгидой нового министра труда Фрэнсис Перкинс. Совещание призвано было обсудить два главных вопроса: во-первых, чрезвычайные меры, вытекающие из катастрофического положения с занятостью, и, во-вторых, задачи, связанные с реализацией долгосрочной программы «улучшения условий труда в США» 11. В повестке дня совещания первыми были названы такие меры, которые шли дальше туманных обещаний предвыборной платформы Демократической партии и существенно уточняли позицию самого президента. Было предусмотрено,

например, обсуждение широкой программы трудового законодательства, обеспечивающей не только улучшение условий труда, но и восстановление «нормальной занятости». Президент хотел видеть на этом совещании представителей организованного рабочего движения, т. е. профсоюзов, чье участие на правах младшего партнера в процессе «реконструкции промышленной системы» рассматривалось в качестве весьма важного условия успеха.

Программа совещания в Вашингтоне во многих своих чертах, как оказалось, не только предвосхищала трудовое законодательство «нового курса», но и предусматривала создание некоего подобия совещательного органа при министре труда, состоящего из специалистов и представителей профсоюзов. Это был прообраз консультативного совета по труду при Национальной администрации восстановления и его преемников – Национального управления труда и Национального управления по трудовым отношениям. Ничего подобного в предвыборной платформе демократов не было, и, возможно, никто даже из самого ближайшего окружения Рузвельта не подозревал, что президент сделает такой резкий крен в сторону признания определенной роли профсоюзов в процессе регулирования трудовых отношений и одновременно наделения правительства весьма широкими полномочиями в деле поддержания «промышленного мира». Рузвельт возвращался к наследию Вильсона.

Следуя именно этому плану, Рузвельт уже в марте 1933 г. делает широкий жест в сторону верхушки профлидеров, приглашая их усесться за один стол с министром труда, ведущими боссами делового мира и выработать сообща программу преодоления кризиса в области производства, занятости, социальной помощи. Встречи в Белом доме, порог которого многие профсоюзные вожди переступали впервые, носили непринужденный и внешне даже доверительный характер¹². Настороженность растворилась в эйфории надежд и радужных прогнозов. Сидней Хиллмэн, очарованный обхождением президента и его манерами, после обнародования Закона о восстановлении промышленности назвал его чем-то вроде «овеществленной мечты»¹³. А после того как Рузвельту в считанные дни удалось предотвратить полный финансовый крах и стать благодаря этому национальным героем, никто, кроме марксистов, не хотел и слышать о наивных заблуждениях в отношении судьбы «менял», денежных воротил, которых президент обещал изгнать из «храма». Скептические голоса тонули в возгласах одобрения¹⁴.

Однако единодушная одобрительная реакция трудящихся на первые акты администрации «нового курса» посеяла тревогу другой части общества. Подчеркнутый демократизм и общительность президентской четы резко контрастировали с равнодушием к страданиям нищих соплеменников и высокомерием главы ушедшего в отставку «правительства миллионеров» – республиканца Герберта Кларка Гувера, рождая новые опасения и побуждая имущие классы к скрытому сопротивлению. Попытки Элеоноры Рузвельт вызвать сочувствие к курсу на перемены путем пересказа докладов Лорены Хиккок о бедственном положении рабочих в индустриальной глубинке были с возмущением отвергнуты в финансово-промышленных кругах¹⁵. Сострадание к слабым и «неудачникам» было здесь не в почете, так же как и призывы к сдержанности и осторожности в решении трудовых конфликтов, обращенные к хозяевам. И то и другое считалось моральным поощрением актов насилия со стороны рабочих, разжиганием «классовой ненависти», подрывом прав собственности и авторитета власти.

Раздражение в «верхах» накапливалось по мере того, как Рузвельт, легко улавливая главный тон общественных настроений, превращал тему безнравственности и безответственности большого бизнеса в особый раздел своих воскресных радиопроповедей («беседы у камелька») для миллионной аудитории, жадно внимавшей каждому слову нового президента. Он делал это в знакомой и ненавистной многим манере раннего Брайана, восхваляя стоицизм «простого человека» и порицая промышленных магнатов за безжалостные способы наживы на человеческом труде, за их бьющие в глаза враждебность, нетерпимость и заносчивость в отношении рабочих и профсоюзов, жестокосердие и вероломство. Рузвельт сознательно выбирал слова покруче и похлеще. Неудивительно, что

предприниматели платили ему неприязню, выговаривая за недостаток решимости в противодействии «незаконным» притязаниям и обвиняя в угодничестве перед неимущими слоями, мягкотелости, даже в тайных замыслах «советизировать» Америку. С конца 1933 г. в американской печати то и дело стали появляться статьи, обвиняющие Рузвельта в скольжении по наклонной в сторону подстрекательства «низов» к революции.

Белый дом оказался в нелегком положении. Большая ссора с крупным капиталом никак не входила в его планы. Стремясь предотвратить обострение конфликта, Рузвельт доказывал, что он возник из-за упрямого нежелания монополистов постичь истинный смысл «нового подхода к рабочему вопросу». Он не раз сетовал на то, как много неудобств пришлось ему испытать, приучая предпринимателей к сдержанности и демонстрируя терпимость, а в случае необходимости даже обходительность там, где его предшественники, не раздумывая, пускали в ход судебные предписания, полицейские дубинки, слезоточивый газ, пули и даже танки. На фоне многочисленных карательных экспедиций администрации Гувера против движения безработных и фермерских выступлений, мстительных призывов раздавить их применением силы эти заверения в политической благовоспитанности новой администрации звучали вызовом приверженцам «порядка любой ценой», по всем признакам уже начинавшим терять голову. Это, разумеется, не означает, что Рузвельт отказался от использования чисто охранительных методов и средств в целях контроля за деятельностью профсоюзов, леворадикальных политических организаций, компартии и т. д. Напротив, администрация «нового курса» поставила дело тайной слежки за рабочей оппозицией на широкую ногу. В 30-х годах впервые в политической истории США правительство страны санкционировало подслушивание телефонных разговоров, тайные налеты и обыски в штаб-квартирах общественных организаций и т. д. Полномочия ФБР были значительно расширены, его охранительные функции получили статусное выражение 16.

Однако вплоть до начала Второй мировой войны, стараясь всемерно укреплять социальную базу «нового курса», Рузвельт отрицательно относился к применению политических репрессий, сдерживая усердных сторонников крутых мер. Рост радикальных настроений он решил «убить мягкостью» в комбинации с посреднической дипломатией, способной убедить всех, что правительство стоит выше сословных интересов, что оно готово восстановить социальную справедливость и гармонию повсюду, куда простирается его власть. Все другие средства должны были играть подсобную роль. Развивая эти мотивы, супруга президента, чье влияние на стиль и методы социальной деятельности новой администрации было весьма заметным, придавала им форму, близкую той, в которой вели свою агитацию многочисленные последователи социал-утопических взглядов писателя, властителя дум читающей публики в XIX в. Эдварда Беллами. Среди рьяных почитателей Беллами нашлись даже такие (в том числе и классик литературы Эптон Синклер), которые решили, что у них появился влиятельный союзник в Белом доме 17.

Рузвельт не разделял увлечений своей супруги, среди друзей которой было много известных левых деятелей, и остерегался быть заподозренным в сочувствии им. Тем не менее он придавал особое значение созданию нового имиджа федерального правительства и Белого дома как образцовых институтов государства «всеобщего благоденствия». Пустяковые усилия, не требующие никаких реальных затрат, с его точки зрения, могли иметь большой психологический эффект и принести солидные политические выгоды Демократической партии. Достаточно сказать о специальной службе почтовой переписки, которую широко использовал Белый дом с целью активного воздействия на общественные настроения в самых «горячих» районах страны, где брожение умов было доведено до точки кипения ухудшением экономического положения и бездеятельностью местных властей. Видя собственными глазами плоды этих хитроумных усилий, Л. Хиккок поражалась контрасту между реальным значением тех или иных (чаще всего чисто пропагандистских) жестов президента и воздействием их на воображение людей, ищущих спасения от кризиса, нищеты и голода. Но, несмотря на чисто декларативный характер многих заявлений Белого дома, констатировала она, Рузвельт добивался своего: вера в решимость президента достичь

методом либерального лицедейства народного блага предотвращала рабочие волнения там, где, казалось, достаточно было одной лишь искры.

Следующее место из доклада Л. Хиккок Гопкинсу от 8 апреля 1934 г. говорит об умелом манипулировании Рузвельта наивными представлениями больших масс людей с помощью специально отработанной либеральной риторики и других изобретенных президентом и его штабом нехитрых средств политического оболыщения. «Весьма забавно, – писала она, – но все люди здесь (речь шла о шахтерских поселках Алабамы. – *В.М.*), кажется, полагают, что знают президента Рузвельта персонально! Это вызвано отчасти, я думаю, тем, что они слышали по радио его выступления, когда он говорил с ними самым дружеским, доверительным тоном. Подумайте только – они воображают, будто он беседовал с каждым из них в отдельности! Конечно же, они не всегда понимают, какой смысл вкладывает он в свои слова, и склонны истолковывать их так, как им хочется. Еще одна забавная штука – это огромное количество писем за подписью Рузвельта и госпожи Рузвельт, которые циркулируют здесь повсюду. Чаще всего они представляют собой всего лишь краткое и чисто формальное уведомление о получении жалобы или просьбы об оказании материальной помощи. Но я очень сомневаюсь, чтобы какой-либо другой президент или его жена были столь пунктуальны в отношении оповещения о получении писем от простых граждан. И люди воспринимают эти формальные извещения вполне серьезно, в качестве доказательства установления личных контактов с президентом. В определенном смысле это приносит огромный положительный эффект. Популярность президента и г-жи Рузвельт очень возросли. Многие из этих людей, привыкших видеть в лендлорде или предпринимателе своих благодетелей, теперь обращают свой взор к президенту и г-же Рузвельт! Они верят, что последние одарят их заботой и попечением» 18.

Моральный эффект от этой операции по восстановлению доверия к президентской власти на фоне заметного улучшения экономической конъюнктуры превзошел все ожидания. Процесс внедрения новых принципов правового регулирования трудовых отношений в промышленности проходил в острейшей, порой кровопролитной борьбе, в которую периодически вынужден был вмешиваться Белый дом с тем, чтобы «водворить мир». Однако найденный президентом тон, способный создать впечатление искренней озабоченности администрации соблюсти интересы обеих сторон, создавал эффект социального равновесия, гармоничного взаимодействия равноправных групп в системе трудовых отношений. По этой причине реальный смысл событий не доходил до многих рядовых участников рабочего движения: уступки, вырванные рабочими у промышленных магнатов в упорной борьбе, воспринимались ими самими как милость федеральных властей или, по крайней мере, как результат их совместных усилий 19. Правительство считало своим долгом поддерживать подобные представления и делало это весьма искусно. Особенно показательны в этом отношении события осени 1936 г. и весны 1937 г., когда ньюдилеры лицом к лицу оказались едва ли не перед самым трудным выбором.

Охватившие в этот период автомобильную промышленность массовые и упорные «сидячие» забастовки внесли во взрывоопасную ситуацию элемент повышенной нестабильности, чреватой социальными беспорядками, беспрецедентными по масштабу и накалу. Переписка губернатора Мичигана Фрэнка Мэрфи показывает, как страстно хозяева корпораций, полицейские чины и консервативные политики в обеих буржуазных партиях жаждали реванша: рабочие, захватившие заводы, в их понимании нанесли тяжелый удар по праву собственности, опровергли ее неприкосновенность 20. Губернатора сначала обвиняли в непростительной медлительности, затем в неуважении к закону и, наконец, даже в тайном сочувствии коммунизму. В марте 1937 г. среди бизнесменов возникло движение за его отзыв.

Между тем никто лучше либеральных реформаторов (а к ним принадлежал и Мэрфи) не видел, в какую пропасть перманентных социальных потрясений с неясным исходом для самих устоев двухпартийной системы и всей существующей структуры власти может завести слепая ярость охранителей и сторонников «порядка» любой ценой. У ньюдилеров отнюдь не угасла надежда, что нажиму рабочего радикализма, широких движений социального

протеста можно противостоять, оставаясь на почве правопорядка, иными словами, не прибегая без крайней нужды к репрессивным мерам, прямому насилию, полицейскому террору в духе кошмаров памятной всем «красной паники» 1918–1920 гг. или вашигтонского побоища летом 1932 г. Своеобразным документальным свидетельством социальной философии либерализма эпохи «нового курса», как нам кажется, могут служить пояснения того же Мэрфи в отношении мотивов его поведения в разгар острейшего классового конфликта в автомобильной промышленности в 1936 и 1937 гг. В письме от 25 мая 1937 г. губернатор Мичигана, обвиняемый людьми его же круга в соучастии в покушении на священные права собственности, в исповедальном порыве признал, что все уступки рабочим были вынужденной мерой, диктуемой только беспрецедентным характером возникшего кризиса и стремлением отвести угрозу всеобщей политической забастовки 21, а может быть, и кое-чего посерьезнее.

Точно такой же позиции в аналогичной ситуации, но применительно к общенациональному масштабу придерживались и президент Рузвельт, и министр труда Ф. Перкинс, воздавшие должное тактике лавирования и толерантности Мэрфи и поздравившие (в один и тот же день) губернатора с урегулированием конфликта, который, как выразился президент, «был чреват серьезными беспорядками и расстройством» 22.

Рузвельт: «Социальная справедливость, уже не являясь отдаленным идеалом, стала нашей ясной целью»

Итак, реформы «нового курса» не акт милосердия, не дань христианской добродетели, а прямой результат борьбы рабочих и предпринимателей, профсоюзов и корпораций, низов и верхов 23. Говоря о генезисе реформы рабочего законодательства «нового курса», очень важно учитывать и внешний фактор, прежде всего прямое и косвенное воздействие формально провозглашенных прав трудящихся в СССР. В 30-е годы там были осуществлены и многие реальные дела – ликвидирована безработица, обеспечено было последовательное осуществление широких социальных программ в области здравоохранения, просвещения, жилищного строительства, охраны труда, детства и материнства и т. д. Рабочее движение США развивалось не в безвоздушном пространстве, к тому же в кратчайшие сроки рабочие Америки отучились видеть в своей стране некий рай для людей труда. Их критика касалась прежде всего либерального реформизма в той неспешной, лениво тягучей форме, в которой он предстал после атакующих порывов «Ста дней», растворившись в разговорах и дискуссиях.

Претензии рабочих были справедливы. Начать хотя бы с многочисленных недомолвок и изъянов рабочих статей Закона о восстановлении промышленности, принятого в июне 1933 г., которые были на руку предпринимателям и корпорациям, охотно использовавшим их в своих собственных интересах. Под нажимом крупного бизнеса генерал Хью Джонсон, глава Администрации восстановления, первое время вообще старался не замечать этих статей 24. В довершение всего Рузвельт нанес весьма ощутимый удар по правам профсоюзов, защищавших систему «закрытого цеха», утвердив в августе 1933 г. «кодекс автомобильной промышленности» с так называемой оговоркой о заслугах. Правительство тем самым санкционировало любые действия предпринимателей в этой отрасли, которые в вопросах найма и увольнения рабочих могли отныне поступать, как им заблагорассудится, исходя из «индивидуальных заслуг» рабочего и не считаясь с тем, состоял ли он членом тред-юниона или нет.

Для большинства тред-юнионистов яростное сопротивление капитала попыткам рабочих воспользоваться правом на организацию, декларированным пунктом 7-а, а также позиция стороннего наблюдателя, занятая Вашингтоном, были неприятным сюрпризом 25. Тех, кто стремился видеть в рабочих статьях НИРА свидетельство особого расположения правительства к профсоюзам, могла бы насторожить брошенная президентом в 1934 г. фраза о его глубоком безразличии к тому, что предпочтут рабочие, если пожелают воспользоваться

пунктом 7-а, – профсоюз или Королевское географическое общество? 26 Небрежение, обструкционизм – такими словами характеризует подход Рузвельта к требованию рабочих предоставить им законное право на коллективную защиту от произвола предпринимателей известный американский историк Д. Броуди 27. Однако первое время даже публичное заявление главы Администрации восстановления генерала Джонсона, объявившего о нейтралитете правительства в конфликте между профсоюзами и монополиями 28, истолковывалось как самовольная выходка недружественного к профсоюзам бюрократа.

Заинтересованность рабочих в утверждении своего права на организацию в профсоюзы была столь велика, что вопиющие дефекты НИРА, колебания и уклончивость Белого дома в этом вопросе удивительным образом какое-то время оставались как бы не замеченными ими. Промышленные центры оказались охвачены волной энтузиазма. Самым популярным был лозунг: «Президент (Рузвельт) хочет, чтобы ты вступил в профсоюз!» Немногие тогда знали, что президент вовсе этого не хотел. В момент окончательного редактирования законопроекта о восстановлении промышленности в мае 1933 г. судьба рабочих статей билля могла оказаться плачевной, если бы сенатор Вагнер, сознававший решимость профсоюзов бросить на чашу весов все свое влияние, не потребовал в ультимативной форме от представителей Национальной ассоциации промышленников отказаться от обструкции и тем самым вынудил президента занять позицию нейтралитета 29.

Еще летом 1933 г., используя частные каналы, глава Администрации восстановления Хью Джонсон заверил предпринимателей, что НИРА не может «применяться в качестве инструмента защиты интересов профсоюзов» 30. В марте 1934 г. уже сам президент США, выступив заодно с автомобильными магнатами, сорвал намечавшуюся всеобщую стачку рабочих автомобильной промышленности в защиту права на организацию в профсоюз и, отвергнув слабые поползновения АФТ достичь компромисса в выработке «автомобильного кодекса», буквально навязал рабочим условия, устраивающие монополии 31 и лишь незначительно улучшившие положение «синих воротничков».

Видный американский исследователь истории рабочего движения в США в 30-е годы Сидней Файн приходит к следующему выводу: «История с принятием кодекса автомобильной промышленности, несмотря на все разговоры о партнерстве правительства, промышленников и рабочих в осуществлении НИРА, рельефно выявила тот факт, что организованное рабочее движение там, где оно не имело достаточных сил бросить вызов союзам предпринимателей, было в лучшем случае партнером с ограниченными правами. С того момента, когда был составлен набросок кодекса автомобильной промышленности и до истечения срока его действия, президент Рузвельт в ходе любого конфликта, возникающего между рабочими и администрацией предприятий, становился на сторону предпринимателей. Поступая таким образом, он раскрыл, возможно в преувеличенном виде, кое-что существенное в природе Национальной администрации восстановления и так называемого первого «нового курса» 32.

По большей части Рузвельт избегал брать на себя инициативу в продвижении дела социальной реформы или в осуществлении мер политического характера, расчищавших путь к прорыву в трудовом законодательстве. Выжидание и лавирование – более характерные для него тактические методы. Во многих случаях (в особенности в период после 1938 г.), натолкнувшись на сопротивление, он предпочитал отступление открытой конфронтации с оппозицией, давая сигнал к такому отступлению, казалось бы, вопреки всему, в том числе и собственной репутации президента-реформатора 33. Одни словесные доводы советников и политических сторонников не могли заставить президента изменить своей линии балансирования между правым и левым флангами своей партии, свойственной ему настороженности в отношении перспективных идей в области социальных преобразований (как много в них от социализма?), гражданских прав и т. д. 34.

Итак, победы рабочих приходили не сами собой и не по воле доброхотов из высоких правительственных сфер. Другими словами, ни один либеральный закон не обретал реальной силы без движения снизу в его поддержку. И наоборот, ослабление этого движения в

результате упования на автоматизм перемен в связи с появлением «друзей» рабочих в Белом доме и конгрессе, с притуплением политической активности рабочих резко снижало шансы на успех прогрессивного законодательства, тормозило принятие назревших реформ или вообще снимало их с повестки дня. Для понимания многих сторон и особенностей рабочей политики Рузвельта исключительно важное значение имеет рассмотрение деятельности его администрации в области помощи безработным, в решении проблем занятости, использования природных и трудовых ресурсов.

Проблема безработицы была главной и наиболее острой, не терпящей отлагательства. Уже в 1930 и 1931 гг. рабочее движение с редким единодушием выступало в защиту выдвинутого его левым крылом требования организации широкой системы общественных работ для безработных. Оставаясь уклончивым в определении конкретных мер в случае прихода к власти, Рузвельт тем не менее в ходе кампании 1932 г. обещал вплотную заняться этим вопросом. Он увязывал его с задачами внедрения принципов регулирования хозяйственной жизни, рационального использования и консервации природных ресурсов, а также со строительством под эгидой государства и за государственный счет крупных объектов общественного назначения – электростанций, дорожных и водозащитных сооружений и т. д. 35.

Первый шаг в этом направлении Рузвельт сделал в апреле 1933 г., создав Гражданский корпус консервации природных ресурсов (СКК), представлявший собой сравнительно широкую сеть трудовых лагерей для безработной молодежи. В соответствии с Законом о восстановлении национальной промышленности была создана Администрация общественных работ (ПВА) во главе с министром внутренних дел Г. Икесом. Располагая значительными финансовыми средствами, она развернула работу на сравнительно немногочисленных крупных объектах, главным образом в сфере дорожного, военного и гидроэнергетического строительства. Ни СКК, ни ПВА, конечно, не решили проблемы, но в системе традиционных представлений американцев об экономической системе своей страны как о царстве частного предпринимательства была пробита основательная брешь.

Характерно, что в начале своего президентства Рузвельт вопреки заявленным намерениям держался заметно в стороне от активного участия в обсуждении проблемы занятости, вызывая тревожные размышления у всех, кто возлагал надежды на решительные действия новой администрации в этой сфере 36. Лишь в ноябре 1933 г. была создана Администрация гражданских работ (СВА), изобретение Г. Гопкинса и одно из самых популярных, хотя и недолговечных, детищ «нового курса». Цель, которая ставилась перед этой организацией, состояла в том, чтобы в преддверии голодной зимы 1933/34 г. обеспечить в кратчайший срок временной работой за счет казны до 4 млн безработных и таким образом фактически больше чем на треть сократить армию безработных за счет привлечения их к производительному труду на объектах общегосударственного значения. Вопреки ожиданиям президент и конгресс без проволочек согласились с проектом Гопкинса. Объясняя эту беспрецедентную уступчивость, Гопкинс говорил в 1937 г.: «Многие ведущие лидеры делового мира в преддверии зимы 1933/34 г. примчались в Вашингтон и слезно молили выделить дополнительные ассигнования с целью занять миллионы безработных и тем самым поддержать существование голодных людей» 37.

Ища спасения от голодных бунтов и взрывов массового недовольства, власти положили начало поистине уникальному в условиях США социальному эксперименту: в общей сложности было введено в действие примерно 400 тыс. объектов 38. Вместе они составили гигантский государственный сектор экономики, приоткрытый клапан для сброса давления в паровом котле, буквально готовом взорваться. «Социализм», родившийся в мгновение ока, играл роль прокладки между низами и верхами, создавая, как казалось многим, некий прообраз функционирующей смешанной экономики. На местах СВА поощряла создание кооперативных предприятий самого различного профиля, функционирующих (и весьма успешно) на началах рабочего самоуправления. В короткий период удалось трудоустроить и обеспечить пропитанием миллионы безработных, людей самых разных профессий – от

лесорубов до писателей и художников. Их заработки поначалу были не ниже тех, которые получали работающие на частных предприятиях, что и послужило поводом для злобных наскоков представителей предпринимательских кругов на СВА. Однако было ясно, что их опасения простирались дальше показной заботы о сохранении конкурентоспособности. Одним своим существованием СВА наносила моральный урон системе частного предпринимательства, заставляя многих задумываться над вопросом о жизнеспособности последней и ее соответствии требованиям экономического прогресса. Воспользовавшись тем, что к весне 1934 г. социальное напряжение во многих местах благодаря принятым мерам и улучшению экономической конъюнктуры несколько ослабло 39, и, уступая давлению справа, Рузвельт поторопился положить конец этим мероприятиям, вызывающим столь противоречивую реакцию в стране 40.

Созданная весной 1935 г. в рамках реализации «Национального плана предоставления работы» Администрация по обеспечению работой (ВПА) была начисто уже лишена всяких признаков, уравнивающих ее с частнокапиталистическим сектором экономики. Но только такой она и могла быть. Рузвельту и Гопкинсу удалось сделать конгресс более сговорчивым путем обещания направить львиную долю ассигнований на военное строительство и установления более низкого денежного вознаграждения за труд на объектах ВПА по сравнению с частным сектором. Хотя органические дефекты программы общественных работ, осуществлявшейся под эгидой ВПА вплоть до 1943 г., были очевидны, они несли в себе и позитивное начало, дружно поддерживаемое рабочим движением страны. Не решив полностью проблему занятости, ВПА в отдельные годы предоставляла работу 3,5–4 млн людей, буквально спасая их от голода. Нельзя не отметить также, что опыт частичного огосударствления рынка наемного труда, каким бы суррогатом по отношению к реальным нуждам он ни был, подтверждал положительное значение вторжения государства в сферы, которые капитал извечно считал своей святой святых 41.

Профсоюзы и организованное движение безработных решительно настаивали на расширении и планомерном развитии общественных работ. Многие влиятельные представители вашингтонской администрации разделяли эту установку, полагая, что она полностью отвечает целям программы поэтапной реконструкции и модернизации капиталистической системы, ее приспособления к изменившимся условиям. Гопкинс, например, выступая в сентябре 1938 г. в Сиэтле, говорил, что он предвидит осуществление «великой программы федеральных общественных работ» продолжительностью в 20 и более лет. Неотвратимость такой перспективы он считал делом само собой разумеющимся. «Я рассматриваю такую программу в сочетании с системой социального страхования по безработице в качестве единственной возможности обеспечения средствами существования армии хронически безработных людей» 42, – сказал он. Г. Икес с самого начала также проводил мысль о создании постоянно действующей системы общественных работ в качестве своеобразного придатка частнокапиталистической экономики, выполняющего роль поплавка и стимулятора роста 43.

Рузвельт, со своей стороны, всегда со сдержанным неудовольствием относился к подобным настроениям. Но еще весной 1933 г. он вынужден был согласиться с идеей создания специального агентства, приданного Администрации общественных работ, с целью выработки рекомендаций по их планированию, территориальному размещению и рациональному использованию в интересах национальной экономики. Так возникло Управление планирования национальных ресурсов (УПНР) 44, которое во многом на свой страх и риск занялось изучением вопросов перспективного экономического планирования главным образом в области занятости и природопользования.

Одно время казалось, что УПНР, после 1939 г. перешедшее непосредственно в подчинение президента и ставшее органической частью управленческого аппарата Белого дома, со временем может сыграть важную роль в формулировании экономической политики, предотвращении разбалансирования хозяйственных связей и определении национальных приоритетов. Однако проекты его основателей натолкнулись на ожесточенное

сопротивление влиятельных кругов и лоббистов, восставших против покушения на их привилегии в определении экономической стратегии и заставивших президента положить конец «радикальной экспансии» сторонников внедрения планового начала в деятельность хозяйственного механизма, регулирования социального развития и усиления федерального контроля за использованием природных ресурсов.

Была только одна область внутренней политики, в которой Франклин Д. Рузвельт охотно выступал с опережающей политической инициативой. Имеется в виду охрана и консервация природных богатств. В этой области его личные представления о «сбалансированной цивилизации» и научно обоснованном природопользовании перекликались с концепциями сторонников усиления регулирующей роли государства в экономике в целях ограничения разрушительных последствий частнокапиталистической конкуренции. Природные ресурсы страны, рациональное использование которых под государственным контролем является важнейшим условием экономического благополучия нации, должны были стать, по его мнению, сферой приложения правительственных усилий крупных масштабов. Во имя благополучия будущих поколений американцев Рузвельт предлагал активизировать действия в пользу приобретения государством заброшенных земель, лесных участков, находившихся в частных руках, и т. д. 45. Рабочее движение показало себя кровно заинтересованным в этом широком эксперименте.

Окружив себя значительным числом весьма энергичных сторонников реформ в области трудового законодательства, Рузвельт уравновесил их политическое влияние сохранением прочных связей с представителями консервативных кругов – лидерами финансово-промышленного капитала (Б. Барух, Дж. Кеннеди и др.), политиками-южанам, местными политическими боссами и т. д. Он охлаждал преобразовательный пыл первых процедурой длительного просеивания идей и проектов сквозь сито «согласительных» комиссий, искусной игрой на противопоставлении мнений, упреждающими мерами, частично снижающими остроту проблем, но не более того. Даже у самых больших почитателей «нового курса» рождались опасения, что политика лавирования и полумер не имеет будущего. Об этом не принято было говорить открыто, но предчувствие недостаточности и ненадежности всех усилий вернуть стране процветание часто беспокоило многих ближайших помощников президента, отлично сознававших, что Рузвельт избрал метод поэтапного продвижения вперед, с переходами к чисто позиционной борьбе и даже отходом назад. «Конечно, я хорошо знаю, – писал в 1940 г. Гарольд Икес в частном письме, – что «новый курс» так же несовершенен, как и любая другая политическая программа. Если говорить о том, что мы имеем на сегодня, то она, вне всякого сомнения, обладает крупными недостатками как в отношении целей, так и способов осуществления. Однако время исправит ее дефекты, если, разумеется, у нас будет достаточно времени... Я начинаю опасаться, что как раз времени-то у нас может и не хватить для того, чтобы привести в приличный вид наш дом...» 46

На собственном горьком опыте трудовая Америка познавала политическую механику либеральной эры. Страна была буквально залита потоками официального оптимизма. Однако экономическое положение и социальный статус больших масс трудящегося населения (женщин, афроамериканцев, мелких фермеров, городских средних слоев и т. д.), если и изменились к лучшему, то лишь в ограниченных пределах. Многие важные требования трудящихся не были удовлетворены. Так, например, после двух лет пребывания администрации Рузвельта у власти дело с подготовкой законопроекта о социальном обеспечении по безработице и старости почти не сдвинулось с места. Было бы ошибочно искать этому объяснение в опасениях Рузвельта натолкнуться на труднопроходимое препятствие в лице оппозиции в конгрессе 47. Правительство по собственной инициативе тормозило реформу социального обеспечения. В ходе знаменитых «первых ста дней» (1933 г.) оно не сочло возможным поставить ее на обсуждение конгресса. В дальнейшем Рузвельт доказал, что он не торопится с разработкой законодательства о социальном страховании и готов сколько угодно искать компромиссное решение 48.

Послания, которые в январе 1935 г. президент направил в конгресс, были отмечены умеренностью, хотя в них и говорилось о необходимости значительных ассигнований на расширение общественных работ и содержалась рекомендация принять закон о социальном страховании. Характерно, что, выступив наконец с этими давно ожидаемыми предложениями, правительство оказалось в ссоре... с прогрессистским блоком в конгрессе, который справедливо нашел их неудовлетворительными. Конфликт разрастался, тем более что созданная президентом комиссия во главе с Ф. Перкинс предлагала главное бремя забот по осуществлению этих мер возложить на штаты, сделав участие федеральных властей чисто символическим. Прогрессисты справедливо увидели в этом уступку консерваторам за счет интересов трудящихся. Вялое течение слушаний в конгрессе проходило на фоне почти полного замирания правительственной активности 49. Неожиданное одобрение Комитетом по труду палаты представителей подготовленного Коммунистической партией США и внесенного конгрессменом Ландином билля о социальном страховании заставило правительство поторопиться и выступить с собственным законопроектом, которому была обеспечена поддержка обеих палат конгресса, но который отличался от билля Ландина в худшую сторону.

Настораживающим молчанием окружил президент и повторное прохождение весной 1935 г. через обе палаты конгресса знаменитого законопроекта Вагнера о трудовых отношениях, хотя ему было обеспечено подавляющее большинство голосов членов сената и палаты представителей. Ф. Перкинс писала, что билль Вагнера никогда не рассматривался Рузвельтом в качестве составной части его собственной программы. Более того, администрация (и сама Перкинс в том числе) делала все, чтобы торпедировать билль 50. Искренний радатель интересов людей труда сенатор Вагнер был так обескуражен этим холодным приемом, что выхолостил собственный билль, отказавшись распространить его положения на сельскохозяйственных рабочих. Оправдываясь, он писал в апреле 1935 г., что реальная угроза полного провала билля сделала его податливым любому нажиму 51. Он ничуть не преувеличивал: опасность преследовала билль буквально по пятам. Накануне решающего голосования в сенате, 15 мая 1935 г. на пресс-конференции Рузвельт заявил, что он никак не определил своего отношения к биллю Вагнера 52. Это означало, что можно было опасаться самого худшего – вето президента.

И вдруг резкий поворот от созерцательности и проволочек к демонстрации приверженности «подлинному» (как писал советник президента Тагвелл) 53 прогрессивизму, к активной поддержке самого радикального в истории американского государства социального законодательства, включая билли о социальном страховании, о трудовых отношениях, налогообложении крупных состояний и т. д. Существенно меняется и сама риторика президента. Обличения беспредельной алчности имущих классов и хищничества монополистов в духе популизма Брайана и Лафолетта-старшего сопровождаются признанием приоритета интересов неимущих слоев в государственной политике «национальной реконструкции». Летопись американского президентства, пожалуй, не знала такого крутого зигзага.

Еще в своем ежегодном послании конгрессу в январе 1935 г. Рузвельт заявил, что он не хочет вносить изменения в существующую налоговую систему. 7 июня он сказал репортерам на пресс-конференции, что проблема налогов его не занимает. Но уже 19 июня в послании конгрессу президент предложил ввести прогрессивный налог на крупные состояния и прибыли корпораций. Оппозиция кричала о «трюках» президента, перехватывающего голоса у левых и правых экстремистов и демагогов типа Х. Лонга. Однако Белый дом, хотя и в сильно урезанном виде, добился от конгресса одобрения законопроекта. 5 июля 1935 г. Рузвельт поставил свою подпись под законом Р. Вагнера о трудовых отношениях, подтвердившим и усилившим права рабочих на организацию в профсоюз и коллективный договор, зафиксированные в статье 7-а НИРА. 14 августа 1935 г. Ф. Рузвельт подписал Закон о социальном страховании.

Итак, внезапно, в течение жарких летних месяцев 1935 г., после длительной раскачки и

выжидания правительство Рузвельта вновь обрело вкус к социальной реформе. Многие буржуазные историки теряются в догадках, размышляя по поводу происшедшей метаморфозы. Лейктенберг, например, писал, что Рузвельт сделал это «по причинам не вполне понятным», а конгресс, в свою очередь проголосовал за поддержанные правительством билли, также раз и навсегда «поверг всех в недоумение» 54. Разумеется, разгадку следует искать не только в чисто предвыборных соображениях. В эволюции «нового курса» ярко проступает стремление Рузвельта решить главную стратегическую задачу прогрессивного либерализма в условиях острейшего кризиса капиталистической системы – подчинить себе массы и удерживать их под контролем подновленной двухпартийной системы.

Оценивая обстановку жаркого лета 1935 г., министр внутренних дел Г. Икес высказал убеждение, что «страна настроена куда более радикально, чем правительство в целом и каждый из нас в отдельности» 55. На новую ступень поднялось движение безработных после того, как наметилось, а затем было осуществлено под руководством левых объединение всех его организаций. Нарастала волна всеобщих забастовок в основных отраслях промышленности. Стихийно, снизу ширилось движение за организацию профсоюзов. В большинстве случаев его возглавляли по-боевому настроенные рабочие лидеры, не связанные с АФТ.

Накопление взрывчатого материала на почве разочарования в «политике улыбок» шло медленно, но неуклонно и в промышленной «глубинке». Архив Лорены Хиккок – прекрасное и авторитетное свидетельство вызревания новых настроений, последовательного «самовозгорания» бунтарского духа в рабочей среде, отвергавшей полумеры, ищущей опоры в сплочении, организации и новых конструктивных идеях социального прогресса, выходящих за рамки традиционного либерализма 56.

Изучив обстановку в промышленном Огайо осенью 1935 г., Хиккок пришла к выводу, что «медовый месяц» в отношениях между рабочими и администрацией в Вашингтоне подходит к концу. О Рузвельте стали говорить как о всего лишь «еще одном президенте», при котором «большой бизнес» по-прежнему вершит всеми делами. Все реже сотрудница информационной службы Гопкинса сталкивалась с упованиями на благоволение просвещенного правления и все чаще – с убеждением в необходимости взять контроль за осуществлением нового законодательства в свои руки, так сказать, явочным путем добиваться не только претворения его в жизнь, но и совершенствования в интересах трудящихся 57. Однако рабочее движение, где бы то ни было, не было единым и монолитным. Политическое влияние классово сознательного авангарда ослаблялось приливом мелкобуржуазной стихии в лице широких движений социального протеста, неоднозначных по своему характеру, преследующих часто различные, порой прямо противоположные цели. Это вносило серьезную путаницу в обстановку, в ряде случаев вело к оживлению настроений, используемых правой оппозицией для ведения антирабочей и антилиберальной пропаганды, для игры на страхе, предрассудках и предубеждениях. Самое слабое звено в коалиции «нового курса» – пестрые мелкобуржуазные массы Юга, Дальнего и Среднего Запада, часть городских средних слоев (в особенности находящихся под влиянием католической церкви) были подвержены наибольшему колебаниям. Во многих случаях эти колебания сказывались и на настроении в рабочей среде 58.

Учитывая рассогласованность в действиях оппозиции слева, а также испытывая давление со стороны монополий, Рузвельт тормозил осуществление многих реформ, но предусмотрительно не связывал себя никакими жесткими обязательствами ни перед теми, ни перед другими. Однако время от времени он прибегал к риторике «современного либерализма». В послании к конгрессу 4 января 1935 г. он говорил: «Социальная справедливость, уже не являясь отдаленным идеалом, стала нашей ясной целью» Как эта декларация о намерениях совмещалась с обещанием «другой», имущей Америке, что эра либеральных реформ не будет длиться бесконечно. И уже осенью 1935 г., к огорчению рабочих, правительство объявило, что наступила «передышка». 1936 год, год президентских

выборов, подтвердил, что перемирие с капиталом лидер Демократической партии хотел бы превратить в прочный мир ценой приглушения социального аспекта деятельности администрации. Свою стратегию на 1935 г. он так определил в разговоре с журналистом, рассчитывая, что тот не будет болтлив: «Спасти нашу систему, капиталистическую систему от сумасшедших идей», твердо держаться курса, не сваливаясь ни влево, ни вправо 59. Подстраиваясь под антимонополизм масс, Рузвельт по-прежнему от случая к случаю обрушивал потоки гневных слов на «экономических роялистов», «обворовывающих других людей». Но ничего конкретного и особо обнадеживающего в отношении улучшения, усиления и углубления социального законодательства сказано не было. И еще меньше сделано.

Президент оставался глухим к призывам поддержать кампанию в пользу принятия законопроекта Вагнера о государственном жилищном строительстве, в котором были заинтересованы неимущие слои перенаселенных промышленных центров. Распространение трущоб в городах достигло размеров национального бедствия, однако Белый дом оповестил общественность, что не считает рекомендации сторонников государственного жилищного строительства для неимущих семей относящимися к числу «обязательных» мер 60. Рузвельт отказался поддержать антирасистский билль Вагнера – Ван Найса – Гавэгана, объявляющий суд Линча уголовным преступлением, относящимся к юрисдикции федеральных судебных властей. Блок южных демократов, пишет американский исследователь Хатчмейкер, действовал так эффективно, что Рузвельт не нашел в себе силы даже пошевелить пальцем в защиту жертв антинегритянского террора 61. Отрицательное отношение президента к идее создания государственной системы здравоохранения способствовало провалу кампании за ее осуществление, хотя, как признавали ее противники, огромные массы населения (особенно в рабочих кварталах) были на стороне этой идеи 62.

Платформа Демократической партии накануне выборов 1936 г. производила впечатление документа, сделанного по меркам консервативной оппозиции или, в лучшем случае, как писал Ф. Франкфуртер, составленного с таким расчетом, чтобы «удовлетворить каждого, никого не обидеть». «Проект платформы, – писал он Рузвельту, – не содержит в себе ничего вдохновляющего, никакой общей концепции, никакого призыва к борьбе, ничего такого, что ободряло бы, что запоминалось бы. По содержанию он едва ли отличается от того, что предлагают республиканцы, а по тону составлен в еще более скучных выражениях» 63. Франкфуртер полагал, что программа должна была бы отразить намерение демократов развивать и дальше дело социальной реформы. Однако Рузвельт не изменил ни слова в этом документе, выработанном специальным комитетом. Примечательно, что во главе его был поставлен сенатор Вагнер, который должен был символизировать готовность со стороны демократов следовать и дальше по пути реформ, хотя сам сенатор не скрывал пессимизма в отношении достигнутого и достижимого 64.

Между тем потребность в глубоких переменах не только не отпала, но все острее осознавалась широкими массами трудящихся 65. Это относится, прежде всего, к тем отрядам рабочего движения, которые всем ходом событий выдвигались на авансцену политической жизни. Речь идет о качественно новом уровне понимания существующего и углубляющегося классового размежевания в обществе и своих собственных классовых интересов. Достигнутая более высокая ступень классового самосознания рабочих (прежде всего в основных отраслях промышленности), как справедливо отметил американский историк Дэвид Монтгомери, проявилась тогда в расширении борьбы за осуществление демократического контроля деятельности отдельных частных предприятий 66 и, добавим, в повышении идеологической зрелости организованного рабочего движения в целом, в усилении тяги к независимому политическому действию, в поиске путей выхода из кризиса на основе выработки альтернативных социально-экономических программ, создания и расширения национализированного сектора экономики, в общей перестройке хозяйственного механизма путем усиления регулирующей роли государства и т. д.

Даже многие ведущие лидеры АФТ пришли в конце концов к убеждению, что крах

1929 г. был вызван не случайными обстоятельствами, а явился неизбежным следствием «фатальных дефектов» экономики страны, среди которых в числе первых называлось отсутствие контроля общества над производством и распределением, развитием финансово-кредитной системы и т. д. 67. Разумеется, среди гомперсистов об этом не принято было говорить вслух, но о необходимости создания и планирования со стороны государства постоянно действующей системы общественных работ Исполком АФТ заявил открыто в своем обращении к двум ведущим партиям 68.

Горячую заинтересованность в последовательном осуществлении все более глубоких социальных преобразований и активизации правительства в данном вопросе проявили профсоюзы КПП. Своей ближайшей целью они декларировали проведение через конгресс закона о минимуме заработной платы, гарантиях прав профсоюзов и расширении участия рабочего движения в определении правительственной политики 69. Но весь дух и вся практика «нового тред-юнионизма» свидетельствовали, что его социальные идеалы не ограничиваются борьбой за удовлетворение набора чисто экономических требований. Об этом в воспоминаниях Лен де Кокса (одного из руководителей КПП) сказано следующими словами: Конгресс производственных профсоюзов «представлял собой устремленное к значительным целям воинственное движение, поставившее перед собой задачу добиться вовлечения трудящихся США в профсоюзы во имя улучшения их жизненных условий и вместе с тем не ставившее препятствий выражению их далеко идущим чаяниям, что вполне естественно для хорошо организованного боевого и ведомого умными лидерами пролетарского движения, если оно нацелено на эвентуальную трансформацию общества» 70.

На своей первой национальной конференции, состоявшейся в Атлантик-Сити (октябрь 1937 г.), КПП выработал законодательную программу, которая вобрала в себя наиболее существенные требования, разделяемые основной массой членов американского профдвижения. Бросается в глаза, что упор в ней был сделан на «фундаментальное требование» закрепления в законодательном порядке права на работу. С этой целью предлагалось обязать всех частных предпринимателей строжайшим образом соблюдать права рабочих, предоставленные законодательством «нового курса». Выдвигалось требование введения федерального законодательства, регулирующего продолжительность рабочего времени и минимальные ставки заработной платы в промышленности. Именно от этой меры ожидали многого, и прежде всего роста занятости. Предлагалось также принять поправки к законодательству о социальном страховании, сделав его максимально отвечающим сложившимся условиям, демократичным, охватывающим все категории трудящихся без каких-либо изъятий 71.

Проблема занятости и обеспечения миллионов обездоленных людей необходимым минимумом жизненных благ оставалась на переднем плане национальной политики. Несмотря на все усилия, безработица не перестала быть главной народной бедой. На заседании Чрезвычайного экономического совета в присутствии Ф. Рузвельта в конце декабря 1935 г. представители министерства труда приводили цифру существования в стране в 12 млн безработных, что лишь на 2 млн было ниже уровня 1933 г. 72 А тем временем индекс промышленной продукции достиг 90 пунктов от уровня 1929 г. После того как уже в 1936 г. обозначился новый спад в экономике, ход событий сделал данную проблему самым большим местом в системе отношений между правительством и организованным рабочим движением. Рабочий альянс – организация движения безработных – все настойчивее критиковал правительство за самоустранение от поисков оптимальных решений проблемы занятости 73. Профсоюзы поддержали эту критику. Гопкинс и некоторые лидеры Демократической партии признавали справедливость протеста, выраженного организованным движением безработных, а вместе с тем и его влияние на политическую обстановку в стране 74.

Пугающая динамика в сфере занятости, разочарование в полумерах «нового курса» сделали реакцию рабочих социально направленной. Ряд выступлений лидера КПП Джона Льюиса прозвучал грозным предупреждением капиталу и властям, пытавшимся обещаниями

и мерами административно-полицейского воздействия сбить порыв масс. «Время – категория реальная, – говорил он на съезде профсоюза дамских портных в мае 1937 г. – Теперь всем хорошо известно, что великие проблемы, вставшие перед рабочими США, остаются нерешенными... Уже сейчас некоторые наши экономисты предсказывают следующий экономический спад. Друзья мои, неужели все, что могут предложить нам наши лучшие политические деятели, – это обещания нового бедствия? Если это так, если все, что нам могут предложить наши промышленники, финансисты и политики, – это продолжение депрессии, человеческих страданий, если все это правда, то не пришло ли время для рабочего движения организовать и что-то предпринять в связи с этим?» 75 В этих речах Льюис ни разу не упомянул имени Рузвельта, «друга рабочих».

Рабочее движение было поставлено перед дилеммой: или следовать и дальше безропотно в русле «прогрессивного либерализма», или, не порывая с ним полностью, сделать решительные шаги к политической самостоятельности, встав под знамена борьбы за перемены структурного порядка 76. Мысль о противоречии между либерализмом и рабочей демократией, неадекватности правительственных мер, о необходимости создания вокруг КПП широкого политического движения трудового народа присутствует во многих документах «нового тред-юнионизма», дошедших до нас 77. Поддержка профсоюзами рабоче-фермерских партий на местах также говорит о многом.

Не переоценивая масштабов радикализации рабочего движения, нельзя в то же время не признать, что достигнутый им в считанные годы уровень развития выглядел разительным контрастом в сравнении с недавним прошлым, когда о нем было принято говорить как о ничтожно малой величине в балансе социальных сил, неспособной постоять за себя. Вот почему требование решительного пересмотра того положения, при котором рабочий класс и рабочее движение оставались не представленными на всех уровнях государственной власти, звучащее в устах многих видных руководителей профдвижения 30-х годов, а также в документах профсоюзов, уже воспринималось либералами в обеих ведущих партиях как реальный вызов существующей политической системе, как сигнал к наступлению на ее устои.

Рузвельт придавал серьезное значение этим несовместимым с устойчивостью двухпартийной системы требованиям и принимал меры к устранению потенциальной угрозы ее развала. С политической точки зрения вопрос для него решался просто: следуя традициям вильсонизма, он ориентировал лидеров демократов на поглощение местных рабоче-фермерских партий, «приручение» их под эгидой широкого «исторического блока», присягнувшего на верность администрации «нового курса». Эту тактику Рузвельт считал вполне оправданной, особенно после успеха республиканцев на промежуточных выборах 1938 г., вызвавшего обострение внутренних конфликтов в его собственной партии.

Но в идеологическом плане ньюдилеры оказались поставленными лицом к лицу с рядом сложнейших, порой неразрешимых проблем, ибо сближение с социал-реформистскими партиями типа рабоче-фермерской партии Миннесоты или Американской рабочей партии штата Нью-Йорк, профсоюзами, движением безработных, укрепление социальной базы коалиции «нового курса» за счет притока демократических низов (рабочих, афроамериканцев, женщин, молодежи и т. д.) не могли пройти бесследно, не вызвав определенных изменений в социальной доктрине Демократической партии 78. Появление в дальнейшем доктрины «народного» капитализма тесно связано с этим фактом.

Размах массовой борьбы трудящихся в конце 30-х годов и успехи движения народных фронтов во многих странах Европы и Америки заставили Рузвельта и его сторонников в конгрессе вновь поднять вопрос о войне с бедностью и под этим флагом возобновить кампанию поддержки ряда прогрессивных законопроектов. Натянутость отношений между организованным рабочим движением и администрацией в 1937 г. уменьшилась.

Стремясь не упустить шанс и прочнее привязать рабочее движение к новому либерализму, Рузвельт снова прибегает к методам патронажа и разного рода реорганизациям. Правительство заняло довольно резкую антитрестовскую позицию, были приняты программа

расширения общественных работ и ряд мер помощи «оказавшимся в критической ситуации» семьям рабочих в индустриальных центрах 79. 1 сентября 1937 г. Рузвельт подписал закон Вагнера – Стигалла о создании Администрации экономического строительства, призванной обеспечить содействие государства в строительстве жилья для малоимущих семей. Ее финансовые возможности были ограничены, но принципиальное значение этой меры нельзя недооценивать. Согласие Рузвельта поддержать законопроект о справедливом найме рабочей силы стало еще одной вехой в процессе «реабилитации» рабочей политики правительства.

Движение рабочих в защиту билля о минимуме заработной платы и максимуме продолжительности рабочего времени, как уже упоминалось, было связано с попытками найти средство смягчения негативных сторон рыночной экономики, порождающей хроническую массовую безработицу. Демократы в избирательной платформе 1936 г. не обошли вниманием этот вопрос 80. На первых порах администрация играла довольно активную роль в разработке законопроекта, включавшего также статьи о запрещении детского труда и различных видов антипрофсоюзной практики предпринимателей. Но затем, когда Национальная ассоциация промышленников и большинство южных предпринимателей, широко использовавших дешевый труд неквалифицированных негритянских рабочих в конкурентной борьбе с северными промышленниками, высказали отрицательное отношение к биллю, правительство предоставило событиям развиваться своим чередом. Это ослабило позиции его сторонников в конгрессе. В конце 1937 г., казалось, уже не было никаких надежд на то, что очередная сессия конгресса вообще будет рассматривать этот билль 81.

Есть основания утверждать, что политические итоги 1938 г., включая неудачи с проведением правительственной реорганизации, послужили Рузвельту толчком к новым размышлениям по вопросам социальной стратегии. Линия размежевания между прогрессистами и консерваторами в Демократической партии в это время в силу неодинаковой оценки событий внутри и вне США приобрела более отчетливые контуры, причем раскол партии и выход из нее левого крыла в случае победы консерваторов на предстоящем съезде партии в 1940 г. представлялись всем делом весьма вероятным. Информация с мест, стекавшаяся в Белый дом, свидетельствовала о глубине разногласий и о складывании предпосылок создания массовой третьей партии на базе профсоюзов и движения безработных 82. Резкий маневр Рузвельта в сторону отмежевания от консерваторов и возобновления «проработки» законопроекта о справедливом найме рабочей силы следует поставить в связь с этой ситуацией. Приняв решение, Рузвельт действовал весьма энергично и изобретательно. Не вняв угрозам справа, президент буквально заставил конгресс проголосовать за билль Блэка – Коннери.

Принято считать, что это событие символизировало конец «нового курса». Едва ли с этим можно согласиться без оговорок. Верно, что в 1939 г. главным образом в силу резко осложнившейся международной обстановки Белый дом начинает тайно налаживать отношения с консервативной оппозицией. Нарастание военной опасности в Европе и желание видеть Демократическую партию единой заставили Рузвельта отказаться от линии на конфронтацию с правой оппозицией и даже признать ее ошибочной. Но от одного субъективного желания президента не зависело, быть или не быть продолжению эры реформ. Да это никогда и не было в его правилах. Движущей силой развития либерализации начиная с 1933 г. были и оставались народные низы, прежде всего рабочий класс, чья инициативная, а порой и самостоятельная роль в событиях обеспечила многие демократические перемены. Об этом свидетельствовало увеличение удельного веса новых сил в местных легислатурах, избрание и назначение прогрессивно и даже радикально настроенных деятелей на важные общественные посты и т. д. И хотя такого рода перемены далеко не всегда соответствовали планам рузвельтовских либералов и самого президента, они вынуждены были с ними считаться и даже использовать в собственных политических интересах как средство давления на консервативную оппозицию.

Нельзя не признать вместе с тем, что накануне войны положение в рабочем движении

оставалось крайне сложным и противоречивым. Шла острая борьба двух тенденций – левоцентристской и умеренно-консервативной, если упомянуть только главные. Правая оппозиция мобилизовала дополнительные силы и средства для обработки общественного мнения страны в духе «естественной гармонии интересов» осуждения бунтарства «нового тред-юнионизма». Это обстоятельство вносило еще больший раскол в «рабочем доме». И все же было неясно, какая из двух тенденций возьмет верх. Вот почему и после 1939 г., стремясь сохранить широкую социальную базу, на которую опиралась его администрация, удержать свой авторитет в рабочем движении в целом, Рузвельт предпочитал не отходить от формулы «прогрессивного либерализма», хотя никто из ньюдилеров, включая самого президента, ни тогда, ни позже не мог (или не хотел) объяснить, что конкретно подразумевается под этим понятием 83.

Всю подготовку к съезду Демократической партии в 1940 г. ньюдилеры провели под девизом удержания важнейших рычагов власти в своих руках 84, а успех на президентских выборах осенью того же года они рассматривали как важнейший аргумент в пользу сохранения коалиции «нового курса». Гопкинс в ряде писем говорил об итогах выборов как о победе демократии, «народа», а Франкфуртер утверждал, что Рузвельт, в третий раз став хозяином Овального кабинета, был преисполнен мессианского духа 85. Нельзя не увидеть в этом новом смещении Рузвельта и рузвельтовских либералов от центра еще чуть-чуть влево, так же как и в факте наполнения всей политической атмосферы в стране духом протеста против концентрированного богатства, крупного бизнеса, его философии успеха и всей системы приоритетов обретения рабочим движением веры в себя и новых ценностных ориентиров. Современный американский исследователь выразил суть происходящего в данной важнейшей сфере социальной жизни в следующей лаконичной формуле: «В конце 30-х годов культура американских рабочих, похоже, представляла собой вероятностную альтернативу образу жизни, присущему либеральному капитализму» 86.

Совершенно законным выглядел вопрос, которым задавались многие в ту пору в Америке: каким путем пойдет и дальше рабочее движение, и другой, с ним связанный, – какая судьба ожидает либеральную традицию? Дилемма, стоящая и перед тем и другим, конечно же, имела одинаковые корни – происходившие глубокие сдвиги в экономике и политике, внутренней и мировой. И именно поэтому верх наивности – считать (как это делает, например, Л. Харц) чисто пропагандистской уловкой поборников «нового курса» (и в рабочем движении, и в политических структурах) обращение к воинствующей антикапиталистической фразеологии с тем, чтобы скрыть их абсолютно стерильный, недоктринерский, отличный от европейского менталитет 87. Идеологические проблемы действительно в конечном итоге переросли в технические, нравственно-этические. Однако все могло выглядеть в совершенно ином свете, если бы «рузвельтовская рецессия» 1938 года не была прервана начавшейся в Европе Второй мировой войной.

Глава V

«Карантин» для агрессоров или политика «умиротворения»?

Немного полемики

Внешняя политика и дипломатия Рузвельта, по мнению многих историков, была отмечена неопределенностью, противоречивостью и даже загадочностью. Уоррен Кимболл полагает, что Рузвельт лучше знал, что он не хотел, чем то, что он хотел. Джон Ламбертон Харпер, написавший прекрасную книгу о трех выдающихся фигурах в галерее американских дипломатов XX века (Франклин Рузвельт, Джордж Кеннан и Дин Ачесон), в следующих словах описывает восприятие Франклина Рузвельта как личности и государственного деятеля его биографами и историками: «Более чем пятьдесят лет историки и биографы находились под впечатлением изменчивых – если кому-то нравится, скользких – качеств

рузвельтовской личности. Фрэнсис Перкинс называла его «самым сложным человеком из всех, кого я знала»; Тед Морган – «созданием-хамелеоном»; для Фредерика Маркса он был «сфинксом»; для Джеймса Бёрнса – двойственной натурой; для Уолдо Хейнрикса – «самым уклончивым и неискренним из всех американских президентов». Кеннет Дэвис ищет ключ к пониманию Рузвельта «в его внутренней убежденности, что он был избранником Всевышнего»; Джеффри Уорд – в буколическом окружении юных лет, проведенных в долине Гудзона. И никто не может реально претендовать на то, что сумел проникнуть «в темный лес его внутреннего содержания», если употребить известные слова Роберта Шервуда» 1.

Все эти характеристики могут быть безоговорочно отнесены к довоенному периоду ружвельтовской дипломатии, чей скрытый подтекст до сих пор остается неуловимым для многих исследователей, порождая споры и прямо противоположные оценки. Попробуем, однако, идти за логикой событий и за логикой исторического объяснения в точках их пересечения с тем, чтобы уяснить важные (хотя и не все) моменты в мотивации Рузвельта в годы предвоенного кризиса, чьи обострения удивительным образом совпадали с критическими для политической карьеры президента пиками напряженности во внутренней жизни его страны, могущими окончиться тотальным поражением, подсчетом потерь и похоронами надежд.

Говоря о внешнеполитическом курсе и дипломатии Рузвельта в контексте их приоритетных направлений, по-видимому, следует начать с того места из его инаугурационной речи 4 марта 1933 г., в которой он коснулся данного вопроса. Именно коснулся, потому что основное ее содержание было посвящено внутренним вопросам. Это диктовалось самой обстановкой. Кому-то могло даже показаться, что президент протягивает руку «изоляционистам» и отрешивается от тех идей, которые были высказаны им в упомянутой выше статье 1928 г., Рузвельт говорил: «Наши международные торговые отношения, хотя и являются важными, тем не менее, принимая во внимание возникшую ситуацию, они имеют второстепенное значение рядом с вопросом о путях создания крепкой национальной экономики. В основу своего подхода к решению практических вопросов я положил принцип первоочередности. Я сделаю все, чтобы восстановить мировую торговлю путем международной экономической перестройки, но чрезвычайная ситуация, с которой мы сталкиваемся внутри страны, не может ждать, пока мы добьемся результатов в этой области». В 1944 г., когда речь зашла о создании Международного банка и ГАТТ, эти слова приобрели особое звучание.

Рузвельт ушел от рассуждений о резком ухудшении международной обстановки в связи с продолжающейся японской агрессией против Китая и приходом Гитлера к власти в Германии; он не затронул и традиционного для демократов вопроса о мерах по поддержанию всеобщего мира и разоружению. Назначение Р. Моли заместителем государственного секретаря также рассматривалось как явный признак преимущественно «внутренней» ориентации президента, стремившегося подчинить все ресурсы правительства оздоровлению экономики. Но в то же время это косвенно указывало, что у Рузвельта из головы не уходила идея найти способы воздействия на мировую экономику с тем, чтобы положить конец хаосу. Но только косвенно и вполне вероятно потому, дабы не создавать себе трудностей в отношениях с изоляционистским крылом конгресса. Никто не мог похвастаться, что ему удалось проникнуть в хитросплетения ружвельтовской мысли. «Никогда не позволяйте вашей левой руке знать, что делает ваша правая рука», – говорил он своему обожателю, другу и министру финансов Генри Моргентау. «Какой рукой вы считаете меня, г-н президент?» – спросил Моргентау. Рузвельт ответил: «Моей правой рукой, но я держу свою левую руку под столом» 2. Но внешне Рузвельт демонстрировал показное равнодушие к конфликтам за океаном, не боясь прослыть самым косным президентом-антиевропеистом. Своим соотечественникам он напоминал: «Демократия исчезла во многих крупных странах не потому, что их народам не нравится демократия, а потому, что они устали от безработицы и незащищенности...» Но что мог сделать на его месте другой?

Общественное мнение страны было наглухо зашорено изоляционистскими

настроениями, оживление которых было связано с новым подъемом антиевропеизма и попыткой заново проанализировать причины вступления США в Первую мировую войну. Предъявленные сенатской комиссией Дж. Ная неопровержимые доказательства причастности американских производителей и торговцев оружием к подготовке Великой войны и их особой заинтересованности в участии в ней Америки на фоне невыплаты европейцами долгов еще более способствовали созданию в стране атмосферы неприятия активной роли США в международных делах. Какими бы побуждениями ни руководствовались сторонники такого подхода, в условиях, когда в Европе и на Дальнем Востоке уже существовали очаги новой мировой войны, объективно подобная позиция была на руку нацистской Германии и милитаристской Японии, строивших свою глобальную стратегию в том числе и в расчете на нейтралитет США, на их отказ поддержать усилия миролюбивых держав Европы в деле создания системы коллективной безопасности, в деле предотвращения расширения агрессии.

Механическое отождествление многими добросовестными пропагандистами изоляционизма ситуации, возникшей в период, непосредственно предшествующий Первой мировой войне, с периодом 30-х годов фактически приводило к поддержке большинством американцев законодательства о нейтралитете, в котором видели средство локализации назревавших конфликтов, орудие прямого давления на воинствующие элементы в Европе, выступавшие за решение международных споров вооруженным путем, пересмотром Версаля. Демократическое ядро широкого мирового пацифистского движения уже делало различие между целями, преследуемыми фашистскими государствами-агрессорами, и интересами тех стран, которые стали или могли стать объектом их агрессии. Однако до второй половины 30-х годов такое различие еще не воспринималось достаточно четко в сознании в целом антифашистски настроенного большинства американского народа.

Этим воспользовались сторонники политически ангажированного изоляционизма, те, кто требовал проведения правительством США такой внешней политики, которая была бы «равноудаленной» по отношению ко всем странам, но фактически имеющей прогерманский акцент. Они считали исторически справедливой реваншистскую идеологию фашизма, ратовали за предоставление «свободы рук» монополистическим группировкам США в определении ими сфер приложения капиталов и, наконец, довольно откровенно выступали за использование международных конфликтов в интересах сохранения баланса сил, дающего преимущества, прежде всего, транснациональным компаниям США. В острых дебатах по внесенному в конгресс законодательству о нейтралитете, развернувшихся с начала 1935 г., верх в конечном счете одержала именно эта тенденция. Принятая в конце августа 1935 г. обеими палатами подавляющим большинством голосов резолюция о нейтралитете содержала знаменитое положение о «мандатном» (обязательном) эмбарго на экспорт оружия из США, которое по существу ставило Соединенные Штаты в положение пособника вполне конкретного сильного и могущественного агрессора и противника его жертвы 3.

Если бы президент, чья настороженность по отношению к Германии и Японии не была ни для кого секретом, сильно пожелал, он, очевидно, смог бы, по крайней мере, затормозить принятие законодательства о нейтралитете, имевшее очень много сомнительных сторон и с точки зрения национальных интересов самих США. К этому времени основная часть пакета социальных реформ («первый «новый курс») была уже принята конгрессом, и популярность Рузвельта достигла высокого уровня. Но президент добровольно отдал инициативу изоляционистам, которые без труда убедили обе палаты конгресса (большинство в них составляли демократы, сторонники «нового курса») поддержать это законодательство. Возникает вопрос: сознавал ли Рузвельт, что Закон о нейтралитете, лишавший его к тому же дискреционного права (т. е. права делать исключения в применении закона), связывает ему руки в плане поисков коллективных мер защиты от агрессоров? Ответ может быть только однозначным: конечно, да. Подписывая 31 августа 1935 г. закон, Рузвельт признал, что его «негибкие положения могут вовлечь нас в войну, вместо того чтобы удержаться от нее» 4. К этому времени надежды сохранить мир стали еще более хрупкими. Муссолини открыто

угрожал войной Эфиопии, а в марте 1935 г. Германия в нарушение Версальского договора объявила себя свободной от обязательств по его военным статьям. 3 октября Италия напала на Эфиопию. Но США вступили в предвыборную кампанию, и Рузвельт в стремлении не допустить раскола в своем электорате отреагировал на вероломство Муссолини вяло и незаинтересованно.

5 октября 1935 г. к очевидной выгоде агрессоров США ввели в действие Закон о нейтралитете, в сущности вместе с Францией и Англией разделив ответственность за содействие расширению фашистской агрессии. За этим последовало продление действия Закона о нейтралитете до 1 мая 1937 г. и принятие в январе того же года Закона об эмбарго на экспорт оружия, боеприпасов и других военных материалов в Испанию, где шла смертельная схватка республики с фашистскими мятежниками и германо-итальянскими интервентами. С каждым годом становилось яснее, что политика нейтралитета, поощряя агрессоров, увеличивает риск вовлечения самих Соединенных Штатов в войну. Однако, несмотря на растущую в стране критику, Белый дом не заявил о своем особом мнении, хотя оно как будто бы уже сформировалось и даже было озвучено советниками президента.

Лишь вторжение Японии в Центральный Китай летом 1937 г. и усиление американо-японских противоречий вынудили правительство США предпринять первые робкие шаги к изменению законодательства о нейтралитете. Самый широкий резонанс внутри страны и за рубежом получила речь Рузвельта в Чикаго 5 октября 1937 г., в которой президент в резких выражениях наконец осудил «существующие режимы террора», попирающие международное право и развязавшие агрессию, которая приобрела глобальный характер. Призвав «положить конец международной агрессии» и сравнивая последнюю с эпидемией заразной болезни, Рузвельт предложил установить «карантин» для агрессоров с целью воспрепятствовать распространению эпидемии разбоя и произвола в отношении суверенных народов 5.

Вопрос о мотивах, которыми руководствовался Рузвельт, принимая решение изменить характер своей внешнеполитической риторики осенью 1937 г. (победа на выборах 1936 г. была позади), является частью более общего вопроса о характере внешнеполитического курса его администрации, очень давно, как было сказано выше, ставшего предметом острой полемики в историографии внешней политики США предвоенного десятилетия. Сама «карантинная речь» Рузвельта, пишет видный исследователь его внешнеполитической деятельности Р. Даллек, породила самые разные толкования как среди современников, так и среди историков 6. Это и понятно. Ведь для современников выступление Рузвельта в Чикаго 5 октября осталось чем-то вроде воскресной проповеди: характер поведения США на международной арене ни на йоту не изменился, президент ни разу до конца года публично не высказал своего отношения к происходящим в мире событиям, а в частной переписке он даже сделал упор на важность сохранения нейтралитета.

Так, в ответ на послание председателя Социалистической партии Н. Томаса, содержавшее предложение отказаться от эмбарго на продажу оружия законному правительству республиканской Испании, Рузвельт в конце декабря 1937 г. ответил ему в духе отповеди: «...гражданский конфликт в Испании втянул так много не испанских элементов и получил такой широкий международный резонанс, что попытка отнестись по-разному к противостоящим друг другу партиям была бы крайне опасной. Не препятствуя поставкам оружия одной из сторон, мы не только оказались бы прямо замешанными в этих европейских расправах, от которых наш народ так хочет держаться подальше, но и сыграли бы на руку тем странам, которые были бы рады под этим предлогом продолжать оказание поддержки той или другой стороне. Таким образом, мы усилили бы разногласия между европейскими державами. А они (разногласия. – В.М.) представляют постоянную угрозу миру во всем мире» 7. На одну доску, таким образом, ставились все «европейские державы». А как же «карантин»? О нем ничего не было слышно вплоть до конца 1941 г.

Всегда было непросто разобраться в этих хитросплетениях дипломатии Рузвельта. Вполне объяснимо в этой связи разнообразие существующих в американской историографии

точек зрения и появление новых, порой сенсационных версий, трактующих ее характер, особенности и методы. В целом же следует сказать, что если еще недавно в американской историографии внешней политике США в предвоенные десятилетия тон задавало социально-критическое «ревизионистское» направление, то с конца 70-х годов наблюдается явное возрождение традиционалистской школы, вознамерившейся на основе нового синтеза дать в целом позитивное истолкование роли США в европейской политике накануне Второй мировой войны. Наблюдается склонение к героизации образа Рузвельта-дипломата 8.

Самое беглое ознакомление с новейшей литературой такого рода сразу же обнаруживает стремление «причесать» облик Америки и преподнести ее в роли незаинтересованного миротворца в европейской драме после прихода Гитлера к власти в Германии. Много пишут о непробиваемой стене изоляционистских настроений в стране, вставшей на пути любой здоровой идеи сплочения миролюбивых сил, о появлении в середине 30-х годов контрсилы сопротивлению гитлеровской экспансии в лице отдельных влиятельных по своему общественному весу религиозных и этнических групп. Утверждают, что именно их «антиинтервенционизм» якобы заставлял Рузвельта проводить выжидательную, осторожную линию, дабы не «вспугнуть демонов» и не оказаться полностью лишенным поддержки масс 9.

Историки, отражающие «по положению» или в силу других причин взгляды госдепартамента (их появляется все больше), настаивают на тезисе о самоизоляции США (вплоть до начала Второй мировой войны) от всех проблем мировой политики, включая проблему сырьевых ресурсов. К этой категории работ относятся, например, вышедшие в 1980 и 1981 гг. книги Аарона Миллера и Ирвина Андерсона 10. Сам Рузвельт предстает в подобных сочинениях подчас заурядным политиком с ограниченным кругозором, поглощенным «домашними» заботами и к тому же скованным в своих действиях дефицитом практицизма и романтическими планами достучаться до сердец европейских лидеров в вопросах разоружения. Еще удобнее некоторым авторам представляется обвинять Рузвельта в безынициативности и непрофессионализме, в результате чего будто бы имело место непреднамеренное образование «вакуума политического руководства» как раз тогда, когда страна больше всего нуждалась в твердых и решительных действиях на главных направлениях международной политики, добываясь мира и безопасности для себя и для других. В этом «пассивном» варианте глобальные расчеты США тонут в мелком интриганстве и нерасторопности политиков, застигнутых врасплох круговоротом событий и коварными интригами воинственных держав, преследующих свои эгоистические интересы и не желающих задумываться над судьбами цивилизации 11. Заодно пересматриваются и общепризнанные, казалось бы, оценки партнеров США по политике «умиротворения» – Англии и Франции. Часто это приводит к абсурду. Невиль Чемберлен, например, наделяется чертами сторонника мира через перевооружение, посредством силы. По этой своеобразной логике получается, что лишь «удаленность» США от европейских дел и военно-техническое отставание западных демократий заставили его пойти на территориальные уступки гитлеровской Германии.

Отчасти в таком так сказать псевдоизоляционистском контексте строит свои умозаключения Джон Гэддис. В своей книге о политике «сдерживания», мимоходом остановившись на предвоенной фазе в советско-американских отношениях, он набросал «словесный портрет» дипломатии Рузвельта, наделив ее сугубо оборонительными, миротворческими и даже наивно-сентиментальными чертами. Главная ее доктринальная установка рисуется им в виде стремления обеспечить международную безопасность США воспитательными мерами, внушенными перманентным маневрированием между потенциальными противниками. Цель – поддержать общий баланс сил в мире, сохраняя до конца поле для диалога 12. За исходную же точку отсчета Гэддис принимает факторы морально-политического и этического порядка, отбросив все остальные, в том числе и экономические, что, разумеется, не может служить надежным критерием. Ему вторит другой видный американский историк Уолдо Хейдрикс, утверждающий в своих работах, что

Рузвельт действовал вслепую, используя формальный бюрократический механизм государственного департамента и свой собственный, «исключительно личный по характеру, импровизационный, эклектический стиль» 13.

Давно, казалось, скомпрометировавшая себя легенда о трагедии высокоморальных побуждений (чем будто бы вдохновлялась предвоенная внешняя политика США) в жестоком мире brutальных действий и беззакония стала быстро возрождаться в трудах многих американских историков, заявивших о себе в последние годы 14. В доведенной до крайности форме она предстает в виде изображения дипломатии Соединенных Штатов добропорядочным посредником (хотя в чем-то «и себе на уме»), увы, попусту растратившим усилия в тщетной попытке образумить европейцев призывами к миру, терпимости и добрососедству. Наиболее ярким образчиком такой, в сущности, апологетической литературы может служить вышедшая в 1978 г. книга У. Кинселла «Политическое руководство в изоляции: ФДР и происхождение Второй мировой войны» 15. Некоторые рецензенты были просто смущены предпринятой автором лобовой атакой на критиков предвоенной политики США и их роли в международных кризисах 16. Однако неотрадиционалистский поток, возносящий дипломатию Рузвельта до небес, продолжает нарастать, порождая цепную реакцию поисков хотя бы внешне убедительных доказательств верности США их исторической миссии нести народам освобождение от тирании отсталости, сословных пережитков, чужеземного засилья, захватов и прочих зол. Историк Джон Браеман справедливо усматривал во всем этом отражение нарастающей с начала 80-х годов тенденции использовать историческую науку в чуждых ей интересах осуществления политического замысла, конечная цель которого – заставить широкую общественность страны поверить в особую миссию США быть спасителем цивилизации в этом безумном, безумном мире 17.

Наблюдается, таким образом, процесс, обратный тому, который позволил так называемому «ревизионистскому» направлению 60–70-х годов приблизиться к истине. Вопрос, в сущности, стоит так: если США накануне войны в силу форс-мажорных обстоятельств стремились держаться в стороне от мировых дел или, наоборот, подчинили все свое моральное влияние и политические ресурсы достижению мира в Европе и Азии, тогда какие же источники давали силы агрессорам, позволяли им беспрепятственно наращивать военную мощь, вели дело к моральному разоружению Европы? Может быть, они базировались в Англии и Франции или в Советском Союзе? Строго говоря, согласно особой логике ни США, ни Англии, ни Франции не могут быть предъявлены обвинения в отсутствии желания сохранить европейский мир. Но, оказывается, возможности Соединенных Штатов были ограничены. Что же касается Англии и Франции, то их обычно уподобляют жертвам кораблекрушения, оказавшимся беспомощными и беззащитными перед лицом разрушительных сил, стремившихся подорвать Версальскую систему, переделать мир по своему образу и подобию. Им противостоял тоталитаризм, тоталитарные державы различных разновидностей, легко находившие мотивы для сговора и главный из них – стремление к совместному переделу мира именем «нового порядка» или «всемирной республики труда».

Но вот вопрос: кто же и что же породили эти силы? Какую роль играли во всем этом геополитические, экономические, социально-классовые и идеологические мотивы? Вразумительного ответа не дается. Чаще всего указывают на роковое стечение обстоятельств, на дипломатические просчеты западных демократий, на неспособность Рузвельта и государственного секретаря Хэлла контролировать бюрократический аппарат внешнеполитического ведомства и т. д. О новом необузданном глобализме эпохи индустриального общества как источнике войны, об обострении противоречий постверсальской системы как главном факторе в образовании очагов войны, о социально-экономической природе фашизма как непосредственном ее виновнике, разумеется, нет и речи. Вопрос, таким образом, утоплен во второстепенных обстоятельствах, в спекулятивных версиях о причинах несогласованности в действиях «западных демократий», в

глубокомысленных рассуждениях о якобы добросовестных попытках методом уступок агрессору добиться его внутреннего перерождения, реже – о неуправляемых магнатах промышленности и финансов, срывающих-де планы правительства. Так, например, оценивает политику США по отношению к гитлеровской Германии в своей новой книге К. Макдональд 18. Иными словами, политика «умиротворения» вопреки всему, что известно о ее четко выраженной залоговой антивосточноевропейской, антисоветской направленности, расчетливой и циничной игре ее вдохновителей, вопреки неопровержимому вердикту истории трактуется как бескорыстная попытка сделать условия послевоенного мира справедливыми для всех, как политика побежденного демоном войны здравого смысла и реализма 19.

Может показаться, что это всего лишь перепевы старых версий. В известном смысле да 20. Но сразу же следует оговориться: никогда раньше кампания по реабилитации политики «умиротворения» не велась в США (и кстати сказать, в России) так широко, а новый документальный материал для подтверждения разного рода «новодела» после открытия архивов многих государственных и политических деятелей, публикации официальных бумаг и т. д. не использовался в таких значительных масштабах, как теперь. Изобличения сталинизма, аморальности «красной империи» в глазах многих делают оправданным уклончивость Запада в целом в отношении любых мер блокирования сил агрессии. Синдром «империи зла» сказывается на перцепции международных отношений в 30-х годах в полную силу. Дипломатия США на фоне «преступлений» и провалов сталинизма выглядит отважным защитником мира перед лицом германо-советского заговора.

Говоря об этом выбросе новых сведений, на чем спекулируют многие сторонники реабилитации политики «умиротворения» агрессоров, нельзя забывать важную истину о «лжи», которая очень часто встречается в первоисточниках, имея в виду, с одной стороны, ложные взгляды их создателей или «ложь в духовном смысле», т. е. внутренний настрой этих самых создателей, а с другой – ложь в передаче фактов, ложь в материальном смысле слова 21. Исследователь может прийти к прямо противоположному (научному воспроизведению объективного исторического развития) результату, если он, «выдергивает только наиболее бросающиеся в глаза факты, но лишает их характера фактов, вырывая их из хронологической связи и из всей их мотивировки и опуская даже важнейшие промежуточные звенья» 22. Позволим выразить мнение, что трактовка сталинской дипломатии накануне Второй мировой войны невозможна без анализа политики Рузвельта.

Суровая правда состоит в том, что некоторые американские историки, еще недавно объективно оценивавшие характер предвоенной европейской политики США (например, А. Оффнер) 23, в наши дни отступают от этой линии, отдавая дань некритическому отношению, лакировке, изобретению оправданий той двойственности и противоречивости, которыми был отмечен буквально каждый шаг предвоенной дипломатии США начиная с 1933 г. 24. А между тем новые факты, взятые в контексте «всей их мотивировки», не только подтверждают достоверность оценки политики «умиротворения» и роли, которая принадлежала США в ее реализации, данной ревизионистской историографией, но и позволяют сегодня увидеть многое, очень важное для понимания реальных целей дипломатии США, формально следовавшей политике «нейтралитета», но на деле под аккомпанемент разговоров о желании остаться вне конфликтов возвращавшейся к вильсоновскому «интернационализму» в его не ортодоксально прагматической трактовке. Не должно казаться удивительным то, что последовательными критиками «бесконфликтности» оказались те лица из окружения Рузвельта, которые, разделяя взгляды Вильсона, отвергали его морализм.

Президент и посол

Дилемма в сфере внешней политики, вставшая перед Рузвельтом после его переезда из губернаторской резиденции в Олбани в Белый дом, объяснялась в первую очередь, конечно

же, не конфликтом доктринальных установок, а реальными условиями осуществления тех задач по восстановлению позиций США (прежде всего экономических и военно-стратегических) на мировой арене, которые оказались подорванными в результате урона, нанесенного им отгораживанием от внешнего мира и мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг.

Борьба с конкурентами за внешние рынки предопределила особую заинтересованность большей части крупного капитала США в политике «экономического национализма», предполагавшей сохранение «свободы рук», несвязанность международными обязательствами, уклонение от участия в коллективных усилиях по урегулированию международных конфликтов. Держась в стороне «от конфликтов», как полагали в этих кругах, можно было не только с чувством морального превосходства наблюдать за кровавыми драмами на Европейском и Азиатском континентах, но и извлекать немалые материальные выгоды. Но был и другой, более дальновидный с точки зрения прежде всего национальных интересов США, «интернационалистский» подход к международным событиям. Его подсказывали многообразные факторы, и в особенности, разумеется, резко усилившаяся в конце 20-х – начале 30-х годов угроза новой мировой войны, образование ее очагов на Дальнем Востоке и в Европе, вызов, брошенный доминирующей роли США в капиталистическом мире со стороны Японии и в промышленном отношении необычайно быстро воскресшей «из мертвых» после 1933 г., ремилитаризованной, жаждущей реванша гитлеровской Германии.

Внутренне для Рузвельта не было вопроса, какой подход предпочесть. Выбор был сделан им давно и бесповоротно, а годы кризиса только убедили его, что иного и быть не может. В его понимании изоляционизм, имеющий в определенных случаях свои тактические преимущества, как политико-дипломатический принцип, в условиях прогресса вооружений, возникшей опасности глобального военного конфликта, помноженной на необратимые сдвиги во всей международной обстановке и способах ведения войны, являлся анахронизмом, отголоском невозвратно ушедших времен. Даже географически США не могли чувствовать себя изолированно от конфликтов где бы то ни было. Возникшее в широких слоях демократической общественности в различных странах, и в США в том числе, антивоенное движение дало Рузвельту дополнительный довод в пользу создания привлекательного имиджа его администрации как ответственного правительства, готового серьезно участвовать в коллективных усилиях по укреплению мира, включая разоружение, но, разумеется, в таких формах и масштабах, которые США считали для себя допустимыми. Лозунг «мир через разоружение», появившийся в его речи от 16 мая 1933 г., отчетливо показывал, где лежат симпатии президента.

Совсем не случайно одним из первых шагов президента было активное подключение к работе Конференции по разоружению в Женеве (1932–1935 гг.), которая к тому времени попросту зашла в тупик. Попытка реанимировать ее вызвала к жизни «план Макдональда», названный так по имени британского премьера-лейбориста и дававший определенные преимущества Англии, Франции и США перед Германией. Между тем Гитлер, пришедший к власти в январе 1933 г., недвусмысленно дал понять, что он не согласен с сохранением в силе военных ограничений Версаля, как это предусматривалось «планом Макдональда», и не будет считать себя связанным решениями конференции. Одним словом, Рузвельт полагал, что настал его час. Он приглашает в апреле 1933 г. в США «на встречу умов» Рамзея Макдональда и отставного французского премьера, очень влиятельную фигуру европейской политики Э. Эррио для обсуждения всего комплекса вопросов, связанных с многосторонними межгосударственными отношениями, включая проблему долгов. Шаг почти символический: оба европейских деятеля были сторонниками либерализации мировых экономических отношений и уплаты военных долгов США. Именно в связи с этим многие советники президента с трудом понимали, как политика «интернационализма», постепенно и осторожно восстанавливаемая в правах Рузвельтом, может быть увязана с экономической стратегией «нового курса», предусматривавшей, в частности, жесткие меры против импорта

иностранных товаров и возвращение «экономического национализма». Однако сам президент не усмотрел здесь ни малейшего противоречия. Ему важнее всего было убедить мировую общественность, что после бесконечных трений по проблемам военных долгов, торговых войн и препирательств о вооружениях достигнуто наконец некое «единомыслие» в отношении желательности видеть эти проблемы решенными. Француз Эррио получил заверение Рузвельта в «полном взаимопонимании».

Рузвельт открыто заявил о своей поддержке «плана Макдональда» и призвал все страны отказаться от наступательного оружия. Антигерманское острие этого заявления было подкреплено обещанием (в случае достижения приемлемого соглашения по сокращению и контролю вооружений) отказа от традиционного нейтралитета (т. е. от права поддерживать отношения со всеми воюющими странами) и проведения консультаций с другими государствами в ответ на возникновение угрозы всеобщему миру. Президент обещал также не чинить никаких препятствий коллективным действиям, направленным против страны, которую США и другие государства рассматривают как агрессора. Подразумевалась, разумеется, Германия. Это было понятно всем, хотя значение этих заявлений было снижено пояснениями К. Хэлла и Н. Дэвиса, представителями США на Конференции по разоружению, немедленно уточнившими, что их страна не будет участвовать в каких-либо коллективных санкциях против страны-агрессора.

И все же достигнутый моральный эффект был значительным. В Англии и во Франции инициатива президента была встречена с энтузиазмом. Рузвельт предстал в глазах мирового общественного мнения государственным деятелем, не отгораживающимся от участия в разрешении международных конфликтов и в принципе готовым использовать влияние своей страны для поддержания мира. В Париже полагали, что они фактически получили гарантии безопасности. Даже провал Международной экономической конференции (Лондон, май – июль 1933 г.) в результате отказа Рузвельта принять согласованные там решения и неожиданного отречения его от идеи совместных акций в пользу односторонних мер не нанес серьезного ущерба тому сценарному плану, который был разработан президентом наедине с самим собой. Внушить европейцам, что они и шагу не могут ступить без США, и одновременно вдохнуть в них надежду, что все самые сложные мировые проблемы (включая экономическое восстановление) решаемы посредством непрерывного переговорного процесса – вот что предусматривал этот план.

Стремясь сгладить отрицательное впечатление, которое произвели во многих европейских странах его ошеломляющие повороты во время лондонской экономической конференции, и дабы не убить надежд на конструктивную роль США в европейских и мировых делах, Рузвельт 30 августа 1933 г. направляет два послания: одно – премьеру Макдональду в Лондон, другое – Норману Дэвису, уезжавшему на переговоры по разоружению в Женеву. В первом он, выражая свою поддержку («в целом») «плана Макдональда», высказался за достижение соглашения. Рузвельт писал: «Ничто так не содействует установлению лучшего морального климата в мире и не помогает улучшению экономического положения, как соглашение о немедленном и существенном сокращении вооружений под соответствующим наблюдением и контролем. Я отдаю себе отчет в существующих здесь технических и политических проблемах, но верю, что если есть воля для их решения, то такое соглашение возможно» 25.

В послании Макдональду, однако, Рузвельт дал понять, что при всей приверженности Соединенных Штатов европейскому миру он возлагает всецело ответственность за его поддержание на Англию. Более того, в инструкциях, которые президент направил Дэвису и которые тот должен был довести до сведения всех заинтересованных сторон, Рузвельт рекомендовал Макдональду, Даладье (тогда премьер Франции), Муссолини и Гитлеру встретиться для обсуждения и урегулирования всех вопросов. Он говорил уже лишь о своем сочувствии Франции и ничего о том, как Англия, Франция, США, СССР и другие страны могли бы остановить милитаризацию Германии и поставить заслон территориальным притязаниям Гитлера. Хотя письмо Дэвису было составлено в очень осторожных тонах,

смысл его был абсолютно ясен: президент настаивал на уступках Германии, что могло бы, как он писал, дать возможность «европейским народам освободиться от тирании страха» 26.

Платонические призывы к миру и указания на заинтересованность США видеть Францию достаточно сильной перед лицом опасности со стороны Германии могли разозлить, но не обмануть Гитлера. Они не заставили его отказаться от выполнения плана ревизии Версальской системы под прозрачным прикрытием чистой демагогии о всеобщем и полном разоружении. 15 сентября барон фон Нейрат, министр иностранных дел Германии, потребовал, чтобы Конференция по разоружению признала равноправие Германии в области вооружений, а 14 октября 1933 г. германское правительство заявило о выходе из Лиги Наций. Идея уступок и компромиссов, таким образом, дала неожиданный результат, обернувшись приобретением Германией свободы рук в отношении военных статей Версальского договора. США не протестовали. Что, если действительно уравнение могло дать шанс восстановления стабильности и всеобщего доверия?

Фиаско в Женеве не было неожиданным для Рузвельта. Он как будто предвидел его и втайне надеялся, что именно такой оборот событий позволит ему, не разрушая сотрудничества с пацифистскими элементами, продвинуть вперед программу строительства большого флота и сосредоточиться на неотложных внутренних проблемах под благовидным предлогом необходимости выдержать паузу для подготовки новых демаршей в пользу мира. Были причины и поважнее: могущественные силы – крупные монополистические объединения, связанные тесными узами с германской тяжелой промышленностью, усиливали давление, добиваясь от Рузвельта пойти по пути упрочения дипломатических связей с гитлеровской Германией. Все это требовало, конечно, обдумывания, ведь и сам президент как будто склонялся к мысли, что с Гитлером следует вести диалог в надежде образумить горячие головы среди германских реваншистов или содействовать появлению сильной центристской проамериканской партии, способной оттеснить Гитлера и взять в конечном итоге бразды правления в свои руки.

Однако о демонстративном сближении с Третьим рейхом, уже проявившим свои палаческие наклонности и имперские притязания в условиях общего демократического подъема в стране и нарастания антифашистских настроений, не могло быть и речи. Все более удаляясь от поддержки даже той половинчатой позиции в отношении практических коллективных мер по сохранению безопасности в Европе, которую он занял весной 1933 г., Рузвельт не отказывал себе в удовольствии показывать, что его отрицательное отношение к попыткам взорвать мир остается неизменным и что его правительство готово содействовать усилиям Лиги Наций в деле сохранения мира, но... не выходя за пределы чисто морального выражения своих симпатий или антипатий. Впрочем, внутренне он считал, что с Германией снова придется воевать. Назначение послом в Германию по рекомендации полковника Хауза и министра торговли Роупера профессора истории Чикагского университета, яркого «интернационалиста» вильсоновского «призыва» и джефферсонянца, Уильяма Додда показывало, что президент хотел бы сохранять полную самостоятельность в оценке положения в Германии после прихода Гитлера к власти и в суждениях о возможных последствиях этого для всеобщего мира и германо-американских отношений.

Додд, изначально и безоговорочно испытывавший неприязнь к фашистскому режиму, отправился 5 июня 1933 г. в Германию с тяжелым сердцем и надеждой на возможность воспользоваться правом на отставку через год 27. Чувство уверенности в правильности сделанного им, 60-летним ученым, никогда не служившим на дипломатическом поприще, выбора поддерживалось только расположением президента и ощущением, что между ними существует единство понимания стоящих перед европейской политикой США задач. Додд не придавал значения навязчивому стремлению соответствующих отделов госдепартамента и лично государственного секретаря К. Хэлла наставлять его в духе подчеркнутой корректности к фашистскому режиму 28. Полученное разрешение сноситься непосредственно с Белым домом создавало относительный душевный комфорт и желание говорить суровую правду без оглядки, не останавливаясь перед соображениями соблюдения

взятого тона по отношению к изоляционистскому большинству конгресса.

Так, зная, насколько болезненно воспринимают в госдепартаменте любые предложения об изменении дальневосточной политики США в сторону ее ужесточения по отношению к Японии, Додд не стеснялся высказываться об этом в личных посланиях президенту, через голову Хэлла. Так, уже 28 октября 1933 г. он ошарашил Рузвельта шифровкой: «Я получил информацию о попытках Японии заключить союз с Германией. Она поступила ко мне по секретным каналам. То же я слышал и от немцев. Неудача Стимсона два года тому назад грозит обернуться полным крахом» 29. Последняя фраза расшифровывалась очень просто: продолжение политики уступок приведет к большой войне и подрыву позиций США на Дальнем Востоке. Остановить агрессию в ее зародышевой стадии казалось Додду столь разумным и необходимым, что об этом следовало не говорить, а кричать, добиваясь тем самым сохранения остатков воли в Париже и Лондоне и избавления от апатии в Вашингтоне.

В представлении Додда медлительность и уклончивость президента проистекали только из-за его недостаточной информированности. Порой ему казалось, что своим напутствием Рузвельт благословил его на смелые выводы и «недипломатические» шаги, способные образумить часть колеблющихся сторонников Гитлера и тем самым содействовать трансформации нацистского режима в парламентскую демократию обычного типа, тем более что президент в отличие от государственного департамента как будто бы разделял мнение Додда о полезности дипломатических демаршей в качестве инструмента давления на нацистское правительство с тем, чтобы в сочетании с экономическими мерами сделать его более сговорчивым 30. И в самом деле, оба эмоционально горячих сторонника джефферсоновского миропорядка были, казалось, согласны во всем. Одно из первых писем президента послу в Берлин содержало ясное указание, что Рузвельт разделяет точку зрения Додда на опасность, которую представлял для мира гитлеровский «новый порядок». Рузвельт писал в ноябре 1933 г. (документ приводится с некоторыми сокращениями):

«Мой дорогой Додд!

Мне не нужно Вам говорить, что я с удовольствием получаю Ваши письма... Я рад, что Вы откровенно высказываетесь в беседах с отдельными людьми (президент имел в виду одно из публичных выступлений Додда в Германии, в котором содержался ряд едких замечаний в адрес нацистских порядков. – *В. М.*)... На прошлой неделе я беседовал с У. Липпманом и услышал от него интересное соображение о том, что 8 % населения всего мира (Германия и Япония), придерживающихся империалистических притязаний, в состоянии сорвать предложения о гарантиях безопасности и о сокращении вооружений, выдвигаемые 92 % народов остального мира... Я иногда чувствую, что положение в мире становится все хуже, вместо того чтобы улучшиться» 31.

Хотя президент умолчал о том, что предполагали сделать США для улучшения обстановки, поскольку ситуация автоматически не могла измениться, тем не менее его письмо воодушевило Додда. Посол усмотрел в нем одобрение инициатив, направленных на восстановление в правах коллективных действий в защиту мира. После того как 8 декабря посол Англии в Берлине Фиппс информировал его о предложении Лондона Германии вооружаться (до 1/4 от уровня ее соседей) взамен на пакты о ненападении, Додд посоветовал своему правительству поддержать эту попытку реанимировать процесс переговоров по разоружению. Это было в русле миротворческой «педагогике» Рузвельта. Но дальше Додд шагнул за порог неформальных полномочий. Через пару дней в беседе с тем же Фиппсом, действуя на свой страх и риск, он высказал идею о том, что американцы могли бы пойти навстречу англичанам в случае, если бы Англия благожелательно отнеслась к идее совместных действий Советского Союза, США и Англии с целью отражения японской агрессии на Дальнем Востоке 32.

В Вашингтоне разразилась буря. Рузвельт не имел ни малейших намерений поддерживать подобные глобальные схемы, да еще настраивать против себя Японию и ее

европейского союзника. Решив не делать Додду лично выговора, он поручил это исполняющему обязанности государственного секретаря своему давнему близкому другу Филлипсу. Последний полностью дезавуировал все высказывания Додда о европейской ситуации, заявив, что США не намерены вмешиваться в эти дела. В отношении же главного предложения о совместных действиях против Японии Филлипс от имени президента и своего собственного сказал совершенно недвусмысленно: «Мы оба, президент и я, обеспокоены в связи с Вашими замечаниями о Дальнем Востоке... Мы очень хотим избежать любых шагов, которые выглядели бы как стремление изолировать Японию. Во время последнего визита Литвинова 33 и обсуждений (вокруг) вопроса о признании Советского правительства было сделано все необходимое, дабы не создавать впечатления, будто это признание содержит хотя бы малейший оттенок сотрудничества с Россией против Японии. Беседа шла только о самых общих вопросах, связанных с поддержанием мира во всем мире» 34.

Додд был огорчен, но не обезволен. Ведь все было так предельно ясно. Он писал Филлипсу и президенту 14 декабря 1933 г., что большая война на Дальнем Востоке неизбежна, если США, Англия и Франция будут проводить политику попустительства японской агрессии, предавая Китай. «Я знаю, – с горечью отмечал Додд, – что наши лидеры всегда говорят «держитесь в стороне от всего». Но ведь это невозможно». Додд упрямо продолжал бить в одну точку, предлагая пересмотреть заново всю ситуацию в мировых делах после января 1933 г. и прихода Гитлера к власти. Стремление же США замкнуться на своих делах, отгородиться от Европы он считал ошибочным, ибо оно в скором времени приведет к развязыванию новой войны на Европейском континенте, которая, по-видимому, будет дополнена войной на Дальнем Востоке. Где выход? «Я бы предложил, – писал далее Додд, – положить конец наглым действиям диктаторских режимов в Центральной Европе и проложить путь к подлинному сотрудничеству всех великих держав» 35. Всех великих держав. В том числе и СССР? По-видимому, да, хотя Додд не решился сказать об этом открыто. 28 декабря Додд отправил личное послание президенту, в котором изложил свои идеи, но ответа так и не дождался 36.

«Разъяснительную работу» на сей раз было поручено провести судье Муру, заместителю государственного секретаря. Последний без обиняков дал понять Додду, что все его соображения о вмешательстве Соединенных Штатов с целью предотвращения агрессии ничего не стоят, ибо, как писал Мур, ситуация в скором времени может круто измениться вследствие нападения Японии на Советский Союз. А его в Вашингтоне ожидали буквально со дня на день. «Что больше всего привлекает мое внимание, – многозначительно отмечал Мур, – так это возможность возникновения в ближайшем будущем конфликта между Японией и Советами...» 37 Последовавший вслед за тем провал Конференции по разоружению в Женеве и заявления Рузвельта и Хэлла о нежелании вмешиваться в урегулирование европейских конфликтов вынудили Додда признать, что его демарш был несвоевременным. 1934 год был годом выборов в конгресс, и это обстоятельство в глазах посла частично послужило оправданием отхода президента от принципов «интернационализма».

Однако каждый день пребывания Додда в Берлине убеждал его в том, что политика попустительства только разжигает аппетиты Гитлера. Желанной передышки для Запада может и не последовать, если Япония будет подыгрывать Германии, повиснув тяжелой гирей на ногах Англии и США на Дальнем Востоке. Он сообщает в Вашингтон о подготовке фашистского переворота в Вене, о планах присоединения Австрии к Германии, о той опасности, которая грозит мировой культуре со стороны бесчеловечной идеологии правителей Третьего рейха и их изуверской практики, и наталкивается на непонятную глухоту. Слабым утешением для Додда было только лишь подтверждение того, что его подробные отчеты вызывают большой интерес в Белом доме. Филлипс сообщал Додду 6 июля 1934 г.: «В эти дни невероятных событий в Германии Вы постоянно присутствуете в наших мыслях. Каждое слово, которое приходит из посольства, вызывает у нас здесь огромный интерес, так же как и ежедневные сообщения прессы из Берлина. Мы получили

вчера телеграмму от находящегося на отдыхе президента с просьбой сообщить о новостях из Германии и отослала ему обзор Ваших отчетов, включая самые последние» 38.

Додду, наверное, было бы приятнее услышать другое, но Филиппс ничем его не обнадежил. США останутся на позиции стороннего наблюдателя, писал он послу 16 августа 39. После попытки фашистского переворота в Вене и убийства премьера Австрии Дольфуса, а затем убийства французского премьера Луи Барту и короля Югославии Александра, после новых шагов гитлеровской Германии на пути «довооружения» такая позиция означала только одно: Соединенные Штаты не намерены были противиться пересмотру Версальского договора, а заодно и сепаратного мирного договора США с Германией (1921 г.) 40.

В расчете на то, что сами события заставят президента вернуться к тому пониманию роли США в европейских делах, которое было им высказано в ходе встречи в Белом доме в июне 1933 г., Додд направляет в Вашингтон в середине августа новое послание. В нем он высказал все, что передумал, наблюдая с близкого расстояния вакханалию военной подготовки в Третьем рейхе, прикрываемую болтовней о миролюбии и законных интересах Германии 41. Смысл рекомендаций посла сводился к следующему: усилить давление на Германию с целью добиться остановки процесса милитаризации национального мышления и повлиять на расстановку внутренних сил в пользу умеренных группировок в правящих кругах; добиваться лучшего взаимопонимания с другими странами, которые заинтересованы в предотвращении роста военного могущества Германии и Японии, прежде всего с Англией и Советским Союзом 42. Додд не боялся показаться наивным, воинствующие призывы вождей нацистского режима не выглядели простым вымогательством прощения по внешним долгам.

В письме Хэллу, отправленном примерно в то же время, Додд с учетом предыдущей переписки изложил свой тактический план на ближайшее будущее в форме геополитических размышлений. «Я думаю, – писал он, – что мы должны отказаться от нашей так называемой изоляции. Если мы будем оказывать сильное давление в Женеве, где Германия делает все возможное, чтобы воспрепятствовать вступлению России в Лигу Наций, мы тем самым сделаем косвенное предупреждение Японии, в результате чего Англия и Франция могут поддержать совместно Россию. Эта политика заставит Англию отказаться от интриг на Дальнем Востоке, цель которых – спасти ее интересы, натравливая Японию на Россию. Если после предстоящих ноябрьских выборов Соединенные Штаты предложат Англии присоединиться к пакту, гарантирующему независимость Филиппин, то Голландия, Бельгия и Франция поддержат эту линию. Это гарантирует Китаю, Индии и Австрии существующий статус, который имеет все преимущества перед предложенной японцами дальневосточной Лигой, откуда Англия и Голландия скоро будут изгнаны. Заключительным шагом после выборов 1936 г. (Додд имел в виду предстоящие президентские выборы. – В.М.), а может быть, и до них было бы вступление США в Лигу Наций. Все это предотвратит германскую гегемонию в Европе и японскую на Дальнем Востоке...» 43

Это была программа прямо противоположная той, которую разрабатывали в Восточноевропейском отделе госдепартамента под руководством его руководителя Роберта Келли и поддерживаемой близкими советниками Рузвельта А. Берли и У. Буллитом, полагавшими, что коммунизм в России делает невозможными все разговоры и рассуждения о формировании антигерманского союза типа Антанты, скорее наоборот – по их мнению, стоило ставить вопрос о сближении Франции и Германии на базе признания интересов последней в Восточной Европе и на Балканах и гарантий безопасности Франции 44.

Додд, буквально одержимый идеей сколачивания антинацистской коалиции, не принимавший всерьез коммунизм в его российском «исполнении», одним своим присутствием в Берлине создавал препятствие для мирных договоренностей с Гитлером. Посол-историк не просто досаждал, он вызывал тревогу своими «прорывами» в Белый дом, где после нормализации дипломатических отношений с СССР как будто утверждался неидеологизированный прагматический взгляд на возможность сотрудничества с Москвой. В характере президента было решать проблемы, исходя из личных впечатлений. Визит

Литвинова в Вашингтон осенью 1933 г. в этом смысле дал солидную пищу для размышлений. Они шли зачастую вразрез с убеждениями чиновников госдепартамента. А Додд своими посланиями расширял эту брешь, содействуя размыванию стереотипов, унаследованных от эпохи идеологической конфронтационности. Посол предлагал конкретные меры, включая практически одновременное вступление США и СССР в Лигу Наций (летом и осенью 1934 г. было ясно, что СССР вступит в Лигу), что могло бы стать тяжелым ударом для сил агрессии, но получал в ответ сентиментально отвлеченные сетования о нерешаемых проблемах Европы и внутренних осложнениях для ньюдилеров. Любопытно, что Рузвельту понадобилось несколько дней, прежде чем он решил направить Додду тщательно отредактированный ответ на целую серию предложений последнего. Он писал 25 августа 1934 г.:

«Мой дорогой Додд!

Я был очень рад получить от Вас письмо, хотя сознаю, что Ваше положение никак нельзя назвать приятным. Письмо подтверждает мои опасения, что ход событий в Германии, а может быть, и в других странах Европы развивается, бесспорно, в неблагоприятном направлении и что в последующие полгода или год может произойти непредсказуемое. Гарри Гопкинс вернулся из поездки в Европу, и он тоже настроен пессимистично. Того же мнения придерживается Джордж Гаррисон из Федерального резервного банка. В целом я вполне удовлетворен нашим собственным прогрессом. Но мы подвергаемся сильному политическому нажиму, и он будет вестись против нас до самых выборов. Вы читали о создании Американской лиги свободы (организация, объединявшая антирузвельтовские элементы в правящих кругах США, выступавшие против «нового курса». – В. М.) во главе с Шузом, А. Смитом, Джеймсом Уордсуортом, А. Дюпоном и Джоном Дэвисом. Ее уже называли «клубом самоубийц».

Я тоже, как и Вы, с тяжелым сердцем наблюдаю за событиями в Европе, слежу за малейшими проблесками надежды, которая дала бы мне возможность протянуть руку помощи. Но в настоящее время ничего подобного нет на горизонте.

Будьте здоровы и время от времени держите меня в курсе Ваших дел.

Всегда Ваш

Франклин Рузвельт» 45.

Письмо красноречиво свидетельствовало, что никаких изменений в позиции президента не произошло и в ближайшее время не произойдет. Рузвельт вежливо отклонил советы посла о коллективных действиях (уже при участии России, с которой были восстановлены дипломатические отношения) в пользу мира, хотя и признал, что в любой момент в Европе могло произойти непоправимое. Мотивы, которые были выдвинуты президентом для оправдания этой позиции, были также знакомы Додду – накануне выборов правительство не сделает ни одного «неловкого» шага. Вместе с тем Рузвельт не хотел создавать впечатление, будто его позиция и в более далекой перспективе останется неизменной. Такой момент, напомнил он Додду, пока еще не наступил. Поскольку в письме президента не было ни слова о силе изоляционистских настроений в США и содержалась фраза о протянутой «руке помощи», Додд решил, что имеет моральные основания сказать в состоявшихся беседах с Гитлером и Шахтом об обеспокоенности Америки масштабами военных приготовлений Германии. При этом он не отказал себе в удовольствии упомянуть и о имеющихся у него сведениях о закупках Германией военных самолетов в Соединенных Штатах. Последнее выглядело в его устах весьма двусмысленно 46, хотя и вполне в духе той антимилитаристской, антимонополистической кампании, которая разворачивалась у него на родине. Более того, в свете полученных им данных о продаже американскими фирмами больших партий оружия нацистской Германии Додд усматривал особый смысл в усилиях, направленных на пресечение ее ремилитаризации. История не должна была повториться, в противном случае все жертвы, принесенные человечеством на алтарь Молоху в годы Первой мировой войны, окажутся напрасными и мировая цивилизация понесет уже непоправимый

урон. Додд обращал на эту сторону вопроса особое внимание, полагая, что от его решения зависит очень многое, если не все, в плане устранения угрозы новой войны. «Как мы можем предотвратить войну – писал он в октябре 1934 г. полковнику Эдварду Хаузу, – если торговля оружием между США и Германией продолжается? Этот факт показывает еще раз, что те же трудности, с которыми мы сталкивались всегда, имея дело с представителями крупного бизнеса, существуют и сейчас» 47.

Рузвельт вновь убедился, что Додд не оставляет мысли о возможности участия США в коллективных действиях с целью предотвращения сползания Европы к войне. У президента появилось ощущение, что практическая деятельность посла выходит за рамки тех инструкций, которые он получает из государственного департамента. Решение указать Додду на необходимость держаться «в рамках» пришло на волне роста изоляционистской пропаганды в США, а также под влиянием неудачной попытки провести через сенат законопроект о вступлении в Международный суд. Неудачу нельзя было назвать провалом, но Рузвельт посчитал момент подходящим для того, чтобы подчеркнуть особую нерасположенность США быть втянутыми в европейские дела. Его короткое на этот раз послание Додду от 2 февраля 1935 г. было составлено в требовательном тоне 48.

«Мой дорогой Додд!

Благодарю за Вашу интересную записку. Мы должны пройти через период не сотрудничества во всем. Я опасаясь, что он будет длиться весь следующий год или два. Уолтер Липпман все это очень хорошо объяснил в сегодняшнем утреннем выпуске «Геральд трибюн».

Дайте мне знать, когда Вы будете в Вашингтоне. Всегда Ваш

Франклин Рузвельт».

Итак, на год или два Додду предлагалось сложить оружие, США уходили в глухую самоизоляцию. Тем временем события в мире развивались своим чередом и в ритме, который диктовал Гитлер. 1 марта 1935 г. правительство Германии заявило, что оно считает себя свободным от обязательств, запрещавших ему создание военной авиации. 16 марта Гитлер опубликовал декрет о введении всеобщей воинской повинности. И то и другое было нарушением сепаратного мирного договора США с Германией, предусматривающего разоружение Германии. Она в одностороннем порядке легализовала свою подготовку к войне. Вашингтон ограничился невнятным заявлением Хэлла на пресс-конференции 23 марта об обеспокоенности тенденциями несоблюдения обязательств, принятых на себя по договорам. Разъяснение возникшей ситуации Додд получил в послании к нему президента от 16 апреля 1935 г., составленном в каком-то нарочито фаталистическом стиле. Рузвельт вместил его в одну-единственную фразу: «Как я уже говорил Вам, я чувствую себя в настоящее время абсолютно неспособным оказать какие-либо услуги делу укрепления мира ни сейчас, ни в будущем» 49.

Удивительные беспомощность и показная незаинтересованность, продемонстрированные американской дипломатией в эти драматические дни весны 1935 г., объясняются многими причинами, в том числе и внутренними. Идя навстречу изоляционистам в конгрессе, Рузвельт, в частности, рассчитывал таким путем обеспечить лучшие условия для прохождения в скором будущем правительственных программ военного (особенно военно-морского) строительства. Имели значение и предвыборные соображения: в 1936 г. предстояли президентские выборы, которые Рузвельт рассматривал как решающий референдум по вопросу о доверии «новому курсу». Существенное значение имело и стремление аппарата внешнеполитического ведомства – госдепартамента – продолжить движение по накатанной дорожке, не считаясь с изменившейся в корне ситуацией как внутри страны, так и за рубежом. Но еще более важную роль играли другие соображения – военно-стратегические и геополитические. Появилась идея о естественно-историческом процессе объединения Европы при обязательном участии Германии, волей-неволей осуществляющей полезную работу для Запада путем оттеснения большевизма.

Не догадываясь об этом, Додд сам приводил многочисленные доводы в пользу тактики выжидания, сообщая о планах гитлеровской верхушки и командования «нового рейхсвера» начать перекройку карты Европы с нападения на Советский Союз и «ликвидации большевизма» в кратчайший срок 50. 27 июня 1935 г. он писал, например, заместителю государственного секретаря У. Муру, что в доверительной беседе с гитлеровскими высокопоставленными чиновниками им получена следующая информация: Германия в союзе с Польшей готовится к захвату прибалтийских государств и западных территорий Советского Союза, концентрируя главные силы именно на этом направлении; она пытается вовлечь Японию в войну против Советского Союза на Востоке, отказываясь от выдвижения колониальных притязаний в качестве первоочередной задачи 51. Хотел этого Додд или нет, но такие сведения только укрепляли госдепартамент в убеждении, что самым целесообразным для США было бы дожидаться начала войны в Европе (если этому суждено быть), а затем уже и принимать решения.

Додд считал, что идею удара в восточном направлении питало предположение верхушки Третьего рейха о военной немощи Советского Союза. Именно поэтому, писал он в марте 1935 г. в Вашингтон 52, Гитлер отклонил предложение Лондона и Парижа о заключении Восточного пакта о ненападении («Восточный Локарно»). Вся пропаганда Гитлера в пользу создания мощных вооруженных сил, и в частности большого военно-воздушного флота, сообщал посол в своих донесениях, строится вокруг тезиса о потенциальной «угрозе с Востока» 53. Не подозревая, что эти сообщения успокаивающе действуют на высших чиновников внешнеполитического ведомства США, Додд настаивал на активизации деятельности Вашингтона в пользу мира. В ответ он слышал неизменное: европейцы должны быть предоставлены самим себе. 22 апреля 1935 г. У. Мур писал Додду в Берлин о сложившемся в столице США «общем мнении»: не делать ничего и не говорить ничего, что могло бы «втянуть нас в неприятности в случае возникновения вооруженного конфликта... который, по-видимому, неминуемо произойдет в ближайшем будущем» 54. Заключение франко-советского пакта о взаимопомощи (2 мая 1935 г.), вызвавшего в Германии новый взрыв антисоветской и антифранцузской кампании, и одновременно подписание Англией и Германией морского соглашения (18 июня 1935 г.) еще больше укрепили руководителей американской дипломатии в убеждении, что внимание Германии целиком переключается на осуществление широкой экспансионистской программы на Востоке.

Поспешность, проявляемая изоляционистами в конгрессе при определенной поддержке правительства, в ускорении разработки законодательства о нейтралитете, а также повышенная заинтересованность госдепартаментов с конца 1934 г. в нагромождении трудностей в советско-американских отношениях (в этом очень усердствовал посол в СССР У. Буллит) должны быть поставлены в прямую связь с теми выводами, которые делались в Вашингтоне из предположений об очередном ходе Гитлера и его японских союзников. Мур писал Додду в январе 1936 г.: «Впечатление, которое складывается у сенатора Питтмэна (председатель сенатской комиссии по иностранным делам. – *В.М.*), вернувшегося недавно из поездки по странам Дальнего Востока, и У. Буллита (тогда посол США в СССР. – *В.М.*) сводится к тому, что Россия почти наверняка будет втянута в войну, хотя Япония не совершит на нее нападения до тех пор, пока Германия не будет полностью готова к такому нападению» 55. Мур, очевидно, хотел успокоить Додда и сделал это в духе витающих в кабинетах госдепартаментов сценариев перенацеливания агрессии в наиболее безопасном направлении.

Разумеется, не все в Вашингтоне думали таким же образом, хотя прогерманское лобби в дни, последовавшие за заключением франко-советского пакта и советско-чехословацкого договора (16 мая 1935 г.), прочно удерживало инициативу в своих руках. Джозефус Дэниэлс, по-прежнему пользовавшийся большим влиянием в окружении и семье президента, писал Додду о «безрассудных идеях» тех, кто рассчитывал в неделимом и взаимозависимом мире отсидеться за океаном и даже обогатиться за счет военных катастроф в евразийском

пространстве 56. А накануне Рождества Додд получил послание и от самого президента, в котором тот осуждающе отозвался о «группе», контролирующей судьбу германского народа, и о ее одержимости идеей вооружения Германии «на суше и на море». Рузвельт попытался защитить Закон о нейтралитете (уже подписанный им), но сделал это с рядом оговорок. Одна из них касалась его планов на будущее. «Пока, – писал Рузвельт, – страна проходит процесс серьезного обучения; я надеюсь, что в следующем январе смогу добиться принятия еще более сильного закона, предоставляющего президенту некоторые дополнительные полномочия» 57. Рузвельт явно строил свои планы в расчете на изменение в настроениях народа, но никак не хотел торопить события.

Желая не упустить свой шанс, Додд посчитал подходящим изложить еще раз свои взгляды на возникшую в Европе взрывоопасную ситуацию, впервые напрямую сделав ударение на возможностях, которые открываются в результате установления дипломатических отношений с Советским Союзом. «Мне кажется, – писал он Рузвельту 15 декабря 1935 г., – сейчас для демократических народов становится все более необходимым избегать ухудшения отношений с Россией» 58. Это было смелым, даже очень смелым шагом после угроз госдепартамента в августовской ноте в связи с, как в ней говорилось, имевшими место попытками СССР вести «коммунистическую пропаганду» в США. С того времени во многих донесениях Додда, посылаемых в Вашингтон, этот мотив стал центральным. Но отклик неизменно был негативным, а перед президентом со стороны госдепартамента был поставлен вопрос об отзыве и отставке Додда. «Он мне нужен в Берлине» 59, – отрезал Рузвельт.

Додду внушали, что складываются предпосылки для всеобщего «урегулирования» в Европе на базе «мирных инициатив» Гитлера, последовавших за вступлением германских войск в ремилитаризованную по Версальскому договору Рейнскую область (7 марта 1936 г.) и встречных шагов Парижа и Лондона. Высокопоставленные чиновники госдепартамента доказывали послу, что шансы на мир возросли и что Гитлер близок к вступлению в клуб пацифистов, стоит только Франции и Англии быть посговорчивее и осознать наконец, что требования Германии не чрезмерны 60. Вновь была извлечена на свет идея «мирной конференции», кощунственная сама по себе, как считал Додд, поскольку речь шла заведомо о компромиссе с агрессором за счет суверенитета малых стран. Столкнувшись с проявлением циничной расчетливости в политике, Додд в отчаянии пишет 1 апреля 1936 г. Рузвельту: «Может быть, Вы сможете что-нибудь сделать...» 61

Однако президент не внял этому призыву. Рузвельт не намерен был подвергать дополнительному риску внутриполитические приоритеты погружением в опасные дебаты по вопросам внешнеполитических инициатив. «Прежде всего то, что важнее всего», – этим сформулированным им самим фундаментальным принципом Рузвельт руководствовался сполна, чувствуя всем своим существом, что ход мировой истории, поставив принципиальный вопрос о выживании либеральной демократии, возложил именно на его правительство реформ задачу достижения положительных результатов, способных стать спасительным примером для других народов. В этом он видел смысл своей деятельности в случае переизбрания его на второй срок. Об этом было заявлено им в июне 1936 г. на съезде Демократической партии. В еще более категорических формулировках о том же он говорил во время поездки по странам Латинской Америки в конце этого года, после победы на выборах. По одну сторону рубежа – обновленная демократия по американскому образцу, по другую – фашизм или коммунизм. Продолжение и углубление реформ в США – главное условие победы в этой смертельной схватке. Попытка консервативной оппозиции (в лице Верховного суда США) остановить и повернуть реформы вспять виделись им только в этом историческом контексте, и ни в каком ином. Усилия Додда и других решительно настроенных антиизоляционистов, направленные на переключение внимания президента на европейские дела, рассматривались им как непреднамеренные заблуждения той же категории опасности. Политически сохраняя общность взглядов, президент и посол разошлись в понимании глобальных целей американской политики. Додд остался на позиции

либерального интернационализма В. Вильсона в его узком понимании, Рузвельт следовал канонам позднего вильсонизма с его линией на самосовершенствование американской системы как универсального средства спасения самой идеи либерализма в эпоху войн и революций.

Из Овального кабинета Белого дома и резиденции американского посла в Берлине мир выглядел по-разному. Несовпадающими оказались и нравственные и политико-правовые критерии в отношении набравшего темпы общественного кризиса. Мятеж генерала Франко летом 1936 г. против законного правительства республиканской Испании обнажил суть этого несовпадения. Народу Испании было отказано в помощи, мятежники и интервенты получили полную свободу рук. Додд высказался по этому поводу совершенно определенно, не обходя острых углов и не щадя самолюбия Рузвельта, хотя понимал, что сказанное им будет услышано президентом. Он пишет своему единомышленнику, министру внутренних дел Гарольду Икесу в послании от 21 августа 1936 г.: «Любой, кто находился в Европе более или менее продолжительное время, признает факт огромного экономического и политического влияния Соединенных Штатов. Если мы положим наше могущество на чашу весов, то некоторые люди здесь, в Европе, рассматривающие войну в качестве средства завоевания новых территорий, будут более осторожными и, может быть, даже станут сторонниками мира... Я хочу сказать только одно: даже сейчас присоединение Соединенных Штатов к демократическим государствам Европы могло бы положить конец кровопролитию в Испании и дать возможность испанскому народу самому решать свои внутренние дела... Совместная мощь Соединенных Штатов, Англии и Франции, особенно если принять во внимание их огромные военно-воздушные силы, бесспорно могла бы предотвратить интервенцию и, возможно, установление диктаторского режима в Испании» 62.

Все до предела ясно. Гражданская война в Испании выносит приговор политике «умиротворения». То, что прежде виделось Додду ошибкой и промахом дипломатии Запада, теперь окончательно изменило свои очертания, представ в реальном виде. Вильсоновский либерал по истокам своей внешнеполитической позиции и типичный ньюдилер по убеждениям, Додд, оказавшись лицом к лицу с европейскими реалиями, в рамках которых так четко обозначилась линия водораздела между силами крайней реакции, фашизмом и народным устремлением к новым ценностям, сумел если не понять, то почувствовать глубинные мотивы, которыми вдохновлялись архитекторы и непосредственные исполнители политики «умиротворения». Делясь своим открытием с Муром, он писал 31 августа 1936 г., что рост фашистской опасности в Европе объясняется не только внешнеполитической экспансией Третьего рейха, но и тайными усилиями правой реакции во всех странах использовать ее в собственных корыстных интересах. Перейдя затем к оценке роли дипломатии США в европейских делах, он резюмировал: «В заключение я должен сказать, что представители нашей дипломатической службы проявили свои профашистские симпатии в отношении перспективы установления германо-итальянского контроля над Испанией, а также оппозицию к своему собственному президенту. Я этим не хочу сказать, что они должны заявить о своем сочувствии коммунизму, но фактом остается их явная поддержка за последние шесть месяцев интересов привилегированного класса капиталистов» 63. Формально послание Додда содержало довольно точную оценку дипломатической тактики госдепартамента в испанских событиях, но Додд явно не улавливал существенных нюансов в общем подходе правительства США к переплетенным в тугую узел межгосударственным, социально-классовым и идеологическим конфликтам в Европе 30-х годов. Отказ от поддержки республиканского правительства Испании в глазах самого Рузвельта был, в частности, оправдан профранкистской позицией Католической церкви США, обусловившей свою благожелательность к «новому курсу» антипатией к правительству Народного фронта в Испании.

Была своя ирония в том, что в тот же самый день (31 августа) заместитель госсекретаря Мур направил Додду в Берлин личное письмо, в котором в вежливой, но категорической форме отвел все предложения о помощи республиканской Испании в любом виде. «Для

нас, – писал Мур, – не существует абсолютно ничего другого, кроме эвакуации американцев из Испании...» 64 Выведенный же из себя государственный секретарь США К. Хэлл вообще фактически ничего не ответил на длинное письмо Додда от 19 сентября 1936 г., в котором тот настаивал на активизации американской дипломатии с целью предотвращения агрессии фашистских держав и убеждал видеть мир таким, каков он есть, – взаимозависимым, не позволяющим ни одной стране чувствовать себя в безопасности в условиях накопления оружия массового уничтожения – авиационного, химического и другого 65.

Ряд событий конца 1936 г. как будто бы давал повод думать, что призыв сделать европейскую политику США активной и подлинно миротворческой мог быть услышан президентом. Переизбрание на второй срок в ноябре 1936 г. делало Рузвельта менее зависимым от критики и пропаганды влиятельных кругов изоляционистов. Оформление «оси» Берлин – Рим, аннексия Италией Абиссинии ослабили влияние изоляционистской пропаганды внутри страны. Визит Рузвельта в страны Латинской Америки и его выступления в защиту идеи мирного сотрудничества имели серьезный резонанс в Европе. В конце концов заканчивался срок «давности», отмеренный самим президентом. Неудивительно, что порой Додд начинал слышать то, что ему хотелось бы слышать. В идее «международной конференции мира», выдвинутой Рузвельтом 66, он усмотрел очевидный признак перемен. Письмо, отправленное им президенту 7 декабря 1936 г., буквально пропитано духом надежды на утверждение нового подхода Вашингтона к вопросам войны и мира. «В условиях складывания фашистского фронта от Рима до Токио, – писал он, – попыток поставить латиноамериканские страны под контроль фашистских диктаторов, затруднений, которые создаются нашей торговле, мне кажется, что Ваше предложение о реальном сотрудничестве США, Англии, Франции и России является единственным средством, способным защитить мир. Одна мысль для меня самоочевидна – Европа и Азия неминуемо окажутся под пятой диктатуры, если демократические страны будут продолжать свою политику изоляции» 67. Но в отношении практической осуществимости официально сделанного в январе 1937 г. Рузвельтом предложения о созыве «конференции мира» у Додда было немало сомнений. А самое главное при этом, считал он, что ни Германия, ни Италия, твердо следующие захватническим курсом и использующие метод запугивания соседей, не хотят такой конференции и не будут считаться с ее решениями 68. Посол, прославивший в вашингтонских политических кругах неисправимым идеалистом, предостерегал президента-реалиста от любых иллюзий в отношении «миролюбивого» потенциала агрессивных фашистских держав и их готовности участвовать в мирном процессе. Додд опасался как решений этой конференции, написанных под диктовку Гитлера, так и ее провала, способного повлечь самые тяжелые осложнения.

Проведенные Доддом по поручению Вашингтона предварительные консультации с руководителями гитлеровского внешнеполитического ведомства лишний раз показали ему, что головы заправил Третьего рейха были заняты не частичными территориальными изменениями и переделом колоний, а идеями порабощения целых регионов и континентов. Мысль Додда была очень проста: попытка договориться с Гитлером и Муссолини за счет народов, намеченных на заклание агрессором, неминуемо приведет к обратному результату, т. е. подтолкнет захватчиков к расширению ареала экспансии и к умножению усилий, направленных на подрыв любых коллективных усилий. Его общий прогноз политического развития Европы и этапов нисхождения ее к общеевропейскому кризису и войне был точен и нелицеприятен, исходя из оценки вероломной и одновременно самоубийственной политики «умиротворения» Гитлера. В письмах К. Хэллу от 21 и 24 июня 1937 г. Додд нарисовал сценарий того, как будут развиваться события в связи с занятой Англией и Францией позицией и «невмешательством» Соединенных Штатов. Вслед за поражением республиканцев в Испании, писал он, наступит черед Австрии, которой неоткуда ждать помощи, поскольку после отставки Блюма с поста премьера Франции французское правительство пойдет на сближение с Германией. Следующей жертвой станет Чехословакия. «Будет именно так, если только Россия не вступит на территорию Польши и Румынии (с

целью оказания помощи Чехословакии. – *В.М.*...) Мое мнение состоит в том, что Франция останется в стороне... Гитлер на это рассчитывает, и, если все будет так, как он предполагает, Германия осуществит захват Австрии, Чехословакии, Венгрии, а позднее Болгарии и Румынии. Могу Вам сообщить, что все, с кем я беседовал здесь, – фон Нейрат, Дикгофф и даже покойный фон Бюлов говорили о правах Германии на этот район».

Погрешности в прогнозе развития событий были минимальными. Источники же, из которых Додд черпал свои сведения, – абсолютно достоверны. В письме Хэллу от 24 июня 1937 г. Додд стенографически изложил свою беседу с английским послом в Берлине Невиллом Гендерсоном, который поделился с ним соображениями о способах стабилизации положения в Европе. Суть их сводилась к тому, что Англия и США должны предоставить Германии делать все что угодно в отношении Австрии и Чехословакии, Испания должна быть отдана Франко, а Франция предоставлена сама себе 69. Додд уже не сомневался, что эта идея тройственного сговора Англии, США и Германии с предоставлением последней права на аннексию «дунайско-балканской зоны» прорабатывается в Лондоне с тем, чтобы быть представленной другим «заинтересованным сторонам» 70.

Чем руководствовался Додд, ставя в известность Вашингтон о всех этих планах и маневрах? Скорее всего, это была последняя попытка как-то воздействовать на Белый дом и заставить его задуматься над тем, куда с неумолимой логикой ведет политика «умиротворения». Додд принял решение об уходе в отставку, и в принципе с ним согласились. Но не в его характере было уходить, не высказав все, что он думает. Его последняя встреча с президентом произошла 11 августа 1937 г. Беседа вселила надежду. Рузвельт показал себя очень «встревоженным в связи с угрозой войны» и просил Додда выступить с лекциями перед американцами, рассказав им «правду о том, что происходит» 71. 26 августа Додд направил Рузвельту специальное письмо, в котором подробно изложил свою концепцию отражения агрессии фашистских держав как в Европе, так и на Дальнем Востоке. В ней было два центральных пункта: США должны признать жизненную необходимость отказа от политики «невмешательства» и создания системы коллективной защиты от агрессии с обязательным участием Советского Союза 72. Однако Рузвельт и на этот раз не согласился с выводами посла. Его ответом была «карантинная речь» 5 октября 1937 г. Все, что сделано, сказал он Г. Икесу, нельзя было не сделать 73.

Напряженный диалог между президентом и послом завершился «мягким» отлучением Додда от Белого дома, лишения его прав на доверительный дискурс с главным лицом в стране. Сделано это было не без вмешательства другого видного американского дипломата и весьма заметной фигуры в окружении президента – У. Буллита, пришедшего к выводу, что Додд, сидя в Берлине, серьезно затрудняет использование последних (пусть и незначительных) шансов «придушить» Гитлера мирными переговорами, пересмотром ненавистного Германии Версальского договора и выработкой новых, компромиссных решений. Буллит был одержим идеей втягивания Германии в процесс объединения Европы путем предоставления ей «контроля над Австрией и Чехословакией». У этого плана, считал он, несмотря на его негативные стороны, есть и скрытые положительные моменты. На этот счет Буллит высказался в послании президенту от 23 ноября 1937 г. с предельной откровенностью: «Русские теперь, по-видимому, отступили за свои болота и даже Франция начинает признавать тот факт, что восточной границей Европы являются не Уральские горы, а гряда болот, которая начинается в Финляндии, проходит через Польшу и идет дальше к Румынии... Единственным способом использования в конструктивном, а не в деструктивном духе германской силы (которую я считаю неустрашимой) было бы, как я полагаю, сделать эти уступки Германии (речь шла об Австрии и Чехословакии. – *В.М.*) частью общего плана объединения Европы» 74. Мысль, витавшая в кабинетах госдепартамента пару последних лет, была высказана здесь с абсолютной определенностью.

Идея «окучивания» большевистской России болотами по всему периметру ее западных границ и втягивания Германии в объединенную Европу ценой «сдачи» Австрии и Чехословакии не могла понравиться Додду, но Рузвельт обнаружил в ней отголоски своих

собственных размышлений о «мире во что бы то ни стало» как главном условии возвращения американского процветания и сдерживания тоталитаризма. Европейская война, писал Буллит Рузвельту из Парижа в очередном трактате о европейской безопасности, «может закончиться воцарением большевизма с одного конца континента до другого» 75. Рузвельт принимал эти взгляды не безоговорочно, но многие его шаги с начала 1938 г. были подготовлены в целом именно таким пониманием катастрофичности большой войны для капитализма как системы.

Конец 1938 г., в хронике международных событий отмеченный дикими нацистскими оргиями в отношении евреев на территории Третьего рейха, не вызвал у Рузвельта стремления облегчить условия оказания гостеприимства для евреев-беженцев из Европы, несмотря на выраженное им в устной форме возмущение еврейскими погромами. Впоследствии историки Холокоста связали это нежелание президента в полную силу вмешаться в события недопониманием нацистской угрозы. Но дипломатические расчеты, пожалуй, сыграли во всем этом не меньшую роль. Большая ссора с Гитлером не входила в планы Белого дома и конгресса.

Глава VI Советский фактор

Признание

На финише четвертой избирательной кампании 21 октября 1944 г. Франклин Рузвельт произнес важную речь перед членами Ассоциации внешней политики в Нью-Йорке. Коснувшись вопроса о советско-американских отношениях, Рузвельт заявил, что решение о признании Советского Союза он относит к самым большим достижениям внешнеполитической деятельности возглавляемой им администрации. Это «нечто такое, чем я горжусь», – сказал он, хотя хорошо знал, что эти слова могут прийти не по нутру многим из присутствующих. Затем президент высказал свою личную версию того, чем было вызвано такое решение. «В 1933 г., – говорил президент в свойственной ему непринужденной, чуть интригующей манере, – одна дама, сидящая за этим столом, напротив меня (Рузвельт говорил о своей супруге. – *В.М.*), вернулась из поездки, во время которой посетила одну из местных школ. Заглянув в класс истории и географии, где занимались дети восьми, девяти и десяти лет, она увидела политическую карту мира с большущим белым пятном посередине. Одно белое пятно, и ничего более. Отвечая на ее вопрос, учитель объяснил, что школьный совет не разрешает ему ничего говорить об этом большом белом пятне и все потому, что под ним подразумевалась Советская Россия, на территории которой живет 100 или даже 200 миллионов человек... В течение 16 лет до происшествия, о котором идет речь, американский и русский народы не имели никаких практических каналов для общения друг с другом. Мы восстановили эти каналы...» 1

Своим замечанием (хотел он того или нет) Рузвельт признал не только абсурдность сложившейся к 1933 г. не по вине Советского Союза ситуации, но и бесплодность расчетов его предшественников в Белом доме достичь с помощью непризнания, блокады и затемнений на картах далеко идущих целей, а именно добиться истребления большевизма или принуждения к демократии народа, поддавшегося на его соблазны.

Президент, скорее всего, умышленно сместил акценты, выдавая свое обращение к председателю ЦИК СССР М.И. Калинин у от 10 октября 1933 г. (в нем он приглашал направить в США представителей Советского Союза для обсуждения вопросов, связанных с восстановлением нормальных дипломатических отношений между странами) за спонтанный акт, за некое озарение, возникшее по прихоти случая. Эта версия никак не вяжется с выработанным Рузвельтом правилом взвешивать все «за» и «против» в процессе принятия важных внешнеполитических решений, со свойственными ему осмотрительностью и осторожностью. И еще одно: Рузвельт обладал превосходной памятью, но для того, чтобы

рассказанный им эпизод приобрел для него самого значение некоего символа, нужно было нечто большее, чем легкое потрясение от соприкосновения с политической косностью попечителей провинциальной школы. В самом деле, за смешной и одновременно дикой попыткой обмануть детей скрывался глубокий и длительный конфликт в общественной жизни США на самых разных ее уровнях. Его подоснова – глубоко укоренившееся за 16 лет несходство взглядов, несовпадение в подходах к советско-американским отношениям, в оценке их перспектив со стороны различных общественно-политических слоев, групп, отдельных представителей бизнеса, интеллигенции и т. д. По времени зарождение этого конфликта следует отнести к знаменитым «десяти дням, которые потрясли мир» осенью 1917 г., а то и еще дальше в прошлое, к началу Русско-японской войны.

Линия размежевания разделила тех, кто идеологически был на стороне большевиков или даже просто стремился докопаться до истины и трезво судить о новой исторической ситуации, возникшей с появлением русского варианта государства всеобщего равенства, и тех, кто безоговорочно поддержал антисоветский курс в «русском вопросе», едва только известия о большевистской революции в Петрограде достигли американского берега. В столкновении этих двух тенденций отражалась внутренняя дифференциация, пронизывающая ткань американского общества с момента вступления его в эпоху индустриализма, когда стремление крупного бизнеса к экспансии соединилось с интервенционистским синдромом в отношении народов и стран, оказывавших противодействие этой экспансии или встававших на путь социального освобождения. Практически с того самого момента, как только стало очевидным, что советская власть в России сумела утвердиться на значительной территории, правительство США отказало ей в официальном признании, а 6 июля 1918 г. приняло решение об участии в интервенции против Советов. Для США Советское государство оставалось «незаконным» на протяжении долгих 16 лет под предлогом нарушения им прав человека и невыплаты долгов Соединенным Штатам.

Широкое распространение изоляционистских настроений в стране в 20-х годах, переключение внимания публики, поглощенной погоней за миражами «процветания», на проблемы чисто внутренние, вспышка антирадикализма – все это способствовало отвлечению американцев от раздумий о перспективах советско-американских отношений. Однако подспудно развивалась и другая тенденция – осознание необходимости глубже и лучше понять происходящее в России и определить непредвзято его истоки и трансформации. Уже в 1926 г. неофициальный представитель СССР в США Б.Е. Сквирский сообщал о заметной перемене в отношении к СССР 2. Изменения внутри советской системы и ее внешнеполитических приоритетов, рост экономики и социальные новации «рабоче-крестьянской власти» оказывали существенное влияние на этот процесс.

Движение американской общественности за прекращение интервенции на Советском Севере и Дальнем Востоке, за снятие экономической блокады и за нормализацию отношений с Советской Россией носило весьма широкий и представительный характер. Оно не ограничивалось какими-то сословными рамками, не было исключительной принадлежностью какого-либо класса или общественного слоя. В нем участвовали (вопреки идеологическим установкам руководства АФТ во главе с С. Гомперсом) многие профсоюзы, представители деловых кругов, влиятельные деятели обеих ведущих политических партий, широкие слои творческой и технической интеллигенции, ученые, юристы, молодежные организации, военные и священнослужители. Важно также отметить, что критика политики непризнания касалась не отдельных промахов дипломатии Вашингтона, но и самих ее идейных основ. Ленин и большевики не вызывали у многих симпатий, но революции случались и раньше, в том числе и в Соединенных Штатах, и отношение к ним внешнего мира не могло рассматриваться как приговор истории. На примере России многие американцы убеждались, что попытки американской дипломатии, опираясь на военную и экономическую мощь, навязать миру свою концепцию демократии и свой международный порядок, носят ретроградный и непродуктивный характер и противоречат декларациям о

самоопределении народов и уважении их суверенных прав. Вильсоновский «моральный империализм» и изоляционизм республиканцев на практике оборачивались диктатом, экономическими санкциями и политикой выкручивания рук. Они вызвали критику и протест. В политических кругах Соединенных Штатов существенную роль в пропаганде нового подхода к советско-американским отношениям играла влиятельная группа общественных деятелей во главе с сенатором У. Бора и общественным деятелем республиканцев Р. Робинсом.

Знать о России правду, судить о ее революции непредвзято, с учетом динамики изменений в стратегии и тактике ее руководства, в нем самом, использовать максимум возможного для совместных усилий Советской России и США в направлении реального укрепления международной безопасности, признание Советской России и установление с ней широких торговых связей – вот те принципы, которые, по убеждениям Робинса и Бора, необходимо было положить в основу поиска альтернативы явно зашедшей в тупик после краха интервенции и экономической блокады политики США в «русском вопросе». Никто из серьезных политиков Соединенных Штатов не видел в их предложениях противоречия с национальными интересами страны, если только не отождествлял эти самые национальные интересы с набором идеологических догм и стереотипов, с претензиями чисто материального свойства.

В подходе к «русскому вопросу» политические реалисты исходили из необходимости видеть явления и процессы в развитии, а не такими, какими они представлялись воображению человека, способного фиксировать лишь статические состояния, но неспособного отличать вымыслы от истины, тенденциозность и пропагандистские трюки от правдивой информации 3. Доводы госдепартамента в пользу увековечения непризнания Советского Союза под предлогом наказания его за «ведение подрывной пропаганды против правительства США» и национализацию собственности иностранцев оппозиция официальному курсу признала полностью несостоятельными и исторически необоснованными. Многие ее представители в своих выступлениях раскрывали лицемерие этого тезиса, показав, что злонамеренность и злокозненность СССР в отношении США есть фикция и что в надувательстве американцев заинтересованы больше всего как раз те, кто рукоплескали вторжению интервентов на территорию России и оказывали помощь оружием и деньгами противоборствующим группировкам и сепаратистам в самый критический для российской государственности момент 4.

По мере роста международного авторитета СССР в истинном свете проявлялась и проблема вины и ответственности, на которой пыталась играть официальная пропаганда. Росло убеждение, что сам факт военного вмешательства Америки во внутренние дела России в годы революции и Гражданской войны, ущерб, нанесенный интервенцией, не давали США морального права поднимать вопрос о нарушениях международных норм и этики со стороны СССР, тем более что многие из них были раздуты искусственно. И, наконец, главные преимущества признания СССР связывались большой группой политиков с налаживанием американо-советского сотрудничества в интересах содействия урегулированию экономических претензий и наиболее жгучих проблем международных отношений. Особенно это касалось Дальнего Востока, где с каждым годом усиливалась напряженность, вызванная растущей воинственностью Японии и обострением американо-японского соперничества 5.

Однако сдвинуть с места вопрос о признании СССР, пока у власти оставались республиканцы, было невозможно. Между тем времени оставалось все меньше. Накапливались все новые признаки ухудшения положения на Дальнем Востоке, все более шатким становилось достигнутое посредством вашингтонских договоров начала 20-х годов временное равновесие. Но дипломатия Вашингтона следовала прежним курсом, так, как будто бы никто в столице США и не слышал о планах милитаристской верхушки Японии, нацеленных на захват Китая, установление господства во всей Азии и на Тихом океане и вытеснения США из региона.

Хорошо информированные американские политические деятели (Рузвельт принадлежал именно к этой категории) знали, что предпосылки для расширения контактов СССР и США по широкому кругу дальневосточных, и не только дальневосточных, проблем были налицо. Советская страна неоднократно выражала свою заинтересованность и готовность к поиску конструктивных решений. Об этом в своих интервью для американской печати говорил многократно В.И. Ленин ⁶. Не единожды на этих вопросах особо останавливался в заявлениях от имени советского правительства Г.В. Чичерин ⁷. Однако администрации Кулиджа и Гувера демонстративно отвергали эти предложения. Г. Гувер еще в своем качестве министра торговли в правительстве Гардинга заявлял в июле 1921 г., что участие США в «реконструкции» России возможно только после антибольшевистского переворота. И так вплоть до начала японской агрессии и образования на Дальнем Востоке очага новой мировой войны. Более того, накануне кризиса в Северо-Восточном Китае, 13 августа 1931 г., Гувер сделал заявление о том, что целью его жизни является уничтожение Советского Союза ⁸. Сторонники признания могли расценить его заявление двояко: и как воинственный призыв не дать распространиться оттепели, наступившей было в связи с ростом с конца 20-х годов интереса к «русскому эксперименту» (особенно в академических кругах), и как приглашение Японии нанести удар по советскому Дальнему Востоку.

Мириться с таким положением означало бы плыть по течению прямо к водовороту, стремясь одновременно миновать его. Примерно так относились к непротивлению гуверовскому курсу в Америке все те, кто независимо от их побуждений трезво оценивал ситуацию. Рузвельт, никак, впрочем, не высказывая публично своих убеждений, разделял именно такой подход. Время обязывало американцев пристально взглянуть в историческую ретроспективу под углом зрения «нового прочтения» недавнего прошлого и извлечения из него полезных уроков, которые в будущем могли бы предотвратить повторение грубых просчетов. Вот та мысль, которая пронизывала все размышления Рузвельта по поводу представлявшегося ему уже летом 1932 г. совершенно неизбежным пересмотра основополагающих принципов политики в «русском вопросе». Истинное торжество здравого смысла требует от американцев самокритичного и мужественного признания банкротства доктрины, опирающейся на нежелание считаться с политическими реальностями и возводящей идеологические разногласия в ранг краеугольного принципа внешнеполитической деятельности. Таким был вывод, который сделал Рузвельт в результате домашнего анализа отложенной в 1918 г. «шахматной партии».

Из поля зрения губернатора штата Нью-Йорк не ускользнуло и то, что весьма широко распространенное еще в 20-х годах в образованных слоях американского общества и в демократических низах любопытство по отношению к «советскому эксперименту» переросло в годы кризиса в устойчивый интерес к, как выразился в своей статье 1934 г. У. Черчилль, «неестественному свету, который распространялся из Советской России» ⁹. Нельзя было не видеть, как «чудо» преобразования отсталой России в индустриально развитую державу на фоне погружения капиталистического мира в пучину экономического бедствия превращало даже самых стойких скептиков в сторонников осторожного признания опыта модернизации «по-русски». Редактор журнала «Нью рипаблик», хорошо известный в семье Рузвельтов Брюс Бливен, вернувшись из СССР, писал в 1931 г.: «Россия... это страна надежды. Именно это чувство охватывает вас, когда вы пересекаете ее границу» ¹⁰. Знаменитый критик и публицист Эдмунд Вильсон отмечал: «Самое сильное впечатление, которое каждый получает в России, – это ощущение исключительного героизма... Вы чувствуете себя в Советском Союзе морально на вершине мира...» ¹¹ Большая роль в преодолении синдрома антисоветизма принадлежала корреспонденту «Нью-Йорк таймс» в Москве Уолтеру Дюранти, чуть ли не ежедневно освещавшему события в СССР на протяжении десятилетий.

Хотя движение за дипломатическое признание с каждым днем набирало силы, однако администрация Гувера стояла на его пути неприступным валом. 3 марта 1933 г., за день до ее отставки, заместитель госсекретаря Уильям Касл-младший вновь подтвердил отказ США

признать СССР, сославшись при этом на все ту же проблему долгов и на тезис о «советской пропаганде» 12. Однако у противников этого курса появились к тому времени очень серьезные аргументы. Усилились настроения в пользу нормализации советско-американских отношений в широких демократических низах – среди рабочих, фермеров, средних слоев и т. д. 13. Идея признания получила прочную поддержку и со стороны влиятельных политических кругов в руководстве обеих главных партий, представителей крупного финансово-промышленного капитала, в средствах массовой информации, университетских кругах и т. д. Миф о нежизнеспособности Советов буквально таял на глазах, реальность же – укрепление экономических и политических основ нового строя – заставляла считаться с собой тех, кто еще недавно не допускал и мысли об этом. По некоторым данным, к весне 1933 г. только 1/3 американских газет была против нормализации советско-американских отношений 14. Особо должна быть отмечена роль университетской общественности и таких ее представителей, как Джером Дэвис, Джон Коммонс, Джон Дьюи, Райнольд Нибур, Захария Чеффи, Роберт Ловетт, Феликс Франкфуртер и др.

Симптоматичным был и поворот к этой проблеме лидеров демократов, победивших на выборах в ноябре 1932 г. В феврале 1933 г. профессор Джером Дэвис писал сенатору Бора, что полковник Э. Хауз в разговоре с ним говорил о скором изменении в «нашей русской политике» и даже о возможном назначении его, Дэвиса, дипломатическим представителем США в Москве 15. Полковник Хауз знал, о чем говорилось в резиденции губернатора Нью-Йорка, где он был частым гостем. С мая 1932 г. в узком кругу советников Рузвельта шли обсуждения всех аспектов признания СССР – внутренних, экономических, и международных. Рузвельт отдал распоряжение собрать широкую информацию о позиции различных слоев по этому вопросу. Секретные опросы и зондажи проводились многими его помощниками, их результаты подталкивали к решению, которое внутренне уже было принято Рузвельтом, но было отложено до всех событий, связанных с выборами осенью 1932 г.

Неожиданно для непосвященных с большой речью в защиту признания СССР выступил бывший губернатор штата Нью-Йорк и кандидат на пост президента США от Демократической партии в 1928 г. Альфред Смит. И сделал он это совершенно в духе стойкого сторонника признания сенатора Бора. «Я не вижу причин, – заявил он, выступая в конце февраля 1933 г. перед членами сенатской комиссии по финансам, – почему мы отказываемся сделать это». В экономическом плане, продолжал Смит, от политики непризнания США проигрывают больше, чем Россия, ибо другие страны, вступая в торговые отношения с ней, «с превеликой выгодой для себя пользуются нашей глупостью и близорукостью». Выдвигаемый в качестве главного довод в пользу воздержания от нормализации экономических связей между двумя странами, говорил он, «нажимая» на чувствительные струны сенаторов, несостоятелен и ложен от начала до конца. Смит пояснил: «Станным образом американскую публику заставили поверить, что русские из-за своего коммунистического правительства склонны умять обязательный характер заключенных контрактов. Это ошибочное представление проистекает частично оттого, что Советское правительство, следуя практике большинства революционных правительств, отказалось признать ответственность за долги ниспровергнутого режима». Все поняли, что это намек на происхождение американского государства. Американцев убедили, что русские – ненадежные партнеры, тогда как это совсем наоборот, заявил Смит. Твердость их слова проверена всей практикой внешнеторговых операций Советского Союза с другими странами.

Еще более разительным контрастом с гуверовской концепцией нелегитимности советского государства и использования блокады для ускорения его краха прозвучало то место из выступления Смита, в котором он подвел плачевные итоги 16-летней политики, являющей собой живое воплощение реакционной утопии. Он сказал: «В сущности лишенная помощи, сталкиваясь с враждебностью и недоверием всех остальных стран, Россия доказала свою способность выжить при минимальном уровне взаимосвязей с капиталистическими странами. Бойкот, экономический и политический, которому она подвергалась, оказался

неэффективным...» 16 «Джорнел оф коммерс», который поместил пространное изложение выступления А. Смита, опустил по понятным причинам ряд важных фрагментов из его речи. Напротив, «Литерари дайджест» привел их полностью. Одно из них касалось пресловутой проблемы долгов. В нем оратор дал понять, что считает ее искусственно раздутой и, объясняя свою позицию, заметил: «Некоторые говорят, что они (Советский Союз. – В.М.) должны нам 100 млн долл. А между тем мы послали войска в Россию на весьма значительный срок, не находясь в состоянии войны с нею, и нанесли ей определенный ущерб. Я полагаю в связи с этим, что мы могли бы сесть за стол и урегулировать этот вопрос очень легко» 17.

Из тактических соображений Рузвельт в ходе избирательной кампании 1932 г. и сразу после выборов воздерживался от публичных высказываний о признании, хотя его согласие ответить на вопрос журнала «Совет Раша тудей» в октябре 1932 г. было само по себе весьма показательным 18. Он обещал изучить проблему в целом и подойти к ней без предубеждений. В январе 1933 г. сенатор Бора, отвечая на многочисленные запросы о политике вновь избранного, но не вступившего еще в должность президента, писал, что, по имеющимся у него сведениям, Рузвельт «серьезно и в позитивном духе обдумывает вопрос о восстановлении дипломатических отношений с СССР» 19. Вскоре выяснилось, что среди ближайших советников Рузвельта сложился консенсус в отношении того, как должно поступить правительство в сложившейся обстановке. Немедленное признание СССР представлялось им как необходимое и обязательное условие более стабильного развития международного положения в целом. Об этом говорили Ф. Франкфуртер, Р. Моли, ставший заместителем государственного секретаря, и др. 20, хотя в марте-апреле 1933 г. ветераны кампании за признание не могли еще с полной уверенностью сказать, когда Рузвельт наконец объявит о своем решении и как оно будет преподнесено. Р. Робинс, например, писал в конце марта 1933 г. в частном послании: «Что касается признания России, то здесь сплошной туман... В этом вопросе необходимы те же мужество и решительность, которые Рузвельт проявил в других делах. Если мы победим, то можно будет считать, что дело сделано после 15 лет волокиты и помешательства на почве охоты на ведьм в нашей дипломатической практике» 21.

Одно было очевидно: подтверждения доктрины непризнания, о которой страстно мечтали в определенных кругах, не состоится. Рузвельт двигался медленно, но неуклонно в намеченном им направлении. На первых порах он говорил лишь об изучении настроений различных слоев населения 22, хотя и без того было ясно, что оппозиция признанию (во всяком случае вне стен конгресса и государственного департамента) утратила инициативу. Впрочем, справедливости ради нужно признать, что сопротивление руководства и аппарата внешнеполитического ведомства США процессу нормализации дипломатических отношений между двумя странами на бюрократическом уровне было достаточно серьезным 23, чтобы не принимать его в расчет. Сознвая это, президент решил держать под своим личным контролем весь ход подготовки переговоров с Советским Союзом, не передоверяя его «русским специалистам» в госдепе.

После обмена посланиями с М.И. Калининым 10 и 17 октября 1933 г., в которых выражалось обоюдное желание правительств США и СССР покончить с фактом отсутствия нормальных отношений между двумя странами, Рузвельт принял в Белом доме Раймонда Робинса, возвратившегося из СССР, где он находился около двух месяцев 24. Во многих отношениях это была важная встреча и важный признак. Как писал Робинс сенатору Бора, он информировал президента об итогах своей поездки в СССР и о последующем, накануне приезда в Вашингтон, турне по штатам Среднего Запада и Новой Англии, в ходе которого он не только ознакомил широкую аудиторию с «достижениями Советского Союза», но и перепроверил свою оценку настроений различных слоев населения по поводу нормализации отношений между двумя странами. Мнение Робинса было однозначным: «В последние шесть месяцев в общественном мнении по вопросу о признании произошли огромные изменения» 25. С уверенностью можно сказать, что в разговоре с Рузвельтом Робинс затронул и главную

для него тему – об угрозе войны, а также вопрос о совместных действиях США и СССР в пользу всеобщего мира после восстановления отношений 26.

В письмах сенатору Бора Робинс с удовлетворением отмечал, что он нашел Рузвельта исключительно отзывчивым. «Когда я беседовал с президентом, – писал Робинс, – он слушал меня с большим интересом. Его подход к вопросу характеризуется гибкостью и настолько отличается от подхода его предшественников, насколько это только можно вообразить» 27. Робинс не раскрыл более полно существа взглядов Рузвельта на причины, побудившие его пойти на изменение политики США в отношении Советского Союза, но он дважды подчеркнул, что в основу своего подхода новый президент решил положить «реальные факты, а не пропаганду» 28. Впереди всего шло накопление знаний о новой России. Источником их могли быть и Робинс, и побывавшая в СССР и ставшая пропагандистом его достижений Анна Луиза Стронг.

Разнообразные источники, введенные к настоящему времени в научный оборот, многочисленные исследования облегчают выяснение ряда важных моментов касательно приближения к пониманию и понимания Рузвельтом (прежде всего сквозь призму его личного опыта) того, как следует США строить свои отношения с Советским Союзом после длительной полосы отчуждения и почти полного расстройтва всех контактов на правительственном уровне. Что же прежде всего легло в основу выработанного им подхода?

Исходный пункт. Идее лидирующей, мессианской роли США в мировых делах (в стратегическом плане Рузвельт не отступал от нее ни на шаг) не противоречит новый подход к отношениям с СССР, которые, по мнению Рузвельта, следовало строить с учетом всего предшествующего негативного опыта, убеждающего в бесплодности политики непризнания, основанной на тирании догмы и подрыве социализма путем грубого силового давления. Существование советского государства, замещение им места России в качестве великой державы – есть факт объективный, как бы к нему ни относиться. Быстрый подъем его экономики на фоне упадка Запада и реалистический внешнеполитический курс его руководства, избавление его от гремучей риторики подтверждают непригодность прежнего, до предела идеологизированного курса Вашингтона в советско-американских отношениях, требующего пересмотра и оснащения совершенно новым инструментарием – дипломатическим персоналом, каналами связи и т. д.

Следующая посылка вытекала из предыдущей. Усиление революционного брожения и национально-освободительного движения на всех континентах, ослабление международных позиций США, приход Гитлера к власти, растущая угроза со стороны Японии, изменение политической обстановки в самих Соединенных Штатах, подъем рабочего и демократического движения, все увеличивающийся разрыв между представлениями большинства американцев о том, какой должна быть внутренняя и внешняя политика государства в час испытаний, и зашедшей в тупик, застывшей в своем изначальном виде политикой примитивного антисоветизма, наконец, интересы оживления внешней торговли – все это в глазах Рузвельта делало абсолютно неизбежным смещение акцента в отношениях с СССР в сторону активной дипломатии, предусматривающей, в частности, осуществление им личного участия в переналаживании курса в «русском вопросе».

Согласование всех вопросов, связанных с приглашением наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову посетить США, заняло не слишком много времени. Сюрпризом для прессы стало уверенное заявление М.М. Литвинова на пресс-конференции по дороге в Вашингтон, что сами переговоры с президентом США займут «не более получаса», а «возможно, и меньше времени», хотя в Москве хорошо знали, что американская сторона готовится предъявить серьезный «счет» в обмен на согласие восстановить дипломатические отношения в полном объеме. Крупный капитал заявлял, что он не примет «сюрприза» от «этого человека в Белом доме» без серьезных уступок. На первом месте стояли денежные претензии по аннулированным СССР займам и национализированной собственности, вопросы о «пропаганде» (речь шла о пропагандистской деятельности Коминтерна) и о положении религии в СССР. Однако тот факт, что именно сам Рузвельт, используя сначала

секретный канал, выступил с инициативой переговоров о возобновлении дипломатических отношений между двумя странами, говорил сам за себя: президент пригласил наркомкоммуниста не ради публичных споров с ледяным финалом, а с тем, чтобы договориться во что бы то ни стало. Чиновники госдепартамента во главе с заведующим «русским столом» госдепа Р. Келли, подготовившие объемистый меморандум с претензиями к СССР, об этом, похоже, не догадывались.

Две страны (об этом знали и в Белом доме и в Кремле) были нужны друг другу. Глубокое убеждение в этом сделало Литвинова вроде бы не в меру самоуверенным, а президента Рузвельта при первой же встрече 7 ноября 1933 г. в присутствии госсекретаря К. Хэлла и супруги Элеоноры Рузвельт не только приветливым, но и многозначительно комплиментарным по отношению к собеседнику, чья биография вызывала тогда одно лишь неприятие в вашингтонском истеблишменте. Неизменно в ходе последовавших вслед за тем переговоров в ответ на попытки Хэлла вести их в плоскости претензий и морально-правовой проблематики, явно имевшей тупиковую перспективу, Рузвельт возвращал их на политическую почву, поправляя своих советников и беря на себя риск принятия непопулярных решений. В последний день переговоров 16 ноября состоялось окончательное согласование и подписание важнейших документов. Ни разу до этого дня Рузвельт не пытался угрожать срывом переговоров и ни разу не коснулся вопроса о нелегитимности советской системы – любимого конька оппозиции.

Рузвельт и Литвинов обменялись нотами об установлении дипломатических отношений, урегулировали и все остальные вопросы – о невмешательстве во внутренние дела друг друга, о праве беспрепятственного осуществления американскими гражданами свободы отправления религиозных обрядов, о правовой защите американских граждан на территории СССР, преследуемых по судебным делам. Ни один из подписанных ими документов не ущемлял интересы сторон и не вынуждал их считать себя в проигрыше. Стороны решили ничего не говорить о Коминтерне, даже не упоминать о нем, в документе же по судебным делам было заявлено об отказе советского правительства от любых претензий, «вытекающих из деятельности вооруженных сил Соединенных Штатов в Сибири» после 1 января 1918 г. Особенно плодотворной была заключительная беседа Рузвельта и Литвинова 17 ноября. В ходе ее они обсудили тихоокеанские проблемы в связи с угрозой расширения японской агрессии. Взгляды участников беседы как будто бы фактически совпали, они оба видели источник военной опасности в агрессивности Германии и Японии.

Рузвельту явно импонировал его собеседник, который удивлял своей неожиданной интеллигентностью, эрудицией, чувством юмора и гибкостью. Рузвельт же приятно очаровал Литвинова своей чуткостью к внутренней сути происходящего за фасадом идеологических декораций, способностью видеть события и процессы в реальном свете, неистощимым терпением в поисках взаимоприемлемых решений и самокритичностью в оценке обоюдных претензий и пропагандистских штампов, искусственно поддерживавших высокий уровень недоверия между двумя странами. Литвинову не удалось реализовать план Москвы, предусматривающий предваряющее решение всех вопросов дипломатическое признание СССР Соединенными Штатами, но он добился равноценного результата – положительные итоги по всем пунктам повестки дня были зафиксированы одновременно. Рассмотрение вопросов по долгам было отнесено на более дальний срок. Свое личное участие в переговорах с советским наркомом, вылившееся в многочасовые закрытые беседы без протоколов и официальных записей, Рузвельт рассматривал заранее в качестве залога успеха 29.

Особая или во всяком случае отличная от всей предшествующей дипломатической практики США тактическая линия Рузвельта нашла свое проявление уже в первые дни пребывания М.М. Литвинова в Вашингтоне 7–16 ноября 1933 г. именно в ходе переговоров о дореволюционных долгах, когда президент начал с вынужденного признания законности советских контрпретензий в связи с ущербом, нанесенным Советской стране американско-

японской интервенцией. Запись М.М. Литвинова о беседе с Рузвельтом 8 ноября 1933 г. гласит: «Он (Рузвельт. – В.М.) соглашался со мной, что необходимо избегать требований, охарактеризованных мною как вмешательство в наши внутренние дела, признал, что сам всегда сомневался в моральном праве Америки на получение царских долгов и что интервенция в Архангельске ничем не оправдывается» 30. Обращает на себя внимание также высказанное самим Рузвельтом желание разговаривать с Литвиновым с глазу на глаз, без формальностей, чтобы иметь возможность, как выразился президент, «поругаться немного» 31. Он отклонил настойчивые напоминания госдепартамента о выдвигании неких предварительных условий для переговоров, пообещав взамен всем скептикам и критикам проявлять «твердость и непреклонность» 32. И то, и другое в конечном счете воплотилось в обмене теплым рукопожатием и пожеланиями успехов.

Важным мотивом дипломатической Каноссы (именно так именовали противники Рузвельта контакты с Москвой) было стремление администрации Ф. Рузвельта к расширению экономических связей с Советским Союзом. Президент часто сам говорил об этом как о главном доводе в пользу признания. Но по-настоящему президент был озабочен тревожно складывающейся ситуацией на Дальнем Востоке и в Центральной Европе, усилением конкурентной борьбы за источники сырья и сферы влияния, ведущей к умножению числа международных кризисов и к военным конфликтам. Их исход для экономических и военно-стратегических позиций Америки заранее невозможно было предугадать 33. Вот почему вопрос о привлечении СССР в качестве потенциального союзника в случае обострения американо-германских и американо-японских противоречий приобретал для Рузвельта весьма важное практическое значение. Вместе с тем признание СССР и зондаж его позиций на случай возможных осложнений с Германией и Японией продемонстрировали желание президента использовать выгоды геополитического положения США. Для этого в ожидании благоприятного шанса он намерен был предоставить событиям развиваться своим чередом 34.

Депеши Буллита, первого посла США в Москве после восстановления отношений, служат еще одним подтверждением того, что внимание Рузвельта в процессе обдумывания им политики своей страны в «русском вопросе» в год признания фокусировалось на следующих ее аспектах: Дальний Восток и возможность использования СССР в качестве противовеса Японии; советский фактор в европейской политике США в свете прихода Гитлера к власти и роста угрозы фашистской агрессии; достижение верховенства США в рамках усовершенствованного мирохозяйственного порядка, базирующегося на вильсоновской геополитической идее «американского лидерства» 35, но учитывающего новые слагаемые объективной обстановки в мире и, в частности, стремительное возрастание роли СССР в европейских делах.

Встречаясь и расставаясь с М.М. Литвиновым, Рузвельт много рассуждал об обоюдной заинтересованности обеих стран в мире и о значении нормализации отношений между ними для совместной работы их правительств в пользу мира. В телеграмме М.М. Литвинова в Москву 8 ноября 1933 г. отмечалось, что главной темой его первой беседы с Рузвельтом были вопросы мировой политики. 17 ноября 1933 г. заключительную беседу с Литвиновым Рузвельт вновь начал с краткого обзора международного положения, подчеркнув, что «Америка и СССР, не нуждающиеся ни в каких территориальных завоеваниях, должны стать во главе движения за мир...» 36 С тревогой он говорил о нацизме и о японских территориальных притязаниях. Президент в позитивном духе затронул вопрос о Тихоокеанском пакте о ненападении между США, СССР, Японией и Китаем 37. В письме отъезжающему из США М.М. Литвинову президент вновь поднял тему мира. «Сотрудничество между нашими Правительствами, – говорилось в нем, – в великом деле сохранения мира должно быть краеугольным камнем длительной дружбы» 38.

Токсины «холодной неопределенности»

Переговоры М.М. Литвинова с Ф. Рузвельтом в Вашингтоне в ноябре 1933 г. и достигнутая в ходе их договоренность о нормализации дипломатических отношений между двумя странами создавали хорошую основу для сотрудничества между ними в интересах народов обеих стран и для защиты всеобщего мира. В целой серии важных документов, подписанных во время встречи, были воплощены принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем. В нотах, которыми обменялись стороны, заявлялось, что СССР и США обязывались уважать суверенитет обоих государств, «воздерживаться от вмешательства каким-либо образом во внутренние дела» друг друга, не поощрять вооруженную интервенцию друг против друга, а также агитацию и пропаганду в целях нарушения территориальной целостности государства или изменения силой его политического и государственного строя 39.

В целом был взят хороший старт. С американской стороны он был обеспечен личным участием Рузвельта, довольно бесцеремонно отстранившего русских экспертов госдепартамента (которым у него были все основания не доверять) от подготовки всех важнейших документов. Ни один из них не мог претендовать, как считал президент, на место посла США в Москве. Отклонив вместе с тем советы поручить эту миссию кому-нибудь из давних публичных сторонников советско-американского сближения, Рузвельт остановил свой выбор на приближенном к себе профессиональном дипломате У. Буллите, помогавшем ему вместе с Г. Моргентау в установлении контактов с советским руководством. Болезненно самолюбивый, склонный к интриганству и авантюризму, давно мечтавший сделать головокружительную карьеру на дипломатическом поприще, Буллит приехал в Москву с надеждой реанимировать проект переустройства революционной России по американской модели, с которым он появился еще весной 1919 г. в Кремле у Ленина. Америка с ее экономическим, технологическим и культурным потенциалом как буксир должна была взять на прицеп Россию и вытащить ее из тисков отсталости и идеологических пут с тем, чтобы создать на евразийском пространстве анклав демократии по «чертежам» американских инженеров. Буллит горячо принялся за дело, начав с пополнения кадрового состава первого американского посольства в СССР, прежде всего из числа верящих в эту идею преобразования России юных профессионалов – воспитанников «школы Р. Келли», давно приученных служить по правилам «Рижской аксиомы» – вести сбор военной и политической информации. Молодые энтузиасты очень скоро обнаружили, что их ждет горькое разочарование.

В закованной в броню подозрительности, суровой атмосфере Москвы посол вскоре превратился в желчного, обиженного в своих лучших намерениях наставника нецивилизованных аборигенов. После же того, как Буллит оставил в 1936 г. свой пост в Москве, он усердно насаждал в столицах европейских государств и в Вашингтоне недоверие к СССР, приписывая ему самые коварные замыслы 40. Однако это случилось уже после того, как советская действительность стала для Буллита постоянным раздражителем и источником советофобии. Что же касается ответственности за срыв мирных усилий и неудачу политики коллективной безопасности в Европе, то Буллит не хуже (а может быть, и лучше) других знал, на ком действительно лежит вина. Не только знал, но и одно время призывал к трезвой оценке реальных фактов. Чтобы показать это, обратимся к документам.

Приехав в декабре 1933 г. в Москву, Буллит вынужден был признать несостоятельной расхожую на Западе версию о злокозненных мотивах поведения Советского Союза на международной арене и о неискренности его намерений достигнуть договоренности с Англией, Францией и США о совместном отпоре растущей военной опасности со стороны Германии и Японии. Буллит отверг тогда как необоснованное ходячее мнение в вашингтонских кругах о том, что деловые контакты с Советским Союзом невозможны, поскольку им мешает якобы неподходящий политический климат этой страны и чинимые властями искусственные препятствия. Подлинную причину затруднений он обнаружил в другом, а именно в специфическом понимании своей миссии частью сформированного госдепом персонала американского посольства в Москве, к его приезду уже прочно

обосновавшегося там. Шпионаж, организация разного рода сомнительных политических акций – вот чем, по словам самого Буллита, были озабочены работники американского посольства, забывая о своем истинном назначении. Что же можно было ждать в ответ, резонно спрашивал тогда Буллит в своем послании Рузвельту 1 января 1934 г. и резюмировал: «Если бы мы направили (в Москву. – *В.М.*) представителей, абсолютно соответствующих их статусу при советском правительстве, не занимающихся шпионажем и разного рода грязными трюками, то в этом случае мы могли бы установить такие отношения, которые, возможно, окажутся очень полезными в будущем» 41. Поначалу Буллит строго придерживался инструкций Рузвельта, с которым у него имелся особый канал связи.

В своем послании президенту он специально подчеркнул, что такой «подковерный» настрой был присущ всему дипломатическому корпусу, аккредитованному в Москве. Буллит сообщал: «Личностные или интеллектуальные контакты между советским руководством и дипломатами (западных стран. – *В.М.*) практически не существуют. Отчасти это объясняется склонностью иностранных дипломатов рассматривать себя в качестве шпионов во вражеской стране...» 42 Красноречивое признание со стороны дипломата, который не только превосходно знал о заинтересованности советского правительства в улучшении отношений между СССР, с одной стороны, и Францией, Англией и США – с другой, но и был способен (во всяком случае в ту пору) трезво судить о том, что же в действительности мешает укреплению доверия и налаживанию взаимопонимания. Недели раньше, 21 декабря Буллит имел беседу с М.М. Литвиновым и ответил «нет» на напоминание о совместном изучении вопроса о Тихоокеанском пакте о ненападении 43. Примечательно, что оба процитированные выше места из депеши Буллита от 1 января 1934 г. опущены как в официальном издании его переписки с Рузвельтом, так и в собрании документов дипломатической службы США 44.

И еще два документа, которых нельзя найти в публикациях, изданных в Соединенных Штатах. Первый – письмо Буллита государственному секретарю от 22 апреля 1934 г. Прошло всего 4 дня после известного заявления японского правительства о плане установления своего контроля над Китаем и вытеснении оттуда Англии, Франции и США. Хотя к этому времени стало очевидно, что непосредственная опасность нападения Японии на Советский Союз миновала, тем не менее уже 22 апреля 1934 г., как сообщал об этом Буллит, М.М. Литвинов в беседе с ним вновь заявил, что политика умиротворения агрессора и отказ от совместных действий против него со стороны правительства США делают шанс на мир на Дальнем Востоке все более проблематичным. Это означало, что Советский Союз предлагал вернуться к идее Тихоокеанского пакта, не считаясь с выгодами, которые как будто бы ему сулил нейтралитет и положение стороннего наблюдателя 45.

В реакции Буллита на это заявление явно проглядывали растерянность и смущение. Он был сторонником следования прежним курсом, т. е. отклонения предложений Советского Союза о пакте в расчете на то, что это развяжет руки Японии в ее отношениях с СССР. Но принципиальная и последовательная (в том числе и в ситуациях, когда интересы Советского Союза непосредственно не были затронуты) позиция СССР даже на него произвела сильное впечатление. В своих депешах Буллит не утаил от президента и К. Хэлла того, что Москва настойчиво ищет тесного сотрудничества с США с целью блокировки японской экспансии в Азии и устранения угрозы миру в Европе. «Мы сталкиваемся с множеством доказательств того, – сообщал он Рузвельту 5 августа 1934 г., – что советское руководство прилагает все усилия, чтобы развивать подлинно дружеские отношения с нами...» 46

В этой ситуации государственный департамент США не считал возможным демонстрировать взаимность. Более того, уже в марте 1934 г. он заострил до предела вопрос о «русских долгах», связав его решение на американских условиях с перспективой дальнейшего улучшения советско-американских отношений во всех остальных областях. А 13 апреля конгресс принял закон Джонсона, запретивший финансовые сделки с иностранными государствами, которые не уплатили США военных долгов. Немедленно по запросу К. Хэлла министр юстиции Каммингс дал разъяснение, заявив, что этот закон распространяется и на Советский Союз 47.

Как же объяснить, что государственный департамент неожиданно согласился вновь вытащить на свет проблему долгов русских дореволюционных правительств, на основании которой Буллит уполномочен был гасить все инициативы Советского Союза, направленные на укрепление и расширение советско-американского сотрудничества в Европе и на Дальнем Востоке? 48 Частично это было данью доктрине «экономического национализма», которой президент какое-то время стал увлекаться после того, как не без его участия лопнули надежды на лондонскую Международную экономическую конференцию. Но главное состояло в другом. Вашингтон по-прежнему стремился подчеркнуть свой «нейтралитет» и нежелание идти на расширение отношений с СССР, что, как полагали в Белом доме, могло бы расширить массовую базу критиков администрации «нового курса» и усилить позиции СССР в ущерб западным демократиям. К тому же в госдепартаменте все еще исходило из того, что Япония в любой момент может напасть на Советский Союз, а это, возможно, втянуло бы и США в вооруженный конфликт.

Но, может быть, в поведении Советского Союза на международной арене произошло нечто такое, что заставило дипломатию США взять обратно сделанные ранее устно и письменно заверения о начале новой эры, эры «взаимопонимания» в отношениях между двумя странами? Факты показывают, что нет. Советское правительство настойчиво призывало все страны, и в первую очередь США, коллективными действиями укрепить международную безопасность. У Рузвельта не было серьезного повода в чем-либо упрекать Советский Союз. По большому счету для Рузвельта проблема долгов не имела большого значения, хотя ее урегулирование и могло принести некоторые моральные выгоды администрации. Из всех пояснений к данному затруднению в отношениях Москвы и Вашингтона в середине 30-х годов, связанных с именем упершегося в стену посла Буллита, самым основательным, как нам кажется, следует считать то, которое дал, отвечая на запрос своего корреспондента, известнейший дипломат и историк Джордж Кеннан. Он вместе с Буллитом появился в Москве в 1934 г., первым запустив механизм посольской работы, включая переписку посольства с госдепом и Белым домом. Он побывал после Второй мировой войны и в должности посла США в СССР. К его словам, хотя они относились к вопросам, к которым прямо не был причастен, следует прислушаться, чтобы понять, чем был для Рузвельта вопрос о долгах. Приведем отрывок из его письма от 15 декабря 1964 г. Жаклин Митан:

«Я не очень осведомлен в вопросе, который Вы поднимаете, поскольку я никогда не встречался с Рузвельтом лично до того момента, когда после признания России прошло несколько лет... Мое предположение состоит в том, что неудача Рузвельта, выразившаяся в его отказе от желания добиваться справедливого урегулирования долгов в качестве предварительного условия признания, была следствием двух причин: первая состояла в том, что он на практике лично не очень был озабочен проблемой долгов, и вторая – это то, что он настолько крепко связал себя признанием России, что провал переговоров с Литвиновым мог бы поразить публику, как первое большое поражение внешней политики «нового курса» вообще. Ясно, что его основным мотивом в ходе всех переговоров с Литвиновым было просто нахождение неких формул, которые бы удовлетворили конгрессменов и общественное мнение... О сути проблемы он был озабочен очень слабо или вообще никак о ней не думал» 49.

По-прежнему, встречаясь с советским послом А. Трояновским и другими советскими дипломатами, Рузвельт непременно затрагивал тему о долгах, но голова его была занята другим, а именно как удержать в поле своего притяжения быстро набирающего авторитет и влияние партнера. Были вещи поважнее материальных взаиморасчетов. Тот же Буллит, затеявший в Москве тяжбу о пресловутых долгах, подтверждал важность и неизменность курса советского руководства на сотрудничество с США. Послание Буллита Хэллу от 2 октября 1934 г. – еще один по-своему красноречивый документ. В нем посол США, очевидно, сам того не желая, засвидетельствовал, что Советский Союз превратился в крупнейший фактор международной стабильности, поборника многих важных мирных

инициатив, способных укрепить безопасность народов, сковать силы агрессоров. Начав с оценки динамики социально-экономического развития СССР, Буллит нашел, что страна добилась значительных успехов в мирном строительстве и в этом смысле располагает всем необходимым для отпора агрессорам. Пропорционально этому возрос и международный авторитет Советского Союза, вселяя в его руководителей уверенность в достижимости создания европейской системы коллективной безопасности, ведущим пропагандистом которой стал М.М. Литвинов. Объективно, как признавал Буллит, оптимизм Москвы был небеспочвенен, хотя трудности, на которые постоянно наталкивалась советская дипломатия, были огромны. Однако своим источником они имели не внутренние причины («единственно, чем действительно озабочены советские руководители, – это возможностью возникновения войны...»), не приписываемое Советскому Союзу стремление играть на разногласиях внутри западных стран, а ту разобщенность, которая существовала между ним и западными державами.

Чем она была вызвана и кто был виновен в ней? На эти вопросы, естественно, Буллит предпочитал не отвечать, но мотивы дипломатических усилий Советского Союза им были изложены довольно-таки обстоятельно и беспристрастно. Стремясь обеспечить благоприятные условия для своего экономического подъема, сообщал он, Советский Союз непосредственную угрозу своей безопасности видит в Германии на западе и Японии на востоке. Заинтересованность СССР в «Восточном Локарно», признавал он далее, «объясняется, конечно же, сознанием этой опасности», а вовсе не эгоистическими расчетами в ущерб всеобщему миру. Буллит резюмировал: «В настоящий момент у русских есть лишь слабые надежды, что они смогут добиться реализации их предложения о создании «Восточного Локарно», но они уверены, что достигнут соглашения с Францией и Чехословакией о взаимной защите от агрессии. Если бы Советский Союз оказался в состоянии добиться такого соглашения с Францией и Чехословакией, его руководители могли бы считать безопасность своей страны в разумных пределах обеспеченной» 50.

Пространное послание Буллита от 2 октября 1934 г., написанное за неделю до убийства гитлеровскими агентами французского премьера Луи Барту, не вошло ни в одно из изданий дипломатических документов США. Случайно ли это? Разумеется, нет. США были против советско-французского сближения. Однако, пока его возможность представлялась им маловероятной, посол США в Москве позволил себе взять нейтральный тон в оценке активной позиции СССР в европейских делах. После же вступления Советского Союза в Лигу Наций и улучшения перспектив на заключение советско-французского пакта о взаимопомощи (в первую очередь благодаря движению французской общественности) 51 Буллит и госдепартамент США меняют свое отношение к идее превращения коммунистического Советского Союза в некую опорную силу международной антифашистской коалиции.

Подогревая подозрительность к СССР и возвращаясь к тезису о «советском экспансионизме», американская дипломатия предприняла настойчивые усилия с целью помешать заключению советско-французского пакта. Находясь в апреле 1935 г. в Париже, У. Буллит поддерживал постоянные контакты с Лавалем, ободрял его в надежде добиться отказа Франции от идеи советско-французского сотрудничества и переориентации ее целиком на мировое соглашение с Германией. В послании Рузвельту от 7 апреля 1935 г. Буллит с удовлетворением отмечал, что Лаваль не сделает Советскому Союзу главной «уступки» – договор не будет предусматривать автоматизма действия обязательств о взаимопомощи 52. Но даже и в этом виде, утверждал Буллит, у США есть основания быть недовольными пактом, поскольку-де он давал односторонние выгоды Советскому Союзу 53.

Горькие стенания Буллита в связи с безвозвратной утратой эпохи, когда Советский Союз находился в абсолютной изоляции и когда над ним висела непосредственная угроза войны против объединенного фронта держав, усиливались по мере нарастания в европейских странах к середине 30-х годов давления левых и коммунистов на властные структуры с намерением подчинить их себе. Планы втягивания СССР в орбиту влияния США были

отложены, надежды увидеть в России торжество либеральной демократии исчезли почти полностью. Заметно разладились контакты американского посольства в Москве с Наркоминделом СССР. Переговоры о долгах зашли в тупик. Посол Буллит расценил это как преднамеренную дискредитацию своей персоны. По его мнению, советский режим сорвал и все другие соглашения с США по «контракту» Рузвельт – Литвинов... Отношения между СССР и США еще более ухудшились, когда в августе 1935 г. американский посол заявил официальный протест советскому правительству по поводу решений VII конгресса Коминтерна, в которых была дана определенная оценка ситуации в США и выносились рекомендации американским коммунистам. Госдепартамент поддержал посла.

Бескомпромиссно начальственный тон, который усвоил Буллит, утрата им чувства перспективы, желание находиться в натянутых отношениях с Кремлем ради показной демонстрации своей независимости, чванливость, совершенно неуместная на посту посла, не устраивали Рузвельта. В отношении вопроса о долгах он понимал, что строить отношения между двумя странами в критической ситуации на такой базе невозможно, тем более что многие очень близкие ему советники, например Джозефус Дэниэлс, считали претензии США несвоевременными и абсурдными 54. В Белом доме все более настороженно относились к советам, которые Буллит и некоторые из его подчиненных давали в своих донесениях и записках, суть которых сводилась к идее замораживания советско-американских отношений и даже доведения их до грани разрыва. Отказ Германии от Локарнских соглашений, оккупация ею Рейнской области весной 1936 г., неудача ряда дипломатических шагов, предпринятых Вашингтоном, и, наконец, рост тревоги внутри страны по поводу, как говорили и писали, «слабой и бесполезной» внешней политики вынудили президента вернуться к обдумыванию «русского вопроса» в контексте европейской безопасности и экспансии фашизма. Сразу же стало ясно – Буллит не может оставаться в Москве. Он перестал устраивать и Кремль и Белый дом, в котором в России видели средство «сдерживания» Германии и не считали, что их следует поменять местами.

25 августа 1936 г. один из активнейших политических сторонников Рузвельта, Джозеф Дэвис, пользующийся заметным влиянием в руководстве Демократической партии, получил через секретаря президента Стива Эрли приглашение срочно прибыть на деловой завтрак к президенту 55. Об этом разговоре Дэвис сделал следующую запись в своем дневнике: «Был на завтраке у президента в Белом доме. Он сказал, что хотел бы получить мое согласие сначала быть послом в России, а затем в Германии... Он хотел бы, чтобы я на посту посла в Москве проанализировал глубоко всю ситуацию прежде всего в плане обороноспособности СССР и т. д., а также их дипломатического курса. После завершения миссии в Москве он хотел бы, чтобы я отправился в Германию в качестве американского посла (на смену У. Додду. – *В. М.*) для выяснения возможности урегулирования всей ситуации путем предоставления немецкому народу жизненного пространства (*living room*) и другими методами, способными предотвратить развязывание Гитлером войны. Он считает, что я могу выяснить, чего хочет Гитлер – войны или мира. Он положительно относится к требованию Германии предоставить ей доступ к источникам сырья» 56. Стало быть, главная часть исследовательской миссии ожидала Дэвиса в Германии после «заезда» к Сталину.

В конце ноября 1936 г. Дэвис принял присягу в качестве нового посла США в Советском Союзе, а 15 декабря состоялась его встреча с заместителем государственного секретаря Самнером Уэллесом. Речь шла уже подробно о тех главных задачах Дэвиса, с которыми Уэллеса ознакомил президент: выяснение возможностей повышения уровня советско-американских отношений; изучение политической и экономической ситуации в Советском Союзе и его военного потенциала; анализ роли СССР в мировых делах и его отношения к угрозе войны со стороны Германии.

Приехав в Москву в январе 1937 г., Дэвис приступил к выполнению этих инструкций, а самостоятельный анализ европейской ситуации, сложившегося соотношения сил, позиции сторон убедили его, что идее коллективной безопасности против агрессивных держав при обязательном и равноправном участии Советского Союза не было альтернативы. Все

остальное – это самообман с самоубийственным исходом для тех, кто планирует заплатить за свою иллюзорную безопасность сделкой с Гитлером, принеся в жертву ему малые государства Европы и восточной ее части до Урала. Но первое, что буквально сразу же поразило Дэвиса, – это масштабы мирного народнохозяйственного строительства и готовность Советского правительства держать двери широко открытыми для дружественного сотрудничества СССР и США 57. Москва не выдвигала никаких предварительных условий, если не считать одного – такое сотрудничество должно строиться на взаимном доверии и быть подчинено интересам сохранения всеобщего мира, а не обеспечения безопасности одних стран за счет других. Уже 16 февраля 1937 г. в беседе с Дэвисом М.М. Литвинов откровенно высказал убеждение, что американская политика нейтралитета, заигрывание Англии и Франции с Германией с целью добиться «восстановления дружественных отношений» с нею на практике только разжигают «параноидальное тщеславие Гитлера». В записи Дэвиса заключительная фраза наркома звучала так: «...Гитлер на марше. Коллективная безопасность – вот та единственная преграда, которая остановит гитлеровский завоевательный «блиц» 58.

Советский Союз в считанные годы продвинулся далеко вперед по пути модернизации, динамичность его развития превосходит все известное ранее. Может быть, именно поэтому, как ни одна другая страна, она нуждается в прочном мире – к такому выводу пришел Дэвис в результате, как он выражался, «тщательного диагноза русской ситуации» после длительной ознакомительной поездки по стране 59. И одновременно с первых дней активных контактов с ведущими европейскими политиками и дипломатами его не покидает сначала ощущение, а затем и глубокое убеждение, что в пассивности и уступчивости Германии со стороны Запада была своя система, свой умысел, подчиненный стремлению оставить СССР без союзников, подтолкнуть агрессию Гитлера на Восток. Так французский посол в Москве Кулондр как о само собой разумеющемся говорил Дэвису, что «сохранить мир в Европе перед лицом гитлеровской агрессии» невозможно, если Запад по-прежнему будет относиться к Советскому Союзу как к второстепенной державе и каждым своим следующим шагом демонстрировать пренебрежительное отношение к его усилиям наладить конструктивные отношения с ними. Кулондр «с отвращением» отозвался об отказе Чемберлена видеть в Советском Союзе равноправного партнера и союзника. И тут же цинично намекнул на допустимость «фатальной ошибки» со стороны Англии и Франции в результате исключения СССР из системы «взаимного обеспечения безопасности» 60. О возможности «сепаратного» соглашения, сговоре Англии и Франции с Германией говорил Дэвису тогда же и лорд Чилстон, английский посол в Москве, констатировавший одновременно «сильнейшую приверженность и преданность России делу мира» 61. Дэвис не удивился, получив выговор от государственного департамента за то, что по собственной инициативе в начале июля 1937 г. посетил Литвинова и японского посла Сигемицу и выразил надежду на мирное урегулирование очередного спровоцированного Японией инцидента на Дальнем Востоке 62.

Осенью 1937 г., после того как в Вашингтоне стали известны захватнические планы Германии в отношении Австрии и Чехословакии, особую остроту приобрел вопрос о позиции Франции. К тому времени французская дипломатия проделала уже большой путь по дороге капитуляции, и, хотя время от времени Париж подтверждал свою верность союзническим обязательствам, эти заверения могли обмануть лишь наивных людей. Франция не хотела и не была готова воевать без согласия Англии выступить на ее стороне. Последнее же представлялось абсолютно невероятным.

В дневнике и переписке Дэвиса с этого момента появляются прямые указания на предательский по отношению к малым странам Европы, и в особенности к Чехословакии, курс Франции и Англии. «Никто здесь не думает, – делает он запись 11 ноября 1937 г., – что Франция будет воевать из-за Чехословакии. Буллит (бывший посол в Москве уже находился в Париже. – *В.М.*) думает именно так, но я боюсь, что он сильно ошибается» 63. Речь Чемберлена на заседании палаты общин, состоявшемся 21–22 февраля 1938 г., подтвердила его худшие опасения: фашистский блок одержал важнейшую психологическую победу,

отступление Англии и Франции приобретало панический, беспорядочный характер. «В создавшейся ситуации, – писал он Сэмнеру Уэллесу 1 марта 1938 г., – усилия Чемберлена по умиротворению Муссолини и Гитлера выглядят как триумф фашистского мира» 64. Вполне надежные источники информации подводили Дэвиса к однозначному выводу: судьба малых стран Европы (в первую очередь Австрии и Чехословакии) предрешена, а над Советским Союзом нависла угроза дипломатической изоляции. «...Несмотря на готовность России присоединиться к Франции и Англии в борьбе против Гитлера, – сообщил он, ссылаясь на эти источники, сенатору Питтмэну, председателю сенатской комиссии по иностранным делам, – ей будет в этом отказано Западом. А в конечном итоге и Англии и России будет противостоять Европа, в которой будет господствовать Гитлер» 65.

30 марта 1938 г. Дэвис имел еще одну беседу с лордом Чилстоном. Ей предшествовали отказ Запада откликнуться на призыв СССР оказать поддержку республиканской Испании, провал Брюссельской конференции, отречение Франции от советско-французского пакта 66, миссия лорда Галифакса, министра иностранных дел Англии, в Берлин и аншлюс Австрии. Каким же в свете этих событий и общих перспектив антисоветского курса Лондона и Парижа виделось послам будущее Европы? Запись Дэвиса гласит: «Состоялся продолжительный разговор с лордом Чилстоном, английским послом, по вопросу о том, что произойдет, если Чемберлену не удастся стабилизировать европейскую ситуацию.

В случае если Англия своей враждебностью оттолкнет Советы и вынудит их занять позицию невмешательства, дабы сохранить мир для своего народа, это обернется для нее самым большим поражением. Будет настоящим бедствием, если английское дружелюбие к Гитлеру приведет к такому исходу. Чилстон полагает, что если Лига Наций будет обессилена, то Европу ожидает либо мир на фашистский манер, либо мир на основе баланса сил; по его убеждению, только союз Лондона, Парижа и Москвы мог бы противостоять «оси» Рим – Берлин. Без России Франция и Англия, очень возможно, вынуждены будут подчиниться Гитлеру и Муссолини. Он предложил, чтобы я вместе с ним обсудил эти проблемы в британском министерстве иностранных дел. Если бы я только мог!

Я чувствую, что он вне себя в связи с позицией своего министерства иностранных дел по этому вопросу. Чилстон, я уверен, настроен точно так же, как и я... Англичане идут сейчас на огромный риск, своим «ухаживанием» за Гитлером отрезая себя от помощи России тогда, когда в ней возникнет необходимость. Англия потеряет Россию, если не изменит свою тактику» 67.

Временами в посланиях Дэвиса, адресованных президенту и государственному секретарю, в его частной переписке сквозили нотки отчаяния: воз европейской политики катился в пропасть, возницы (все себе на уме) не хотели его остановить, а стоящие на обочине наблюдали за этим смертельным номером, в глубине души понимая, что и им не избежать всеобщей кровавой свалки. В сущности, Дэвис (так же как и Додд) штурмовал небо. Президент, связанный изоляционистскими настроениями в стране, не планировал отдавать команду «Готовность № 1». Сказывалось и его (в духе вильсонизанской традиции) недоверие к европейским политикам, настоявшим в Версале на решениях, подогревших (так считали в Америке) реваншистские настроения и в Германии, и в Италии, да и в некоторых других странах. Некоторые доверенные лица президента с очень разным складом характера дружно поддерживали жар в тлеющих углях еврофобии, приватно высказываясь в пользу англо-франко-германской договоренности о предоставлении Германии «жизненного пространства» в Средней Европе, а также колоний. Широко обсуждали тему аншлюса. В такие тона, например, были окрашены все суждения А. Бирла конца 1937 – начала 1938 г. Чуть позднее Бирл, занявший по просьбе Рузвельта ключевые позиции в государственном департаменте, в специальном меморандуме президенту изображал уже Гитлера спасителем Европы от нашествия славянства, предлагая считать фюрера, возможно, «единственным орудием, способным восстановить расу и экономическую целостность, которым суждено выжить и создать некий баланс в Европе» 68.

Не менее серьезной причиной прохладного приема инициатив Дэвиса было

недоброжелательное, критическое отношение в Вашингтоне к его романтическому восприятию советской действительности. В стране проявилась негативная реакция на сталинизм, отождествляемый с настоящим Термидором, особенно в связи с политикой жесточайших репрессий, затронувших все слои советского общества. Они вызывали возмущение, гнев, недоумение и тревогу: страна массового энтузиазма превращалась в страну массового психоза, шпиономании и перекрестной слежки. Доверие к ней (довольно высокое в начале 30-х годов) заметно упало, коль скоро «процессы» и «чистки» выявили проникновение германской, японской и всякой другой иностранной агентуры в самые высокие государственные и общественные структуры, армию, пропагандистский аппарат, науку, дипломатическое ведомство, разведку и контрразведку. Либеральная и просоциалистическая пресса, пользовавшаяся влиянием в демократическом движении, подвергли советское руководство и порядки, царившие в стране, нелицеприятной, порой жесточайшей критике. Влиятельные консервативные издания были полны рассуждений о коварстве и непредсказуемости русских. Оппозиция напомнила Рузвельту о Брест-Литовске и Рапалло, призывая его к бдительности и рекомендуя одновременно «класть яйца в обе корзины». Советы Дэвиса в силу всего этого не могли восприниматься однозначно, сама его персона, окруженная скандальной молвой о неформальных дружественных связях с советскими лидерами, вызывала самые разноречивые, беспокоящие Белый дом толки. Повторялась история с У. Доддом, но с прямо противоположными претензиями, выдвинутыми к обоим.

Не чувствуя поддержки Вашингтона, Дэвис не мог положиться и на своих непосредственных подчиненных – сотрудников американского посольства в Москве: подавляющее большинство из них («птенцы» гнезда Роберта Келли) не разделяли его взглядов. Таким образом, если сохранялась надежда на изменение позиции администрации, то к этому вел только один путь – не страшась идти против течения, говорить Белому дому правду о том, чем грозят миру и безопасности самих Соединенных Штатов политика, объективно подталкивающая агрессию Германии и Японии против СССР, политика «умиротворения» агрессора за счет интересов СССР и многих других стран. Дэвис выбирает именно этот путь. В конце концов, разве не к этому его обязывали полученные в Вашингтоне инструкции?

Полоса общеевропейских кризисов после захвата Гитлером Австрии (март 1938 г.), с точки зрения Дэвиса, вплотную придвинула мир и каждую страну в отдельности к той грани, когда нужно было принимать главное ответственное решение, от которого зависело будущее. Дэвису представлялось, что для США оно вытекало из анализа сложившейся политической обстановки в Европе, оценки позиции и военно-промышленного потенциала СССР. Свои выводы он изложил в двух посланиях – 1 апреля (государственному секретарю К. Хэллу) 69 и 4 апреля 1938 г. (секретарю президента Марвину Макинтайру). На втором документе есть пометка: «Просьба познакомить с этим «босса» 70.

Итоговый вывод первого документа выражен был оставшимся верным своей исследовательской миссии Дэвисом в следующих словах: «...я считаю, что международное значение русского фактора будет возрастать – как в политическом, так и в экономическом отношениях» 71. Второй документ представляется особенно важным, поскольку он включал в себя как диагноз возникшей ситуации, так и прогноз на будущее. Дэвис, в частности, писал: «Фашистские державы намереваются изолировать Советский Союз и подвергнуть его карантину, используя жупел коммунистической угрозы... Они заметно преуспели в этом в Европе и во всем мире и продолжают ту же линию. Конечно, это подрывает возможность образования блока Лондон – Париж – Москва в качестве силы, способной поддерживать европейское равновесие. Делая ставку на успех плана Чемберлена (территориальные уступки Гитлеру. – В.М.), европейские демократии подвергают себя огромному риску. Если действия Чемберлена не увенчаются успехом, Европа, за исключением Англии и Советского Союза, окажется во власти фашизма. Плачевным итогом для Англии обернется ее попытка добиться согласия Германии и Италии использовать Средиземноморье в качестве транспортной

артерии в Индию.

Эта попытка изоляции России, по всей видимости, чревата более серьезными последствиями для западных демократий, чем для Советского Союза. Официальные представители Советского правительства дают понять, что они относятся к такому развитию событий хладнокровно, хотя и выражают сожаление по поводу его негативных последствий для дела коллективной безопасности и мира во всем мире. Бесспорно, они твердо уверены в способности их страны защитить себя... Они относятся к Соединенным Штатам более дружелюбно, чем к любой другой стране. Они говорят об этом и практически доказали это. Как руководители Советского Союза, так и народ этой страны испытывают чувство уважения к президенту Рузвельту.

Когда в Европе говорят о том, что существующий в Советском Союзе режим в политическом отношении слаб, а в экономическом – терпит фиаско, то там просто желаемое выдают за действительное. Нет никаких оснований верить всему этому... Таково единодушное мнение самых лучших дипломатических наблюдателей в этой стране... Между тем демократические страны Европы и всего мира, похоже, оказывают поддержку фашистским странам в их попытке изолировать Советский Союз, несмотря на то что он обладает огромным мирным потенциалом... и экономически находится на пути превращения в гигантский фактор международной жизни. По мере того как развиваются события в этом обезумевшем мире, я все больше убеждаюсь, что когда-нибудь демократические страны с восторгом прибегнут к дружбе, мощи и преданности миру, которые Советское правительство в случае возникновения очередного международного кризиса могло бы предложить им».

Мюнхенский сговор и раздел Чехословакии подтвердили худшие опасения Дэвиса, касающиеся не только линии Чемберлен – Даладье, но и позиции США. Его перевод из Москвы, на чем настаивал госдепартамент, но никак не отвечал желаниям самого Дэвиса, в сущности, явился подтверждением всего этого. В конце октября 1938 г., уже находясь в Брюсселе, где он занял свой новый пост посла США в Бельгии (но не в Германии), Дэвис в частном письме оценил Мюнхен как постыдную попытку Англии спастись ценой раздела Европы на сферы влияния с Гитлером и Муссолини. Дэвис не утаил, что позиция Соединенных Штатов также не заслуживает похвалы. «Конечно, – писал он 29 октября 1938 г., – с нашей стороны было бы неприлично критиковать поведение Англии и Франции за провал попыток сохранить статус-кво, ибо мы сами отказались принять на себя свою долю ответственности. Мы не имеем права на критику, поскольку вина лежит и на нас» 72.

Важно отметить, что с самого начала Дэвис отверг главный аргумент тех, кто утверждал, будто западные державы не могут решиться на совместный отпор Гитлеру только потому, что СССР в военном отношении не был готов оказать им реальную помощь в случае, если бы пришлось вступить в войну, скажем, из-за Чехословакии. Еще 10 июля 1937 г. он сообщал М. Макинтайру (секретарю президента): «Враги этой страны недооценивают мощь Красной Армии и силу Советского правительства, и это плохое предзнаменование для мира. Судя по всему, военная партия в Японии именно сейчас проверяет правильность своего предположения о слабости Красной Армии на Востоке» 73. Дэвис имел в виду провокацию японской военщины на Амуре 30 июня 1937 г. и, трезво взвешивая силы сторон, приходил к убеждению, что Советский Союз всегда сумеет постоять за себя. Опровергая распространяемые в неблагоприятных целях в Вашингтоне и европейских столицах слухи о слабости Советского Союза, Дэвис прозорливо писал еще в июне 1937 г.: «Исходя из личных наблюдений, я говорю, что советская индустрия в случае войны удивит Запад» 74.

Хорошо осведомленный о позиции западных держав в период нарастания чехословацкого кризиса, Дэвис в середине сентября 1938 г. информировал Вашингтон о том, что всякая реальная военная помощь Чехословакии со стороны Англии и Франции фактически исключена, какие бы условия Германия ни выдвигала. Показные жесты, отмечал Дэвис, не в счет, они не помешают Гитлеру «утихомирить» руководителей Чехословакии 75, наивно верящих, что Франция будет воевать, если Германия нападет на нее. Напротив, что касается СССР, то Дэвис до последнего момента не сомневался в моральной и фактической

готовности его оказать всю возможную военную помощь Чехословакии. В том же убеждал Рузвельта видный американский аналитик Гамильтон Фиш Армстронг в специальном письме 20 апреля 1939 г. и со ссылкой на Бенеша 76.

Большой интерес в этой связи представляют материалы из фонда Филиппа Феймонвилла, военного атташе США в Москве в 1933–1939 гг. Он был едва ли не единственным сотрудником посольства, к которому Дэвис относился с доверием. Примечательно, что его фонд хранится в бумагах Г. Гопкинса в Библиотеке Ф. Рузвельта в Гайд-Парке. Знающий и авторитетный военный специалист Феймонвилл систематически информировал военное министерство США о боеготовности Красной Армии и достигнутом уровне военно-промышленного потенциала СССР. Он оценивал их очень высоко, как, впрочем, и полковник Огюст-Антуан Палассе, военный атташе Франции в СССР. Приписываемую Советскому правительству неискренность в связи с его заверениями о решимости прийти на помощь Чехословакии Феймонвилл категорически отметал. Еще в середине сентября 1938 г. по этому вопросу им был подготовлен секретный меморандум. Феймонвилл отослал его в Вашингтон 15 сентября, в тот самый день, когда Невилль Чемберлен, английский премьер, прибыл в Берхтесгаден для переговоров с Гитлером о судьбе Чехословакии. Приводим его с небольшими сокращениями 77.

«I. Самые существенные моменты, касающиеся отношения советского военного руководства к кризису в Центральной Европе (на 17 часов 15 сентября 1938 года), представляются следующими.

1. Советское правительство и командование Красной Армии твердо придерживаются взятых на себя ими обязательств по советско-чехословацкому пакту о взаимопомощи и открыто заявляют о своей готовности выполнить их, если Чехословакия подвергнется нападению Германии.

2. Хотя условия соглашения не предусматривают оказания помощи Советским Союзом Чехословакии в случае, если Франция откажется от своих обязательств по франко-чехословацкому пакту, советские военные руководители высказываются в пользу оказания помощи Чехословакии независимо от Франции...

3. Советские военные руководители открыто критикуют политику Англии и, похоже, убеждены, что миссия Ренсимена направлена на то, чтобы создать такое положение, которое облегчило бы отторжение Судетской области от Чехословакии.

4. Весьма вероятно, что в случае нападения на Чехословакию Красная Армия немедленно окажет ей помощь путем посылки авиационных частей, могущих действовать с баз на территории Чехословакии; число предназначенных для этого самолетов, конечно, невозможно точно установить, но предположительно 200 средних бомбардировщиков могут быть использованы для этой цели.

5. Сухопутные силы, направленные из Советского Союза в Чехословакию, могли бы быть готовы к выполнению своей миссии по прошествии нескольких недель после начала военных действий. Считают, что за это время позиция Польши и Румынии станет более ясной, что и даст возможность решить вопрос о том, какое направление следует избрать для прохода советских сухопутных сил в Чехословакию...»

Однако, как справедливо отмечает российский историк Л.В. Поздеева, в Вашингтоне (так же как в Париже и Лондоне) продолжали исходить из малодостоверной информации, основанной на смеси антипатий к СССР и явно заниженных оценок боеготовности Красной Армии 78. В заявлении государственного секретаря Хэлла по поводу мюнхенской конференции, которая, как было сказано, вызвала «всеобщее чувство облегчения» 79, сквозила явная недооценка советского фактора. Дэвис подошел к случившемуся с противоположной стороны, увидев в нем решающий шаг к войне. «Все очень плохо, – писал он 7 октября 1938 г. пресс-секретарю Белого дома Стиву Эрли. – Мюнхен, по всем данным, мог быть предотвращен... если бы Англия, Франция и Россия создали Западный и

Восточный оборонительный военный союз против «оси» Берлин – Рим» 80. Он ничего не сказал о США, полагая, что в Вашингтоне и сами придут к правильным выводам.

Всем, кто, подобно Дэвису и Додду, возлагали надежды на перемены во внешнеполитическом курсе США после Мюнхена в сторону улучшения советско-американских отношений, пришлось испытать разочарование. Суть этих отношений довольно точно была определена американской печатью как состояние «холодной неопределенности» 81. М.М. Литвинов отмечал, что подходу администрации США были свойственны пассивность и нежелание добиваться надлежащего политического эффекта, который мог бы оказать положительное влияние на общую обстановку в мире 82. Фактическим подтверждением этой линии были выступление Рузвельта 4 января 1939 г. и его заявление на пресс-конференции в начале февраля 1939 г. Суть их может быть выражена следующим образом: внешняя политика США остается неизменной и не будет изменена в будущем. США останутся вне войны 83, хотя и не будут уклоняться от поисков способов противодействия агрессии. Рузвельт, говоря о ее жертвах, выделил «братские страны», что могло быть истолковано как сознательное умаление всякого значения советского фактора. Вашингтон продолжал активно поддерживать контакты с Гитлером и Муссолини, оставив без внимания Сталина. Все это напоминало открытый бойкот.

Захват Чехословакии Германией 15 марта 1939 г. и утверждение диктатуры Франко в Испании не изменили существенно эту политику. Скрытый упрек в бездеятельности Белому дому пришлось выслушать от своего посла в Бельгии. Джозеф Дэвис писал Стиву Эрли 29 марта 1939 г.: «Отсюда все выглядит в самых мрачных тонах. Английские и французские представители сейчас находятся в Москве с целью проведения переговоров с советскими руководителями (речь шла о миссии министра внешней торговли Англии Хадсона. – В.М.). Они пытаются заставить Россию согласиться с предложенной ими «общей декларацией». Но Москва настаивает на подкреплении этой декларации заключением конкретной военной конвенции трех держав, гарантирующей, что ей не придется сражаться с Гитлером в одиночку. Чемберлен продемонстрировал свои гениальные способности выжидать вплоть до того момента, пока «процессия не прошла мимо». В этих идущих переговорах он почти упустил шанс договориться, а это значит, что все пойдет прахом, если им не удастся убедить Россию в том, что она не останется в изоляции. Если бы они два года назад встали на тот путь, которым идут сейчас, Чехословакия не исчезла бы с политической карты Европы» 84.

Это новое напоминание об «оборонительном союзе» западных держав и СССР затрагивало и вопрос об отношении к нему США. Но Дэвис из «деликатности» обошел его. Что понапрасну было лить слезы? Дэвис понимал, что доверие Москвы к Западу уже было подорвано до основания. Додд, уже не чувствуя себя связанным служебными обязательствами, писал о том же, не прибегая к умолчаниям. «Я страшно удручен, – писал он в тот же самый день 29 марта 1939 г. послу республиканской Испании в Вашингтоне Фернандо де лос Риосу, – что ваша демократическая страна (Испания. – В.М.) станет союзником Гитлера и Муссолини (речь шла о возможном присоединении франкистской Испании к странам «оси». – В.М.). Но в условиях, когда Англия, Франция и *наша страна* (подчеркнуто мною. – В.М.) придерживались нейтралитета, едва ли была хоть малейшая надежда для вашей страны устоять» 85.

В исторической литературе часто приходится встречать утверждения, будто после захвата Чехословакии гитлеровцами госдепартамент и Белый дом обрели твердость, а их неприязнь к Гитлеру достигла «точки кипения» 86. Увы, если бы все было так, в Вашингтоне, наверное, нашли бы способ доказать это на деле путем хотя бы изменения тона в отношении СССР или другими способами. Не случайно временный поверенный в делах СССР в США в телеграмме от 21 марта 1939 г. сообщал в Москву, что в столице США «иллюзии о «походе на Украину» изживаются туго» и что там «сквозит немало надежд на то, что центр тяжести удастся перенести на гарантирование нами (безопасности. – В.М.) Румынии» 87. Это важное наблюдение советского дипломата приоткрывает завесу над скрытой психологической интригой, которой были заняты дипломатические ведомства

Лондона, Парижа и Вашингтона и суть которой выражалась в отгадывании направления агрессии нацистов после Мюнхена, оккупации Праги и захвата Мемеля. Предпочтительность восточного направления, удара по СССР через Прибалтику, Чехословакию, Румынию и Польшу делало в глазах западных дипломатов неразумным оживление контактов с Москвой. Открытый последнее время доступ к дипломатическим архивам дает возможность определить характер той паузы, которая наступила в отношениях СССР с демократиями Запада как спланированное действие с заданной программой.

В начале марта 1939 г. после длительного перерыва был назначен новый посол в Москву (Л. Штейнгардт). Но он без видимых причин не торопился с отъездом в Советский Союз, где всеми делами посольства занимался временный поверенный А. Керк. Белый дом, по-видимому, нисколько не тяготила эта затянувшаяся неопределенность. Вопреки утверждениям о том, что дипломатия США стремилась использовать все возможности для расширения контактов с советским правительством с целью оказания положительного влияния на проходившие в Москве переговоры, никаких серьезных действий не предпринималось. Допустимо предположение, что виною тому была Москва, ее антизападничество или желание подороже продать свои «акции». При ближайшем рассмотрении выясняется, однако, что никакой вины Советского Союза здесь не было, как не было и попыток со стороны США содействовать успеху самих переговоров (начиная с приезда Хадсона в Москву 23 марта) путем вмешательства в события в интересах положительного их исхода.

Материалы архивов, контент-анализ американской печати весны 1939 года подсказывают ответы на вопрос, в чем лежал корень несовпадения взглядов Москвы и Вашингтона на развитие европейского кризиса в фазе его наивысшего обострения. Как это ни парадоксально, – все дело было в одинаковой трактовке реальной угрозы второго (и, может быть, еще более грандиозного) Мюнхена. Прогнозируя отставку М.М. Литвинова и переход «ввергнутого в хаос» СССР к тактике «вооруженного нейтралитета», хорошо информированная «Нью-Йорк таймс» с явным подтекстом писала в конце марта – начале апреля 1939 г. об обреченности Литвы и других малых стран Восточной Европы и колеблющейся линии Англии, несмотря на предоставление ею гарантий Польше 88. В экспромте Чемберлена увидели даже отчаянную попытку вернуть Гитлера за стол переговоров с последующим выторговыванием мира за счет новых территориальных уступок. В Москве читали американские газеты и могли судить о том, как низко оценивалась Соединенными Штатами возможность англо-франко-советского альянса с присоединением к нему Америки. Уолтер Дюранти в корреспонденциях из Москвы открыто писал о растущих сомнениях Кремля в искренности желания Лондона и Парижа пойти на сближение с ним и о стремлении Советского Союза самому позаботиться о собственной безопасности.

Во многих работах российских и зарубежных исследователей убедительно раскрыта эта тема 89. В частности, в них показано, что ни Англия, ни Франция не были заинтересованы в дипломатическом прорыве в Москве, ведя наряду с контактами с советскими представителями примерно на том же уровне зондаж позиции Германии. Что менее известно (или вообще неизвестно), так это пристальное внимание к ним со стороны США и определенная зависимость их внешнеполитического курса от затягивания переговоров о масштабном с взаимными обязательствами сторон антигерманском пакте западных демократий и СССР.

Известный специалист по России, с авторитетным мнением которого в госдепартаменте очень считались, профессор Чикагского университета Самуэл Харпер после своего посещения Европы и Советского Союза в мае – июне 1939 г. в пространном отчете совершенно определенным образом выразил эту зависимость и обусловленную отчасти ею реакцию Кремля. Приводим фрагменты из заключительной части отчета: «Я уже выражал свой скептицизм относительно возможности подписания англо-франко-советского пакта. Москва не подпишет его, пока он не будет удовлетворять выдвинутым ею условиям. А эти условия выглядят вполне обоснованными, если видеть в таком пакте эффективную

программу, способную остановить дальнейшую агрессию... Принимая во внимание отношение Чемберлена и Боннэ к советскому правительству, от последнего трудно ожидать полного доверия к этим двум политикам... Каждому, кто следит за англо-франко-советскими переговорами, ясно, что они имеют определенное отношение и к Америке, а американская политика, в свою очередь, испытывает, по всей видимости, влияние идущих переговоров и в особенности их затяжки... Возможно, это не более чем предположение, но мне кажется, что отказ Америки осуществить в позитивном духе путем изменения законодательства о нейтралитете ту внешнеполитическую концепцию, которая как будто бы была сформулирована в апрельских посланиях Рузвельта, заставил советских участников переговоров занять более осторожную позицию в деле подписания заключительного пакта с Англией и Францией... В конечном счете Советский Союз и Америка испытывают в определенной мере одинаковые сомнения по поводу того, искренне ли ведут дело Чемберлен и Боннэ» 90.

Силы взаимного отталкивания возникали как бы сами по себе, помимо желания одной и другой стороны. В Москве после оккупации немцами Чехословакии (к образованию которой США имели прямое отношение) и Мемеля считали, что Запад смирился и с новым «исправлением» границ и поглощением Прибалтики нацистами. По сути дела, так оно и было. В дипломатических ведомствах прогнозировали именно такое развитие событий. Тень «второго Мюнхена» приобрела вполне реальные очертания. Не в этой ли плоскости лежит объяснение, почему в Вашингтоне так спокойно прореагировали на письмо временного поверенного в делах США во Франции Э. Вильсона от 24 июня 1939 г. 91 и на информацию У. Буллита, приехавшего в США в начале июля и высказавшего столь же категорично убеждение, что Польшу в ближайшем будущем ждет участь Чехословакии 92. Даже Буллит начинал опасаться, что этот курс, к осуществлению которого он сам приложил руку, из-за неизменной позиции Англии и Франции принесет в конечном счете нежелательные результаты. Прозревший Буллит пытался «расшевелить» президента, побудить его к более активным действиям.

Но все было напрасно. И лишь тогда, когда в Вашингтоне благодаря информаторам, работавшим в германском посольстве в Москве, стало известно, что Берлин и Москва тайно планируют блицоперацию по подписанию пакта о ненападении, там принято было решение вмешаться и побудить советских лидеров одуматься и с полным доверием отнестись на этот раз к дружественным жестам со стороны Лондона и Парижа.

Вслед за тем последовала череда мелких шагов к сближению. Государственный секретарь Корделл Хэлл удивил сменившего А. Трояновского нового полпреда СССР К. Уманского заявлением об особой заинтересованности США в расширении торговли с СССР «как по политическим соображениям, так и ввиду общности миролюбивой политики». Вслед за тем временный поверенный в делах США в Москве С. Грамон посетил замнаркома иностранных дел СССР Потемкина и поставил вопрос о возобновлении торгового соглашения, заключенного двумя странами в 1937 г. В беседах с Уманским 6 и 30 июня 1939 г. Рузвельт критиковал Лондон и Париж за «старомодную дипломатическую возню» и убеждал его, что «пути к дальнейшему «умиротворению» для Англии отрезаны» 93. Неясно, имел ли в виду президент вероятность нажима на Чемберлена со стороны Вашингтона или эта фраза появилась в телеграмме Уманского безо всякой связи с существом разговора в Белом доме, тем более что в секретном письме Самнера Уэллеса, посланном со специальным курьером через Париж послу США в Москве (в нем заместитель госсекретаря по поручению президента информировал Штейнгардта о беседе с Уманским), всякое упоминание об отношении Рузвельта к политике «умиротворения» вообще отсутствовало 94. Само же письмо Уэллеса Штейнгардту ушло в Париж 4 августа 1939 г. и было отослано диппочтой У. Буллитом Л. Штейнгардту в Москву только 12 августа 1939 г., в день открытия англо-франко-советских переговоров 95.

Штейнгардт смог встретиться с народным комиссаром иностранных дел СССР Молотовым только 16 августа 1939 г. Наверняка Молотов рассчитывал услышать нечто

важное, но посол, следуя инструкции президента, усиленно нажимал на то, что переговоры следует продолжать, хотя Соединенные Штаты «не в состоянии принять на себя ответственности или дать уверения относительно шагов, которые намерены предпринять Англия и Франция в связи с переговорами с СССР» 96. Таким образом, в тоне дружеского внушения СССР подталкивали к лобовому столкновению с Германией, не беря (вновь и вновь) на себя никаких конкретных обязательств и убеждая поверить на слово в кардинальном изменении позиции Англии и Франции. Если к тому моменту принципиальное решение Сталин и его сподвижники уже приняли, то эта беседа со Штейнгардтом, ни к чему, в сущности, не обязывающая, могла только убедить Сталина в правильности его решения.

Даже тот, кто хотел бы видеть в позиции США в связи с московской драмой августа 1939 г. высокий образец бескорыстия и благородства, не сможет никогда доказать, что правительство великой державы, сталкивающееся с повышенными рисками на Востоке и на Западе и испытывавшее особую озабоченность о безопасности своей страны (в том числе и в связи с внутренними проблемами), могло легкомысленно позволить заманить себя в опаснейшую дипломатическую ловушку. Менее всего это было похоже на Сталина и его образ поведения. Запад проявил nepозволительную недооценку этого фактора. Стремясь переложить всю вину за развязывание Второй мировой войны с мюнхенцев на Советский Союз, некоторые историки внешней политики США приписывают ей созидательную роль заинтересованного посредника, озабоченного только одним – как расчистить путь к коалиции антифашистских стран. С этим трудно согласиться. Сам Франклин Рузвельт в откровенной беседе с Джозефом Дэвисом в октябре 1942 г. признал, что его страна в предшествующее войне десятилетие «не была готова ни к осознанию возникшей угрозы, ни к признанию выпавшей на ее долю ответственности» 97. Можно сослаться и на то, что Гарри Гопкинс в беседе с де Голлем 27 января 1945 г. выразил принципиальное согласие с последним, когда председатель временного правительства Французской республики сказал, что США фактически самоустранились от дела обеспечения европейской безопасности вплоть до поражения Франции 98.

Однако менее всего российские историки могут позволить себе резонерствовать по поводу нерасторопности руководителей внешней политики США в наведении мостов со сталинским Советским Союзом в кризисные предвоенные годы. Причины существовавших в этом деле трудностей и препятствий были многообразны. В Америке, например, остро реагировали на нагнетание (особенно в связи с процессами 30-х годов) настроений антизападничества в советском обществе, постоянное напоминание советскими лидерами о классовом характере международных отношений, подготовке мировой революции с назначенными сроками. Для традиционно американского мышления был непонятен элитарный характер советской внешней политики, в которой нация не принимала никакого участия. Дехристианизация духовной жизни в России, антирелигиозные походы также не способствовали росту симпатий к ней, как бы впечатляюще ни выглядели экономические показатели. Если воспользоваться термином, предложенным американским социологом Робертом Таккером, ввести в строй российско-американский «кондоминимум» 99 не удалось из-за дефицита средств и воли.

Глава VII

Над пропастью во лжи

Жить по формуле: «оставаться вне войны»

У российского историка свой угол зрения на начало Второй мировой войны. Для него она началась с нападения Японии на Северо-Восточный Китай в 1931 г., с военных провокаций Японии в феврале 1936 г. и с широкомасштабного советско-японского конфликта с применением тяжелых вооружений на монгольско-маньчжурской границе в мае

– сентябре 1939 г. Кровавопролитные затяжные бои на реке Халхин-Гол происходили в тот самый момент, когда в Москве, Лондоне, Париже и Берлине велись переговоры, от которых зависели судьбы мира. Ситуация 1938–1939 гг. явно имела все признаки общецивилизационного кризиса, в ходе которого человечество вновь оказалось на грани глобальной катастрофы, однако политики и дипломаты ведущих держав вели себя таким образом, как будто бы им всем разом отказало благоразумие, чувство ответственности и самое элементарное понимание происходящего.

При всем при том шансы на сохранение мира весной и летом 1939 г. были как будто бы даже выше, чем в июле – августе 1914 г. Накануне Второй мировой войны блоку агрессоров – державам «оси» противостояли остальные великие державы, явно сознававшие опасность и предупрежденные о возможности ее внезапного возникновения. Их сплочение и дружно выраженное стремление оказать сопротивление агрессии в состоянии были сковать агрессора, локализовать его действия (особенно на стадии замысла и подготовки его осуществления) и в конечном итоге заставить отступить. Но миром овладело ложное сознание, а не желание воевать пополам с плутовскими и даже коварными расчетами «выйти сухим из воды» за счет жертвоприношений агрессору, его «умиротворения» или даже сделок с ним, которое заставляло отворачивать от исторически неизбежного столкновения с абсолютным злом. Отмеченная духом морального упадка и разброда, взаимонедоверия особая обстановка в лагере неагрессивных, миролюбивых держав сделала дипломатию этих стран заложницей политики «умиротворения» любой ценой. В каждом отдельном случае она проводилась на свой лад, но всегда с большим или меньшим ущербом и даже позором для национальной чести, достоинства и престижа.

Англия и Франция – гаранты Версальской системы молчаливо согласились с японской экспансией в Азии и даже поощряли ее, своей политикой невмешательства в испанские дела они содействовали приходу к власти Франко и позволили Гитлеру и Муссолини поверить в свою безнаказанность. Лондон и Париж фактически санкционировали аншлюс Австрии и поставили свои подписи под позорным Мюнхенским соглашением. Со своей стороны, Советский Союз, или, точнее, его тонкая бюрократическая элита, опасаясь вновь быть изолированной и раздавленной под напором внешних и внутренних brutальных сил, в своем дипломатическом маневрировании преступает некий моральный порог, установленный ею самой, и заключает в августе – сентябре 1939 г. пакт о ненападении и целый пакет секретных соглашений со ставшей «дружественной» страной – нацистской Германией. Страна Советов, громче всех на протяжении всех предвоенных лет призывавшая к коллективной безопасности в отношении германского фашизма и его союзников, противостоявшая им в Испании и на Дальнем Востоке, устанавливает с Третьим рейхом добрососедские отношения и вешает ярлык «империалистов» на его потенциальных противников.

Была ли эта духовная распушенность и политическая беспринципность уделом плеяды государственных деятелей, принадлежавших к поколению, испытавших на себе ожог четырех военных лет и любыми средствами пытавшихся избежать повторной пытки тотального каннибальства, каким была Первая мировая война? Или мы сталкиваемся с явлениями иного порядка? Наиболее близко к ответу на эти вопросы подошел Альфред Вебер, видный немецкий социолог культуры и политолог, переживший трагедии обеих мировых войн и много размышлявший над природой раздвоенного сознания, управлявшего народами и государствами накануне Второй мировой войны, их кумирами и лидерами. Ее истоки, говорит он, восходят к общей духовной ситуации с нигилизмом и пессимистическим страхом – ее ведущими чертами, к выросшему «из послевоенной неуравновешенности» общему экономическому кризису, в котором и сложился «немецкий нацизм со всеми его ложными учениями», а параллельно ему «в странах старой демократической традиции» общая *malaise* (беспокойство, неуверенность – франц.), готовая духовно и практически допустить наряду с собственными идеалами новые ценности, ей чуждые, вплоть до «тиранических данностей».

А. Вебер делал вывод: «Короче говоря, в самых различных маскировках и нюансах

возникло смятение, в котором наиболее активным проявлением оставалось, с одной стороны, еще наивное, с другой – очень рафинированное практически чисто нигилистическое преклонение перед силой. Возникший в этой духовной атмосфере гитлеризм с его скрытыми за национальными и иными фразами чисто нигилистическими лозунгами и методами нашел хорошо подготовленную почву не только в Германии» 1.

Говоря словами Томаса Манна, эпоха 30-х годов оказалась сильно скомпрометированной перед историей. Понять и объяснить внешнюю политику США в предвоенное десятилетие вне этого сложного, кафкианского контекста, в котором переплетались геополитические, экономические, идеологические, этнокультурные, психологические мотивы и противоречия, просто невозможно. Кому-то она представлялась ограниченной, замкнутой на сугубо внутренние интересы, континентальные приоритеты и антиевропейской в принципе, кому-то точной копией вильсоновского идеализма по преимуществу, кому-то двуличной и предельно эгоистичной по существу. В Москве же в ней определенно видели стремление выждать, используя выгоды географического положения с тем, чтобы в решающий момент выйти вперед и продиктовать свои условия урегулирования кризиса, сделав это по примеру Вильсона, но тоньше, не столь топорно. Но в Кремле были уверены также в антинацистских, антигерманских настроениях, доминирующих среди ньюдилеров и сдвинувшемся влево общественном мнении США. Показательно, что Сталин санкционировал резкую критику леваческих настроений американской Компартии на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г., не пощадив самолюбия лидеров партии, не заметивших принципиального различия между прогрессистским «новым курсом» с его «добрососедской» внешнеполитической составляющей и антитезой ему в лице консервативной оппозиции с ее сочувствующим вниманием к Третьему рейху и непримиримой враждебностью к Советскому Союзу. В Кремле стремились учитывать размежевание по вопросам внешней политики, существовавшее в США, стараясь угадать, чью сторону займет Рузвельт, и уповая на его дальновидность. При этом надежды связывались с той частью вашингтонского политического истеблишмента, которая после Мюнхена явно вернулась к критике «европейских демократий». В Москве не без удивления обнаружили, что ее собственные оценки общей ситуации в Европе и на Дальнем Востоке в целом совпадали или были близки прогнозам этой части американских политиков и общественных деятелей в отношении развития событий в связи с наглым натиском германского нацизма против мирового порядка, сложившегося после Версаля, и уступчивостью европейских грандов – Англии и Франции.

Именно Мюнхен, подобно электрическому удару, встряхнул те пласты американо-американского общества, которые пребывали в благодушии или воспринимали фашизм как явление преходящее, поддающееся самолечению. Упования на «пацификацию» Германии улетучивались. Началась мучительная переоценка европейских реалий и признание неуместности послеверсальской отстраненности по отношению к ним. Невнятно в прессе и правительственных кругах США заговорили о поисках альтернативы политике уступок Гитлеру и созерцательной равноудаленности от сторон в назревающем общемировом конфликте. Именно Мюнхен заставил Вашингтон взглянуть на Советский Союз как на очень возможного, хотя и менее всего желанного партнера, чьи глобалистские притязания («оплот мировой революции») и не поддающиеся объяснению пугающие сталинские «процессы» и «чистки» создавали неблагоприятный фон для сближения двух таких разных, но в чем-то неуловимо схожих и оказавшихся в состоянии взаимозависимости держав.

Вновь вернемся к бумагам Джозефа Дэвиса, к тем из них, где Дэвис выступает не как дипломат, а как хорошо осведомленный об общественных настроениях исследователь и наблюдатель, со всей добросовестностью и энтузиазмом выполнивший задание Рузвельта «завоевать доверие Сталина» 2. В своей частной переписке с самим Рузвельтом или его «штабом» и в дневниках он воспроизвел коллизию не высказанных вслух тревожных ожиданий американцев лавинообразного развития событий в сторону глобального военного конфликта и все более широкого осознания загубленных шансов поставить ситуацию под контроль, вернув к жизни подобие Антанты, поддержанной США. Впрочем, сам Дэвис,

давно пришедший к выводу о губительной недалёковидности политики «практических решений» по исправлению Версаля, полагал, что время для поворота было непростительно упущено и, хуже всего, по-видимому, навсегда. Слишком тяжёлым, как ему казалось, был удар по самолюбию Сталина, слишком сильным могло оказаться стремление советского руководства принять ответные меры, возможно, и аналогичные по своему характеру. 29 октября, ровно через месяц после мюнхенской сделки (29 сентября 1938 г.), уже будучи американским послом в Бельгии, в предчувствии контрдемарша Сталина Джозеф Дэвис пишет длинное письмо лорду Дэвиду Дэвису, крупному английскому промышленнику, убежденному противнику политики «умиротворения». Дэвис-американец не сомневался, что он будет понят Дэвисом-англичанином. Текст послания скорее напоминает служебную записку: изложение выводов из анализа ситуации, сложившейся в Европе после Мюнхена, дается по пунктам, в строгой манере чисто деловой переписки. Хотел ли посол показать тем самым, что его диагноз не отягощен эмоциями и есть плод хладнокровного и беспристрастного обдумывания ситуации, какой она виделась «со стороны»? Очень возможно.

« Брюссель
29 октября 1938 г.

Мой дорогой лорд Дэвис!

Ваше письмо я получил по возвращении из Баден-Бадена после «обследования и курса лечения» и вот сейчас спешу ответить Вам.

Я согласен с Вами в том отношении, что виды на будущее демократии и на межгосударственные отношения, основывающиеся на законе, равенстве и уважении прав других стран, представляются сегодня в мрачном свете.

Всем верховодят диктаторы

Для такого наблюдателя, каким я являюсь здесь, в Европе, находясь на своем посту, все выглядит однозначно: диктаторские режимы прочно удерживают позиции. Передовые анклавы демократии – Англия, «колыбель свободы», и другие демократические страны в Европе – дрогнули под напором фашистских держав. Честно говоря, я с трудом могу понять все это. Правительства этих стран в состоянии какого-то помутнения решают, должны ли они пресмыкаться перед диктаторами или лобызаться с ними.

Англия отходит в сторону

Я не знаю, к худу это или к добру, но никто не позаботится о создании оси Лондон – Париж – Москва в противовес оси Берлин – Рим, с тем чтобы сохранить баланс сил и остановить параноидальный фашизм Гитлера. Только такая ось могла бы удержать Гитлера от разграбления Австрии и Чехословакии. Если вернуться к вопросу о переходе Англии в оборону, который Вы подняли, то я должен сказать, что Англия уже перешагнула этот рубеж и сейчас у нее нет другого выбора. Она решительно отказалась от 20 дивизий (разве чешская линия Мажино не эквивалентна этому числу?) и предоставила Гитлеру контроль над еще большим числом чешских и австрийских дивизий.

Итак, по крайней мере до тех пор, пока они не завершат перевооружение, Англия и Франция, как представляется, будут препираться, покорно соглашаясь с требованиями Гитлера и Муссолини и не решаясь ни на что более серьезное, чем блошинные укусы.

Кто-то может предположить, что правительство Чемберлена имеет некий определенный план сохранения мира в Европе. Он базируется на теории, что мир в Европе может быть обеспечен совместными усилиями либо Англии и Гитлера, либо Англии и Муссолини, но в последнем случае Муссолини еще нужно разлучить с Гитлером. Но, вероятнее всего, именно Гитлер и Муссолини сколотят гангстерский союз. Во всяком случае, нам остается только надеяться, что в Европе нет места для этих двух Цезарей и Неронов и в конечном итоге наша безопасность и мир в отдаленном будущем будут обеспечены.

К вопросу о вмешательстве США

Вы утверждаете, что в сложившихся условиях единственная надежда

избежать катастрофы связана с «моей великой страной» (т. е. Соединенными Штатами. – *В.М.*), которой следует, пока не поздно, восстановить равновесие.

Конечно, с нашей стороны не очень-то красиво критиковать Англию и Францию за неспособность сохранить стабильность положения, в то время как мы сами не захотели взять на свои плечи нашу часть этого бремени. У нас нет права кого-либо критиковать, поскольку на суд истории мы явились не с чистыми руками. Однако, честно говоря, непосредственно нас этот пожар не затрагивал, и мы не находимся под прямой угрозой.

Моим ответом на Ваше пожелание о том, чтобы Америка, пока не поздно, вмешалась в европейские дела, будет следующее соображение: многие американцы из того, что они видели (речь идет о Мюнхенском сговоре. – *В.М.*), – а они считают это предательством Чехословакии ее союзниками и друзьями, – сделали вывод в пользу невмешательства, поскольку Европа не заслужила ничего другого.

Воздействие Мюнхена на американское общественное мнение

До Мюнхена в США существовала уверенность в надежности тех обязательств, которые некоторые великие европейские державы взяли на себя по договорам. Тот факт, что Англия и Франция бросили Чехословакию в волчью пасть в Мюнхене, да и все их отношение к Гитлеру в сознании многих людей не только в Европе, но и у нас в стране разрушили эту уверенность. Это важный результат Мюнхена. В этом своем проявлении он пересек Атлантику и достиг США, усилив влияние циничного изоляционизма, который достался нам в наследство от последней войны с кайзером.

США все еще достаточно сильны духом, чтобы отреагировать на заигрывание с Гитлером как на проявление аморальности. Вера разрушена; будет ли она восстановлена, сейчас сказать нельзя. До Мюнхена Гитлеру удалось сделать с нашим общественным мнением то, во что никто не мог бы поверить. Он убедил Соединенные Штаты в том, что они должны отказаться от своей изоляционистской позиции. Этим он сослужил настоящую службу делу мира. Но предательство Чехословакии в Мюнхене и вызванные им шок и моральное негодование нашего народа и общественного мнения нельзя переоценить. По крайней мере если судить по прессе – а я очень тщательно слежу за ней, – речь Чемберлена «Мир современному человечеству» оценивается как нравственное падение. Вообще Мюнхен рассматривается как вероломство, как отказ от честных договорных обязательств, данных мужественному бастиону демократии» 3.

Волна возмущения глумлением над Чехословакией в США поднималась все выше. Уж если консервативная печать не скрывала своего недовольства тем, что произошло в Мюнхене под прикрытием слезливых слов о долгожданном мире и спокойствии народов Европы, то реакция давних сторонников возрождения сил сдерживания агрессии в мире с привлечением Советского Союза была еще более категоричной. Р. Робинс писал в частном письме М. Дрейер 14 октября 1938 г.: «Если Вы читали ответ Дороти Томпсон (известная американская журналистка. – *В.М.*) в разделе «События дня» в «Нью-Йорк геральд трибюн», тогда Вы, бесспорно, более глубоко сможете оценить значение позорной и трусливой капитуляции Англии и Франции в Мюнхене. Пять миллионов братьев во Христе станут жертвами беззакония, фашиствующие дьяволы будут подвергать их всякого рода репрессиям, ограблениям, истязаниям и уничтожению. Если бы началась война, Гитлер и Муссолини были бы разбиты, а фашистское движение остановлено» 4.

Превосходно и тонко разбиравшиеся в сложных перипетиях международной политики предвоенных десятилетий два видных американских дипломата – Дж. Дэниэлс (тогда посол США в Мексике) и У. Додд (до 1938 г. посол США в Германии) – не находили никакого оправдания поведению Лондона ни с точки зрения морали, ни с точки зрения военно-стратегической. Факты, которые были им известны, выводили их на соображения, казалось бы, более уместные перу тех, кого в ту пору относили к сторонникам левых сил и критикам «системы». 25 ноября 1938 г. Дж. Дэниэлс писал бывшему послу в Берлине: «Я не знаю, что Вы думаете о Чемберлене, в моем же представлении он превратил британского льва в овцу,

покорно ждущую, когда ее остригут. Он больше боится народа, чем Гитлера, и был бы счастлив поделить мир, оставив Англии львиную долю, а Германии и Италии – все остальное, за исключением, конечно, Северной и Южной Америки... Он плетется в хвосте лондонского Сити точно так же, как наши реакционеры покорно следуют указке Уолл-стрита» 5. Можно не сомневаться, что старый Дэниэлс довел до сведения Рузвельта свою реакцию на европейский кризис. Скорее всего, взгляды посла и президента не совпали.

В США, подобно Дэниэлсу и Додду, многие сознавали, что сложилась новая ситуация и, по-видимому, уже не имело смысла заниматься самообманом, убеждая себя, что «демократии» в военном отношении слабы и не могут противостоять Третьему рейху. После Мюнхена потребовалась уже серьезная оценка реального соотношения сил на предполагаемых театрах военных действий. Как мы видели на примере документов Феймовилла, взвешивались военные потенциалы всех и каждого, и Англия неизменно удостаивалась высоких «оценок» видных военных специалистов. Так, Ф. Элиот в статье, опубликованной в журнале американской Ассоциации внешней политики 15 декабря 1938 г., писал, что королевские ВВС располагают, «возможно, самым мощным воздушным потенциалом в Европе». Он отмечал, в частности, что английский военно-морской флот по крайней мере по числу крупных боевых кораблей значительно превосходил итало-германский 6. Стоило только им правильно распорядиться, полагал Элиот, и он мог бы сразу превратиться в мощный фактор политики. А так как вполне можно было рассчитывать, что в случае войны на стороне Англии и Франции выступят СССР, Чехословакия, Польша, а также Бельгия и Голландия, то ни о каком военном превосходстве Германии не могло быть и речи.

Как и следовало ожидать, в вашингтонских кругах по-разному реагировали на подобные экспертные оценки. Одни полагали, что европейцы в конечном счете должны «управиться» сами, другие – что следует воспользоваться моментом и установить прочные контакты с противниками блока агрессоров, в том числе и по военной линии. Всегда державшийся ближе к тем, кто снискал себе прочную репутацию «умиротворителей», главный юрисконсульт госдепартамента (в недавнем прошлом заместитель госсекретаря) Р.У. Мур в письме ушедшему в отставку У. Додду писал: «Готовя себя к любым неожиданностям, за исключением применения силы, я не вижу ничего подходящего для нас помимо переговоров с целью удержания под контролем деструктивных процессов, идущих в Европе и Азии. Но иногда я опасаясь, что мы берем на себя слишком много и создаем впечатление, что придерживаемся уступчивой линии по отношению к ним, вместо того чтобы противостоять некоторым из этих процессов. Так, например, я был очень огорчен, когда король Георг в своей речи, по сути дела, старался создать впечатление, что наше влияние имело существенное значение в достижении Мюнхенского соглашения. Я был бы полностью удовлетворен, если бы это соглашение оказалось достигнутым, а мы в то же время не произнесли бы ни одного слова» 7. Прекрасный образец лжи во спасение!

Мур продолжал свой диалог с бывшим послом в Берлине, начатый еще в середине 30-х годов. Тогда в его глазах У. Додд, настаивавший на бескомпромиссно «твердом тоне» по отношению к нацистской Германии, выглядел неисправимым романтиком, неспособным постичь сложную дипломатическую интригу, затеянную Западом с одной целью – обезопасить себя, отведя энергию агрессоров в спокойное, контролируемое им русло путем ревизии версальской системы. Но, по-видимому, У. Мур испытывал уже некоторую неловкость от того, чем в реальной жизни оборачивалась стратегия «сдержанности» по отношению к агрессивным планам главарей Третьего рейха и их союзников. Он готов был согласиться и с тем, что Мюнхен бросил тень на дипломатию США, но все еще делал вид, будто иного не было дано. Такова была общая позиция правительственных сфер США и президента. Они уходили от ответа на вопрос, выиграл или проиграл мир (и Америка в том числе) в результате мюнхенской сделки: после «карантинной речи» Рузвельта любое признание могло быть истолковано против «себя самого».

А между тем ответ напрашивался сам собой. Атмосфера была наэлектризована до предела, несбыточными оказались все обещания Чемберлена, Даладье и самообольщение

Рузвельта. Причем это стало очевидным сразу же после того, как были поставлены подписи под соглашением в Мюнхене. Мир не только не выглядел прочнее, но и утратил одну из важных своих опор – уверенность, что западные державы могут постоять и за себя, и за своих союзников – малые страны Европы. Р. Клэппер, влиятельный и хорошо информированный вашингтонский журналист, писал 30 января 1939 г.: «Ежедневная печать показывает нам, как близко Европа придвинулась к большой войне. Что менее очевидно, так это быстрота, с которой мы в Соединенных Штатах втягиваемся в этот процесс» 8.

«У нас нет права кого-либо критиковать». Когда Джозеф Дэвис в конце октября 1938 г. дал такую нелестную оценку европейской политике США и любому проявлению морализма со стороны Вашингтона, он имел в виду вполне конкретный план «всеобщего урегулирования» (синоним политики «умиротворения»), настойчиво (и может быть, с согласия президента) внедряемый в сознание вашингтонской элиты заместителем государственного секретаря Самнером Уэллесом. Его главные положения Дэвису были известны: «исправление» версальских «несправедливостей» (прежде всего территориальных претензий) с учетом интересов Германии и пробуждение таким путем здравомыслящей прозападной оппозиции Гитлеру в самой Германии. Уэллес не снял с «повестки дня» свой план и после Мюнхена. Рузвельт также не расстался с надеждой, что в какой-то момент ему удастся усадить Гитлера за стол переговоров об окончательном «погашении» взаимных претензий, хотя и не испытывал при этом ничего, кроме брезгливости.

В противоположность тем, кто видел лучший способ восстановления стабильности в Европе в признании справедливыми требований нацизма пересмотреть итоги Версаля, другая часть «политического класса» США склонялась к мысли о подготовке условий для установления военного и политического сотрудничества предупредительного характера между США и другими странами (включая СССР), которым угрожали страны фашистского блока. Правда, активность этой части «воинствующих интернационалистов» была ослаблена изоляционистской пропагандой, вызывавшими шок сталинскими репрессиями в СССР и не в последнюю очередь сомнениями в отношении последствий гражданской войны в Испании для демократических институтов в Европе. Противники «Рижской аксиомы» (выключения СССР из числа стран, с которыми США могли иметь нормальные дипломатические и партнерские отношения) не смогли добиться многого. Антисоветизм многих видных дипломатов (А. Бирл, У. Буллит), как хороший знак считавших рост германской мощи в центре Европы и видевших в Гитлере инструмент сдерживания большевизма, обрек на неудачу предпринимавшиеся усилия наладить взаимовыгодные контакты с Советским Союзом по военной линии, но представить Красную Россию угрозой еще большей, нежели фашизм, они не смогли.

Год 1939. Сумерки новой дипломатии

Первые недели нового 1939 г. ознаменовались началом крупного конфликта в недрах дипломатического ведомства США. Причиной его стало циркулирование в вашингтонских правительственных кабинетах письма одного из самых авторитетных и уважаемых американских политиков, давшего неллицеприятную оценку проводимому курсу внешней политики как правительства, так и конгресса. Само по себе оно являлось своеобразным зеркалом достигшего высокого накала размежевания взглядов на характер, исход и последствия гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.).

Но сначала несколько слов об авторе публикуемого ниже послания. Он был личностью абсолютно незаурядной даже для формируемого по правилам самого строгого отбора американского политического Олимпа. Генри Льюис Стимсон, рукой которого было написано это открытое послание, пожалуй, являлся самым большим долгожителем среди государственных деятелей США первого ранга, занимавшим ключевые посты в трех администрациях на протяжении первой половины XX в. В кабинете президента-республиканца Р. Тафта (1908–1912) он обратил на себя внимание успешным руководством

военной реформой на посту военного министра. В период экономических и политических невзгод для республиканцев в годы мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. и трудного поиска новых ориентиров во внешней политике в условиях дестабилизации обстановки на Дальнем Востоке и в Европе Стимсон на посту государственного секретаря США в администрации Гувера сумел завоевать репутацию дальновидного и гибкого политика, противника твердолобого изоляционизма.

Поражение республиканцев на выборах 1932 г. привело к паузе в карьере Стимсона как государственного чиновника, но эта пауза закончилась в 1940 г., после того, как президент-демократ Франклин Рузвельт предложил ветерану государственной службы войти в его третий кабинет в качестве военного министра. Свой пост Стимсон оставил в 1946 г., подав прошение об отставке уже президенту Г. Трумэну.

Время появления письма Стимсона его преемнику К. Хэллу, вызвавшего целую бурю в стенах госдепартамента и в общественном мнении США, тоже способно сказать нечто важное нашему современнику. Агрессия фашизма повсеместно вступила в свою кульминационную фазу. С недели на неделю, несмотря на короткую послемиунхенскую передышку, ожидалась следующая серия его сокрушительных ударов по системе, утвердившейся в Европе после Версаля и давшей ей относительное успокоение, условно говоря, международно признанные границы и некое подобие суверенитета составляющих европейское сообщество территориальных государственных образований. В трагическую финальную стадию вступила гражданская война в Испании, где главный вклад в успехи мятежных сил Франко внесли две державы: Германия Гитлера и Италия Муссолини. Президент Рузвельт, движимый высокой патетикой мира, стабильности и добрососедства, не мог пройти мимо этой жуткой цепочки циничных, вероломно-разрушительных акций, фатально подвигающих человечество к последней черте. 4 января 1939 г. в своем послании конгрессу он говорил, что страны, которые придерживаются нерушимости договоров и добрососедства в своих отношениях с другими странами, не могут без ущерба для себя оставаться безразличными к нарушению международного правопорядка. Он дал понять, что знает, где находятся очаги военной угрозы.

Эти слова способны были приободрить всех противников фашизма, на деле, однако, США пребывали в состоянии пассивного созерцания. В значительной степени такое вызывающее недоумение, возмущение и протест многих демократов положение сложилось в результате принятия конгрессом США в 1935 г. законодательства о нейтралитете, налагающего эмбарго на торговлю оружием с воюющими государствами вне зависимости от того, кто из них оказался жертвой агрессии, а кто – агрессором. Затем, уже после начала гражданской войны в Испании, законодательство о нейтралитете было конкретизировано, что поставило законное, официально признанное правительство республики в крайне невыгодные условия. Фактически невмешательство западных демократий, и США в том числе, обернулось блокадой «лоялистов», законно избранной и поддержанной большинством народа власти, чьи знамена были окрашены в цвета Народного фронта, созданного левыми и коммунистами.

В марте 1937 г. обе палаты конгресса подавляющим большинством голосов приняли постоянный закон о нейтралитете. Он запрещал экспорт оружия и предоставление займов и кредитов воюющим странам. Хотя закон, подписанный Рузвельтом 1 мая 1937 г., оставлял президенту довольно большую дискреционную власть (т. е. возможность единолично решать целый ряд вопросов о конкретном применении закона), сути дела это не меняло: объективно он вел к медленному удушению той формы народовластия, которая пыталась утвердиться в Испании, и триумфу коалиции каудильо, фюрера и дуче. К началу 1939 г. скорая и неминуемая развязка стала самоочевидной. Она-то и заставила взяться Генри Стимсона за перо с надеждой, что его доводы будут услышаны и в госдепартаменте, и в Белом доме.

Обращали на себя внимание следующие моменты в аргументации Стимсона в защиту реальной помощи оружием Испанской республике. Во-первых, четкое обоснование того факта, что законодательство о нейтралитете вошло в противоречие с международно-

правовыми нормами и фундаментальными (неконъюнктурными) принципами внешнеполитического поведения США на мировой арене. Во-вторых, ясное указание в отношении угрозы международной безопасности со стороны сил агрессии, провоцирующих внутренние конфликты «у их соседей» и тем самым в собственных интересах расширяющих зону нестабильности, что, в свою очередь, грозит расползанием военной угрозы.

Лично
Достопочтенному Корделлу Хэллу,
Государственному Секретарю,
Вашингтон, округ Колумбия 9
18 января 1939 года
Дорогой господин Секретарь!

По мере того, как трагическая война в Испании приближается к новому кризису, я много думаю о наших обязанностях и возможностях в связи с этим кризисом. Я прихожу к выводу о том, что нам следовало бы предпринять решительные действия и что, поступив таким образом, США вполне смогли бы предотвратить те серьезные последствия для всего мира, с которыми, очевидно, в настоящее время ничего не могут поделать ни Великобритания, ни Франция.

В настоящее время мы находимся в положении, которое во всех отношениях является не имеющим оправдания извращением международного права, которое не только не оправдано никакими соображениями целесообразности, но напрямую ведет ко злу. Наше правительство признало лоялистское правительство в качестве законного правительства Испании. То же самое сделала Франция. То же самое сделала Великобритания. В качестве такого законного дружественного правительства лоялистское правительство Испании имеет право закупать у нас и на мировых рынках вообще все, что ему необходимо для самообороны во времена сурового испытания. Это – один из тех принципов международных отношений, который американское правительство отстаивает с начала истории США. Мы всегда признавали этот принцип одним из тех правил международного права, в котором мы, как мирная невооруженная страна, особенно заинтересованы...

Текущий момент как раз и является тем моментом, когда важность сохранения такой нормы международного права особенно очевидна, сейчас миролюбивые невооруженные нации, в отличие от агрессивных авторитарных государств, находятся в обороне. Мы сталкиваемся также с тем, что авторитарные правительства разработали новые методы, посредством которых они провоцируют гражданские войны среди своих соседей, в конце концов используя эти войны для агрессивных действий против этих стран. Таким образом, никогда еще не было момента, когда нам было бы более важно сохранить право, от которого может жизненно зависеть наша собственная безопасность.

До недавнего времени мы, больше чем любая другая нация в мире, последовательно поддерживали эту доктрину, предпринимали законодательные действия и заключали договоры, направленные на ее сохранение. В ситуации наподобие той гражданской войне, которая ныне идет в Испании, мы не только всегда бдительно охраняли права дружественных правительств, против которых вспыхивали такие мятежи, закупать у нас оружие, но и ввели в США в действие законы, дающие президенту США полномочия в то же самое время предотвращать поставки оружия и снаряжения мятежникам, с которыми ведут борьбу дружественные нам правительства. Как Вы, разумеется, знаете, такое законодательство введено в действие в отношении гражданских войн в Западном полушарии Совместной Резолюцией 1912 года, и в 1922 году его действие было распространено на страны, с которыми у нас установлены особо дружественные отношения.

Далее, в 1928 году мы присоединились к конвенции, провозглашенной шестой Панамериканской конференцией американских республик и регламентирующей права и обязанности государств в случае гражданских войн. В 1930 году США ратифицировали эту конвенцию. Этот договор превратил ранее существовавший принцип права в принцип, обязательный для поведения

государств, подписавших договор.

Однако ныне, в соответствии с Законом от 1 мая 1937 года, наше правительство решило сменить эту сугубо американскую доктрину международного права на прямо противоположную и попытаться провести новый эксперимент с этой полярно противоположной доктриной. Правительство решило запретить дружественному испанскому правительству, которое мы признали законным правительством, осуществлять это освященное временем право, которое мы столь долго отстаивали как существенное для мира и стабильности в мире. Другими словами, мы выбрали момент, когда нам, в свете наших интересов и нашей безопасности, особенно важно оставаться на почве установленного права, для того чтобы провести совершенно новый эксперимент, став вверх ногами. Проведение такого эксперимента в такое время неразумно. Это не консервативно. Это не по-американски.

Мы выбрали момент, когда два безответственных диктаторских правительства, правительства Германии и Италии, нарушили все нормы права и соглашения, осуществив силовое вмешательство в гражданскую войну в Испании и обеспечивая мятежников не только боеприпасами, но и организованными вооруженными формированиями; мы предпочли в тот же самый момент отсечь законное правительство Испании от предоставленных ему международным правом прав защищаться от этого нового преступления.

Господин Секретарь, мне кажется, что даже простое изложение фактов, связанных с этой ситуацией, показывает, по какой опасной тропе нас ведет наш новый эксперимент в новом государственном искусстве. Трусливые защитники нового нейтралитета не могли выбрать более нарочито неудачного момента для демонстрации глупости и опасности своих эмоциональных сентенций. Слабость поведения, проявляемая нашими сестрами-демократиями в Европе, Францией и Великобританией, делает ситуацию вдвойне опасной. Программа невмешательства, явно изобретенная там в целях избежания внешнего вмешательства в идущую в Испании борьбу, приведет к прямо противоположным результатам и даст возможность Германии и Италии беспрепятственно осуществлять свою интервенцию, тогда как законному правительству Испании не позволяют закупать во Франции, Англии или в других нейтральных странах средства отражения этой интервенции. Другими словами, по обеим сторонам Атлантики мы видим спектакль полного пересмотра освященных временем права и практики, которые были выкованы в течение веков в интересах стабильности и мира и которые ныне разрушают для того, чтобы облегчить проведение одной из самых безжалостных и жестоких интервенций, какие когда-либо знала история. Когда в Испании вспыхнула эта война, я вместе с большинством американцев имел крайне скудные знания о любой из воюющих сторон и не имел особых симпатий к той или иной из них. Это казалось началом жестокой и прискорбной войны, которая не касалась мира в целом, за исключением того, что мир питал надежду увидеть ее как можно более быстрое окончание на любых условиях, на каких ее можно было прекратить. Но признаюсь, что по мере продолжения войны картина, открывавшаяся моим глазам, претерпела радикальные изменения. Лоялистское правительство, не имевшее обученных войск в начале войны, создало армию, которая самим фактом своего мужественного и упорного сопротивления гораздо лучше оснащенным и организованным врагам продемонстрировала, что пользуется доверием и симпатиями массы испанского народа; тогда как с интервентов, сражающихся на стороне мятежников, была сорвана маска – до такой степени, что мы со всей ясностью убедились в очевидной новой попытке фашизма потрясти до основания наш мир.

Как я сказал в начале письма, я довольно тщательно изучил этот вопрос. Думаю, что президент имеет право снять, без решения конгресса, эмбарго, установленное в соответствии с резолюцией от 1 мая 1937 года. Полагаю, ему следовало бы сделать это. Улучшение международной обстановки оправдывает такое изменение позиции, осуществленное президентом. Полагаю, что американское общественное мнение в настоящее время решительно склоняется на сторону

лоялистов и поддержит такие действия президента. В то же время такое подтверждение веры США в установленное право и пренебрежение к угрозам нарушителей закона были бы подобны глотку свежего воздуха, каким стали меры, недавно принятые правительством г-на Рузвельта в других направлениях, вроде трепки, которую Самнер Уэллес задал послу Германии в связи с нацизмом, и недавнего выделения казначейством займа в размере 25 млн долларов Китаю. Каждое из этих действий стало крупным шагом к стабилизации, показав, что мы не только верим в международное право и в мораль, но и намерены жить в соответствии с их нормами. Такой шаг в Испании вполне может сокрушить попытки автократий и сделать возможным справедливое разрешение конфликта.

Сожалю, что письмо получилось таким длинным, но я очень взволнован. Если Вы согласны со мной, не покажете ли вы это письмо президенту? Я очень хочу оказать поддержку Вам и президенту в провозглашении в этот опасный момент жизненно важной и успешной международной программы.

Как всегда преданный Вам,

Генри Л. Стимсон

Призыв Стимсона не был услышан, хотя и подвергся тщательному рассмотрению. В марте 1939 г. пал Мадрид, а к концу этого месяца фалангисты Франко установили контроль над всей территорией Испании. 1 апреля 1939 г. одними из первых Соединенные Штаты заявили о признании правительства Франко. С точки зрения морали, если строго следовать логике Стимсона, такое решение представлялось очень многим более чем сомнительным, но в тот период дипломатия Вашингтона искала новые подходы к диктаторским режимам с целью вовлечь их в подобие договора о «намерении» сохранить мир в Европе после последнего жертвоприношения – утраты Чехословакией ее независимости в марте 1939 г. Оправданием могли служить участвовавшие встречи европейских (в том числе и советских) дипломатов с лидерами нацистского рейха и реальная угроза нового Рапалло, т. е. сепаратных соглашений Германии и СССР.

Стимсон в своем взбудоражившем публику письме не случайно избегал говорить о Советском Союзе. Цели Москвы в Испании в Америке принято было рассматривать сквозь призму коминтерновской стратегии сокрушения капитализма. К тому же события в СССР подсказывали Стимсону осторожность в просчете шагов его руководства. Сказались и личные мотивы: во время работы Стимсона в администрации Герберта Кларка Гувера она проводила жесткую линию на непризнание и изоляцию СССР. Однако многие пытались найти более активный вариант дипломатической игры на выигрыш в уже почти безнадежной ситуации, невзирая на все превходящие неблагоприятные обстоятельства. Суть их предложений сводилась к тому, чтобы вызвать у СССР повышенную заинтересованность следовать антигерманским курсом, получая в порядке компенсации за риск заверения в готовности наладить более широкие экономические и военно-технические связи с США. В принципе этот замысел отдаленно напоминал идею коллективной безопасности, которую пропагандировал в Лиге Наций М.М. Литвинов, но которая не вызывала ни малейших симпатий в конгрессе США. Ни Рузвельт, ни тем более Хэлл не были готовы поддержать ее, что не мешало им оставаться открытыми для самых разных (порой полярных) предложений, включая и предложения об экономическом и военном сотрудничестве.

В лондонском издании привлечшей к себе в годы войны широкое внимание книги Джозефа Дэвиса «Миссия в Москву» приводится любопытный документ – фрагмент его письма Ф.Д. Рузвельту из Брюсселя от 18 января 1939 г. 10. Любопытно обнаружить, что он без начала и без конца. Что же руководило бывшим послом в СССР и советником Рузвельта, когда он, готовя книгу к публикации, решил опустить большую часть своего личного и секретного послания президенту? Хранящийся в архиве Дэвиса в Отделе рукописей Библиотеки конгресса подлинник документа при сопоставлении его с опубликованным фрагментом легко объясняет этот акт самоцензуры. Пометка на полях «снято» стоит возле тех разделов послания президенту, в которых говорилось об осуществлении военных контактов между США и СССР, а само оно начиналось

многозначительным напоминанием президенту о достигнутой как будто договоренности в отношении создания секретной «горячей линии» между США и СССР с целью взаимного обмена военной информацией. Дж. Дэвис писал об этом как о решенном деле, требующем только уточнения некоторых деталей:

«Лично и секретно»

Брюссель, Бельгия

18 января 1939 г.

Дорогой шеф!

Касательно установления секретных контактов в области обмена военной и военно-морской информацией с Советским правительством, о чем я сообщал Вам лично, нужно иметь в виду, что весь вопрос остался открытым в ожидании назначения моего преемника (т. е. нового посла США в СССР. – В.М.) в Москве...» 11

Далее следовали со ссылкой на Сталина и Молотова констатация согласия советской стороны на установление упомянутых секретных контактов, предложение с этой целью сохранить в Москве на посту военного атташе США подполковника Ф. Феймонвилла и резкая критика тех кругов на Западе, которые недооценивали «советский фактор». Но, увы, ничего из того, что предлагалось Дэвисом и против чего как будто не возражал Ф. Рузвельт, осуществить не удалось. Феймонвилл был отозван из Советского Союза, а новый посол США появился в СССР только в августе 1939 г. Что побудило Ф. Рузвельта отказаться от «секретных контактов» с Советским Союзом по военной линии – об этом, по-видимому, можно говорить отдельно и с «разных углов». Опасения «утечек», которые стали обычным делом? Очень возможно. Весьма вероятно также, что правительство США не пошло на сближение с СССР и из-за обвинения видных советских военачальников в шпионаже в пользу Германии и Японии в ходе печально известной «чистки» 1937–1938 годов. Бесспорно одно – реальный шанс обеспечить важное условие для налаживания военного сотрудничества двух стран был упущен.

Не все, разумеется, так последовательно и настойчиво, как Дж. Дэвис, добивались изменения внешнеполитического курса США в сторону его поворота лицом к военной опасности и неформального диалога с Москвой, контактов на высшем уровне и т. д. В верхних этажах государственной власти США (а тем более в дипломатическом и военном ведомствах) боязнь сыграть на руку «красному диктатору» перевешивала проснувшееся негодование по поводу наглых притязаний германского нацизма. Но одновременно все меньше оставалось сторонников и вызывающего критику и недовольство курса на уклонение от вызова, брошенного державами-агрессорами как в Европе, так и на Дальнем Востоке.

Американцев, конечно же, даже больше, чем события в Европе, тревожили известия из Китая, где Япония с 1937 г. вела захватническую войну, чем дальше, тем больше грозившую перерасти в открытое американо-японское столкновение. Где и как оно могло начаться, многим представлялось уже вопросом непринципиальным. Как отдалить это неизбежное столкновение, максимально обезопасив интересы США в случае внезапного нападения Японии, – вот чем главным образом были заняты головы американских экспертов-дальневосточников. Наиболее здравомыслящие из них полагали, что формуле «лучше отступление, чем война» есть альтернатива, сопряженная с определенным риском военного столкновения с агрессором, но непосредственно не связанная с ним.

Среди дипломатов США, критически относившихся к политике «умиротворения», заметное место занимал С. Хорнбек, руководивший с начала 20-х годов дальневосточным отделом госдепартамента. С. Хорнбек видел панораму мирового развития с точки зрения, наиболее чувствительной для США, – сквозь призму их экономических интересов в Азии. Его бумаги – десятки аналитических записок, рассматривающих каждый заслуживающий внимания поворот в событиях международной жизни, обстоятельных и предельно (по меркам дипломатического ведомства) правдивых, – поучительное чтение. Все говорит о том,

что Хорнбек располагал довольно внушительным ресурсом доверия и у своих непосредственных патронов – госсекретаря К. Хэлла и его заместителя С. Уэллеса, да, по-видимому, и у самого президента. В противном случае он едва ли решился бы высказывать ряд смелых суждений по поводу опасной ситуации, возникшей после капитуляции в Мюнхене. Влиятельное изоляционистское лобби всегда могло настоять на устранении любого – даже высокопоставленного – чиновника из дипломатического ведомства, если его взгляды не соответствовали принципам внешнеполитического «нейтралитета» США. С. Хорнбек бросил ему вызов, энергично оспаривая разумность продолжения подобного курса.

Уже 6 января 1939 г. С. Хорнбек, явно вдохновленный посланием Рузвельта конгрессу от 4 января, пишет С. Уэллесу докладную записку, в которой, подстраховавшись ссылкой на мнение разведорганов США и их компетентные оценки ситуации, излагает свою концепцию последовательного («шаг за шагом») наращивания давления на агрессоров, а в случае крайней необходимости – применения угрозы силы в качестве контрмеры. В этом любопытном документе, в котором легко угадывались контуры будущей доктрины национальной безопасности, в частности, говорилось:

«В США есть много людей, а среди них и некоторые государственные деятели, которые, судя по всему, думают, что кроме войны и отступления иного выбора нет. Длительное время я был убежден, что сохраняются и другие значительные возможности, если ответить на вызов демонстрацией твердости и достоинства. Мы не должны ограничиваться провозглашением наших принципов и изложением их в письменном виде в нотах. Мы должны последовательно добиваться того, чтобы они были признаны и уважались. В мире, который полагается только на силу, мы не можем надеяться выжить, прибегая к альтруистической болтовне. Мы должны использовать наш огромный потенциал – как экономический, так и финансовый – для поддержки принципов, которые мы считаем справедливыми. Но всего этого нельзя добиться окольными путями. В основу следует положить продуманную программу, предусматривающую постепенное наращивание давления с демонстрацией готовности сражаться в качестве последней меры и если это понадобится» 12. По сути дела, здесь была изложена доктрина «сдерживания».

Все вышесказанное никак не согласовывалось с тем, что соответствовало бы настроениям госсекретаря США. Скажем больше: выводы, к которым пришел С. Хорнбек, отличались от того, что американцы привыкли слышать и из уст самого Ф. Рузвельта. Его знаменитая «карантинная речь» не получила развития в последующих публичных выступлениях и потому почти сразу же утратила реальное значение в международных делах. Наверное, поэтому записка Хорнбека оказалась невостребованной. Тем не менее Хорнбек бесстрашно продолжал бомбардировать госсекретаря и Белый дом своими предложениями взять «решительный тон» в отношении Германии и Японии и вынудить их отказаться от дальнейших шагов по пути эскалации агрессии. Отвергая доводы сторонников политики отгораживания от европейского кризиса и пассивного наблюдения за приближением роковых событий, С. Хорнбек противопоставлял им то, что мы сегодня бы назвали политикой принуждения к миру, вместе с тем наивно полагая, что один только воинственный вид Соединенных Штатов способен внушить Гитлеру почтение к международному праву и суверенитету народов. Но это, пожалуй, не столь уж существенно. Более важно, что его записки были буквально пропитаны предчувствием беды и желанием видеть Соединенные Штаты не только не уклоняющимися от вызова, но и упреждающими горячие головы от авантюры решительной демонстрацией своей мобилизационной готовности.

Накануне важных дебатов в конгрессе по закону о нейтралитете С. Хорнбек вновь вознамерился «раскачать» пассивно настроенных руководителей госдепартамента и снабдить их доводами в пользу основательного пересмотра внешнеполитической доктрины США. 28 января он направил К. Хэлли секретный меморандум, в котором, в частности, говорилось: «...Мир движется в сторону войны в Европе. Такая война может начаться очень скоро... Наша страна в силах предотвратить развязывание войны или повлиять на ход событий таким

образом, чтобы сделать маловероятной возможность ее развязывания. Наша страна могла бы, если бы ее помыслы и усилия были направлены на это, сделать для всех ясным, что силы, которые будут противостоять диктаторским режимам, если они предпримут вооруженную агрессию, окажутся столь значительными, что их не удастся сломить» 13.

Тем, кто, подобно Стимсону и Хорнбеку, по разным соображениям отвергал политику нейтралитета, избранная Ф. Рузвельтом тактика размывания ее краеугольных основ путем формирования соответствующих настроений в стране казалась малоэффективной. Чисто символические жесты, к которым прибегал президент, стремясь вызвать прилив сочувствия к жертвам агрессии и одновременно удержать страну от открытой (и острой) дискуссии по вопросу внешней политики, не вызывали у них одобрения. В глазах значительной части общественного мнения Рузвельт выглядел нерешительным политиком, заинтересованным в сохранении видимости единства нации («во что бы то ни стало») и ничего не имеющим предложить взамен поучений и планов перевооружения. Критики считали это уже недостаточным, ссылаясь на горький опыт предшествующих двух-трех лет, доказавших никчемность попыток «приручения» агрессоров и излечения их от захватнических инстинктов методом уступок, посулов, угроз «вполголоса». Росло ощущение, что первые месяцы весны 1939 года будут иметь поворотное значение: либо удастся приостановить, а затем и обратить вспять тенденцию сползания к новому кризису, либо, разразившись, этот кризис получит уже необратимый характер. Многие понимали, что времени было отпущено очень немного и что, упустив его, демократические страны столкнутся с неуправляемой ситуацией, а возможно, и с совершенно новой и вдвойне опасной конфигурацией сил в мире, в которой придется думать не об укрощении агрессоров, а о спасении того, что еще можно будет спасти в пожарном порядке. Два документа из архива С. Хорнбека, разделенных коротким временным интервалом, передают напряженное ожидание следующих ходов дипломатии Лондона, Парижа и Вашингтона, а также Берлина и Токио накануне захвата Чехословакии и нападения Японии на Монголию, когда игра перешла в решающую финальную фазу – эндшпиль.

Первый датирован 13 февраля и представляет собой письмо американскому послу в Японии Джозефу Грю (будущему заместителю госсекретаря США), с которым руководитель дальневосточного отдела поддерживал дружеские отношения и привык делиться «недозволенными» мыслями, несмотря на различия в оценке возможных союзников. Оба считали, что уступчивость, проявленная по отношению к Японии и Германии, только разжигает алчность хищников, создавая ситуацию, непредсказуемую с точки зрения интересов и безопасности уже самих Соединенных Штатов. С. Хорнбек дал волю нахлынувшему на него раздражению. Английскую политику на протяжении всего последнего пятнадцатилетнего периода он назвал настолько безоговорочно «глупой» (речь шла о всех ее аспектах – дальневосточном, европейском и американском), что в будущем допускал любой, самый неожиданный и нелогичный шаг со стороны Лондона, вплоть до превращения его в перебежчика в «японский лагерь». Вместе с тем чувство возмущения британской внешней политикой, признавался С. Хорнбек, обуревавшее его, было в чем-то сопоставимо с тем, что он испытывал по отношению к «страусовой» позиции США, демонстрировавших «бессилие» перед лицом реального вызова агрессоров. Какая же отсюда следовала мораль? Мнение С. Хорнбека было категоричным: «В случае, если демократические страны не найдут в себе решимости оказать достаточное сопротивление средствами дипломатического, экономического и физического (военного. – *В.М.*) давления, то через непродолжительное время эти страны столкнутся с выбором, перед которым оказался Китай осенью 1937 года» 14.

Второй документ помечен 18 февраля 1939 г. В нем С. Хорнбек продолжает свои размышления, но им придана уже форма памятной записки, назначение которой – попытаться вывести руководство госдепартамента на разработку новой концепции коллективной безопасности при неременной активной роли США в ее осуществлении. Требовалось незаурядное мужество, чтобы сказать обо всем так, как это было сказано

Хорнбеком, – без оглядки на нежелание К. Хэлла поднимать эти вопросы и без приукрашивания подлинной сути того внешнеполитического курса, которому следовали Соединенные Штаты все последние годы. «Вероятность войны, – писал С. Хорнбек, – которая, как бы долго ни удавалось оттянуть ее начало, вовлечет несколько европейских стран, все возрастает. Если и когда это произойдет, первые удары могут быть нанесены в Европе или в Африке, а может быть, на Дальнем Востоке. Если такая война будет развязана, никто не сможет сказать, сколько стран будут в нее втянуты до того, как она закончится. При этом нет никакой уверенности, что Соединенные Штаты останутся в стороне. С абсолютной уверенностью можно сказать только одно: в этом случае интересы Соединенных Штатов будут затронуты самым существенным образом и в многоплановом порядке. Наша страна располагает возможностями, но, по-видимому, у нее нет воли для того, чтобы предпринять разнообразные действия, с тем чтобы внести свой достойный вклад в предотвращение этого катастрофического развития. Кажется, американское правительство мало что сейчас может сделать, чтобы голос нашей страны весомо прозвучал в поддержку мира» 15.

Нам знакомы эти мотивы, но в документе, составленном 18 февраля, С. Хорнбек уже не уклоняется от критики своего правительства за недостаток у него политической воли, называя его едва ли не главным виновником создания той обстановки вседозволенности в мире, в которой беспрепятственно могут орудовать темные силы войны. Непонятно одно – почему Хорнбек так старательно избегал говорить, где могла начаться война и какие конкретно страны могли на первых порах быть в нее втянуты. Может быть, логично предположить, что версия вашингтонских аналитиков о «восточном векторе» гитлеровской агрессии (о которой было известно, конечно, и Хорнбеку) несколько притупляла чувство опасности и позволяла видеть ситуацию не в столь уж мрачных тонах.

То, что вопрос о направлении очередного удара агрессоров (и прежде всего в Европе) становился главным во всех стратегических выкладках как в дипломатическом, так и в военном ведомствах США, показывает брошюра видного военного аналитика Дж. Элиота, вышедшая в марте 1939 г. В ней он писал о скором начале «большой войны» либо между Англией и Францией с одной стороны, и Германией и Италией – с другой, либо между Германией и Россией (Англия и Франция в качестве воюющих сторон в этом случае не назывались), либо между Японией и Россией (США в качестве воюющей стороны также не назывались) 16. Сомневаться не приходится, – Элиот имел определенные данные о готовящейся весной 1939 г. крупной авантюре Японии в Монголии. Но существенное значение имеет другое.

Своеобразное разделение на «группы риска» и отнесение к ним в двух из трех случаев Советского Союза не могут не навести на размышления. В нем видели объект нападения и с Запада, и с Востока. Один сценарий потянул за собой другой. Неожиданно получила новое звучание тема о потенциале СССР как союзника, почти не возникавшая до весны 1939 г. О причинах, которые заставили вновь обратить взоры на Советский Союз и по-новому оценить его возможности и роль в событиях, будет сказано ниже, но одно несомненно: тон повышенной настороженности и критицизма, возобладавший в западной печати в связи с процессами 1937 и 1938 годов, абсурдными обвинениями неугодных Сталину государственных и партийных деятелей в шпионаже в пользу сразу всех иностранных разведок, раскрытием «военно-фашистского заговора», уничтожением видных советских военачальников, заметно спал, был приглушен. Чаще стали варьировать мысль о том, что победить нацизм способен только «антинацистский тоталитаризм» (так принято было называть сталинский режим). Отмечались (с известным одобрением) и усилия советского руководства по форсированному наращиванию оборонного потенциала. Одним словом, тема исторического предназначения России стать бастионом в борьбе с гитлеризмом потеснила тему подавления свобод и бесправия личности в СССР, бесчинств репрессивного аппарата, жестоких методов коллективизации, закрытости советского общества.

Была признана вместе с тем непредсказуемость действий Гитлера. Отсюда у части политических и военных аналитиков стало расти убеждение, что главный свой удар в

ближайшее время Гитлер нанесет необязательно в восточном направлении. Большой уверенности не было, но сведения, поступавшие из различных источников, позволяли сделать именно такой, пусть для многих и очень нежелательный вывод. В свете этих данных реальная угроза захвата Чехословакии рассматривалась лишь как второстепенная, промежуточная цель в планах Гитлера, добившись которой он скорее всего «проследует» не на восток, в направлении Советской Украины, а повернет на запад, бросив всю свою мощь против Франции, а уже затем станет рисовать стрелы наступательных операций на картах Советского Союза. Тем не менее считалось, что шанс сохранить мир с Гитлером, «выдав» ему Чехословакию, оставался. Поэтому такой ход событий еще не рассматривался как окончательный, за которым неминуемо должен был последовать разрыв с Германией, хотя одновременно признавалась необходимость зондажа Москвы. Такими соображениями руководствовались в дипломатических кругах Лондона, Парижа и Вашингтона, разрабатывая новые тактические шаги в ситуации, целиком уже зависимой от решения Гитлера. К шагам в сторону налаживания контактов с СССР в американском дипломатическом ведомстве отнеслись благосклонно. Дж. Дэвис писал 9 марта 1939 г. из Брюсселя сенатору М. Тайдингсу о позиции Англии: «Сейчас вырисовывается один интересный и весьма многообещающий факт (подчеркнуто нами. – В.М.), а именно то, что английское правительство, кажется, пытается заключить соглашение о коллективной безопасности с Россией...» 17

Другие данные подтверждают, что Вашингтон одобрительно отнесся к переменам в дипломатическом курсе Лондона и Парижа. Министр внутренних дел Г. Икес, отмечая, так же как и Дж. Дэвис, что в Лондоне и Париже наконец-то стали наряду с проснувшимся чувством реальности проявлять твердость характера, склонен был даже приписать эти перемены преимущественно новому «отношению Соединенных Штатов к Гитлеру». В частном послании Р. Робинсу 17 марта 1939 г. он писал: «Именно действия и выступления президента предотвратили утрату Чемберленом и Даладье последних признаков мужества» 18. Робинс же думал несколько иначе, полагая, что Париж и Лондон «очнулись» из-за боязни окончательно оттолкнуть от себя СССР. Но и позиция Рузвельта содержала очень важный новый элемент. О чем шла речь? Прежде всего имелось в виду заявление Ф. Рузвельта (впоследствии «опровергнутое» им самим) на встрече с членами сенатской комиссии по военным делам за плотно закрытыми дверями Белого дома 31 января 1939 г. о том, что господство Гитлера в Европе несовместимо с международной безопасностью и что угроза неприкосновенности границы по Рейну непосредственно затрагивает интересы Соединенных Штатов. Похоже было, что Америка «возвращалась» в Европу как заинтересованная в ее стабильности сторона. Утечка информации об этом совещании вызвала такую бурю возмущения в изоляционистских кругах, что вплоть до 15 марта 1939 г. правительство сочло необходимым вообще не подавать голоса. Но 17 марта Вашингтон официально осудил захват Гитлером чешских областей Чехословакии и объявил, что намерен поддерживать контакты с дипломатическими представителями чехословацкого правительства в эмиграции.

Даже вездесущий и хорошо информированный Хорнбек посчитал, что в Европе не все потеряно, если западные демократии признают провал своей политики уступок агрессору за счет каких-то оказавшихся под его ударом стран и демонстративным безразличием к идее коллективного отпора фашизму. 18 марта 1939 г. он сделал в этой связи следующую запись: «Очевидно, будет обоснованно признать, что чемберленовская политика «умиротворения», если речь идет о Германии, должна быть отброшена за ненадобностью. То, что Чемберлен сказал вчера в Бирмингеме (речь шла о выступлении Чемберлена, в котором он осудил захват Чехословакии. – В. М.), и то, что заместитель госсекретаря и президент заявили также вчера в Вашингтоне, достаточно авторитетно, чтобы донести до Германии истину, что дальнейшие ее хищнические действия приведут к объявлению этой страны вне закона. Всецело хочется надеяться на то, что как правительства, так и народы Англии и Америки поймут, что единственным результатом событий последних нескольких дней будет дальнейшая интенсификация Германией ее программы вооружения и милитаризации.

Единственно разумным и соответствующим обстановке ответом на это должно стать общее ускорение и увеличение британской и американской программ вооружений и в целом готовности к обороне» 19.

И все же, откуда появилась уверенность в том, что в политике Англии и Франции грядут перемены? Сказалось, видимо, общее понимание опасности вызвать резкое ухудшение отношений с Советским Союзом и тем самым подтолкнуть его к изменению точки зрения на возможность сотрудничества с демократическими странами Запада. Американским дипломатам, конечно же, было известно, что 1 марта Н. Чемберлен и 13 членов английского кабинета пришли на прием в советское посольство 20. Однако речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта, заявившего, что СССР не будет «таскать каштаны из огня» ради чьей-либо безопасности, напомнила еще раз, как непрочны стали после Мюнхена нити, связывающие столицы западных демократий и Москву. 27 марта 1939 г. Дж. Дэвис в письме сенатору М. Тайдингсу самым определенным образом высказался на этот счет: «Англия и Франция, – писал он, – после того как они не допустили Россию к участию в конференции в Мюнхене (хотя и находились с ней в союзнических отношениях), могут сейчас попытаться приблизить ее к себе вновь. Однако не исключено, что они столкнутся с нежеланием «медведя» снова усесться на раскаленную докрасна плиту после всего случившегося. Этот «медведь» намерен получить достаточно определенные гарантии со стороны Англии и Франции до того, как окажется в опасности». Тему позорной выдачи всей Чехословакии Гитлеру нельзя было обойти, и Дж. Дэвис отмечает, что трагедию могли предотвратить только совместные действия Франции, Англии и СССР. Но этого не случилось. Дж. Дэвис закончил письмо упреком и предупреждением своему правительству: «Вы знаете, что в течение более двух лет я предчувствовал, и очень сильно, чем это все кончится. Увы, мои повторяющиеся предсказания, адресованные государственному департаменту и «боссу» (Ф. Рузвельту. – В.М.), оправдались и даже «слишком» 21. Ключевым словом было «слишком». В нем заключался большой и очень тревожный смысл.

Дж. Дэвис был отлично осведомлен о ведущихся в Москве переговорах английского посла Сидса и министра по делам заморской торговли Ходсона с М.М. Литвиновым, А.И. Микояном и В.М. Молотовым, но ход их и вероятный итог у него не вызвали оптимизма. Дж. Дэвис уведомил об этом «босса» через близкого ему пресс-секретаря Белого дома Стива Эрли, направив ему 29 марта 1939 г. письмо. Для сведения президенту. В нем говорилось: «Отсюда все выглядит очень мрачно. Английские и французские представители находятся сейчас в Москве, где ведут переговоры с тамошним руководством. Они пытаются убедить Россию согласиться с предложенной ими «общей декларацией». Но Москва настаивает на том, чтобы она была подкреплена реальным военным сотрудничеством большой тройки. Цель – не дать никому из них воевать один на один с Гитлером. Чемберлен продемонстрировал гениальные способности выжидать, пока вся процессия не пройдет мимо. В этих переговорах он почти пропустил свой вагон, что не сулит ничего хорошего, если только им не удастся убедить Россию, что она не останется в одиночестве. Если бы то, что они делают сейчас, ими было сделано два года назад, Чехословакия не исчезла бы с политической карты Европы» 22. Через пару дней Дэвис высказался еще определеннее, поделившись всеми этими соображениями с послом США в Лондоне Дж. Кеннеди. Оба дипломата сошлись на том, что европейская ситуация выглядит крайне неблагоприятной. Находясь в Лондоне, Дэвис специально попросил Кеннеди предупредить Чемберлена о том, что любая неосторожность может «подтолкнуть Сталина в объятия Гитлера». Запись об этой беседе с Кеннеди Дэвис сделал 3 апреля 1939 г. 23.

Скорее всего, Дж. Дэвис не был осведомлен тогда, что его собеседник питал особое расположение к Германии и домогался отказа Вашингтона от поддержки воинствующих антигерманских сил в Европе. Дэвис же был убежден, что политика его страны в сложившийся ответственный и чреватый риском самых катастрофических последствий момент должна быть принципиально иной 24. Опасаясь, что промедление дорого обойдется прежде всего странам Запада, Дэвис выдвигает смелый план подключения США к

переговорам между Москвой, Лондоном и Парижем с целью укрепления климата доверия между сторонами и предотвращения разрыва СССР с Западом в результате чемберленовской политики проволоочек. В секретных посланиях Ф. Рузвельту и К. Хэллу 18 апреля 1939 г. он предлагает дать ему отставку с поста американского посла в Брюсселе и направить в Москву в качестве частного лица, но с особой миссией, с тем чтобы там на месте, пользуясь доверием советского руководства, осуществить от имени администрации Ф. Рузвельта посредничество в ходе проходивших в атмосфере взаимной подозрительности переговоров. «Они (англичане и французы. – *В.М.*), – писал он Рузвельту, – потеряют Советы, если не будут вести себя осторожно!» 25

Мысль Дж. Дэвиса была совершенно ясна: продолжение переговоров с русскими в той же неторопливой, вязкой манере с привлечением к ним второстепенных политиков только подогревает и без того болезненную подозрительность Сталина и легко может привести к провалу. Насчет того, что за этим последует, у Дж. Дэвиса давно имелось вполне сложившееся мнение, которое он неоднократно доводил до сведения Белого дома. События в марте – апреле 1939 г. только подтвердили его опасения, что Сталин способен сделать резкий поворот в случае, если окончательно решит, что Запад медлит неспроста.

Значительный интерес представляет в этом смысле хранящийся в архиве Библиотеки конгресса подготовленный Джозефом Дэвисом документ «Предложение о моей поездке в Москву» – плод напряженных размышлений по поводу взрывоопасной ситуации в Европе и шансов предотвращения полного разрыва между западными демократиями и СССР. Попал ли этот документ на глаза Ф. Рузвельту – еще надлежит выяснить, но в принципе это не меняет дела. Сам Дж. Дэвис полагал, что он является своеобразным дополнением к тем соображениям о миссии в Москву с целью добиться прогресса в англо-франко-советских переговорах, которые были им изложены в телеграммах К. Хэллу. Написано «Предложение» и отослано в Вашингтон из Брюсселя тогда же, 18 апреля 1939 г., но оно несет на себе следы более поздней чисто редакционной правки автора, что может служить только доказательством неизменности точки зрения Дэвиса на этот памятный для него эпизод. Концовка документа передает напряженность момента и надежды на положительную реакцию Вашингтона:

«Они (советские руководители. – *В.М.*) очень сильно боятся и не доверяют Англии, они не доверяют и Франции, но у них нет недоверия к нашим (речь идет о США. – *В.М.*) мотивам. Конечно, никто не может предсказать будущее и, может быть, их отношение изменится, но непосредственный факт, с которым мы сталкиваемся, состоит в следующем: чтобы избежать войны, мы должны добиться заключения соглашения на обозримое будущее и тем самым остановить трагедию. По мере того, как эти переговоры в Москве движутся от плохого к худшему, меня преследует мысль, что я, возможно, был бы в состоянии оказать услуги в укреплении взаимного доверия сторон и содействовать выработке соглашения о единстве действий на случай, если Гитлер совершит нападение.

Это послание развивает положения моей телеграммы Корделлу (Хэллу. – *В.М.*). Меня преследует чувство, что, если участники переговоров не смогут договориться, все завершится катастрофой. Ясно, как день, что если они (русские. – *В.М.*) не смогут добиться заключения соглашения о военном союзе, предусматривающего взаимные обязательства, им не останется ничего другого, как только пойти на сделку с Гитлером, с тем чтобы выиграть время для подготовки против возможного нападения Гитлера.

Если мое предложение отправиться в Москву кого-либо смущает, я готов уйти в отставку с поста посла США в Бельгии и поехать в Москву в качестве частного лица. Однако я не превышу полномочий, которые Вы на меня возложили, и, Вы это знаете, никогда не сделаю ничего, чему бы Вы не дали зеленую улицу» 26.

Более ясного предвосхищения последующего хода событий невозможно было себе придумать. Однако, кроме краткого упоминания о том, что 18 апреля 1939 г. он отослал личные послания президенту и государственному секретарю с изложением соображений о важности заключения соглашения между СССР, Англией и Францией, в книге Дэвиса,

изданной в 1942 г. в Лондоне, никаких подробностей приведено не было. Бывший посол в Москве не решился обнародовать факт своего обращения в Вашингтон с предложением о посредничестве США в московских переговорах. Причина была достаточно весомой: его отвергли.

Президент отмолчался, но государственный секретарь вежливо отчитал Дэвиса, выговорив ему за «чрезмерное» беспокойство и несвоевременную инициативу 27. При этом К. Хэлл сослался на соображения «внутреннего» порядка, очевидно, намекая на опасность новой вспышки антирузвельтовских выступлений изоляционистов и неблагоприятной реакции конгресса. По-своему он был прав. Приезд Дэвиса в Москву, конечно же, не мог остаться незамеченным и вызвал бы отчаянный переполох – в Вашингтоне, наверное, не меньший, чем в Берлине. Между тем США медленно втягивались в новую избирательную кампанию 1940 года, и открытое проявление особой заинтересованности правительства в успехе московских переговоров могло бы дорого обойтись Рузвельту, уже подумывавшему о третьем сроке пребывания в кресле президента. Обычные дипломатические контакты на уровне послов не выглядели предосудительными, но и они могли послужить материалом для обличений.

Эти соображения К. Хэлла и президента были понятны Дж. Дэвису, он прекрасно знал политические нравы и обычаи своей страны и обострение общей ситуации в связи с приближением выборов 1940 г., однако доводы государственного секретаря не произвели на него впечатления. Более того, в сложившейся наэлектризованной обстановке он посчитал их пустой отговоркой, не имеющей оправдания. Позднее, уже после начала войны, 11 сентября 1939 г., в письме С. Эрли Дж. Дэвис весьма нелюбезно отозвался о ссылках К. Хэлла на «внутренние обстоятельства», которые помешали ему дать «зеленую улицу» идее неформального вмешательства США в критические переговоры в Москве. Назвав начавшуюся к тому времени войну горькой расплатой за политику «умиротворения» и напомнив заодно об отклонении госдепартаментом его предложения от 18 апреля 1939 г., Дэвис заключал: «Государственный департамент по причинам, которые ему лучше известны, не согласился со мной; я же больше не стал нажимать на президента» 28.

Получив выговор от Хэлла, Дж. Дэвис замолчал, но ощущение, что мир подвигается к краю пропасти, вновь и вновь заставляло его возвращаться к драматически и, по его мнению, безнадежно складывающейся ситуации в ходе англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г. Вероятность разрыва Сталина с идеей военного партнерства с западными демократиями и удвоения усилий с его стороны по обеспечению безопасности Советского Союза (пусть временной) путем прямого соглашения с Гитлером представлялась Дэвису уже стопроцентной реальностью. Отметим попутно, что Дэвису не позволили отправиться в Москву, одновременно тайно планируя поездку помощника госсекретаря Брекенриджа Лонга в Германию 29. Рузвельт, Хэлл, Уэллес лично принимали решения по этим вопросам и осуществляли руководство всеми практическими мероприятиями в этом деле, в том числе и используя агентурные каналы.

Ни у кого нет достоверной информации о том, как реагировал Рузвельт на известные московские англо-франко-советские переговоры весной и летом 1939 г. Архивы и воспоминания хранят об этом молчание. Есть лишь косвенные свидетельства и информация общего характера, позволяющая высказать отдельные догадки. Одна из них принадлежит Элеоноре Рузвельт, затронувшей в своих воспоминаниях события, связанные с довольно-таки необычным происшествием в англо-американских контактах после Мюнхена. С визитом английской королевской четы в США в июне 1939 г. Само по себе явление это было необычным, внешне оно носило сугубо протокольный характер, но нельзя не допустить, что между президентом и его гостями из Букингемского дворца состоялся и деловой разговор. Георгу VI и королеве Елизавете в Гайд-Парке был оказан исключительно теплый прием. Общеизвестно, что эта встреча стала знаковым событием. Но, что творилось в голове у президента, сказать сегодня невозможно. Приветливый, как обычно оживленный во время завтраков, обедов, автомобильных прогулок, он оставался непроницаемым. Позднее

Элеонора Рузвельт в своих воспоминаниях высказала лишь общую мысль: «Убежденный, что несчастье надвигается на Европу, он хотел установить контакты с теми, которые, как он надеялся, были преданными демократии и доказали, что могут быть союзниками в борьбе против фашизма, когда разразится конфликт» 30.

18 июля 1939 г. Дж. Дэвису представилась возможность по приезду в Соединенные Штаты из Брюсселя лично высказать президенту во время их длительной беседы с глазу на глаз свои соображения о самом главном в мировой политике тех дней. В записи, сделанной Дж. Дэвисом и, по сути дела, санкционированной Ф. Рузвельтом, читаем: «Он (Рузвельт. – В.М.) расспрашивал меня о переговорах русских с англичанами и французами. Я сказал ему совершенно откровенно, что они меня очень беспокоят. Среди дипломатов в Брюсселе постоянно ведутся разговоры о том, что Гитлер прилагает все усилия с целью добиться усиления враждебности Сталина к западным странам. Я сообщил ему, что располагаю информацией, полученной от одного из высокопоставленных европейских деятелей, о том, что Гитлер и Риббентроп вполне уверены в своей способности оторвать его (СССР. – В.М.) от Англии и Франции. Президент, в свою очередь, рассказал мне о своем разговоре с послом СССР Уманским перед отъездом последнего в Москву. Во время этого разговора он просил передать Сталину, что в случае, если тот присоединится к Гитлеру, последний, вне всякого сомнения, повернув сначала против Франции, нанесет ей поражение, а затем сразу же наступит очередь Советского Союза. Президент просил меня, если я смогу, довести его мнение до сведения Сталина и Молотова» 31. Поручение Рузвельта выполнил уже новый посол Л. Штейнгардт и сделал это не лучшим образом.

Приведенная выше запись из дневника Дэвиса имеет ключевое значение, хотя и способна породить ряд недоуменных вопросов. Во-первых, откуда у Ф. Рузвельта появилась уверенность в безнадежности положения Франции? Далее: почему президент США отказался, по крайней мере с той же настойчивостью, воздействовать на Лондон и Париж с целью побудить их к продуктивному диалогу с Советским Союзом? И наконец, что заставило президента искать неформальный контакт со Сталиным с целью убедить его избегать ловушек Гитлера? Коротко ответить на эти вопросы не удастся. Ограничимся минимумом в отношении последнего.

Прежде всего Ф. Рузвельтом руководило явное разочарование в политике «умиротворения». После захвата Чехословакии у нее становилось все меньше сторонников. И одновременно росло понимание возросшей роли Советского Союза в мировых делах, что, как оказалось, могло обернуться двояко. Ситуация обострилась после внезапной отставки М.М. Литвинова 3 мая 1939 г. Вслед за ней, как известно, последовало изменение тона нацистской пропаганды в отношении Советского Союза и начало в мае – июне советско-германских переговоров по экономическим вопросам. Но восприятие всего этого было неадекватным нависшей угрозой. В дневнике журналиста Р. Клэппера, близкого к Белому дому, есть запись о его беседе с Лоем Гендерсоном (он тогда занимал пост заместителя заведующего восточноевропейским отделом госдепартамента), которая передает существенные особенности толкования ухода Литвинова американскими экспертами. Оказывается, они более всего склонялись в пользу той версии, что этот уход должен был убедить Англию и Францию проявить большую расторопность в достижении соглашения с Советами. Р. Клэппер писал: «Пока нет никакой дополнительной информации об отставке Литвинова. Лой полагает, что это всего-навсего жест, но не может объяснить, с какой целью он сделан. Литвинов проводил правительственную линию, сформулированную в виде политики коллективной безопасности, но ему не принадлежало решающего слова. Если он попал в беду, они могли без шума отстранить его, если же он болен, то в этом случае его могли оставить в покое. Таким образом, может быть, это и жест, но его цели не ясны. Возможно, хотят поугадать Англию и Францию, с тем чтобы заставить их активизироваться» 32.

Складывается впечатление, что дипломатия США испытывала в эти решающие весенние и летние месяцы 1939 г. настоящий дефицит рабочих идей, будучи к тому же

скованной внутренними осложнениями. Карты окончательно спутала начавшаяся 10 мая 1939 г. необъявленная война Японии против Монгольской народной республики и Советского Союза. Заверения, сделанные правительством Токио американскому послу Грю, не убеждали, что японцы действительно помышляют только о том, чтобы совместно с Германией и Италией уничтожить «большевизм». В госдепартаменте (об этом было известно Уманскому) советовали прессе не видеть в этих событиях ничего серьезного. Между тем агрессия в Китае расширялась, а отвлечение Советского Союза на защиту МНР и собственных границ на Дальнем Востоке заставляло его проводить все более осторожную политику в Европе. Часть американских государственных и общественных деятелей – прагматиков, тщательно взвешивая все минусы и плюсы сложившейся ситуации, приходила к выводу, что США в их собственных интересах следовало бы занять более жесткую антияпонскую позицию, не поддаваясь соблазну позволить Японии вторично устроить «порку» возомнившему о себе Кремлю. Р. Робинс, например, в письме министру внутренних дел Г. Икесу 18 июня решительно высказался за военное сотрудничество Запада (включая и США) с Советским Союзом. «Развитие событий в Китае, – писал он, – возможно, принудит Англию и Францию вступить в союз с СССР. Единственно верный путь для демократий, если они хотят спасти свои инвестиции и коммерческие предприятия в Азии, состоит в том, чтобы выступить совместно с Советами и остановить Японию руками русских» 33.

Откровенный цинизм предложенной формулы обнажал до предела основную мысль: ради собственного благополучия и безопасности Соединенные Штаты и западные демократии вообще должны, не теряя времени, согласиться «на брак по расчету» с Советским Союзом. Для Советского Союза этот брак должен был оставаться всегда неравным, но предложения Робинса шли значительно дальше пассивного варианта Хорнбека, предложенного в начале года. Робинс говорил о военно-блоковой политике «совместно с Советами» решительно и смело. На ту же тему примерно тогда же высказался и Генри Стимсон (бывший государственный секретарь США), чье влияние в кругах, близких к Белому дому и госдепартаменту после его «прокурорского» письма Хэллу, стало вновь быстро расти. Смысл его подхода состоял в следующем: безопасность неделима, коллективный отпор японской агрессии в Азии разрядит и ситуацию в Европе, образумив Гитлера и Муссолини. Вот запись из его дневника от 5 июля 1939 г.: «Я сказал Данну (советник госдепартамента. – *В.М.*), что закон о нейтралитете обернулся скандальной историей из-за отказа администрации занять решительную позицию в этом вопросе... Я сказал ему также, что, по моему глубокому убеждению, американский народ более расположен к позитивным действиям в Азии, нежели в Европе... Я сказал, что в настоящее время противодействие Японии будет так же эффективно в предотвращении разрушительных усилий Гитлера и Муссолини, как если бы оно было предпринято непосредственно в Европе, ибо диктаторы увидели бы, что их ждет в случае дальнейшей эскалации агрессии» 34.

По случайному стечению обстоятельств в тот же день, 5 июля, министр внутренних дел США Г. Икес, ссылаясь на свой разговор с У. Буллитом (американским послом в Париже), в ответе Робинсу кратко, но выразительно обрисовал положение в Европе, и его оценка обнаружила удивительное сходство с той, которую, по сути дела, высказали Робинс и Стимсон. Констатируя вхождение мира повторно в состояние предмюнхенского кризиса, Икес отмечал, что, без всяких сомнений, действия агрессоров носили уже согласованный, скоординированный и открыто провокационный характер. Действия же их противников как в Европе, так и в Азии отличались несогласованностью, растущим недоверием друг к другу и попытками, используя любые недостойные маневры не дать вовлечь себя в войну. А между тем, как явствовало из письма Г. Икеса, счет шел уже не на месяцы, а на дни и часы. «Недавно из Парижа в Вашингтон на несколько дней приехал У. Буллит, – писал Икес. – Он считает, что кризис в Европе может разразиться где-то в середине июля или даже до этого. Буллит полагает, что Германия двинет свои войска к польской границе с целью повторить с Польшей то же самое, что она уже проделала с Чехословакией. Он сказал, что все зависит от

того, что решит Чемберлен, но он не представляет себе, каким будет его выбор. Он полагает, что Англия и Франция сейчас находятся в лучшем положении для того, чтобы начать войну с Гитлером, чем это было во время Мюнхена, но не верит, что они могли бы одержать победу без помощи России. Между тем Чемберлен продолжает действовать так же неискренне. По-видимому, вопреки всему он надеется, что Гитлер в конце концов решит двинуться на Восток, а не на Запад и поэтому медлит с заключением соглашения с Россией, что может иметь роковое значение как для Франции, так и для Британской империи. Конечно, Россия не доверяет Чемберлену и настаивает на том, чтобы Англия взяла на себя специфические письменные обязательства. Россия не испытывает опасений по поводу того, что Гитлер может ударить в восточном направлении, или в связи с тем, что тот же Гитлер может нанести поражение России, даже если он и начнет войну с ней. Уманский сказал мне, что эта угроза принималась во внимание уже много лет подряд и что к отражению ее приняты меры» 35.

Может показаться странным, но сценарий, обозначенный в разговоре Икес – Буллит, воплощался по канонам классической трагедии с фатальным финалом. Заключение 24 июля 1939 г. между Англией и Японией соглашения Арита – Крейги, фактически означавшее признание японских захватов в Китае, в сочетании с продолжением советско-японского конфликта на время повергло американскую дипломатию в состояние замешательства. С одной стороны, казалось, сбывалось предчувствие Хорнбека о полном моральном дезертирстве английской дипломатии. С другой – поступавшие в госдепартамент сведения говорили о широкомасштабном характере военных действий на Халхин-Голе и вынуждали рассматривать Советский Союз как жертву агрессии, располагающую, по крайней мере, моральным правом на сочувствие и поддержку. Действия же Англии по контрасту требовали осуждения. Солидаризироваться с ними означало оправдать этот дальневосточный Мюнхен, что полностью отрезало возможность хоть как-то повлиять на англо-франко-советские переговоры в Москве. В Вашингтоне не решались и отмежеваться от них, опасаясь осложнений с Англией.

Однако общественное мнение страны склонялось в пользу принятия жестких мер в отношении Японии, полагая, что только недостаток твердости со стороны США привел к очередной унижительной капитуляции Англии и очередному успеху Японии. Убедившись в нарастании антияпонских настроений в США, Ф. Рузвельт решил действовать в унисон с ними: 26 июля он денонсировал торговый договор с Японией от 1911 года. Несомненный успех этой акции, явно указавшей на спад влияния изоляционизма в стране, ободрил президента, и это привело к некоторому оживлению и европейской политики США. Но ее миротворческий эффект был уже ничтожно мал. В различных эпизодах последних недель предвоенного кризиса дипломатия США оставалась по преимуществу сторонним наблюдателем и лишь во вторую очередь фактором давления в пользу мира.

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. в этом смысле не стал исключением. Чтобы понять это, нужно обратить внимание на ряд обстоятельств. Прежде всего в Вашингтоне существовало мнение, что не кто иной, как Япония, своими военными акциями подтолкнула Сталина принять предложение Гитлера, отодвигавшее непосредственную угрозу от западных границ СССР и создававшее некоторый запас безопасности. Было бы сильным преувеличением сказать также, что для широкой американской публики в целом был неожиданным провал московских переговоров и приезд туда Риббентропа. Крупнейшие газеты («Нью-Йорк таймс», например) писали о такой возможности с начала марта 1939 года; «утечки» шли и по линии дипломатического ведомства США, которое было хорошо информировано о всех деталях советско-германских контактов с конца 1938 г. Мы уже видели, что Ф. Рузвельт был не только предупрежден, но и подготовлен к изменению советской политики, хотя он и не мог предвидеть до конца ни его характера, ни его последствий. Более того, говорить об отступничестве, вероломстве Москвы мешали и другие обстоятельства, хотя бы то, что Соединенные Штаты сами оставались верными закону о нейтралитете 1935 г. и к тому же неоднократно предлагали Гитлеру и Муссолини вступить в сделку ради «передышки» («План Уэллеса»), «всеобщего

урегулирования», «успокоения» и т. д.

Нужно вспомнить и о таком факторе, как нравственный уровень внешней политики. По выражению Томаса Манна, содержащемуся в одном из его писем, датированных 16 февралем 1939 г., заражение жалкими и подлыми глупостями, творящимися в мире, не стало в те годы уделом только одной или нескольких стран, оно распространилось повсюду. Нравственный порог опустился до чрезвычайно низкой отметки благодаря политике «умиротворения», и переступить его оказалось очень легко. Ощущение тупика охватило самых близких к Рузвельту людей. Главными детерминантами мировой политики стали принципы национального эгоизма, коими, в сущности, и руководствовались при определении целесообразности или нецелесообразности той или иной дипломатической акции, а также при оценке внешнеполитического курса в целом. Явление это стало всеобщим. Находясь, как принято говорить, в пограничной ситуации между миром и войной, дипломаты разных стран привыкли ничему не удивляться и объяснять любой самый сверхнеожиданный и крутой поворот с точки зрения чисто практической сиюминутной выгоды. Этот крайний практицизм превратился в самодовлеющий фактор мировой политики, вытеснивший моральные критерии и «устаревшие» понятия вроде права наций на независимость и суверенитет, верность международным договорам, невмешательство во внутренние дела других стран, идеологические принципы и т. д.

В этом контексте, по-видимому, и стоит рассматривать анализ ситуации, возникшей в связи с германо-советским пактом, содержащийся в многочисленных записках С. Хорнбека, выполненных им по поручению руководства госдепартамента сразу же после того, как сообщение о подписании пакта достигло столицы Соединенных Штатов. Собственно, в представлениях Хорнбека о расстановке сил ничего не изменилось. Он не посчитал даже нужным упомянуть об англо-франко-советских переговорах и о тех возможностях, которые были упущены в связи с их провалом. По-видимому, опытный американский дипломат подозревал, что, не имея гарантий со стороны Америки, Англия и Франция не решатся всерьез воевать с Германией и не пойдут на военный союз с СССР. Москве они не доверяли, ее военный потенциал в расчет не принимали. Отвечая на главный вопрос, как США следует поступать в сложившейся обстановке, и сознавая безнадежность возобновления прямых призывов к Гитлеру сохранять мир (о чем велась речь в кабинетах госдепартамента), С. Хорнбек писал К. Хэллу:

«24 августа 1939 г.

Г-н Секретарь,

вчера пополудни Вы попросили нас представить соображения по вопросу о том, каким путем (или путями) нашему правительству необходимо следовать, имея в виду участие в мерах по предотвращению возникновения войны, явно нависшей сейчас над Европой, и вообще допустимо ли такое участие.

Я постоянно и до сегодняшнего дня, и после случившихся событий многократно обдумывал этот вопрос. Вчера на совещании я воздержался от высказывания своих суждений в связи с тем, что Вы поставили перед нами в качестве возможного варианта решения вопрос об обращении к Гитлеру с призывом к здравомыслию, а также с учетом существа конфликта, его правовых и моральных аспектов. У меня нет ни малейшей надежды на то, что та или иная форма моральной или правовой аргументации или увещаний заставит Гитлера отказаться от осуществления того курса, следовать которым он посчитал нужным, опираясь на военную мощь. В ряде случаев Гитлер уже, в сущности, с успехом создал состояние войны, не начиная военных действий. С точки зрения военной готовности и стратегических преимуществ он сейчас находится в выгодном положении, что позволяет ему, если он посчитает необходимым, пойти на риск войны с его противниками в Европе. Если речь идет о нашем правительстве, с учетом существующих ограничений в его деятельности я могу себе представить только один вид действий, который в случае его использования может остановить Гитлера от следующего шага (т. е. от давления с использованием военной силы на

Польшу). Этим действием, я считаю, может быть декларация президента США о том, что в случае возникновения войны в Европе он, президент, приложит все усилия с тем, чтобы использовать моральное и экономическое влияние США на стороне тех стран, которые в такой войне будут сражаться за свою независимость во имя закона, справедливости и порядка. Я хорошо представляю, что в случае, если президент предпримет такие действия, он возьмет на себя огромную ответственность и в политическом отношении огромный личный риск. Я не хочу сказать, что на нем лежит обязанность поступать именно так. Я только хочу сказать, что не вижу никакого другого способа действий для нашего правительства, который в настоящий момент имел бы хоть малейший шанс серьезно повлиять на планы и решения Гитлера и сохранить мир. Мне не нужно Вам говорить, что в изложенном мною предложении не рассматривается вопрос о потенциальном эффекте такого решения на общественное мнение нашей страны или других стран; я обсуждаю здесь только один момент: возможное воздействие его на Гитлера в связи с вставшим уже во весь рост вопросом о войне или мире» 36.

Итак, «увещевания» Гитлера бесполезны, война, в сущности, в скрытой форме уже идет, и поэтому эффективные попытки удержать Гитлера от перехода к открытым действиям требуют максимальной концентрации воли и мужества. По мнению С. Хорнбека, США в сложившейся обстановке должны были применить имеющийся арсенал «сдерживания», впрочем не выходя за рамки, определенные законодательством о нейтралитете, то есть оставаясь вне вооруженного конфликта и не давая втянуть себя в него. Понимал ли Хорнбек, что и в том «крайнем» варианте, который предлагал он, странам, противостоящим агрессии, отводилась, в сущности, пассивная роль? Вся инициатива отдавалась Гитлеру, каждый должен был позаботиться о себе самом. Не потому ли советско-германский пакт от 23 августа в сознании дипломата не запечатлелся в качестве такого события, которое решительно все переворачивало с ног на голову и создавало принципиально новую ситуацию в Европе?

Но информация шла сплошным потоком и из других регионов мира, и С. Хорнбек вновь берется за перо, с тем чтобы оценить положение на Дальнем Востоке, которое внезапно стало выглядеть иным. Его новая записка руководству госдепартамента в отличие от предыдущей безымянной докладной получает четкий заголовок «Положение, сложившееся на Дальнем Востоке под влиянием текущих событий в Европе». Текст гласил:

«Сообщения из Японии, поступившие сегодня, показывают, что в ходе обсуждения ситуации, возникшей сразу же после подписания советско-германского пакта «о ненападении» представитель военно-морских сил заявил о единстве мнений японской армии и военно-морских сил страны относительно необходимости проведения Японией независимого внешнеполитического курса. Стало известно, что император намеревается собрать Имперский совет для обсуждения внешней политики. Сообщают также, что преобладающим официальным мнением является следующее: Япония должна стремиться улучшить свои отношения с Соединенными Штатами и Великобританией («по той причине, что Германия в их глазах утратила доверие»). И еще стало известно, что Япония решила поставить под «контроль» антибританскую кампанию в Китае.

Автор этой записки (С. Хорнбек. – В.М .) полагает, что японское правительство в течение ближайших нескольких дней (возможно, недель) не примет никаких новых решений в сфере большой политики или стратегии; скорее всего, оно будет наблюдать за развитием событий и будет занято обдумыванием и согласованием точек зрения. Следует считать, что в интересах нашей страны это также совпадает с нашими принципами и политикой, сейчас не вмешиваться прямо в процесс идущего обдумывания с целью повлиять на него. Все факты и суть сложившейся сейчас ситуации на Дальнем Востоке, а также главные события в Европе в целом ясны и представлены перед взором японского правительства достаточно доказательно.

Любой жест, который исходит от нас, будет ли он носить дружеский характер или наоборот, скорее всего будет неверно истолкован. Если и после того, как японцы придут к убеждению, что они нуждаются в друге или друзьях, они сами найдут пути и средства для

того, чтобы официально добиться этого – так же, как это делают многие из них неофициально, – постепенно изменяя наше отношение к ним в дружественном плане. В последние два года они приобрели огромную самоуверенность. В своей практической политике они стали воинственными и жестокими. Сейчас они начинают бояться. Чем скорее они поймут, что для того, чтобы иметь друзей, они должны заслужить дружбу, тем скорее они будут склоняться к модификации своих методов, которые должны продемонстрировать их стремление продолжать и укреплять дружеские отношения (с США. – *В.М.*). На какое-то время мы можем позволить себе стоять в стороне – не расслабляясь и даже, может быть, увеличивая наше дипломатическое давление с целью защиты наших интересов, давая возможность неблагоприятному развитию событий в полной мере оказывать свое влияние на разработку Японией ее внешнеполитического курса» 37.

Как видим, вторая записка С. Хорнбека была выдержана в более мажорных тонах. По его мнению, советско-германский пакт, вызвав охлаждение в японо-германских отношениях, настраивал японскую военщину на поиски дружественного расположения Соединенных Штатов. Токио впал в тяжелую «задумчивость», из которой в госдепартаменте стремились извлечь максимум пользы. Чтобы не спугнуть удачу, С. Хорнбек советовал Белому дому не предпринимать никаких действий, выжидать, давая созреть проамериканским настроениям в Токио. Судя по всему, и президент, и госсекретарь вняли этому совету. Однако рекомендации в связи с развитием европейской ситуации были оставлены без внимания.

25 августа Ф. Рузвельт направил Гитлеру очередное послание. Информировав его о том, что Польша готова рассмотреть все предъявленные ей претензии и урегулировать конфликт путем прямых переговоров, он писал: «Бесчисленное число жизней еще можно спасти... если Вы и правительство Третьего рейха согласятся прибегнуть к мирным средствам урегулирования, одобренным Польшей». Ни слова о санкциях, ни слова о помощи жертвам агрессии. США оставались в стороне 38. Никакого воздействия, как это хорошо понимали в госдепартаменте, очередное обращение не могло оказать. У Гитлера был свой план, он следовал ему неуклонно. Видный американский дипломат, коллега С. Хорнбека – П. Моффат, вспоминая последние дни мира, писал, что всеми овладело тогда чувство обреченности и бессилия 39. Состояние было таким, говорил он, как будто этажом выше находился умирающий человек, и никто не мог и не хотел прийти ему на помощь.

В условиях растерянности дипломатической службы Рузвельт решил перейти на «ручное управление» внешней политикой страны, используя ближайших сотрудников как своих доверенных представителей. Первые дни войны вновь настигли Рузвельта в раздумьях об общем векторе событий. Заместитель государственного секретаря Брекенридж Лонг зафиксировал в своем дневнике попытку президента логически просчитать ходы игроков на поле европейского кризиса после нападения Германии на Польшу. Но, сказал он Лонгу, посетившему Овальную кабинет Белого дома 2 сентября 1939 г. по просьбе президента, события предстают в известном смысле мистифицированными. Немцы атакуют «не в полную силу». Французы и англичане ведут себя так, как будто бы ждут обещанной Гитлером приостановки наступления после захвата Данцига и части коридора. Оба они, Рузвельт и Лонг, согласились, что скорее всего Польша согласится на любые условия Гитлера. Что касается Муссолини, то он предложит «мирную» конференцию пяти держав – Англия, Франция, Германия, Польша и Италия. «Он, – замечает Лонг, – «со значением» не упомянул Россию». Собеседники расстались, констатировав, что события развиваются по сценарию «Второго Мюнхена» 40. Никаких мер решено было не принимать.

17 октября 1941 г., незадолго до того, как Соединенные Штаты вступили во Вторую мировую войну, в письме бывшему кандидату от Республиканской партии на выборах 1936 года Альфреду Лэндону Реймонд Клэппер попытался кратко, буквально в двух словах, обрисовать ту цепь событий, которая привела к войне. Вопрос: «А была ли реальная возможность избежать ее?» – вставал как бы сам собой. Клэппер тоже не уклонился от него, избрав тот угол зрения, который был ближе всего ему, американцу. Вот фрагмент из этого

любопытного документа: «Несколько дней назад моя жена и я сели и попытались шаг за шагом восстановить картину последних нескольких лет с целью выяснить, что мы (Соединенные Штаты. – *В.М.*) или другие страны могли сделать тогда с тем, чтобы изменить ход событий. И каждый раз, анализируя факты, мы приходили к выводу, что Гитлер был много лучше подготовлен к осуществлению своих провокаций, чем другая сторона. Только превосходящая мощь Англии и Франции, а также, возможно, США могла бы предотвратить Мюнхен. Но если мы оглянемся назад, то увидим, что народы демократических стран не были настроены кого-либо слушать. Черчилль тогда взывал к созданию сильного военно-воздушного флота в Англии, чем и заслужил репутацию не вполне нормального человека. Если же коснуться практически осуществимых возможностей, то, кажется, был некоторый шанс призвать Гитлера к порядку в момент, когда он решил ввести войска в Рейнскую область, но не после того, как он сделал это. Фактически наиболее разумный вывод, к которому приходишь, состоит в том, что, если бы США занимали активную позицию после Первой мировой войны, мы смогли бы, имея в виду наши доминирующие позиции, внести определенный порядок в сложившуюся ситуацию, с тем чтобы добиться справедливого урегулирования и таким путем предотвратить развитие событий в неблагоприятную сторону» 41.

Клэппер, как видим, попытался заглянуть в прошлое, вернувшись к истокам той мировой системы (Версальской), которая развалилась у всех на глазах, но, обнаружив там мир, наполненный антиидеями и антидействиями, отказался признать за этим опытом какое-либо рациональное значение. Триумф (пускай временный) фашистских режимов в этих условиях был, в сущности, неотвратим. Шансы спасти мир после ремилитаризации Рейнской области весной 1936 г. были незначительными, а после Мюнхена и вовсе ничтожными. По мнению Клэппера, ключевую роль здесь сыграли упадок внешней политики Запада вообще и неспособность и нежелание США сementировать сопротивление агрессии, дать ему запас прочности в материальном и моральном плане.

Клэппер обошел тему СССР, он не коснулся и советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. Судя по всему, на фоне идущего сражения под Москвой, где впервые планы Гитлера могли быть перечеркнуты, это представлялось ему неоправданным и слишком щекотливым. Мера истины в тот момент определялась величиной реального вклада в войну с германским фашизмом, а Соединенные Штаты все еще оставались вне ее.

Глава VIII

Критический пункт: чисто американские выборы 1940 г.

Враг внутри и снаружи

Выборы 1936 г., принесшие подлинный триумф демократической коалиции «нового курса», аморфному блоку левоцентристских сил, ведомому либералами, но опирающемуся на консолидированное движение рабочего класса, фермерство, средние городские слои, интеллигенцию, молодежь, национальные меньшинства, и давшие в руки Ф. Рузвельта самый высокий мандат в истории президентской власти в США, сказались двояко на дальнейшем развитии внутренней обстановки в стране. Для левых и центристских сил главный результат (победа Рузвельта с разрывом в числе полученных голосов над его противником, канзасским губернатором республиканцем Лэндоном, превышающим все известное ранее) вызвал прилив энергии, новые надежды. И напротив, в стане консервативной оппозиции, точнее, у всех тех, кто занимал позиции правее «нового курса», – состояние уныния, панического ожидания нового натиска на привилегии крупных собственников и ненависть, порой глухую, скрытую, а чаще всего необузданную в своей бескомпромиссной нетерпимости ко всему, что было связано с реформами «нового курса». На страницах консервативной печати, отражающей эти настроения (а она была

могущественна и изобретательна), о них говорилось только как об орудии чужеземного влияния. Ярлык «ползучий социализм» приклеивался тотчас же к любому новшеству. Яростное сопротивление со стороны консервативной оппозиции нарастало, внутри ее шел процесс перегруппировки сил, выработки новой тактики, новых приемов борьбы за электорат.

Рузвельт, стремившийся изо всех сил обеспечить ореол надпартийности каждому своему шагу, видевший себя не иначе как новым Линкольном, не без горечи вынужден был признать, что социальные и политические размежевания в стране углубились, обострились, предстали в обнаженном виде. Вызванное этим напряжение ощущалось почти всеми. В окружении президента даже серьезно опасались покушений на его жизнь. Гарольд Икес писал в частном послании Р. Робинсу в феврале 1937 г.: «Накал страстей все нарастает. Я полностью с Вами согласен в том, что следует принять дополнительные меры с целью защиты президента от покушения на его жизнь. Как Вы знаете, я не паникер, но внутренние проблемы, с которыми мы сталкиваемся, всегда создают в мозгу фанатиков почву для мысли о покушении. Имущие классы в нашей стране считают, что их загнали в угол, и не исключено, что какой-нибудь сумасшедший решит, что только убийство президента может спасти демократию от угрозы диктатуры» 1.

Нетрудно было предвидеть, что у Рузвельта, избранного на второй срок, возникнут серьезные затруднения с консервативным блоком в конгрессе: его члены от Демократической партии уже не рассматривали хозяина Белого дома в качестве «толкача», способного в решающей степени повлиять на настроения избирателей. Неудачная попытка Рузвельта в 1937 г. провести реформу Верховного суда, сильно досаждавшего своим неприятием чрезвычайных мер по спасению экономики, в области трудового законодательства и т. д., а также реорганизацию системы исполнительной власти с целью сделать ее более эффективной сплотили оппозицию, прибавив ей новых сторонников. Пресса подняла отчаянный крик, защищая конституцию от посягательств. К этому следует добавить углубившееся разногласие внутри самой Демократической партии, в особенности в связи с той трансформацией, которую претерпела ее массовая база. Южное крыло партии (диксикраты), поддержанное виднейшими магнатами капитала, было близко к мятежу: ограниченные шаги навстречу интересам черных американцев, сделанные администрацией «нового курса» (Элеонора Рузвельт смело взяла на себя инициативу в организации широкой просветительской кампании), рассматривались ими как начало конца безраздельного господства расистских порядков на «старом Юге», как прелюдия общей катастрофы. Личные секретари президента Стив Эрли и Марвин Макинтайр, оба южанина, полагали, что Элеонора «переходит границы», ставя под удар стратегию президента.

Олигархические кланы, вынужденные в первой половине 30-х годов уйти в глухую оборону, растерявшие значительную долю своего морального авторитета, после достижения к середине 30-х годов более высокого уровня экономической активности вновь подняли голову, обретя самых пестрых и порой неожиданных союзников. К ним примкнули церковные круги, недовольные признанием СССР, крупное и среднее фермерство, ратовавшее за упразднение ограничений на сельскохозяйственное производство по аграрному законодательству «нового курса», часть руководства АФТ, встревоженного ростом левых настроений в профсоюзах, весьма значительные слои интеллигенции, напуганные ростом радикализма и «сидячими забастовками», левацкие элементы с их склонностью к сектантству, прогермански настроенные этнические группы, недовольные антинацистской направленностью «карантинной речи» Рузвельта, подозревавшие его в тайном сочувствии врагам Третьего рейха, многочисленные профашистские группировки и т. д. Поползли слухи, что администрация Рузвельта находится под контролем коммунистов.

У оппозиции был еще один тайный союзник – внутреннее убеждение самого президента, что все реформаторство по возможности должно носить строго ограниченный характер, не затрагивая принципиальных основ функционирования социально-

экономической системы. Едва ли можно согласиться с каждым словом из приводимой ниже цитаты из книги известного историка Роберта Макэлвайна, но суть происходящего она передает верно. «...Рузвельт, – пишет он, – выдохся к 1936 г. Попытка (если будет позволительно несколько изменить эту метафору) сделать перевязку экономической системе без внесения в нее фундаментальных перемен достигла своего предела. Лишь в конце 1943 г. Рузвельт произнес свою знаменитую фразу о том, что «д-р «новый курс» уступил место «д-ру «одержим победу в войне». Но еще за шесть лет до этого было очевидно, что бывший врач израсходовал все свои целебные средства. Бесспорно, что огромное число американцев оставалось, как заметил в 1937 г. сам президент, «плохо одетыми, голодными, не имеющими достойного человека жилища». Но что, в сущности, сам он предлагал сделать для устранения этого зла?!» 2

Пожалуй, можно согласиться с Макэлвайном, но только в том отношении, что динамика реформ носила прерывистый, волнообразный характер. Однако на то были различные причины, заставлявшие Рузвельта действовать очень часто с оглядкой, невзирая на недовольство многих горячих его сторонников. Но Рузвельт с лихвой восполнял эти вынужденные паузы поднятием градуса пафосности его критических «бомбометаний» в адрес, как он любил говорить, «сил себялюбия». Накануне выборов 1936 г. Рузвельт произнес целую серию таких речей, а одну из них слушатели, набившиеся до отказа в зал Мэдисон Сквер Гарден, встретили с особым энтузиазмом. В ней Рузвельт обрушился на республиканцев, обвинивших его в намерении стать диктатором. Своим коронным ответным ударом он буквально обезволил своих врагов, назвав их разносчиками слепой ненависти и сеятелями внутреннего хаоса. «Никогда прежде во всей нашей истории эти силы не были так сплочены в борьбе против всего лишь одного кандидата, как это случилось сегодня. Они единодушны в своей ненависти ко мне – и я приветствую их ненависть». Это напоминало нечто вроде угрозы: «Пускай попробуют!» – и зал ответил президенту солидарным вставанием и ревом. В оживлении конгресса с продвижением двух ключевых для социального законодательства «нового курса» законопроекта о пенсиях по старости и законопроекта о страховании по безработице сплав бесстрашия президента и поддержки народа имел решающее значение. 14 августа 1935 г. закон о социальном страховании (Рузвельт называл его «краеугольным камнем администрации») вступил в силу.

Таким образом, было бы неверно утверждать, будто Рузвельт оставил мысль о возможности дальнейшей экономической перестройки, чтобы, как он однажды выразился, «сделать США современным государством где-нибудь к концу 40-х годов» 3. Еще летом 1934 г. он заявил, что потребность в помощи «выключенным» из процесса производства людям будет продолжаться неограниченное время. В условиях определенного успеха республиканцев на выборах в конгресс в 1938 г., по-новому поставившего вопрос о перспективах партии Рузвельта на президентских выборах 1940 г., естественным для него было вновь обратиться к испытанному способу – апелляции к «забытому человеку». Однако очень многое было неясно. И то, как изменились ожидания людей после перемен в укладе жизни, и то, кто будет кандидатом демократов, и то, как сложится к тому времени международная ситуация, готовая в любой момент взорваться войной. Проводимый правительством в тайном сотрудничестве с крупным капиталом неафишируемый перевод экономики на военные рельсы означал одновременно и появление новых приоритетов, и новую расстановку сил в высших эшелонах власти. Личные беды и чувствительные поражения, сдвиги в социально-психологическом климате, проявление усталости от реформ на местах, новые экономические и политические факторы (в том числе и международные) порой вызывали у Рузвельта мрачные предчувствия, но не лишали его оптимизма и уверенности в себе. Прибегая к опробованному им давно набору политических приемов (замедления в продвижении новых идей, длительный зондаж обстановки, смена направлений деятельности, политическое лавирование и т. д.), Рузвельт выжидал, позволяя «откровенно» высказываться от своего имени другим, часто не связанным с ним прямо лицам. Особая роль в этой сложной и затяжной, с дальним прицелом задуманной политической кампании была

отведена выдвинувшемуся и после смерти Л. Хоу (1936 г.), «мудрого старого падре», занявшему место ближайшего советника президента Гарри Гопкинсу 4.

По времени этот новый изгиб в политической биографии Гопкинса совпал с драматическими событиями весны и лета 1937 г. Рабочее движение начинает решительное наступление на позиции «открытого цеха» в основных отраслях. «Сидячие стачки» сотрясают промышленные империи. Своей высшей точки достигло движение безработных. Активизировалась борьба черных американцев за свои права. Обострившееся классовое самосознание действительно возникло в Соединенных Штатах в годы Великой депрессии, – пишет американский исследователь, но оно носило преимущественно исключительно американский характер. Прямо не бросая вызова американским институтам, оно просило, требовало большей доли участия в них» 5. Реакция подняла истошный крик о «провокационной роли» реформистской деятельности администрации «нового курса». В этих условиях Рузвельт, придерживавшийся иного мнения, по своему обычаю избегал посвящать кого-либо в планы администрации. Тем более охотно это было предоставлено сделать Гопкинсу.

Гопкинс атаковал реакцию с самого опасного для нее направления. Призвав на помощь все свое красноречие, он доказывал, что требование свертывания правительственной активности вообще и отказ от социальных реформ в частности толкают американский капитализм к экономической пропасти и политической катастрофе. «И я знаю из тысячи трагических писем, которые поступают к нам каждый день, – говорил он в речи в марте 1937 г. по поводу реформы Верховного суда, – чем это грозит стране» 6. Почти повсеместно говорили о революции. Необходимо признать, сказал он в другом выступлении, что выполнена лишь часть работы по модернизации существующей экономической системы. Вопрос о том, «возможно ли в условиях нашего общественного уклада обеспечить каждой семье безопасность и освободить ее от гнета нищеты и нужды», остается по-прежнему на повестке дня. И тут же успокаивает всех, кто видел в «новом курсе» подрыв устоев: свои надежды правительство связывает с продолжением процесса, начатого «методом терпеливых, настойчивых действий» 7, т. е. путем подновления и улучшения существующего правопорядка, но не разрушения его.

От Вашингтонских политических астрологов не укрылся тот факт, что с некоторых пор имя Гопкинса стало появляться на страницах газет и журналов чаще имени президента 8. Отдельные его выступления по радио окрашиваются в эпические тона, так, словно их автор «прокатывал» программу будущей предвыборной кампании. Впрочем, складывалось впечатление, что это тоже согласовывалось с намерениями Рузвельта, хотя президент явно предпочитал не связывать себя никакими долгосрочными обязательствами. Как бы там ни было, в выступлениях Гопкинса обозначились хотя и неясные, но контуры рассчитанной на перспективу обновленной программы в социальной области.

Исходным пунктом всех рассуждений Гопкинса на сей раз было признание необратимыми определенных изменений в экономике современного капитализма, которые делают безработицу его вечным спутником. И после восстановления деловой активности в 1937 г. до уровня 1929 г., говорил Гопкинс, число безработных уменьшилось незначительно. «Многие поражены этим фактом, но в действительности все очень просто» 9. Прежде всего следует поставить главный вопрос: в состоянии ли американский капитализм реалистически оценить положение и предложить способ облегчения этой коварной и, может быть, неизлечимой болезни на достаточно «длительный срок»? Особых надежд питать не следует. Голубая мечта либералов – запустить на полный ход производственный механизм, пораженный кризисом, – оказалась неосуществимой. Кризис 1937 г. показал, что «патентованного средства – панацеи» у правительства быть не может, ибо «экономическая система» ставит жесткие пределы его способности управлять механизмом общественного воспроизводства 10. Распутывать этот гордиев узел надлежит американцам будущих поколений. Как они распорядятся своей судьбой – вопрос открытый. Ясно только одно: «Когда-нибудь наши дети будут смеяться над нами в связи с тем, что мы сохраняли условия,

при которых труд людей становился излишним, и таким образом способствовали уничтожению человеческих ресурсов, в то время как огромные слои населения не имели продуктов первой необходимости, которые могли производиться в изобилии» 11.

В создавшемся положении из наиболее приемлемых вариантов решения «национальной проблемы номер один» Гопкинс считал превращение системы общественных работ по типу ВПА в постоянно действующий сектор экономики, т. е. частичное огосударствление рынка наемного труда. Но капитализму, утверждал Гопкинс, нечего опасаться конкуренции со стороны этого обобществленного сегмента экономики, ибо он будет всегда играть подчиненную роль, роль своеобразного предохранительного клапана для господствующей системы. Оплачивая труд безработных, занятых на общественных работах ВПА, по ставкам вдвое, а то и втрое более низким, чем заработки рабочих на частных предприятиях в ведущих отраслях промышленности, правительство всеми силами обезопасит частный капитал от конкуренции 12. Притягательность работы на частном предприятии, заверял Гопкинс предпринимателей, мы сохраним, держа рабочих в общественном строительстве на полуголодном пайке 13. Нимало не смущаясь жестокой циничности своего предложения, Гопкинс рекламировал эту «модель» в целях восстановления устойчивости экономической системы капитализма в США 14. Общий вывод звучал как требование решительного разрыва с политэкономией «классического либерализма». Спасение капитализма, писал Гопкинс, – в далеком идушем «приспособлении к реальности жизни, на которое частный капитал должен решиться как в своей повседневной деятельности, так и в мировоззрении. Это может быть достигнуто только через активное сотрудничество правительства с промышленностью» 15, т. е. с капиталом.

Генерал Хью Джонсон, уволенный Рузвельтом в отставку с поста руководителя НРА, но отлично знавший вашингтонскую политическую кухню, писал в 1937 г., что Гопкинс занял к тому времени «первое место во внутреннем кружке экономистов «нового курса»...» 16. Джонсон не обмолвился: все чаще и чаще центральные места в выступлениях президента по вопросам экономики походили как две капли воды на рассуждения Гопкинса. Это не противоречит тому, что окончательные решения Рузвельт всегда принимал единолично, не вынося их на обсуждение кабинета 17. Но человеком, с которым Рузвельт виделся больше других с глазу на глаз, был Гопкинс. По свидетельству С. Розенмана, он был первым, кто навещал президента утром, и последним, кто беседовал с ним вечером. Хорошо известно также, что с конца 1935 г. Гопкинс все дальше отходит от непосредственного руководства ВПА, передоверяя свои обязанности Обри Вильямсу и военному инженеру полковнику Харрингтону. Сам же он все больше времени уделяет вопросам общего порядка, возглавляя бесчисленные президентские комиссии и комитеты. «Я не могу точно сказать, – писал Р. Шервуд, – когда у Рузвельта впервые возникла мысль о том, что Гопкинс может занять его место. Однако совершенно ясно, что после 1936 г. он по меньшей мере стал обдумывать свою идею» 18.

Но тут в события вмешались факторы, заставившие Рузвельта переключиться на обдумывание еще одного смелого нетрадиционного шага, неизбежно порождавшего конституционный казус и идеологические коллизии. В ходе борьбы между главными европейскими державами усилилась угроза мировой войны. Используя выгоды собственного географического положения, Соединенные Штаты, молчаливо втягиваясь в ее подготовку, встали на рельсы военной перестройки экономики и энергично налаживали торговые связи с теми, кто воевал или готовился воевать. Так сам ход событий снова выдвинул вопрос о войне и мире в центр общественной полемики, снова встал вопрос о «готовности», что и привело к расширению поля столкновения интересов общественных классов, слоев, групп и партий. После того как блок фашистских держав перешел к прямому захвату чужих территорий и целых стран, обстановка еще более усложнилась, а разногласия внутри общества обострились. «Никогда ранее, – писал Р. Робинс сенатору Бора в ноябре 1938 г., – внутренние аспекты политического развития так тесно не переплетались с международными. 1940 год (год очередных президентских выборов. – В.М.) будет иметь самые серьезные

последствия для нашей страны...» 19

Определились три течения: одно, идущее в фарватере правительственной политики, другое, выступавшее за подлинно позитивные изменения внешнеполитического курса на основе усиления в нем антифашистской направленности, и, наконец, третье – изоляционистское, требующее отказа от любых действий, способных вовлечь США в коллективные санкции против агрессоров, под флагом нейтралитета отстаивающее принцип «свободы выбора» той части финансово-промышленного капитала, которая готовилась использовать военную конъюнктуру, бизнес на крови.

На чьей стороне был перевес? Дать ответ на этот вопрос невозможно, не учитывая особенностей острой партийно-политической борьбы в стране накануне 1 сентября 1939 г., инициатива в которой часто переходила «из рук в руки», заставляя Рузвельта балансировать между противоположными лагерями. Икес отмечал в августе 1939 г., что «концентрированное богатство» замышляет любой ценой нанести поражение Рузвельту 20. Но и в монополистических кругах наметилось размежевание по вопросу о характере внешнеполитического курса США. Возросло число сторонников более гибкого подхода, учитывающего реальные опасности со стороны главных очагов агрессии – Германии и Японии. Объективно это усиливало авторитет президента, укрепляло его шансы сохранить за собой Белый дом, если бы он этого пожелал. После Мюнхена стала изменяться и позиция народных масс. Политика нейтралитета подвергалась все более резкой аргументированной критике. Оживление антифашистского движения в стране приходило в явное противоречие с опасным курсом на сделку с агрессорами на антисоветской основе в ущерб миру и безопасности народов. Игнорировать эти силы правительство не могло, не подрывая своего авторитета в глазах широкой демократической общественности. В целом же внутреннее положение оставалось более чем неопределенным, будучи отмеченным разбродом в лагере демократии, отступлением либерализма и определенным укреплением позиций консервативных сил.

Процесс постепенного увядания классического либерализма стал заметен вскоре после выборов 1936 г. В этом были повинны, как отмечали многие наблюдатели, и сами либералы. Резкое обострение социальных конфликтов в стране («сидячие стачки», возрастание политической роли организованного рабочего движения), с одной стороны, и вновь обретенное капиталом чувство уверенности в прочности его экономических и политических позиций – с другой, в короткий срок превратили многих вчерашних «друзей» рабочих и бедняков на Капитолийском холме в их недоброжелателей. В конгрессе и его комиссиях проекты различных нововведений в области трудового законодательства все чаще встречали холодный прием, инициатива отдельных настойчивых поборников социальной реформы топилась в шуме голосов, посылающих проклятия «рабочим агитаторам» и их «адвокатам». Атаки на «новый курс» ужесточились. Его вину во всех смертных грехах – от бесплодного расточительства (больше всего доставалось, разумеется, Гопкинсу) до вероломных посягательств на святыни частной собственности и конституцию. Неудача Рузвельта в борьбе за реформу Верховного суда и крах плана реорганизации административного аппарата заставили президента открыто объявить о «передышке» в реформаторской деятельности 21.

Дело как будто шло к своеобразному термидору, хотя нельзя сказать, что оппозиция ничему не научилась и все позабыла. Но так или иначе, под обломками плана правительственной реорганизации заживо погребенными оказались два новых важных министерства – общественного благосостояния и общественных работ. Первое из них предназначалось Гопкинсу. Об этом знали все. Однако никто в Белом доме не приходил в отчаяние от того, что Гарри Гопкинс уже не сможет руководить таким обременительным для правительства делом, как помощь безработным. Что касается ВПА, то она давно находилась в цепких руках военного ведомства, поставившего эту программу на службу укрепления военного потенциала и материального обеспечения армии. В политическом отношении свою роль детище Гопкинса выполнило, а сам он охладел к нему, видя, что ВПА превращается в

предмет бесконечного торга между Рузвельтом и оппозицией, между либералами и консерваторами 22.

Рузвельт сам весной 1938 г. высказался против возвращения Гопкинса к руководству ставшей такой непопулярной в конгрессе программой помощи. В сугубо доверительном духе он дал понять Гопкинсу, что важнейшей задачей в исключительно сложной политической обстановке является не изнурительная и, с его точки зрения, малоэффективная борьба за углубление социальной реформы, а подготовка к новому раунду в схватке за власть. Мысли Рузвельта всецело были заняты вопросом о том, как в условиях нарастающего международного кризиса сохранить преемственность государственного руководства, не нарушая неустойчивого равновесия социальных сил, сплотившихся вокруг него в предшествующие годы.

Третий срок

В планах Рузвельта Гопкинсу была отведена важная роль. Ему надлежало заняться работой по наведению порядка в Демократической партии, ее «чисткой» от антирузвельтовских элементов, а затем тщательным образом подготовить победу демократов на предстоящих выборах 1940 г. Рузвельт был уверен, что Гопкинс с его влиянием и популярностью в демократических кругах способен стать противовесом консервативному крылу в партии во главе с бывшим председателем Национального комитета Дж. Фарли, вполне заурядной личностью. Последний втайне рассчитывал занять президентское кресло в 1940 г. Напротив, Рузвельт открыто противодействовал этому. В беседе с Гопкинсом президент совершенно четко провел следующую мысль: его преемник должен следовать прежней стратегической линии. Это означало, что имя нового президента должно символизировать приверженность Демократической партии концепции «прогрессивизма», а сам он по своим внешнеполитическим убеждениям не должен быть изоляционистом. Рузвельт назвал несколько человек, которые соответствовали, по его мнению, в целом этому «стандарту», – Ф. Мэрфи, Г. Икес, Г. Уоллес, К. Хэлл. По всему, однако, получалось, что наиболее приемлемой кандидатурой мог быть только Гарри Гопкинс. Чуть позднее, не посчитавшись с самолюбием Фарли, Рузвельт высказал ему ту же мысль 23.

Физические немощи Гопкинса нисколько, казалось, не смущали Рузвельта. Разве он сам, прикованный к креслу-каталке, не справляется с бременем президентских обязанностей уже два срока? Самой важной для Гопкинса Рузвельт считал задачу завоевания доверия и поддержки в мире бизнеса. В прошлом отношения Гопкинса с коммерческими кругами складывались далеко не безоблачно. Теперь Рузвельт полагал, что настало время начинать новую эру, эру дружеских объятий и примирения. Гопкинсу не повредит, если его почаще будут видеть в обществе Бернарда Баруха, Джесси Джоунса, Джозефа Кеннеди, Аверелла Гарримана, других магнатов промышленности и финансов и пореже в публичных собраниях, где нужно произносить речи и ругать на чем свет стоит «привилегированные классы». Чтобы сближение Гопкинса с бизнесом выглядело естественным, Рузвельт объявил о своем намерении назначить его министром торговли. И вновь всем, кто близко знал Рузвельта, в том числе и его биографам, оставалось только теряться в догадках, был ли это тактический маневр президента, втайне решившего остаться в Белом доме на третий срок и избравшего игру с подставной фигурой, или же это результат серьезного обдумывания вопроса о преемнике. «Ряд признаков говорил о том, – пишет Р. Тагвелл, – что Рузвельт ведет кампанию в пользу кандидатуры Гарри Гопкинса; но если действительно предполагалось сделать шаги в этом направлении, то совершенно ясно, что они не вызвали бы восторга, во всяком случае никто из тех, кто, подобно Гопкинсу, был связан с политикой, проводимой Рузвельтом, не мог быть навязан старейшинам оппозиции» 24.

Что же оставалось? Логика подсказывала, что сохранение преемственности внутривнутриполитического и внешнеполитического курса правительства США в этих условиях целиком зависело от согласия самого Рузвельта баллотироваться в третий раз. Так думали

многие его сторонники. Но что он сам думал на этот счет, никто точно не знал, хотя поводов для размышлений у политических наблюдателей было предостаточно. Не вносила ясности в этот вопрос и супруга президента, поверенная в его делах Элеонора Рузвельт. Наоборот, еще в 1937 г. она заставила теряться в догадках репортеров, заявив, что ее единственным утешением является мысль: «для нас» уже не будет еще одной инаугурации. Одно напоминание об этом заставило журналистов задать вопрос об отношении первой леди к третьему сроку. «Это никогда не было традицией страны» 25, – последовал уклончивый ответ. Еще более загадочными были ее дальнейшие реплики, как правило, демонстративно общего характера. Порой сам президент в частных беседах поворачивал разговор на эту тему без ясного, однако, уточнения своих планов. Так, это было сразу после Мюнхена в присутствии представителей оппозиционной партии, что повергло последних в состояние полного замешательства 26. Одержат ли победу в открытой дуэли с Рузвельтом – кто из республиканцев мог бы на это отважиться?

Наиболее важное значение имел разговор Элеоноры Рузвельт с Гопкинсом в Белом доме 28 мая 1939 г. Гопкинс зафиксировал его в виде меморандума, который говорит сам за себя. Он хранится в Библиотеке Рузвельта, в бумагах Гопкинса. «Миссис Рузвельт, – писал он, – выразила свою обеспокоенность по поводу приближающихся выборов 1940 г. Лично она очень хотела бы, чтобы президент вновь не баллотировался, но я понял, что она так же, как и мы, не располагает информацией на этот счет. Она полагает, что президент свою задачу полностью выполнил и что он уже утратил присущий ему ранее интерес к административной деятельности. Она считает, что цели, за которые тот боролся, не по плечу одному человеку, что, если «новый курс» полностью держится только на нем, это значит, что у него нет серьезной основы. Хотя иногда она и не думает так, ибо народ за «новый курс». Миссис Рузвельт убеждена, что огромное большинство избирателей не только идет за президентом, но и поддерживает его политику. Необходимо, с ее точки зрения, приложить все усилия, чтобы, осуществляя контроль за работой съезда Демократической партии в 1940 г., обеспечить выдвижение либерального кандидата и избрание его. Она верит в способность президента добиться всего этого, если только, а это очень важное «если», у Рузвельта есть желание, засучив рукава, поработать по-настоящему» 27.

О чем говорило это бесспорно заранее обдуманное заявление? Скорее всего о решимости Рузвельта, «засучив рукава», с головой уйти в политическую борьбу за победу демократов на выборах 1940 г. Гопкинс мог отнести слова о «либеральном кандидате» на свой счет. Р. Шервуд полагал даже, что у него были самые большие основания думать именно так. И хотя секретарь Рузвельта Грейс Талли, вступившись за Рузвельта, писала, что он не мог «разыгрывать» Гопкинса, полной уверенности в этом у нее быть не могло 28.

Нелишне, разумеется, в этом случае задать вопрос: считал ли сам Гопкинс в тот момент реальными свои шансы стать преемником Рузвельта или просто добровольно согласился играть роль «засланной лошади» в трудном политическом гандикапе 1940 г. с целью обеспечить избрание Рузвельта в третий раз? Как бы то ни было, он прилежно трудился во имя успеха стратегического плана президента 29, хотя ведущая роль Гопкинса в осуществлении так называемой «чистки» Демократической партии накануне выборов в конгресс осенью 1938 г. стоила ему утраты кредита в глазах влиятельных сил в Демократической партии. Рузвельт, стремясь сделать демократическую фракцию конгресса более управляемой, предпринял попытку выдвижения в качестве кандидатов только преданных ему людей. Поражение этой кампании косвенным образом задело и престиж президента. Однако если огромная личная популярность Рузвельта и политическое влияние президентской власти ограждали его от слишком развязной критики, то Гопкинс был лишен этих преимуществ. Личные недоброжелатели всех мастей спешили свести с ним счеты, обвиняя его в «грязном интриганстве» и нарушениях правил игры в «демократические выборы».

Предрасположенность Рузвельта к компромиссу с консервативной оппозицией после неудач 1938 г. возросла. Философически он заметил: «Потребуется много времени, чтобы

прошлое подтянуть к настоящему» 30. В плане политическом это означало заметное отступление правительства от либерального курса в социальном вопросе. Отступление вправо. Однако чем ближе к выборам, тем для Рузвельта становилось все яснее, что на этом пути он не только не соберет недостающие ему голоса, но и растеряет тот капитал, который буквально воскресил Демократическую партию, обеспечив ей имидж поборницы интересов масс. Стремясь удержать левые и прогрессистские силы под своим влиянием параллельно с укреплением позиций на правом фланге социального спектра, Рузвельт побуждает своих сторонников на местах активно искать сотрудничества с влиятельными социал-реформистскими группировками, партиями и течениями. Он не афиширует эти контакты, но, следуя тактике «протянутой руки», настойчиво приглашает к коалиционным действиям всех, кто опасается перехода инициативы к консерваторам, – профсоюзы, рабоче-фермерские партии, движение безработных, организации афроамериканцев.

И вновь, как это бывало в решающие моменты в прошлом, существенную роль в разработке и осуществлении предвыборной стратегии и тактики сыграла Элеонора Рузвельт и ее энергичные помощники. В ее «сферу забот» входили профсоюзы, женские и молодежные организации, творческая интеллигенция. Она пыталась (хотя и безуспешно) даже примирить Рузвельта и лидера горняков изоляциониста и не чуравшегося левачества Джона Льюиса. «Вы и я, – сказала она одному из ближайших сотрудников Льюиса, – работаем во имя интересов масс. И Рузвельт, и Льюис – примадонны. Наша задача постараться держать под контролем их эмоции». Когда в последние дни избирательной кампании Льюис решительно порвал с демократами и объявил, что он поддержит кандидата республиканцев, призвав КПП следовать его примеру, Э. Рузвельт обратилась с письмом к одному из лидеров КПП, Джеймсу Кэри, обвиняя Льюиса в пособничестве монополистической реакции. Она писала: «Все это представляет серьезную опасность и наносит удар по демократическому процессу. Мне интересно, как м-р Форд, м-р Вейр и м-р Гирдлер (представители крупного капитала. – *В.М.*) встретят Льюиса в качестве своего союзника» 31.

Ближайший помощник Гопкинса О. Вильямс, много лет проработавший с ним в администрации общественных работ, выполнял самые деликатные поручения Э. Рузвельт, осуществляя контакты с руководством организаций безработных. Их переписка показывает, что уже осенью 1939 г. Э. Рузвельт обдумывала вопрос, как использовать звенья Рабочего альянса – общенациональной организации безработных (находившейся под влиянием коммунистов) в качестве опорных пунктов демократов среди наиболее обездоленной части электората. Вильямс с энтузиазмом подхватил эту идею. «Я чувствую, – писал он Э. Рузвельт в ноябре 1939 г. – что Рабочий альянс еще располагает большой силой повсюду в стране, и мы не должны позволить растрачивать ее впустую. Возможно, было бы лучше, если бы эта организация сменила свое название, как Вы и предлагаете. Я полагаю, что они представляют собой значительный политический потенциал, который нельзя не использовать. Я хотел бы надеяться, что президент захочет сохранить этот большой контингент своих потенциальных сторонников для будущих сражений. Они нуждаются во внимании со стороны администрации, которую сегодня они все еще поддерживают» 32.

О. Вильямс – деятель с прочной репутацией социал-демократа, был одинаково близок и к Гопкинсу, и к Э. Рузвельт и решительно враждебен капиталу. Его письмо еще раз показывает, что вопрос о кандидатуре главного администратора программы помощи (Г. Гопкинса) в качестве преемника Ф. Рузвельта давно отпал. В этой ситуации перемещение Гопкинса в конце 1938 г. на пост министра торговли выглядело вовсе не как шаг в реализации первоначального плана «Гопкинса в президенты» (о чем пишут многие американские историки), а скорее как еще одна уступка оппозиции, поскольку, будучи главным администратором ВПА, он располагал большей самостоятельностью, большей реальной властью и большими возможностями оказывать воздействие на политический механизм на местах. В произнесенной затем серии публичных и частных заявлений Гопкинс уже в качестве министра торговли предстал не воинственным оппонентом «экономических

роялистов» – антирузвельтовской части монополистов, а всего лишь посредником в процессе восстановления взаимного доверия между правительством и деловыми кругами. Речь Гопкинса 24 февраля 1939 г. в Экономическом клубе Де Мойна (штат Айова) походила на пасхальную проповедь: старые распри и обиды должны быть забыты, правительство не намерено тревожить капитал реформами. В своем новом амплуа, как отмечали буржуазные органы печати, он олицетворял собой линию на сближение администрации «нового курса» с крупным капиталом, желание Белого дома наладить с ним более тесные отношения 33.

Но лишь немногие могли так беспристрастно оценить превращение Гопкинса из возмутителя спокойствия в уважаемого министра торговли с ортодоксальными взглядами. С нескрываемым злорадством Артур Крок, слывший недругом администрации, писал, что Гопкинс способен менять свою точку зрения столько раз, сколько это понадобится президенту 34. Консервативная «Нью-Йорк геральд трибюн» назвала его «кающимся грешником из министерства торговли». Если не по существу, то по форме все это действительно походило на капитуляцию. Еще не сев за массивный письменный стол в отделанном деревянными панелями кабинете министерства торговли, Гопкинс усердно занялся расширением своих связей в деловых кругах. Аверелл Гарриман, Джон Херц, Нельсон Рокфеллер, Эдвард Стеттиниус, Бернард Барух стали его близкими друзьями. Какой-то остролов пустил шутку о «прирученных миллионерах Гопкинса». Министру торговли ничего не оставалось, как только делать вид, что он не понял злой иронии. Баруху в беседе с глазу на глаз он сказал, что будет отстаивать интересы бизнесменов так же энергично, как это он делал, когда речь шла об интересах рабочих.

Однако даже противники демократов, республиканцы, понимали, что идти на выборы 1940 г., афишируя свои «особые отношения» с крупным капиталом, означало бы политическое самоубийство. Ни о какой моральной реабилитации большого бизнеса еще не могло быть и речи. Кандидата партии «забытого человека», демократов, как считали те, кто щедро финансировал республиканцев (банкиры Уолл-стрита, автомобильные короли и т. д.), может победить только такой кандидат, который сам способен говорить на языке «простых людей», представляя таким образом доктрину «нового республиканизма» – некий симбиоз политической философии «грубого индивидуализма» и умеренного либерализма. Фигура Уенделла Уилки, избранника республиканцев, считалось, как нельзя лучше отвечала этим требованиям. Отец Уилки был некогда сторонником У. Брайана. Сам же он долгое время был демократом, правда, в 1932 г. поддерживал кандидатуру Н. Бейкера, соперника Рузвельта, но этот факт сам по себе выглядел в глазах боссов Республиканской партии прекрасной рекомендацией. Самое же главное состояло в том, что У. Уилки был юристом одной из маклерских фирм на Уолл-стрите и президентом крупной фирмы в сфере коммунальных услуг. В пользу кандидатуры Уилки выступила могущественная группа, представлявшая финансово-промышленные круги, – Томас Ламонт, Ламонт Дюпон, Джозеф Пью, Эрнст Вейр и др.

Кампания У. Уилки была спланирована и организована по всем правилам новейших избирательных технологий, с учетом уроков прошлого и уже накопленного республиканцами нового опыта. В ход были пущены изошренная демагогия и на широкую ногу поставленная реклама «нового республиканизма». Сердцевиной этого пропагандистского наступления на рузвельтовских либералов стала публичная поддержка Уилки целей «нового курса», но... без тех его элементов, которые несли на себе отпечаток антимонополизма. Опираясь на достижения «нового курса», Уилки приглашал идти дальше, к «новому миру», совмещая это с «восстановлением» принципов свободного предпринимательства и «дешевого правительства», свободного от пут бюрократизма и регламентации. Позитивная программа Уилки в экономической сфере воплощалась в следующей триаде: «Пересмотр законодательства с тем, чтобы поощрить частные капиталовложения; сокращение правительственных расходов; смягчение неоправданно строгих ограничений, содержащихся в наших экономических законах...» 35

Лозунги модернизированного республиканизма и отполированного «нового курса»

привлекли на сторону У. Уилки часть бывших сторонников Рузвельта, и среди них Джона Льюиса. Но, как оказалось, самым неотразимым качеством нового фаворита Республиканской партии было то, что он в отличие от соперников по партии не был дремучим изоляционистом. Времена изменились, и призывы «крепить оборону», не жалеть расходов на военные приготовления делали Уилки привлекательной фигурой в глазах всех, кто рассчитывал поправить свои дела на военной конъюнктуре, а также тех, кто видел, что нельзя сидеть сложа руки перед лицом роста фашистской угрозы. Политика нейтралитета и дипломатическая история Мюнхена давали в руки Уилки богатый материал для критики внешней политики Рузвельта. Сомнений быть не могло, и Рузвельт это прекрасно понимал, – У. Уилки был сильным и опасным противником.

Разработка предвыборной стратегии с каждым днем занимала все большее внимание Рузвельта, хотя он упорно отмалчивался в отношении своих собственных планов и намерений. Даже Гопкинсу до поры до времени не разрешено было касаться этой темы, несмотря на то что его длительное тесное общение с президентом и особый характер поручений, которые ему доводилось выполнять, как будто бы предполагали полную откровенность между ними во всех вопросах подобного рода.

Захват Гитлером 15 марта 1939 г. оставшейся части Чехословакии и оккупация Италией 7 апреля Албании дали толчок к переосмыслению самых разных аспектов правительственного курса как внешних, так и внутренних. Первым движением Рузвельта были шаги с целью добиться изменения законодательства о нейтралитете, вторым – провозглашение страны в опасности в связи с возросшей возможностью агрессии и третьим – направление (15 апреля) личного послания к Гитлеру и Муссолини с просьбой дать заверения, что в течение 10 лет они не нападут ни на одну из 31 перечисленных в послании стран Европы и Ближнего Востока. Решительно настроенный на разрыв с «умиротворением» Генри Уоллес посчитал нужным высказать президенту все, что он думает по этому поводу. «Оба сумасшедших, – сказал он, – уважают только силу, и только одну силу». Увещевать их, продолжал министр, встав в позу наставника, то же, что «обращаться с проповедью к бешеной собаке» 36.

Рузвельт оставил высказывания Уоллеса без ответа. Он не сомневался в личной преданности министра земледелия, но считал его излишне чувствительным и прямолинейным. Вникнуть во все тонкости политики президента на международной арене, которая оставалась в основе своей прежней, Уоллесу было не дано. В этом вопросе с ним и не очень считались. Еще в конце марта Рузвельт вместе с Гопкинсом удалился в свою усадьбу в штате Джорджия для продумывания всех назревших вопросов. Здесь, в Уорм-Спрингсе, с глазу на глаз, оказавшись на почтенном расстоянии от вездесущих вашингтонских репортеров, Рузвельт и Гопкинс обсуждали важнейшие внешне- и внутривнутриполитические проблемы. «Утром, как обычно, – записал Гопкинс в меморандуме, – мы обсуждаем европейские дела... Джозеф Кеннеди и Буллит, наши послы в Лондоне и Париже, звонят по телефону, Хэлл и С. Уэллес делают то же самое из Вашингтона, так что мы располагаем самыми последними сведениями о ходах Гитлера на международной шахматной доске» 37. Положение создалось исключительно сложное, одно было ясно – расчеты «приручить» агрессора, сделать его управляемым оказались неосуществимыми. Домашние дела, проблемы войны и мира, европейской и дальневосточной политики, отношение к предложенной Советским Союзом формуле коллективной безопасности столь тесно переплетались с внутренними конфликтами, что практически становились нерасчленимыми. Сознвая это, Рузвельт испытывал огромные затруднения в поисках конструктивных решений.

Историки много пишут по поводу того, когда Рузвельт принял решение (одно из самых трудных в его политической карьере) о выдвижении своей кандидатуры на пост президента в третий раз. Все сходятся на том, что это случилось где-то после нападения Гитлера на Польшу, т. е. после 1 сентября 1939 г. Есть все основания, однако, считать, что именно беседы в Уорм-Спрингсе в марте – апреле 1939 г. окончательно утвердили Рузвельта в

мнении не оставлять поста президента в критический момент нарастания военной угрозы, с одной стороны, и внутренней нестабильности, активизации консервативной оппозиции – с другой. Какую роль в этом сыграл Гарри Гопкинс – несостоявшийся кандидат в президенты – так и остается неизвестным: он всегда тщательно хранил молчание.

Но именно Гопкинс возвестил о начале контрнаступления ньюдилеров, объявив, что у них есть лидер, способный, как никто другой, сплотить нацию и сохранить ее динамичное руководство, столь необходимое в условиях мирового кризиса. В прессе было много разговоров по поводу раскола в лагере демократов и абсолютной невозможности для Рузвельта баллотироваться в третий раз. Тем внушительнее прозвучало заявление Гопкинса в поддержку Рузвельта. Он сделал его 17 июня 1939 г. «Окончательно, безоговорочно и бесповоротно, – сказал он, – я сделал свой выбор в пользу Франклина Д. Рузвельта, и я верю, что огромное большинство нашего народа солидарно со мной» 38. Это означало, что единственный претендент из старой плеяды ньюдилеров, теоретически способный сохранить Белый дом за Демократической партией и оживить надежды идущих за ней избирателей на возвращение конструктивной политики, добровольно отказывается от борьбы. Оставался только Ф. Рузвельт: иного выбора у тех, кто опасался победы реакции со всеми вытекающими отсюда последствиями для внутренней и внешней политики страны, не было 39.

Оценка общей ситуации в связи с провозглашением республиканцами более гибкой линии приводила Рузвельта к выводу о необходимости строить всю кампанию на четком разграничении между достижениями либеральной реформы, либерализмом и правым консерватизмом, относя к нему и тех, кто нападал на «новый курс», исходя из каких-либо местных интересов. Рузвельт хотел придать выборам характер референдума, подчеркнув тем самым драматически решающее значение их для судеб страны. Президент не оставлял мысли, воспользовавшись выборами, добиться в обозримом будущем того, что оказалось невыполнимым в 1938 г. «Линия водораздела, – писал Гопкинс одному из лидеров демократов в Орегоне, – становится все более четкой, она проходит, как мне кажется, между президентом, «новым курсом», с одной стороны, и всеми реакционерами – с другой» 40.

Точно такой же представлялась сложившаяся расстановка сил и Гарольду Икесу. Он писал Робинсу в начале августа 1939 г.: «Концентрированное богатство собирается нанести поражение Рузвельту, если оно сможет, конечно, не считаясь с катастрофическими последствиями для страны в целом. Я полагаю, что концентрированное богатство всегда, во все времена было таким. Оно абсолютно лишено чувства здравого смысла и морали... Но, как Вы сами знаете, предприниматели, банкиры, угольные короли и строительные воротилы, и я могу в этот перечень включить многих других, сейчас объединились для борьбы с Рузвельтом. Что случится в будущем, я не знаю, но считаю, что самые трудные времена впереди... В лагере демократов, я думаю, их кандидатом может быть только Рузвельт, и никто другой. Я твердо знаю, что есть много людей в Демократической партии, которые скорее предпочтут республиканцев Рузвельту, поскольку жаждут, чтобы именно так и было» 41. Угроза организации настоящего экономического саботажа со стороны многих представителей финансово-промышленного капитала, сообщал солидарный с Икесом Р. Робинс, была реальна 42.

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и начало войны в Европе открыли новую фазу избирательной кампании. Стало ясно, что демократы в большинстве своем не изменят лидеру, если он сам примет решение еще раз сломать сложившуюся традицию и в третий раз согласится на выдвижение своей кандидатуры. Даже в олигархической верхушке, где с недоверием и без всяких симпатий относились к Рузвельту, настроения начинали меняться в его пользу. В Европе шла война, и доверие действующему президенту увеличилось. Джон Херц писал Рузвельту 11 июня 1940 г., за месяц до открытия съезда Демократической партии в Чикаго: «Недавно я беседовал с группой чикагских бизнесменов, которые политически враждебно относятся к Вам, но сейчас они все до одного сошлись на том, что время для партийных раздоров осталось позади и что Вы заслуживаете и потому

получите поддержку у всех настоящих американцев. Люди в Чикаго (имеются в виду деловые круги. – *В.М.*), которых я знаю, в конце концов пришли к выводу, что изоляционизм мертв и что все мы должны сейчас смотреть на вещи реально» 43. Рузвельт, не забывая обид, не дал спровоцировать себя на доверительный тон и дружелюбие, попросив Гопкинса подготовить ответное письмо – лаконичное, но внушительное. «Я убежден, – писал президент, – что подавляющее большинство американцев полно решимости защитить демократию любыми способами, которые будут признаны необходимыми» 44.

Рузвельт остался верен себе; он говорил мало и больше намеками, но намеками, всем понятными. Может быть, только Джим Фарли, мечтавший стать кандидатом демократов и рассчитывавший на поддержку антирузвельтовской фракции в партии, не соглашался признать за Рузвельтом права быть кандидатом в третий раз. Побывав летом 1940 г., накануне съезда демократов, в Гайд-Парке, он посоветовал Рузвельту в случае, если его выдвинут, поступить точно так же, как это сделал много лет назад Шерман, – выступить с заявлением об отказе баллотироваться и выполнять обязанности президента в случае избрания. Рузвельт сказал Фарли, что он в сложившихся условиях так поступить не может; если народ того захочет, он не сможет уклониться от выполнения своего долга. Припомнили, что примерно то же говорила и супруга президента в одном из интервью. Эта ошеломляющая новость создала необычную ситуацию. Большинство потенциальных кандидатов просто-напросто были лишены всех шансов на успех и, в сущности, переносили процедуру выдвижения непосредственно на съезд Демократической партии, где, как сказал Рузвельт своим помощникам, Господь Бог сделает свой выбор. По сценарию президента все должен был решить съезд: выдвижение кандидатур президента и вице-президента и избрание их кандидатами на выборах в ноябре 1940 г. Главные роли в осуществлении этого сценария были отведены Г. Гопкинсу и Э. Рузвельт.

К тому времени положение Гопкинса в «кухонном кабинете» Белого дома окончательно определилось – его место ближайшего помощника президента, генератора идей после Л. Хоу, исполнителя самых сложных поручений и соавтора речей никто не мог бы оспорить. Все чаще Гопкинсу приходилось выступать и в новом для него амплуа – советника по внешнеполитическим вопросам. Не будет преувеличением сказать, что такой поворот не предвидел ни он сам, ни президент, потому что в конце августа 1939 г. врачи, вновь уложившие Гопкинса в постель, сообщили президенту, что дни его министра торговли сочтены. Однако, пролежав в клинике пять месяцев, измученный лечением Гопкинс вернулся в январе 1940 г. к политической деятельности. Но прямого отношения к обязанностям министра торговли она уже не имела. Гопкинс был нагружен обязанностями, связанными с национальной безопасностью.

В Европе тем временем война, развязанная фашизмом, только расширялась. Пылали города и исчезали государства. 9 апреля 1940 г. германские войска вторглись на территорию Дании и высадились в Норвегии. 10 мая 1940 г. окончательно рухнули надежды мюнхенцев в Лондоне и Париже удержать Гитлера от перехода от «странной войны» к «настоящей» на Западе. Бронетанковые дивизии немцев пересекли бельгийскую и голландскую границы. Все это означало, что Вашингтон был поставлен перед дилеммой, от решения которой длительное время он уклонялся. В тот же самый роковой для англо-французских армий день, 10 мая 1940 г., Гопкинс был приглашен на обед в Белый дом. Тема разговоров за столом президента могла быть только одна – вторжение танков Рундштедта, Лееба и Клейста на территории Франции, Бельгии и Голландии и паническое отступление французов и англичан по всему фронту. Гопкинс чувствовал себя очень плохо, и, видя это, Рузвельт предложил ему остаться на ночь в Белом доме. Гопкинс согласился и уже не покидал резиденцию президента более трех лет. Ему было отведено небольшое помещение в южном крыле здания, в комнате, которая некогда служила кабинетом Линкольну и где была подписана Декларация об освобождении рабов. Комната обладала и еще одной достопримечательностью – она находилась по соседству с Овальным кабинетом президента.

Проблемы внешней политики и выработка стратегического курса избирательной

кампании занимали все время Рузвельта. Выяснилось, что оба этих вопроса после капитуляции Франции сплетены в один тугой узел. Эта мысль отчетливо прозвучала в аналитической записке члена Верховного суда Уильяма Дугласа на имя президента от 2 июля 1940 г. К нему принято было прислушиваться, как к одному из первых членов «мозгового треста». В Белом доме было решено, что записка Дугласа может служить своеобразным «руководством» для «всей президентской рати» в борьбе с антирузвельтовской оппозицией на съезде Демократической партии в Чикаго, планирующей нацелить острие своих атак на Рузвельта во время дискуссии о третьем сроке. Дуглас писал: «Я рассматриваю ситуацию следующим образом. Если Гитлер справится с Англией (а его шансы на это, по крайней мере, благоприятны), он предложит «мир» нашей стране. Фактически пропаганда в пользу этого уже ведется. Он сделает ряд жестов, демонстрирующих его желание заключить с нами сделку. Он будет изображать дело так, будто хочет привлечь нас к реконструкции Европы. Он пойдет на все возможные уловки, чтобы перетянуть на свою сторону предпринимательские круги нашей страны, обещая им высокие прибыли и т. д. Многие в нашей стране уже говорят, что мы «можем иметь дело с Гитлером», если только нам позволят это.

Получить в Белом доме президента, превыше всего ставящего интересы бизнеса, в это критическое время было бы смертельно опасным. «Зачем нам ввязываться в эту ненужную войну? Почему не пойти на деловые отношения с Гитлером, открыть наши рынки и увеличить тем самым занятость?» Вот о чем будут говорить и по этой линии будут оказывать давление. Даже Герберт Кларк Гувер (бывший президент США. – *В.М.*), по-видимому, полагает, что мы можем сесть с Гитлером за один стол и заключить с ним сделку. Вот почему Вам следует говорить осторожно, чтобы не вызвать ярость поклонников Адольфа...

То, что случилось с Англией, Францией и другими странами, может случиться и с нами, ибо наши финансовые и промышленные тузы действовали бы точно так же, как поступал Чемберлен в аналогичных обстоятельствах. А между тем в случае именно такого развития событий, пока бизнес будет занят своей игрой ради прибылей, Гитлер деморализует нашу страну пропагандой, подогревая разногласия, нерешительность, убаюкивая призывами к бездействию. Если мы встанем на этот путь, все погибло, потому что окажемся в зависимости от Гитлера на мировых рынках и в наших домашних делах. Как государство мы столкнемся с величайшей угрозой в нашей истории. Нацистская мечта к 1944 г. поставить нас на колени будет близка к осуществлению».

Картина, нарисованная прозорливым Дугласом, произвела глубокое впечатление на Гопкинса, первым ознакомившегося с меморандумом судьи, видного и уважаемого юриста, прекрасно осведомленного о нарастании пронацистских настроений в стране, встревоженного героизацией Гитлера в прессе летчиком Ч. Линдбергом, представителями финансов и бизнеса. С пометками Гопкинса документ лег на стол президента. Концовка документа была обращена непосредственно к Рузвельту: «Я надеюсь, что в интересах нашей страны Вы дадите согласие на выдвижение Вашей кандидатуры» 45. Формально Рузвельт еще не дал согласия, но решение им было принято, и принято бесповоротно. Доказательство тому все, кто способен был трезво судить о ходе предвыборной борьбы, увидели в назначении Рузвельтом 20 июня 1940 г., в канун начала работы съезда Республиканской партии, двух видных республиканцев – яростных противников Гитлера, Генри Стимсона и Фрэнка Нокса, соответственно на посты военного и военно-морского министров. Боссы Республиканской партии были взбешены, однако Рузвельт добился важного преимущества. Он ознаменовал начало своей избирательной кампании не словесной бравадой, а всем понятным призывом к избирателям противопоставить национальное единство главному противнику в кампании 1940 г. – нацизму 46.

Далее все шло так, как было смоделировано в ходе детального обсуждения в Овальном кабинете Белого дома, в беседах с глазу на глаз между президентом и Гопкинсом, отправившимся затем с особым поручением в Чикаго, чтобы принять участие в открытии съезда Демократической партии. Задача, стоявшая перед Гопкинсом, была не из легких, ибо

Рузвельт непреклонным условием выдвижения своей кандидатуры поставил одобрение ее подавляющим большинством (не более 150 голосов против). К тому же нужно было буквально на ходу заняться приведением в порядок расстроенных рядов демократов, а заодно и нейтрализацией опасной группировки Фарли, все еще видевшего себя боссом партийной машины демократов, ее фаворитом. Обосновавшийся со своими помощниками в номере отеля «Блэкстоун», соединенном прямой телефонной связью с Белым домом, Гопкинс в считанные часы доказал, что командный пункт съезда находится там, где расположен его, Гопкинса, аппарат и узел связи.

15 июля 1940 г. мэр Чикаго Эдвард Келли, босс чикагской партийной машины демократов, выступил с необычной приветственной речью: он сказал делегатам, что «спасение нации находится в руках одного человека». Когда вслед за тем сенатор А. Бакли начал читать послание Рузвельта, в котором президент заявлял о своем нежелании оставаться на посту президента третий раз, ему не дали закончить. Зал взорвался хором голосов: «Мы хотим только Рузвельта!», «Америка хочет Рузвельта!», «Все хотят Рузвельта!» Голосование, проведенное вечером на следующий день, было почти единодушным. Делегаты съезда Демократической партии избрали своим кандидатом в президенты США Франклина Рузвельта. Проблема третьего срока утонула в патриотическом порыве.

Но это был еще не конец. Отлично понимая, что восстановление силы демократической коалиции «нового курса» зависит от того, кто станет его партнером по избирательному списку, Рузвельт поставил перед Гопкинсом еще одну сложную задачу: после завершения процедуры по выдвижению его собственной кандидатуры поставить делегатов в известность о его категорическом требовании – проголосовать за Генри Уоллеса в качестве кандидата на пост вице-президента. Страна должна знать, что третья администрация Рузвельта не изменит своей либеральной программе, окажет реальное сопротивление агрессору и не пойдет на поводу у реакции. «Я собираюсь сказать им (делегатам. – *В.М.*), – говорил он С. Розенману в дни съезда, – что я откажусь участвовать в выборах, если моим партнером будет реакционер. Я уже говорил им об этом и скажу это снова» 47.

Далеко не все разбушевавшиеся делегаты съезда, представлявшие, как правило, партийные машины штатов, понимали, почему с такой настойчивостью Рузвельт добивается голосования в пользу непопулярного Уоллеса. Однако Элеонора Рузвельт, специально командированная президентом с этой целью в Чикаго, сумела в своей речи объяснить им причину непреклонности президента. Ухитрившись ни разу не упомянуть имени Уоллеса, супруга президента преподнесла делегатам съезда урок тактического мышления. Суть его состояла в следующем: сильный соперник (а таким являлся У. Уилки), способный на выборах одержать верх, требует привлечения союзников на левом фланге общества, которые, поддержав партию в 1936 г., разочаровались в ней и являются потенциальным резервом развивающегося движения за третью, рабоче-фермерскую партию. Уоллес с его твердой репутацией последовательного сторонника широких социальных преобразований послужит своеобразным улавливателем этих настроений с последующим растворением их в лоне Демократической партии.

Только теперь для многих противников третьего срока стало очевидным, что замысел президента простирался весьма далеко и заключался в реализации концепции национального единства в условиях военной мобилизации, а возможно, и участия в войне. Он не пошел на поводу у авторов реакционных антирабочих биллей, скопившихся в конгрессе, и многочисленных гонителей радикализма, подогреваемых бурными действиями созданной в мае 1938 г. комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Более того, в пику сторонникам «жестких мер» в отношении рабочего движения Рузвельт назначил членом созданной 29 мая 1940 г. Совещательной комиссии по национальной обороне (НДАК) вице-президента КПП Сиднея Хиллмэна, в функции которого входило наблюдение за претворением в жизнь рабочей политики в отраслях, занятых производством военной продукции или непосредственно связанных с ней. Это означало, что левоцентрист Хиллмэн превращался в некое дополнение к министру труда

Фрэнсис Перкинс или даже кое в чем становился на ступеньку выше ее. А накануне съезда демократов Рузвельт назначил другого профсоюзного деятеля, Дэниеля Трейси, президента Межнационального братства рабочих электротехнической промышленности (АФТ), заместителем министра труда. Вхождение двух представителей профсоюзов в высшие эшелоны администрации символизировало признание Рузвельтом того большого значения, которое он придавал в сложившейся ситуации восстановлению контактов с рабочим движением, и одновременно желание лишить поддержки левого крыла профсоюзов движения за создание третьей, рабоче-фермерской партии 48.

Острейший конфликт с Джоном Льюисом и переход последнего на сторону Уилки осложнили положение Рузвельта. Он также не мог надеяться, что руководство АФТ окажет ему необходимую поддержку 49, а слухи, что Льюис предпринимает шаги к созданию рабоче-фермерской партии на изоляционистской платформе, усиливали беспокойство по поводу исхода избирательной борьбы. Неясно было, какую позицию займут профсоюзы в отношении помощи Англии и призыва крепить «национальную оборону», уже высказанного Рузвельтом. Но буквально накануне съезда демократов положение прояснилось: Филипп Мэррей, президент союза сталелитейщиков (КПП), и Томас Кеннеди, секретарь-казначей союза шахтеров (КПП), вместе с Р. Томасом, Р. Франкенстином из союза автомобильных рабочих (КПП), руководителями союзов рабочих текстильной и резиновой промышленности приехали в Чикаго с целью содействовать успеху прорузвельтовской кампании. Таким образом, настойчивость Рузвельта в отношении кандидатуры Уоллеса во многом объяснялась стремлением президента ответить взаимностью на проявление лояльности к «новому курсу» со стороны наиболее активной и прогрессивно настроенной части организованного рабочего движения. Этот шаг Рузвельта содействовал тому, что многие съезды профсоюзов вновь высказались в его поддержку.

Тактика Рузвельта полностью обнажилась уже в ходе самой избирательной кампании, после победы на съезде в Чикаго. Президент включился в нее за две недели до выборов, подчеркнув тем самым, что он занят не охотой за голосами, а вопросами государственной важности, включая, прежде всего, вопрос о безопасности страны. В выступлениях Рузвельта совсем не фигурировала тема третьего срока, он не хотел позволить противнику втянуть его в опасную дискуссию. Вместо этого ударение было сделано на достижениях «нового курса» в социальной сфере. Чутко уловив стремление Уилки и республиканцев рекламировать свой новый «трезвомыслящий» подход к проблемам неимущих слоев, Рузвельт воспользовался случаем, чтобы напомнить о том, что это всегда было сердцевиной его политики, а также указать одновременно и на лицемерие лидеров «великой старой партии». «Слезы, крокодиловы слезы, – говорил Рузвельт 23 октября в Филадельфии, – которые проливают некоторые в ходе этой кампании в связи с положением трудящихся мужчин и женщин, льются из глаз тех самых республиканцев, которые уже имели в 1932 г. шанс доказать свою любовь к рабочим, но не захотели воспользоваться им». Закрывая кампанию в промышленном Кливленде, городе боевых рабочих традиций, ставшем центром забастовочного движения, Рузвельт сказал: «Я вижу Америку, где рабочих промышленных предприятий не выгоняют с работы в расцвете лет, где нет этой бесконечной нищеты, переходящей по наследству от поколения к поколению» 50.

Следуя советам Хиллмэна, в самый последний момент Рузвельт даже попытался достичь примирения с Джоном Льюисом, пригласив его 17 октября 1940 г. в Белый дом для обсуждения вопросов рабочей политики. Президент профсоюза шахтеров не отверг приглашения, но внезапно, повернув разговор на нарушения демократических прав со стороны полиции, Льюис заявил президенту, что Федеральное бюро расследований установило за ним слежку и прослушивает его телефонные разговоры. Рузвельту хорошо было известно о многочисленных грязных акциях политической полиции против демократических элементов и левых, о незаконных арестах, кампаниях запугивания и преследованиях инакомыслящих, но, изобразив на своем лице удивление, президент страны прервал разговор с тем, чтобы никогда уже больше не встречаться с президентом

КПП. Примирения не состоялось. По всему было видно, что Льюис жаждал хлопнуть дверью, и хлопнуть посильнее. Президент не стал уговаривать его соблюдать вежливость и терпимость.

Положение в рядах рабочего движения, служившего главной опорой либерально-прогрессистского блока, создавало для Рузвельта накануне выборов серьезную проблему. Это сознавалось всеми, кому не безразлично было, кто займет кресло президента накануне принятия, возможно, самых ответственных решений за всю предшествующую историю страны.

Освобожденный из тюрьмы, в которую он был заточен по ложному обвинению и где пробыл свыше 20 лет, выдающийся сын американского рабочего класса, представитель его левого крыла Том Муни с осуждением отреагировал на планы Льюиса объявить войну Рузвельту и сделать профсоюзы опорной силой его противников. «Я следил за ходом съезда КПП в штате Калифорния, – писал он 12 октября 1940 г., – слушал вечернюю программу КПП по радио и читал газеты КПП, а также ежедневную печать. Его участники попали в весьма щекотливое положение. Насколько мне известно, Льюис собирается выступить с заявлением по поводу президентских выборов в любой день... и полон решимости добиваться провала Рузвельта. Все равно, что бы он ни делал, поддержит ли он антирузвельтовскую кампанию или призовет голосовать за Уилки, в любом случае такая линия поведения будет равносильна поддержке Уилки; но у меня просто не укладывается в голове, как он мог Уилки предпочесть Рузвельту. Действительно, политика правительства является империалистической по своему характеру, однако, хотя мы и не заинтересованы в защите умирающего капитализма, тем не менее если мы поставлены перед выбором, то из двух зол следует выбирать меньшее. Я полагаю, это и есть единственно разумное решение для рабочих, пока они не располагают политической силой, достаточной для того, чтобы обеспечить себе реальные шансы добиться собственной победы. Вопреки всему тому, что говорится и делается, на практике все реформы «нового курса» остаются в силе, и сам Рузвельт не единожды публично на весь мир объявил себя верным обязательству защищать их и расширять при любых, даже самых сложных обстоятельствах, сохраняя их в том виде, в котором они существуют. Он рассматривает их в качестве составной части национальной обороны» 51.

Однако то, чего опасались очень многие сторонники Рузвельта, подтвердилось. Накануне дня выборов, принеся в жертву честолюбию здравый смысл, Джон Льюис призвал рабочих голосовать против Рузвельта, «супермена» и «аристократа», в котором не нуждается Америка. Это трудно было предвидеть. В случае если члены КПП, заявил Льюис, отвергнут его совет, он будет рассматривать это как вотум недоверия и немедленно подаст в отставку с поста председателя КПП. Биограф С. Хиллмэна М. Джозефсон свидетельствовал, что демарш Льюиса был воспринят Рузвельтом и его ближайшим окружением как предупреждение о грозной опасности 52. Во многом этим объясняется, почему до самого конца кампании Рузвельт последовательно придерживался того плана, который был им разработан с учетом глубины внутренних социальных противоречий в стране и особого морально-политического климата, отмеченного подъемом антимонополистического движения. Гопкинс раскрыл суть этого подхода в письме (от 14 августа 1940 г.) одному из своих корреспондентов, сказав, что Рузвельт не должен бояться идти навстречу рабочим, фермерам, средним слоям, черным, остерегаясь в то же время близости с корпорациями 53.

Когда голоса были подсчитаны, выяснилось, что прочное большинство все еще поддерживает президента, с чьим именем были связаны реформы «нового курса», но и Уилки получил чуть менее 45 % голосов избирателей. Совсем неплохо для первого раза. Выяснилось также, что именно рабочий класс и беднейшие слои населения, как и в 1936 г., в подавляющем большинстве поддержали Рузвельта. В сущности, трудящиеся голосовали за продолжение и углубление реформ. Голосование за Рузвельта означало также и поражение изоляционистов, пронацистских группировок, отчаянно пытавшихся помешать моральному осуждению нацизма и исключить превращение США в резерв вооруженного сопротивления

странам «оси».

27 ноября 1940 г., после того как утихли страсти и улеглось возбуждение первых дней после объявления результатов голосования, Феликс Франкфуртер попытался в письме Гарольду Ласки – английскому социалисту – прокомментировать победу Рузвельта под углом зрения перспектив национальной политики. Поводом для этого послужила аналитическая статья в лейбористской газете «Гардиан». Эта статья, писал Франкфуртер, в целом правильно анализирует ситуацию, возникшую в США, но «недооценивает силы тьмы и реальной власти, которые объединились против Рузвельта...». Он заключал: «Президент вступает в свой третий срок, преисполненный духом Линкольна. Иными словами, он ни на один миг не впадает в восторг по поводу результата выборов, хорошо представляя себе громадность задач, стоящих перед ним. Вы также хорошо знаете проблемы, с которыми ему приходится иметь дело. Вскоре должны быть приняты главные решения, и события должны помочь приблизить этот момент» 54.

Глава IX **Садовый шланг для соседа**

Корень вопроса

Нападение Гитлера на Польшу 1 сентября 1939 г. и начало Второй мировой войны для Белого дома, да и вообще для политических кругов Вашингтона не было неожиданностью: этого ждали и к этому готовились. Но даже Рузвельт полагал, что события могли развиваться в русле «мюнхенского сценария», о чем шла речь в беседе с заместителем госсекретаря Брекенриджем Лонгом 2 сентября. В публичных выступлениях он предпочитал ограничиваться предупредительными сигналами, не давая повода оппозиции обвинить его в стремлении вмешаться в европейский конфликт. Первые практические шаги правительства США были под стать этой реакции. На заседании кабинета 1 сентября Рузвельт провел различие между подготовкой к войне и подготовкой к решению проблем, поставленных войной. «Уделяйте внимание исключительно последнему, – наставлял он членов кабинета, – ибо мы не намерены дать вовлечь себя в войну». Через два дня в ходе очередной «беседы у камелька» он осудил слухи о посылке американских солдат в Европу и дал твердое обещание сохранить Америку вне войны. 5 сентября специальной прокламацией президента был введен в действие Закон о нейтралитете 1937 г., предусматривавший эмбарго на экспорт оружия в воюющие страны 1, а 8 сентября объявлено «ограниченное военное положение».

Однако Рузвельт дал ясно понять, что он отвергает строгий нейтралитет. «Я не могу, – говорил он, – требовать, чтобы американцы оставались нейтральными и в своем образе мыслей...» 2 Все понимали, что это значит. Опросы показывали, что симпатии большинства американцев были на стороне противников Германии. Президент также считал, что США должны оказывать помощь Англии и Франции. Задержка с введением в действие Закона о нейтралитете была первым дружеским жестом правительства Соединенных Штатов по отношению к Англии и Франции: они получили возможность вывезти из США ранее закупленное военное снаряжение 3. Когда стало ясно, что в конгрессе складывается благоприятная обстановка для этого, Рузвельт осторожно, с оглядкой возобновил агитацию за пересмотр законодательства о нейтралитете. Поскольку изоляционисты располагали еще большим влиянием, а отношение к войне, которую Англия и Франция вели с Германией, было двояким (она и впрямь была «странной войной»), Рузвельт стремился не дать обвинить себя в принадлежности к партии войны. «Франклин всегда говорил, – заметила как-то Элеонора Рузвельт, – что ни один лидер не должен отрываться слишком далеко от своих последователей» 4.

Речь Рузвельта перед специальной сессией конгресса 21 сентября 1939 г. была мастерски составленным документом. В нем было все: констатация того, что существующий

Закон о нейтралитете фактически помогает агрессору, нападающей стороне; убеждение, что благодаря ему Соединенные Штаты объективно скорее могут быть втянутыми в войну; декларация преданности общенациональному блоку, ставящему задачу сохранения Америки вне войны; предложение о том, как обеспечить прибыли американским торговцам оружием и другими материалами, необходимыми воюющим странам, не рискуя оказаться втянутыми в военные действия. Подтвердив свое отрицательное отношение к законодательству о нейтралитете, Рузвельт заключил свою речь словами, которые прозвучали почти как клятва: «Во всех своих действиях мы должны руководствоваться единственной мыслью – не допустить вовлечения Америки в эту войну» 5.

Ощущение опасности, стоящей у порога, побуждало к самокритике. Мрачной эпитафией политике «умиротворения» прозвучали слова: «Я сожалею, что конгресс принял этот закон. Равным образом я сожалею, что подписал его». Да, действительно, законодательство о нейтралитете всегда было на пользу только Гитлеру и Муссолини, недаром их агентура в США из кожи вон лезла, чтобы сорвать его отмену. Но ведь существовало множество других способов позитивного воздействия на международную обстановку, которыми Соединенные Штаты, администрация Рузвельта не пожелали воспользоваться. Рузвельт понимал, что втиснуть всю внешнюю политику такой страны, как США, с ее огромным экономическим, военно-политическим и моральным потенциалом в прокрустово ложе законодательства о нейтралитете невозможно, как невозможно объяснить неутешительный итог дипломатической деятельности за почти восьмилетний период одной строкой правового акта. Требовались более убедительные аргументы, чтобы не оставить впечатления кающегося политика, облик которого мало подходил для человека, претендующего вновь занять кресло президента страны.

Рузвельт выбирает иную тактику. Но прежде он демонстративно отклоняет многократные предложения выступить в роли посредника с инициативой новых мирных переговоров между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией – с другой. Такие предложения настойчиво делались ему убежденным в скорой капитуляции Англии Джозефом Кеннеди, американским послом в Лондоне, и по различным каналам представителями Третьего рейха. Сделанные Рузвельтом последующие шаги должны были убедить каждого, что президент, чего бы это ему ни стоило, не намерен следовать своему старому правилу – идти вровень с теми настроениями, которые задают тон в общественном мнении страны. И прежде всего 11 сентября 1939 г. он направляет открытым текстом знаменитое письмо У. Черчиллю в Лондон с поздравлением в связи с возвращением последнего на должность Первого лорда Адмиралтейства и напоминанием, что в годы Первой мировой войны они оба стояли на одинаковых позициях.

Посреди, как писал Р. Шервуд, внезапно образовавшегося вакуума идей 6 Рузвельт вновь обрел душевное равновесие, объяснив самому себе и всем, кого это интересовало, что главная ответственность за недооценку нацистской угрозы (в том числе и для стран Западного полушария) и за фиаско политики «умиротворения» лежит на наивных представлениях миллионов американцев, не желавших-де и слышать о вмешательстве в европейские конфликты, о противодействии расширению фашистской агрессии. И через два года он настаивал на этой версии. 16 октября 1942 г. Джозеф Дэвис сделал важную запись в своем дневнике после беседы с Рузвельтом о существовании предвоенной внешней политики США. Президент говорил ему: «С момента захвата Гитлером власти и ремилитаризации Рейнской области для меня было абсолютно ясно, что мир находится под угрозой. Но для меня также было абсолютно ясно, что страна не готова ни осознать этой угрозы, ни принять на себя долю ответственности за сохранение мира. Постепенно страна пришла к этому решению и увидела то, что я видел давно. Это было нелегким делом – привести страну к осознанию нависшей над ней угрозы» 7.

Эта версия Рузвельта была поколеблена тем же Р. Шервудом, заметившим уже в послевоенное время кричащие противоречия в образе действий президента сразу же после объявления страны на «ограниченном военном положении». Рузвельт, писал он, «мог бы

использовать факт начала европейской войны для того, чтобы сосредоточить в своих руках власть, выходящую за рамки той, которой располагает президент в мирное время. Но он делал все наоборот. На пресс-конференции, последовавшей за его прокламацией, извещавшей о введении «ограниченного военного положения», он так определил свою позицию: «У меня нет ни намерений, ни необходимости... ни малейшего желания перестраивать жизнь нации, касается ли это ее оборонного потенциала или невоенной экономики, на военный лад. Этого мы хотим избежать. Мы намерены сохранять внутреннюю жизнь страны на принципах и в соответствии с законодательством мирного времени». Эти слова, по-видимому, были самыми неубедительными из всего когда-либо сказанного Рузвельтом. Он превзошел даже Уоррена Гардинга своим призывом к стране «вернуться к нормальным временам» еще до того, как война по-настоящему началась. Он обнажал горестные слабости его собственной администрации...» 8

Эту слабость (или, точнее сказать, противоречивость) позиции президента в первые месяцы войны Шервуд объяснил неясностью перспектив для самого Рузвельта. Шервуд исходил из того, что главное решение о третьем сроке осенью 1939 г. все еще не было принято, а потому-де наилучшим способом ведения всех дел оставались мистифицирование друзей и врагов, сокрытие истинных намерений 9. Тогда резонно спросить: а может быть, не было никакого раскаяния и в отношении той игры в политику «умиротворения», которую Соединенные Штаты вместе с Англией и Францией вели на протяжении многих лет, прикрываясь законодательством о нейтралитете? И еще одно: разве выглядит дипломатия Рузвельта последовательнее после того, как он, отвергнув предложение Джозефа Кеннеди выступить с новой мирной инициативой, встретился с американским бизнесменом У. Дэвисом, представлявшим Г. Геринга, и заявил о своей готовности быть посредником между воюющими странами, если его об этом попросят? 10 Американский историк У. Кимболл находит достаточно красноречивым также тот факт, что Рузвельт, прекрасно зная о прогерманской ориентации своего посла в Лондоне, не торопился отзываться его из английской столицы 11.

К историописанию самого Шервуда следует отнестись критично. Так он назвал осень 1939 г. и зиму 1940 г. периодом бездеятельности американской дипломатии. Рузвельту, по его словам, ничего не оставалось, как сидеть сложа руки и ждать, пока события, неподконтрольные ему, не определят его собственный образ действий 12. И в самом деле, внешне картина представлялась именно такой, но внешность часто бывает обманчивой. В Европе и в Азии шла война, и в Вашингтоне стремились извлечь из этого максимум возможного. Делались разные предложения и строились различные планы, но большинство сходилось на том, что благоприятное геополитическое положение США надолго сохранит за ними существенные преимущества по сравнению с другими странами, втянутыми в войну. Корпорации втайне подсчитывали выручку от военных заказов и закупок, рассчитывая нажиться за счет всех воюющих стран, не делая различий между ними. Сторонники отмены эмбарго получили мощную поддержку, быстро изменившую соотношение сил в конгрессе в пользу тех, кто настаивал на ревизии Закона о нейтралитете.

Пока в конгрессе разворачивались дебаты вокруг пересмотра Закона о нейтралитете, Рузвельт предпринял энергичные шаги к созданию особой, охраняемой Соединенными Штатами зоны «безопасности» в Западном полушарии. США выступили инициатором созыва в Панаме 23 сентября – 3 октября конференции министров иностранных дел стран Американского континента. Ее участники, представители 21 государства, приняли по предложению Рузвельта декларацию об установлении «нейтральной зоны» протяженностью от 300 до 1000 миль по обеим сторонам Северной и Южной Америки (за исключением Канады) 13. Она запрещала военные действия «любого неамериканского государства» в зоне, предусматривала совместное ее патрулирование. Конференция создала Межамериканскую финансовую и экономическую совещательную комиссию, призванную содействовать экономической стабильности в странах континента и смягчить потери этих стран в связи с утратой европейского рынка. В лице межамериканской «солидарности»,

полностью контролируемой Вашингтоном, американский капитал получил мощное средство для утверждения своего безраздельного влияния на континенте. Вспыхнувшая в далекой Европе война принесла американским корпорациям первые крупные дивиденды в виде расширения сферы влияния за счет оказавшихся связанными военным конфликтом конкурентов.

В конце октября – начале ноября 1939 г. Рузвельт поздравил себя с еще одним дипломатическим успехом, на этот раз в конфликте с изоляционистами. Голосование по новому, четвертому после августа 1935 г. правительственному законопроекту о нейтралитете в конгрессе дало преимущество интернационалистам. Большинство сенаторов и членов палаты представителей выступили за отмену эмбарго, отвергнув все доводы изоляционистов. Закон, подписанный Рузвельтом 4 ноября, разрешал экспорт оружия воюющим странам на основе принципа «cash and carry» (плати и вези). «По-прежнему исключалась возможность предоставления займов воюющим странам и передвижения американцев на их судах. Но впервые разрешалась продажа американского вооружения воюющим в Европе сторонам, если оно будет заранее оплачено и вывезено на иностранных судах» 14. Американским судам запрещалось заходить в омывающие Европу моря, которые объявлялись зоной военных действий. Но нашлось много посредников, которые охотно брали на себя риск, продвигая американские товары в самые опасные точки.

Рузвельту очень хотелось закрепить этот успех, публично развенчав «заблуждения» в отношении безопасности Американского континента. В ноябре 1939 г. он подготовил черновой вариант речи, в которой говорилось о неизбежности военного столкновения США с Германией в случае поражения Франции и Англии. Но, как замечает Роберт Даллек, опасение, что такая речь прозвучит как открытый призыв к оружию и будет обращена против него, если им будет принято решение баллотироваться в третий раз, осенью 1940 г., удержало Рузвельта от эффектного изъясления антигерманских настроений, а заодно и сведения счетов с внутренней оппозицией 15.

Были и другие обстоятельства, заставившие Рузвельта отправить пылиться в архив подготовленное выступление и вновь резко изменить курс своей европейской политики. Затишье, царившее на Западном фронте после захвата Гитлером Польши, начало советско-финского конфликта, вялые закупки Англией и Францией военного снаряжения, на которые в США так рассчитывали, заставили президента задуматься над тем, оправданны ли прогнозы на длительную «большую войну» между странами «оси» и союзниками и не возьмет ли вскоре вновь верх «западная солидарность» на почве антисоветизма. В этих условиях заманчивым показалось вновь (вопреки клятвенным обещаниям не делать этого) обратиться к воюющим (в особенности к Германии и Италии) и нейтральным странам с предложением заняться урегулированием всех споров за столом мирных переговоров.

Рецидив политики «умиротворения» воплотился сначала в обращение Рузвельта к папе Пию XII с предложением дать благословение идее «единства моральных действий», примиряющих агрессоров и их жертвы, а затем в таинственные миссии Джеймса Муни, одного из руководителей корпорации «Дженерал моторс», в Берлин и заместителя госсекретаря С. Уэллеса в Рим, Берлин, Париж и Лондон (февраль – март 1940 г.). Джеймс Муни, хорошо известный верхушке Третьего рейха благодаря тому, что представляемая им фирма все 30-е годы занималась производством в нацистской Германии грузовиков, броневых автомобилей и танков, официально должен был выяснить отношение Гитлера и его окружения к идее прекращения войны на «справедливых и равноправных» условиях. В его полномочия входило также передать нацистским руководителям предложение о посреднических услугах, которые США с готовностью могли бы оказать в организации таких контактов и переговоров 16. Прецедент с миротворчеством полковника Э. Хауза в 1914 г. не был забыт.

Бросается в глаза контраст с той позицией, которой придерживалась американская дипломатия в период, когда проходили англо-франко-советские переговоры в Москве весной и летом 1939 г. А ведь прошло всего лишь несколько недель с того момента, когда было

отклонено предложение Джозефа Дэвиса о поездке в Москву с целью способствовать успеху идущих там переговоров. «Промедление смерти подобно», – предупреждал тогда Дэвис. Его не послушали. Теперь, после того как пол-Европы было захвачено нацистами, в Берлин для «урегулирования взаимных претензий» послали главного администратора заводов «Опель» (филиал «Дженерал моторс»), награжденного в 1939 г. Гитлером орденом «Золотого орла» 17. Особая предупредительность американской дипломатии по отношению к Третьему рейху наводила на размышления на фоне резкого похолодания в советско-американских отношениях после начала советско-финского конфликта в конце 1939 г.

Личная встреча Рузвельта и Джеймса Муни имела место 22 сентября 1939 г. и касалась широкого круга вопросов. Чарльз Хайэм, впервые подробно рассказавший о ней в книге «Торгуя с врагом», писал, ссылаясь на дневники Муни, что речь шла о широком круге международных вопросов, включая вопрос об «общем подходе к России» 18. О том, какие темы в связи с этим поднимались, можно только догадываться, хотя дневниковая запись Б. Лонга от 11 октября 1939 г. проливает свет на те идеи, которые кочевали в офисах госдепартамента накануне поездки Муни. В ней выражалась надежда, что германская военщина, обнаружив у границ Восточной Пруссии после воссоединения западных областей Белоруссии в сентябре того же года Красную Армию, заставит Гитлера с вниманием отнестись к сигналам, идущим из Лондона и Парижа, и пойти на сделку с ними. Определенные надежды возлагались и на перемены в руководстве нацистского рейха, уход Гитлера и приход «прагматичного» Геринга. «Западные страны, – записал Лонг, – могут иметь с ним дело» 19.

Пока Муни готовился к отъезду в Берлин для встречи с Гитлером и Герингом, в Вашингтоне разрабатывалась еще более сложная и ответственная дипломатическая акция. Впрочем, правильнее было бы сказать, что там вернулись к старым планам установления прямых контактов с Гитлером и Муссолини с целью предварительного обсуждения нового варианта улаживания взаимных претензий. 9 февраля 1940 г. президент объявил, что он решил послать в Европу заместителя государственного секретаря С. Уэллеса с визитом в Рим, Берлин, Париж и Лондон с целью выяснить «мнение четырех правительств... о существующих возможностях заключения справедливого и прочного мира» 20. В политических кругах США придавали очень важное значение этой поездке. Вновь всплыло имя Э. Хауза. «Это будет очень важный визит, – сделал запись в своем дневнике 9 февраля хорошо информированный Б. Лонг, – точнее сказать, он может стать таким. Если Самнер (Уэллес. – В.М.) обнаружит готовность со стороны различных ответственных чиновников всех четырех правительств прекратить военные действия, то этот визит приобретет большое значение; но если Уэллес не обнаружит такой готовности, то это будет, по-видимому, означать, что война продлится *ad infinitum* (до бесконечности)» 21.

Была ли миссия Уэллеса задумана как чисто ознакомительная или как серьезный зондаж обстановки на предмет активного обмена идеями об условиях достижения очередного соглашения с Берлином и Римом? На этот вопрос ответить непросто хотя бы потому, что Рузвельт окружил ее атмосферой таинственности, строго приказав не разглашать никаких подробностей о поездке Уэллеса. В беседе с Лонгом уже в начале марта 1940 г. «президент сказал, что, насколько ему известно, он единственный человек, который знает, почему Уэллес отправился в свою поездку за рубеж, и он единственный человек, который знал, что Уэллес должен был говорить...» 22

Одно очевидно: после того как президент почувствовал холодное отношение со стороны общественности и в конгрессе к «умиротворительным» аспектам миссии Уэллеса, он счел необходимым представлять ее в доверительных беседах как простой маневр, направленный на то, чтобы поспособствовать Франции и Англии «противостоять неминуемому натиску» немцев, который, как считали в Вашингтоне, может начаться в ближайшем будущем, и если удастся, то и предотвратить его. Что удалось узнать Уэллесу, остается до сих пор до конца неясным. Но президент вынес из всей этой истории один важный урок: заигрывание с идеей «умиротворения» фашистских держав становится все

более непопулярным в стране. И еще одно: маршрут Уэллеса не включал Москву, но беседы посланника президента в Берлине и Лондоне показали, что возник военный тупик, из которого западные союзники не смогут выйти победителями без серьезной поддержки Советского Союза. Между тем советское посольство в Вашингтоне истолковало миссию Уэллеса как исключительно антисоветскую по своему характеру. Уманский сообщил об этом в Москву 23.

Но и без этого дипломатические отношения самих Соединенных Штатов с СССР оставались натянутыми, хотя, обеспокоенное постоянным расширением японской экспансии в Азии, политическое руководство США и не стремилось доводить их до крайней грани. Тем не менее в США была развернута широкая антисоветская кампания. Вашингтон оказывал экономическую и финансовую помощь Финляндии, воюющей с Советским Союзом, а 2 декабря 1939 г. Рузвельт объявил о введении «морального эмбарго» на вывоз в СССР некоторых видов промышленной продукции, главным образом на вывоз самолетов. Но еще до подписания СССР с Финляндией мирного договора 12 марта 1940 г. государственный секретарь К. Хэлл сделал ряд заявлений, из которых явствовало, что в планы Вашингтона не входит имитация решимости «покарать» Советский Союз за «дерзость», проявленную в деле обеспечения безопасности его собственных границ. Исключительно дружелюбно вел себя посол США в Москве Л. Штейнгардт, предлагая посредничество и обещая в беседе с Молотовым потепление советско-американских отношений. Все говорило о том, что Рузвельт понимал, что безрассудные решения могли дорого обойтись, прежде всего, самим Соединенным Штатам, и, возможно, в самом недалеком времени.

9 апреля 1940 г. президент смог лишний раз убедиться, что меры предосторожности, принятые им против раздувания антисоветской истерии в конгрессе и в общественных настроениях, были полностью оправданными. В этот день Гитлер начал вторжение в Данию и Норвегию. В тот же день, выступая перед журналистами, Рузвельт потребовал уже от всех общего переосмысления мировой ситуации под углом зрения возросшей непосредственной опасности для самой Америки быть вовлеченной в войну. Через неделю на встрече с 275 членами Американского общества газетных редакторов Рузвельт почти в тоне инструктажа говорил об их «обязанности» просвещать сограждан в отношении полной безнадежности для США устоять в качестве самостоятельного государства в случае, если фашистские диктаторские режимы одержат верх в Европе и на Дальнем Востоке. Это ни в коем случае не было призывом к оружию. Рузвельт все еще рассчитывал, что США какое-то время удастся оставаться вне войны, а сама она примет длительный, затяжной характер, после того как в нее вступят главные силы Франции и Англии. Но та решительность, с которой Гитлер действовал против Дании и Норвегии, и тот поразительный, буквально ошеломляющий паралич воли, наступивший после этого известия в Париже и Лондоне, вызвали в Вашингтоне шок. Какие нужны были еще доказательства того, что Франция и Англия не способны эффективно противостоять агрессору, по-видимому, рассчитывая на помощь извне? Где искать противовес той внезапно возникшей непосредственной опасности для существования не только европейских стран, но и стран Американского континента и Соединенных Штатов в том числе?

Некоторые шаги Рузвельта в начале апреля 1940 г. позволяют понять, в каком направлении шел ход его мыслей. Он дает указание о возобновлении торгово-экономических переговоров между США и Советским Союзом. Много раз встречаются заместитель госсекретаря С. Уэллес и полпред СССР К.А. Уманский. 27 июля 1940 г. Уэллес сказал своему собеседнику: «Пора обеим нашим странам подумать не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреватые новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту, создающуюся в отношениях между нашими странами» 24. Эти слова были произнесены уже после начала наступления германских войск против Голландии и Бельгии, после капитуляции Франции. Мало кто в американской столице верил тогда, что Англия сможет продержаться длительное время даже

при всесторонней помощи вооружением и продовольствием со стороны США. А если рухнет эта «передовая линия обороны Америки», долго ли Атлантический океан может служить преградой для Гитлера и его военно-морского флота, усиленного захваченными английским и французским флотами? Смогут ли Соединенные Штаты предотвратить прорыв Германии, а возможно, и Японии в Канаду, Центральную и Южную Америку, где у германского фашизма есть сторонники и сочувствующие? Не отрежут ли Германия и Италия, захватив Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, США от важных источников сырья? Не начнет ли Германия, базируясь в захваченных Норвегии и Англии, готовить высадку в Исландию, Гренландию и Канаду, чтобы создать там базы для бомбардировок промышленных центров северо-востока США?

«Страх и истерия, – писал известный публицист М. Джозефсон, – сковали Соединенные Штаты, как только французская армия была разгромлена в молниеносной войне. Каждый, кто бывал тогда в Вашингтоне, помнит тот ужас, который царил повсюду, даже в официальных кругах, в связи с захватом французского флота Германией и возможным в ближайшее время завоеванием Англии. Многие беженцы из Франции предсказывали в ближайшие две недели появление нацистских интервентов» 25.

Послание Рузвельта конгрессу 16 мая косвенно отражало эти настроения, будоражившие столичную атмосферу. Граница американской безопасности, говорил он, переместилась с Рейна куда-то в Атлантику. Развитие авиации, отметил он, положило конец безопасности Западного полушария. Президент, нарисовав устрашающую картину применяемых нацистами методов ведения тотальной войны с использованием новейшей техники, потребовал от конгресса ассигнований на создание мощного военно-воздушного флота, способного прикрыть подступы к Западному полушарию со стороны Атлантики. Получалось, что, несмотря на усиление опасности со стороны Японии, главная угроза исходила из Европы. Впервые во всеуслышание Рузвельт заявил о необходимости для США обзавестись сетью военных баз за рубежом. Но слово «война» никто старался не произносить. Ф. Франкфуртер писал Г. Ласки 20 июня 1940 г. о том, что идея участия США в европейской войне наталкивается на толщу непонимания и твердое убеждение очень многих, что американцы смогут отсидеться за океаном и что события в Европе обойдут Америку стороной 26.

Правда, появился новый немаловажный нюанс: подавляющее большинство в правящих кругах страны уже считало, что военная помощь воюющим с Германией и Италией странам вполне допустима и не противоречит их геополитическим замыслам. Воспользовавшись, как щитом, формулой «все, что угодно, кроме войны», Рузвельт повел наступление на еще устойчивые изоляционистские настроения, исподволь готовя страну к отказу от губительной и для самих Соединенных Штатов политики нейтралитета.

Послания У. Черчилля, ставшего после 10 мая 1940 г. премьером коалиционного правительства Англии, с мольбой о помощи и заклинанием оставить эгоистические расчеты извлечения выгоды из европейской схватки, подтолкнули к ряду важных шагов. Первым из них было решение Рузвельта 5 июня 1940 г. продать Франции 50 устаревших самолетов военно-морской авиации и 90 таких же пикирующих бомбардировщиков. «Я устроил это! – писал он в частном послании. – Очень много самолетов уже на пути к союзникам... Я делаю все возможное, хотя и не распространяюсь на эту тему, потому что некоторые элементы из нашей прессы, например газеты Скрипс – Говарда, наверняка исказят эти действия, организуют нападки на них и запутают людей... Очень скоро я выступлю с коротким заявлением по этому вопросу» 27. 8 июня Рузвельт объявил корреспондентам о своем решении, пояснив, что в «наши дни» самолеты «ужасно быстро устаревают». В такой чисто коммерческой упаковке сенсационная сделка не вызвала протестов. Деловые соображения взяли верх.

Однако главную порцию аргументов Рузвельт приберег для своего выступления в Вирджинском университете в г. Шарлоттсвилле, ставшего важной вехой в его наступлении на позиции изоляционизма. Впервые в нем достаточно определенно было сформулировано

отношение администрации к европейской войне и проведена дифференциация между нападающей и обороняющейся сторонами. Избранная Рузвельтом манера говорить намеками, не называя страны поименно, уже давно стала привычной. Все понимали, о чем и о ком идет речь. Президент сказал: «Сплотившись воедино, мы, американцы, будем проводить открыто и одновременно следующие два курса: противникам силы мы предоставим материальную помощь из ресурсов нашей страны; в то же самое время мы должны так спланировать использование этих ресурсов, дабы здесь, у себя в Америке, располагать достаточным количеством снаряжения и обученных кадров, чтобы быть готовыми к любым случайностям и оборонительным действиям» 28.

«Противники силы» – Франция и Англия – услышали в этих словах долгожданную, а может быть, и запоздалую поддержку. Поскольку буквально за несколько часов до выступления в Шарлоттсвилле Рузвельту стало известно о нападении Италии на Францию, он, к ужасу чиновников госдепартамента, по собственной инициативе включил в него свой знаменитый экспромт: «Рука, державшая кинжал, вонзила его в спину соседа». В госдепартаменте, писал Шервуд, считали, что Рузвельт зашел слишком далеко 29. Сам же президент так не считал, хотя соображения предвыборной тактики в который раз вновь толкнули его на компромисс с изоляционистами в его собственной партии. Шарлоттсвилльская речь осталась, по существу, единственным важным выступлением Рузвельта по вопросам внешней политики вплоть до глубокой осени 1940 г. Но тем охотнее Рузвельт предоставлял право высказываться от имени администрации ближайшему советнику по внешнеполитическим делам Гарри Гопкинсу, проявившему неожиданно недюжинные дипломатические способности и дальновидность.

В биографии Гопкинса после чикагского съезда Демократической партии две даты имеют существенное значение: 22 августа 1940 г. и 27 марта 1941 г. В конце августа 1940 г. Гопкинс подал заявление об отставке с поста министра торговли. Через два дня Рузвельт уведомил Гопкинса, что он согласен удовлетворить его просьбу, но... «только формально». 27 марта 1941 г. – день возвращения Гопкинса на государственную службу уже в качестве официального помощника президента. Юридическим основанием для этого послужил Закон об обороне Соединенных Штатов, на основании которого Гопкинс, хотя и лишен был права посещать заседания кабинета, фактически становился правой рукой президента. Биограф Гопкинса замечает, что круг обязанностей «делал его заместителем президента» 30. Правда, и во время своего вынужденного пребывания в должности директора не достроенной еще Библиотеки Рузвельта в Гайд-Парке Гопкинс оставался одним из главных участников выработки внешнеполитических решений.

В правительстве США Гопкинс принадлежал к числу тех, кто уже в 1938 г. ясно сознавал, что Германия является главным и самым опасным экономическим и политическим конкурентом США на мировой арене. Икес свидетельствует, что в разгар чехословацкого кризиса Гопкинс не склонен был безоговорочно присоединиться к намерению Рузвельта пытаться воздействовать на Гитлера одними увещаниями и настаивал на более жестком тоне 31. Нельзя не поставить в связь с этим одно место из письма Гопкинса Рузвельту, отправленного 31 августа 1939 г., т. е. накануне того дня, когда фашистские танки двинулись на Польшу. «Больше всего на свете, – писал Гопкинс из клиники Мэйо, – меня заботит теперь опасность нового Мюнхена, который, по моему мнению, окажется роковым для демократии» 32. Война в Европе представлялась ему уже желанным выходом из положения, концом позорного отступления. Силе следовало противопоставить силу. Гопкинс на много шагов опережал и Рузвельта, и настроения большинства американцев.

Тон выступлений Рузвельта во многих случаях оставался умеренным и уклончивым даже после 10 мая 1940 г. Между тем Гопкинс на заседании кабинета уже 12 мая 1940 г. поставил вопрос об угрозе для США быть отрезанными от источников сырья в случае поражения Франции, Англии и захвата их колоний державами «оси». В конце мая министр торговли поразил всех категоричностью суждений, выражением открыто антигерманских чувств и больше всего призывом в случае необходимости действовать без оглядки на

нейтралитет. На своей пресс-конференции, отвечая на вопрос о позиции США в связи с войной в Европе, он сказал: «Мы не можем сидеть, сложа руки, и утверждать, что, поскольку война так далека от нас, нам нечего беспокоиться... Мы должны быть реалистами, сосредоточить на войне наши мысли, решить, что именно нам предстоит делать, а затем уже приложить усилия, необходимые для осуществления нашего решения». Последовавший вслед за тем короткий диалог между Гопкинсом и представителем печатного органа банковских кругов журнала «Америкэн бэнкер» показал, как свободно Гопкинс пользовался приемом говорить «открытым текстом», когда знал, что его слова имеют точный адрес. Коснувшись призыва Гопкинса «не сидеть, сложа руки», корреспондент спросил: «Как далеко можем мы зайти в наших планах?» Гопкинс, не задумываясь, ответил: «Так далеко, как вам этого захочется – как раз настолько, насколько вы этого пожелаете». «Если даже...» – продолжал репортер. Не дав закончить, Гопкинс прервал его: «...если даже это означало бы вступление в войну» 33.

Дальнейшие рассуждения Гопкинса шли уже в русле того главного беспокойства, которое испытывала экономическая элита США и которое руководило ею всегда с того момента, как нацизм заговорил о своем «новом порядке». «Черт возьми, я имею в виду самые серьезные осложнения! – продолжал он. – Предположим, Германия выиграет войну в ближайшие два месяца и начнет делать на экономических фронтах все то, что она уже проделала на военных фронтах. Что сделают немцы в Южной Америке после своей победы и что предстоит сделать нам в этом случае? Предположим другое: эта война продлится два-три года. Какое влияние это окажет на экономику нашей страны? Это не такое дело, о котором можно беседовать за обеденным столом... Я принадлежу к тем, кто не любит говорить о делах, а предпочитает действовать» 34. Одобрительные отклики ведущих газет на заявление Гопкинса указывали, что он попал в точку. Знаменитое шарлоттсвилльское выступление Рузвельта, таким образом, повторяло уже знакомый мотив: Соединенные Штаты не позволяют «захлопнуть» себя в экономической мышшеловке и будут защищать свои сферы влияния.

Для Рузвельта, говорил Гопкинс в октябре 1940 г. Роберту Шервуду, «нет ничего важнее, чем разбить Гитлера» 35. Эти слова в тот момент следовало принимать на веру, ибо президент в своих выступлениях напирал на то, что «американские парни» не будут посланы воевать в Европу. Затянувшиеся переговоры о сделке с Англией по поводу передачи ей «находившихся на последнем издыхании» 50 эсминцев и некоторого количества торпедных катеров в обмен на сдачу в аренду США на 99 лет английских военных баз в Западном полушарии (на Ньюфаундленде, Бермудских и Багамских островах, на островах Ямайка, Санта-Лючия, Тринидад и в Британской Гвиане) показывали, что Рузвельт постоянно действует с оглядкой на предстоящие выборы. Об американо-английской сделке было объявлено лишь 16 августа 1940 г., причем Рузвельт, выступая на пресс-конференции, сделал ударение не на помощи Англии, а на приобретении Соединенными Штатами права на аренду военных баз. Даже Буллит в письме Герберту Фейсу от 26 августа 1940 г. писал, что правительство явно запаздывает в осуществлении своей программы помощи Англии, т. е. идет сзади ушедших вперед антиизоляционистских настроений широкой общественности 36, и в плане эффективности такой помощи. Оборона Англии трещит по швам в то время, как ей обещают старые посудины.

Уступая давлению лидеров Демократической партии накануне выборов, настаивавших на особой важности отмежевания от обвинений в намерении послать молодежь воевать за чуждые интересы европейских политических интриганов, Рузвельт в последнем выступлении перед выборами решил еще раз в духе Вудро Вильсона заверить страну в том, что он не позволит втянуть ее в войну. Он сделал это не без колебаний, но и не без задней мысли, что здравый смысл его соотечественников позволит им самим сделать правильный вывод из сопоставления абсолютно тождественных заверений кандидатов обеих партий – демократов и республиканцев. Обстреливаемый на предвыборных собраниях в промышленных округах яйцами и испорченными овощами, Уилки не вызывал большого доверия как военный руководитель страны, стоящей на пороге новых грозных испытаний.

Психологически, чрезмерно напирая на «провоенный» характер внешнеполитической программы Рузвельта, он проигрывал в глазах избирателя, в глубине души сознающего уже, что будущему президенту, очень возможно, придется выступать и в роли Верховного главнокомандующего вооруженными силами нации.

И все же многим казалось, что накануне ноябрьских выборов 1940 г. пропаганда изоляционистов, использовавших широко распространенные пацифистские, антиимпериалистические настроения в широких слоях населения, парализовала волю Рузвельта. Даже после трудной победы на выборах в его поведении мало что изменилось. Президент оставался внешне почти безразличным к судьбе Англии, хотя начало массированных бомбардировок Британских островов немцами еще ближе придвинуло неминуемую развязку. Рузвельт, говоря о возможности передачи Англии половины производимого в США военного снаряжения, в то же время не уточнял, как и когда это могло быть сделано.

Путешествие президента в начале декабря 1940 г. на крейсере «Тускалуза» по Карибскому морю должно было, наверное, окончательно усыпить бдительность журналистов, еще раз продемонстрировав всему миру безмятежность президента и отсутствие у него иных намерений, кроме приятного времяпрепровождения в тесном кругу его личного адъютанта «папаши» Уотсона, медика доктора Макинтайра и Гарри Гопкинса. Факты, однако, показывают, что на палубе «Тускалузы» «рыболовы» были заняты обдумыванием важнейших внешнеполитических шагов США. Особую пищу для размышлений дало полученное 9 декабря и составленное просто-таки в трагических тонах личное послание Черчилля, в сущности, уведомлявшее о безвыходности положения Англии – военного и экономического – и содержавшее настоящую мольбу усилить помощь и облегчить ее условия. Формула «cash and carry» привела Англию на грань финансового банкротства. Чтобы спасти положение, требовалось нечто совсем иное.

Вечером 16 декабря Рузвельт и Гопкинс вернулись в Вашингтон, а уже 17 декабря состоялась знаменитая пресс-конференция президента, на которой он говорил о пожаре «в доме соседа» и об оправданном риске из соображений самозащиты дать займы попавшему в беду соседу садовый шланг для спасения от огня. Начав встречу с журналистами многозначительным замечанием, что он будет говорить, исходя, прежде всего, из узкой, американской точки зрения, и что он не имеет ни малейшего желания отменять Закон о нейтралитете и закон Джонсона, Рузвельт пообещал присутствующим познакомить их с суммой «совершенно новых идей». Напомнив, что помощь Англии укрепляет оборону самих Соединенных Штатов, президент предложил им задуматься по поводу припасенной им специально для этого аллегории. Горит дом соседа, угрожая всей округе. «Что я делаю в этой критической ситуации? – спрашивал Рузвельт собравшихся. – Я не говорю попавшему в беду соседу перед тем, как вручить ему мой садовый шланг для борьбы с огнем: «Сосед, мой шланг стоит 15 долларов, ты должен уплатить мне за него эти 15 долларов...» Мне не нужны эти 15 долларов, но мне нужно, чтобы он просто возвратил мне мой садовый шланг после того, как пожар будет потушен» 37. Рузвельт преподнес эту новацию, о которой он услышал летом от Г. Икеса, как один из вариантов оказания помощи Англии, который ни в малейшей степени не приближает США к участию в войне. На все остальные вопросы президент отвечал неизменно: «Не знаю», «Об этом я не думал».

Находка с примером пожара у соседа предопределила благополучное прохождение законопроекта о ленд-лизе через конгресс США, где он мог застрять надолго. Р. Шервуд по этому поводу писал: «По моему мнению, можно совершенно точно сказать, что это сравнение с домом соседа помогло Рузвельту выиграть борьбу за закон о ленд-лизе. Предстояли два месяца самых ожесточенных дебатов, какие когда-либо знала история Америки, но на протяжении всего этого периода американский народ в целом сохранял убеждение в том, что не могло быть ничего слишком радикального или слишком опасного в предложении президента предоставить займы наш садовый шланг англичанам, столь героически сопротивлявшимся в неравной борьбе» 38.

29 декабря в очередной «беседе у камелька», в значительной мере подготовленной Гопкинсом, Рузвельт впервые назвал своим именем агрессию фашизма, впервые осудил губительное безумие политики «умиротворения», впервые признал непримиримость гегемонистских, захватнических замыслов держав «оси» с экономическими и политическими интересами США. Впервые также в этой речи Рузвельт назвал США «великим арсеналом демократии», имея в виду намерение правительства в интересах безопасности США оказывать широкую материальную помощь воюющим со странами «оси» народам. И все же заявление президента с точки зрения психологической могло произвести не большой эффект, чем обычный холостой выстрел, благодаря тому, что в подготовленном в соответствии с пожеланиями Рузвельта варианте речи отсутствовало указание на очень важное обстоятельство: что же думает Белый дом по поводу непосредственного участия США в борьбе с агрессивными державами? Гопкинс лучше других понимал, что эта новая увертка может повести к тяжелым последствиям для морального духа стран, оказавшихся жертвой агрессии. Во время обсуждения текста заявления он облек свое замечание в дипломатическую форму. «Г-н президент, – сказал он, – не считаете ли вы возможным включить в эту речь какое-нибудь оптимистическое заявление, которое подбодрит воюющих – англичан, греков, китайцев?» Шервуд пишет: «Рузвельт долго обдумывал этот вопрос, вскидывая голову и надувая щеки, как он обычно делал. Наконец продиктовал: «Я убежден, что державы «оси» не выиграют этой войны. Мое убеждение основывается на самых последних и надежных данных» 39.

Увы, ничего, кроме уверенности в положительном решении конгрессом вопроса об оказании Англии помощи в рамках новой формулы (ленд-лиз), за всей этой многозначительностью президента не стояло. Недостаточность этих мер для Гопкинса была самоочевидной, но добиваться большего было бесполезно. «Гопкинс, – пишет его помощник генерал Бёрнс, – обладал сверхъестественной способностью угадывать настроение Рузвельта; он знал, как высказать совет в форме лести и лести в форме совета; он чувствовал, когда можно оказать на Рузвельта давление и когда следует воздержаться от этого, когда Рузвельт был расположен слушать и когда нет, когда с ним следовало соглашаться и когда спорить» 40.

Между тем время шло, и опасения в Белом доме оказаться свидетелями капитуляции Англии (или, как выразился однажды Г. Стимсон, «исчезновения») все возрастали. В отличие от многих военных и дипломатических советников Рузвельта Гопкинс полагал, что с помощью поставок американского вооружения Англия в состоянии продержаться, по крайней мере, до тех пор, пока в ходе мировых событий не произойдет решающий перелом, т. е. до вовлечения в войну Советского Союза. Сообщения из Москвы говорили о том, что Советский Союз усиленно готовится к схватке с фашизмом. Обстоятельные по всему кругу вопросов беседы с Джозефом Дэвисом, бывшим послом в СССР, еще раз подтвердили это 41.

Несмотря на сохранившуюся в силу сталинской политики «воссоединения» напряженность в советско-американских отношениях, не исчезло стремление к сближению двух стран. Советское правительство не упускало случая напомнить Вашингтону о неиспользованных возможностях установления взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами 42. Большей частью эти демарши оставались без ответа, но Белый дом не пошел на поводу у реакции. В конце 1940 – начале 1941 г. и в Москве, и в Вашингтоне состоялись весьма важные рабочие встречи представителей обеих стран, имевшие целью обсуждение сложившихся между ними отношений 43. Государственный департамент в декабре 1940 г. затребовал от посла США в Москве Штейнгардта рекомендаций на предмет продолжения этих переговоров и извлечения из них «максимума возможного». Речь шла, прежде всего, как писал об этом Л. Гендерсон Штейнгардту, «об улучшении атмосферы в отношениях между США и СССР», хотя он не исключал и более далеко идущих намерений. «Я склонен думать, однако, – сообщал он, – что эти переговоры предприняты в результате существующего в определенных правительственных кругах твердого мнения, что мы в настоящее время должны предпринять энергичные шаги с целью достижения дружественных

отношений с Советским Союзом и обсуждения с ним всех дел, касающихся Германии, с одной стороны, и Японии – с другой» 44.

Гендерсон, руководитель восточноевропейского отдела госдепартамента, не одобрял эти новые веяния, полагая, что только продолжение «жесткого» курса по отношению к Советскому Союзу заставит Москву быть уступчивой во всем, включая и вопросы военно-политического сотрудничества. Посол США в Москве полностью соглашался с ним, заявляя, что русские «понимают только силу» 45. И Рузвельт, и Гопкинс считали такой подход, по крайней мере, близоруким. Проект закона о ленд-лизе, лежащий на столе у Гопкинса в ожидании одобрения президента, предусмотрительно был составлен таким образом, чтобы не закрывать двери, ведущие к военно-экономическому сотрудничеству США и Советского Союза. Гопкинс долго ломал себе голову, прикидывая реакцию наиболее яростных антисоветчиков в конгрессе на соответствующие пункты законопроекта, содержащие эту идею 46. Выбора не было. Одержат победу над Гитлером и его союзниками по «оси» без Советского Союза было просто невысказано. Наконец соответствующая формула была найдена, и президент добился одобрения билля конгрессом, отбив попытки антисоветского блока проташить поправку, отрезающую пути сотрудничества с СССР. Можно было бы ожидать, что президент санкционирует более активный поиск взаимопонимания с СССР. Однако Белый дом уклонился от этого. Сказались сильнейшее давление со стороны консервативной части конгресса и враждебность многих руководящих чиновников госдепартамента – А. Бирла, Л. Гендерсона и самого К. Хэлла. В Берлине читали американскую прессу и полагали, что при любом исходе событий Москва не может рассчитывать на военную помощь Америки.

Информация, поступающая в Белый дом по различным каналам (военная разведка, политическая агентура и т. д.), подтверждала, что Гитлер готовит нападение на Советский Союз, начало которого планируется после победоносного окончания войны с Англией. С особым вниманием фиксировалось каждое сообщение о нарастающей с осени 1940 г. напряженности в советско-германских отношениях, о подготовке Красной Армии к отражению военного нападения и о других мероприятиях Советского Союза по укреплению безопасности его границ в предвидении неминуемого столкновения с блоком фашистских держав 47. Уже в феврале 1940 г. госдепартамент направил Рузвельту документ особой важности, подтверждающий начало разработки в Германии оперативных планов нападения на Советский Союз 48. Рузвельт считал, что в этих условиях требовались доскональная осведомленность о реальном положении дел в Европе и трезвая оценка того, как долго Англия сможет продержаться в случае германского вторжения на землю Туманного Альбиона. О победе Англии в этой войне никто в Белом доме уже не думал.

В начале января 1941 г. на пресс-конференции Рузвельт объявил, что Гопкинс едет в Лондон с целью «побеседовать с Черчиллем на языке фермера из Айовы» 49. Пока журналисты обсуждали, что бы это могло означать, Гопкинс – уроженец Айовы – спешно готовился к своей трудной экспедиции. Цель ее состояла в желании выяснить на месте, сможет ли Англия устоять в случае вторжения и что нужно сделать, чтобы оттянуть его, если уж нельзя совсем не допустить. Самые первые впечатления Гопкинса были двойственными. Он отмечал позднее в докладе президенту сомнительность расчетов руководителей английского военного кабинета выиграть войну с Гитлером, наращивая постепенно превосходство в воздухе и избегая ввода в действие больших масс сухопутных сил. Вполне логичным для такого образа мышления был и отказ А. Идена видеть в лице Советского Союза потенциального союзника 50. Подобная точка зрения и в военно-стратегическом, и в политическом отношении представлялась Гопкинсу, по крайней мере, легковесной. Реально, и в этом Гопкинс был убежден, Англия, даже с учетом высокого морального духа народа и материальной поддержки США, продолжая войну в одиночку и полагаясь на авиацию, могла думать только об обороне.

Последующие события подтвердили, что тревожные ожидания близкой катастрофы, охватившие Рузвельта после обсуждения с Гопкинсом всех аспектов обороноспособности

Англии с учетом американской помощи, несмотря на все внешние проявления веры в непобедимость Англии и англичан, имели под собой больше оснований, чем оптимистические прогнозы Черчилля. Военные поражения на Ближнем Востоке и на Балканах весной 1941 г. привели Англию, пишет Бёрнс, на грань полного «стратегического краха» 51. В мае англичане оставили Крит. Немецкие подводные лодки наносили тяжелые потери английским судам в Атлантике. Тонкая нить снабжения Англии продовольствием и военными материалами грозила вот-вот оборваться. Между тем президент США вопреки ожиданиям Лондона отказался пересмотреть свое решение о конвоировании судов, не позволяющее американскому военно-морскому флоту выполнять охранные функции. Это был один из тех случаев, когда Гопкинс не согласился с позицией своего патрона 52.

Став в конце марта 1941 г. фактически главным администратором ленд-лиза и одновременно сохраняя пост специального помощника президента, Гопкинс оказался в положении руководителя всей программы мобилизации. Само собой разумеется, что основным условием ее эффективности являлось правильное стратегическое планирование. Однако ни один вариант, рассмотренный Рузвельтом и Гопкинсом, не устраивал их полностью. Дело в том, что, в сущности, в каждом случае весь расчет строился на добровольном отказе от военно-политической инициативы и на молчаливом признании того факта, что Англия и США, даже объединив свои силы, не могут взять на себя такую инициативу ни в Европе, ни на Дальнем Востоке. Гопкинс не был в восторге от стратегии выжидания, сознавая, что шансы выиграть и проиграть в этой игре примерно равны, но не мог и не согласиться с президентом в том отношении, что реальной силой, способной остановить и разгромить фашистскую агрессию, ни Англия, ни США не располагали. 12 мая С. Уэллес в доверительной беседе с Б. Лонгом дал понять, что в Белом доме считают положение Англии критическим и почти безнадежным. Настроения в самих Соединенных Штатах Лонг передал короткой строкой в своем дневнике от 4 июня: «Мы не готовы сражаться» 53. Через неделю, 10 июня, А. Гарриман почти в панике сообщал Гопкинсу из Лондона, что Англия не сможет победить без прямого военного вмешательства Соединенных Штатов 54.

Пожар в доме соседа разгорался все сильнее, грозя спалить все до основания и перекинуться на окружающие кварталы. Садовый шланг не спасал дела. Требовались другие средства и методы. 14 мая 1941 г. министр финансов США Генри Моргентау, близкий друг президента, после длительной беседы с Гопкинсом сделал следующую запись в своем дневнике: «Я думаю, что они оба – и президент, и Гопкинс – заняты поисками ответа на вопрос, что делать дальше. Они чувствуют, что что-то следует предпринять, но не знают, что. Гопкинс говорит, что президент, как всегда, не очень разговорчив, но он думает, что Рузвельту отвратительна сама мысль быть втянутым в войну и что он предпочитает идти за настроениями широкой публики, чем вести ее за собой» 55. Через месяц у Рузвельта уже был готов ответ. Когда 15 июня У. Черчилль сообщил президенту о том, что «в ближайшее время немцы, по-видимому, совершат сильнейшее нападение на Россию» и что Англия намерена в связи с этим оказать «русским всемерную поддержку и помощь», Рузвельт немедленно дал знать в Лондон о своей готовности публично поддержать «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника» 56.

Но что следует ожидать от Сталина? Поведение советского вождя было сложно спрогнозировать. 1 марта 1941 г. госдепартамент направил в Москву Л. Штейнгардту телеграмму с указанием добиться встречи с Молотовым и передать ему информацию о подготовке Гитлером скорого нападения на Советский Союз. Американский посол уже после войны заверял Р. Шервуда, что такая встреча состоялась, но опубликованные в США дипломатические документы оставляют некоторые сомнения на этот счет: К. Хэлл и Л. Штейнгардт опасались найти в Кремле холодный прием. Боязнь провокаций преследовала Сталина мрачной тенью, мешая отделить реальность от вымысла, жест доброй воли от желания рассорить с новыми «друзьями». Мирное возвращение после 1939 г. в лоно России большей части ее западных территорий, входивших в нее до 1914 г., делали нейтралитет

Москвы явлением неформальным. Все козыри были на руках у Гитлера. Кажется, это хорошо понимали в Вашингтоне, но решили упорно добиваться от Сталина перелома в отношении своих намерений. Документы из российских архивов подтверждают это.

1 марта 1941 г. в тот самый день, когда Штейнгардту была направлена телеграмма из государственного департамента, С. Уэллес беседовал с К. Уманским и сделал ему аналогичное заявление об угрозе нападения со стороны Германии. При этом заместитель госсекретаря специально подчеркнул достоверность этой информации и то, что в Белом доме учитывают возможность недоверия к ней в Москве. 15 апреля Штейнгардт в беседе с замнаркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским просил довести до сведения Молотова данные о подготовке Германией внезапного нападения на Советский Союз. Посол США, видимо следуя инструкции, даже добавил, что США в этом случае будут рады оказать помощь СССР. 24 мая Штейнгардт уже в беседе с А.Я. Вышинским поднял тот же вопрос и для большей убедительности заявил, что из соображений безопасности отправил свою жену в Америку. Вышинский отклонил доводы Штейнгардта, назвав их слухами, рассчитанными на «слабонервных людей».

Было от чего впасть в уныние. Но Штейнгардт, взвинченный до предела, решил попытать счастья еще раз в разговоре с Лозовским 5 июня 1941 г. Он уже говорил о концентрации немцев на границах с СССР. В ближайшие 2–3 недели, сказал он, СССР окажется в условиях тяжелейшего кризиса, что делает просто непонятным нежелание его руководства укрепить отношения с США по дипломатическим каналам. Ответ Лозовского поверг посла в состояние полного уныния. Он понял окончательно, что порученную ему исключительно важную миссию выполнить не удастся. Заместитель наркома с твердыми интонациями в голосе говорил послу: «СССР относится очень спокойно ко всякого рода слухам о нападении на его границы. Советский Союз встретит во всеоружии всякого, кто попытается нарушить его границы. Если бы нашлись такие люди, которые попытались бы это сделать, то день нападения на Советский Союз был бы самым несчастным в истории напавшей на СССР страны» 57.

Судя по российским документальным источникам, Л. Штейнгардт вплоть до 22 июня 1941 г. не рискнул появиться в здании Наркоминдела на Кузнецком Мосту.

Личный представитель президента едет в Москву

О нападении Гитлера на Советский Союз в Вашингтоне стало известно поздно вечером в субботу, 21 июня 1941 г. Шервуд, передавая реакцию Гопкинса на это радиосообщение, не скрывает, что оно исторгло у него вздох облегчения: «Гитлер повернул налево» 58. Ключевая мысль: непосредственная угроза смертельного удара по Англии, этой передовой линии обороны Соединенных Штатов, отведена. Восточный фронт становится основным и главным театром военных действий. Находившийся тогда в постоянном контакте с Рузвельтом и Гопкинсом представитель администрации ленд-лиза в Лондоне А. Гарриман испытал те же чувства. Надежда на спасение Англии возродилась с каждым новым известием об ожесточенных боях на западной границе Советского Союза: под Брестом, Минском, Перемышлем и Ровно. «Для меня, – вспоминал он, – новость о гитлеровском повороте на Восток пришла как самое приятное облегчение, хотя мы еще не были в состоянии войны» 59.

Какую позицию следовало занять Соединенным Штатам? Этот вопрос из плоскости чистых предположений перемещался в плоскость реальной политики. Госдепартамент имел готовый ответ: стараться держаться в стороне, проявлять «сдержанность», не идти на уступки СССР, если он их предложит с целью улучшения советско-американских отношений, руководствоваться соображениями «целесообразности».

Но что такое «целесообразность» и как ее понимать? В правящем классе и правительстве США на этот счет не было единого мнения 60. Дневники Оскара Кокса, ближайшего помощника и советника Гопкинса, показывают, что Гопкинс считал

необходимым для правительства США без промедления объявить о своей поддержке борьбы советского народа и о распространении на Советский Союз закона о ленд-лизе. Задание подготовить специальный меморандум с изложением доводов в пользу этой позиции Кокс получил уже 22 июня 1941 г. 61. Обычно точно улавливающий все оттенки мысли своего патрона Кокс утром 23 июня передал ему все требуемые материалы. Пакет содержал три обширных меморандума, один из которых обосновывал законность оказания Советскому Союзу военной помощи в рамках программы ленд-лиза, другой призывал президента немедленно сделать «заявление в поддержку России» и, наконец, третий определял общие принципы, которыми следовало руководствоваться в связи с началом военных действий на Восточном фронте (Кокс озаглавил свои материалы «Три параграфа в связи с русской ситуацией») 62.

Основная идея документа действительно укладывалась в рамки своеобразной триады. Первое. Россия всегда со времен «Майн кампф» являлась для Гитлера самым опасным врагом и одновременно важнейшим препятствием для осуществления его планов завоевания мирового господства. Второе. Сражаясь с Гитлером и изматывая агрессора, Россия делает не только недоступными для Германии ресурсы своей огромной территории, но и лишает ее «надежды на реализацию планов закабаления мира». Третье. «Практические соображения», которыми должны руководствоваться в сложившейся ситуации США, совершенно ясны: в интересах самих Соединенных Штатов («нравятся им или не нравятся различные аспекты внутренней и внешней политики России») оказывать ей всю возможную помощь 63.

И Гопкинс, и Кокс отлично сознавали, что их точка зрения на «русскую ситуацию» плохо или вообще не согласуется с позицией влиятельных финансово-промышленных кругов, связанных с германским капиталом, военных деятелей, многих ведущих политиков в конгрессе, да и в самой администрации. Многим в правящей верхушке общества поражение Советского Союза представлялось сверхжеланным. Сенаторы Р. Тафт (республиканец) и Г. Трумэн (демократ) заявили, что победа коммунистов в войне с нацизмом для американского народа так же и даже более опасна, чем завоевание России Гитлером. Американский народ в своем подавляющем большинстве так не считал, о чем убедительно свидетельствовали опросы общественного мнения, но для сбитого с толку пророчествами о неизбежном и скором поражении Советов американца найти верную позицию в этом потоке обрушившихся на него противоречивых и тенденциозных сообщений, предположений и прогнозов было делом исключительно сложным. Выступление президента могло бы внести ясность и содействовать правильной ориентации американской общественности в принципиально новой ситуации. С идеей выступления Рузвельта на пресс-конференции с коротким заявлением о поддержке Советского Союза в войне против нацизма обратился в Белый дом и такой видный представитель финансово-промышленных кругов, как Герберт Своуп 64.

Однако первое официальное заявление от имени правительства США по поводу нападения Германии на СССР было сделано исполняющим обязанности госсекретаря С. Уэллесом, выступившим 23 июня. Назвав нападение Германии «вероломным», он заметил, что перед США стоит вопрос, будет ли сорван гитлеровский план завоевания мира. Уэллес подчеркнул, что «любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, из какого бы источника эти силы ни исходили, ускорят неизбежное падение нынешних германских лидеров и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности». Уэллес ни слова не сказал об оказании поддержки Советскому Союзу. Наверное, это был не его уровень. Президент выступил только 24 июня, но его заявление, столь же лаконичное, содержало фразу, явно заимствованную из меморандума Кокса: «...мы намерены оказать России всю помощь, какую только сможем» 65. Рузвельт уклонился от ответа на вопрос, какие формы эта помощь могла принять, а также о возможности распространения ленд-лиза на Советский Союз.

В Белом доме обсуждался вопрос и о более полном выступлении президента в конгрессе. Текст речи был подготовлен, ее черновой вариант датирован 27 июня 1941 г.

Характерно, что основной тезис документа выглядит как контраргумент против доводов сторонников поражения Советского Союза («Поражение России избавит нацистов от угрозы на Востоке и позволит им обрушиться со всей силой против Запада»). Затем в духе меморандума того же Кокса излагалась идея неотвратимости для США держать сторону Советского Союза. Быть или не быть на стороне Советской страны в этой войне с фашизмом, говорилось в наброске речи, – это не вопрос, что предпочесть – выгоды нейтралитета или жертвы во имя общей победы. Речь идет о жизни и смерти американской нации, о существовании США как независимого государства. Центральная мысль была выражена в документе весьма образно и даже драматично. «Нападение нацистов на Россию, – говорилось в нем, – создает для нас одновременно и величайшую опасность, и величайшую возможность. Мы должны воспользоваться этой возможностью, пока опасность не стала для нас роковой» 66. Но тщательно подготовленная помощниками речь так и не была произнесена Рузвельтом. Бёрнс считает, что, находясь под впечатлением ежедневных докладов посла Штейнгардта («побольше жесткости и поменьше участия») и военных представителей США в Москве о безнадежности положения Красной Армии, президент психологически еще не был готов принять решение, к которому был подведен всем ходом событий. Кое-что подсказывала интуиция, но важно было узнать мнение военных специалистов.

Сильное впечатление на Рузвельта произвел врученный ему во второй половине дня 23 июня меморандум военного министра Г. Стимсона, представлявший собой довольно-таки детально скалькулированный высшими военными руководителями страны военно-стратегический баланс с включением в него новых слагаемых – вступление СССР в войну и ослабление давления Германии на Англию. Известный американский историк Г. Фейс, говоря о меморандуме Стимсона, в сущности обращает внимание лишь на прогноз в отношении того времени, которое понадобится Гитлеру, чтобы разбить Советский Союз («минимум один и максимум три месяца»). Но собственно чисто военные аспекты в меморандуме военного министра занимали весьма скромное место. Главное же его содержание (о чем как раз и «забывает» Г. Фейс) касалось политики или, точнее, геополитики США в свете новой, исключительно благоприятной, как отмечалось в документе, ситуации для США.

С редким единодушием военные руководители пришли к выводу, что давление Германии на всех самых опасных участках военных действий, и прежде всего в отношении Англии, ослабнет. Высказывалось убеждение, что Гитлер оставит планы вторжения на Британские острова. Стимсон и его коллеги в связи с этим считали, что США должны воспользоваться этой передышкой, чтобы укрепить везде и повсюду, где это возможно, американское военное присутствие. «Начав войну с Россией, Германия тем самым чрезвычайно облегчила наше положение и создала для нас возможность действовать незамедлительно с тем, чтобы устранить возникшие угрозы до того, как Германия выпутается из русского клубка». Стимсон заключал: «Для меня... действия Германии представляются почти как ниспосланное Господом Богом чудо. Этой последней демонстрацией нацистских амбиций и вероломства широко распахиваются двери для осуществления Вами руководства победоносной битвой за Северную Атлантику и защитой нашего полушария в Южной Атлантике; одновременно под Вашим руководством США в состоянии обеспечить успех любой программы действий в будущем» 67. И ни слова о помощи Советскому Союзу или координации военных усилий с ним. Идея использования «передышки» для укрепления военно-стратегических позиций США не только не предусматривала тесного сотрудничества с Советским Союзом, она скорее исходила из неотвратимости взаимного истощения СССР и Германии в ходе пускай короткой, но кровопролитной схватки. Ожидалось также, что в конце концов Германия «выкарабкается из русского клубка».

Рузвельт чувствовал, что такой подход имеет серьезные изъяны, несмотря на то что как будто бы резонно предупреждает от поспешности сближения с Москвой и отвечает

проводимой им политике «активного» неучастия в войне. И хотя советы военных, госдепартамента и посла Штейнгардта казались ему заслуживающими внимания, но интуиция политика и трагический опыт прошлого научили его прислушиваться к тем, чьи оценки представлялись многим в вашингтонской элите чересчур «просоветскими». Не без ведома президента Г. Гопкинс встречается в начале июля с Джозефом Дэвисом, который 7 июля подготовил для Белого дома по его поручению альтернативный меморандум с анализом всех «за» и «против» в отношении военного, экономического и дипломатического сотрудничества СССР и США в войне с гитлеровской Германией. То, что предложено было Дэвисом, по всем главным пунктам расходилось с рекомендациями военного ведомства и госдепартамента 68.

Общий вывод Дэвиса был абсолютно однозначен. Первое: у США нет иного выбора, помимо установления такого сотрудничества. Второе: Советский Союз и его армия, несмотря на неудачи первых дней войны, располагают всеми возможностями преодолеть вызванные вероломным нападением трудности и нанести военное поражение вермахту.

По-видимому, во время беседы Гопкинса с Дэвисом 7 июля в Белом доме и родилась идея о поездке Гопкинса в Москву с целью ознакомления на месте с положением на советско-германском фронте и установления личных контактов с советскими руководителями. Вопросы, связанные с вступлением СССР в войну, обсуждались также во время длительной беседы Рузвельта с Гопкинсом 11 июля. Назавтра стало известно, что Гопкинс снова летит в Лондон, и одновременно было опубликовано ответное послание Рузвельта на приветствие М.И. Калинина по случаю Дня независимости. Телеграмма президента была составлена в таком тоне, который не оставлял сомнений, в каком ключе шло обсуждение советско-американских отношений с Гопкинсом. Американский народ, говорилось в ней, «связан с русским народом крепкими узами исторической дружбы, поэтому вполне естественно, что он следит с сочувствием и восхищением за мужественной борьбой, которую ведет в настоящее время русский народ в целях самообороны» 69.

Пребывание Гопкинса в Лондоне было насыщено событиями: встречи с Черчиллем, высшими чинами английского генералитета, советским послом И.М. Майским, выступления по радио. А параллельно велось обдумывание главной «операции» – десантирования в Москве. В начале 20-х чисел стало известно о готовности советского правительства принять Гопкинса 70. 25 июля он шлет длинную телеграмму Рузвельту с просьбой разрешить ему поездку в Москву. Согласие президента было получено незамедлительно. Перед отлетом Гопкинс успел произнести по лондонскому радио речь, первый вариант которой, по его собственным словам, очень походил на объявление войны Германии. Орудя пером, Гопкинс смягчил отдельные места, но сказал о решимости президента США разбить Гитлера и оказать «всякую возможную помощь России, и притом немедленно» 71. Архивные данные показывают, что Гопкинс располагал данными специальных опросов, свидетельствовавших, что в США последовательно растут настроения в пользу оказания помощи Советскому Союзу.

29 июля 1941 г. Гопкинс совершил свой вошедший в историю дипломатии многочасовой перелет над Арктикой из Инвергордона в Архангельск. Разведывательный самолет английских ВВС «Каталина» не отличался комфортностью, и Гопкинсу пришлось проделать все путешествие в неотопливаемой кабине стрелка-радиста в хвосте самолета. К счастью, все, что от него потребовалось, – это вести наблюдение за воздухом, но испытание холодом было самым жестоким. Теплая встреча в Архангельске позволила насквозь промерзшему и полубольному личному представителю президента США, как он официально именовался, найти силы для следующего, четырехчасового перелета в Москву. Гопкинс проявил удивительную выдержку и мужество.

Первая же беседа с послом Штейнгардтом подтвердила, как мало тот знал о реальной ситуации и еще меньше желание вникать в нее. После короткого отдыха Гопкинс потребовал устроить ему автомобильную поездку по улицам Москвы. Первое, что бросилось в глаза, – спокойствие и размеренность ритма жизни. Атмосфера в Лондоне была куда более

«прифронтовой», хотя немцы не угрожали прямым образом столице Англии. Все то, что видел Гопкинс, совсем не гармонировало с почти паническим настроением Штейнгардта и его коллег. В тот же день вечером Гопкинс был принят в Кремле И.В. Сталиным. Встречи с главой советского правительства 30 и 31 июля произвели большое впечатление на личного представителя президента США, и не только потому, что Гопкинс вопреки предположениям получил совершенно откровенную, точную и исчерпывающую информацию о положении на фронте, о сильных и слабых сторонах вермахта, о причинах временных неудач Красной Армии, о стратегических планах советского командования и проблемах материально-технического снабжения армии. Больше всего Гопкинса поразила твердость и убежденность, с которой Сталин говорил о стабилизации фронта в ближайшие два-три месяца. Уходя из Кремля 31 июля после четырехчасовой беседы, Гопкинс знал, что ни Москва, ни Ленинград не будут сданы противнику, хотя цену за это придется уплатить высокую 72.

Русские выстоят – это бесспорно. Но значит ли это, что США могут ограничить свой вклад в борьбу с фашизмом поставками военных материалов, производство которых еще только предстояло наладить, сохраняя к тому же статус невоюющей, нейтральной державы? На этот законный вопрос, заданный ему в Москве, Гопкинс смог ответить лишь в рамках полученной им инструкции: «вступление США в войну зависит главным образом от самого Гитлера» 73, т. е. от решения фашистского диктатора воевать Германии с США или нет. Повидимому, сознавая неубедительность и двусмысленность этой позиции своего правительства, Гопкинс в день отъезда сказал журналистам, что по поручению Рузвельта он заявил советским руководителям следующее: «Тот, кто сражается против Гитлера, является правой стороной в этом конфликте... США намерены оказать помощь этой стороне» 74.

Р. Шервуд назвал миссию Гопкинса «поворотным пунктом» в советско-американских отношениях, имея в виду главным образом расчеты и сомнения Вашингтона, связанные с оценкой боеспособности Красной Армии. Разумеется, значение переговоров Гопкинса шире и масштабнее. Советская запись беседы И.В. Сталина и Г. Гопкинса 30 июля 1941 г. показывает то особое значение, которое в Белом доме и в Кремле придавали совпадению взглядов по поводу положения в мире и той угрозы мировой цивилизации, которую представлял собой германский фашизм как явление антисоциальное и враждебное мировому сообществу 75. США все еще оставались вне войны, и советскому правительству важно было убедиться, как далеко они готовы будут пойти в противодействии державам «оси». Для советского руководства в сложившейся ситуации важно было получить доказательства возможности создания единого фронта СССР, США и Англии в борьбе с общим врагом. После краха загубленных мюнхенцами надежд на организацию системы коллективной безопасности встреча личного представителя президента США и руководителей советского правительства пробуждала уверенность в достижимости сплочения антифашистских сил.

Возвратившись в Лондон тем же небезопасным путем, Гопкинс затем оказался в весьма затруднительном, даже щекотливом положении. Встреча Рузвельта и Черчилля 9–12 августа в бухте Арджентейя у берегов Ньюфаундленда, в ходе которой в присутствии высших военных чинов обеих стран Гопкинс доложил об итогах своей миссии в Москву, еще раз показала, что ни США, ни Англия не готовы в кратчайшие сроки реально оказать поддержку сражающимся в трудных условиях советским армиям. Рузвельт еще раз высказался против немедленного вступления США в войну, несмотря на настойчивые просьбы Черчилля. При обсуждении дальневосточного вопроса ничего не было сказано и о позиции обеих стран в случае нападения Японии на Советский Союз. Вместе с тем одним из важных положительных результатов встречи в Арджентейе явилось подписание так называемой Атлантической хартии – англо-американской декларации о целях в войне и о принципах послевоенного устройства мира. Рузвельт и Черчилль заявили также о своей готовности оказывать СССР помощь поставкой необходимых ему материалов. Рузвельт, получив отчеты Гопкинса из Москвы, был полон решимости выполнить эти обязательства. Незадолго до отъезда в Арджентейю он устроил сорокаминутную выволочку военному министру Стимсону за волокиту с поставками в СССР.

Уверенность в силе сопротивления русских крепла, хотя это имело и неоднозначные последствия. Гопкинс, например, был несколько даже озадачен той нежелательной, с его точки зрения, побочной реакцией, вызванной пересмотром оценки возможностей Советского Союза выстоять и сокрушить агрессора. 5 сентября он писал послу США в Лондоне Джону Вайнанту: «Общественное мнение здесь (в США. – В.М.) обескураживает меня. То, что происходит в России, кажется, убедило всех, что Россия взялась самостоятельно нести все бремя войны, а поэтому от нас не требуется особой помощи. Такого рода настроения дают себя знать повсюду, и лишь президент считает, что настало подходящее время оказать нажим на Гитлера» 76.

Атмосфера в столице США, куда Гопкинс вернулся после месяца отсутствия, действительно способна была навеять грустные размышления. Жизнь здесь шла своим давно заведенным порядком, с вновь проснувшимся чувством сытого безразличия к далекой трагедии Европы. А между тем на огромной территории России разворачивались сражения, от которых зависело будущее цивилизации. Пылали города, гибли солдаты, женщины, старики и дети, отдавая свою жизнь за право будущих поколений и народов разных стран самим решать свою судьбу. Ощущение внутренней стесненности от сознания несоизмерности усилий, которые прилагали народы и правительства обеих стран в борьбе с общим врагом, сквозило в письме Гопкинса Председателю Совета Министров СССР от 12 сентября 1941 г. «Мне нет необходимости, – писал в нем Гопкинс, – объяснять Вам, какое глубокое впечатление оказало на меня мужественное сопротивление, которое оказывают пехотинцы, моряки и летчики Вашей страны, отражая агрессию против нее. Я уверен, что мы добьемся полной и окончательной победы над Гитлером и его аморальным воинством... Я очень жалею, что состояние моего здоровья сейчас таково, что я не смог бы приехать к Вам. Но я надеюсь побывать в Советском Союзе еще раз после войны...» 77

Несмотря на краткость своего пребывания в Советском Союзе, Гопкинс вынес неколебимое впечатление о высоком моральном духе и воинской доблести советских вооруженных сил. Джозеф Дэвис, обстоятельно обсудивший с Гопкинсом 8 сентября 1941 г. итоги его визита в Москву, сделал следующую запись: «Гопкинс считает, что сила Красной Армии явно недооценивается. Когда я его спросил почему, он ответил, что виной тому информация военных атташе западных стран в Москве, которые много лет подряд не принимали всерьез Красную Армию. Возможно, единственным исключением были донесения Феймонвилла. Это, в свою очередь, приводило к тому, что советское правительство не доверяло военным атташе западных стран. Советы относились к ним с подозрением. Когда русские говорили о своем 40– или 60-тонном танке как о достижении, эти представители всячески принижали его, а в своих донесениях начисто отрицали то, что говорилось русскими. Красная Армия очень невысоко котируется во всех столицах Европы. В Москве, сказал Гопкинс, война особо не чувствуется. Все идет своим чередом, если только не считать того, что повсюду работают женщины. Огромное количество грузовиков с медикаментами и другими материалами бесконечной вереницей движется из Москвы на фронт, каждую ночь, в строгом порядке. На Гопкинса произвел большое впечатление высокий уровень планирования и управления, который обеспечил эту широкую деятельность...» 78

Гопкинс не дал согласия на обнародование его московских впечатлений и письменно просил Дэвиса воздержаться от публикации записи беседы с ним 79. Но свое мнение в отношении предвзятости представителей военного ведомства США в оценке боеспособности Красной Армии он высказал с согласия президента Стимсону. Поводом послужило очередное донесение военного атташе США в Москве Итона, сообщавшего в разгар сражений под Москвой о скором ее падении. В короткой служебной записке военному министру Гопкинс писал: «Я получил копию донесения нашего военного атташе в Москве от 10 октября 1941 г. Я полагаю, что к этому донесению следует отнестись с большой осторожностью. Когда я был в Москве, Итон, не стесняясь, критически высказывался в адрес русских и предсказывал тогда, десять или двенадцать недель назад, что Москва может пасть

в любой момент. У меня создалось впечатление, что он не объективен и что, если военное министерство примет на веру его точку зрения, в этом случае оно может оказаться дезинформированным» 80.

Поездки в Англию, Москву, участие в конференции в Арджентейе потребовали от Гопкинса напряжения всех его физических сил. Был момент, когда врачи полагали, что он не дотянет до возвращения в Вашингтон. Большую часть дня он проводил в постели, не расставаясь, однако, с телефонной трубкой, пером и бумагой. Стремясь сохранить работоспособность своего главного советника, Рузвельт освободил его в сентябре 1941 г. от формальной ответственности за выполнение программы ленд-лиза. Вынужденным был и отказ от руководства смешанной англо-американской миссией в Москву для обсуждения вопросов военно-экономического сотрудничества. Американскую часть возглавил по совету Гопкинса А. Гарриман. Предполагалось, что сам Гопкинс сосредоточится на вопросах военного производства. Ни Рузвельт, ни Гопкинс тогда еще не сознавали в достаточной мере, какое огромное значение приобретут в последующие годы войны проблемы межсоюзнических отношений и особая роль в их решении бывшего министра социальной помощи Гарри Гопкинса.

Битва под Москвой, разрушившая миф о непобедимости вермахта, утвердила Гопкинса в убеждении, что главная война с гитлеризмом ведется на полях России. Он отвергал опасную близорукость военных деятелей своей страны и Англии, старательно уклонявшихся от разработки и проведения серьезных операций, способных отвлечь большие силы вермахта с Восточного фронта. Внутренне он соглашался с доводами, которые слышал в Москве: во-первых, скорейшее открытие второго фронта необходимо и возможно; во-вторых, в военном отношении способность гитлеровского командования вести наступательные действия на Западе ничтожно мала; в-третьих, фактор повсюду развивающегося движения сопротивления во много раз увеличивает шансы на успех большой десантной операции со стороны Англии при поддержке США на территории западноевропейских стран 81. «После своего возвращения из России, – писал Гопкинс в меморандуме для самого себя, – где-то в середине октября 1941 г. я поставил вопрос об открытии второго фронта с целью оказать помощь России» 82.

Но Гопкинс считал, что даже если второй фронт и будет создан, то и в этом случае он будет играть второстепенную роль, останется второстепенным театром военных действий. Реалистическая точка зрения на сложившуюся ситуацию, отмечал он в заметках в конце октября 1941 г., состоит в том, что главные события мировой войны разворачиваются на советско-германском фронте. Здесь, а не в Северной Африке решается вопрос о победителе в этой войне. С другой стороны, жизнь подсказывает, что концепции, рассчитанные на затягивание войны, не учитывают действие различных военных, политических и моральных факторов в глобальном масштабе, способных превратить сегодняшнюю выгодную ситуацию для США в нечто прямо противоположное завтра. Ставка на затягивание войны неверна и рискованна. Тесное сотрудничество с русскими – экономическое, дипломатическое и военное – неременное условие достижения победы. «Ключ к скорой победе над нацизмом, – писал Гопкинс, – в противоположность медленному удушению Германии – в сотрудничестве с Россией. Такая скорая победа демократических держав принесет миру неисчислимые выгоды» 83.

30 октября 1941 г., когда стало ясно, что блицкриг провалился, Рузвельт сообщил в Москву о решении правительства США предоставить Советскому Союзу беспроцентный заем на сумму до 1 млрд долл. 7 ноября 1941 г. временный поверенный в делах СССР в США А.А. Громыко вручил Рузвельту ответное послание И.В. Сталина, в котором тот благодарил президента за «исключительно серьезную поддержку» и присоединился к пожеланию установить «личный, непосредственный контакт» в целях обсуждения вопросов, вызывающих взаимный интерес 84. Встреча носила дружественный и теплый характер. «...Помощь Советскому Союзу, – сказал президент, расставаясь, – считаем своей важнейшей задачей» 85.

Точку зрения Рузвельта и Гопкинса разделяли многие видные деятели как в самой администрации, так и вне ее. Даже такие представители «старой гвардии» консервативных политиков, как Стимсон, Хэлл, Лонг, усваивали новый подход к реалиям обстановки. 16 декабря 1941 г. Лонг сделал запись в своем дневнике: «Если сообщения из России правдивы, то тогда мы являемся свидетелями крупнейшей военной катастрофы в истории, что исключительно важно для нас» 86. Это было сказано в связи с поражением вермахта под Москвой. Через четыре месяца Лонг сделал еще одну запись: «Россия в одиночку по-настоящему сражается в Европе в интересах всех союзников» 87. Находясь на дипломатической службе США со времен Вудро Вильсона, Брекенридж Лонг привык видеть в России источник зла, разрушительную силу, с конца 1941 г. он начинал думать по-другому.

Настроения в США менялись. Неформальной данью уважения советскому народу, оказывающему «мужественное и решительное сопротивление» захватчикам, стало приветствие Ф. Рузвельта М.И. Калинину 9 ноября 1941 г. 88. В свою очередь, получив возможность в связи с национальным праздником СССР обратиться с личным посланием к советскому народу, Гопкинс сделал это в еще более эмоциональной и непосредственной форме. Он писал: «Сегодня празднование годовщины вашей революции означает решимость мужественного народа отдать жизни и достояние для защиты Родины и вашего образа жизни. Вместе с вами в борьбе против нацизма участвуют народы различной расовой принадлежности, исповедующие различные религии и придерживающиеся различных политических систем. Но мы все едины в стремлении отразить жестокий удар агрессоров. Мы все едины в твердом намерении оказать всю возможную вам помощь. Мы все едины в признании нашего невосполнимого долга перед русским народом, ведущим с почти нечеловеческой стойкостью борьбу с врагом. Моим глубоким убеждением является то, что ваша борьба в защиту Родины войдет в историю эпической страницей человеческого мужества и бесстрашия» 89.

Редкий случай – соглашение Рузвельт – Литвинов оказалось выполнимым и действенным именно в декларативной своей части. Обе страны и оба народа выразили в ней понимание общности своей исторической судьбы – быть вместе в смертельной схватке с фашизмом.

Глава X

Рузвельт: «Мы, американцы, покинули наши палубы и заняли места у орудий»

Коалиционная стратегия: кто «за» и кто «против»

Еще летом 1941 г. Ф. Рузвельт неоднократно заверял американцев, что Соединенные Штаты «не приблизились к войне», хотя он и поставил вместе с Черчиллем свою подпись под Атлантической хартией, которая *de facto* устанавливала союзнические отношения между Англией, США и СССР. В Лондоне на эти заявления реагировали исключительно болезненно. В одной из полученных от Черчилля телеграмм премьер-министр сообщал, что в случае сохранения Соединенными Штатами и дальше положения невоюющей державы он не может поручиться за то, будет ли Англия продолжать войну в 1942 г. Гопкинсу это показалось более чем достаточным, чтобы поставить перед Рузвельтом вопрос о том, как долго будут США вне войны, не рискуя остаться один на один с Гитлером.

«Я сказал президенту, – писал он 2 сентября 1941 г. в меморандуме «для самого себя», – что не только Черчилль, но и все члены его кабинета и все англичане, с которыми я говорил (речь шла о пребывании Гопкинса в Лондоне в июле 1941 г. – *В.М.*), уверены, что в конце концов мы вступим в войну, но что стоит им убедиться в обратном, как настанет самый критический момент войны, чем могут воспользоваться английские умиротворители для усиления давления на Черчилля» 1. Никто не знает, что ответил на это взволнованное

предупреждение своего главного советника президент, но 11 сентября, воспользовавшись инцидентом в Северо-Западной Атлантике (в нем участвовали германская подводная лодка и американский эсминец «Гриер»), Рузвельт выступил по радио с заявлением о том, что американский военный корабль стал жертвой нападения, и об изменении политики США «в водах, которые мы (США. – В.М.) рассматриваем как исключительно важные для нашей обороны». Американские корабли и самолеты получили приказ без предупреждения атаковать германские и итальянские суда, главное же – им разрешалось конвоировать суда других стран. Фактически военно-морской флот получил приказ о начале необъявленной войны против Германии в Атлантике.

Изоляционисты в конгрессе потребовали немедленного проведения расследования инцидента с «Гриером», и, хотя во всей этой истории было много неясного, никто в стране не настаивал на изменении объявленной Рузвельтом политики. В Белом доме смогли убедиться, как резко в положительную сторону изменилось отношение самых различных кругов американской общественности к военному сотрудничеству с Англией и Советским Союзом. Так, в проведенном в октябре 1941 г. по запросу Белого дома специальном исследовании отмечалось: «Политика администрации в отношении транспортировки морем военных материалов России получила поддержку значительного большинства газет по всей стране. Хотя существуют различия в подходе к этому вопросу, тем не менее нет ни единого географического региона в стране, где бы мнение газет в главном и основном расходилось – все они озабочены преимущественно тем, как оказать содействие русскому сопротивлению, и настойчиво добиваются увеличения американского вклада в это сопротивление. Оппозиция помощи России ограничена в основном очень небольшим меньшинством крайне изоляционистски настроенных газет, которые возражают и против помощи Англии, а также прессой, близкой к церковным кругам» 2. Как само собой разумеющееся были восприняты распространение Закона о ленд-лизе на СССР и «модификация» Закона о нейтралитете, фактически означавшая его отмену.

Перемены в настроениях ощущались повсеместно и во всех слоях американского общества, снизу доверху. Митинги солидарности с воюющими против нацистской Германии Советским Союзом и Англией собирали десятки тысяч людей.

Рабочее движение в США первым откликнулось на призыв левых сил оказать всю необходимую помощь странам, воюющим против фашизма. С оговорками вроде того, что Советский Союз не является желательным союзником «свободного мира» и что военное сотрудничество с ним продиктовано только «исторической целесообразностью», это сделал в октябре съезд АФТ. Собравшийся вслед за тем в ноябре съезд КПП открыто и искренне заявил о своей солидарности с народами Англии, Советского Союза и Китая, не уснащая свою резолюцию заявлениями о двойственной природе коммунизма, превосходстве «американской системы» и поучениями в адрес других стран 3.

В дни грозной опасности летом и осенью 1941 г. большая часть антифашистски настроенных общественных сил США заявила о своей солидарности с народами, ставшими жертвами агрессии стран «оси». Сенатор-демократ Мэррей, совершив поездку по стране, убедился, что широкие массы населения, в том числе рабочие и фермеры, поддерживали политику оказания всей возможной помощи Англии, Советскому Союзу и Китаю. «Американцы, – писал он, – все более решительно отказываются от поддержки изоляционистов... Народ высказывается за проведение самой энергичной антинацистской политики» 4. «От имени союза художников Америки, – писал Рокуэлл Кент 13 августа 1941 г. во Всесоюзное общество культурных связей с заграницей СССР, – я шлю вам сердечные приветствия и заверения, что мы делаем все от нас зависящее с тем, чтобы расширить все виды помощи Советскому Союзу в это кризисное время» 5.

Складывалась почти парадоксальная ситуация. Большинство американцев, излечившихся от хронической болезни изоляционизма, оказались бо́льшими «католиками, чем сам Папа». Президент, истративший массу энергии с тем, чтобы убедить своих соотечественников в пагубности нейтралитета, оказался в конце процессии, не рискуя

сделать решающий шаг, хотя каждое его выступление фактически могло дать Гитлеру повод начать превентивную войну. В связи с реальной атакой немецкой субмарины U568 на другой американский эсминец «Кирни», повлекшей жертвы, Рузвельт 27 октября 1941 г. выступил с одной из самых воинственных своих речей. «Америка подверглась нападению, – заявил он, – «Кирни» не просто военный корабль. Он принадлежит каждому мужчине, каждой женщине и каждому ребенку... Мы, американцы, покинули наши палубы и заняли места у орудий» 6. Все ждали обращения Рузвельта к конгрессу с декларацией об объявлении войны. Ничего подобного не последовало. Ровно через три дня немцы потопили эсминец «Реубен Джеймс». Погибло 115 моряков. И вновь Рузвельт уклонился от принятия мер возмездия. Америка формально оставалась нейтральной, вне войны. Ждали следующего «инцидента»?

И только 7 декабря 1941 г. после внезапного нападения японской авиации на американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе на Гавайях США из нейтральной страны превратились в воюющую, причем в считанные дни число их врагов утроилось: 11 декабря 1941 г. войну Соединенным Штатам объявили Германия и Италия. Попытка Вашингтона оттянуть неизбежную войну с Японией путем урегулирования разногласий, в том числе и за счет интересов третьих стран, ничего не дала. «Умиротворение» агрессора и здесь, в Южной Азии и на Тихом океане, увенчалось трагическим фиаско.

Внезапная атака японцев на Пёрл-Харбор обросла материалами расследовательских комиссий, воспоминаниями и легендами, из которых многие «дознатели» и сейчас извлекают компромат на Рузвельта: президент якобы спровоцировал ее своей бездеятельностью и выжиданием с тем, чтобы втащить Америку в войну. Все эти обвинения немного стоят и легко опровергаются боязнью Рузвельта получить войну сразу на двух океанах – Атлантическом и Тихом, против флотов Германии и Японии. Но есть и серьезные документы о подготовке атаки на Пёрл-Харбор, которые в силу разных причин были проигнорированы ближайшим окружением Рузвельта, хотя достоверные сведения о них поступили в военное и военно-морское министерства до 7 декабря 1941 г. Одним из источников этих сведений был бывший белогвардейский офицер Иван Лебедев, эмигрировавший из России и долгое время живший в Японии, а затем переселившийся в Калифорнию. Однако ближайших помощников трудно упрекнуть в беспечности или тщетной предосторожности. Дело в том, что были выработаны жесткие правила уведомления президента о поступающих разведывательных данных, а их первичная обработка вполне могла перекрыть им доступ к высшему руководству, не говоря уж о президенте. Имя Ивана Лебедева, мелькавшее в переписке военного советника Рузвельта Э. Уотсона (папаша) А. Бирла, помощника госсекретаря по разведке, Э. Гувера, директора ФБР, осталось Рузвельту неизвестным.

Итак, почему же Франклин Рузвельт и вся его высокопрофессиональная рать армейских и морских высших чинов, включая председателя Объединенного штаба начальников штабов Джорджа Маршалла и командующего военно-морскими силами адмирала Гарольда Старка, а также военно-морскую разведку, любимое детище президента, рассыпанную по азиатским территориям агентуру, армию дешифровщиков, попались на многоходовую комбинацию японского адмирала Исороку Ямамоту? Представляется, что сегодня ответ может быть сформулирован с допустимой степенью погрешности. Рузвельт до самого последнего момента был убежден, что Япония в ближайшее время нанесет удар по Советскому Союзу (главное направление) либо против внутренних провинций Китая и Таиланда (вспомогательное направление), позволив США выиграть время. Донесения разведки принимались к сведению, но трактовались преимущественно неоднозначно и чаще всего как отвлекающий маневр противника или дешевая провокация. Иван Лебедев попал в эту категорию носителей сомнительной информации. Извлечение уроков из трагедии 22 июня и 7 декабря 1941 г. было исключительно болезненным, но и достаточно продуктивным.

Эти события, а также разгром немецко-фашистских войск под Москвой сразу же поставили вопрос о коалиционной стратегии (и в узком, и в широком смысле) в центр общественной полемики. Подписание в Вашингтоне 1 января 1942 г. Декларации

Объединенных Наций, закрепившей в международно-правовом порядке военно-политический союз антифашистских государств, придало этой полемике особый смысл и значение. По сути, столкнулись две линии, два подхода. Сторонники первого исходили из необходимости и возможности при максимальном напряжении сил достижения относительно скорой победы. Разгром гитлеровцев под Москвой показал, что в таком подходе не было ничего утопического. Сторонники другого предпочитали так называемую «стратегию малых дел», сориентированную на затягивание войны и не предусматривавшую тесную координацию военных усилий между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой. Едва ли требуется специально доказывать, что последние руководствовались не столько военными, сколько главным образом политическими соображениями 7.

После вступления США в войну водораздел между этими двумя подходами обнаруживал себя подчас в острой форме, и чем дальше, тем больше его конфигурация и глубина определялись дебатами об открытии второго фронта в Европе. Сошлемся в этой связи на письмо А.А. Громыко в НКВД СССР от 14 августа 1942 г. «Вопрос о втором фронте в Европе, – говорилось в нем, – безусловно, волнует миллионы людей США. Обсуждение этого вопроса не сходит со страниц американской печати. Рабочие крупных городов США собираются на митинги, на которых выражают свое отношение к данному вопросу, выносят резолюции, призывающие правительство Рузвельта ускорить открытие второго фронта. Широкие массы населения видят и не могут не видеть, что открытие второго наземного фронта в Западной Европе означало бы ускорение разгрома гитлеровских армий и ускорение победы союзных государств» 8. Как бы в подтверждение сказанного и в связи с 25-й годовщиной Красной Армии в Москву во Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами поступила телеграмма от Альберта Эйнштейна. Он писал: «Исполненный высочайшего уважения и восхищения, я шлю мои искренние поздравления по случаю 25-й годовщины Красной Армии и Военно-Морского Флота, которые так эффективно обеспечили защиту выдающихся достижений советской культуры и индустрии и которые устранили смертельную опасность для будущего развития человеческого прогресса» 9.

Была своя для всех тогда понятная логика в том, что Рузвельт с согласия советского правительства командировал в Москву в сентябре 1942 г. лидера республиканцев У. Уилки. Цель поездки Уилки (в беседе со Сталиным 23 сентября 1942 г. он сказал, что, выполняя поручение президента, хочет «услышать от руководителей Советского правительства искреннее и откровенное мнение о том, в чем США еще недостаточно помогают СССР и что они должны еще сделать в этом направлении») 10 в понимании Рузвельта не ограничивалась теми задачами, которые они оба определили на встрече в Белом доме. Напутствуя своего бывшего опасного соперника на выборах 1940 г. перед отъездом в Советский Союз, Рузвельт втайне надеялся, что, сделав его своим представителем, он сумеет таким образом сдержать лидера республиканцев, выступавшего с требованием решительных военных действий, и не тревожить, по крайней мере временно, до очередных промежуточных выборов в конгресс в ноябре 1942 г., острую тему о втором фронте. В определении коалиционной стратегии Рузвельт колебался, испытывая давление с разных сторон. Но еще более важным было продемонстрировать Сталину двухпартийный характер антинацистской внешней политики США, последовательность и неизменность симпатий к народам Советского Союза. Визит лидера республиканцев в Москву призван был также блокировать и активизацию военной оппозиции. Ее появление было тревожным фактом.

Военное сотрудничество с Советами вызывало неоднозначный отклик в военных кругах. Едва отгремела битва под Москвой, как заместителем начальника штаба сухопутных сил генералом Раймондом Ли для военных верхов был подготовлен специальный меморандум о Советских Вооруженных Силах, содержащий как общие оценки, так и всякого рода рекомендации, предположения и т. д. Главная мысль была выражена весьма определенно: Советский Союз – «ненадежный» союзник, не исключена возможность выхода

его из войны, потенциал Советских Вооруженных Сил невысок. И рядом с этим хвалебные оды в адрес вермахта, германской техники. Общий вывод: взаимодействие с СССР в рамках коалиционной войны имеет так много «но», что практически является неосуществимым. Тут же характерное признание в настороженности, которую порой проявляют в Москве к американским представителям. «С начала русско-германской войны, – говорилось в документе, – американская печать опубликовала ряд материалов, которые призваны подкрепить точку зрения, что некоторая часть американского общественного мнения надеется, что война закончится взаимным обескровливанием воюющих сторон (т. е. Германии и СССР. – В. М.). Понятно в связи с этим вполне логичное для русских руководителей предположение, что капиталистические государства, случайно (sic! – В. М.) ставшие партнерами Советского Союза в войне против Германии, будут оказывать Советскому Союзу лишь ограниченную помощь с тем, чтобы как можно дольше удерживать его в войне в качестве противника рейха» 11.

В самой администрации по всем этим вопросам также не было единодушия. Наиболее последовательную позицию по вопросу об открытии второго фронта и координации военных усилий США, Англии и СССР занимал Г. Гопкинс. Державший в своих руках все приведенные в действие рычаги программы ленд-лиза, он решительно отклонял доводы тех в политических кругах США, кто считал, что технико-экономический вклад Америки в коалиционную войну избавляет ее от всего остального. Поставки в СССР в рамках ленд-лиза, налаженные только в начале 1942 г., не покрывали и малой доли тех безмерных затрат человеческих и материальных ресурсов, которые ежедневно и ежечасно приносил в жертву народ СССР во имя общей победы над фашизмом. Гопкинс находил смешным и вредным утверждения некоторых вчерашних противников ленд-лиза о том, что «Гитлера можно поколотить» одним лишь превосходством в военной технике и наращиванием производства 12.

Рузвельт соглашался со своим помощником, но делал это порой нехотя, тут же поворачивая разговор в другое русло. Однако ранней весной 1942 г. под влиянием нараставших требований американской общественности активизации военных усилий США и Англии на европейском театре военных действий и сообщений о сложившемся трудном положении на советско-германском фронте он начал склоняться к идее форсирования открытия второго фронта, хотя и хорошо понимал, что армия в 1942 г. к этому была не готова.

В Вашингтоне, Белом доме, государственном департаменте, военном ведомстве хорошо себе представляли реальную картину после того, как вермахт, начав со стремительного марша в глубь советской территории, к ноябрю 1941 г. увяз в заснеженных полях Подмосковья, под Ленинградом и на Дону. Красная Армия держала оборону на Восточном фронте и за себя, и за союзников. В годы Первой мировой войны России осенью 1914 г. тоже было нелегко, но мужественно существовал и стойко держался Западный фронт. В годы Второй – в самое тяжелое время 1941 и 1942 гг. – немцы могли не опасаться за свой тыл на Западе. Ветеран американской дипломатии, работавший с В. Вильсоном, заместитель государственного секретаря США Брекенридж Лонг сделал запись в своем дневнике 28 апреля 1942 г.: «Россия взяла на себя главную тяжесть войны в Европе, сражаясь и за себя, и за союзников» 13. Все понимали, что ситуация сама по себе очень опасна. Можно было ожидать всего, чего угодно – разгрома и поражения Красной Армии, капитуляции Москвы, заключения ею сепаратного мира с Германией.

Рузвельт прекрасно понимал остроту положения, высказывался за необходимость скорого открытия второго фронта. Само значение приезда Молотова в Вашингтон (29 мая – 5 июня 1942 г.) было чрезвычайно велико, где-то на уровне исторического визита специального помощника Рузвельта Гарри Гопкинса в Москву в июле 1941 г. И риск произвести друг на друга шокирующее, невыгодное вплоть до неприязни впечатление также был соответственно велик. Впервые в столицы США и Англии с дружественным визитом явился не просто посланец и доверенное лицо Сталина, но человек, общавшийся на коротке с

Гитлером и его окружением и, хуже того, подписавший с ними, как считали на Западе, соглашения о дележе добычи, развязавшие руки агрессору. «Мистер Браун» (этим именем с целью конспирации и непривлечения внимания прессы было принято называть Молотова среди официальных лиц в США) поначалу заставлял думать о себе и англичан и американцев как о человеке какой-то иной культуры – несговорчивого, аскетически сурового и прямолинейного, статичного.

Заметим, что начало переговоров действительно не предвещало их в целом успешного завершения. Англичане и американские дипломаты в Лондоне (сразу после прилета советского наркома в Англию 21 мая 1942 г.) успели информировать Белый дом об особой манере Молотова держаться – сдержанно-неприступной и не уклоняющейся ни на шаг от поставленной перед ним задачи. Связать союзников соподчинением их военного планирования подготовке открытия второго фронта на европейском ТВД и выжать максимум возможного по вопросу о западной границе СССР – так формулировалась первоначально эта задача 14. С тем чтобы не дать образоваться наледи, Рузвельт прибегнул к апробированному им и оправдавшему себя методу – устройству «разъясняющих» собеседований прибывшего в столицу США Молотова с Гарри Гопкинсом, советником президента, в чьи способности убеждать он верил безгранично. Таких бесед Молотова и Гопкинса вне официального формата вашингтонских переговоров состоялось две. В ходе их Гопкинс подсказал своему *vis-a-vis*, как легче гарантировать успех визита с учетом хитросплетений американско-английских контактов в связи с военным планированием на 1942, 1943 годы, а главное, как правильно сориентироваться во внутреннем американском балансе сил, выступающих за и против тесного советско-американского военного сотрудничества.

Однако по версии, с которой Молотов поделился с Ф. Чуевым более чем через четыре десятка лет, он, оказывается, совершенно не нуждался в этих пояснениях и советах. Редчайший случай в истории теневой дипломатии военного времени: оба высоких переговорщика (Рузвельт и Молотов) стремились к одной и той же цели – к изложению в «итоговом документе» декларации о намерениях без учета технических и прочих обязывающих США и Англию действовать незамедлительно важных подробностей. Один, отчетливо видя трудности ускоренной подготовки гигантской операции по высадке армии вторжения союзников в Северной Франции и утомительного согласования (прежде всего с Лондоном) всех военных, дипломатических и политических составляющих этой операции, продемонстрировал принципиальное согласие на открытие второго фронта, а другой, как это ни может показаться удивительным – ставил целью добиться политических и моральных дивидендов для Москвы, воспользовавшись декларативностью и неконкретностью обязательств по второму фронту в итоговом документе. Кремль рассчитывал в случае срыва договоренности иметь развязанными руки для маневра в рамках советско-американского диалога, особенно в таких чувствительно важных сферах, как экономическая помощь, отношения СССР с Японией, послевоенное урегулирование и (главное) вопрос о западных границах Советского Союза.

В изложении Молотова – Чуева проведенные советским наркомом вашингтонские переговоры (имевшие продолжение уже в ходе состоявшегося в августе 1942 г. визита У. Черчилля в Москву) выглядят совсем не как обычная рекогносцировка перед «сваливанием в штопор» в советско-американских и советско-английских отношениях в связи с затяжкой открытия второго фронта, а (достаточно неожиданно) как расчетливый итог дипломатии «отложенного спроса» 15.

Базирующиеся на документах новейшие труды ряда известных исследователей показывают, что трактовать невыполнение важнейшего пункта согласованного правительствами США и СССР советско-американского коммюнике от 12 июня 1942 г. о создании второго фронта в Европе в 1942 г. как подведение самого большого фугаса под еще не устойчивую конструкцию межсоюзнических отношений было бы скорее всего натяжкой 16. Все ее участники достаточно трезво оценивали сложившееся положение с возможностью организовать высадку больших сил на Европейском континенте в 1942 г.

с последующим развитием успеха в масштабах фронтовой операции, хотя бы на подобие действий британского экспедиционного корпуса на северном участке Западного фронта в августе 1914 г. Немцы и их союзники неплохо подготовились к десантным операциям противника, их части оставались хорошо укомплектованными и боеспособными. Все это означало, что, осуществив удар с запада по вермахту, в 1942 г. можно было рассчитывать только на психологический эффект с непредсказуемыми последствиями, скорее всего плачевными.

В глубине души Рузвельт понимал, как опасен риск опрометчивых решений, не позволяя себе вместе с тем в беседах с Молотовым дать ему усомниться в его, Рузвельта, решимости обеспечить не только тыл коалиции, ее превосходство в ресурсном обеспечении и вооружениях, но и в несокрушимой воле Америки в кратчайший срок достигнуть главной цели – стать в военном отношении первой державой среди воюющих стран. Свидетельством серьезного обдумывания Рузвельтом этого вопроса явилась поездка Гопкинса и генерала Маршалла, наиболее убежденных сторонников скорейшего открытия второго фронта в американском руководстве, в Англию в начале апреля 1942 г. В послании Сталину от 12 апреля 1942 г., информируя советское руководство о миссии Гопкинса, Рузвельт писал, что речь идет об использовании американских «вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем Западном фронте» 17.

Прилетев в Лондон 8 апреля 1942 г. для ведения переговоров с Черчиллем по поводу выработки совместной военной стратегии, Гопкинс уже при первой же рабочей встрече с премьер-министром подчеркнул «желание Соединенных Штатов взять на себя большой риск с целью облегчить давление на Россию». Согласно записи Гопкинса, Черчилль «исключительно серьезно» отнесся к этому заявлению, не преминув, однако, заметить, что прежде он не принимал «всерьез наши предложения» 18. Это был многозначительный намек и одновременно предостережение посланцам Вашингтона: в Лондоне знают о разногласиях в американском правительстве по вопросу об открытии второго фронта в Европе, о колеблющейся позиции самого президента и не собираются уступать без серьезных дипломатических сражений. У Черчилля нашлось много причин (и очень серьезных) решительно возражать против ускорения подготовки к открытию второго фронта в Европе.

Гопкинс искал контршансы в этой игре, но не был слишком настойчив. Более того, он проявил несвойственную ему уступчивость во время решающей встречи 14 апреля на заседании английского военного кабинета, а в кратком (и единственном) выступлении сделал оговорки, которые были только на руку Черчиллю, пылко развивавшему идею о преждевременности разработки конкретного плана вторжения на Европейский континент. Заявив о готовности США «внести самый большой вклад» в создание второго фронта в 1942 г., Гопкинс вместе с тем высказался в том смысле, что решающее слово принадлежит Англии 19. Между тем все сидевшие в зале заседаний на Даунинг-стрит, 10, понимали, что согласия Англии не будет, хотя будут разговоры о согласии 20. Гопкинс смолчал и тогда, когда Иден потребовал держать в тайне содержание американо-английских переговоров в Лондоне от русских, несмотря на «давление» Майского 21.

В Лондоне Гопкинс, Маршалл и адмирал Кинг еще вели переговоры, когда 11 апреля, направив специальное послание Сталину, Рузвельт пригласил советскую делегацию во главе с Молотовым приехать в США для ведения переговоров о втором фронте в Европе 22. В опубликованном 12 июня 1942 г. совместном советско-американском коммюнике говорилось: «При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.» Во время обсуждения текста коммюнике генерал Маршалл настаивал на том, чтобы опустить упоминание о 1942 г., однако Рузвельт отказался это сделать 23. Одновременно в разговорах с В.М. Молотовым президент просил советское правительство согласиться на уменьшение почти вдвое поставок по ленд-лизу с тем, чтобы сконцентрировать все силы на подготовке вторжения во второй половине 1942 г. 24.

Несмотря на то что согласовывались формулировки коммюнике, давались заверения,

обговаривались важные детали подготовки операции «Раундап» (высадка в Северной Франции), все это было всего-навсего разговором о намерениях, зондажем готовности сторон их выполнять, по крайней мере в части, касающейся самого главного – открытия второго фронта в 1942 г. Как оказалось, ничего, решительно ничего, кроме желания «приободрить», «обнадежить» союзника, за всем этим не стояло. Многие историки после войны ломали голову, пытаясь объяснить, что бы все это значило? Г. Фейс предложил такое объяснение: Рузвельт пошел на эту мистификацию с приглашением Молотова исключительно ради того, чтобы соблазном скорой полномасштабной военной помощи оставить поставленный Москвой вопрос о послевоенных границах открытым. Но с этим нельзя согласиться. Едва ли Рузвельт таким примитивным способом хотел вынудить Сталина внять призыву не обсуждать вопроса о границах с учетом их изменений после 1939 г. до завершения войны. Более правдоподобно другое. Президент всегда обладал подкупающим даром внушать оптимизм в любой безнадежной ситуации. Беседы с Молотовым открывали второй фронт, если не по факту, то виртуально, на штабных картах, в подсчетах снабженцев и в умах советских людей, которые поверили в его реальность. Обе стороны в тот момент, как это выясняется в наше время, принимали данное состояние ожидания и готовы были продлевать его и впредь.

Ниже мы еще вернемся к выяснению причин колеблющейся линии Рузвельта в ключевом вопросе межсоюзнических отношений. Сейчас же отметим, что к августу 1942 г. было уже довольно много признаков того, что общая договоренность о подготовке вторжения в Европе в 1942 г., достигнутая в июне, останется не больше чем добрым пожеланием. И в Лондоне, и в Вашингтоне приложили немало сил, чтобы возобладал стратегический план ведения войны на истощение. Неудивительно, что оптимизм, который еще в отдельных случаях продолжал высказывать Гопкинс, был сдобрен изрядной дозой скепсиса. Мог ли он не знать, с каким упорством сторонники доктрины «англосаксы должны управлять миром» в военных и финансово-промышленных кругах добиваются своего, считая курс Рузвельта в отношении Советского Союза недостаточно жестким и излишне толерантным?

Информация о разногласиях среди главных участников антигитлеровской коалиции (особенно в отношении западных границ СССР) «просочилась» в прессу, вызывая опасность распространения ядовитых спор в общественной атмосфере страны. Рузвельт решил не отдавать инициативу силам, способным обрушить с таким трудом созданный альянс «странных сожителей». Секретные опросы общественного мнения показывали, что накануне выборов в конгресс осенью 1942 г. утрата такой инициативы могла бы сильно подорвать позиции администрации. Вот почему, когда в середине июня 1942 г. (сразу после отъезда Молотова) Гопкинс получил приглашение от организаторов большого митинга в Нью-Йорке выступить на встрече, посвященной второй годовщине со дня начала Великой Отечественной войны советского народа, президент отнесся к этому благожелательно. Это было единственное в своем роде большое публичное выступление Гопкинса за все время войны. Тысячи людей, торжественная и волнующая обстановка, свет направленных на трибуну юпитеров... Гопкинс давно избегал появления на подобных многолюдных собраниях. Но президент и его помощник решили, что этот случай нельзя было упустить 25. Речь Гопкинса, эмоциональная и яркая, оказала большую услугу движению солидарности с народами Советского Союза. Джозеф Дэвис в восторженном письме Гопкинсу 23 июня назвал ее «превосходной». «Каждый ее параграф, – писал он, – был начинен динамитом и проникнут духом борьбы с нацизмом. Это обстоятельство обеспечит ей горячий прием и в России, и в США» 26. «Я в самом деле очень рад был узнать, – ответил ему Гопкинс, – что Вы нашли мою речь полезной во всех отношениях» 27. Однако вопрос о втором фронте в речи Гопкинса был преподнесен в чисто общей форме.

17 июля 1942 г. Гопкинс вновь в Англии в связи с началом нового раунда переговоров о совместной военной стратегии на 1943 г. В этот раз, оставляя Вашингтон, Гопкинс знал, чем они кончатся. Позиция Черчилля была ясна, в свою очередь детальные инструкции

президента не оставляли никакой свободы для маневра (в случае отказа англичан от высадки в Европе Гопкинсу, Маршаллу и Кингу надлежало согласовать план совместной операции в Северной Африке 28). На этот раз и Джордж Маршалл был настроен куда более примирительно к доводам английского командования. В довершение всего 24 июля 1942 г. Рузвельт прислал на имя Гопкинса, Маршалла и Кинга телеграмму, в которой уведомлял их о своем решении окончательно отказаться от подготовки вторжения в Европу в 1943 г. и о необходимости выбирать между планом «Джимнаст» (Северная Африка) и военными усилиями на Ближнем Востоке 29. В тот же день Гопкинс телеграфировал президенту, что стороны согласились на «Джимнаст». Задерживаться в Лондоне не имело смысла, и Гопкинс заторопился домой.

Результаты лондонских переговоров означали, что правительства Англии и США не только пересмотрели свое решение подготовить открытие второго фронта в 1942 г., но и вообще отодвигали высадку во Франции через Ла-Манш на неопределенный срок. Для этого внезапно возникшего англо-американского консенсуса были причины видимые, лежащие на поверхности, и невидимые, скрытые, о которых велись разговоры в печати, но не принято было говорить в официальных речах и заявлениях. К первым следует отнести ставшую очевидной военно-техническую неготовность западных союзников к широкомасштабной высадке на Европейском континенте. Ко вторым – нестабильность на советско-германском фронте, его откат к Волге и Северному Кавказу и, как следствие этого, ожидание краха Восточного фронта и, возможно, сепаратного мира Сталина с Гитлером. Еще одним «против» было чувство настороженности в отношении постоянного возвращения Москвы к вопросу о признании западных границ СССР в том виде, в котором они ей «представляются желательными» (т. е. с включением в состав СССР Прибалтики, Бессарабии и Буковины) 30. Содействовать Москве в решении этого деликатного вопроса с позиции силы ни Вашингтону, ни Лондону не хотелось. Вопрос о послевоенном устройстве мира (как и в годы Первой мировой войны), таким образом, вторгся в военно-стратегическое планирование.

27 июля 1942 г. Рузвельт сообщил Черчиллю в шифровке, что он «очень счастлив» результатом лондонской встречи и полагает, что она знаменует «поворотный пункт» в войне 31. По поводу того, насколько искренен был президент, можно только строить предположения. Что же касается Гопкинса, то его настроения были далеки от состояния приподнятости. Он сознавал обоснованность тревоги, которую испытывала значительная часть американской общественности в связи с новыми уклонениями правительств США и Англии от выполнения взятого ими обязательства открыть второй фронт в Европе в 1942 г. 32. Все большее беспокойство внушали ему и попытки Черчилля ограничиться чисто символическими жестами вместо реального военного сотрудничества с Советским Союзом в критический момент, которому действительно суждено было стать поворотным пунктом в истории Второй мировой войны. Шла великая Сталинградская битва, и то, что предлагалось англичанами в качестве мер военного взаимодействия с союзником на Востоке, Гопкинсу представлялось «абсолютно недостаточным». Трезво оценивая обстановку и состояние советско-американских отношений, Гопкинс в сентябре 1942 г. в телеграмме Рузвельту, находившемуся в инспекционной поездке по стране, высказывается в пользу неукоснительного выполнения обязательств по «плану Болеро» (подготовка высадки во Франции через Ла Манш) с тем, чтобы быть готовыми «драться» с немцами большими силами уже весной 1943 г. «...Я считаю, – заключал он, – что только это даст эффект...» 33

Звенья одной цепи

Героическая оборона Сталинграда вызвала восхищение и признание демократической Америки. Движение за укрепление солидарности и военного сотрудничества с Советским Союзом, за открытие второго фронта достигло большого размаха. Сталинградская битва доказала всему миру назревание здесь, на Восточном фронте, общего перелома в войне. Разгромив гитлеровцев под Сталинградом, Красная Армия сделала недостижимыми

поставленные ими конечные цели в войне 34. Правда, далеко не всем это открытие принесло удовлетворение. Не случайно последовавшее вслед за тем контрнаступление советских войск оживило в определенных кругах советофобию. Именно к этим кругам апеллировали геббельсовская пропаганда и секретные службы нацистского рейха, ухватившиеся за тезис о «странном союзе». Рузвельт ответил «на эти панические попытки» общей декларацией о верности правительства США идее единства Объединенных Наций и «бескомпромиссной политике» безоговорочной капитуляции Германии 35. Президент видел в политике Кремля преимущественно националистическое начало, практицизм, а не идеологию коммунистической экспансии.

Как избежать «нехорошего мира»? Идея коалиционной войны, согласия между союзниками имела много друзей и сторонников в лице антифашистской общественности, видных государственных и политических деятелей в правительстве, конгрессе, обеих ведущих партий, представителей деловых кругов, которые внесли огромный вклад в создание «арсенала демократии». У нее было и немало противников, использовавших самые различные рычаги и каналы, чтобы либо торпедировать, либо ослабить сотрудничество великих держав, помешать им принять согласованные решения в отношении ведения военных действий и послевоенного мира.

По мере нарастания ударов советских вооруженных сил по вермахту они все более склонялись к мысли, настойчиво внушаемой им извне, из кругов, близких к верхушке Третьего рейха, что достижение сепаратного соглашения к обоюдной выгоде как Германии, с одной стороны, так и США и Англии – с другой, не только возможно, но и диктуется жизненными интересами «спасения западной цивилизации» от «советской угрозы». Голосам «с той стороны» в США внимали особенно жадно в тех кругах, в которых внутривластный и в особенности внешнеполитический курс Рузвельта всегда вызывал недовольство, ропот и всякого рода опасения вплоть до самых фантастичных и абсурдных. Тайный зондаж с германской стороны подогревал надежды добиться изменения этого курса и приведения его к компромиссной формуле сепаратного мира западных держав с Германией и возвращения к ситуации 1938 г. В свою очередь, еще мало известно, сколь широкое развитие получила аналогичная деятельность со стороны союзников, и в первую очередь разведывательных служб США, получивших основательные средства и возможности для создания соответствующих опорных пунктов на Европейском и всех остальных континентах.

Рузвельт, став президентом, придавал важное значение созданию тайной осведомительной сети как внутри страны, так и за рубежом. Некоторые серьезные исследователи полагают, что законспирированные наблюдения и замыслы были с юных лет его внутренним увлечением, работа же в качестве заместителя министра военно-морского флота в 1913–1919 годах захватила его, помимо всего прочего, причастностью к романтической службе морской разведки. Через короткое время эта деятельность стала приоритетной для Рузвельта. Борьба с немецким саботажем, организация секретной слежки за объектами, представлявшими особый интерес для агентов кайзера – порты, судостроительные заводы, военные базы и т. д., – все это входило в круг его обязанностей по разгадыванию головоломок. В итоге Рузвельт приобрел немалый опыт в этой деликатной сфере. «К концу Первой мировой войны, – пишет историк разведки Дж. Персико, – военно-морская разведка США, руководимая Рузвельтом, могла гордиться обширной разведывательной сетью, распространенной по всей Европе, Латинской Америке, на Дальнем Востоке и использующей сотни агентов и информаторов» 36.

После 1933 г. особым вниманием Рузвельта-президента пользовалась программа морских вооружений Японии. Агентурная сеть нацистского абвера, в кратчайшие сроки опутавшая Америку от ее восточного побережья до западного, также вызывала повышенное беспокойство президента, заставляя его проводить контрмероприятия в недрах немецкой диаспоры, в средствах массовой информации и т. д. Параллельно начинается активное внедрение разведывательной агентуры США в подвластные Гитлеру территории. Важной чертой размороженности агентурного подполья в Германии была его связь со специальными

группами в США, организованными разведчиками-профессионалами и связанными тайными узами с крупным трансатлантическим капиталом (группы «Комната», «Клуб» и др.) и английскими мастерами тайных операций. Рузвельт находился в тесном взаимодействии с этими неформальными группами, получая от них пополнение своей разведывательной армии. Так возникли первые ячейки поставленной с широким размахом, технически хорошо оснащенной многоступенчатой структуры, куда входили ведущие представители бизнеса и финансов, такие как Винсент Астор, Уинтроп Олдрич и др. Благодаря усилиям этих «любителей» от разведки в военных, дипломатических и хозяйственных структурах Третьего рейха возникли важные информационные источники, питающие Белый дом, Рузвельта сведениями особой важности и дающие основания для планирования политики.

На вопрос о том, как далеко простирались эти замыслы и как глубоко заходили эти тайные контакты, еще предстоит дать исчерпывающий ответ. Не все факты и архивные материалы доступны сегодня историкам, тем не менее часть из них свидетельствует о том, что заметная роль в этом принадлежала Управлению координатора по вопросам информации, а затем пришедшему ему на смену Управлению стратегических служб (УСС) – внешней разведки. «В ходе войны, – писал американский исследователь Л. Фараго, – Управление стратегических служб было развернуто в огромную, мощную и хорошо слаженную организацию, на которую работало около 22 тыс. агентов и в штате которой, кроме того, было около 12 тыс. человек. В штат Управления входили люди самых различных профессий: от заслуженных профессоров, лауреатов Нобелевской премии до уличных мальчишек и бродяг, от священников-миссионеров до контрабандистов» 37. Функции УСС были многообразны, некоторые из них касались поддержания контактов с проамерикански или проанглийски настроенной оппозицией в странах «оси», подключения ее к различного рода планам «досрочного» окончания войны устранением Гитлера и Муссолини, создания на территориях, оккупированных Германией, очагов сопротивления и т. д.

В дипломатической службе США было много влиятельных фигур, которые резко отрицательно встретили призыв У. Черчилля после нападения Гитлера на Советский Союз оказать ему «моральную поддержку как союзнику в борьбе за демократию». Американский историк У. Кимболл в связи с этим приводит выдержку из письма Джорджа Кеннана (его война застала на посту советника американского посольства в Берлине) Люю Гендерсону, в котором Кеннан высказывался крайне негативно в отношении сближения с Советским Союзом в духе предложения Черчилля, поскольку, как утверждал Кеннан, Кремль запятнал себя коварством, вероломством и пренебрежением к принципам права. Письмо из Берлина ушло 24 июня 1941 г. «Такое осуждение советского аморализма, – продолжает Кимболл, – если бы оно было воспринято как основа американской политики, только бы усилило опасения русских, что Англия и Соединенные Штаты сделают в 1941–1942 гг. примерно то же, что СССР сделал в 1939 г.: пошел на примирение с Гитлером в тот момент, когда германская армия была скована на Западном фронте» 38. К замечанию Кимболла следует отнести со всем вниманием, поскольку сам он считал, что эти подозрения были небеспочвенны.

По мере развертывания разведывательных служб США в характере их деятельности все сильнее начинал сказываться комплекс опасений, испытываемых многими людьми во властных структурах США в отношении будущего капиталистического строя в странах Европы. Эти настроения находили свое отражение в военном руководстве и в политических верхах. Суть их выражалась в следующем: Соединенным Штатам не следует доводить дело до полного краха фашистского режима в Германии в войне на два фронта, стремясь сохранить его в качестве заслонного вала от «угрозы русского большевизма» и стража традиционных порядков в Европе на весь трудный период перехода от войны к миру. Для этого самым пригодным методом могли быть, как считали в этих кругах, тайный зондаж, изучение взаимных претензий друг к другу и нахождение взаимоприемлемого компромиссного решения. Однако резкое осуждение, которым широкие слои американской и мировой демократической общественности встретили соглашение генерала Эйзенхауэра,

командующего союзными войсками в Северной Африке, со ставленником возникшего после капитуляции Франции вишистского режима коллаборационистом Дарланом о признании его главой военной администрации на территории французской Северной Африки (22 ноября 1942 г.), показало, насколько непопулярной может стать сделка с верхушкой Третьего рейха. «Приход Дарлана в Северную Африку, – писал Шарль де Голль, – при поддержке американцев вызвал всеобщее негодование» 39. Критика в самих Соединенных Штатах, отмечал Р. Шервуд, была столь суровой и значительной, что Г. Гопкинс, С. Розенман и он сам настояли на том, чтобы Рузвельт сделал специальное заявление для печати о «временном» характере этого соглашения 40.

Тем не менее вне зависимости от того, что думали по этому поводу Гопкинс, Розенман или кто-либо другой, пробные попытки наладить тайные каналы связи между Берлином и столицами подвассальных ему государств, с одной стороны, Вашингтоном и Лондоном – с другой, не прекращались. Со стороны Германии и ее союзников такие попытки предпринимались начиная с конца 1941 г. Они участились в 1942 г. 41, хотя еще годом раньше, сразу же после поражения под Москвой, среди высших офицеров и генералов вермахта, некогда преданных Гитлеру, появились такие, кто считал, что затягивание войны неизбежно приведет к военной катастрофе. Они искали выхода из создавшегося положения. Схожие настроения распространялись и в руководстве разведывательной службы (абвер), и в дипломатическом ведомстве Германии 42. В своих расчетах на будущее все большие надежды на распад антигитлеровской коалиции и сепаратный сговор с западными державами стали возлагать и германские крупные промышленники, приведшие к власти Гитлера, но опасавшиеся полного краха «нового порядка». Характерно, что еще 25 июля 1942 г. Ф. Рузвельт в шифровке Гопкинсу, находившемуся тогда в Лондоне, посчитал нужным сообщить последнему об информации, полученной им из агентурных источников в Мадриде, свидетельствующей о контактах англичан с президентом Рейхсбанка Ялмаром Шахтом «на предмет зондажа мирного соглашения между Великобританией и Германией» 43.

В исторической литературе (русской и в зарубежной) освещался уже вопрос о планах Шелленберга – Гимmlера о подготовке «запасной позиции» на тот случай, если потребуется искать компромисс с западными державами путем торга на антисоветской основе и за счет интересов больших и малых стран Европы (включая Францию и Италию), оккупированных гитлеровцами или находившихся в вассальной зависимости от Германии. Эти планы обсуждались еще летом 1942 г. Они предусматривали смещение Риббентропа (жест, приглашающий Запад к примирению) с поста министра иностранных дел и тайное наведение мостов между Берлином и Лондоном в первую очередь 44. Для этого Шелленберг и Гимmlер использовали неоднократно испытанный лаз во внешний мир – территорию нейтральной Швейцарии 45, где при посредничестве руководства швейцарских спецслужб осуществлялись регулярные контакты английских представителей и Аллена Даллеса, главы резидентуры УСС в Швейцарии, с германскими агентами 46. Со временем появились и новые каналы, прежде всего через Турцию, которая занимала выгодное стратегическое положение, находясь в центре пересечения военно-политических интересов воюющих держав. Джордж Аллен, глава ближневосточного отдела госдепартамента, сообщал 18 марта 1942 г. послу США в Анкаре: «Я считаю, что американское посольство в Анкаре сейчас является самым важным пунктом для наших интересов...» Посол США Штейнгардт хорошо знал, о чем шла речь: активность СССР в движении сопротивления на Балканах и Среднем Востоке вызывала нарастающую тревогу. В УСС в связи с этим в мае 1942 г. возникла даже идея инициировать протест Москве от лица госдепартамента в связи с поддержкой ею югославских коммунистов и левых в некоторых провинциях Ирана 47.

Отлично осведомленные о расчетах США и Англии втянуть Турцию в орбиту своего влияния и использовать ее в качестве плацдарма для проникновения на Балканы, сторонники сепаратной сделки в верхушке Третьего рейха ухватились за идею розыгрыша балканской карты в торге с западными державами. Жупел «красной опасности» и «анархии» должен был служить чем-то вроде пароля, открывающего двери к сговору. Осуществляя поиск своих

контрагентов, нацистские эмиссары вели его не вслепую. По части установления тайных контактов с верхушкой стран «оси» спецслужбы США с начала войны накопили солидный опыт и целый арсенал разнообразных средств и приемов. Их самостоятельность и полномочия в этой сфере были оговорены негласно существующим регламентом. Разъясняя позицию госдепартамента на этот счет, Корделл Хэлл в меморандуме послу США в Турции Л. Штейнгардту от 13 марта 1943 г. сообщал, что дипломатическое ведомство США положительно относится к такого рода деятельности спецслужб, если при этом не будет «искажен» образ действий США в рамках общих усилий, направленных на разгром врага 48. В мае 1943 г. А. Бирл, заместитель госсекретаря, курирующий разведывательную деятельность, в специальном секретном послании Штейнгардту подтвердил это указание и полномочия посольства США в Анкаре в качестве координатора вербовки агентов из числа граждан стран «оси» 49.

С самого начала молниеносно сформированные и укомплектованные талантливыми профессионалами спецслужбы США не ограничивались пассивной ролью рецептора информации, поступающей к ним из стана врага, постоянно проявляя собственную инициативу в целях установления связи с отдельными представителями правящей верхушки стран «оси». Сблэзн не упустить свой шанс, угодив тем самым элементам, которые больше всего опасались усиления морального и политического авторитета Советского Союза после победы над фашизмом, подтолкнул директора ФБР Эдгара Гувера одним из первых запустить пробный шар в этом направлении. В бумагах Гопкинса хранится секретное послание Гувера о его беседах с представителем абвера, вызвавшимся служить связным между «германской оппозицией» и англо-американской стороной, которое Гувер отослал на имя специального помощника президента (с явной надеждой «пробудить к нему интерес» самого президента) в конце сентября 1943 г. Повторное напоминание о заманчивых предложениях высокопоставленного «пленного», агента адмирала Канариса, последовало со стороны Гувера 29 января 1944 г., в момент подготовки операции высадки в Северной Франции (операция «Оверлорд»). Оба, и президент, и Гопкинс, воздержались от выражения своего отношения к инициативе директора ФБР 50. Мы еще остановимся на особых мотивах политического характера, которыми руководствовались тогда президент и его специальный помощник, поступая таким образом. Но, по-видимому, свою роль здесь сыграло и нежелание расширять участие ФБР в тайных операциях, контроль над которыми было решено отдать в руки быстро завоевавшей ведущее место среди правительственных ведомств особой службы внешней разведки во главе с генералом У. Донованом – УСС.

Управление стратегических служб (УСС) и Управление военной информации (УВИ) имели широкую резидентскую, агентурную и вспомогательную сеть на территории Европы и на других континентах. УСС посредством этой сети тесно взаимодействовало с антигитлеровской оппозицией внутри Германии 51. УСС держало в своих руках все приводы закулисной игры, в ходе которой союзнический долг часто приносился в жертву расчетам иного порядка, исходящим из временного характера антинацистской коалиции. Ввиду того значения, которое придавали Балканам в своих стратегических планах США и Англия, разведывательный центр в Турции было решено превратить в базу оперативного руководства по осуществлению безымянной акции в огромном ареале, охватывающем территорию ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Цель акции – просачивание, внедрение и подчинение англо-американскому контролю подпольных движений сопротивления и оппозиционных групп в этих странах и побуждение правящих верхушек Германии, Болгарии, Румынии и Венгрии к ведению сепаратных мирных переговоров с Западом. Разведцентр в Турции действовал под эгидой так называемого Анкарского комитета, консорциума американской и английской секретных служб на Ближнем Востоке и на Балканах 52. Как это явствует из официальных документов Управления стратегических служб, в его задачу входила координация всех усилий, направленных на последовательное выключение из войны стран фашистского блока на условиях, отвечающих прежде всего интересам глобальной военно-политической стратегии США 53.

Создание агентурной сети в Турции американскими спецслужбами относится к лету 1942 г. С весны 1943 г. она была значительно расширена, получив из США солидное подкрепление, использовавшее в качестве официального прикрытия дипломатическую службу, коммерческие фирмы, корпорации 54. Посол США в Анкаре Л. Штейнгардт (бывший посол США в Москве) уже летом 1942 г. в своих беседах с представителями неких нейтральных стран касался вопроса о шансах достижения «компромисса» с Германией 55. Разумеется, он был не только хорошо осведомлен об особой миссии американских разведчиков в Турции, но и всемерно содействовал их прямому патрону, помощнику военноморского атташе США Джорджу Эрлу, в его деятельности по руководству осуществлением этой миссии 56.

Джордж Эрл не был простым статистом и дилетантом, за которого его вначале приняли руководители службы абвера в Турции 57. Под личиной завсегда злчных мест, кутилы и дебошира скрывался опытный разведчик и политический делец, близко знавший Рузвельта и пользовавшийся доверием президента еще с начала 30-х годов. Филадельфийский богач, видный сподвижник ньюдилеров, бывший губернатор Пенсильвании и посол США в Австрии, Эрл до прибытия в Турцию некоторое время трудился в Болгарии в качестве американского посланника при режиме царя Бориса (1940–1941 гг.), чьи взгляды о возрождении «духа Мюнхена», о сговоре с западными державами 58 во многом были, возможно, навеяны интимными беседами с заокеанским советником. Направляя Эрла в качестве своего личного представителя в Турцию, Рузвельт хотел быть в курсе всех изменений в настроениях царя Бориса и рассчитывал, что Эрл найдет способ не только восстановить болгаро-американские контакты, но и повлиять на обстановку в Восточном Средиземноморье и на Балканах в том направлении, которое бы соответствовало видам США. Стратегия США в этом обширном регионе, входившем в ареал деятельности резидентуры Соединенных Штатов в Анкаре, определялась сложными соображениями. Но в обобщенном виде, воспользовавшись точной формулировкой отечественного историка, ее можно выразить в следующих словах: «Вытеснение империалистических конкурентов из района, который постепенно стал рассматриваться в качестве сферы национальных интересов США, сочеталось в этот период с набиравшей силу так называемой политикой «сдерживания коммунизма»...» 59

Обосновавшись в Стамбуле в конце января 1943 г., Эрл с усердием и без промедлений принялся за дело. В начале февраля он сообщал в шифровке Гопкинсу о своей встрече с человеком, которого он называет «нацистским агентом». Им был Мацхольд, живший некогда в США и тесно связанный с разведслужбами Германии и ведомством Риббентропа. Пользуясь тем, что оба они знали друг друга давно, Мацхольд, не таясь, развернул перед Эрлом заманчивые картины полюбовного соглашения между Третьим рейхом, США и Англией в интересах организации отпора «русскому коммунизму» 60. Та же тема затрагивалась в секретных переговорах Эрла с фон Папеном, германским послом в Анкаре 61. Своевольная и раскованная манера поведения Эрла в деликатных ситуациях вызвала беспокойство и даже раздражение в Вашингтоне, но посол Штейнгардт постарался сгладить невыгодное впечатление, указав в специальном послании Гопкинсу, что Эрл «может быть исключительно полезен в установлении контактов с представителями Балканских стран, и в особенности Болгарии...» 62.

Тучи над головой Эрла рассеялись, однако ему дали понять, что главные усилия он должен сосредоточить на расширении американского политического влияния на Балканах, не позволяя легко втягивать себя в требующие особой осмотрительности и учета всех слагаемых дипломатической и военной обстановки рискованные операции. Эрл показал, что он умеет быть исполнительным. Для достижения поставленной цели им были использованы различные средства, старые и новые. Хотя бесцеремонность и напористость Эрла и его коллег во многих случаях приводили к трениям с англичанами, этим в Вашингтоне считали возможным пренебречь: соперничество секретных служб США и Англии становилось общим явлением на Балканах 63.

Весьма острые формы это соперничество приняло в той же Болгарии, стоящей на пороге внутреннего кризиса и краха прогнившего, антинародного режима. Чувствуя приближение неминуемой развязки, секретные службы США и Англии прилагали максимум усилий, чтобы установить свой контроль за событиями, оспаривая в то же время друг у друга лидерство в осуществлении операции по спасению капитализма в Болгарии от внутренних и внешних «варваров». Эрл в своих донесениях в Вашингтон с оттенком самодовольства сообщал: ему удалось перехватить у англичан инициативу, вызвав у них крайнее раздражение и опасения, что его «переговоры с болгарскими (представителями царя Бориса. – *В.М.*) и рекомендации, с которыми может поспорить Вашингтон», помешают англичанам вести их собственную игру 64. Основная идея Эрла состояла в следующем: США должны оказывать всяческую поддержку царю Борису, но делать это самостоятельно, не прибегая к содействию и посредничеству англичан, так как те окончательно утратили доверие на Балканах и в странах Ближнего Востока. Народы этих стран, сообщал он Гопкинсу 2 апреля 1943 г., «считают, что подпись англичан под Атлантической хартией ничего не меняет, так как те вновь будут пытаться в будущем восстановить свой абсолютный эгоистический контроль над ними» 65. Следовательно, делал вывод Эрл, США должны остерегаться быть скомпрометированными своим тесным сотрудничеством с англичанами с их имперскими амбициями в рамках тайных усилий подчинить политическое развитие и ресурсы балканских и ближневосточных стран интересам западных союзников.

Вопрос о том, как втянуть болгарские правящие круги в орбиту американского влияния, Эрл считал ключевым для будущего американской политики на Балканах 66, причем в качестве главного довода он неизменно выдвигал факт нарастания кризиса власти правящей монархо-фашистской клики и приближения неизбежного краха в результате наступления Советской Армии и антифашистского восстания во главе с коммунистами. Ратуя за сближение США с правительством царя Бориса, Эрл приложил максимум усилий для организации своей встречи с представителями болгарского монарха. Встреча должна была носить скорее всего сугубо предварительный характер, но она не состоялась. 2 апреля 1943 г. Эрл сообщал Гопкинсу, что, по имеющимся у него сведениям, гестапо задержало агента Софии на болгаро-турецкой границе 67.

Все это, вместе взятое, позволяет вскрыть тот движущий нерв событий, которые привели к новому обращению спецслужб США к старому плану зондажа секретного соглашения с силами внутренней оппозиции в Германии. Столкнувшись с фактом быстрого революционирования обстановки на Балканах, американские резиденты все больше склонялись к мысли, что только такое соглашение способно гарантировать приход к власти прозападных режимов и обеспечить здесь американское присутствие после войны. С конца 1943 г. депеши Эрла носят порой уже просто панический характер. Обращаясь то к Г. Гопкинсу, то непосредственно к президенту, он сообщал об огромном моральном воздействии военных побед Красной Армии на положение в странах Юго-Восточной Европы, на рост антифашистского, освободительного движения, которое в случае распространения его на другие регионы и усиления просоветской направленности грозит Западу невозвратимыми потерями, включая и утрату контроля над арабской нефтью 68.

Сквозь призму особых интересов, которые преследовала американская дипломатия в Восточном Средиземноморье, на Ближнем Востоке и Среднем Востоке, Эрл предлагал рассматривать и нарастающие усилия Советского Союза по пропаганде своих целей в войне среди широкого круга людей и народов на территории, контролируемой гитлеровцами. В Анкаре и Стамбуле все сильнее ощущались результаты большой разъяснительной работы советских политорганов среди населения стран, либо оккупированных гитлеровцами, либо находившихся в вассальной зависимости от них, а также в рядах вермахта. Эта деятельность приносила осязаемые плоды. Информаторы Эрла доносили, что контрпропаганда Геббельса оказывала все меньшее влияние, а пропаганда Москвы имела определенный успех даже среди высших офицеров вермахта и государственных чиновников Третьего рейха. Резонно поставить вопрос: не была ли связана встревоженность Вашингтона и Лондона созданием в

июле 1943 г. национального комитета «Свободная Германия» с тем комплексом опасений, который лишил покоя американских резидентов в Европе после того, как стратегическое превосходство на Восточном фронте перешло к советской армии? Восточный фронт устоял, но теперь уже, как представлялось аналитикам от разведки, Москва могла посчитать заманчивым повести разговоры с лидерами Третьего рейха о сепаратном мире на выгодных для себя условиях (например, о границах по Одере и т. д.).

«Брожение в умах» американского разведывательного директората отражал рабочий документ, подготовленный в недрах «советского отдела» УСС в середине октября 1943 г. специально для внутреннего обсуждения. Ему предшествовала острая дискуссия, поэтому положения документа отмечены взвешенностью и высокой достоверностью оценок. В пункте первом документа с характерным названием «Условия для сепаратного мира между Россией и Германией» говорилось: «Хотя имеющие хождение различные слухи о переговорах о сепаратном мире между Германией и Россией должны рассматриваться как часть психологической войны, возможность таких переговоров о прекращении войны между двумя странами является достаточно реальной для того, чтобы служить оправданием выяснения всех обстоятельств». Пункт второй гласил: «Неправдоподобно, чтобы нацистский режим в том виде, в котором он существует, мог бы рассчитывать на успех сепаратных переговоров с Россией» 69.

В реальной жизни возникла другая ситуация. Резкое ухудшение военного положения Германии летом и осенью 1943 г., ускорившее оформление оппозиционных группировок в верхушке стран фашистского блока, выступивших за сговор с англо-американцами при приемлемых условиях, подтолкнуло спецслужбы США сделать ряд шагов им навстречу 70. Во многих случаях Москва не была информирована об этих контактах. После Сталинграда и Курской битвы пораженческие настроения и смятение усилились среди заправил Третьего рейха. Объявив о своем решении вести «тотальную войну», в глубокой тайне они вынашивали планы спасения своей империи путем реализации различных комбинаций, рассчитанных на раскол в антигитлеровской коалиции. «Считая возможными какие-то переговоры, – писал Д.М. Проэктор, – несмотря на все безмерные злодеяния, совершенные ими, Гитлер и Геббельс всерьез рассуждали, с кого же начать...» 71 Взоры, естественно, обращались на Запад. К числу наиболее энергичных и предприимчивых сторонников спасения Третьего рейха ценой компромисса с Западом и последующей «модернизации» режима под покровительством США и Англии принадлежал и германский посол в Анкаре фон Папен 72.

Пребывание Папена на посту германского посла в Анкаре не было почетной ссылкой в отместку за его вечные распри с Риббентропом. «...Посольство в Анкаре, – писал в своих воспоминаниях глава службы СД в Турции Мойзиш, – служило для Германии самым лучшим окном во внешний мир, а потому должность посла в Турции была наиболее ответственной из всех, какие только могла предложить дипломатическая служба Третьего рейха. Об этом свидетельствует назначение на эту должность бывшего канцлера Германии Франца фон Папена... Этот пост отнюдь не был синекурой, и для успеха дела требовалась внушительная политическая фигура» 73.

Однако что значит «успех дела»? Какого «дела»? Иными словами, в чем видел Папен смысл своей деятельности в Анкаре в качестве дипломатического представителя Германии, помимо задачи сохранения и развития тесных отношений между Германией и Турцией? С момента нападения Гитлера на Советский Союз для себя Папен определял его следующим образом: подрыв усилий, направленных на создание и укрепление антигитлеровской коалиции, с целью подготовки условий для сепаратного соглашения Германии, с одной стороны, Англии и США – с другой. Этот процесс Папен называл «восстановлением мира» во имя спасения «западной цивилизации» 74. Сохраняя близкие отношения с фашистской верхушкой и личную преданность Гитлеру, Папен уже с конца 1941 г., узнав о масштабах поражения под Москвой, все больше склонялся к мысли, что у Третьего рейха есть только один-единственный шанс уцелеть – добиться развала антигитлеровской коалиции и

сепаратного соглашения с США и Англией.

Однако, будучи искушенным, коварным и изворотливым политиком, сохранившим связи и в США, Папен придерживался той точки зрения, что главными союзниками у верхушки рейха в сложившейся обстановке могут стать только время и случай. Его отчаянная попытка, используя Эрла в качестве канала связи, склонить в 1943 г. Рузвельта к перемирию на Западе и согласию на переброску всех немецких войск на Восточный фронт не увенчалась успехом. Считая маловероятным после этого достижение соглашения с президентом США, Папен (и не он один) свои надежды отныне связывал главным образом с поражением Рузвельта на предстоящих осенних выборах 1944 г. в США и с приходом к власти его противников, чей «реализм», как он полагал, позволит им быть благосклонными к нацистской Германии и непримиримыми к Советскому Союзу 75. У фон Папена было много единомышленников в высшем командовании вермахта и ведомстве адмирала Канариса. Сам адмирал активно поддерживал его игру в «поиски мира» 76. «Вести войну на выигрыш времени в ожидании событий» – эту формулу с конца 1943 г. нашел приемлемой для себя даже Гитлер 77.

Опыт и интуиция подсказывали Папену, что вариант с «продажей» американцам и англичанам идеи пересмотра западными союзниками политики в отношении Третьего рейха под аккомпанемент проповедей-предостережений об общей для Запада угрозе «советской экспансии» в конечном счете имеет шансы (хотя и очень слабые) на успех 78. Правда, неизменными условиями такого успеха Папен считал сохранение status quo на Балканах и нейтралитета Турции, а также продолжение немецкого сопротивления на основных фронтах (англо-американцы должны знать, что они имеют дело с сильным противником) до момента, когда начнется закат звезды Рузвельта. Что он не за горами, Папен не сомневался, предсказывая победу антирузвельтовской партии на президентских выборах в США осенью 1944 г. Постоянные контакты Папена и его осведомителей с представителями спецслужб США (и в первую очередь с Эрлом) укрепляли его в мысли, что этот план вовсе не утопичен. Настроения своих собеседников он изучил хорошо, рассматривая их как отражение более общих тенденций во внутренней жизни США 79. И действительно, в Соединенных Штатах нажим тех, кто выступал против углубления и расширения советско-американского сотрудничества, на правительство Рузвельта с конца 1942 г. все усиливался 80. Участились нападки и на сам принцип единства антигитлеровской коалиции. Похоже было, что в США кое-кому по душе пришелся даже термин «святотатственный союз», широко используемый крайне консервативными кругами. Опросы общественного мнения давали им повод для оптимизма: большая часть населения благоприятно относилась к переговорам с вермахтом об окончании войны.

Сознавая меру грозившей опасности и не желая вновь столкнуться с той реакцией возмущения, которую вызвала сделка американцев с французским квислингом Дарланом 81, Рузвельт стремился противостоять этому нарастающему нажиму. В известном смысле эту цель преследовала предложенная им на конференции в Касабланке 24 января 1943 г. формула «безоговорочной капитуляции» Германии 82. В ряде последующих выступлений президент США публично отмежевался от тех элементов, которые пытались внести раскол в Объединенные Нации 83. Хорошо осведомленный об антифашистских настроениях широкой американской общественности, Белый дом отрицательно относился к порывам спецслужб перейти дозволенную грань в контактах с представителями Третьего рейха. Многие представления Эрла, касавшиеся этого вопроса, были приняты к сведению, но Вашингтон уклонялся от выражения своего отношения к ним по существу 84. Моральные и военные обязательства, принятые на себя США на ряде межсоюзнических конференций и встреч в конце 1943 г., еще более ограничили деятельность теневых структур где бы то ни было. Важным итогом на пути сплочения участников антигитлеровской коалиции явилась Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. Как известно, ее участники торжественно заявили, что они будут вести войну до тех пор, пока противник не сложит оружия и не капитулирует безоговорочно. Внимание

УСС по-прежнему оставалось прикованным к Болгарии и другим восточноевропейским странам на предмет их выхода из блока агрессоров, но директор УСС генерал Донован (как это явствует из ряда документов), очевидно, получил инструкции из Белого дома обмениваться информацией на этот счет со спецслужбами СССР. Визит Донована в Москву в декабре 1943 г. в этом смысле показателен: шеф УСС беседовал с начальником внешней разведки НКВД СССР П.М. Фитиным о координации усилий обеих стран, направленных на «выключение» Болгарии из союза с Гитлером 85.

Политические игроки типа Эрла или консервативные таблоиды, систематически атакующие Рузвельта и «новый курс», полагали, что они помогают стране избежать «нехорошего мира», грозящего ей в случае проявления излишней доверчивости к русскому «попутчику» Великого альянса. Рузвельт же был больше озабочен другим – а именно, как сохранить коалицию, одержать победу в «хорошей войне» с гитлеризмом и при этом гарантировать лидерство США в послевоенном переустройстве. В этой связи важно, что практические шаги, предпринимаемые Рузвельтом для блокирования противодействия сплочению коалиции и укреплению двусторонних отношений, подкреплялись обдумываемой (разумеется, не в деталях, но в принципиально важных чертах) стратегией взаимодействия в целях создания в послевоенном мире системы коллективной безопасности с ядром в виде обновленной и реконструированной Лиги Наций и, как говорил Рузвельт, «резервуаром силы настолько мощной, чтобы никакой агрессор не посмел бросить ему вызов». Эту мысль Рузвельт высказал в доверительной беседе с Артуром Свитцером 9 мая 1942 г. (в дни визита Молотова в Вашингтон). Его собеседник, с 1919 г. работавший чиновником Лиги Наций, услышал от Рузвельта его версию разговора с У. Черчиллем, состоявшегося в августе 1941 г. во время работы над Атлантической Хартией на борту крейсера «Огаста» в бухте Плацентия Бей.

По словам Рузвельта (в записи Свитцера), Черчилль, услышав фразу о резервуаре силы, переспросил: «Вы имеете в виду англо-американский союз?» На что президент ответил, будучи готовым услышать этот вопрос: «Я снова ответил, что нет, совсем не это. Мы не можем идти по этому пути. Мы должны иметь в виду коалицию британцев, американцев, китайцев, русских. Даже если вам русские не нравятся, вы все равно обязаны иметь с ними дело. Они слишком велики и сильны, чтобы согласиться на разоружение, и вам будет лучше следовать старой политической теории: если вы не можете заставить кого-либо подчиниться вам силой, сделайте его вашим союзником. Вот тогда вы обретете колоссальную мощь» 86.

«Мы поступим правильно, достигнув взаимопонимания с Советами»

Состояние межсоюзнических отношений к началу 1943 г. было осложнено рядом и других очень серьезных обстоятельств. В то время как Советский Союз по-прежнему фактически в одиночку продолжал вести кровопролитное сражение с главными силами нацистской Германии и армиями ее сателлитов на Восточном фронте, его союзники, США и Англия, уклонялись от выполнения принятых на себя обязательств открыть второй фронт во Франции и тормозили поставки в СССР по ленд-лизу. Очередная встреча Рузвельта и Черчилля в Касабланке 14–24 января 1943 г. не дала в этом отношении никаких положительных результатов, а снижение активности англо-американских сил в Северной Африке принесло, как отмечалось в послании И.В. Сталина президенту США Ф. Рузвельту от 16 февраля 1943 г., «облегчение для Гитлера» 87. Победа Советской Армии под Сталинградом, ставшая началом коренного перелома в войне, и в США и в Англии была воспринята по-разному: к радостному хору приветствий, изъявлениям признательности и чувства благодарности примешивались звучащие явным диссонансом голоса настроенных враждебно к Советскому Союзу представителей весьма влиятельных кругов, бьющих тревогу по поводу быстрого роста международного авторитета России и укрепления ее военно-стратегических позиций 88.

В августе 1942 г. А.А. Громыко (в то время советник посольства СССР в США) в

письме в Наркоминдел СССР сообщал о живучести антисоветских настроений в военных и руководящих промышленных кругах Соединенных Штатов и о неблагоприятных действиях правительственных органов США, в том числе «со стороны соответствующих агентурных организаций», в плане ослабления пропаганды за открытие второго фронта 89. После же Сталинграда в прессе США участилось появление разного рода материалов о советских планах завоевания Европы, об угрозе «западной цивилизации» со стороны Москвы. Остро болезненная реакция сопровождала появление сообщений о случаях принижения советскими органами печатного вклада западных союзников в борьбу с общим врагом и т. д. Делалось это неспроста. Исподволь подогревая чувство неприязни и недоверия к Советскому Союзу, противники советско-американского сближения рассчитывали оправдать медленное разворачивание усилий США и Англии в отношении выполнения ими союзнического долга в его главной части, имея в виду высадку в Северной Франции. Одновременно изыскивались «моральные предлоги» для всякого рода проволочек и оттяжек в деле оказания материальной помощи Советскому Союзу по программе ленд-лиза. В прямую связь с этой кампанией должны быть поставлены и выступление заместителя госсекретаря США Д. Ачесона против заключения нового протокола о ленд-лизе 19 февраля 1943 г., и решение США и Великобритании прекратить доставку военных грузов в СССР по северному маршруту 90, и, наконец, недружественное высказывание посла США в Москве адмирала Стэндли в адрес Советского Союза, из которого следовало, что советский народ лишен возможности владеть полной информацией об американской помощи 91.

Все эти действия, которые никак нельзя было назвать своевременными или уместными, вызвали соответствующую реакцию в руководящих кругах Советского Союза. Сталин привел в действие свой план. В ряде его посланий президенту США она была выражена в достаточно резкой манере, причем, естественно, упор в них был сделан на главное – на срыв принятого США и Англией обязательства об открытии второго фронта сначала в 1942 г., а затем в 1943 г., что, как заявило советское правительство, подвергало его доверие к союзникам «тяжелым испытаниям» 92. Впервые так открыто был поставлен вопрос о доверии. Существенное значение правительство СССР придавало тому факту, что все решения Вашингтона и Лондона о сроках открытия второго фронта и об отмене таких решений принимались без участия Советского Союза и даже без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание глав правительств или военных штабов западных союзников. Вполне понятно, что Москва уже не могла мириться с таким положением, при котором игнорировались ее интересы, и вдобавок еще ее наставляли в отношении вопросов, относящихся целиком к компетенции советского правительства. Советское руководство решительно, например, отклонило также пожелание США и Англии, побуждавших его сохранить дипломатические контакты с эмигрантским польским правительством в Лондоне. После того, как стало известно о расстрелах НКВД польских офицеров в Катыни (апрель 1943 г.), это стало абсолютно невозможно. 25 апреля 1943 г. правительство СССР прервало дипломатические отношения с лондонским правительством 93. Польский вопрос превратился в опаснейшую гематому в ткани коалиции, которая в будущем обернулась ее ослаблением и развалом.

Заметное ухудшение отношений между СССР и США поздней осенью 1942 г. в руководящих кругах Вашингтона воспринималось по-разному. У одних оно вызывало одобрение и даже ликование, у других – обеспокоенность, несогласие, внутренний протест. Рузвельт был встревожен. Джозеф Дэвис отметил это записью в своем дневнике, сделанной 20 ноября 1942 г., после беседы с президентом по вопросу о состоянии советско-американских отношений 94. Атмосферу накаляли высказывания Буллита.

Решимость перебороть нежелательный крен к разобщению, противопоставив ему политическую волю к сотрудничеству в интересах общей победы над фашизмом, созревала у Рузвельта подспудно, в размышлениях над сводками с советско-германского фронта. Еще в конце ноября 1942 г. Гопкинс по поручению президента просит своих помощников подготовить записку о будущем советско-американских отношений в свете неблизкой, но

уже представлявшейся неотвратимой победы союзников в войне. 1 декабря 1942 г. на его рабочем столе появляется документ с многозначительным названием «Меморандум для м-ра Гопкинса. О важности развития отношений с Советским Союзом и предложения к их улучшению». Среди мер, способных реально содействовать укреплению советско-американского сотрудничества, в нем называлась организация встречи Ф. Рузвельта и И.В. Сталина «в самом ближайшем будущем» 95.

2 декабря 1942 г. Рузвельт направляет Сталину послание, которое начиналось словами, подтверждавшими стремление президента сгладить невыгодное впечатление от далеко не безупречного отношения США к выполнению своего союзнического долга. Вместе с тем президент вновь уклонился от каких-либо заявлений о планах в отношении второго фронта и о более тесной координации военных усилий. Главный упор в послании был сделан на необходимость встречи в верхах. «Чем больше я думаю, – говорилось в нем, – о нашем общем военном положении и о том, что в ближайшее время необходимо принять стратегические решения, тем больше я убеждаюсь, что Вы, Черчилль и я должны встретиться в недалеком будущем» 96. Рузвельт назвал и предполагаемую дату – начало 1943 г. Мотивированное отклонение Сталиным (как было сказано, по причинам военного порядка) этого предложения напомнило Белому дому, что несогласованность в решении принципиальных вопросов между союзниками по антигитлеровской коалиции обходится им дорогой ценой. Ощущение, что дипломатическое маневрирование не спасает положения и что сохранение возникшей неопределенности способно вызвать серьезные осложнения, подтолкнуло Вашингтон к новому шагу с целью установления более прямых, неформальных контактов со Сталиным. Так появилась идея организации особой миссии по примеру той, с которой в июле 1941 г. посетил Москву Г. Гопкинс. Но Гопкинс отлучиться из Вашингтона весной 1943 г. не мог. Вот почему на этот раз лучшей кандидатуры, чем бывший посол в СССР Джозеф Дэвис, у президента не было. Для Дэвиса это был звездный час: то, что не удалось сделать в апреле 1939 г., предстояло выполнить в обстановке серьезного кризиса доверия весной 1943 г.

Строго говоря, Рузвельт, как показывают документальные источники, с самого начала советского контрнаступления под Сталинградом вел с Дэвисом беседы вокруг его будущей поездки в Москву, которая призвана была содействовать устранению накопившихся трудностей и прояснить многие вопросы. Но поскольку Гопкинс ближе всего соприкасался с этими вопросами, именно ему Рузвельт и поручает «отрепетировать» с Дэвисом самые трудные места его «партии» в Москве. Специальный помощник президента к тому времени имел вполне сложившееся мнение о главных слагаемых новой обстановки в свете того, что произошло на Восточном фронте. Суть его можно было бы выразить следующими словами: «произошел поворот в войне, поворот к победе». Сталинград становился подлинным знаменем на фоне вызывающе демонстративной бездеятельности союзников в Тунисе, где в начале 1943 г. англо-американские войска почти не проявляли признаков жизни.

В Вашингтоне вынуждены были считаться с изменением обстановки. Даже в реакции Черчилля появилось признание несоразмерности масштабов военных усилий союзников по сравнению с вкладом Советского Союза. Его послание, полученное Гопкинсом 13 февраля 1943 г., еще раз напоминало о необходимости намечаемых мер по укреплению доверия, которые в спешном порядке, но очень внимательно изучали в Белом доме. Сознательно избрав мишенью Д. Эйзенхауэра, отвечающего за планирование операций союзников в Северной Африке, Черчилль писал: «Я думаю, это ужасно, когда в апреле, мае и июне ни один американский и ни один английский солдат не убьет ни одного германского или итальянского солдата, в то время как русские преследуют по пятам отступающие 185 дивизий противника. Конечно, кто-то может сказать, что июль, возможно, более благоприятный месяц с чисто военной точки зрения, но время является решающим фактором. Мне кажется, что мы, вне всякого сомнения, вызовем тяжелые упреки со стороны русских, если, имея в виду совершенно незначительные размеры территории, на которой мы ведем боевые действия, допустим эти чудовищные затяжки...» 97 Против всего этого

возразить было решительно нечего. Действительно, вклад вооруженных сил западных союзников был несоизмерим с теми жертвами, которые выпали на долю советского народа, отдававшего все во имя победы. Однако Черчилль упрятал в строки послания Гопкинсу особый смысл. Нет, премьер-министр Англии не изменил своего в принципе негативного отношения к открытию второго фронта в Северной Франции. Его пафос был призван всего лишь убедить Рузвельта и Гопкинса в готовности англичан храбро сражаться на том направлении, которое он, Черчилль, считал главным, т. е. нанося удар по Германии через Сицилию или Балканы 98.

В этом вопросе Рузвельт, а еще в большей степени Гопкинс расходились с Черчиллем. Военно-политическая ситуация после Сталинграда изменилась так круто, что, по их убеждению, делало настоятельно необходимыми три вещи: пересмотр военной стратегии западных союзников и скорейшее возвращение к плану вторжения в Северную Францию, с тем чтобы «успеть раньше русских в Берлин»; более тесную координацию военных усилий США, Англии и СССР, предусматривающую в качестве обязательного условия учет точки зрения советского руководства на этот счет; наконец, совместное обсуждение с советским правительством принципиальных вопросов послевоенного мирного урегулирования. Победы советского оружия, тот решающий и уже общепризнанный вклад, который внес советский народ в разгром главных сил врага, менял всю расстановку сил в рамках антигитлеровской коалиции. К этому убеждению Гопкинса привели самое пристальное изучение всех важнейших, относящихся к делу составляющих, вся расстановка сил в антигитлеровской коалиции. Затягивание войны в Европе отдаляло и ее победоносный финал на Тихом океане, от чего так зависела популярность президента и демократов в целом.

12, 13 и 14 марта 1943 г., три дня подряд, в рабочем расписании Рузвельта и Гопкинса появляется имя Джозефа Дэвиса. В ходе совещаний в Белом доме самому пристальному рассмотрению были подвергнуты различные аспекты советско-американских отношений. Чуть раньше, 10 марта, американское правительство официально отмежевалось от неуклюжей выходки посла Стэндли, обидевшей Москву, что придало особый характер беседам в Белом доме: отзыв посла становился делом неизбежным, но, как говорил Дэвису Гопкинс, неприятный эпизод лишней раз наталкивал на признание необходимости укрепления у советского руководства уверенности, что в лице Соединенных Штатов оно имеет надежного союзника в войне 99. Стэндли мог сколько угодно оправдываться, заявляя о своем чувстве патриота, однако доводы Черчилля были сильнее – вклад западных союзников и России был несоизмерим.

Дневниковые записи Дэвиса дают представление о многих важных деталях, относящихся к принятию Рузвельтом решения о его поездке в Москву в мае – июне 1943 г., включая определение ее непосредственных, тактических задач и более значительных стратегических целей. Так, например, немалый интерес представляют заметки Дэвиса о беседе с Гопкинсом 12 марта 1943 г., в ходе которой тот, развивая идеи о будущем, подчеркнул особую роль и место СССР (наряду с США) в системе послевоенных международных отношений, в поддержании всеобщего мира 100. Запись 19 марта 1943 г. примечательна тем, что в ней вновь со ссылкой на Гопкинса содержится указание на то, как решительно повлиял Сталинград на выработку планов послевоенного урегулирования. Победа представлялась уже обеспеченной, и в Белом доме со смешанным чувством облегчения и озабоченности заговорили о скором крахе Гитлера 101. Но одновременно очевидным становилось и то, что любые разговоры в отношении общих основ послевоенного мира являются абсолютно бесперспективными, если в них не участвует Советский Союз. Встречи в мае – июне 1942 г. с Молотовым и Литвиновым носили сугубо предварительный характер. Настало время принимать решения. Во что бы то ни стало добиться встречи со Сталиным, убедив его в искреннем желании правительства Соединенных Штатов устранить помехи на пути к более тесному сотрудничеству во имя победы в войне и в послевоенном мире, – так формулировалась теперь главная задача.

Еще одно подтверждение твердого намерения Рузвельта добиться перелома в советско-

американских отношениях Дэвис получил из уст самого президента во время встречи в Овальном кабинете Белого дома, куда он был приглашен еще раз утром 14 марта 1943 г. Текст сделанной Дэвисом дневниковой записи беседы с Рузвельтом передает не оставлявшее президента чувства встревоженности в связи с той ситуацией, которая сложилась в отношениях между Москвой и Вашингтоном. Следующий важный вывод, который можно сделать из знакомства с этим небезынтересным документом, – Рузвельт не только не собирался идти на поводу у оппозиции, провоцирующей его на проведение жесткой линии в «русском вопросе» 102, но и планировал серьезно заняться совместно с советским руководством созданием необходимых условий для тесного взаимодействия двух стран в деле поддержания длительного и прочного мира после войны. Тема мира после войны, мира без войн, затронутая лишь в общих чертах еще в ходе переговоров с В.М. Молотовым в мае – июне 1942 г., всем ходом событий выдвигалась на передний план.

Дэвис записал:

«Журнал
14 марта 1943 г.

(...) Зашла речь также и о речи У. Буллита в Филадельфии. Президент сказал, что пытаться, как предлагал Буллит, обеспечить согласие путем «обольщения и принуждения», держа «морковку перед носом осла и одновременно подстегивая его сзади хлыстом», значит обречь себя на неудачу. Этот метод непригоден, если имеешь дело с сильным человеком или с сильным народом. Советский Союз отвергает такого рода обращение с ним. Мы поступим правильно, достигнув взаимопонимания с Советами по вопросам, жизненно важным для нас и для них, с целью разгрома врага и поддержания мира» 103.

Совершенно очевидно, что Рузвельт хотел продолжить тот разговор о послевоенном устройстве, который у него уже состоялся со Сталиным заочно во время визита Молотова в Вашингтон в мае – июне 1942 г. и который он имел с А. Свитцером с целью услышать мнение специалиста. Рузвельту уже было известно, что советский лидер фактически полностью поддержал высказанные им идеи об особой роли США, СССР, Англии и (вероятно) Китая в поддержании мира, о недопущении вооружения Германии и Японии, о ликвидации колониальной системы и т. д. Президент США хотел закрепить и развить этот важный диалог, не позволяя рассеяться той благоприятной ауре взаимопонимания, достигнутой с невероятно малыми затратами, но оказавшейся под ударом из-за неосторожных действий сторонников метода «обольщения и принуждения» 104.

Поездка Дэвиса должна была расставить новые акценты в практике общения между Вашингтоном и Москвой с переносом центра тяжести на «личную дипломатию», в преимуществах которой президент убеждался все больше и больше. В том, что Рузвельт рассматривал миссию Дэвиса в Москву как важный дипломатический зондаж по широкому спектру назревших вопросов межсоюзнических отношений, хотя формально («для всех») целью ее являлось простейшее дело – передача Сталину секретного послания президента США об устройстве между ними неофициальной встречи, еще раз нас убеждает запись беседы Дэвиса с Рузвельтом от 12 апреля 1943 г., сделанная им в двух дополняющих друг друга вариантах.

В первом из них Дэвис передает общее настроение Рузвельта. «Мы сталкиваемся, – гласила запись, – с серьезной ситуацией, сказал он (Рузвельт. – В.М.). В нее должна быть внесена ясность. Пока ни мне, ни Черчиллю не удалось встретиться со Сталиным. В прошлом октябре (1942 г.) между Черчиллем и Сталиным произошел серьезный конфликт 105, и можно не сомневаться, что он оставил шрамы. После всестороннего обдумывания он (Рузвельт. – В.М.) пришел к убеждению, что ему следует лично повидаться со Сталиным и обсудить с ним все вопросы». Во втором варианте Дэвис зафиксировал в самом сжатом виде то, что было сказано Рузвельтом в отношении существа его миссии. В частности, ставилась

задача прозондировать почву в связи с трехсторонней встречей в верхах. А главное: «Он (Рузвельт. – *В.М.*) выразил пожелание, чтобы я откровенно обсудил со Сталиным ситуацию в целом и по возможности полнее и точнее выяснил, какими видит Сталин необходимые условия для безопасности его страны и его отношение к проблемам послевоенного мира» 106.

14 апреля 1943 г. посол США в СССР Стэндли информировал народного комиссара иностранных дел СССР о том, что «президент намеревается через 2–3 недели командировать в Москву бывшего посла США в СССР Джозефа Дэвиса для вручения Сталину важного и секретного послания». Тем временем в Вашингтоне вырабатывались инструкции для Дэвиса, весьма детальные, охватывающие широкий круг военно-стратегических и политических проблем, как текущих, так и перспективных, долговременных. Подробно излагая их Дэвису 19 апреля 1943 г., Гопкинс совершенно откровенно признал справедливость критики советским руководством позиции западных союзников в отношении затягивания открытия второго фронта, срыва поставок военного снаряжения, попыток навязать Советскому Союзу свою линию в вопросах, относящихся только к его компетенции 107. Дэвис был снабжен и контраргументами на случай возникновения дискуссии, но, судя по всему, самому Дэвису они не казались убедительными. Одним из главных вопросов, которые Дэвис должен был поднять, был вопрос о роспуске Коминтерна.

5 мая 1943 г., напутствуя Дэвиса перед отъездом в Москву, Рузвельт познакомил его с содержанием своего письма Сталину 108 и сделал это не в общих чертах, а намеренно обнажая его суть во всех тонкостях и оттенках смыслового строя. Президент говорил на этот раз с необычной для него прямоотой, стремясь, очевидно, не допустить каких-либо «недоразумений», связанных с толкованием его позиции, возникающих часто с «легкой руки» большой прессы или по вине чиновников госдепартамента. Устный пересказ послания, сделанный самим Рузвельтом, снимал многие вопросы. Трижды президент фиксировал внимание на решающем значении успехов на Восточном фронте.

Через два дня после встречи с Рузвельтом Дэвис был уже в пути. Около двух недель посланец президента добирался до Москвы. 20 мая он был принят В.М. Молотовым, а затем И.В. Сталиным 109. 22 мая состоялась также встреча Дэвиса с К.Е. Ворошиловым 110. В ходе встречи с Председателем Совета Народных Комиссаров СССР Дэвис вручил ему письмо Рузвельта. Оно содержало предложение об организации двусторонней встречи летом 1943 г. на одном из берегов Берингова пролива 111. Главной целью встречи, как следовало из послания, должно было стать обсуждение проблемы «краха Германии» в результате наступления советских войск. Никакого конкретного упоминания о втором фронте в послании Рузвельта не было, хотя президент предлагал И.В. Сталину обсудить также «военное положение как на суше, так и на море» 112. Президент писал, что они оба скорее могли бы найти общий язык, если бы говорили без помех, т. е. не приглашая на встречу У. Черчилля, предельно ограничив число ее участников и отказавшись от официальных деклараций.

В своем ответном послании Рузвельту от 26 мая, врученном Дэвису днем позже 113, Сталин выразил свое согласие с мнением о необходимости встречи на высшем уровне и поблагодарил Рузвельта за то, что он прислал в Москву именно Дэвиса, «который знает Советский Союз и может объективно судить о вещах» 114. Беседы в Москве благодаря доверию, которое советское руководство питало к Дэвису, как и предполагалось, затронули обширный круг вопросов, хотя и сохраняли общий характер. Вопрос о времени и месте встречи согласован не был: сохранялись еще многие обстоятельства, которые мешали это сделать. Но в одном пункте позиция Советского Союза была высказана Дэвису совершенно четко: в интересах коалиции планируемое совещание глав двух государств (США и СССР) было предложено превратить в совещание представителей трех государств с участием СССР, США и Англии 115. Не скрывая своего осуждения тактики уверток со стороны Вашингтона и Лондона в отношении обязательств по второму фронту, Советское правительство продолжало, однако, твердо стоять за сохранение и углубление межсоюзнических

отношений на основе полного равенства сторон, не допускающего никакой дискриминации и ущемления интересов любой из них. Предложение Советского Союза о трехсторонней встрече (его впоследствии Рузвельт приписывал себе) открывало путь к первой встрече глав правительств ведущих стран антигитлеровской коалиции. Приехав в Советский Союз и побывав в Куйбышеве, Москве, в разрушенном Сталинграде, Дэвис еще больше убедился в решающем значении Восточного фронта для приближения победы над фашизмом и в обоснованности позиции советского правительства в вопросах стратегического планирования. 24 мая 1943 г. он писал из Москвы: «Говоря по существу, я бы не удивился, если бы уже в этом году народ этой страны изгнал гитлеровское войско. В этом можно было бы не сомневаться, если бы союзники открыли второй фронт в Западной Европе этим летом» 116.

Дэвис уезжал из СССР с чувством исполненного долга и с уверенностью, что «его миссия приведет к важным историческим событиям» 117. Он не знал еще, что на Вашингтонской конференции Рузвельта и Черчилля в мае 1943 г. (конференция «Трайдент»), по времени совпавшей с его пребыванием в Москве, сроки открытия второго фронта были вновь отложены и перенесены на этот раз на весну 1944 г. Возвратившись в Вашингтон 3 июня 1943 г., Дэвис должен был с огорчением признать, что это решение (принятое ко всему прочему в отсутствие представителей Советского Союза) делает невозможным проведение встречи Ф. Рузвельта и И.В. Сталина в намеченное время, автоматически отдаляя ее, а главное, создавая дополнительные препятствия в плане личных контактов двух руководителей. Эту точку зрения разделял и Гопкинс, которому, судя по всему, достигнутый компромисс с Черчиллем был не по душе. Специальный помощник президента на этот раз был несловоохотлив, а его прогноз в отношении ближайших перспектив советско-американского сотрудничества неутешителен 118.

Не только, а может быть, даже не столько соображения морального порядка (долг перед союзником) были побудительной причиной, заставившей Гопкинса, генерала Маршалла и других более решительно добиваться возвращения к плану высадки в Северной Франции. Их нажим на президента особенно усилился после исторических побед советских Вооруженных сил под Сталинградом и Курском. К осени 1943 г. и в высших военных кругах США, пожалуй, не осталось сомневающихся в том, что Советский Союз и его армия способны самостоятельно довершить разгром нацистской военной машины и освободить народы Европы. А что дальше? Изменившееся соотношение сил на главном театре военных действий и вытекающие отсюда политические перспективы вынудили большую часть политических и военных руководителей США скептически относиться к навязываемому им «средиземноморскому» варианту Черчилля 119. Но задача «достичь Берлина не позднее русских», выдвинутая Рузвельтом на Квебекской конференции с Черчиллем (14–24 августа 1943 г.), не исчерпывала всех соображений, которые президент и его специальный помощник связывали с пересмотром позиции в отношении ведения войны в Европе. Оба они понимали, что дальнейшие затяжки с открытием второго фронта ставят под вопрос не только будущие отношения с Советским Союзом, но и более широкие перспективы. После Сталинграда любые другие решения, предусматривающие неучастие в их подготовке Советского Союза, как этого хотелось Черчиллю, представлялись им по меньшей мере невыполнимыми. Всякие расчеты увидеть Советский Союз к концу войны истощенным и усмирленным одним видом англо-американского колосса они считали нереальными.

Гопкинс привез с собой на встречу Рузвельта с Черчиллем в Квебеке документ, который, по словам Шервуда, имел «большое значение» для определения линии американской дипломатии в последующем, на конференциях в Москве и Тегеране. Он был подготовлен по просьбе Гопкинса аппаратом генерала Бёрнса, непосредственно подчиненного президенту, и содержал оценку военно-политического положения Советского Союза на начало августа 1943 г. Шервуд, впервые обнародовавший документ, опустил, однако, самую важную, его вступительную часть, а между тем она несла особую нагрузку. Вот она: «Позиция России во Второй мировой войне резко отличается от той роли, которую

она играла в ходе Первой мировой войны. Россия была выведена из строя еще до окончания Первой мировой войны и поэтому никак не участвовала в окончательном разгроме Германии... Во Второй мировой войне ей принадлежит доминирующее место, она является решающим фактором грядущего поражения стран «оси» в Европе. В то время как в Сицилии войскам Англии и США противостоят две немецкие дивизии, на русском фронте в боевых действиях участвуют 200 немецких дивизий. Где бы союзники ни открыли второй фронт на континенте, он все равно сохранит свое безоговорочно второстепенное значение по отношению к советско-германскому фронту; в любом случае русские по-прежнему будут нести главное бремя войны. Без России немыслима победа в войне со странами «оси» в Европе; что же касается общего положения Объединенных Наций, то в этой ситуации оно окажется ненадежным» 120. Общий вывод: поскольку вклад Советского Союза в разгром держав «оси» в Европе будет, бесспорно, решающим, а роль его в мировых делах увеличится после войны многократно, наиболее разумным для Соединенных Штатов следует считать укрепление и развитие «дружественных отношений» с СССР; крайняя заинтересованность США в участии Советского Союза в войне с Японией придает этому соображению характер императива 121.

Важнейшим решением Квебекской конференции было решение приступить к практической подготовке открытия второго фронта в Европе «около» 1 мая 1944 г. (операция «Оверлорд»). Черчилль дал свое согласие под нажимом Рузвельта. Осенью 1943 г. президент уже не видел иного главного направления военных усилий США и Англии. Постоянное брюзжание Черчилля, который, по словам Идена, становился «все более угрожающе антирусским» 122, настойчивые «предостережения» в отношении «опасностей» укрепления военного сотрудничества с СССР уже не могли заставить Рузвельта изменить убеждение, что, как он говорил 4 октября 1943 г. на встрече с А.А. Громько, «поддержание и дальнейшее развитие дружественных отношений» между США и СССР является абсолютно необходимым и соответствующим интересам обеих стран 123. Идея Черчилля сохранить за Англией роль честного маклера в советско-американских отношениях была дезавуирована.

Уже после Квебека, расставшись с Черчиллем, Рузвельт смог еще раз удостовериться, что оценки меморандума Гопкинса – Бёрнса верны и должны быть положены в основу военно-стратегического планирования и всей дипломатической стратегии на обозримое будущее. Проведенное разведорганами США дополнительное исследование вклада Советского Союза в войну с гитлеровской Германией и перспектив его развития после победы не оставляло сомнений в объективности и сбалансированности выводов группы экспертов, подготовивших рабочие документы к конференции в Квебеке. В специальном докладе разведки подчеркивались достаточная мощь советской экономики для ведения крупных военных операций на заключительном этапе войны, высокий моральный дух армии и народа, превосходство в военной организации и вооружении советских войск над вермахтом. Доклад подтверждал вывод о способности Советского Союза самостоятельно довершить разгром Германии и покончить с «гегемонией стран «оси» в Европе». В разделе «Итоги» говорилось: «Советский Союз, сплоченный политически, сильный в морально-психологическом смысле, располагающий эффективной экономикой... ведет борьбу с Германией на равных или даже с превосходящих ее позиций» 124.

Американская делегация во главе с К. Хэллом, участвовавшая в конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве (19–30 октября 1943 г.), имела четкие инструкции Рузвельта следовать конструктивному подходу в обсуждении всех вопросов, стоявших на повестке дня. Неудивительно, что результаты Московской конференции, включая вопросы о втором фронте и укреплении межсоюзнических отношений, превзошли самые оптимистические ожидания. «Важной стороной всей Московской конференции, – говорилось в передовой статье газеты «Правда» от 2 ноября 1943 г., – является то, что она впервые дала возможность прийти к общим существенным решениям трем ведущим союзным державам» 125.

Московская конференция создала необходимые условия для встречи руководителей

трех союзных держав в Тегеране (28 ноября–1 декабря 1943 г.), но она носила подготовительный характер. Когда же английская и американская делегации во главе с Черчиллем и Рузвельтом прибыли в Тегеран, разногласия между ними по вопросу об открытии второго фронта (а военные вопросы были главными на повестке дня конференции «большой тройки») преодолены до конца не были 126. По-видимому, этим, а также желанием лишиться раз прозондировать позицию СССР и объясняется тот факт, что на первом пленарном заседании конференции в Тегеране 28 ноября Рузвельт занял выжидательную, даже двойственную позицию. Обратимость позиции президента в самый критический момент в истории антигитлеровской коалиции, казалось, могла сыграть злую шутку и обернуться тяжелыми последствиями. Услышав в выступлении Рузвельта рассуждения о возможности расширения операций в районе Адриатического и Эгейского морей взамен операции «Оверлорд», ошеломленный и встревоженный Гопкинс отправил командующему военно-морским флотом адмиралу Кингу, сидящему на удалении от него за столом, короткую записку: «Кто стоит за этим Адриатическим бизнесом, к которому постоянно возвращается президент?» Минуту спустя пришел ответ Кинга: «Насколько мне известно, это его собственная идея» 127.

Однако, как выяснилось, президент просто-напросто вызывал «на откровение» своих партнеров. В решающий момент Рузвельт не поддержал У. Черчилля, приложившего немало усилий, чтобы уйти от обсуждения конкретных вопросов, связанных с открытием второго фронта. Услышав от Сталина решительное: май 1944 г. должен быть «предельным сроком для осуществления этой операции», Рузвельт ответил в том же утвердительном духе. «Я придаю большое значение срокам, – говорил он на заседании 29 ноября. – ...Можно осуществить операцию «Оверлорд» в течение первой недели мая или несколько отложить ее» 128. Перед началом заседаний, 30 ноября, в ходе которых были окончательно согласованы и зафиксированы сроки операции «Оверлорд», Гопкинс посетил Черчилля в помещении английского посольства и проинформировал его о совпадении взглядов по данному вопросу между делегациями США и Советского Союза. А через пару часов за завтраком Рузвельт начал беседу с заявления о том, что он намерен сообщить Сталину приятную для него новость: Объединенный комитет начальников штабов США и Англии с участием президента и премьер-министра окончательно утвердил срок проведения операции «Оверлорд» – май 1944 г.

В Тегеране «Большая тройка» одержала двойную победу. Были приняты важные решения, и первый полнокровный саммит ни в коем случае не напоминал расставание. Трое абсолютно разных людей обнаружили, что они могут не только стерпеть общество друг друга, но и найти его желательным и даже необходимым для последующего сотрудничества ради выполнения своей глобальной миротворческой миссии основателей и «держателей основного пакета акций» Объединенных Наций. При этом Рузвельт охотно взял на себя роль посредника в преодолении исторического англо-советского антагонизма, который грозил взорвать коалицию и привести ее в состояние неуправляемой невменяемости, на что так рассчитывал Гитлер 129. Он без видимого напряжения установил рабочие отношения со Сталиным и сумел в дружественной манере предупредить последнего от опрометчивых шагов, связанных с включением Прибалтийских республик в состав Советского Союза, минуя демократические процедуры волеизъявления народов этих стран. Сталин выслушал президента, хотя совсем не был расположен следовать его совету. Советский диктатор принял аргументы президента, апеллировавшего к внутренней политической ситуации в США накануне очередной избирательной кампании 1944 г. Особым образом в силу присутствия Сталина Рузвельт выстроил свои отношения с Черчиллем в режиме дистанцирования, дабы не вызвать подозрений «хозяина России» (термин Черчилля) в тайных интригах «ангლოსаксов» за его спиной.

Это был продуманный ход. У Рузвельта были основания опасаться, что Сталину могло быть известно о секретных соглашениях между американцами и англичанами, принятыми на прошедшей незадолго до конференций в Москве и Тегеране встрече Рузвельта и Черчилля в

Квебеке в конце августа 1943 г. (Первая Квебекская конференция). Среди них одно имело исключительно важное значение особенно в свете констатации военными аналитиками той роли, которую будет играть Советский Союз в послевоенных Европе и мире. Речь идет о неиспользовании атомного оружия (работы над которым велись в США и Англии в условиях абсолютной секретности) друг против друга и о передаче без согласования друг с другом информации об использовании атомной энергии третьим странам. Выступая в Гарварде в начале сентября 1943 г. по случаю своего пребывания в США в присутствии научных светил, в присущей ему блестящей форме Черчилль обрисовал особые выгоды для безопасности обоих народов («и всего остального мира») сохранения тех договоренностей, которые были достигнуты. Едва ли подтекст речи мог остаться незамеченным Москвой, разведка которой была хорошо осведомлена об атомном проекте («Манхэттенский проект»). Суть ее заключалась в хвале сверхмогуществу англо-американского альянса «на все времена» 130. Коль скоро такие подозрения могли возникнуть у Сталина и сами по себе, тем более не стоило их искусственно пробуждать. Сделав важную уступку Черчиллю в Квебеке, Рузвельт продемонстрировал в Тегеране (по крайней мере внешне) сбалансированность своих симпатий. Президент имел со Сталиным ряд встреч с глазу на глаз и ни разу не пожалел об этом.

В принятой в Тегеране декларации главы правительств трех держав выражали решимость, что три страны «будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время». В первой телеграмме Рузвельта Хэллу в Вашингтон 3 декабря, которая предназначалась только для государственного секретаря, говорилось: «В Тегеране в целом все шло очень хорошо и даже лучше, чем я ожидал. Маршал Сталин и я работали вместе во имя достижения целей, которые, как оказалось, были очень схожими» 131. На следующий день Рузвельт из Каира отправил послание Председателю Совета Народных Комиссаров СССР. В нем было сказано: «Наша группа благополучно прибыла к месту назначения, и все мы искренне надеемся, что к этому времени Вы также прибыли благополучно. Я считаю, что конференция была весьма успешной, и я уверен, что она является историческим событием, подтверждающим не только нашу способность совместно вести войну, но также работать для дела грядущего мира в полнейшем согласии. Наши личные совместные беседы доставили мне большое наслаждение и особенно возможность встречаться с Вами наедине. Я надеюсь видеть Вас снова когда-нибудь, а до этого времени желаю самого большого успеха Вам и Вашим армиям» 132.

Глава XI Проблема выбора

Снова на развилке истории

После сокрушительного поражения гитлеровского вермахта под Сталинградом и Курском и последовавшего вслед за тем освобождения двух третей временно оккупированной территории СССР главные силы блока фашистских держав были подорваны, и в ходе войны был достигнут коренной перелом. Параллельно с ударами Красной Армии англо-американские войска изгнали нацистов из Северной Африки, Сицилии, Сардинии, Корсики. В сентябре 1943 г. началась высадка союзников в Южной Италии. Правительство самого сильного союзника Германии капитулировало, а затем объявило войну Германии (13 октября 1943 г.). «Ось» Берлин – Рим перестала существовать, англо-американские войска медленно продвигались на Север.

Постепенно менялась к лучшему ситуация на Тихоокеанском театре военных действий. Пёрл-Харбор явился тяжелейшим ударом по США как военной державе и по престижу страны, претендовавшей на безраздельное военно-морское превосходство в регионе. Америка оказалась вблизи психологической катастрофы, но вскоре выяснилось, что у нее

есть главный союзник – время. До весны 1942 г. японцы, одержав ряд впечатляющих побед, захватили Гонконг, Гуам, Таиланд, Британскую Малайю, Сингапур, Голландскую Индию и, почти не встречая сопротивления, вошли в Бирму. На море японцы фактически уничтожили весь британский дальневосточный флот. Его остатки укрылись в портах Восточной Африки. Тихоокеанский флот США лежал на дне бухты Пёрл-Харбор. В мае 1942 г. американские войска, защищавшие Филиппины капитулировали. Японские войска оказались на подступах к Индии и Австралии 1. В Токио планировали нанести «решающий удар» захватом американского острова Мидуэй в северной части Гавайских островов и выведением из строя остатков Тихоокеанского флота США. Вполне возможно, что это могло стать концом войны на Тихом океане.

Только летом 1942 г. в связи со счастливым исходом в сражении за атолл Мидуэй (4 июня 1942 г.), огромная заслуга в этом принадлежала разведке, американские вооруженные силы на Тихоокеанском театре военных действий добились перелома. Стратегический план Японии одержать победу в краткосрочной войне лопнул 2. Выигрыш во времени позволил США изменить соотношение сил на море, введя в строй 27 авианосцев – главную ударную силу – против 6 японских и завладев господством в воздухе. Еще никем не было осознано и оценено по-настоящему то, что после Мидуэя, несмотря на локальные успехи японцев на ряде направлений и довольно пассивные действия американцев и англичан, не только стратегическая, но и геополитическая инициатива на Тихом океане перешла к Соединенным Штатам. Они были решительно настроены впредь никому ее не уступать. Командующий американским флотом адмирал Эрнст Кинг отвергал идею оборонительной морской войны. Поклонник теории Мэхэна, он вслед за своим кумиром готов был произнести: «Нация, которая хочет господствовать на море, должна атаковать» 3.

Резкое изменение военно-стратегического положения к лучшему ставило перед странами антигитлеровской коалиции в чисто практическую плоскость вопрос о послевоенном урегулировании как в ближайшем будущем, так и в долгосрочной перспективе. Правительство США весьма оперативно отреагировало на эту новую ситуацию. «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде, – отмечал Р. Шервуд, – изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. Эта битва – по своей продолжительности и по ужасным потерям она сама может быть приравнена к большой войне – выдвигала Россию в положение великой державы, которого она давно заслуживала благодаря характеру ее народа и его численности. Рузвельт понял, что должен теперь заглянуть в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 г., и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира» 4. Поступая таким образом, президент и его ближайшие советники считали, что у них есть основания для оптимизма, несмотря на все опасности, которым подвергались планы (если воспользоваться словами самого Рузвельта) «тесного и прочного сотрудничества» США и СССР в интересах достижения «вместе с другими одинаково мыслящими странами» благородной цели – «справедливого и длительного мира» 5.

Переговоры по этим вопросам велись между союзниками по дипломатическим каналам с начала 1942 г. Взвешивая все плюсы и минусы присоединения к идее о назревшей перестройке международных отношений на основе сотрудничества стран с различными социальными системами, учета их законных интересов и достижения согласия по спорным вопросам мирным путем, Рузвельт счел необходимым предпринять зондаж позиций главных союзников по антигитлеровской коалиции 6. Если иметь в виду внутривнутриполитическую ситуацию, то следует признать, что возможные негативные последствия таких шагов по многим признакам могли перевесить все остальное: преднамеренно раздуваемая консервативным крылом конгресса антирадикальная кампания и без того ставила администрацию в затруднительное положение 7. Неудивительно, что некоторые советники президента были против открытого обсуждения вопроса о послевоенном сотрудничестве в рамках проектируемой системы коллективной безопасности при сохранении решающей роли великих держав союзников (включая СССР), считая его по крайней мере несвоевременным,

хотя проведенные весной 1943 г. в условиях секретности опросы общественного мнения подсказывали как будто иной вывод. Значительное большинство американцев (62 %) ответило положительно на вопрос о шансах на создание мира без войн после победы над врагом, а 63 % ответило «да» на вопрос о том, следует ли США войти в международную организацию безопасности после войны 8.

Желание сохранить и после войны добрососедские отношения с Советским Союзом, развивать традиции сотрудничества в рамках мирового сообщества со стороны большинства американцев было высказано довольно четко. Однако такой тонкий наблюдатель, как Феликс Франкфуртер, примерно в то же время признавал, что американская публика нуждается в серьезном и длительном воспитании, чтобы быть на уровне международных проблем, выдвигаемых быстро меняющейся обстановкой 9. Он отмечал в своем дневнике, что неблагоприятным фактором в этом смысле становилась ведущая по всему фронту кампания дискредитации администрации со стороны республиканской оппозиции, преследующей свои особые, узкопартийные цели в борьбе за преобладание в коридорах власти 10. Можно было бы добавить, что за всем этим стояли не только межпартийные раздоры, но и кое-что посерьезнее, а именно различные подходы к оценке целей и возможностей США в послевоенном мире. Все громче раздавались голоса в пользу мира только на американских условиях. И в конгрессе, и в прессе, и в правительстве консолидировались силы, выступающие под флагом неограниченной экспансии США и мечтающие о превращении водного пространства целых океанов в сообщающиеся «американские озера» 11. Не обо всем, как решили в конгрессе, можно было говорить вслух. Не случайно поэтому председатель сенатского комитета по иностранным делам конгресса США Том Коннелли информировал в мае 1943 г. Гопкинса, что слушания в сенатском подкомитете «различных ожидающих решения планов послевоенной политики США в мире» 12 будут проводиться в обстановке абсолютной секретности.

Рузвельт, обдумывая эти сложнейшие вопросы, стремился обходить их в публичных выступлениях. Впрочем, это было ясно еще весной 1941 г., когда издатель популярнейших журналов «Тайм» и «Лайф» Генри Люс выступил с редакционной статьей в февральском номере «Лайф», в которой изложил свою концепцию американского лидерства в послевоенном мире с опорой на превосходящую военную мощь. Через год этот трактат был включен Генри Люсом в его брошюру, ставшую самой читаемой в Америке. Ее народ, оказавшись участником коалиционной войны, хотел заглянуть в будущее и обрести ясную цель, ради которой стоило приносить жертвы и не скупиться на затраты. Люс дал четкий ориентир: XX век станет «Американским веком». И пояснил: «Он наш (американский) не только в том смысле, что нам случилось жить в это время, но и потому также, что это первый век Америки как доминирующей в мире силы» 13. Развернувшиеся вокруг «энциклики» Г. Люса дебаты неминуемо должны были втянуть и Белый дом. Первыми признаками того, что Рузвельт осторожно прощупывал самый надежный вариант собственного поведения в сложившейся деликатной для него обстановке (дипломатической и военной), были беседы с Молотовым и Свитцером в конце мая 1942 г.

Впервые Рузвельт публично выступил со своим проектом декларации о создании международной организации и об ответственности четырех держав (США, Англии, СССР и Китая) за сохранение мира после окончания войны в интервью, опубликованном в одной из нью-йоркских газет и на Квебекских встречах с Черчиллем в апреле и августе 1943 г. Все предварительно проведенные расчеты убедили президента, что это был своевременный шаг с точки зрения прежде всего внутренних условий. В числе доводов, говорящих в пользу него, был и успех вышедшей весной 1943 г. книги У. Уилки «Неразделенный мир», содержавшей план организации международного сотрудничества после войны с целью сохранения мира, и стремление прогрессистского крыла демократов не упустить инициативу в борьбе за расширение электората путем выдвижения конструктивной программы строительства будущего мира, и желание самого президента вступить в новую избирательную кампанию, будучи вооруженным внешнеполитическими идеями, близкими и понятными большинству

американцев.

Дискуссия по вопросам послевоенного мирного урегулирования и создания всеобъемлющей системы международной безопасности внутри узкого круга политических деятелей из непосредственного окружения Рузвельта разгоралась все шире, выявляя линии размежевания. В числе наиболее активных сторонников скорейшей выработки конструктивных решений по этим вопросам были Г. Гопкинс (считавший, что Рузвельт непростительно медлит), вице-президент Г. Уоллес и заместитель государственного секретаря С. Уэллес. Против обсуждения проблем послевоенного устройства выступал К. Хэлл, считавший, что оно только свяжет руки США. Долгое время Рузвельт сохранял нейтралитет и внешнюю незаинтересованность. Тем, кто знал его очень близко, это предвещало переход к какому-то новому состоянию. К какому? Об этом можно было только догадываться. Ф. Франкфуртер, непрменный участник всех этих обсуждений, не без досады сделал запись в своем дневнике: «По общему мнению, длительная болезнь сделала его (Рузвельта. – *В.М.*) более, чем обычно, скрытным и самонадеянным. Его общительность, когда он демонстрировал свою готовность иметь доверительные отношения почти с каждым, была только показной» 14.

Испортился характер? Но не все так просто. Было бы непростительным недооценивать или умалять существовавшее внутри Соединенных Штатов сопротивление курсу на международное сотрудничество, тем более с Советским Союзом. Его негативное влияние выявилось задолго до того, как наступающие советские войска, нанося удары нарастающей силы по гитлеровцам, вышли к границам Польши, Румынии, Венгрии и Чехословакии. Еще в марте 1943 г. с речью, пронизанной враждебностью к Советскому Союзу, выступил в Филадельфии, как его называли, «шампанский посол», У. Буллит. Реакция Белого дома последовала незамедлительно: президент в частной беседе с Джозефом Дэвисом назвал ее непозволительной по тону и неправильной по существу 15. Признание отрицательного характера последствий таких несанкционированных действий вылилось в последовавший в конце сентября 1943 г. полный и окончательный разрыв Рузвельта с Буллитом 16. Но через некоторое время, уступая давлению противников концепции послевоенного международного сотрудничества, Рузвельт в сентябре 1943 г. отправил в отставку заместителя государственного секретаря Самнера Уэллеса, старого друга и ветерана дипломатической службы. Последний, замечает Роберт Даллек, «был самым красноречивым среди членов правительства сторонником вильсонианской или универсалистской формулы обеспечения всеобщей безопасности в послевоенном мире» 17. Советский Союз потерял в его лице сторонника советско-американского сближения.

Резонанс от будоражащих часть американской публики алармистских выступлений на тему о «советской угрозе» был ощутимым благодаря комментариям недружественно настроенных по отношению к Советскому Союзу весьма многочисленных органов американской печати и радио, а также многих бывших изоляционистов в конгрессе во главе с республиканцем, председателем сенатской комиссии по иностранным делам Артуром Ванденбергом, перевоплотившихся в самых ярых сторонников закрепления за США мандата на роль кормчего для сбившегося с пути, раздираемого ненавистью мирового сообщества. Изоляционизм, говорил он, для любого реалиста умер 7 декабря 1941 г. 18.

После Пёрл-Харбора оба оппонента Рузвельта, республиканцы Г.К. Гувер и А. Лэндон, поддержали вступление в войну, а вскоре Гувер публично признал, что война изменила его отношение к тому, какой должна быть роль Америки в мире. В 1942 г. вышла книга Гувера «Проблемы прочного мира», в которой он решительно возражал против возвращения к изоляционизму после окончания войны и даже опроверг версию о том, что этот самый изоляционизм когда-либо существовал в чистом виде 19. Вчерашние непримиримые противники внешней политики Рузвельта солидаризировались с ней, заявляя о своей поддержке интернационализма президента, но без его «советского склонения» и с акцентом на американское военное превосходство.

Не желая уступать инициативу своим вновь обретенным сторонникам из лагеря

«непримиримых», Рузвельт предпринял ряд шагов с целью добиться от Кремля либерализации его позиции в отношении Церкви и культурного общения. Самый незначительный успех в этом деле давал ему надежду на благоприятный исход будущих контактов с Москвой по вопросам послевоенного устройства с точки зрения внутренних (для США) условий 20. Драма В. Вильсона, оказавшегося беспомощным перед критикой его внешней политики, тревожным синдромом отзывалась в сознании президента.

Миссия посла Джозефа Дэвиса в Москву в мае 1943 г., предпринятая по инициативе Рузвельта и во многих отношениях подготовившая первую встречу «большой тройки» в Тегеране, свидетельствовала, что президент в принципиальных вопросах союзнических отношений не был намерен капитулировать перед своим противником, толкавшим его на проведение жесткой линии в «русском вопросе», на отказ от совместного с Советским Союзом определения структуры послевоенного мира и механизма его сохранения на длительный период. Учет уроков прошлого придавал Рузвельту решимость и в тех случаях, когда его действия, он знал, не получают одобрения даже у кое-кого из его ближайшего окружения, а тем более в госдепартаменте. И вместе с тем решения конференции в Касабланке, Вашингтоне и Квебеке, принятые без консультации с советским руководством и вызвавшие трения в отношениях между союзниками, не могут рассматриваться изолированно от обработки американской публики, которую проводили противники советско-американского сотрудничества. При этом те, кто втайне мечтал о разрыве с Советским Союзом, а публично изо всех сил старался внушить мысль о «дистанцировании» от него в силу «имперских» (по определению) намерений Москвы, делали это изобретательно и неутомимо 21. В беседе с В.М. Молотовым издатель газеты «Нью-Йорк таймс» А. Сульцбергер 5 июля 1943 г. признал, что американское общественное мнение подвергается массивной обработке жаждущими реванша изоляционистами 22.

Мишенью их нападков были и тесные американо-английские связи 23, но главные стрелы были направлены против сотрудничества с тоталитарным режимом Сталина, чьи намерения и после роспуска Коминтерна связывали с планами мировой революции. Заигрывание с идеей о восстановлении подобия «санитарного кордона» вокруг Советского Союза, которому охотно предавались херстовские газеты, рассуждая о послевоенной реконструкции Европы, постоянное возвращение к теме Прибалтики, польскому вопросу (особенно после Катюни) смущали и беспокоили многих опытных американских дипломатов и политических деятелей, по-разному относящихся к Советскому Союзу, но сознающих опасность углубления трений между союзниками. На фоне принимаемых Вашингтоном и Лондоном без согласования с СССР решений о планах ведения войны и об отмене таких решений (в частности, о втором фронте) эта критика могла создать в Москве впечатление ненадежности США как союзника и тем самым нанести непоправимый урон будущим отношениям между двумя странами, не говоря уже об их совместных военных усилиях.

Политический зондаж традиционным методом глубокого «прослушивания» общественных настроений давал весьма разноликую картину. Отвечая на поставленный советником президента Сэмом Розенманом вопрос о том, к кому прислушивается большинство американцев – к сторонникам углубления советско-американского военного сотрудничества или к их критикам, Джозеф Дэвис в своем письме от 29 июля 1943 г. высказался с большой долей определенности, не выбирая выражений. Он писал: «Общественное мнение нашей страны... признает ту основополагающую истину, что сотрудничество с Россией (независимо от ее политического строя и религиозных убеждений) жизненно важно для нас как в Европе, так и на Тихом океане, идет ли речь о международной политике или просто о деловом партнерстве с целью поддержания будущего мира на земле, по крайней мере на какое-то время. Здравый смысл, присущий нашему народу, также подсказывает, что нельзя рассчитывать на сотрудничество с партнером, если позволяешь себе оскорбительные высказывания в его адрес...»

Суть дела в том, что пестрая банда, куда входят те, кто всегда был против Рузвельта, а также крайние реакционеры и (что довольно-таки странно) некоторые леваки,

столковавшись друг с другом после того, как опасность уменьшилась, вышли из своего укрытия, сплотились и обрели отвагу. И вся эта свора подняла дикий визг. Настали собачьи времена. Мы накануне острых политических боев.

Существует также настоящий сговор между органами печати, враждебно относящимися к президенту и составляющими почти 70 % так называемой «газетной цепи»... Есть много признаков того, что действия этой прессы очень хорошо координируются и осуществляются по плану. Я не знаю, заметили ли Вы, что как раз перед последним выступлением президента по радио, вчера вечером, по крайней мере по одному каналу радиовещания, была запущена в эфир программа, содержащая яростную атаку на дело международного сотрудничества и прославляющая американский флаг...» 24

Заместитель государственного секретаря Брекенридж Лонг по своим убеждениям принадлежал к иному, нежели Дэвис, направлению внешнеполитического мышления. Неудивительно, что и всю проблему он рассматривал под несколько иным углом зрения. Но и его покоробили проявления высокомерия и снобизма в поведении госдепартамента, позволявшие истолковать его мотивы как нежелание видеть в СССР равного партнера по коалиции и склонявшегося в своих суждениях о послевоенном мире все больше к идее установления «*Rex Americana*». Так, говоря о результатах конференции «Трайидент» (Вашингтон, май 1943 г.), Лонг оценивал их как непростительную уступку русофобии, роняющую достоинство американской дипломатии, а главное, чреватую опасными последствиями для самих США. Попытка «решать вопросы ведения войны без участия СССР и даже без уведомления его о принятых решениях», по мнению Лонга, представляла собой пример нерасчетливого подчинения стратегических целей тактическим соображениям, вызванным преходящими обстоятельствами. Он писал: «Я заявил совершенно откровенно и без церемоний (речь шла, как это явствует из дневника Б. Лонга, о беседе с К. Хэллом и С. Уэллесом 9 августа 1943 г. – *В.М.*), что Россия является самым важным элементом в рамках совместных военных усилий союзников в настоящее время. Если бы Россия вышла из войны, это привело бы к ужасным последствиям для нас в Европе и сделало бы бесконечно трудным достижение победы над Японией» 25.

Все, что накопилось в межсоюзнических (и главным образом в советско-американских) отношениях в промежутке между визитом Дэвиса в Москву в мае 1943 г. и Квебекской встречей Рузвельта и Черчилля (август 1943 г.) и их трактовкой в органах печати США, беспокоило Рузвельта. Репортеры, собравшиеся на первую после окончания Квебекской конференции встречу с президентом 21 августа 1943 г., сразу почувствовали это. Отвечая на вопрос о возможности трехсторонней встречи на высшем уровне, он в самой резкой форме обрушился на Дрю Пирсона, заявившего в одной из своих статей о том, что государственный секретарь США К. Хэлл «давно является противником Советского Союза». «Я не постесняюсь сказать, – говорил Рузвельт, – что все написанное им (Пирсоном. – *В.М.*) от начала до конца является ложью. Впрочем, здесь нет ничего нового, ибо этот человек – хронический лжец» 26. Никогда журналисты не видели президента задетым открытым выражением враждебности к союзнику и таким разгневанным. Кстати, многим присутствовавшим на пресс-конференции показалось, что свои слова Рузвельт адресовал не только Пирсону, но и им самим.

Бесспорно, несмотря на всякого рода затруднения и даже кризисные ситуации, в Белом доме не хотели, чтобы у советского руководства сложилось впечатление, будто он предается притворству, маска которого будет сброшена, как только необходимость в союзнических отношениях с Москвой отпадет. Об этом Г. Гопкинс говорил А.А. Громыко 19 июля 1943 г. 27. Весьма убедительным свидетельством реалистического подхода Белого дома к проблеме советско-американских отношений может служить проявленное Рузвельтом понимание в вопросах, непосредственно затрагивающих безопасность СССР, и, в частности, в вопросе о восточной границе Польши. Трезвый расчет превозмог и внутренние колебания, и сопротивление влиятельных сил, решительно несогласных с этим подходом. Американский историк Э. Марк пишет: «Хорошо известно, что Франклин Д. Рузвельт, проявив вначале

нерешительность, к 1943 г. стал склоняться к тому, чтобы принять (установление восточной границы Польши по «линии Керзона». – *В.М.*), а затем на Тегеранской конференции сказать Сталину, что польская восточная граница должна быть «передвинута на запад». Государственный департамент, однако (это является общепризнанным), оставался негибким в своем отношении к этому вопросу вплоть до конца 1944 г. Трудно сказать, что здесь сыграло свою роль – бюрократическая инерция, вильсоновский идеализм, антисоветские предрассудки или предположения, что обессиленный войной Советский Союз будет вынужден в конце войны отступить» 28.

Как быть, если в упоении победой над нацизмом Сталин предъявит Западу счет в духе коминтерновских планов советизации планеты, а критика коммунизма в США перерастет во всеобщую истерию, напоминающую период «красного страха» после русской революции 1917 г.? Этим вопросом все чаще задавался Рузвельт. Беспокоило это и ближе всего стоявшего к нему Гопкинса, который внушал своим сотрудникам, что во всех аспектах, связанных с отношениями СССР и США и обсуждаемых общественностью, правительственным чиновникам «не следует занимать оборонительную позицию. Мы должны проводить твердую и сильную линию... не дать перечеркнуть все сделанное» 29. За всем этим стоял долгосрочный «бизнес-план» добиться христианского возрождения России и освобождения ее от коммунизма.

До весны 1943 г. у Рузвельта фактически не было возможности серьезно «проговорить» со своими ближайшими советниками принципы мироустройства после победы. Все внимание было поглощено военными действиями в Европе, Северной Африке и на Тихом океане. Только после Сталинграда, прорыва блокады Ленинграда, признаков успеха (очень скромного) союзников в Северной Африке и отражения наступления японцев на Тихом океане Рузвельт стал все чаще возвращаться к тем «черновым наброскам», которые он первоначально изложил в беседах с журналистом А. Свитцером и В. Молотовым 29 мая 1942 г. Но тогда речь шла главным образом о формуле «четырёх полицейских», разоружении и принуждении к миру потенциальных агрессоров. Весной 1943 г. уже в конфиденциальной беседе с членом созданного им Совещательного комитета по послевоенной внешней политике Лео Посвольским Рузвельт говорил о выработке экономических основ мира в условиях консолидированных действий Объединенных Наций, направленных на комплексное решение насущных вопросов снабжения людей продовольствием, восстановления сельского хозяйства, финансовой системы, положения в сфере труда и т. д. Десяток послевоенных экономических конференций, по мысли Рузвельта, должны были послужить школой сотрудничества и «хороших манер».

Далее Рузвельт «оглушил» Посвольского рядом революционных идей, касающихся ключевых вопросов глобального характера. Решающее слово о послевоенном устройстве мира должно принадлежать не мирной конференции (по типу Версаля) и не будущему подобию Лиги Наций, а встречам в верхах лидеров четырех великих держав (США, СССР, Англия и Китай) без Франции и без «постоянного центра наподобие Женевы». Эти саммиты будут функционировать не как объединение, связанное союзническими узами, а как созываемые по мере необходимости в различных местах земного шара встречи с обменом мнений по поводу положений, высказанных в «параллельных политических декларациях» сторон.

Совершенно очевидно, что такая форма организации системы международной безопасности по-особому заставляла рассмотреть вопрос об интеграции в нее Советского Союза. Он становился главным партнером, хотя в этом своем новом качестве партнером и не совсем удобным. И эта мысль занимала Рузвельта сильнее всего. Он отлично понимал, что простого ответа не существует, но меняющееся соотношение сил на Восточном фронте требовало быть готовым к решениям неординарным и организации какой-то принципиально новой европейской архитектоники. Без Франции (предполагалось, что она будет управляться сверху донизу военными властями до организации нового правительства) и без Германии. Посвольский записал высказывание президента в этой части беседы с особым тщанием:

«Советская Россия создает трудности, но мы должны показать себя с лучшей стороны. Некоторые думают, что мы должны доверять ей и принимать все, что исходит от нее на веру. Другие думают, что нам не следует доверять ей. Есть также мнение, что вся остальная Европа должна как-то интегрироваться с тем, чтобы создать противовес России. Так или иначе совершенно ясно, что Европе за пределами России нужна какая-то формула неполитического федерализма. Возможно, следует создать межнациональные корпорации на железнодорожном транспорте и водных артериях, в связи, электроснабжении и т. д.»

Накануне Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании Рузвельт 5 октября 1943 г. вновь встретился с некоторыми членами Совецательного комитета во главе с К. Хэллом, Э. Стеттиниусом и Л. Посвольским и вновь коснулся своего понимания некоторых аспектов «русской политики». Он говорил о будущей встрече со Сталиным и дал ясно понять, что, обсуждая с последним вопрос о границах СССР, он будет апеллировать к последнему исключительно с моральных позиций. С тем чтобы всем всё было ясно, он сказал, что ни США, ни Англия из-за Прибалтики «воевать с Россией не будут» и что в интересах самой России, «исходя из ее новой роли в мире», провести там через пару лет плебисцит. Обсуждались и другие вопросы, которые были позднее «озвучены» К. Хэллом и А. Иденом на Московской конференции (19–30 октября 1943 г.). Всех окружавших осенью и зимой 1942 г. его советников и друзей, пишет Джеймс Бёрнс, биограф Рузвельта, поражала проявленная им в эти напряженные, полные тревог месяцы ожидания, планирования и маневрирования юношеская бодрость.

Небезынтересно также отметить в связи с этим, что сменивший Стэндли на посту посла США в Советском Союзе А. Гарриман в ходе беседы с В.М. Молотовым 21 октября 1943 г. по случаю предстоящего вручения им своих верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР счел необходимым проинформировать народного комиссара иностранных дел СССР о настроениях американской общественности в отношении союзнических обязательств, взятых на себя правительством США. Сказав, что его «твердая решимость вести совместно эту войну до конца как в Европе, так и на Тихом океане» одобряется подавляющим большинством американского народа, он вместе с тем отметил, что в стране имеются «небольшие группы», которые издают свои газеты и «утверждают, что Соединенные Штаты совершили ошибку, вступив в войну» 30. Гарриман пояснил: «Эти люди все еще продолжают стоять на позиции изоляционизма. Они всячески стараются создать недоразумения во взаимоотношениях между англичанами и американцами, а сейчас – посеять недовольство и между советским и американским народами» 31.

В своих воспоминаниях Гарриман отмечает, что летние и осенние месяцы 1943 г. были «низшей точкой» в истории советско-американских отношений в годы войны 32. Однако Рузвельта и его ближайших советников отличало понимание необходимости добиваться перелома в этом процессе, желание не допустить дальнейшего снижения уровня в отношениях между двумя странами.

Обнадеживающий успех Московской и в особенности Тегеранской конференций не снял всех проблем по достижению консолидации внутренних сил в стране на общей внешнеполитической платформе сотрудничества главных держав антигитлеровской коалиции в интересах общей победы над нацистской Германией и милитаристской Японией и обеспечения прочного мира для грядущих поколений. Однако, как с удовлетворением отмечали сторонники такого понимания внешнеполитических приоритетов США, различные прорицатели «самораспада» антигитлеровской коалиции оказались посрамлены и отчасти даже оттеснены. Пресс-секретарь Белого дома Стив Эрли писал Гопкинсу после окончания Тегеранской конференции: «Известие о решениях Тегеранской конференции с энтузиазмом было воспринято всеми, за исключением изоляционистской прессы, а также изоляционистов в сенате и в палате представителей. Самое широкое освещение конференция получила в печати, при этом броские заголовки и энергичные выступления в редакционных колонках характеризуют ее как «конференцию победы». Фотографии глав трех правительств, четкие по изображению и хорошо выполненные, помещены на самых видных местах.

Радиокомментаторы оценивают конференцию как выдающееся событие последних двух лет. Уолтер Липпман подчеркивает, что ведущим принципом, выдвинутым Московской и Тегеранской конференциями, является признание великими державами того факта, что только совместными действиями можно обеспечить мир на земле» 33.

И все же в целом, несмотря на просветы, по мнению Рузвельта, в стране складывалась сложная, противоречивая обстановка. Сам президент затруднялся дать четкий ответ на вопросы о прогнозах на будущее, наблюдая появление знакомого по 1918 г. синдрома неучастия и невовлеченности. Моральный климат в стране и ситуация в конгрессе после победы республиканцев на промежуточных выборах осенью 1942 г. создавали много проблем. Парадоксально, но одна из них была связана с появившимся у всех ощущением близости победы. Р. Даллек пишет: «Президент считал, что страна слишком оптимистично настроена в отношении скорого окончания войны и слишком охотно готова вновь возобновить партийно-политическую борьбу, которая может ослабить военные усилия и поставить под угрозу процесс мирного урегулирования» 34. Проведенные по просьбе Белого дома секретные опросы общественного мнения действительно давали настораживающие результаты: заинтересованность в отношении внутренних проблем оттеснила на второй план внимание к военным усилиям.

Как и следовало ожидать, притупление общественного интереса к вопросам ведения войны за счет переключения на домашние дела было использовано антиправительственной оппозицией. Воспользовавшись неосведомленностью публики и культивируя идеологию америкоцентризма в противовес политическому реализму, представители оппозиции в первые месяцы 1944 г. сосредоточили свои нападки на существовавшие еще в самых общих чертах планы послевоенного мирного урегулирования и сотрудничества. Тема о расхождениях (мнимых и подлинных) между союзниками в отношении целей войны стала любимым коньком критиков Рузвельта, что не могло не беспокоить президента, поскольку уменьшало шансы на создание прочной структуры длительного мира после победы 35.

Игру на ограничение помощи России строго в рамках ее потребности оказывать сопротивление Гитлеру и на страхах в отношении превращения ее в мощную силу после войны решительно осудил новый посол в Москве А. Гарриман 36. Накануне нового, 1944 года Честер Боулс, глава Администрации по контролю над ценами и стойкий приверженец прогрессивных традиций «нового курса», с огорчением писал в частном письме о метаморфозе ньюдилеров, превращении их в дюжинных либералов умеренной разновидности и о появившихся у республиканцев реальных возможностях «вернуть эру Уильяма Маккинли» 37. В другом письме (от 23 декабря 1943 г.) Сэмюэлю Розенману Честер Боулс еще более определенно высказался в том духе, что наметившийся дрейф вправо способен привести к развитию «агрессивного национализма», который может оказаться «еще более опасным для всеобщего мира, чем наш прошлый изоляционизм» 38. Гарольд Икес в то же примерно время отмечал, что события в 1944 г. в силу естественного для года президентских выборов обострения внутренних противоречий и конфликтов легко могут выйти из-под контроля Белого дома и принять нежелательный оборот 39. В публичных выступлениях Икеса настойчиво звучал призыв остерегаться ежедневных инъекций русофобии, впрыскиваемых общественному мнению консервативными органами печати 40.

Осложнение внутренней обстановки действительно не заставило себя ждать. Канун 1944 г. на итальянском фронте был ознаменован неудачей англо-американских войск южнее Рима, в районе Кассино. Возникшая в связи с этим вероятность затягивания начала операции «Оверлорд», намеченной на май 1944 г., только усиливала контраст между событиями на фронте в Италии и на советско-германском фронте, где в результате широкомасштабного зимне-весеннего наступления 1943–1944 гг. советские войска освободили почти всю Украину, Крым, Молдавию, Ленинградскую и Калининскую области, значительную часть Белоруссии. Проблема ускорения окончания войны, волновавшая американцев и остро дебатировавшаяся в печати, предстала для администрации в весьма невыгодном свете. Способно ли правительство обеспечить эффективное руководство на

заключительной стадии ведения коалиционной войны? Этот вопрос обретал особый смысл в преддверии приближающихся президентских выборов осенью 1944 г. Каждый день «топтанья» под Кассино стоил демократам и лично Рузвельту поддержки все новых контингентов колеблющихся сторонников. «Психологический эффект Кассино, – писал бывший посол США в республиканской Испании историк Клод Бауэрс 30 марта 1944 г., – очень неблагоприятен. Между нами, во всем этом есть что-то унижительное. В то время как русские освобождают всю Украину и выходят на границу с Румынией, мы все еще воюем под Кассино. Конечно, всегда найдутся какие-то объяснения военного характера, но простые люди не являются осведомленными в этих вещах и не склонны вдаваться в тонкости военной стратегии» 41.

Оппозиция, чутко улавливающая изменения в настроениях общественности и рассчитывавшая сыграть на струнах этого недовольства свою собственную мелодию, демонстрируя недоверие «немогущему руководству», развернула баталии за захват главных политических плацдармов. Согласно замыслу ее стратегов, эти тактические бои должны были предвещать общее наступление на позиции сторонников Рузвельта в случае, если президент решится на выдвижение своей кандидатуры на пост главы государства в четвертый раз. Р. Шервуд, ссылаясь на свою беседу с Д. Эйзенхауэром о негативных последствиях разыгрываемого «постыдного спектакля» на боеспособность армии, именовал действия антирузвельтовских сил как «политическое надувательство» 42, исключительно опасное по своему характеру, даже граничащее с преступлением. Поскольку Шервуд писал из Англии, находясь вблизи будущего поля боя, на котором вскоре должна была разворачиваться операция «Оверлорд», постольку его восприятие разгоравшегося политического конфликта на родине было тесно увязано прежде всего с перспективой завершения подготовки к высадке в Нормандии и успешного продвижения в глубь континента. Б. Лонг из своего кабинета в госдепартаменте видел проблему в более широком внешнеполитическом аспекте. Уже сам факт, что 1944 год, писал он, является годом выборов, серьезно осложняет ведение внешнеполитических дел 43. К тому же, добавлял Б. Лонг, оппозиция впервые за долгое время получила достаточно серьезные шансы на успех, что придает ей силы. Итог: правительство стало мишенью для яростной бомбардировки «с самых разных направлений и со стороны различных сил» 44. Приближение Дня Победы могло, таким образом, означать приближение поражения победителей на президентских выборах 1944 г.

«Век простого человека»

Что же стояло за всеми этими противоречивыми явлениями внутривнутриполитической ситуации в стране? Общеизвестно, что самые глубокие корни как внутренней, так и внешней политики любого государства определяются в конечном счете экономическими интересами, экономическим положением (можно сказать – изменением экономического положения) основных масс населения. Хотя, разумеется, не может быть прямой взаимосвязи между экономикой и политикой, тем не менее экономическая статистика – беспристрастный показатель обретения Америкой в ходе войны статуса первой мировой державы – дает ключ к пониманию происходившей стремительно смены вех в общественно-политическом климате страны и менталитете ее народа.

В самом деле, скачок из состояния упадка и хаоса к динамичному, быстрому росту, к настоящему экономическому буму напоминал выход дневного светила из тени луны при затмении. Самые смелые предположения прорицателей нового «процветания» Америки из числа сторонников неограниченной экспансии американского капитала на внешних рынках, мечтавших о восстановлении деловой активности в США на путях перевода экономики на военные рельсы 45, были превзойдены. «Война омолодила американский капитализм» 46, – пишет в своей книге Лоуренс Уиттнер. Если иметь в виду темпы и масштабы экономического роста в годы войны, последовавшего за десятилетием глубочайшего

кризиса, то с этим нельзя не согласиться. В 1940 г. валовой национальный продукт США исчислялся суммой в 90 млрд долл., к 1944 г. он достиг цифры в 200 млрд. В промышленности все отрасли работали с полной нагрузкой, фактически исчезла безработица, а между тем в 1940 г. армия безработных насчитывала 12 млн человек 47.

Резко улучшилось положение в сельском хозяйстве, где впервые за многие годы возникла нехватка рабочих рук. За период с 1939 по 1945 г. цены на сельскохозяйственные продукты выросли на 131 %, что повлекло за собой рост фермерских доходов с 5,3 млрд долл. в 1939 г. до 13,6 млрд в 1944 г. Резко снизилась фермерская задолженность – бич сельской Америки 48. В материальном смысле большинство других социальных слоев также оказались в выигрыше от экономического подъема 49. Некоторые ограничения в снабжении отдельными товарами или нормирование других компенсировались появившимся (впервые за многие предшествующие годы) у миллионов людей чувством уверенности в работе, а стало быть, и в завтрашнем дне. Война громыхала где-то далеко на полях России и на Тихом океане, здесь же, в Америке, жизнь быстро налаживалась после тяжелых испытаний Великой депрессии.

Историк Алан Невинс писал, что эта уверенность постепенно выростала в новое экономическое мышление, опирающееся на стремительный рост экономики и представление о возможности сохранить его и в будущем 50. Кого-то мог еще смущать вопрос о средствах достижения этой цели или повторении срыва вниз наподобие того, что случился после 1919 г., но только не ту часть американских деловых кругов, которая была тесно связана с военным производством. Ее ответ очень четко и предельно лаконично был сформулирован окрыленным перспективой нескончаемого процветания президентом корпорации «Дженерал электрик» Чарльзом Вильсоном, предложившим крепить союз бизнеса и военных кругов с целью поддержания на ходу «постоянной военной экономики» 51. Это полностью совпадало с желанием Пентагона не сворачивать, а расширять военное присутствие США в мире. Так, уже в 1943 г. заместитель военно-морского министра США Джеймс Форрестол призывал к усилению военной мощи с целью установления полного контроля над миром. «У нас теперь в руках сосредоточена огромная сила, – говорил он, – и мы должны непременно сохранить ее» 52.

Создание военно-промышленного комплекса в США, чье последовательно усиливающееся влияние на правительственную деятельность в военные годы по мере увеличения его удельного веса в экономическом потенциале страны становилось все заметнее, восходит к предвоенным десятилетиям 53. Но подлинного расцвета он достиг в годы войны. Расширение отраслей, производящих вооружения, с 1939 г. происходило невероятно быстрыми темпами. Так, например, если в 1939 г. в авиапромышленности было занято всего 63 тыс. рабочих, то в годы войны число занятых увеличилось до рекордной цифры – 1 млн 345 тыс. Важно отметить, что фактически весь прирост продукции в отраслях, работающих на войну, был достигнут за счет государственных вложений. В 1939 г. примерно только одна треть всей продукции авиационной промышленности была выполнена по военным заказам, в 1946 г. – половина 54. Сращивание правительственных ведомств и промышленных корпораций, производящих самолеты, авиамоторы и оборудование (таких, как «Боинг», «Локхид», «Норт Америкэн», «Дуглас», «Дженерал электрик», «Пратт энд Уитни»), становилось все более заметным. Львиная доля затрат на исследовательские работы в отрасли финансировалась за счет казны. Еще более фантастическим был прогресс в радиотехнической и электронной промышленности. Из отрасли, производящей исключительно потребительские товары (главным образом радиоприемники), она почти на 100 % превратилась в производителя военного снаряжения. В годы войны объем реализации промышленных фирм этой отрасли возрос на 2000 %, а занятость на их предприятиях увеличилась в пятикратном размере 55. Сама мысль о реконверсии в этой процветающей сфере экономики повергла в ужас топ-менеджеров и рабочих.

Ничто так не увязывало государственные институты, крупнейшие корпорации, занятые военным производством, военные круги и интеллектуальный потенциал страны в единый

комплекс, как создание работающих на войну крупных исследовательских центров («Манхэттенский проект», «Радиационная лаборатория» и др.). В 1944 г. правительство израсходовало 700 млн долл. на исследовательские работы в военной области (в 10 раз больше, чем в 1938 г.), причем большая часть этой суммы была передана в руки неправительственных учреждений – частных фирм и университетов.

Университеты преобразовывались на глазах, заключая договоры с военной промышленностью на проведение специальных разработок и привыкая к щедрости в финансовом отношении вооруженных сил. Военная ориентация, вкус к расходованию крупных средств на опытно-конструкторские работы, возможность быстрого выдвижения и достижения вершин материального благополучия делали большие группы ученых (особенно молодую поросль) расположенными к самому тесному сотрудничеству с военными. «Ученые, – резюмирует американский исследователь Ноубл, – так же, как и представители вооруженных сил, хотели, чтобы их совместная работа продолжалась и после войны. И в самом деле, как пишет один историк, изучавший явление послевоенной готовности (речь идет о милитаризации политического мышления в США после 1945 г. – *В.М.*), ученые «сами возглавили движение за институционализацию рожденного в годы войны партнерства с военными». Полностью пропитавшиеся идеологией готовности, ученые оказались втянутыми в военные исследования не в результате беспечности или обмана. Восхваляя их, агитируя за их продолжение, они очень редко задавались вопросом об их целесообразности» 56.

Неудивительно, что планы послевоенного урегулирования, предполагавшие по логике вещей свертывание военного производства и разоружение, находили в этой среде далеко не одинаковый отклик. Призывы «быть начеку», «держатъ порох сухим», не ослаблять военную мощь США после войны, остерегаться «красных» и исподволь готовиться к новой войне против них падали на подготовленную почву, особенно там, где, как писал еще в 1944 г. историк Бернард Девото, души людей совращал предательский страх «перед наступлением мира» 57.

Заметнее всего эта обеспокоенность обескровливанием военных отраслей проявилась в экономической науке, выступлениях (устных и печатных) видных ее представителей в дискуссиях по поводу предстоящей перестройки экономики на мирные рельсы. Впервые предупреждения о прямой зависимости стабильного развития национальной экономики от поддержания военного производства в мирное время на высоком уровне прозвучали на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации в январе 1943 г. (г. Вашингтон). Там был затронут и вопрос об угрозе резкого сокращения зарплаты многих американцев в связи с переходом с уровня расценок, существующих на военных предприятиях, на уровень расценок в невоенном секторе, а отсюда – падение покупательной способности и образование массовой безработицы 58. В среде экономистов, тесно связанных с корпорациями, возникло мощное антипацифистское, проэкспансионистское лобби. Брошюра Генри Люса воспринималась им как манифест о спасении Америки.

Еще определеннее эти же мотивы звучали на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации в январе 1944 г. В представленных докладах фигурировали цифры (впервые обнародованные летом 1943 г.) ожидаемой в первые же годы после войны безработицы (12–16 млн). Назывались потери в заработках, которые неизбежно должны были последовать за сокращением военного производства и закрытием военных заводов. Наконец, прямо указывалось на пугающую возможность повторения сразу же за послевоенным бумом нового 1929 г. Подводя итоги, участники дискуссии пришли к выводу, что все это сулит Соединенным Штатам ослабление их международных позиций и обострение внутренних социальных конфликтов 59. Настроения в пользу сохранения ориентации всей послевоенной экономической политики на военно-стратегические цели с учетом глобальных притязаний США были совершенно недвусмысленно выражены в формуле «военная готовность плюс экономическая готовность», предложенной в докладе «Экономическая мощь как инструмент национальной политики». Все эти рассуждения были

целиком созвучны призывам правых покончить с «иллюзией» о достижимости прочного мира после войны на основе коллективной безопасности и сотрудничества в области разоружения и держать курс на создание преобладающей военной мощи, способной воплотить в жизнь мечту об «Американском веке».

Идея о превращении военного производства в приоритетное направление американской экономики мирного времени пришлась по душе многим. Вот что писал по этому поводу в 1947 г. лидер Социалистической партии Норман Томас: «В Соединенных Штатах в масштабах, в которых большинство американцев стыдится признаваться, войну если даже не приветствовали как избавление от хронической депрессии и безработицы, то воспринимали как норму. Американцы не знали тех разрушений, которые Вторая мировая война принесла Европе... Я много путешествовал по Америке, и ничто не оказало на меня такого сильного впечатления (особенно в ходе избирательной кампании 1944 г.), как фактическое отношение населения к войне. Несмотря на растущий список потерь на фронтах, много мужчин и женщин довольно легко соглашались смириться с затягиванием успешно идущей войны до тех пор, пока она сохраняет им работу, наполняет чувством исполненного долга и в целом дает больше еды, чем они имели до войны» 60.

В теснейшей взаимосвязи с новыми тенденциями в духовной атмосфере страны находились и политические процессы. Значительные сдвиги в социально-классовой структуре общества, происходившие на фоне экономического роста, не могли не вызвать эрозию той массовой базы, на которую опиралась администрация Рузвельта. Миграция населения с Юга на Север и увеличение доли черных американцев в трудоспособном населении в крупных городах вызвали вспышку расизма, которая привела во многих местах к серьезным расовым беспорядкам в промышленных центрах, традиционно служивших оплотом демократов. Но, пожалуй, важнее всего было то, что испытанная тактика ньюдилеров, построенная вокруг лозунгов, обещающих скорое улучшение экономических условий жизни низов созданием сбалансированной экономики с использованием правительственного дирижизма и т. д., начинала пробуксовывать, уже не давая прежнего эффекта. Демократы оказались неготовыми предложить привлекательную программу колеблющейся части своего традиционного электората, обеспечившей себе средний уровень материального благополучия, заинтересованной в большей мере теперь уже в решении своих локальных проблем и отдававшей предпочтение уже иным ценностям, нежели те, которые предлагали ньюдилеры.

Особо следует сказать о позиции рабочего движения. Факты свидетельствуют о широкой поддержке целей антифашистской войны со стороны рабочего класса 61. Проявление этих настроений было самой приметной чертой вновь возникшей ситуации, но не единственной. В самом рабочем движении под влиянием различных причин (в том числе и антипрофсоюзной пропаганды правых) усиливались разногласия 62. Всего заметнее они проявились в неодинаковом подходе руководства АФТ и руководства КПП к проблемам внешней политики, межсоюзнических отношений, да и к самой администрации Рузвельта. Начать хотя бы с того, что АФТ в 1940 и 1944 гг. – годы президентских выборов – оставалась по большей части политически нейтральной и не делала мерилом своего отношения к кандидатам той или иной партии их внешнеполитический курс 63. Позиция же АФТ в вопросах, связанных с укреплением единства рабочих организаций и солидарности трудящихся стран антигитлеровской коалиции, в целом была негативной 64.

Напротив, профсоюзы КПП, ведомые Комитетом политических действий (КПД), проделали огромную работу по оказанию политической поддержки Рузвельту. Но успех КПП в этом плане и то живое участие, которое его руководство проявило в деле укрепления единства рабочих организаций стран Объединенных Наций 65, вызвали враждебную реакцию со стороны лидеров АФТ и в особенности всех антирузвельтовских элементов внутри Республиканской и Демократической партий. Вновь широкое хождение получила версия об инфильтрации политического радикализма, «красной опасности» в лагере рузвельтовских либералов и даже о захвате левыми силами руководящих позиций

в Демократической партии 66. Кроме того, взаимная неприязнь между лидерами АФТ и руководителями КПП за годы войны еще более возросла.

Но и в самом Конгрессе производственных профсоюзов, этой важной опоре «нового курса», не было единства взглядов в отношении приоритетов национальной политики. Весьма влиятельные в руководстве ряда крупных производственных профсоюзов социалисты во главе с Норманом Томасом прохладно относились к перспективе тесного сотрудничества СССР и США в интересах послевоенного мирного урегулирования. Антисталинская позиция социалистов делала их активными противниками такого сближения. Не секрет также, что, прячась за тезисом о скорейшем окончании войны, эта группа настаивала на заключении сепаратного мира с гитлеровской Германией и ее союзниками на условиях, прямо противоположных тем, которые были провозглашены Рузвельтом в Касабланке 67. Формула «реалистического мира», выдвинутая Н. Томасом в противовес концепции «безоговорочной капитуляции», не была безобидной игрой в термины. Она была рассчитана на подогрев страха перед советской военной мощью и ослаблением позиций Запада после войны в результате разгрома Германии и ее союзников 68. В этом вопросе, как показывают документы, у Томаса было очень много влиятельных сторонников среди видных республиканцев, в кругах, контролировавших средства массовой информации, и в военных ведомствах. И. Лубин, хорошо осведомленный наблюдатель, отмечал осенью 1944 г., что подобного рода внушения не проходили бесследно, вызывая рост апатии и колебания определенной части рабочих (особенно рабочих-католиков), изначально склонных доверчиво внимать критикам внешней политики Рузвельта 69.

После того как летом 1944 г. правительственные ведомства стали сокращать объем военных заказов, а корпорации, в свою очередь, немедленно приступили к увольнениям, руководители крупнейших профсоюзов КПП с новой силой дали почувствовать, что и они обеспокоены возвращением призрака Великой депрессии 70. У. Рейтер, вице-президент КПП, в начале войны много говоривший о необходимости четкого определения целей войны с державами «оси» и создания международного механизма обеспечения безопасности после войны, в 1944 и 1945 гг. уже редко затрагивал эту тему, демонстрируя намерение оставаться вне дебатов по животрепещущим вопросам межсоюзнических отношений и мировой политики вообще. Логика борьбы с левым крылом в его собственном профсоюзе толкала Рейтера на сближение с консервативно настроенными группировками, чей подход к вопросам внешней политики фактически ничем не отличался от подхода антирузвельтовской оппозиции 71.

В реальной жизни усиление этой тенденции приводило к тому, что образовавшаяся благодаря ей «ниша» заполнялась представлениями о характере войны и перспективах послевоенного развития как о грозящей катастрофе, растущей нервозностью и настороженностью в отношении намерений Советского Союза, его будущей роли в Европе и на Дальнем Востоке и т. д. Комитет политических действий во главе с С. Хиллмэном, сконцентрировав все внимание на усилиях в целях достижения прогресса в области социального законодательства и оживления коалиционных действий демократов и профсоюзов на местах, если не самоустранился, то, во всяком случае, и не проявлял особой активности в отражении атак справа на политику мирного сотрудничества с Советским Союзом после победы 72. Образовавшийся же по инициативе М. Уолла и Д. Дубинского на базе АФТ Комитет за свободные профсоюзы своей целенаправленной «разъяснительной» работой о том, что сулит коммунизм Западу после победы над нацизмом, вносил серьезный раскол в ту среду, в которой традиционно было сильным влияние демократов.

Вот в такой сложной внутривнутриполитической обстановке подходила Америка к выборам 1944 г. Было ли это неустойчивым равновесием общественных сил, традиционно выступавших в составе коалиции «нового курса», и перегруппировавшей свои порядки оппозиции, сказать с полной определенностью трудно. Во всяком случае, в доверительном разговоре с Белль Рузвельт еще 13 июля 1943 г. сам президент сказал, что, если бы президентские выборы состоялись летом 1943 г., его победа была бы проблематична, и

добавил, что он предпочел бы заниматься военной стратегией за одним столом с Черчиллем и Сталиным, предоставив управление страной кому-нибудь другому 73. Смысл этой метафоры очень понятен: внутривластные конфликты и противоречия серьезно осложняли выбор оптимальных военно-политических решений в рамках коалиционных действий 74, найти взаимоприемлемые развязки узлов противоречий оказалось много труднее налаживания взаимопонимания в рамках «большой тройки».

Война есть война, и для Рузвельта было ясно, что всегда следует ожидать в это время роста националистических настроений в народной среде, на почве которых могут произрастать самые разные, в том числе и ядовитые, плоды вплоть до фашизма. Ксенофобия и религиозный фундаментализм, отравившие духовную и политическую жизнь США в годы Первой мировой войны и в период «нормальности», хороший тому пример. Именно так были загублены либеральные тенденции «Прогрессивной эры». А затем страна выбиралась из этой трясины десять мучительных лет. Исторический опыт и интуиция подсказывали ньюдилерам и Рузвельту, что должна быть поставлена преграда попятному движению к контрреформам, термидору.

У Рузвельта были обязательства. Речь о «четыре свободы» (6 января 1941 г.) была одновременно и обещанием сохранить преемственность политического курса, и декларацией о целях в войне, в которой США хотя еще и не участвовали, но были на стороне тех, кто думал не о покорении мира, а об утверждении демократических идеалов, защите народов от угрозы военных конфликтов, гарантиях социальной обеспеченности для миллионов простых людей, тех самых, кто творят историю по своему образу и подобию. Важной вехой в артикулировании политической философии ньюдилеров и рузвельтовского либерализма стала речь, произнесенная вице-президентом Генри Уоллесом 8 мая 1942 г. в Нью-Йорке под официальным названием «Цена победы свободного мира», но моментально получившая известность как речь «Век простого человека». Позднее именно под этим названием она была издана в виде отдельной брошюры, автор которой не скрывал, что он вступает в контрверзы с «Американским веком» Генри Люса и его многочисленными почитателями, противопоставляя тезису об американском всемогуществе и праве Америки навязывать миру свою волю тезис о равноправии народов и нетерпимости «как военного, так и экономического империализма» 75.

Но главную тему своей речи Уоллес развивал в том же ключе, что и Рузвельт год назад с небольшим. В центре политики как внутренней, так и внешней должен стоять обыкновенный, простой человек, тот самый, интересы которого – материальные, духовные, правовые – в сущности, и составляют главный смысл войны против нацизма. Победа в ней одновременно будет означать торжество свободы, а с ней придет благополучие для всех. «Мир будет означать улучшение положения простого человека и не только в Соединенных Штатах и Англии, но также в Индии, России, Китае и Латинской Америке – не только в странах Объединенных Наций, но и в Германии, Италии и Японии».

Концовка речи прозвучала как программа создания нового мирового порядка, основанного на идеях эгалитаризма и ликвидации привилегий. Экономическое порабощение и колониализм должны быть упразднены, говорил Уоллес. Международные картели, обслуживающие «американскую алчность и германское властолюбие», должны быть поставлены под контроль. Военная машина стран «оси» и культура, в которой стало возможным ее создание, должны быть навсегда ликвидированы. Расизм нетерпим. «Когда наступит мир, все люди окажутся лицом к лицу с трудной задачей подчинения своих мелких интересов высоким интересам обеспечения благополучия всем. Те же, кто будет определять условия мира, должны думать обо всем мире. Не должно быть привилегированных народов. Мы сами, американцы, как раса ничуть не лучше нацистов» 76. Уоллес затронул и мотивы, остро тревожившие Вудро Вильсона. «Народные революции» несут много бед и несчастий, но они в них ошупью находят путь к свету. Не дать демагогам блокировать этот марш к прогрессу – миссия Америки.

Рузвельт с похвалой отзывался о речи Уоллеса, а после опубликования книги заявил,

что он «в восторге» от нее, хотя и не разделяет некоторых ее положений 77. Послание Уоллеса действительно выручило президента, оно наполнило существенным содержанием идеологическую платформу рузвельтовской партии, обрисовав контуры того мира, который ее сторонники стремились создать. Самому президенту предстояло их уточнить, приспособить к меняющейся ситуации как внутри страны, так и за рубежом жаждущих перемен в социальных и правовых условиях жизни. Идеология «экономической демократии» или «всеобщего благополучия» более всего соответствовали духу времени. В этом к концу своего третьего срока пребывания на посту президента Рузвельт был убежден без тени сомнений.

* * *

Избирательная кампания 1944 г., развернувшаяся в разгар решающих сражений на обоих театрах военных действий Второй мировой войны, обернулась для президента Ф. Рузвельта (как он и предполагал) тяжким испытанием. Пожалуй, этого следовало ожидать, поскольку с того момента, когда он принял решение о выдвижении своей кандидатуры на четвертый срок, оппозиция употребила колоссальные усилия с целью восстановить общественное мнение страны против внутренней и особенно внешней политики администрации, лично против президента. Давид Лоуренс, прозрачно намекая на ухудшение здоровья Рузвельта, в статье о будущем американской политики в «Вашингтон стар» пустился в рассуждения о том, кто заменит ФДР на посту президента в случае его смерти сразу же после победы на выборах 78. Из текста статьи вытекало, что политическое руководство Рузвельта себя исчерпало и должно быть как можно скорее предано захоронению без всяких почестей 79.

Президент, казалось, намеренно решил вызвать «огонь на себя», заявив накануне нового, 1944 года, что он обдумывает программу социально-экономических преобразований, которая призвана будет продолжить эру реформ. Жаждающим узнать у него журналистам, как скоро он предложит конгрессу эту новую программу, он ответил загадочным рефреном: «Когда придет время... Когда придет время». Консервативная печать, не скрывая ликования, писала, что архитектор «нового курса» морочит голову соотечественникам, раздавая обещания, которые не собирается выполнять. Но две недели спустя Рузвельт выступил с одним из самых радикальных заявлений в своей биографии государственного деятеля, воспользовавшись для этого ежегодным президентским посланием конгрессу 11 января 1944 г. В нем президент назвал ряд мер, которые, по его словам, должен был санкционировать конгресс с целью способствовать экономической стабилизации. Сюда входили новое законодательство о налогообложении, контроле над ценами и т. д.

Важнейшее же место в послании было уделено изложению так называемого «Второго билля о правах» (или «Экономического билля о правах»), в котором провозглашалось в качестве главной цели достижение «нового базиса обеспечения и процветания» для всех американцев «без различия положения, расовой или религиозной принадлежности». По убеждению Рузвельта, этот базис включал право на общественно полезный труд, право зарабатывать на пропитание, одежду и отдых, право фермеров иметь достаточные доходы, право каждого предпринимателя на коммерческую деятельность в условиях, не ограниченных диктатом монополий, право на «приличное жилище», на образование, на медицинскую помощь, на социальное обеспечение в старости, по болезни, в связи с безработицей и т. д. Это был замечательный документ, рассчитанный на аудиторию, выходящую далеко за пределы границ США. В нем многие слышали мотивы речи «Век простого человека» Уоллеса.

Изложенный в форме общих пожеланий «Второй билль о правах» представлял собой некий перечень вполне достижимых целей, которые призваны были приблизить наступление эры «всеобщего благосостояния». Он мог стать знаменем широкого движения за социальное обновление, что сразу же почувствовала оппозиция, назвав его опасной химерой. Президент

подлил масла в огонь, заявив в самом кульминационном месте послания, что угроза для безопасности нации – справа. «...Если реакция возьмет верх, – писал он, – если история повторится и мы вернемся к так называемому «нормальному положению» 20-х годов, можно будет определенно сказать: хотя мы и разгромили врагов на полях сражений за рубежами нашей страны, здесь, у себя дома, мы дали одержать победу духу фашизма» 80. Благополучная Америка пропустила эти слова мимо ушей. Зал конгресса был полупустым.

Еще одним поводом для интенсификации нападков на внутреннюю и внешнюю политику Рузвельта явилось вступление советских войск на территорию Польши после победоносного завершения Белорусской операции в июне – августе 1944 г. и образование Польского комитета национального освобождения. Негативная позиция, занятая Рузвельтом в ответ на настойчивые усилия лоббистов польского эмигрантского правительства в Лондоне связать ему руки обещанием поддержать притязания лондонской группировки, не осталась незамеченной. Президент не имел намерения встречаться с премьером эмигрантского правительства Миколайчиком, и только соображения, связанные с желанием обеспечить поддержку в год выборов польской этнической группы американских избирателей заставили его переменить решение 81. Но оппозиция посчитала этот символический жест явно недостаточным. Открыто заговорили об ответственности правительства США за недопущение создания «советской империи» в Восточной Европе. Хотя президент не разделял полностью этой оценки советской политики и в целом подходил к поискам путей решения польского вопроса на основе достигнутых в Тегеране устных договоренностей 82, тем не менее он считал для себя невозможным оставить без внимания затеянную его противниками шумную пропагандистскую акцию. Ее целью было представить Рузвельта политиком с замашками монарха, утратившим чувство ответственности перед нацией, проявляющим постоянно некомпетентность, отсутствие твердости в контактах со Сталиным и пренебрежение интересами больших этнических групп американского электората.

Успех уникальной по своим масштабам операции – высадки союзников в Северной Франции 6 июня 1944 г. вызвал не только прилив энтузиазма в странах антигитлеровской коалиции (открытие второго фронта сулило сокращение сроков войны), но и новую активизацию тех сил в правящем классе США, которые мечтали закончить войну «американским миром» и готовы были пойти на сговор с гитлеровцами на общей платформе борьбы с «мировым коммунизмом». Часть командного состава армии и военно-морского флота США лелеяла надежду, что операция «Оверлорд» будет прелюдией к глобальной акции, результатом которой станет утверждение американского военного превосходства повсюду и в Европе в первую очередь. Поведение американской дипломатии и деятельность спецслужб все более начинали отражать нарастание этих настроений, основанных на представлениях о превосходстве американской мощи и на планах достижения доминирующего положения США в мире.

2-я Квебекская конференция Рузвельта и Черчилля (11–16 сентября 1944 г.), состоявшаяся накануне президентских выборов, на этом особом внутреннем фоне выглядела как уступка силам, заинтересованным в дистанцировании от «коммунистического» союзника и демонстративное проявление англо-саксонской солидарности. И в ходе подготовки конференции, и в процессе последующего информирования о ней Москвы не было ни грамма той открытости, которую обещали друг другу лидеры держав в Тегеране. Достаточно сказать, что, несмотря на неоспоримое право СССР на участие в решении германского вопроса, его рассмотрение на Квебекской конференции проходило даже без уведомления советской стороны, что являлось нарушением союзнического долга. О принятых в Квебеке соглашениях по политическим вопросам советское правительство не получило от правительства США и Великобритании фактически никакой информации. Более того, злополучная «памятная записка», родившаяся в результате обсуждения 18 и 19 сентября 1944 г. в Гайд-Парке (штат Нью-Йорк) Рузвельтом и Черчиллем вопроса о будущем атомном оружии, предусматривала сохранение в строжайшем секрете от Советского Союза любой информации о ведущихся работах по атомному проекту. Американский историк Уоррен

Кимболл отмечает, что весь ход работы конференции и ее решения были пронизаны близкой сердцу Черчилля идеей англо-американского союза и англо-американской гегемонии в мире 83.

Именно эта идея владела и теми общественными силами США, которые центральным лозунгом «политического года» сделали лозунг борьбы с «коммунистической опасностью». Нападки на администрацию не ограничивались обвинениями в «сговоре с СССР за счет интересов Польши» и в чрезмерной жестокости ее планов в отношении послевоенной Германии 84. Все громче слышны были речи, призывающие рассматривать Советский Союз как будущего военного противника Соединенных Штатов. Джозеф Дэвис 27 июня 1944 г. сделал следующую запись в своем дневнике: «День полон событий. Утром выступление по радио о России; затем завтрак со Стивом Эрли. В Пентагоне состоялась беседа с начальником военной разведки. Я рассказал ему о том, что один из членов его штаба – в чине генерала – на обеде с сенаторами убеждал их агитировать за немедленное заключение мирного соглашения с Гитлером. По словам этого генерала, такая мера спасла бы наших парней, а «ведь каждый из них, кто будет убит сейчас, нужен будет для войны с Россией через какое-то время». Совершенно очевидно, что если это станет известно советскому руководству, то единству союзников будет нанесен непоправимый урон, и никто не может предвидеть глубину последствий его не только для совместных действий против общего врага, но и для будущего мира» 85.

Брекенридж Лонг писал в своем дневнике, что возникающие между союзниками разногласия интерпретировались большинством ведущих органов печати однозначно: Советский Союз является источником всех трудностей на пути к согласованным решениям 86. Возможно, он и не имел в виду редакционную статью газеты «Чикаго трибюн» от 24 сентября 1944 г., приписывавшую все победы над Германией и Японией исключительно США и ухитрившуюся даже не упомянуть при этом СССР и Великобританию 87, но все это было явлениями одного и того же порядка. К этому добавилась критика со стороны либеральных групп в связи со ставшими известными планами администрации Рузвельта добиваться признания формулы, предусматривающей тесное сотрудничество четырех великих держав (США, СССР, Великобритании и Китая) в целях сохранения мира после победы 88. В ходе предвыборных дебатов во многих публичных выступлениях представителей антирузвельтовских сил также все сильнее звучала тема будущей судьбы Германии. И вновь слышался совершенно определенный подтекст: Германия должна рассматриваться как союзник во всех будущих политических комбинациях, призванных служить противовесом Советскому Союзу.

Рузвельт прекрасно видел, что усиление подобных настроений тянет страну назад, к 20-м годам. Он верил, что в состоянии достигнуть рабочего взаимопонимания со Сталиным и либерализации советской системы, используя экономические и финансовые рычаги, последовательно добиваясь большей открытости советского общества. Это подтвердил А. Гарриман уже после войны. Рузвельт решительно отверг доводы в пользу отказа от участия США в деятельности будущей международной организации безопасности. Печальный опыт прошлого был усвоен им основательно. Что касается будущего Германии, то призывы к «мягкому» обращению с ней подтолкнули президента предпринять ряд шагов с целью окончательно зафиксировать стремление Соединенных Штатов добиться совместно с Советским Союзом устранения военной угрозы со стороны Германии путем ее разоружения и мер контроля. 17 августа 1944 г. Рузвельт заявил о намерении Соединенных Штатов совместно с другими державами антигитлеровской коалиции оккупировать Германию после ее капитуляции, дабы не повторить ошибку 1918 г. 89. Вслед за тем последовала беседа К. Хэлла с главой делегации СССР на международной конференции в Думбартон-Оксе, в ходе которой, как сообщал в Москву А.А. Громыко, Хэлл «всячески подчеркивал то положение, что будущее мира, будущие успехи или неудачи в области поддержания мира и развития международного сотрудничества будут в большей степени зависеть от сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом» 90. Характерно, что

итоги Думбартон-Окса (август – сентябрь 1944 г.), в принципе давшие жизнь ООН, были оппозицией подвергнуты жесточайшей критике.

Особенно остро реагировал на возвращение к планам «самостоятельных» (не согласованных с союзниками) действий США на мировой арене и ревизии в принципе согласованных решений о будущем Европы Гопкинс. Во время вынужденных «каникул», проведенных на больничных койках зимой 1943 – весной 1944 г., он много размышлял о мире после победы. Первые итоги этих размышлений Гопкинс решил изложить в статье для журнала «Америкэн мэгэзин», приуроченной к началу новой избирательной кампании. Хотя рукопись так и не попала на стол редактору, тем не менее ее внимательно прочитали в военном министерстве и госдепартаменте. Затем с ней познакомились Рузвельт, генерал Маршалл и К. Хэлл. Вскоре Гопкинса уведомили о принятом решении воздержаться от публикации статьи 91 ввиду того, что и президент, и государственный секретарь считают постановку в ней острых вопросов внешней политики преждевременной. Администрация предпочитала не касаться их в ходе предвыборной борьбы. О чем же, однако, писал Гопкинс?

Во вступительной части статьи отмечалось, что поскольку американский народ накануне выборов волнуют «планы в отношении будущего мира и его сохранения», то в ходе публичных дебатов следует обязательно затронуть главные вопросы военной политики и международных отношений. К числу этих вопросов относились: «Следует ли США входить в международную организацию, одной из целей которой будет обеспечение мира с использованием принуждения? Является ли намерением демократов или республиканцев или обеих партий обсудить с представителями Англии, России, Китая проблемы, связанные с окончанием войны? Если да, то какие? Каким будет их отношение к проблеме эксплуатации малых стран? Какую роль следует играть США в процессе создания государственного устройства в освобожденных странах? Намерены ли мы приложить все усилия, на которые способны, с тем чтобы предотвратить сползание, скажем, Франции или Греции к фашизму...» 92 Вольно или невольно Гопкинс затронул уязвимые места в деятельности американской дипломатии. По всем этим вопросам с момента принятия «Атлантической хартии» она занимала колеблющиеся позиции, хотя некоторые из них в общей форме были отражены в решениях межсоюзнических конференций.

Проблема, какой будет и какой должна быть внешняя политика США, занимала самое большое место во всех рассуждениях Гопкинса. Существовало два пути: первый – равноправное международное сотрудничество и решение спорных вопросов путем переговоров, соглашений, т. е. путь, апробированный всей практикой антигитлеровской коалиции, и второй – с опорой на превосходящую всех и вся военную мощь как главного условия закрепления лидирующей роли США, гаранта всеобщей безопасности. Хотя и нет достаточных оснований утверждать, что Гопкинс сделал для себя окончательный выбор, главные идеи, пронизывающие ход его мыслей, просматривались довольно четко. Прежде всего, старый международный порядок сменяется новым, в основе чего лежат исторические сдвиги, достигнутые в результате Второй мировой войны. Учет их обязателен. Далее, руководство США, считал Гопкинс, не может уклониться от ответственности открытого провозглашения конструктивных принципов участия в мировых делах, согласующихся с новой обстановкой. «Я думаю, – писал он, – кандидаты (на президентских выборах 1944 г. – В.М.) должны прояснить, как они соотносят наши национальные интересы с нашей внешней политикой. Какой план могут они предложить в отношении международной торговли, воздушных и морских сообщений, связи, использования сырьевых ресурсов? Должны ли соответствующие решения приниматься по соглашению между странами или посредством картелей, этих гигантских международных монополий, охватывающих весь мир, которые путем различных сделок иногда решают не только вопрос о ценах на товары, но и о судьбе малых стран?» 93

Статья Гопкинса так и осталась неизвестной публике. Но высказанные в ней идеи в той или иной степени совпадали с размышлениями президента и затем получили свое отражение

в ряде его заявлений. К их числу относится и речь Рузвельта по проблемам внешней политики 21 октября 1944 г. в Нью-Йорке, призванная стать программой с учетом ближайшего и отдаленного будущего. Накануне Рузвельт триумфально пересек Манхэттен в открытом автомобиле под холодным дождем, четыре часа проведя среди бурно приветствующей его толпы. Черчилль был крайне обеспокоен таким «легкомыслием». Официальные и неофициальные опросы общественного мнения подтвердили, что, несмотря на заметное падение влияния демократов во многих слоях населения, личный (после тревожного падения рейтинга) авторитет президента оставался выше авторитета его соперника – республиканца Дьюи 94. Оценив ситуацию в принципе как благоприятную, Рузвельт с целью достигнуть окончательного перелома в настроениях избирателей прибегнул к испытанному приему: внимание нации переключалось на критический, поворотный характер мирового и национального развития, требующий учета трагического опыта предвоенных лет и неординарных, смелых решений, отрешения от старых догм и предрассудков. Как и в 1932 г., стране было обещано решительное и бесстрашное руководство. Президент пошел на уступки и консервативному спектру электората – своим напарником на выборах он сделал не Г. Уоллеса, а сенатора Г. Трумэна. Рузвельт еще раз продемонстрировал, что на крутых поворотах истории он как политик стремится быть над внутренними конфликтами, над схваткой. И делает это, не страшась вызвать непонимание преданных соратников.

Подготовительные материалы показывают, что работа над общей концепцией речи и главными ее положениями была начата по требованию Рузвельта его советниками примерно за месяц до его выступления в Нью-Йорке 95. По мнению президента, речь должна была еще раз четко обозначить его мысль об ошибочности предвоенной политики США, самоустранившихся после 1918 г. от обеспечения международной безопасности коллективными усилиями всех заинтересованных в ней стран, и о необходимости создания после войны Объединенными Нациями эффективного механизма для поддержания всеобщего мира. Все это планировалось тесно увязать с темой об особом значении для будущего мира добрососедских советско-американских отношений и умения терпеливо и вдумчиво, на основе компромисса искать пути к согласию по всему спектру сложившихся международных вопросов. Окончательный вариант выступления, получившего, в конечном счете, положительный отклик даже в консервативных кругах, был отредактирован самим президентом.

Успех своей речи Рузвельт расценил как мандат на продолжение процесса, начатого конференциями в Москве, Тегеране, Думбартон-Оксе 96. Переписка Рузвельта со Сталиным и Черчиллем свидетельствовала о том оптимизме, который испытывал президент в отношении шансов на получение им вотума доверия американских избирателей 97. Отвечая Черчиллю на его озабоченную телеграмму, Рузвельт был предельно признателен: «Мое путешествие в Нью-Йорк было успешным, и дождь не принес вреда старому моряку... Я в отличной форме» 98. И даже считаясь с возросшей опасностью снижения своей популярности из-за негативизма в отношении четвертого срока, Рузвельт ни на минуту не допускал мысли, что после 7 ноября 1944 г. (день выборов) что-то может радикально измениться в его внешнеполитических планах «обустройства мира», как выразился Г. Гопкинс. Среди них на первом месте находилась организация новой встречи «большой тройки», о необходимости которой президент настойчиво напоминал в своих посланиях Сталину и Черчиллю еще летом 1944 г. 99. Победа на выборах и на этот раз пришла не сама собой, но это была победа над опасным противником, имя которому – раскол в обществе, сомнения и страх перед будущим. Печальный итог выборов 1920 г., когда демократы потерпели сокрушительное поражение, не повторился.

Рузвельт был в отличном настроении, несмотря на одолевшие его простуду и насморк. Вышедшая 11 ноября 1944 г. влиятельная «Чикаго трибюн» дала яркое описание встречи вернувшегося 10 ноября в Вашингтон из Гайд-Парка Рузвельта. Президента встречала толпа, насчитывавшая примерно 300 тыс. человек. Рузвельт, обращаясь к ним и сияя улыбкой,

сказал, что в предсказании своей победы он ошибся на 100 голосов выборщиков (Рузвельт получил 432 голоса, Дьюи – 99). Общее число поданных за Верховного главнокомандующего голосов составило 25,6 млн человек, за его оппонента Дьюи – 22 млн. Демократы усилили свои позиции в обеих палатах конгресса. «Приятно вернуться домой», – сказал Рузвельт, но тут же оговорился. Это-де не означает, что он решил сделать Вашингтон своим постоянным местом жительства.

На последовавшей пресс-конференции его спросили, «будет ли он баллотироваться снова в 1948 г.». Рузвельт громко рассмеялся и сказал, что его уже об этом спрашивали то ли в 1936, то ли в 1940 году. Во всяком случае – «это вопрос с бородой и потому вряд ли есть смысл отвечать на него». Газета продолжала: «Нота доброго юмора, которая пронизывала конференцию, исчезла, когда журналист спросил, не получил ли он, президент, предложение о мирных переговорах с Германией. Нет, не получал, ответил он коротко. И отметил, что вопрос звучит, как допрос, предшествующий выборам» 100.

Сразу же встал вопрос о повестке дня для новой администрации. Элеонора настаивала на приоритете внутренней политики. Франклин, ставший раздражительным в беседах с женой, отклонил предложения первой леди. Его занимали вопросы окончания войны и отношений с союзниками. Именно они были источником озабоченности.

Ялта. Дорога к храму?

Предложение о встрече в верхах с целью обсуждения важнейших проблем, вставших перед союзниками на заключительном этапе войны, официально было сделано Рузвельтом в послании Сталину 19 июля 1944 г. Называя «ненужными» или «скоропалительными» решения Крымской (Ялтинской) конференции, а в ряде случаев и публично предавая их анафеме, многие историки и политики на Западе объявляют эту инициативу даже «вредной». Как, однако, в действительности обстояло дело? Первое, что обращает на себя внимание, – это настойчивость, проявляемая Рузвельтом в ответ на ясно и многократно выраженное твердое намерение советского руководства укреплять боевое содружество антигитлеровской коалиции в деле организации новой встречи в верхах. За посланием 19 июля почти сразу же последовало второе, от 28 июля 1944 г., в котором президент США сообщил Сталину: «Ввиду происходящего сейчас быстрого развития военных событий я могу вполне понять трудность Вашей поездки на совещание с премьер-министром (Черчиллем. – В.М.) и со мной, но я надеюсь, что *Вы будете помнить о таком совещании* (подчеркнуто нами. – В.М.) и что мы сможем встретиться так скоро, как это будет возможно. Мы приближаемся ко времени принятия дальнейших стратегических решений, и такая встреча помогла бы мне во внутренних делах» 101.

Что же в глазах Рузвельта и его политических советников делало новую встречу в верхах особо необходимой? Что повлияло на выработку общего подхода и на подготовку американской дипломатии к Ялтинской конференции? На этот счет в исторической литературе даны принципиальные ответы. Вместе с тем большое число новых важных документов по дипломатической истории антигитлеровской коалиции вообще и по истории советско-американских отношений в годы Второй мировой войны в частности проливают дополнительный свет на процесс формирования внешнеполитического курса США накануне Ялтинской конференции. Этот процесс носил весьма сложный и противоречивый характер, отражая переплетение объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов сложившейся летом и осенью 1944 г. обстановки.

Первостепенное значение имело быстро меняющееся положение на театрах военных действий. Успешно развивалось летне-осеннее наступление Красной Армии на главном фронте Второй мировой войны. Советские войска вышли к довоенной границе с Финляндией. В июне – августе Вооруженные силы СССР провели Белорусскую операцию, одну из самых крупных во Второй мировой войне. К концу августа 1944 г. Красная Армия почти полностью изгнала оккупантов с территории Советского Союза и приступила к

освобождению Польши и Румынии. Между тем проходили неделя за неделей после высадки союзников в Нормандии, а серьезного успеха англо-американские войска достичь не сумели. Лишь 25 июля, писал в своих мемуарах Д. Эйзенхауэр, «спустя семь недель после дня «Д», было начато наступление с рубежей, которые мы планировали захватить на пятый день десантирования» 102. На Дальнем Востоке беспокойство военного и политического руководства США вызвало расширение большого наступления японцев в Китае, начатого весной 1944 г.

Сама собой напрашивалась необходимость более тесной координации военных усилий союзников и решения связанных с ними политических вопросов, включая и вопрос об участии СССР в войне против Японии. Вашингтон также все сильнее тревожила ширившаяся под руководством левых сил борьба народов Европы за свое национальное и социальное освобождение 103. Находились горячие головы, настаивавшие на ультимативном тоне переговоров с СССР касательно открытых и тайных связей Москвы с левым подпольем. Президенту осенью 1944 г. пришлось выслушать своеобразное внушение со стороны примыкавшего ранее к линии «военного просоветизма» генерала Дж. Маршалла, развивавшего в беседах с ним идеи «американского превосходства» и заключения мира на американских условиях и без существенных уступок русским 104.

Изменение позиции генерала Маршалла, склонившегося разделить мнение о подчинении военной стратегии США планам в духе Рах Americana, произошло много раньше. Красноречивое свидетельство тому – подготовленный Маршаллом в начале марта 1944 г. меморандум для президента, озаглавленный «Анализ ситуации на русском фронте» 105. В нем особое внимание уделялось наступлению советских войск на юго-западном направлении, которое называлось «стремительным и впечатляющим» 106, но одновременно ставился вопрос о «сдерживании» продвижения Красной Армии путем сокращения поставок по ленд-лизу. Крайне желательной Маршалл считал приостановку советского наступления «на границе 1941 г.» и вступления советских войск на территорию Германии. Нельзя считать также случайным появление осенью и зимой 1944 г. на страницах ведущего военного вестника США серии недружественных к СССР статей, которые вызвали серьезное беспокойство в близких к президенту кругах 107.

Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. и секретная информация о демократических убеждениях ряда главных его участников (включая прежде всего полковника фон Штауфенберга), полученная Объединенным комитетом начальников штабов от резидентов Управления стратегических служб в Швейцарии, усиливали заинтересованность военных руководителей США в установлении контактов с оппозиционными Гитлеру генералами вермахта, придерживающимися «более консервативной» линии и склоняющимися к сепаратному миру с западными союзниками на условиях их разрыва с Советским Союзом и предотвращения «большевизации Европы». Сам Гитлер серьезно размышлял о принуждении США и Англии к переговорам о мире путем применения «чудо-оружия».

В конце декабря 1944 г. высшие военные чины США были уведолены руководством УСС об имевших место в Швейцарии тайных встречах между британским генеральным консулом в Цюрихе Эриком Кейблом и германским консулом в Лугано Константином фон Нейратом на предмет организации переговоров между представителями западных союзников и высших чинов СС генералами Харстером и Вольфом. Сообщалось также и о зондаже германского посольства в Ватикане, пытавшегося использовать высшую иерархию Католической церкви для склонения Вашингтона и Лондона к сепаратному миру, и о переходе линии фронта во Франции агентом СД и сделанных им англичанам предложениях о «компромиссном мире». Генерал Маршалл и его непосредственные подчиненные, посвященные в эту закулисную работу спецслужб США и Англии, относились к ней со всей серьезностью, просчитывая альтернативные варианты своих собственных действий на случай такого поворота событий, при котором могло произойти резкое ухудшение советско-американских отношений и даже распад коалиции.

Значительное влияние на активизацию сил, противодействующих укреплению

советско-американских отношений, оказывала английская дипломатия, полнее всего в период подготовки Ялтинской конференции олицетворявшая линию на ослабление коалиционных усилий союзников в военной и политической областях и на ревизию ранее согласованных решений 108. Участвовавшие выпады Черчилля в отношении намерений СССР в европейских делах и в вопросах военной стратегии с восторгом подхватывались антирузвельтовской прессой США, отравляя, по мнению Г. Гопкинса, тот климат сотрудничества ведущих держав в антигитлеровской коалиции, который надлежало сохранять во имя будущего 109. «Особое мнение» Черчилля по поводу того, как вести дело со Сталиным, сказалось и на результатах работы 2-й Квебекской конференции. «Рузвельт, – пишет в связи с этим Р. Даллек, – не остался индифферентным к страхам Черчилля в отношении России» 110. Одним из следствий этого была перестановка в верхнем эшелоне дипломатической службы. После проведенных Рузвельтом осенью 1944 г. изменений в руководящем составе госдепартамента заметно увеличилась роль таких деятелей, как А. Бирл, Дж. Грю, не скрывавших сомнений в отношении намерений Сталина, а также Джеймса Бирнса, горячего сторонника «нового курса», но близко стоящего к иерархам Католической церкви. В запальчивости Элеонора Рузвельт написала в письме мужу, что в случае прихода к власти его соперника – республиканца Дьюи тот провел бы точно такие же перемещения в руководстве внешнеполитического ведомства 111. Возможно, это сравнение несколько хромало, но как президент мог полагаться на вновь назначенных чиновников, встреченных возгласами одобрения со стороны враждебно настроенной к нему прессы, супруга президента вправе была считать загадкой.

Заметно возросло давление на Белый дом со стороны республиканского крыла конгресса, открыто осуждавшего советские «интриги в Италии, Югославии и Греции» и неизменно предлагавшего рассматривать Советский Союз в качестве потенциального врага. Именно в этот период в пользу отказа от «уступок» в отношениях с СССР начинают высказываться в своих посланиях в Белый дом и посол США в Москве А. Гарриман, советник-посланник Дж. Кеннан и глава военной миссии США генерал Дж. Дин 112. Оставаясь «своим собственным государственным секретарем», обычно строго ограждавший свои планы от вторжения даже самых близких лиц из своего окружения, Рузвельт тем не менее не обходил вниманием подобные «предостережения», хотя и полагал, что советская система не утратила способности к трансформации. Будущий мир он видел единым, развивающимся в духе идей, изложенных в «Атлантической хартии».

Вот почему, высказываясь в телеграмме Сталину от 28 июля 1944 г. в пользу скорейшей встречи в верхах, Рузвельт имел в виду также и важность усиления своего личного и непосредственного влияния на Сталина, полагая, что в обмен на широкое послевоенное сотрудничество ему удастся убедить «вождя» либерализовать советскую систему. Вместе с тем пристально следя за тем, как растет наступательная мощь советских войск, как ширится международное признание вклада в победу народа России над ненавистным «новым порядком» 113, Рузвельт постепенно и не без внутренних колебаний приходил к выводу о назревшей перестройке международных отношений на основе сотрудничества стран с различным общественным строем. Это было принципиально важным в свете преобладания неоднородных тонов в идеологии обретавших самостоятельность стран Европы и колониального мира. Все чаще он соглашался с внутренними доводами: необходимой предпосылкой такой перестройки следует считать достижение согласия между главными державами коалиции в духе компромисса и равенства сторон, уважения их государственных идейных основ, что давало бы гарантию решения в будущем вопросов безопасности 114. Реализм Рузвельта положительно сказался на итогах конференции по вопросам создания «всеобщей международной организации безопасности» в Думбартон-Оксе (21 августа–28 сентября 1944 г.), где, как известно, принцип единогласия великих держав получил свое подтверждение. В преддверии Крымской конференции это имело важное значение.

Гопкинс говорил Джозефу Дэвису 11 октября 1944 г., что главной задачей момента

президент и он сам считают сохранение согласия в «большой тройке» путем осуществления курса, в основе которого лежат «здравый смысл, терпимость, стремление достичь взаимоприемлемых решений, компромисса и согласия». Развивая эту мысль, Гопкинс подчеркивал важность и достижимость в самом ближайшем времени соглашения между ведущими державами антигитлеровской коалиции по ряду крупных вопросов, что было бы, как он считал, хорошим началом процесса мирного урегулирования. «Поддержание доверия к «большой тройке» и доверия между СССР, США и Англией является жизненно важным условием» 115. Такова была точка зрения Гопкинса. Она совпадала в целом с мнением президента, полагавшего, что именно эти державы должны обеспечить мир лет на 20–30, опираясь на свою военную мощь и авторитет. Не порывая с идеей американского лидерства в послевоенном мире, Рузвельт полагал вместе с тем, что отношения между США и СССР должны покоиться на достаточно прочных основах (прежде всего на экономическом сотрудничестве и общем понимании важности сохранения согласия по вопросам международной безопасности), попытки расшатать которые обойдутся дорогой ценой союзникам и грядущим поколениям.

Показательно в той же связи секретное письмо Гопкинса Гарриману в Москву, в котором специальный помощник президента, действуя по поручению последнего, рекомендовал послу искусственно не раздувать имеющиеся разногласия с Советским Союзом и не делать опрометчивых шагов в случае возникновения трений. Когда Гарриман в расчете осуществить дипломатический и экономический нажим на Советский Союз запросил в начале сентября 1944 г. разрешение на поездку в Вашингтон «для консультаций», Гопкинс 11 сентября 1944 г. ответил ему посланием, больше похожим на предостережение. В нем говорилось: «Президент тщательно изучил доводы, изложенные в Вашей телеграмме за № 091 430, в пользу отъезда в Вашингтон в настоящий момент для консультаций по вопросу о наших отношениях с Россией. Он предполагает вызвать Вас домой для этой цели в ближайшем будущем, но считает, что было бы ошибкой, если бы Вы уехали из Москвы как раз в тот момент, когда переговоры в Думбартон-Оксе близки к завершению и находятся в критической стадии, имея в виду полемику с русскими. Ваш отъезд из Москвы был бы немедленно истолкован как свидетельство имеющихся разногласий между русскими и нами в связи с этими переговорами. Он (президент. – *В.М*) полагает, что было бы лучше, если бы Вы отложили Ваш отъезд до тех пор, пока он не даст Вам зеленый свет, что последует скоро, поскольку он намеревается лично обсудить с Вами все те вопросы, которые поставлены в Вашей телеграмме» 116.

Совершенно ясно, что и Рузвельт и Гопкинс не имели намерений идти на опасное обострение межсоюзнических отношений и в тех случаях, когда в споре были затронуты и в самом деле важные вопросы ведения войны и послевоенного устройства. Так было при обсуждении польского вопроса в августе и сентябре 1944 г., в связи с трагедией Варшавского восстания, когда Черчилль пытался добиться от Рузвельта совместного выражения протеста в адрес Сталина, выражая возмущение английского общественного мнения отказом Сталина оказать помощь польским подпольщикам. В критике, которой Гопкинс подверг публичные заявления подобного рода, звучали аргументы, приводимые в аналогичных ситуациях и Рузвельтом: идеологические разногласия и другие серьезные конфликты не должны заслонять общих интересов перед лицом еще не добытого общего врага. Гопкинс писал: «В момент, когда в Европе и Азии разворачиваются битвы, требующие от каждого из нас отдачи всех сил для борьбы с врагом, я должен сознаться, что чрезвычайно встревожен тем оборотом, который приняли дипломатические события, сделавшие достоянием публики некоторые наши трудности» 117. Это послание он отправил в Лондон 16 декабря 1944 г. Черчиллю, в тот самый день, когда в Вашингтон пришло известие о прорыве немцев в Арденнах, который, как признавал вставший во главе госдепартамента Э. Стеттиниус, обернулся для США «более чем только военной неудачей» 118.

Ключевое значение для понимания всех перипетий сложной и трудной борьбы двух линий во внешнеполитическом курсе США накануне Крымской конференции, мотивов,

которыми руководствовался президент Рузвельт и его сторонники, равно как и их противники, имеет ряд важных и далеко неоднозначных событий, случившихся в период активной подготовки к ней и затрагивавших проблему атомного оружия, завершения исследовательской стадии и принятия решения о его использовании. В первую очередь следует назвать 2-ю англо-американскую встречу в Квебеке (сентябрь 1944 г.) и затем беседы Рузвельта и Черчилля с глазу на глаз в Гайд-Парке (штат Нью-Йорк), увенчанные знаменитой «Запиской» от 19 сентября. В ней оба лидера согласились держать в тайне от России все, что касается атомной бомбы. Рузвельт на совещании в Овальном кабинете Белого дома 22 сентября, говоря об эффекте атомной бомбы на международные отношения после войны, как будто подтвердил эту позицию, высказав мысль о превращении США и Англии в совместный атомный патруль 119. В таком понимании своей миссии гаранта безопасности в послевоенном мире США вступали в противоречие с выдвинутой ранее идеей равноправного сотрудничества всех великих держав, входивших в антигитлеровскую коалицию, в деле поддержания мира. Но скорее всего, не будучи посвященным своими советниками во все детали атомной проблемы, Рузвельт отодвигал ее обдумывание «на потом», ставя его в зависимость от решений более неотложных по важности, таких, например, как создание международной организации безопасности и координация военных планов на заключительном этапе войны. Вопрос о будущей международной организации безопасности был отнесен Рузвельтом к числу тех неотложных «стратегических решений» 120, судьба которых неразрывно связывалась со встречами в верхах.

Существовали и другие причины, которые побуждали Рузвельта вопреки усилиям влиятельных консерваторов и английского премьера настойчиво и безоговорочно добиваться совместно с советским руководством согласования стратегических планов ведения войны и послевоенного мирного урегулирования. К их числу относился и вопрос о завершении войны на Тихом океане 121. Заверения Рузвельта в том, что он «готов куда угодно лететь или ехать» 122 для встречи «большой тройки», отражали не только его собственное понимание роли СССР как важнейшего фактора достижения победы в войне. Признание этого факта содержалось и во многих важных документах военного руководства США начиная с 1943 г. Мотивы в пользу укрепления военного сотрудничества с Советским Союзом в этих документах были выражены абсолютно определенно: «ситуация силы» изменилась в пользу СССР, без него победа в войне с державами «оси» в Европе и на Дальнем Востоке немислима 123.

Бросается в глаза, что в то время, как в конгрессе и в консервативной печати США усиливались нападки на внешнюю политику рузвельтовской администрации, и в особенности на ее курс в советско-американских отношениях, дипломатические и военные представители США в Москве прилагали самые энергичные усилия с целью заручиться еще раз согласием советского руководства на вступление СССР в войну с Японией и тем самым гарантировать поражение японского милитаризма путем сокрушения опорных сил наземных войск японской армии. В своей секретной депеше из Москвы в военное министерство США от 17 октября 1944 г. генерал Дин, сообщив о положительном отношении Сталина к предложению Рузвельта о встрече «где-нибудь в районе Черного моря», специально выделил слова главы советского правительства, подтвердившего свою готовность обсудить «ситуацию на Дальнем Востоке» и выразившего уверенность, что оба они (Сталин и Рузвельт) найдут путь к «определенным соглашениям» по этому вопросу 124. Дин писал об этом как о самом большом событии. Заметное недовольство американских представителей в Москве вызывало только отклонение советским военным руководством нереальных сроков вступления СССР в войну с Японией 126.

Военная обстановка оправдывала дипломатию «крепких рукопожатий». Предпринятое германским командованием контрнаступление в районе Арденн, поставившее армии Эйзенхауэра в тяжелое положение, драматическим образом подтвердило вывод о том, что Германия способна еще вести крупные операции, сохраняя шансы сорвать стратегические замыслы западных союзников. Черчилль не случайно на первой же встрече со Сталиным

4 февраля 1945 г. в Воронцовском дворце накануне открытия Ялтинской конференции спросил своего собеседника, что он думает о наступлении Рундштедта 126. Тревога премьер-министра за судьбу англо-американских войск не улеглась еще и в феврале, хотя начатое 12 января по настоятельной просьбе союзников новое мощное наступление советских войск по широкому фронту от Карпат до Балтийского моря давно сняло все вопросы о возможных тяжелых последствиях отчаянного арденнского броска гитлеровцев.

Для Рузвельта прорыв немцев в Арденнах также был сильным потрясением. Под этим впечатлением он вновь и вновь возвращался к размышлению о риске затягивания финальной стадии войны на Дальнем Востоке. Вовлечение в нее Советского Союза приобретало значение императива и с точки зрения успеха или неуспеха четвертого срока. Вот почему, будучи избранным в четвертый раз президентом США Рузвельт решил не изменять своей роли связующего звена «большой тройки». Красноречивым подтверждением тому была его просьба к своим советникам и спичрайтерам в работе над очередным ежегодным посланием конгрессу «О положении страны» сделать особый упор на важность сохранения тесных союзнических отношений. Президент хотел, чтобы его слова были услышаны не только в Сан-Диего, Чикаго, Нью-Йорке и Вашингтоне, но и в Лондоне, Москве, Берлине и Токио. «Чем ближе мы приближаемся к сокрушению наших врагов, – говорилось в послании, над которым работали Р. Шервуд, А. Маклиш, С. Розенман и др., – тем больше мы сознаем существующие различия между победителями. Мы не должны позволить этим различиям разъединить нас и сделать нас незрячими в отношении наших более важных общих и долговременных интересов, которыми мы руководствуемся, стремясь одержать победу в войне и создать основы прочного мира. Международное сотрудничество, на которое должен опираться этот длительный мир, не может быть улицей с односторонним движением. Народы не всегда смотрят на вещи или думают одинаково; ни один народ также не может оказать услугу международному сотрудничеству и прогрессу, возомнив, что он владеет монополией на истину или на добродетель...» 127

Укор должен был прозвучать предупреждением как для сторонников *Rex Americana* в промышленных кругах и средствах массовой информации, так и для сверхпатриотов в палатах конгресса, досаждавших президента чванливым упоением американской мощью, имперским высокомерием и стремлением отгородить Америку, «оазис свободы», от мировых проблем частоколом из политического морализаторства. Рузвельт называл этот тип политиков «страусами» 128, не желающими видеть мир таким, какой он есть. Между тем, только взаимодействуя с ним, США могли достичь поставленных целей.

Послание президента было зачитано в конгрессе 6 января 1945 г. клерком и встречено холодно. Конгрессмены рассчитывали услышать от Рузвельта другое. Но «другое» для Рузвельта было исключено.

Политически слишком многое было поставлено на карту. Неудивительно, что после начала операции немецких войск в Арденнах генерал Дин, находясь в Москве, не упускал случая, чтобы вновь и вновь не обратить внимания советского руководства на необходимость ускорения наступательных операций Красной Армии на советско-германском фронте для оказания помощи Эйзенхауэру. Но это было еще не самое главное доказательство того, что всё военное планирование западных союзников находилось в прямой зависимости от достижения договоренности с Советским Союзом по широкому комплексу вопросов межсоюзнических отношений, военных и политических. Судьба тихоокеанского театра предстала особой гранью. Рузвельт накануне отъезда в Ялту направил послание Сталину (получено в Москве 18 января 1945 г.), в котором говорилось: «Подвиги, совершенные Вашими героическими воинами раньше, и эффективность, которую они уже продемонстрировали в этом наступлении (Висло-Одерская операция. – *В.М.*), дают все основания надеяться на скорые успехи наших войск на обоих фронтах. Время, необходимое для того, чтобы заставить капитулировать наших варварских противников, будет резко сокращено умелой координацией наших совместных действий» 129. Послание завершалось выражением надежды «быстрой ликвидации японской угрозы всем нашим союзникам» после

скорого краха Германии. Важно отметить, что появившиеся было колебания Рузвельта в отношении места встречи в верхах в конце декабря полностью отпали. После Арденн сюрпризы в финальной стадии войны с Японией представлялись еще более нежелательными.

Плавучий штаб президента США, крейсер «Куинси», взявший 22 января 1945 г. курс на Мальту, жил напряженной жизнью. К этому времени была близка к своему победоносному завершению Висло-Одерская операция. 29 января 1945 г. войска 1-го Белорусского фронта вступили на территорию Германии. Военные эксперты и советники президента, собравшиеся на Мальте, «проигрывали» и «просчитывали» сценарии возможного развития событий на европейском и тихоокеанском театрах военных действий, в особенности, разумеется, на тихоокеанском. Все расчеты показывали, что решающее значение для победы союзников неизменно, как и раньше, остается за действиями советской армии на советско-германском фронте, который видный американский военный обозреватель Х. Болдуин в статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 17 января 1945 г., назвал основным в глобальной войне 130. Приход на выручку армии Эйзенхауэра, оказавшейся в тяжелом положении, говорил сам за себя. По поводу вступления СССР в войну против Японии также существовало однозначное мнение: без этого война на Дальнем Востоке может затянуться на два-три года и приведет к огромным людским и материальным потерям. В одном из документов, подготовленном для Леги, Маршалла и Кинга, говорилось, что роль Советского Союза никак нельзя в этом смысле переоценить, поскольку предполагается, что он возьмет на себя «организацию решительного наступления на территории Маньчжурии с целью сковать японские силы и военные ресурсы в Северном Китае и Маньчжурии, которые в противном случае могут быть использованы для обороны Японии» 131.

Итак, контуры будущих решений на предстоящей Крымской конференции вырисовывались для Рузвельта, прежде всего, как производное от трезвого учета меняющейся обстановки – военной, стратегической, политической, дипломатической и моральной. Фактор прихода с освободительной миссией в Европу Советского Союза (при всех негативных сторонах такого оборота событий для Запада и западных ценностей), одержанные им решающие победы в войне с фашистской Германией имели доминирующее значение в этом анализе. О той общей концепции, которой решили придерживаться реалистически мыслящие политики США, включая самого президента, накануне Крымской конференции, лучше всего сказать словами Г. Гопкинса. «Наша политика в отношении России, – говорил он, – не должна предписываться нам людьми, которые руководствуются предвзятым мнением, что нет никакой возможности для сотрудничества с русскими и что наши интересы неминуемо должны привести к конфликту с Россией и в конечном счете к войне. По моему мнению, позиция эта несостоятельна и чревата катастрофой» 132. Позднее Рузвельт, в сущности, скажет то же, прибегнув, однако, к ссылке на опыт совместного с СССР решения сложных вопросов. 23 февраля 1945 г. на обратном пути из Крыма в США в ходе первой после Ялты пресс-конференции на борту крейсера «Куинси» президент нашел необходимым привлечь внимание журналистов к этому моменту 133.

И еще одно. Ни о какой «поспешности» в подготовке Белого дома к Крымской конференции или об «интеллектуальной немощи» пораженного недугом президента, оказавшегося якобы жертвой «русского коварства» в Ялте, о чем твердили противники принятых там решений, и речи быть не может. Это подтверждают многочисленные свидетельства и множество фактов 134. Важное свидетельство оставил Джозеф Дэвис. В своем дневнике (запись 10 января 1945 г.) он зафиксировал, что в связи с подготовкой Крымской конференции у него состоялась продолжительная беседа с Рузвельтом, в ходе которой тщательному рассмотрению были подвергнуты советско-американские отношения, дальневосточные проблемы, вопросы о будущей международной организации (включая принцип единогласия великих держав), о наказании военных преступников, о судьбе колоний. Специальной темой беседы стали «трудности с Черчиллем», который, по словам Рузвельта, все более и более сползал к мышлению XIX в. вместо того, чтобы видеть мир таким, каким он был к концу войны 135.

Запись Дэвиса существует в двух вариантах: кратком и более подробном. Особенно интересен второй, поскольку он отчасти воспроизводит размышления Рузвельта по вопросам, которые впоследствии нашли свое отражение в американском проекте суммарных выводов по Крымской конференции. Рузвельт, в частности, говорил о наказании главных военных преступников «без фанфар и фотографов» с тем, чтобы не создавать из этого акта справедливого возмездия дешевого спектакля и не давать материала для пропаганды будущим реваншистам. При этом президент высказался в том духе, что Черчилль поддержит это предложение, если же этого не произойдет, то «мы (речь шла о Соединенных Штатах. – *В.М.*) и Советы пойдем своим путем». Специально собеседники рассмотрели и вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности будущей Организации Объединенных Наций. Запись Дэвиса свидетельствует, что Рузвельт еще раз подтвердил свое согласие с советским предложением считать решения Совета по всем вопросам, кроме процедурных, принятыми большинством в семь голосов членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных его членов.

Дэвис напомнил Рузвельту о высказанном ему (Дэвису) Сталиным доводе в пользу единогласия великих держав и его взгляде на слабые стороны в деятельности бывшей Лиги Наций, «которая, когда Англия и Франция принялись ухаживать за Германией, оказалась обреченной на гибель». Президент, как засвидетельствовал Дэвис, согласился, что международная безопасность немыслима без того, чтобы каждая из трех великих держав – членов антигитлеровской коалиции, обеспечивших восстановление мира на Земле, не ощущала себя объектом военной угрозы.

Подпись Рузвельта, как известно, стоит под выработанным конференцией в Ялте заявлением руководителей трех держав, заканчивавшимся словами: «Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества – прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической хартии, «обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды».

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации предоставят самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира» 136. Этих положений не было в американском проекте, они – результат совместной работы участников Крымской конференции, но для Рузвельта их включение в окончательный текст заявления об итогах работы конференции не оказалось неожиданным: они соответствовали его пониманию новых условий, сложившихся в мире. К этому пониманию Рузвельт шел часто через противоречия с самим собой, но в согласии с обстановкой.

Видный историк, биограф Рузвельта Джеймс Бёрнс писал, характеризуя дипломатию Рузвельта в Ялте: «Его (Рузвельта. – *В.М.*) позиция объяснялась не наивными представлениями, невежеством, болезнью или изменой, она вытекала из реальных фактов: Россия оккупировала Польшу. Россия с недоверием относилась к западным союзникам. Россия имела миллион солдат, которые готовы были к войне с Японией. Россия могла ответить саботажем новой международной организации безопасности» 137.

Ф. Рузвельт – политик-реалист, и сторонники рузвельтовской линии накануне Крымской конференции еще раз смогли убедиться, что единственный путь к победоносному завершению войны и обеспечению прочных основ послевоенного мирного урегулирования – это в первую очередь продолжение и развитие советско-американского сотрудничества, скрепленного совместной борьбой с гитлеризмом в годы войны. Отвергнув альтернативу курсу на сотрудничество, предложенную его противниками, будущими сторонниками политики «холодной войны», те, кто шел вместе с Рузвельтом, внесли свой определенный вклад в ход работы Крымской конференции и в принятые ею исторические решения.

Как известно, в настоящее время в историографии существуют различные толкования Ялтинских соглашений, поскольку в моду вошла другая память о войне. Свое далеко не

бесспорное объяснение предложил и Джон Гэддис. Впрочем, в чем он не ошибся, так это в признании, что в Ялте не было проигравших 138. Можно было бы добавить, что там был достигнут трехсторонний консенсус – редчайшее явление для конференций подобного рода. Современники по достоинству оценили этот факт. Именно так восприняли итоги конференции и большинство американцев, которые, наверное, способны были отличить реальный вклад в победу над общим врагом от розыгрыша ради рекламы мифа о гармонии внутри «большой тройки». Элеонора Рузвельт, хорошо осведомленная о настроениях в стране, сообщала президенту на борту «Куинси»: «Мы, как страна, кажется, едины в своем одобрении результатов конференции» 139. Хотя раздавались отдельные негодующие голоса, оплакивающие «поражение США», опросы общественного мнения подтвердили вывод, сделанный Э. Рузвельт 140.

Рузвельт и его штаб с повышенным вниманием отнеслись к реакции общественного мнения страны на итоги Ялты; в контексте планируемых ими дальнейших шагов трезвая оценка этой реакции была крайне важна. Сведения, полученные уже в конце февраля от Рассела Девенпорта, видного журналиста, руководителя избирательной кампании Уилки в 1940 г. и лидера так называемых независимых республиканцев, оказавших поддержку Рузвельту в 1944 г., вселяли оптимизм. «Первая реакция прессы на Ялту, – писал он 20 февраля Гопкинсу, – положительная. Очень многие люди, с которыми я говорил, хотя и не скрывают свой скептицизм, выражают вместе с тем приятное удивление. В целом на меня все эти беседы произвели хорошее впечатление... и я еще раз благодарю за все, что Вы сделали и поздравляю Вас с итогами работы в Ялте» 141. Тронутый этим посланием, Гопкинс ответил: «Крымская конференция дала лучшие результаты, чем я ожидал, и я уверен, что мы на правильном пути, хотя для того, чтобы обеспечить реализацию положений коммюнике, мы должны много потрудиться» 142.

В глазах президента это было еще одной большой, но на сей раз уже психологической победой. Она возрождала надежды на процесс укоренения политического реализма, обязательным элементом которого должно было стать признание полностью оправдавших себя принципов сотрудничества между всеми державами антигитлеровской коалиции (и в первую очередь между великими державами) вне зависимости от их социального строя в интересах прочного мира и безопасности народов. Именно в этом контексте следует рассматривать выраженное президентом в дни Ялты желание информировать Сталина о работах над атомной бомбой, ведущихся в рамках «Манхэттенского проекта». Рузвельт внутренне, по-видимому, начинал обдумывать пути выхода из того тупика, в который могли загнать союзнические отношения решения, принятые в Квебеке и Гайд-Парке. И только «сильное сопротивление», оказанное Черчиллем, пишет американский историк Джеймс Хершберк, «позволило отговорить Рузвельта от этого шага» 143.

Мыслью об обнадеживающих перспективах перестройки международных отношений на базе сохранения единства великих держав после завершения разгрома агрессоров была пронизана последняя речь Ф. Рузвельта перед объединенной сессией конгресса 1 марта 1945 г.

Выступление Рузвельта не было просто отчетом о Ялте и размышлениями о целях внешней политики США в мире, стоящем на пороге кардинальных перемен революционного характера. Оно было еще и предупреждением против столетиями культивируемого слепого соблазна, прибегая к силе и военно-блоковой политике, решать международные конфликты без учета интересов мирового сообщества в целом. Извинившись за то, что он вынужден говорить сидя по причине физической усталости после долгого, в 14 тыс. миль, путешествия и желая почувствовать себя свободным от тяжелых стальных оков-протезов, Рузвельт продолжал: «Путешествие было длительным, но, я думаю, вы все согласитесь со мной, что оно было и плодотворным». Президент начал говорить ровным тоном, его голос звучал негромко, даже глухо, но по мере чтения текста волнение улеглось, и вновь перед переполненным залом был Рузвельт, которого привыкли видеть, – уверенный в своей правоте, улыбающийся, чуть ироничный. Концовка речи прозвучала твердо, с привычной

для него интонацией, подчеркивающей значительность момента:

«Мир, который мы строим, не может быть американским или британским миром, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместных усилиях всех стран... Конференция в Крыму была поворотным пунктом, я надеюсь, в нашей истории так же, как и в истории всего мира. Вскоре сенату Соединенных Штатов и всему американскому народу будут представлены для ратификации ее великие решения, которые определяют судьбу Соединенных Штатов и всего мира на период жизни будущих поколений...

Ни один план не является совершенным... В то, что будет одобрено в Сан-Франциско (Рузвельт имел в виду предстоящую конференцию Организации Объединенных Наций, которая должна была утвердить ее устав. – *В.М.*), несомненно, время от времени будут вноситься изменения, как было с нашей собственной Конституцией... Крымская конференция... призвана обозначить конец системы односторонних действий, замкнутых блоков, сфер влияния, баланса сил и всех других подобных же методов, которые использовались веками и всегда безуспешно. Мы предлагаем поставить на их место всемирную организацию, которая в конечном счете объединила бы все миролюбивые нации...» 144 Этот призыв почти слово в слово повторял обещание В. Вильсона обеспечить торжество моральных принципов в международных отношениях, сделанное им в 1919 г. после окончания Версальской конференции.

Прощальное послание

После выступления в конгрессе Рузвельт отправился на пару дней в Гайд-Парк, чтобы «отоспаться». Усталость давала себя знать, и Рузвельт намеревался твердо придерживаться совета врачей и дочери Анны – укоротить рабочий день и не перегружать себя делами, требующими нервного напряжения. Предполагалось, что в конце марта президент возьмет двухнедельный отпуск, чтобы провести его в малом Белом доме в Уорм-Спрингс, штат Джорджия. Там, в принадлежащем ему и известном уже всему миру поместье, президент намеревался подготовиться к предстоящему выступлению на открытии конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. Появление перед делегатами в Сан-Франциско Рузвельту виделось как кульминация многотрудных усилий его и его партнеров по коалиции на пути формирования новой структуры мира. Триумф в Сан-Франциско и (кто мог уже в этом сомневаться) победоносное завершение войны в Европе должны были не только символизировать счастливый конец пережитой человечеством кровавой исторической драмы, но и стать прологом дня грядущего, когда здравый смысл, а также добровольное сотрудничество всех больших и малых стран при неременном сохранении единства великих держав будут признаны руководящим принципом мирового сообщества. Идея справедливого мира «для всех» под эгидой «четырех полицейских» (США, СССР, Англия, Китай) уживалась с политическим расчетом. Рузвельт возвращался к формуле вильсоновского «идеализма» с той только разницей, что в новой ее трактовке признание лидирующей роли Соединенных Штатов в мировых делах приобретало характер абсолютного императива.

За исходный принимался факт резкого экономического ослабления всех стран и превращения США в этих условиях в образец социально-экономического развития для остального «свободного» мира, в своего рода эталон для подражания, что подразумевало одновременно и верховенство национальных интересов США, и достижение преобладающего влияния американской культуры в широком понимании этого слова. Важным аргументом должны были стать многочисленные военные базы США, рассеянные на всех континентах, а также торговая и финансовая экспансия. И, наконец, все должно было венчать атомное оружие. Соединенные Штаты должны «интересоваться делами во всем мире и не должны ограничивать свои интересы Северной Америкой, Южной Америкой и районом Тихого океана» – так Гопкинс в беседе с советскими руководителями в мае 1945 г. разъяснил

подход Рузвельта к внешней политике. Он дал понять, что этот курс будет сохранен и при его преемнике.

За этой короткой репликой стояли очень серьезные решения, венчающие собой все то, что было достигнуто в ходе силового противоборства и военной мобилизации в структуре экономики США, создания военно-промышленного комплекса, превосходившего по своим масштабам военные арсеналы главных союзников, другими словами – агрегированный военно-промышленный потенциал США (включая его научно-техническую составляющую) и реальное положение на театрах военных действий. Прежде всего на Тихом океане. Война в тихоокеанском регионе была параллельной войной, прямо не связанной с военным конфликтом в Европе, оставалась почти до последнего момента чисто «американским делом». В ходе ее США решали, по существу, собственные задачи, самоутверждаясь в качестве главной державы и военной силы в регионе, не нуждающейся (и не допускающей) ни в каких согласованиях своей политики с союзниками.

В 1943 – начале 1944 гг. американцы достигли первых значительных успехов в ходе операций по вытеснению японцев с Соломоновых островов, из Новой Гвинеи и Центральной части Тихого океана (острова Гильберга). После разгрома японского флота в Филиппинском морском сражении в октябре 1944 г. и последующего освобождения Филиппин американские ВМС достигли полного господства на море. Однако с каждым новым успехом по «зачистке» акватории Тихого океана становилось ясно, что разгром японцев в Китае, Бирме, Маньчжурии, организация вторжения на территорию собственно Японии не могут обойтись без больших потерь. Массированное наращивание вооруженных сил и вооружений как следствие этого становилось главной предпосылкой решающего успеха. К 1945 г. США имели более 14 современных авианосцев в составе действующих на Тихом океане флотов. Каждый из них был базой до 100 самолетов. Однако спрогнозировать продолжительность по времени войны на Тихом океане не решался никто в военном руководстве США. Превратив азиатско-тихоокеанский регион во внутреннее море США, в гигантский стратегический «укрепрайон», Вашингтон обеспечил на долгие годы здесь свое военное присутствие, но в сложившихся условиях, когда сроки окончания боевых действий становились фактором в политическом отношении исключительно важным, если не решающим, Рузвельт не собирался умалять значение дипломатии. Ялта наталкивала на использование ресурса совместных действий прежде всего в силовом варианте. Возможности атомной бомбы были все еще не ясны, как не ясен был и ход событий в освобождаемых от японской оккупации колониальных странах, где ширилось партизанское движение под флагом борьбы за независимость.

Вот почему Рузвельт придавал важное значение серии намечаемых при участии США важных международных встреч и конференций. Среди первых из них была конференция в Сан-Франциско. Этот форум и его речь, которая должна была стать программой на весь первоначальный этап деятельности ООН, рассматривались Рузвельтом еще и как важное средство снятия внутреннего напряжения, накопившегося в политической атмосфере страны накануне Ялты и сразу после нее, когда оппозиционная печать исподволь, переждав первую реакцию одобрения, принялась будоражить публику намеренно преподносимыми в виде катастрофических сенсаций «догадками» о заключенных в Ялте секретных соглашениях. В них правда перемежалась с вымыслами, обычные журналистские спекуляции – с обвинениями в «тайном сговоре» с русскими и т. д. Явно алармистское обыгрывание «прихода Советов» в Центральную Европу вызывало раздражение президента, которое усиливалось от того, что он был лишен возможности дать ему выход в ответе на пресс-конференции. Законы военного времени заставляли хранить молчание. Вблизи не было и Гопкинса, способного в таких случаях поставить на место любого из зарвавшихся или по крайней мере дать полезный совет. На полпути из Крыма президент и его ближайший советник расстались. Гопкинс, чье здоровье было подорвано, не возвращаясь в Вашингтон, вынужден был вновь отдать себя в руки врачей клиники Мэйо в Миннесоте.

Отсутствие в Белом доме Гопкинса не только прибавило работы, но и существенно

нарушило такой устоявшийся с годами процесс принятия решений, а также контроль за функционированием необычайно разбухшего правительственного аппарата, многочисленных служб и ведомств, многие из которых становились трудноуправляемыми. Однако внешне все оставалось по-прежнему. Президент начинал свой рабочий день между 8 и 9 часами. К 10 часам 30 минутам он завершал просмотр срочных телеграмм и бумаг, отфильтрованных секретарями, и направлялся в Овальный кабинет. Иногда на своем пути Рузвельт навещал Комнату карт, куда сходились все нити руководства военно-стратегическими операциями и дипломатической деятельностью США в годы войны и где долгое время хозяйничал Гопкинс. Обычный распорядок, как отмечал в марте 1945 г. журнал «Форчун», ничем не нарушался. В Овальном кабинете «все самые важные депеши госдепартамента, а также военные сводки оказывались на столе президента. И хотя он много читал, он не мог бы соперничать в этом с Черчиллем. Рузвельта называли «человеком, живущим общением с окружающими», он любит получать информацию из разговоров с людьми. Его все меньше интересуют детали, но великолепная память позволяет ему схватывать и хранить то, что ему нужно» 145. Чаще других еще на пути в Овальный кабинет вблизи президента появлялась теперь фигура начальника его личного военного штаба адмирала У. Леги. Приближая к себе этого видного представителя военных кругов, Рузвельт хорошо знал о различиях во взглядах Леги и старых ньюдилеров, в частности Гопкинса, на проблемы послевоенного урегулирования, но к этому давно все привыкли: работать с людьми, заведомо неодинаковыми в своем восприятии происходящего, было одной из самых приметных черт Рузвельта-политика.

Выбор определялся отчасти давней дружбой президента с У. Леги, а отчасти резким увеличением удельного веса военно-стратегических вопросов в повестке дня президента. Имена адмиралов и генералов – Леги, Кинга, Маршалла, Эйзенхауэра, Макартура, Арнольда – мелькали в памятках секретарей президента не реже, чем имена членов конгресса, дипломатов и представителей делового мира. Март 1945 г. был особенно насыщен такими встречами и беседами. Тяжелые раздумья вызвала встреча с глазу на глаз с военным министром Г. Стимсоном 15 марта. То, что казалось маловероятным или почти невероятным, вдруг обернулось адской мыслью о неотвратимости предстать перед судом истории еще и в качестве «хранителя» испепеляющего оружия массового уничтожения. «Манхэттенский проект» ожил, превратившись в этот день для Рузвельта из преимущественно лабораторного эксперимента, лишь временами напоминающего о себе постоянно растущими ассигнованиями, докладами генерала Гровса, встречами с учеными, в огромную моральную проблему.

Когда за Стимсоном закрылась дверь, цепкая память президента молниеносно «прокрутила» всю историю создания «супербомбы», выхватывая самые важные эпизоды. 1939 год, письмо Эйнштейна и начало работ в кооперации с англичанами, назначение руководителем научного центра в Лос-Аламосе Роберта Оппенгеймера и напутствия ему, сопровождаемые напоминанием о важности не дать Гитлеру опередить Соединенные Штаты в деле создания атомного оружия 146. Весна 1944 г., просьба Ф. Франкфуртера принять датского физика Нильса Бора и длинная, полуторачасовая, беседа с ним. Ради сохранения доверия между союзниками Бор предлагал информировать Советский Союз о ведущихся работах над проектом S-1. Рузвельт отчетливо помнил, что он тогда сказал Франкфуртеру («Вся эта вещь смертельно тревожит меня») 147.

Президент познакомился с меморандумом Нильса Бора от 3 июля 1944 г., переданным ему Франкфуртером, и принял ученого 26 августа, но высказанная Бором идея о временном характере всякой монополии на атомное оружие показалась ему недостаточно убедительной. Потому-то он и дал уговорить себя Черчиллю, неприязненно относящемуся к Бору, зафиксировать их совместное негативное отношение к предложению проинформировать Советский Союз в общих чертах о «Манхэттенском проекте». Подписав 19 сентября в Гайд-Парке вместе с Черчиллем секретную «памятную записку», он вместе с премьер-министром санкционировал слежку за Нильсом Бором со стороны спецслужб США и Англии 148.

Рузвельт не раскаивался в том, что произошло, но и не был уверен, что поступил правильно. Предупреждение Бора о неизбежном возникновении кризиса доверия между союзниками в случае, если факт утаивания от Советского Союза информации о ведущихся с таким размахом работах над сверхмощным оружием дойдет до Москвы, болезненно отозвалось в сознании президента. Не покидала мысль: Бор прав, секретность в таком деле вполне оправданна в отношении врагов, но она едва ли приемлема в отношении союзника. Согласившись с ученым в том, что не только ничего не будет потеряно, а, напротив, будет получен прямой выигрыш в случае, если Советский Союз заблаговременно поставят в известность о «Манхэттенском проекте» 149, Рузвельт не слишком кривил душой. Он и сам приходил к этой мысли, но напористость Черчилля и желание достигнуть согласия с ним в Квебеке привели к обратному результату.

Прекращение контактов с Н. Бором произошло в такой форме, которая, казалось, делала невозможным их возобновление. Но, судя по всему, многим, причастным к этой истории, представлялось, что не все потеряно. Иначе как объяснить появление в бумагах того же Франкфуртера, переданных им позднее Р. Оппенгеймеру, «дополнения» к меморандуму Бора от 3 июля 1944 г., которое датируется 24 марта 1945 г.? Содержание документа недвусмысленно говорит о том, что ни Бор, ни Франкфуртер не утратили надежды на новую встречу с Рузвельтом и на положительное в принципе решение вопроса о международном контроле над атомным оружием. Примечательно, что в нем Бор вновь заявлял о неизбежном в ходе развития научно-технического прогресса овладении секретами производства атомного оружия многими странами (в первую очередь Советским Союзом в силу высокого уровня развития науки в этой стране) и, если возобладает недооценка их потенциала, превращении человечества в заложника безумной гонки вооружений такой разрушительной силы, которая превосходит любые мыслимые ранее масштабы 150. Заключительная часть «дополнения» была написана Бором так, как будто он продолжал разговор с Рузвельтом, начатый в тот многообещающий день – 26 августа 1944 г. Президент просил тогда снабдить его четким обоснованием неприемлемости накопления нового чудовищного оружия, а тем более соревнования в деле его совершенствования. «Человечество, – писал Бор, – столкнется с угрозой беспрецедентного характера, если в надлежащий момент не будут приняты меры с целью не допустить смертельно опасного соревнования в производстве невероятного по своей разрушительной силе оружия и установить международный контроль за производством и применением этих мощных материалов» 151.

Неясно, дошел ли этот документ до Рузвельта, успел ли он познакомиться с ним, пусть даже в чьем-то переложении. Скорее всего, нет. Во всяком случае, из переписки Франкфуртера, в распоряжение которого Бор передал свое «дополнение», следует, что ни в марте, ни в апреле 1945 г. он не имел возможности переговорить с президентом, хотя и был готов к этому разговору.

Но к идеям «опального» Бора вернул Рузвельта доклад военного министра 15 марта. Стимсон, курировавший работы над атомным проектом, сторонник международного контроля над атомным оружием, сделал это, возможно, и не подозревая, что фактически, не посчитавшись с однажды выраженной президентом желанием держать бомбу «в сейфе», своим докладом потребовал от него еще раз переосмыслить проблему заново, прежде чем принять уже окончательное решение.

Стимсон рассказал об этом важном эпизоде впервые 28 июня 1947 г. в газете «Вашингтон пост». Но, по сути дела, эти воспоминания Стимсона являлись авторизованным переложением записи в его «Дневнике» от 15 марта 1945 г. Ниже приводится фрагмент из газетного варианта:

«15 марта 1945 г. я последний раз разговаривал с президентом Рузвельтом. Мои дневниковые записи этой беседы дают достаточно ясную картину состояния нашего мышления в то время. Я только изъясил из них имя одного известного государственного деятеля (очевидно, это был министр финансов Г. Моргантау. –

В.М.), который страшился, как бы «Манхэттенский проект» не оказался мыльным пузырем. Таково было общее мнение многих людей, которые были недостаточно хорошо информированы.

Президент... предложил мне сегодня позавтракать с ним... Прежде всего я обсудил с ним меморандум... который он мне прислал. Автор меморандума, обеспокоенный слухами о непомерных расходах на «Манхэттенский проект»... заявил, что все это стало невероятно обременительным, и предложил создать комиссию незаинтересованных ученых, которые разберутся в этой истории. По его словам, ходят слухи, что Ванневар Буш (советник Рузвельта по делам науки. – *В.М.*) и Джим Конант соблазнили президента мыльными пузырями. По своему содержанию это был довольно-таки злой и глупый документ, к которому я был подготовлен. Я передал президенту список ученых, которые были заняты в работе над атомной бомбой с тем, чтобы продемонстрировать очень высокий уровень их деятельности. В списке фигурировали четыре лауреата Нобелевской премии... Затем я нарисовал будущее атомной энергии и назвал срок завершения работы над бомбой. Я сказал, что все это крайне важно. Мы обсудили с президентом вопрос о двух школах мышления по вопросу о будущем контроле над атомным оружием после войны, если работа над ним увенчается успехом. Один подход выражается в убеждении, что контроль должен оставаться в руках тех, кто осуществляет его сейчас (т. е. США и Англии. – *В.М.*). Другой исходит из необходимости установления международного контроля, опирающегося на принцип свободы как в отношении науки, так и в отношении ее использования в практических целях. Я сказал президенту, что все эти проблемы должны быть решены до того, как первое устройство будет использовано, что он должен быть готов выступить с заявлением перед американским народом, как только все будет сделано. Он согласился с этим...» 152

Как расшифровать эту запись Стимсона? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Есть, разумеется, основания считать, что конфликт, возникший между Рузвельтом и Бором, не был просто трагическим недоразумением 153, что президент США в данном вопросе так же, как и Черчилль, придерживался примерно такой же жесткой линии, отвергая идею международного контроля над атомным оружием на основе равноправного участия в нем всех стран антигитлеровской коалиции. И все же категорически это утверждать нельзя. Огромный опыт государственной деятельности, развитое чувство истории, наконец, умение прислушиваться к мнению ближайших советников, многие из которых принадлежали к той же «школе мышления», что и Франкфуртер, – все это в конечном счете позволяло сделать адекватные обстановке и с учетом перспективы выводы. Время краткосрочного «отшельничества» в Уорм-Спрингсе (это уже стало правилом) всегда отводилось Рузвельтом для размышлений над особо трудными, «неподдающимися» вопросами внутренней и внешней политики.

Позднее человек, которого американцы называли «отцом атомной бомбы», Роберт Оппенгеймер, скажет: «Мы сделали работу за дьявола». Он откажется участвовать в создании водородной бомбы, полагая, что этот путь ведет к гонке ядерных вооружений, а Элеонора Рузвельт в разгар маккартистской истерии в стране, выразив в специальном письме Оппенгеймеру свою убежденность в лояльности ученого и оправданности его поступка 154, подскажет, в чем и где гражданское мужество Оппенгеймера перекликалось с тем выбором, который обдумывал президент Рузвельт в марте – начале апреля 1945 г. Нельзя также считать простым совпадением, что ровно через год после своей последней встречи с Рузвельтом, 15 марта 1946 г., ушедший в отставку военный министр Г. Стимсон напишет в популярном и широко читаемом тогда журнале «Харперс» следующее: «Мы не должны опоздать. Ядовитые семена прошлого очень живучи и не могут быть уничтожены профилактическими мерами. Монополю владения бомбой, по крайней мере на сегодняшний момент, Соединенные Штаты занимают лидирующее положение в мире. Но это положение скорее всего является преходящим. Наша страна должна признать это и действовать

незамедлительно. Она должна выступить с инициативой, протянув дружескую руку другим государствам, в духе полного доверия и желания добиваться всестороннего сотрудничества в деле решения этой проблемы» 155. Призыв Стимсона остался без последствий, подтвердив тем самым, что новый хозяин Белого дома (Г. Трумэн) не намерен был возвращаться к политике согласованных решений.

Переход внешнеполитического курса США на рельсы атомной дипломатии носил скачкообразный характер и был связан с уходом со сцены старой администрации, фактически бессменно просуществовавшей с 1933 г. Это не противоречит тому, что материальные, психологические и доктринальные установки для такого перехода складывались постепенно, исподволь, расширяя возможности для правых сил атаковать президента и рузвельтовских либералов с самых неожиданных направлений и в самое неожиданное время.

Геополитический и идеологический факторы обнаружили себя в виде вызова, который был брошен Западу продвижением Красной Армии к Берлину. Им принадлежит решающая роль в реинкарнации синдрома страха и недоверия к союзнику, подготовившего всплеск «истерического антисоветизма» (этот термин принадлежал Джорджу Кеннану) 156 в первые же послевоенные годы. Распад традиционных государственных структур в странах Восточной и Юго-Восточной Европы под комбинированными ударами левых сил и внешнего воздействия ослаблял позиции прорузвельтовского политического течения и усиливал оппозицию. Температура общественного возбуждения, подогреваемая прессой, поднималась по мере того, как советские войска выходили на рубежи Берлина, Праги и Вены. Заговорили о «Советском халифате». Всегдашние критики внешней политики Рузвельта, лидеры республиканцев – Г. Гувер, Р. Тафт, Г. Фиш, Б. Уилер и др. – получили отличную возможность заявить, что они были правы, требуя от правительства не оказывать помощи Советскому Союзу 157. Все это ставило Рузвельта в очень сложное положение.

Принимая решение удалиться в Уорм-Спрингс с целью оказаться ненадолго как бы вне зоны повышенной политической активности, Рузвельт в душе надеялся, что две предстоящие недели после 29 марта могут стать периодом, за которым должно последовать главное событие – победа в Европе, автоматически снимавшая многие острые вопросы, на которых оппозиция хотела бы нажать капитал. Однако надежды на то, что ему удастся немного передохнуть, а главное, сосредоточиться на ключевых вопросах, международных и внутренних, не оправдались. Кто-то, предусмотрев вариант с выездом президента из Вашингтона и паузой в его контактах с прессой, решил заполнить ее встряской на манер той, что устроил двумя годами раньше У. Буллит, публично выступивший с проповедью подготовки к будущей войне против Советского Союза. На сей раз роль «возмутителя спокойствия» была предоставлена Джорджу Эрлу, видному деятелю Демократической партии, проработавшему почти три года резидентом американской разведки в Турции.

Эрл, усердно потрудившийся на лоне установления контактов с «миротворцем» фон Папеном и сделавший своей *idea fix* угрозу гибели «западной цивилизации» от рук «красных», объявил в личных письменных посланиях президенту накануне его отъезда в Уорм-Спрингс о намерении выступить в печати с серией статей в жанре политического детектива. Тот факт, что Эрл состоял на действительной военной службе и был близко знаком с президентом, другими видными деятелями администрации, делал ситуацию не просто щекотливой, но и политически крайне опасной. Речь в серии должна была идти об упущенных шансах на заключение сепаратного мирного договора западных союзников с Германией и о спасении стран Восточной Европы. Главный удар наносился по Рузвельту. Сколько сильных слов было сказано самим президентом о союзническом долге и войне с гитлеризмом до полной победы, и вдруг – тайные контакты (без уведомления союзников) с эмиссарами гитлеровского рейха, планы участия в заговорах с целью приведения к власти Гимmlера и многое другое!

Полученные президентом через посредство исполняющей обязанности его секретаря дочери Анны письма Эрла, наспигованные показным елеем и раболепием, таили в себе

взрывоопасную ситуацию, которая надолго могла отравить атмосферу не только внутри страны. Предстояли важные переговоры и, судя по всему, новая встреча «большой тройки». Идти на них под аккомпанемент пересудов, вызванных «исповедью» Эрла, Рузвельт считал непозволительным риском с непредсказуемым исходом. Не было времени выяснить источник дезертирства Эрла – поиски могли завести слишком далеко. Вместо этого требовалось, как считал Рузвельт, оперативное вмешательство с тем, чтобы закрыть доступ в политику дополнительному заряду разрушительных эмоций. Президент сам берется написать ответ Эрлу, находя для этого убедительную форму напоминания офицеру военно-морского флота о верности присяге в условиях военного времени. Письмо Рузвельта было датировано 24 марта 1945 г. Вот оно.

«Дорогой Джордж!

Я прочитал Ваше письмо от 21 марта, адресованное моей дочери Анне, и с беспокойством узнал о Ваших планах опубликовать неблагоприятное мнение об одном из наших союзников как раз в такой момент, когда подобная публикация бывшего моего специального эmissара могла бы нанести непоправимый вред нашим военным усилиям. Как Вы сами пишете, Вы занимали важные позиции, будучи облеченным доверием Вашего правительства. Публиковать информацию, полученную на этом правительственном посту без соответствующего разрешения на то руководства, было бы величайшим предательством. Вы пишете, что предадите эту информацию гласности, если до 28 марта не получите от меня отрицательного ответа. Я заявляю, что не только считаю непозволительным появление подобной публикации, но и специально запрещаю Вам публиковать любую информацию или публично выражать мнение о нашем союзнике, базирующееся на данных, которые Вы получили, находясь в рядах военно-морских сил страны» 158.

Как раз накануне отъезда Рузвельта в Уорм-Спрингс пришел ответ от Эрла, датированный 26 марта. Он начинался словами: «Я получил Ваше письмо от 24 марта. Я подчиняюсь каждой букве Вашего приказа Верховного главнокомандующего вооруженными силами США». Далее следовал поток словоизвержений с заверениями в личной преданности и жалобами на недопонимание. Но это представлялось Рузвельту уже не имеющим никакого серьезного значения. Инцидент был исчерпан, «дело Эрла», казалось, можно было сдать в архив. Однако состояние напряжения не проходило. Взрывоопасность ситуации не воспринималась бы так остро, если бы демарши Эрла и тех, кто поддерживал его, были бы единичным явлением. Со слов Шервуда, навестившего президента 24 марта, ему стало известно, что точно такой же позиции придерживается генерал Макартур, командующий вооруженными силами союзников на Тихом океане, и чуть ли не весь его штаб. Факт почти синхронного совпадения «торпедной атаки» Эрла на «дух Ялты» с другими событиями, подвергшими серьезному испытанию доверие между союзниками, усиливал ощущение нараставшего кризиса.

Скрытая от глаз накаленность атмосферы объяснялась в значительной степени еще и настойчивыми усилиями Черчилля, а внутри США прессы Херста, Патерсона и Маккормика навязать ему ревизию Ялтинских соглашений по польскому вопросу, которые, как считал Рузвельт, давали достаточную и реалистическую основу для взаимоприемлемых решений 159. Но, пожалуй, в еще большей мере она исходила от очага, который заявил о себе так называемым «бернским инцидентом», протекавшим в драматической форме конфликта между Вашингтоном и Лондоном, с одной стороны, и Москвой – с другой, и вызванным тайными переговорами генерала СС К. Вольфа с резидентом Управления стратегических служб в Швейцарии Алленом Даллесом. Переговорам в Берне предшествовала начиная с января 1945 г. длительная история тайных контактов эmissаров американской и английской разведок с представителями разведки Третьего рейха в Италии. В ходе этих контактов речь шла о «спасении западной цивилизации» путем открытия фронта перед наступающими англо-американскими войсками 160.

Многие из ближайшего окружения Рузвельта, из тех, разумеется, кто был посвящен в курс дела, полагали, что «заслуга» в привнесении особой нервозности в дипломатическую переписку между главами трех союзных держав в марте – апреле 1945 г. принадлежит английскому премьер-министру. Так, например, Джозеф Дэвис, выполнявший накануне Потсдамской конференции важные поручения Г. Трумэна, писал президенту США, что законные опасения советского руководства в отношении намерений западных союзников заключить секретное соглашение с гитлеровцами «на Западном фронте в ущерб русским, сражающимся на Восточном фронте», имели основания по причине той непримиримой враждебности, которую Черчилль, не таясь, питал к Советскому Союзу 161. Возможно, Дэвису очень хотелось верить, что Рузвельт не имел непосредственного отношения ко всей этой провокационной и опасной затее, вызвавшей, как признавал тот же Дэвис, кризисную ситуацию 162.

Но так или иначе уже в начале марта операция «Кроссворд» напомнила о себе завязавшейся интенсивной и исключительно напряженной дипломатической и межведомственной перепиской. И чем дальше, тем сильнее она обозначалась именно той гранью, которая вызвала вполне обоснованные подозрения советского правительства в новых попытках кое-кого на Западе пойти по пути сговора с гитлеровцами и взорвать коалицию антифашистских держав.

Первая реакция советского правительства на поступившую 12 марта из Вашингтона и Лондона информацию о контактах в Швейцарии (они проходили в Лугано, Цюрихе и Асконе) была спокойной: речь шла об условиях капитуляции частей вермахта в Северной Италии, и поэтому СССР поставил лишь вопрос об участии советских представителей в его обсуждении. Однако неожиданно в ответ Москва получила совершенно неубедительные разъяснения, советское предложение было отвергнуто, а после этого обмен посланиями между Москвой и Вашингтоном напоминал удары боксеров на ринге.

«Бегство» Рузвельта 29 марта 1945 г. в Уорм-Спрингс оборачивалось непрерывным распутыванием труднейшего узла, образовавшегося в результате тайной интриги американской и английской спецслужб, затеянной в расчете на ту политическую выгоду, которую западные союзники надеялись извлечь, вновь прибегая к «альтернативной военной стратегии» 163. Так же как и раньше, ее суть состояла в том, чтобы с наименьшими издержками, используя готовность изверившихся в победе Гитлера военных и политических деятелей Третьего рейха открыть Западный фронт, продвинуться далеко вперед на Восток и взять под свой контроль всю территорию Центральной Европы. Как далеко от целей, провозглашенных 1 марта 1945 г., могла увести эта стратегия? Этот вопрос вставал перед Рузвельтом во весь рост. Сообщения, поступившие из Москвы в конце марта, о «невозможности» для В.М. Молотова прибыть на открытие конференции в Сан-Франциско не могли быть для президента неожиданностью: советское руководство никогда не скрывало, что нарушения союзнических обязательств не безобидная вещь, да и весь опыт советско-американских отношений начиная с 1933 г. наталкивал Рузвельта на терпеливый поиск взаимоприемлемых решений возникшей кризисной ситуации.

Неожиданно еще одно подтверждение правильности формулы «сдержанность плюс твердость» Рузвельт получил почти одновременно из Москвы и из Лондона. 5 апреля 1945 г. советское правительство денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. Никому в Америке не нужно было объяснять, что это значило. В разговоре с личным секретарем Хассетом и д-ром Брюнном президент признал, что это «был мужественный шаг со стороны Сталина»: 164 в момент, когда главные силы Красной Армии все еще вели тяжелейшие бои в Германии, осложнения с Японией могли создать для Советского Союза рискованную ситуацию. На своей самой короткой, 998-й пресс-конференции для горстки журналистов, аккредитованных при малом Белом доме, Рузвельт, отвечая на вопрос, еще раз дал понять о неизменно высокой оценке Ялтинских договоренностей.

В полученной 6 апреля телеграмме посол Вайнант сообщал из Лондона, что последнее послание Рузвельта Сталину, по его мнению, «полностью устранило почву для недоверия

русских». Но начало депеши содержало смелую критику избранной Вашингтоном и Лондоном тактики, поставившей самого президента в затруднительное положение. В целом же во всем содержании послания сквозило неодобрение в отношении беспрестанных угроз Черчилля публично обрушиться на принципы согласованной в Ялте политики по польскому вопросу и линии премьер-министра на искажение подхода СССР к послевоенному урегулированию в Европе. Вайнант, опираясь на свой опыт работы в Европейской консультативной комиссии, писал о готовности советской дипломатии к компромиссам 165. Поступившее от Сталина на другой день послание убеждало в том, что в Москве и в самом деле не видят проку в раздувании конфликта, коль скоро все основные принципы совместного ведения войны против общего врага были подтверждены и еще раз зафиксированы в ходе обмена посланиями.

Вероятность знакомства Рузвельта с полученным 5 апреля Леги секретным докладом группы компетентных военных аналитиков под заглавием «О достижении согласия с Советами» также заслуживает быть упомянутой здесь. Главный постулат доклада звучал следующим образом: «Сохранение согласия союзников в процессе ведения войны должно оставаться центральной и приоритетной целью нашей военно-политической стратегии в отношениях с Россией». Весь же доклад, включая рекомендации и проект послания президента Сталину, по существу, был посвящен вопросу об устранении кризисных последствий в отношениях между союзниками, вызванных «бернским инцидентом». Переговоры в Берне, без обиняков заявлялось в докладе, породили «недоразумение такой тяжести, что нельзя жалеть усилий для его скорейшей ликвидации». Прямо противоположно тому, как это было сделано в посланиях Сталину, в докладе оценивалась степень опасности, возникшей для боевого сотрудничества западных союзников и СССР и установившегося между ними духа доверия.

Рекомендации экспертов состояли из двух пунктов. В первом излагалось предложение в дополнение к телеграмме от 4 апреля в качестве меры восстановления доверия направить специальное послание президента в Москву с приглашением командировать советских военных представителей на Западный фронт. Во втором предлагалось потребовать от генерала Дина воздерживаться от любых опрометчивых шагов в стиле «жесткой» линии по отношению к Советскому Союзу. Приложенный к докладу проект послания президента США Сталину состоял всего из нескольких строк: «Я настолько сильно обеспокоен заслуживающим всяческого сожаления печальным недоразумением, возникшим между нами, что хотел бы дополнить свое послание от 4 апреля предложением направить группу советских представителей, которым Вы полностью доверяете, на Западный фронт, где им будут предоставлены все возможности наблюдать военные операции и убедиться в лучших намерениях правительств Англии и США» 166.

Решение, каким должен быть ответ Сталину, пришло не сразу. Ясно было только одно: это должно быть последнее послание, подводящее черту под «бернским инцидентом». Возникла мысль начать с выражения признательности за «откровенность» в изложении советской позиции, а затем напомнить, как этого хотели Маршалл и генерал Дин, об американском «пакете» претензий к Советскому Союзу. В меморандуме адмиралу Леги, набросав отдельные положения будущего ответа, Рузвельт пространно объяснял, что успехи на Западном фронте тоже достигаются в результате кровопролитных боев. Однако концовка этого наброска, предложенного Леги для размышления и направленного ему 9 апреля, содержала призыв сохранять единство: «Мы сейчас стоим перед самой важной задачей соединения наших усилий ради достижения окончательного разгрома противника. Так сделаем это на разумной основе, как добрые союзники, руководствуясь взаимопониманием. Вы согласитесь со мной, я в этом уверен, что именно в этом корни надежды на создание лучшего мира» 167.

Но затем идея «длинного» послания Сталину отпала сама собой. Отложив все, в сущности, по совету Вайнанта, Рузвельт посчитал необходимым охладить пыл Черчилля, похоже полного решимости организовать антисоветский демарш в парламенте и новую

словесную перестрелку по дипломатическим каналам уже по польскому вопросу. 10 апреля он направляет в Лондон подготовленную Стеттиниусом телеграмму, призывающую проявлять выдержку и осторожность. А 11 апреля Рузвельт продиктовал на этот раз им самим составленное короткое послание премьер-министру: «Я бы хотел, насколько возможно, смягчить этот вопрос, поднятый русскими, поскольку такие вопросы в той или иной форме возникают ежедневно и большинство из них разрешается, как разрешился вопрос о встрече в Берне. Нам все же следует проявить твердость. Пока наша линия поведения была правильной» 168. Окончив диктовать, Рузвельт полистал настольный календарь. «Сегодня не отсылайте это письмо, – сказал он стенографистке. – Отшлите его в четверг, 12-го числа».

Хотелось еще раз проанализировать все эти связанные между собой глубокой внутренней связью события и факты и сделать единственно правильный шаг, позволяющий всем ведущим державам антигитлеровской коалиции собраться в Сан-Франциско и быть «на дружеской ноге». Рузвельт откладывает все в сторону и принимается за текст давно обдумываемой речи, которую предстояло произнести в День памяти Джефферсона 13 апреля. Это был прекрасный повод накануне Победы вернуться к такой жизненно важной для него теме «Век простого человека».

Совсем короткое время, проведенное в Уорм-Спрингсе, прибавило бодрости, подняло тонус. Возвращалось обычное состояние удовольствия от работы, хотя рядом и не было такой всегда надежной поддержки – Гопкинса, Розенмана, Шервуда. Зато были очень важные маленькие радости. Президент пригласил провести вместе с ним время близких ему Лауру Делано и Маргарет (Дейси, домашнее прозвище) Сакли, родственными связями с которыми он издавна дорожил. Рядом были личные секретари Уильям Хассет и Грейс Галли, кардиолог доктор Говард Брюн. Кроме них в коттедже в Уорм-Спрингсе гостила Люси Мерсер (Рузерфорд), приехавшая туда 9 апреля вместе с художницей Шуматовой, русской по происхождению. Последняя согласилась написать портрет президента, а он выразил желание позировать. В доме отсутствовала Элеонора Рузвельт, занятая в различных общественных мероприятиях в Вашингтоне, о чем, как уже стало между ними принято, никто из них не жалел. Они нуждались в таких паузах, чтобы отдохнуть от ставших уже привычными тренировок.

Во второй половине дня 11 апреля Рузвельт диктует стенографистке первый вариант речи о Джефферсоне, начав с обычных напоминаний о его месте и роли в истории США. Воспользовавшись случаем, Рузвельт не преминул подчеркнуть «особую ответственность США» за положение дел в мире. Затем он продолжал: «Мы не откажемся от решимости добиваться того, чтобы на протяжении жизни наших детей и детей наших детей не было третьей мировой войны... Мы хотим мира, прочного мира... Еще недавно могущественное, человеконенавистническое нацистское государство разваливается. Возмездие настигло и японскую военщину на ее собственной территории. Она сама напросилась на него, напав на Пёрл-Харбор. Но было бы недостаточно нанести поражение нашим врагам. Мы должны идти дальше и сделать все возможное, чтобы нанести поражение сомнениям и страхам, невежеству и алчности, которые сделали возможным весь этот ужас».

Рузвельт помедлил немного. Из «запасников» памяти всплыло высказывание Джефферсона о миссии науки быть посредником в устранении международных конфликтов. Следующий абзац речи звучал отголоском бесед с Франкфуртером и Бором: «Сегодня мы сталкиваемся с основополагающим фактом, суть которого состоит в том, что если цивилизации суждено выжить, то мы для этого должны культивировать науку человеческих отношений – способность всех людей, какими бы разными они ни были, жить вместе и трудиться вместе на одной планете в условиях мира».

Разрешите мне заверить вас, что моя рука тверда для работы, которую предстоит сделать, что я тверд в своей решимости выполнить ее, зная, что вы – миллионы и миллионы людей – присоединитесь ко мне для осуществления этой работы.

Эта работа, друзья мои, делается ради мира на земле. Конец этой войны будет означать

конец всем попыткам развязать новые войны, бессмысленному способу решения разногласий между правительствами путем массового уничтожения людей. Сегодня, когда мы ополчились против этого ужасного бедствия – войны и создаем условия для прочного мира, я прошу вас сохранять веру в успех. Я измеряю меру достижений на этом пути вашей преданностью делу и вашей решимостью. И всем вам, всем американцам, которые посвящают себя вместе с нами работе во имя прочного мира, я говорю: «Единственной преградой для приближения этого завтрашнего дня будут только наши сомнения в отношении дня сегодняшнего. Так давайте же пойдем вперед во всеоружии сильной и активной веры» 169.

Перечитав текст и вписав от руки последнюю фразу, Рузвельт уже знал, что он ответит Сталину. Отброшены были все варианты, в которых сквозил хотя бы намек на желание продолжить «выяснение отношений». Около полудня того же 11 апреля Рузвельт передал Хассету для отправки в Москву собственноручно написанный им текст телеграммы Сталину. Он был лаконичен: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся» 170.

Телеграмма была послана 12 апреля из Белого дома в Москву Гарриману и одновременно в Лондон Черчиллю. Связь работала бесперебойно. Через короткий промежуток времени, в тот же день, пришла шифровка от Гарримана с предложением опустить слово «незначительные». Президент ответил без промедления и в тоне, не терпящем возражений: «Я против того, чтобы вычеркнуть слово «незначительные», потому что я считаю бернское недоразумение незначительным инцидентом» 171.

Это были последние послания и распоряжения Рузвельта.

11 апреля неожиданно оказалось насыщенным событиями. Помимо чтения прибывших с почтой деловых бумаг, обдумывания речи по случаю Дня памяти Джефферсона и подготовки дипломатических депеш он был заполнен до отказа «мелочами», каждая из которых была важна сама по себе. Непростым делом было утрясти с пресс-секретарем Хассетом рабочий календарь до конца апреля (президент предполагал уехать из Уорм-Спрингса в среду, 18 апреля, пробыть день в Вашингтоне, а затем отправиться поездом в Сан-Франциско). На утро следующего дня Рузвельт назначил стенографирование своей речи перед участниками учредительной конференции Организации Объединенных Наций. После полудня Рузвельт совершил прогулку на автомобиле в обществе Люси Рузерфорд и Маргарет (Дейси) Сакли. Вечером в малом Белом доме появился министр финансов Генри Моргентау, занявший президента трудным разговором о будущем Германии. Внезапно оборвав беседу в том месте, где Моргентау вернул его к плану расчленения Германии, президент перевел ее в иное русло, в область воспоминаний и смешных историй о Черчилле. Расставаясь, Рузвельт дружески извинился за краткость их беседы, сославшись на предстоящие завтра встречи. Ему хотелось выспаться перед тем, как утром следующего дня его разбудят секретари с всегдашней порцией утренней почты.

12 апреля началось, как обычно, чтением газет. Они сообщали о взятии Вены русскими и о боях войск маршала Г.К. Жукова в 40 милях от Берлина, о добровольной сдаче в плен сотен тысяч германских солдат на Западном фронте и о боях англо-американцев в окрестностях Болоньи. Затем сеанс с художницей Шуматовой, заканчивавшей портрет президента. Все время сохранять неподвижную позу было делом утомительным. В короткие промежутки Рузвельт подписывал деловые бумаги и перебрасывался двумя-тремя словами с окружающими. Все восприняли как шутку его реплику о желании подать в отставку с поста президента. Вопрос присутствовавшей тут же его кузины Лауры Делано: «Вы это серьезно? И что же вы будете делать?» – не застал его врасплох. «Я бы хотел возглавить Организацию Объединенных Наций», – ответил Рузвельт.

Где-то сразу после 1 часа дня 12 апреля 1945 г. он внезапно почувствовал «ужасную головную боль», а затем потерял сознание. Попытки окружающих и в их числе Дейси Сакли и Люси Рузерфорд, а также д-ра Брюна привести его в чувство ничего не дали. В 3 часа 45 минут президент США умер от обширного кровоизлияния в мозг. Уход из жизни Рузвельта накануне исторических событий решающего значения был воспринят как тяжелая утрата, прежде всего для трудного дела выработки новой философии безопасности в условиях действия уже проявившихся, но еще не осознанных никем глобальных факторов развития – социально-экономических, геополитических, национальных, военных, научно-технических.

Рузвельт был одним из тех немногих политиков, кто шел ощупью к постижению драматически проявивших себя тенденций в условиях возникшей напряженности, сложившейся в межсоюзнических отношениях в финальной фазе войны, быстрого размывания привычных стереотипов и появления различных проектов социально-экономического бескризисного развития человеческого сообщества 172. Понимание реальности безвозвратно ушедшей эпохи элитарной, классово-сословной политики проявилось в его джефферсономизме, в особой чувствительности к миру «простого человека», миру «одиноким толпы». Панорама нового мира в его техногенном измерении также занимала существенное место в его «основополагающих предположениях» о будущем. Он не скрывал, что видит решение вопроса в интернационализации «нового курса».

То, что внес Франклин Рузвельт как государственный деятель и дипломат в летопись американской истории (имея в виду ее практический и идеологический аспекты), обеспечило ему особое место рядом с Вашингтоном, Джефферсоном и Линкольном. О роли же Рузвельта в восстановлении позитивной традиции в русско-американских отношениях было сказано Гарри Гопкинсом сразу же после капитуляции Германии. «Рузвельт... – говорил он на встрече с советскими руководителями в Москве 26 мая 1945 г., – не упускал из виду того факта, что экономические и географические интересы Советского Союза и Соединенных Штатов не сталкиваются. Казалось, что обе страны прочно стали на путь, и он, Гопкинс, уверен, что Рузвельт был в этом убежден, который ведет к разрешению многих трудных и сложных проблем, касающихся наших обеих стран и остального мира. Шла ли речь о том, как поступить с Германией или с Японией, или о конкретных интересах обеих стран на Дальнем Востоке, или о международной организации безопасности, или, и это не в последнюю очередь, о длительных взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом – Рузвельт был убежден, что все эти вопросы могут быть разрешены и что в этом его поддержит американский народ» 173. Гопкинс, разумеется, тогда не мог говорить об этом вслух, но, по-видимому, в «эти вопросы» входила и атомная проблема.

Вместо заключения

«Не великий человек, но без сомнения великий президент»

Читая новости из США, можно подумать, что Франклин Рузвельт и его «новый курс» переживают вторую реинкарнацию. В очередной раз сказалась закономерность, называемая иронией истории. Наследие эпохи «штормовых» предвоенных 30-х годов XX века с ее героями и антигероями, экономическим коллапсом на Западе и советскими пятилетками вошло в историческую память многих поколений американцев как эпоха Великой депрессии и сегодня внезапно стало частью повседневности, предметом всегдашних тревог и раздумий.

Начавшийся в 2008 г. мировой кризис стал общим бедствием для развитых и развивающихся стран, но сильнее всего он ударил по Соединенным Штатам. Искусственно раздутый материальный рай обернулся для американцев стихийно возникшей проблемой «токсичных» активов, непоплаченных долгов, покинутыми домами, безуспешными поисками работы, распродажей по бросовым ценам семейных бизнесов, потерей накоплений в банках и страховых компаниях и т. д. То, что еще в 90-х годах XX в. сохранялось в памяти ушедших

поколений, в статистике, в фольклоре, вернулось в жизнь. Безумная алчность и эгоизм «банкокиллеров» привели к надуванию мыльных пузырей иллюзорного процветания, в ловушку которого, не желая того, попались миллионы американцев, обманутых рекламой деривативов и «высокодоходных» финансовых пирамид. В очередной раз Америка, казалось, свыкшаяся с идеей консенсуса и поверившая было в «конец идеологий», оказалась расколотой злобой, разделенной на бедняков, людей с доходами ниже среднего достатка и «очень-очень» богатых.

Самым болезненным и абсурдным для пропагандистов «американизма» финансовых топ-менеджеров, экономических гуру, восславляющих «общество потребления», самовлюбленных политиков и, разумеется, среднего класса Америки оказалось признание неуправляемости самой большой экономикой в мире. Капитаны могучего экономического «Титаника» сами должны признать, что не могут быть успешными навигаторами. Эти последние, писала газета «Нью-Йорк таймс» в апреле 2010 г., только пытались «вникнуть в неоконченную историю, как американская экономика на полной скорости столкнулась с айсбергом». Ошеломляющим для большинства было открытие, продолжала газета, что «мы (т. е. американцы. – В.М.) живем в культуре, где умение считать и ответственность являются забытыми ценностями» 1. Едва ли можно найти что-либо более подходящее для подтверждения этого суждения, нежели чистосердечное признание бывшего председателя и топ-менеджера могущественной «Сити-группы» Чарльза Принса на заседании сенатской расследовательской комиссии финансового кризиса 8 апреля 2010 г., сказавшего буквально следующее: «Я выражаю глубочайшее сожаление, что финансовый кризис имел такое разрушительное воздействие на нашу страну. Я испытываю сочувствие миллионам наших людей, простым американцам, которые потеряли свои дома. И я сожалею, что наша команда менеджеров, начиная с меня, так же как и многие другие, не смогла увидеть беспрецедентный крах рынка, который ждал нас» 2.

Никто уже, ни бедные, ни богатые не задавались вопросом, почему государство в пожарном порядке вновь бросилось спасать банки от краха, а те, в свою очередь, безропотно соглашались на любые условия правительства в обмен на протянутую руку помощи государства и финансовые вливания за счет налогоплательщиков с целью уберечь финансовые учреждения от полного банкротства. Так было в дни банковской паники в марте 1933 г., сразу же после инаугурации Франклина Делано Рузвельта, то же случилось после возвращения демократов к власти зимой 2009 г. и весной 2010 г. История, таким образом, не просто повторилась, она напомнила, что невыученный урок чреват самыми печальными последствиями. Сразу обнаружилось, что именно отмена ограничений «нового курса» на финансовую деятельность банковских учреждений, их дерегулирование неолибералом Клинтон в 1999 г. и республиканским конгрессом «помогло, – как писал ведущий печатный орган США, – воссоздать предпосылки той самой паники, которая возникла и существовала до и после 1930 года» 3.

Острейшая общественная полемика, отражавшая сословно-классовую войну, как это было и в 30-х годах XX в., вновь перешла в плоскость жесткого противостояния двух парадигм. Одной, базирующейся на философии успешного «человека-одиночки», полуфеодальном типе трудовых отношений и на предоставлении полной свободы рук финансовой олигархии, подчинившей себе государственную машину. И другой, возникшей после банковской паники 30-х годов и прихода к власти администрации Рузвельта, вернувшей стране чувство ответственности, в спешном порядке перетряхнувшей и благодаря этому сохранившей всю кредитную систему страны, оказавшуюся в состоянии хаоса. Ее следствием стало внедрение новой регулируемой модели финансового и индустриального развития, в которой важная роль принадлежала государству, принявшему на себя функции главного регулятора. Новое законодательство ньюдилеров (и прежде всего закон Гласса – Стигалия 1933 г. 4), как писал недавно авторитетный журнал «Нью-Йорк таймс магазин», открывало «спокойный» период функционирования банковской системы, делая ее «вполне стабильной и разумно прибыльной» 5. Отстранение государства от денежной аристократии,

внедрение новых форм и видов правительственной помощи бизнесу, новых этических и организационных начал в хозяйственную деятельность, в систему отношений работник – работодатель создали весьма благоприятные предпосылки для динамичного развития конкурентной среды в хозяйственной деятельности и для статусного положения трудящихся классов. Была снята возможность общенационального социального взрыва.

В совокупности наметилось начало выхода из небывалого по степени разрушительности экономического кризиса 1929–1933 годов, а вместе с ним из кризиса власти, утраты доверия к ней и постепенному преодолению охватившего страну отчаяния в новой надежде на избавление от «черных четвергов» и обретении доверия к идее социально ответственного демократического государства (welfare state), подорвавшего господство крайнего индивидуализма как общественной философии. Может быть, сегодня это кому-то трудно себе представить, но речь шла, как пишет современный американский автор, о «восстановлении нации» 6.

Называют множество причин и факторов, способствовавших этому преобразению Америки в 1933–1939 гг. и выходу ее из экономического коллапса, удвоенного Второй мировой войной и мобилизационным порывом, связанным с ней. В появлении поверившего в себя «нового индустриального общества», как это принято говорить, важнейшую роль сыграли витальные силы нации, способные, как оказалось, выдержать удары судьбы, гнет неудач, добиться перелома и взять новые рубежи. Но им пришлось бы заплатить значительно более дорогую цену (а может быть, и пережить полномасштабную национальную катастрофу) за рывок в модернизационном развитии и к материальному достатку, если бы выбор лидера носил преимущественно случайный, неосмысленный, эмоциональный характер и не базировался на достаточно развитой политической культуре нации, продуманной системе отбора и на признании значения интеллекта и волевых качеств, соразмерных характеру сложнейших задач, стоящих перед страной.

В самый трудный для нее момент симпатии американской нации оказались на стороне политика, в котором она угадала сплав практицизма и идеализма. Именно этим и объясняется, что в центре предлагаемой вниманию читателя книги оказалась фигура Франклина Делано Рузвельта, чья роль в национальной Реформации США, начало которой было положено бескровной революцией первых 100 дней его пребывания в Белом доме в марте – июне 1933 г., невозможно переоценить. Ключ к объяснению этого явления не только в личном обаянии 32-го президента США, а прежде всего в замечательной жизнеспособности и, как мы видели, исторической долговечности предложенных им решений, сочетании «земных» и всем понятных целей с перспективным мышлением авторов американской перестройки, востребованности предложенного ими проекта последующими поколениями людей, живущих в разных странах и на разных континентах. Революция сверху 1933–1939 гг., чем в действительности и был «новый курс», – явление само по себе не новое в политической истории, названная по праву многими современниками «рузвельтовской революцией», не только изменила облик Америки, она по-своему выразила суть глобальных перемен – происходящих и грядущих. Совсем не случайно, как об этом пишет в одной из своих последних фундаментальных работ английский историк Эрик Хобсбоум, пропагандистская бомба президента-консерватора Рональда Рейгана на пике «холодной войны» («Империя зла») была направлена как против коммунистического Советского Союза, так и против памяти Франклина Рузвельта у себя дома, против государства «всеобщего благосостояния». «Его (Рейгана. – В.М.) врагом, – утверждает Хобсбоум, – был либерализм... так же, как и коммунизм» 7.

Эпохи создают великих политиков. Великие политики дают имя великим эпохам. Но никто лучше самого Франклина Рузвельта не сознавал, что предложенный им «новый курс» не был обречен на успех, хотя и выражал назревшие потребности общества, проявившиеся в необычайно остродраматической форме. От начала до конца, от первой, встреченной с ликованием большинства народа фазы провозглашения целей реформ до заключительной фазы, когда он вынужден был говорить о жертвах, неудачах, утратах и даже об участии

поначалу в непопулярной войне, программа преобразований нуждалась в поддержке миллионов безымянных американцев, разноликих по партийной принадлежности, но в сознании своей ответственности в час великих испытаний внутреннего и внешнего характера сплотившихся вокруг национального лидера.

Уникальное положение политика-кумира было завоевано Рузвельтом, избранным на пост президента четыре раза подряд, несмотря на страхи и ненависть одних, сомнения и удивление других. Рузвельт умер, когда ему было 63 года. Один из видных членов его «мозгового треста» Рэксфорд Тагвелл писал в 1971 г., что, если бы судьба добавила Рузвельту еще 20 лет жизни, он мог бы выиграть выборы и в пятый раз. Историк Шлезингер-младший победы Рузвельта объясняет его необычайной стойкостью и бесстрашием в политической борьбе и фактически равнодушием к врагам, внутренней уверенностью в своем превосходстве над ними. Инициатива с «перезагрузкой» советско-американских отношений, признание Советского Союза в 1933 г., через полгода после инаугурации, в присутствии потерявших дар речи оппозиции и патологических русофобов не нуждаются в дополнительных пояснениях. Победу над людьми, для которых время остановилось в 1918 г., Рузвельт до конца жизни считал важным достижением своей личной дипломатии. Государственный департамент был отстранен им от участия в переговорах.

Помимо бойцовских качеств Рузвельт был отмечен и еще одной крайне важной чертой. Он был убежден, что история на его стороне благодаря лучшему, чем у его засидевшихся в стоячем болоте архаичных представлений оппонентов, пониманию особенностей наступившей после Великой (Первой мировой) войны эпохи, отмеченной появлением нового пришельца – времени коренных перемен в мировой политике, экономике, психологии и морали. Он отчетливо видел, как шло накопление экономических трудностей, замаскированных кричащей роскошью финансового сектора, разжившихся на военных деньгах нуворишей, признаки недолговечности затишья в сфере социально-расовых отношений, нарушение привычного соотношения мировых сил и нарастание глобальной военной опасности, особенно в Азии.

Если кто-то не преследует неблагоприятной цели изобразить Рузвельта демократом-хамелеоном, изменившим своему классу, или тайным пособником чьих-то чуждых Америке внешних интересов, то он непременно увидит Франклина Делано Рузвельта в контексте времени и убийственных рисков, подстерегавших его после выборов осенью 1932 г. Это же время объясняет двойственность и непоследовательность многих его поступков и одновременно выносит им оправдательный приговор. Очень верно сказал о нем публицист и писатель Линкольн Стеффенс в одном из своих писем: «Рузвельт молча несет на своих плечах бремя времени» 8.

Рузвельт был наделен пытливым умом, особым даром мужественно сносить невзгоды, который многие предпочитают называть притворством артистической натуры, и, как это ни может показаться парадоксальным, осторожностью и неторопливостью в подходах к возникающим проблемам. Прекрасный знаток дипломатии Рузвельта историк Уоррен Кимбалл нашел верную характеристику его манеры поведения. Он пишет: «Его откладывание «на потом» трудных решений, его уход от конфликтов, его запрятывание поднадоевших проблем под ковер – все это было частью нормального человеческого желания не вступать на мост, пока кто-то раньше не сделает первого шага. Мы все сталкиваемся с несовместимыми желаниями и целями, но мы игнорируем эти противоречия, пока сами не оказываемся перед необходимостью «переходить через мост» 9. Как водится, заключает Кимбалл, каждый, кто изучает Рузвельта, пересекает этот мост десятки раз в течение дня, как это, но только в конечном счете, делал он сам в реальной жизни. Историк, однако, обязан видеть различие между тем, кто делает историю «в предлагаемых обстоятельствах», и тем, кто ее всего лишь излагает на бумаге, правда, в стремлении объяснить всё на свете.

Рузвельт являл собой продукт истории и в четко отведенной им самим нише был ее творцом и исполнителем. Неверно относить его к разновидности заурядных прагматиков,

находившихся всецело во власти узкого практицизма, не отягощенного принципами. Он верил в ценности американизма и демократии, но никогда не бравировал этим. У него были твердые политические убеждения, и для того, чтобы составить о них представление, лучше всего обратиться к тем его предшественникам, которые вызывали в нем если не желание подражать, то, по крайней мере, особые симпатии или даже нечто очень похожее на духовную близость. Первым в этом ряду стоял Томас Джефферсон, который «снова возвратил правительство Америки простому избирателю...» 10. Вторым – Авраам Линкольн с его знаменитым «ни к кому со злобой, ко всем с милосердием» 11. Третьим – Теодор Рузвельт, подражая которому Франклин Делано Рузвельт позиционировал себя перед собравшейся аудиторией словами своего дальнего родственника «прогрессивным демократом с акцентом на слове «прогрессивный» 12. Четвертым – Вудро Вильсон, «давший миру пример подлинной демократии» 13.

«Новый курс» как стратегия и мобилизующая идея выхода из кризиса был активно и пассивно поддержан миллионами американцев – от простых тружеников до значительной части политико-экономического истеблишмента, скрепя сердце признавшего, что время классического капитализма, функционировавшего по формуле «Локк плюс Новый Свет», прошло и что следует смириться с пожарными мерами в духе кейнсианства, хотя никак нельзя сказать, что сам Рузвельт был прилежным последователем его основоположника. К тому же, несмотря на все опасения перед реформами «повелителя – прожигателя жизни», сохранялось внутреннее убеждение, что они не перерастут в сокрушение основ, в эксперименты ради экспериментов, в отмену законов о собственности и самой собственности, в ломку конституционного уклада. Чуть позже возникла еще и уверенность, что Рузвельтом и его сподвижниками был найден единственно верный тон в процессе осуществления антикризисной программы. Призыв к преодолению страха и отчаяния через солидарность, сотрудничество с открытой, в мгновение ока перестроившейся властью, не оставляющей без внимания имущие классы, но одновременно осуществившей поворот лицом к «забытому человеку», вызвал прилив коллективного оптимизма, от которого, по Кейнсу, зависит большая часть (в отличие от ожиданий, основанных исключительно на расчетах и стремлении к выгоде) позитивных устремлений общества, желание во всех его слоях побороть апатию и безнадежность, начать вновь действовать 14. Этот «психологический множитель» создавал особую энергетику рузвельтовского либерализма, удерживал его в рамках заданного кровотока, помогал преодолевать нарастающее сопротивление, болезненную и опасную аритмию в действиях государственного аппарата, затухание энтузиазма реформаторов и их сторонников, неудачи и поражения.

Никакие временные рамки оказались неспособны четко обозначить финал этой фазы в политической истории США второй половины XX века, хотя в 70-х и 80-х годах принято было говорить об исчезновении коалиции «нового курса». При всех превратностях и нарастающем сопротивлении продолжали существовать преемственность в программном обеспечении, интеллектуальный задел и инерция политического движения (иллюстрацией могут служить «справедливый курс» Трумэна, «новые рубежи» Кеннеди, «великое общество» Джонсона и «эпоха перемен» Обамы) части американского мейнстрима, получившего свой импульс в бурные 30-е годы и отражавшего, как справедливо когда-то заметил видный исследователь Луис Харц, превращение подавляющего большинства населения Америки в «мелкобуржуазный» гибрид 15.

Финансовый бум и его негативные последствия последних двух десятилетий нанесли огромный урон этому внешне благополучному «мелкобуржуазному» гибриду, по Америке среднего класса, невероятно увеличив разрыв между очень богатыми и остальным населением. Считается даже, что то общество относительного равенства, которое сформировалось в результате преобразований «нового курса», прекратило свое существование. Лауреат Нобелевской премии экономист Пол Кругман сформулировал тезис, который стал общим местом в современном дискурсе о векторе развития Америки, когда она перестает быть локомотивом мирового экономического развития и примером для

подражания: «Великое сжатие» – существенное снижение материального неравенства во время «нового курса» и Второй мировой войны – очень трудно передать в терминах обычных теорий. Во время Второй мировой войны Франклин Рузвельт использовал правительственный контроль за заработной платой с тем, чтобы сжать разрыв в доходах. Встает вопрос – если общество среднего класса, которое возникло в годы войны, было искусственным образованием, почему же оно просуществовало следующие 30 лет?» 16 К этому хочется добавить, что и движение за перемены, с которым Барак Обама и демократы пришли к власти в 2008 г., как он сам признает, имеет прямое отношение к демократической коалиции 30-х годов, заложившей основы «общества всеобщего благосостояния» 17. Не дать снести остатки «нового курса» – таков девиз того многообещающего начинания, которое родилось под флагом движения за перемены 18.

Франклин Рузвельт и внешняя политика – особая тема. Формирование его взглядов проходило в период выхода США на мировую арену в качестве великой державы. О мировой ситуации и месте в ней Соединенных Штатов после отказа сената ратифицировать Версальский договор Рузвельт, посягнувший на выборах 1920 г. в тандеме с кандидатом в президенты США Джеймсом Коксом на должность вице-президента США, судил применительно к меняющейся в сторону консерватизма обстановке в духе умеренного вильсонизма и осторожной, ненавязчивой критики изоляционизма. «Две большие проблемы, – говорил он, – предстоит решить будущей администрации, наши отношения с миром и настоятельная нужда организации: прогресса внутри страны». И добавлял: «Невозможно жить в мире и одновременно не быть его частью» 19. Кто мог возразить? Историк У. Кимбалл прав – трудно провести нюансированную систематизацию идеологических взглядов Франклина Рузвельта на мировую политику, как они сформировались в период бурной индустриализации (конец XIX – начало XX в.), обострения межимперских противоречий и складывания военно-политических блоков в первое десятилетие XX в., подъема антиколониальных движений, социальных революций и мировых войн. Они менялись или оставались размытыми. «В действительности, – пишет он, – Франклин Рузвельт не был ни реалистом, ни коммунистом, ни прогрессистом, ни либералом, ни любым другим, обозначающим политические убеждения удобным словечком, часто употребляемым для того, чтобы избежать анализа. Он был ФДР» 20.

Рузвельт и сам говорил, что он не является приверженцем какого-либо «изма». В какой степени данное свойство сказалось на «слабостях рузвельтовского руководства перед лицом мирового кризиса 1930–1939 гг.», как об этом писал Роберт Шервуд 21, еще предстоит рассказать. Однако этот недостаток был компенсирован ассоциативным мышлением, предпосылкой которого были и воспитание, и прекрасно развитое чувство истории, и уважение к взглядам оппонента (ими мог быть Черчилль или Сталин), и прогностические способности. Отчасти этим объясняется то, что Франклину Рузвельту в отличие от его предшественников – Уильяма Маккинли, Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона, Калвина Кулиджа, Герберта Гувера и большинства его восприимчивых, президентов, «поселившихся» в Белом доме после Второй мировой войны, – удалось избежать крайней идеологизации своей внешней политики, заявив, однако, себя решительным противником фашизма, колониальной экспансии и сторонником коллективной безопасности. Он настороженно относился к идее «Американского века», хотя она и принадлежала его кумиру Вудро Вильсону и американскому газетному магнату Генри Люсу. Пожалуй, Рузвельту раньше Джорджа Кеннана стала ясна бесплодность «застарелой тенденции американцев судить о других в зависимости от того, в какой степени они ухитряются стать похожими на нас» 22.

Столкнувшись с фактом послеверсальских изменений в составе и характере мирового сообщества, появления агрессивных тоталитарных режимов и непрерывного роста реваншизма, Рузвельт еще до избрания президентом с каждым годом утверждался в мысли, что, отгораживаясь «китайской стеной» от внешнего мира и единолично прибегая к силе в интересах «Первой новой нации», Вашингтон наносит двойной урон стране. Теряет уважение поверивших в американское миротворчество союзников в войне с кайзером и

лишает себя возможности в критических случаях воспользоваться содействием третьих стран, «соседей», действовать, консультируясь с ними 23. В Рузвельте говорил противник односторонних действий (унилетарализма в стиле дипломатии «большой дубинки» Тедди Рузвельта) и силовых приемов.

Оставаясь вильсонистом, Рузвельт в условиях сильнейшего прессинга изоляционистов эпохи «процветания» искал обходные пути для воплощения в жизнь собственного «Плана мира», модифицированной идеи коллективной безопасности, призванной искупить вину американского конгресса, отказавшегося ратифицировать устав Лиги Наций и лишившего тем самым Соединенные Штаты возможность играть в ней, как выразился сам Рузвельт, роль «Большого брата» 24. Задача эта не входила в перечень первоочередных озабоченностей Франклина Рузвельта, одного из фаворитов Демократической партии после ее поражения на выборах 1920–1924 гг. Он проявлял весьма двойственное отношение к самой идее наделения Лиги Наций функциями реального арбитра в международных конфликтах и приведения противоположных сторон к миру и в годы европейского кризиса накануне Второй мировой войны. К вопросу о будущем мироустройстве и мирохозяйственных связях он вернулся снова уже в годы Второй мировой войны в рамках обсуждения «большой тройкой» планов послевоенного устройства мира и практических шагов, обозначенных в Атлантической хартии (1941 г.). Итогом стало рождение Бреттон-Вудской системы, ООН и наказание военных преступников.

В историографической традиции США утвердились две точки зрения на Рузвельта как дипломата и руководителя внешней политики США в 1933–1945 гг. В дискуссиях и столкновении мнений историки, правда, едины в том, что Рузвельт заслужил быть отмеченным в двух случаях: в связи с началом политики «добрососедства» со странами Латинской Америки и вкладом в соиздание победы над фашизмом во Второй мировой войне. Дальше начинаются разногласия. Внезапное нападение японцев на Пёрл-Харбор, Гонолулу и Гавайи 7 декабря 1941 г., гибель семи американских линкоров и 2403 моряков, ставшая расплатой за беспечность и промедление с приведением в боеготовность вооруженных сил США, не колеблют высокой оценки Рузвельта как Верховного главнокомандующего. За трагической ошибкой последовала еще одна. «Эффектная» точка в войне на Тихом океане – Хиросима и Нагасаки. Возмездие наступило. Забудьте! Приказ о бомбардировках отдал Трумэн 6 и 9 августа 1945 г., но сами они были подготовлены Рузвельтом. Находят и другие промахи, ошибки и непростительные компромиссы с совестью и моралью. Здесь и невнятная реакция на Лондонскую экономическую конференцию, и политика нейтралитета в 30-х годах, и отношение к захвату Италией Эфиопии, и нежелание заступиться за Испанскую республику, и равнодушие к положению евреев в захваченной фашистами Европе, и задержка с открытием второго фронта, и многое, многое другое. Упреки и обвинения Рузвельта в наивности, непрофессионализме, беспечности и обманчивости при демонстрации решимости и даже позерстве – все это стало общим местом «критической» литературы. История предьявляет счет, но она же и дает ключ к ответу.

Многие полагают, что своими дипломатическими промахами Рузвельт больше всего обязан обычаю считаться исключительно с собственным взглядом на тот или иной вопрос, не принимая во внимание мнения профессионалов или советников. Рузвельт часто оставлял без внимания предложения или оценки самых близких к нему членов кабинета, давно доказавших свою преданность, порядочность и профессионализм. «Вы один из самых трудных людей, которых я знаю», – сказал ему однажды прямолинейный и несменяемый министр внутренних дел Гарольд Икес. Рузвельт переспросил: «Это потому, что я порой бываю слишком неприступен?» – «Нет, – ответил Икес и продолжил: – Потому, что вы не хотите быть откровенным даже с людьми, которые абсолютно лояльны к вам... Вы держите карты, прижатыми к животу. Вы никогда не выкладываете их на стол» 25. То же могли повторить и другие члены «мозгового треста», хотя упрек Икеса нельзя считать вполне справедливым. Возможно, в нем говорила ревность к ближайшему окружению президента. Рузвельт просто-напросто убедился, что скрытое обдумывание тех или иных решений, «с

глазу на глаз» с самим собой служит лучшей гарантией успеха.

Другая «школа», напротив, видит в такой замкнутости на себя положительную черту дипломатии Рузвельта, его разрыв с бюрократической машиной государственного департамента, нежеланием полагаться на его воспитанных в духе американской исключительности и изоляционизма чиновников, способ просчитывать политику на много шагов вперед. В сущности, все отношения с Советским Союзом после признания в 1933 г. строились Рузвельтом «поверх голов» сотрудников дипломатического ведомства, отвечающих за «русское направление». Даже в критические моменты советско-американских контактов в предвоенные годы и годы Второй мировой войны, порой входя в жесткие разногласия с Черчиллем и К. Хэллом, Рузвельт находил верный тон в общении с советскими руководителями, неизменно оставляя впечатление дружеского расположения и заинтересованности в продолжении диалога.

Моральный фактор рузвельтовской дипломатии «карантина» для агрессоров при всех справедливых критических отзывах о ней современников и последующих противников политики «умиротворения» имел существенное значение как символ сопротивления и напутствия сторонникам реального антифашизма. Его отказ открыто противостоять агрессии против Эфиопии, Испании, Китая, Австрии и Чехословакии, его театральные жесты и запоздалое миротворчество вызывали по меньшей мере непонимание всех, кто видел во всем этом поощрение агрессивных держав и ничего другого. Но сегодня очевидно, что в сложнейшей обстановке конца 30-х годов и предвоенного общеевропейского кризиса Рузвельт поставил на преодоление раскола американского общества, который грозил ему накануне избирательной кампании 1940 г. вместе с поражением всех тех, кто выступал против нейтралитета Америки, за укрепление обороноспособности страны и поддержку тех сил в Европе, которые реально либо вступили в войну со странами «оси», либо неизбежно должны были это сделать.

В этой точке кризиса с его непредсказуемым исходом Рузвельт избирает самый извилистый и часто непостижимый для окружения путь к цели, которую он ставил перед собой. «Вы начинаете игру, – вразумлял он сына, рассуждая о войне как о данности, которую нельзя избежать и которая требовала прибегать к хитростям и уловкам, – ту же самую, что велась всегда, и вы ведете эту игру, чтобы одержать победу» 26. Известна знаменитая «издевка» Рузвельта по поводу его собственного стиля поведения, высказанная в разговоре с министром финансов Генри Моргентау в 1942 г. и ставшая эпиграфом для многих исторических сочинений. «Вы знаете, я фокусник, и я никогда не позволяю моей правой руке знать, что делает моя левая рука». Далее следовало пояснение: «Я могу быть полностью непоследовательным, и, кроме того, я не остановлюсь перед отступлением от истины, если это поможет мне выиграть войну» 27.

После Мюнхена антифашисты по обе стороны океана наградили Рузвельта обидным прозвищем «американского Чемберлена», хотя, как об этом косвенно говорят источники, уже весной 1941 г. Рузвельт пришел к однозначному выводу, что США вступят в войну с державами «оси». Перелом наступил после того, как в декабре 1940 г. стало известно от надежного информатора в Берлине, что Гитлер и его генералы приняли план «Барбаросса» – план молниеносного уничтожения Советского Союза, лишив Англию всяких надежд на отвлечение основных сил вермахта от большой десантной операции на Британских островах.

В годы войны самой закрытой стороной рузвельтовской дипломатии был тот ее сегмент, который пользовался пристальным вниманием президента, – отношения с коммунистическим союзником, сталинским Советским Союзом. Вот здесь, в рамках возникшего прямого диалога Вашингтона и Москвы по ряду вопросов, способность к мимикрии президента проявилась в полную силу. Вот эти вопросы: второй фронт, атомное оружие, польский вопрос, Прибалтика, Дальний Восток. Впрочем, многое навсегда осталось тайной. Однако Рузвельта больше всего тревожили сохранение и работоспособность «большой тройки» – Рузвельт, Сталин, Черчилль. И часто невидимым путем он снимал возникающие тяжелые конфликты, готовые взорвать коалицию, и тем не менее еще

некоторые исследователи продолжают спорить, что помогло президенту сохранять от развала этот «странный» союз во имя будущей совместной работы над созданием новой структуры мира, хотя резкий поворот Черчилля в апреле 1945 г. не сулил ничего хорошего.

Впрочем, точно угадать, каким мог стать переход к миру после окончания войны против фашизма («хорошей войны», как называли ее американцы), если бы Рузвельт продолжал оставаться в должности президента, было невозможно. Причин тому множество и помимо Черчилля и Сталина. И одна из них, признает самый авторитетный биограф Рузвельта Артур Шлезингер-младший, сам тридцать второй президент США, некоторые планы которого оставались до самого его ухода из жизни невысказанными или не до конца понятными. «Мистическая фигура ФДР, – пишет он, – становилась еще более мистической благодаря его собственному пожеланию казаться непостоянным и склонным к экспромту. А может быть, и в самом деле он был в одно и то же время ясновидящим, удачливым, непостоянным и склонным к экспромту? Что очевидно, так это то, что он был агрессивным, дотошным и неутомимым в смысле постановки задач перед своей администрацией и в то же время осторожным в смысле признания, особенно в сфере внешней политики, зависимости от процесса согласия внутри страны. И как следствие, он был непоследовательным. Непоследовательность легко овладевала им, она всегда была методом преодоления неприятностей и в его личной жизни – Сара против Элеоноры, Элеонора против Люси, Элеонора против Луиса Хоу и т. д. и т. п. Рузвельт – это ярчайшая фигура. Возможно, он вовсе и не великий человек, но без сомнения великий президент» 28.

Примечания

Глава I

- 1 *Schlesinger A.M., Jr.* . The Crisis of the Old Order 1919–1933. Melbourne – London, 1957. P. 330.
- 2 *Ibid.* P. 331.
- 3 *Miller N.* Theodor Roosevelt. A Life. N.Y., 1992. P. 321–352.
- 4 *Lash J.P.* Eleanor and Franklin. The Story of Their Relationship. N.Y., 1971. P. 157.
- 5 *Lash J.P.* . Op. cit. P. 152.
- 6 Franklin D. Roosevelt. His Personal Letters: Early Years. New York. Vols I–IV. Elliot Roosevelt, ed. Vol. I. N.Y. 1947. P. 517, 518.
- 7 *Schlesinger A.M., Jr.* . Op. cit. P. 338.
- 8 *Ward G.C.* A First Class Temperament. The Emergence of Franklin Roosevelt. N.Y., 1989; P. 85; *Lash J.P.* . Op. cit. P. 237.
- 9 См.: *Согрин В.В.* . Исторический опыт США. М., 2010. С. 303.
- 10 *Печатнов В.О.* . От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. С. 48–49.
- 11 *Ward G.C.* . Op. cit. P. 112.
- 12 *Rollins A.B., Jr.* . Roosevelt and Howe. N.Y., 1962. P. 17.
- 13 *Lash J.P.* . Op. cit. P. 244, 245.
- 14 См.: *Perkins F.* . The Roosevelt I Know. N.Y., 1946. P. 9–14.
- 15 Здесь воспроизводится фрагмент речи Рузвельта с купюрами его биографа и в редакции последнего (*Ward G.C.* . Op. cit. P. 170, 816).
- 16 См.: *Lash J.P.* . Op. cit. P. 249.
- 17 *Ibid.* P. 280.
- 18 *Ward G.C.* . Op. cit. P. 304.
- 19 О кампании 1916 г. и драматизме противостояния личных амбиций и политических платформ см.: *Печатнов В.О.* . Указ. соч. С. 54–63.
- 20 См.: *Ward G.C.* . Op. cit. P. 325.
- 21 *Schlesinger A.M., Jr.* . Op. cit. P. 360.

- 22 О преломлении Пёрл-Харбора в американской историографии и в исторической памяти США см.: *Butow R.J.C.* How Roosevelt Attacked Japan at Pearl Harbor // Prologue. Fall 1996. vol. 28. № 3. P. 209–221.
- 23 *Schlesinger A.M., Jr.* . Op. cit. P. 360.
- 24 Ibid. P. 361.
- 25 Ibid. P. 364.
- 26 *Meacham J.* Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. N.Y., 2003. P. 298.
- 27 *Lash J.P.* . Op. cit. P. 315.
- 28 *Schlesinger A.M., Jr.* . Op. cit. P. 369.
- 29 *Ward G.C.* . Op. cit. P. 509.
- 30 *Lash J.P.* . Op. cit. P. 340.
- 31 *Ward G.C.* . Op. cit. P. 520, 521.
- 32 *Rollins A.B., Jr.* . Op. cit. P. 156–158; *Ward G.C.* . Op. cit. P. 522.
- 33 См.: *Мальков В.Л.* . Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 68–81.
- 34 *Schlesinger A.M., Jr.* . Op. cit. P. 380.
- 35 *Ward G.C.* . Op. cit. P. 594.
- 36 Ibid. P. 607.
- 37 Вудро Вильсон, узнав о том, что Рузвельт с помощью протезов поднялся на ноги, прислал ему свои поздравления: «Я с радостью узнал, что Вы быстро поправляетесь...» (*Freidel F.* Franklin D. Roosevelt: The Ordeal. Boston, 1954. P. 125).
- 38 *Schlesinger A.M., Jr.* . Op. cit. P. 391.
- 39 *Ward G.C.* . Op. cit. P. 785.
- 40 Ibid. P. 793.

Глава II

- 1 *Rollins A.B., Jr.* . Roosevelt and Howe. N.Y., 1962. P. 217.
- 2 *Roosevelt F.D.* Whither Bound? Boston, 1926. P. 4–15.
- 3 *Galbraith J.R.* The Great Crash. Boston, 1955. P. 6.
- 4 *McElvaine R. S.* The Great Depression. America, 1929–1941. N. Y., 1984. P. 14.
- 5 См.: История США: В 4-х томах. М., 1983–1987. Т. 3 (1918–1945). М., 1985. С. 90.
- 6 *Link A. S.* What Happened to the Progressive Movement in the 1920's? // American Historical Review. July 1959. P. 833; *Hawley E.W.* The New Deal and Business // The New Deal. The National Level. Ed. by J. Braeman and oth. Columbus, 1975. P. 50–55.
- 7 LC. Norman H. Davis Papers. Box 51. Franklin D. Roosevelt to Davis. March 30, 1928.
- 8 Ibid. N. Davis to F. Roosevelt. April 12, 1928.
- 9 В 1927 г. администрация Кулиджа объявила себя сторонницей разработки новой гигантской программы строительства военно-морского флота. Лишь в 1916 г., т. е. в годы Первой мировой войны, и накануне вступления в нее США Вашингтон принимал более обширную, чем эта, программу строительства флота. Дебаты вокруг планов милитаризации страны в правительственных учреждениях, в конгрессе и прессе неожиданно вызвали бурю протестов и оживление антивоенного движения. Рузвельт, уклонившись от определения своей принципиальной позиции, идентифицировал себя с оппозицией курсу тогдашних «ястребов», яростно нападавших на пацифистов и обвинявших их в сговоре с большевиками и стремлении разоружить Америку (см.: *Манькин А.С.* Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США, 1923–1929 гг. М., 1980. С. 160, 161, 167–169, 197).
- 10 Foreign Affairs. July 1928. P. 573–586.
- 11 Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1960. P. 73.
- 12 *Leven M., Moulton H.G., Warburton C.* America's Capacity to Consume. Wash., 1934. P. 54–56, 93–94, 103–104, 123.

- 13 *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 38, 39.
- 14 *Ibid.* P. 21.
- 15 *Сивачев Н.В.* США: государство и рабочий класс. М., 1982. С. 127.
- 16 См.: *FDR. His Personal Letters.* Ed. by E. Roosevelt. 4 vols. N.Y., 1945–1950. Vol. 3. P. 119–120.
- 17 *Hughes E. J.* The Living Presidency. N. Y., 1972. P. 121.
- 18 Principal Speeches of Harry L. Hopkins, Works Progress Administrator (далее – Principal Speeches). Address by Harry L. Hopkins before the United States Conference of Mayors at Mayflower Hotel. Wash., November 17, 1976.
- 19 *Ibidem.*
- 20 *Ibidem.*
- 21 Principal Speeches. Address by Harry L. Hopkins before a Luncheon Meeting of the United Neighbourhood Houses of New York at Biltmore Hotel. New York City, March 14, 1936.
- 22 *Tugwell R.G.* In Search of Roosevelt. Cambridge (Mass.), 1972. P. 193.
- 23 См.: *Piven F.F. and Cloward R.A.* Poor People's Movement. N.Y., 1979. «Я с ужасом слежу за вашей американской трагедией, – писал Г. Ласки Ф. Франкфуртеру в феврале 1932 г. – Кажется невероятным, что человек может так инертно наблюдать этот спектакль, как это делает Гувер» (LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. H. Laski to Frankfurter. February 2, 1932).
- 24 LC. Thomas J. Walsh Papers. Box 183. Frederick Allen to Walsh. December 30, 1931.
- 25 *Lash J. P.* Eleanor and Franklin. The Story of Their Relationship. N. Y., 1973. P. 450.
- 26 The Public Papers of Governor Franklin D. Roosevelt, 1929–1932, 4 vols. Albany, 1930–1939; 1931 vol. P. 734, 740–741.
- 27 The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, Samuel I. Rosenman (ed.). 13 vols. N.Y., 1938–1950. Vol. 1. P. 458.
- 28 *Ibid.* P. 646.
- 29 *McElvaine R. S.* Op. cit. P. 125.
- 30 Уолтер Липпман еще в октябре 1931 г. писал в частном послании: «Встает очень важный вопрос, а именно: способно ли индустриальное капиталистическое общество сохранить свою жизнеспособность, если его эластичность снизилась из-за скопления благополучия на одном полюсе и растущего бремени всяческих тягот на другом» (LC. F. Frankfurter Papers. Box 78. W. Lippman to Frankfurter. October 22, 1931).
- 31 У. Липпман еще в феврале 1931 г. писал, что Демократическая партия не обладает ни сплоченностью, ни руководством, ни программой (LC. F. Frankfurter Papers. Box 78. W. Lippman to Frankfurter. February 5, 1931).
- 32 *Rosen E. A.* Hoover, Roosevelt and the Brains Trust: From Depression to New Deal. N.Y., 1977. P. 141.
- 33 Этому тезису Рузвельт не изменял на протяжении всего пребывания на посту президента США. Он был положен в основу его политики в области налогообложения, хотя, как признано сейчас многими исследователями, проведенные Рузвельтом реформы имели чисто символическое значение, никак не затронув существа дела (*Leff M.H.* The Limits of Symbolic Reform: The New Deal and Taxation. 1933–1939. Cambr., 1984).
- 34 *Schlesinger A.M., Jr.* The Crisis of the Old Order, 1919–1933. Melbourne – L. – Toronto, 1957. P. 445.
- 35 *Ibid.* P. 432.
- 36 LC. F. Frankfurter Papers. Box 78. W. Lippman to Frankfurter. September 14, 1932.
- 37 Цит. по: *Lash J. P.* Op. cit. P. 462.
- 38 *McElvaine R. S.* Op. cit. P. 133.
- 39 *Ibid.* P. 134.
- 40 См.: *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 239.
- 41 *Hurd Ch.* When the New Deal was Young and Gay. N.Y., 1965. P. 32.
- 42 The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. II. P. 11–16.

- 43 См.: *Schlesinger A.M., Jr.* The Coming of the New Deal. L. – Melbourne – Toronto, 1960. P. 5.
- 44 New York Public Library. N. Thomas Papers. Box 3. Ernest Gruening to Thomas. March 9, 1933.
- 45 *Moley R.* After Seven Years: A Political Analysis of the New Deal. Lincoln, 1971. P. 155.
- 46 См.: *Blum J. M.* From the Morgenthau Diaries. 3 vols. Boston, 1976. Vol. 1. P. 45.
- 47 *Fite G.C.* Farmer Opinion and the Agricultural Adjustment Act, 1933 // Mississippi Valley Historical Review. March, 1962. P. 673.
- 48 См.: *Rauch B.* The History of the New Deal, 1933–1938. N. Y., 1944. P. 68; *Kirkendall R.S.* The New Deal and Agriculture // The New Deal. The National Level. P. 83–109.
- 49 Полковник Раймонд Робинс, республиканец по своей партийной принадлежности, писал с оттенком удивления: «Это правда, что Рузвельту удалось покорить воображение всей страны и что в данный момент он вершит делами при поддержке и содействии всех партий, слоев и классов нашего общества. Эта поддержка превосходит все, что мне известно о стремительном росте народной популярности президента, захватившей все слои общества, от самых низов до верхушки... Рузвельт обнаружил качества первоклассного политика, несравненные способности преломить в своей деятельности общественное умонастроение и редчайшее мужество...» (WSHSL. R. Robins Papers. Box 25. Robins to (фамилия адресата неразборчива). March 17, 1933).
- 50 См.: *Hawley B.W.* The New Deal and the Problem of Monopoly. A Study in Economic Ambivalence. Princeton, 1966. P. 325.
- 51 Ibid. P. 19.
- 52 *Hallgren M.A.* The Gay Reformer. N. Y., 1935. P. 171.
- 53 *Hawley B.W.* Op. cit. P. 19.
- 54 См.: New Deal Mosaic. Ed. by L. G. Seligman, E.E. Cornwell. Eugene, 1965. P. 274.
- 55 *Schlesinger A.M., Jr.* The Coming of the New Deal. P. 257.
- 56 *Шервуд P.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 130.
- 57 Там же. С. 123.
- 58 New Republic. January 1, 1936. P. 211.
- 59 Ibid. April 10, 1935. P. 235.
- 60 The New Dealers. By Unofficial Observer. P. 181.
- 61 The New Deal. The National Level. Ed. by J. Braeman, R.H. Bremner, D. Brody. Vol. 1. Columbus, 1975. P. 219.
- 62 *Schlesinger A.M., Jr.* The Politics of Upheaval. Boston, 1960. P. 352.
- 63 FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. Hickok to G. Hopkins. August 7–12, 1933.
- 64 Цит. по: Литературная газета, 11 апреля 1990 г. С. 15.
- 65 *Ward G.C.* A First-Class Temperament. The Emergence of Franklin Roosevelt. N.Y., 1989. P. XIII.
- 66 *Tugwell R.G.* In Search of Roosevelt. Cambridge, Mass., 1972. P. 298.
- 67 *Word G.C.* Op. cit. P. 448.
- 68 Ibid. P. 454.
- 69 Ibid. P. 522.
- 70 *Lash J.P.* Eleanor and Franklin. The Story of Their Relationship, Based on Eleanor Roosevelt Private Papers. N.Y., 1971. P. 390–391.
- 71 New York Times, December 30, 1928.
- 72 *Rollins A.B., Jr.* Roosevelt and Howe. N.Y., 1962. P. 272, 273.
- 73 LC. F. Frankfurter Papers. Box 78. Frankfurter to W. Lippman. October 23. 1932.
- 74 *Вебер А.* Избранное. Кризис европейской культуры. М., 1999. С. 149.
- 75 См.: *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. С. 237.
- 76 См.: *Leuchtenburg W.E.* In the Shadow of FDR. From Harry Truman to Ronald Reagan. Ithaca and London, 1985. P. 152, 206, 213.
- 77 Цит. по: The New Deal. The National Level. P. 170.

Глава III

1 The New Deal. The National Level. P. 123. Добавим, что Дербер в основу своих расчетов кладет данные официальной статистики, приукрашивавшей истинную картину национального бедствия. Однако и в этом случае сравнение уровня безработицы середины 30-х годов с любым другим за весь предшествующий период экономического развития США указывает на катастрофический характер динамики роста избыточного населения США в силу полного расстройтва механизма капиталистического воспроизводства в США в предвоенное десятилетие.

2 Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975. P. 135.

3 *Vatter H.C.* The U. S. Economy in World War II. N. Y., 1985. P. 1–31.

4 *Piven F.F., Cloward R.A.* Poor People's Movement. N. Y., 1977. P. 67, 68.

5 Wayne State University. Labor History Archives. H. Kraus Collection. Box 16. Jonn L. Lewis Statement. Columbus (Ohio).

6 New Republic. April 29, 1936. P. 330.

7 *Piven F.F., Cloward R.A.* Op. cit. P. 83.

8 People's Press. April 24, 1937.

9 См. подробнее: *Золотухин В.П.* Фермеры и Вашингтон. М., 1968; *Язьков Е.Ф.* Аграрная политика Рузвельта и фермерское движение в США в 1933–1935 гг. // Новая и новейшая история. 1957. № 3.

10 *Fite G.C.* Op. cit. P. 664, 666, 667.

11 *Venkataramani M.S.* Norman Thomas, Arcansas Sharecroppers and the Roosevelt Agricultural Politics, 1933–1937 // Mississippi Valley Historical Review. Vol. XLVII. № 2. 1960.

12 См.: *Золотухин В.П.* Указ. соч. С. 145.

13 См. там же. С. 147.

14 The New Deal. The National Level. P. 105.

15 Ibid. P. 170.

16 *Venkataramani MS.* Op. cit. P. 227.

17 The New Deal. The National Level. P. 174; *Conrad D.F.* The Forgotten Farmers: The Story of Sharecroppers in the New Deal. Urbana, 1965.

18 *Sterner R.* The Negro's Share. N. Y., 1943. P. 239–253.

19 The New Deal. The National Level. P. 188, 189, 191.

20 Ibid. P. 194.

21 Ibid. P. 211.

22 *Weiss N.J.* Farewell to the Party of Lincoln: Black Politics in the Age of FDR. Princeton, 1983. P. 299.

23 The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. VI. P. 4–5.

24 MHC. Frank Murphy Papers. Box 15. John Dingel to Murphy. November 4, 1936.

25 LC. John P. Frey Papers. Box 12. Folder: Notes and Memoranda (2).

26 Ibid. Box 8. Frey to Thomas J. Donnelly. September 12, 1932.

27 *Piven F.F., Cloward R.A.* Op. cit. P. 76, 77; *Rosenzweig R.* Radicals and the Jobless: The Musteites and the Unemployed Leagues, 1932–1936 // Labor History. Vol. 16. № 1. 1975. P. 63, 72.

28 Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. P. 99.

29 *Levinson E.* Labor on the March. N.Y., 1956; *Zieger R.* The CIO, 1935–1955. Chapel Hill, 1995; *Cohen E.* Making a New Deal. Industrial Workers in Chicago, 1919–1939. Cambr., 1990; *Faue E.* Community of Suffering and Struggle. Women, Men and Labor Movement in Minneapolis, 1915–1933. Chapel Hill, 1991.

30 *Bernstein I.* The Lean Years. A History of the American Worker, 1920–1933. Boston, 1970. P. 148–151; *Bernstein I.* Turbulent Years. A History of the American Worker, 1933–1941. Boston, 1970. P. 478, 479.

31 См.: *Halpern R.* Down on the Killing Floor. Black and White Workers in Chicago's Packinghouses, 1904–1954. Urbana, 1997; *Horowitz R.* Negro and White, United and Fight. Social History of Industrial Unionism in Meatpacking, 1900–1930. Urbana, 1997.

32 Wayne State University. Labor History Archives. H. Kraus Collection. Box 3. To the Offices and Members. United Automobile Workers Federal Labor Unions Affiliated with the AFL.

33 *Bernstein I.* The New Deal Collective Bargaining Policy. Berkeley, 1950. P. 143, 144.

34 *Troy L.* Trade Union Membership 1897–1962. N.Y., 1965. Appendix 1–27.

35 *Karson M., Radosh R.* The American Federation of Labor and the Negro Worker, 1894–1949 // The Negro and the American Labor Movement. Ed. by J. Jacobson. Garden City (N.Y.), 1968. P. 162–170.

36 Student Outlook. Vol. I. № 4 (March 1933). P. 15.

37 См.: Labor History. Vol. 40, № 2 (May) 1999. P. 189; *McCartin J.* Labor's Great War. Chapel Hill, 1998.

38 Wayne State University. Labor History Archives. H. Kraus Collection. Box 2. AFL Detroit Office-Manuscript. Organize Efforts of Various Groups in Auto Industry. July, 1934.

39 *De Caux L.* Labor Radical: From the Wobblies to the CIO, a Personal History. Boston, 1970.

40 The CIO's Left-Led Unions / Ed. by Rosswurm S. New Brunswick, 1992. В результате тщательного исследования американский историк Киран пришел к однозначному выводу: деятельность коммунистов в автомобильной промышленности имела определяющее значение на всех самых трудных этапах становления профсоюза авторабочих – от первых шагов к освобождению созданных на предприятиях рядовыми рабочими профсоюзов из-под губительной опеки верхушки АФТ до оформления в 1936 г. независимого профсоюза автомобилестроителей. В политическом отношении он сразу же занял свое место на левом фланге профдвижения (*Keeran R.* The Communist Party and the Auto Workers Unions. Bloomington, 1980).

41 Workers Alliance, January 1936. Vol. I. № 9. March 1, 1936; *Piven F.F., Cloward R.A.* Op. cit. P. 75.

42 *Walsh R.* CIO: Industrial Unionism in Action. N. Y., 1937.

43 *Harris H.* Labor's Civil War. N.Y., 1940. P. 31–32.

44 *Wechsler J. A.* Labor Baron. A Portrait of John Lewis. N.Y., 1944. P. 69.

45 *Fine S.* Sit-Down. The Great General Motors Strike of 1936–1937. Ann Arbor, 1969. P. 331.

46 Detroit Free Press. January 7, 1937.

47 United Automobile Workers. February 13, 1937.

48 См.: *Piven F.F., Cloward R.A.* Op. cit. P. 96–180.

49 Workers Alliance. January 1936. Vol. I. № 9.

50 Ibid. March 1, 1936.

51 Ibid. April 1936. Vol. 1. № 13.

52 См. *Halpern R.* Organized Labor, Black Workers and the Twentieth Century South. The Emerging Revision // Social History, 19 (1994). P. 372–381.

53 Wayne State University. Labor History Archives. H. Kraus Collection. Box 11. Hudson News. Vol. 1. № 6. April 10, 1937.

54 AFL Proceedings, 1932. P. 374; Ibid. 1933. P. 152, 453; Ibid. 1935. P. 290, 773; *Brooks R.R.* When Labor Organizes. New Haven, 1937. P. 301.

55 Amalgamated Clothing Workers of America, 10th Annual Convention. Proceedings. 1934. P. 396.

56 WSHSL. AFL Papers. W. Green Papers 1934–1936. Historical File. Box 1.

57 Labor History. Vol. 17. № 2. 1976. P. 181.

58 См.: *Сивачев Н. В.* Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX века. М., 1966. С. 211.

59 См.: *Мальков В.Л.* «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная

политика. М., 1973. С. 89.

60 Committee for Industrial Organization. The Program of the CIO. Wash., 1937. P. 50, 56.

61 *Rosen S.M.* The CIO Era, 1935–1955. The Negro and the American Labor Movement. P. 189.

62 *Наджафов Д.Г.* Народ США – против войны и фашизма, 1933–1939. М., 1969.

63 Daily Worker. September 30; October 2, 1933.

64 *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N.Y., 1952. P. 379.

65 Advance. March 1934. P. 3.

66 Ibid. April 1935. P. 3.

67 Daily Worker. October 1, 1934.

68 Fight. August 1937. P. 7, 27.

69 Ibid. January 1937. P. 27, 28; March 1937. P. 27; April 1937. P. 27, 28.

70 *Taylor B.H., Witney P.* Unionism in the American Society // Labor Law Journal. Vol. 18. № 5. 1967. P. 301.

71 *Burton R.E.* Democrats of Oregon. The Pattern of Minority Politics, 1900–1956. Eugene, 1970. P. 71, 75; *Shover J.L.* Cornbelt Rebellion. The Farmers' Holiday Association. Urbana, 1965. P. 96.

72 Agricultural History. April 1968. P. 127.

73 *McCoy D.R.* Angry Voices: Left-of-Center Politics in the New Deal Era. Lawrence (Kansas), 1958. P. 61–85.

74 Ibid. P. 47, 48.

Глава IV

1 *Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 129.

2 LC. Louis Freeland Post Papers. Box 1. William J. Brayn to Post. November 12, 1904.

3 *Griffith R.* Old Progressives and the Cold War // The Journal of American History. September 1979. P. 336.

4 LC. Louis Freeland Post Papers. Box 1. Post to William J. Brayn. November 8, 1908.

5 *Perkins F.* The Roosevelt I Knew. N. Y., 1946. P. 31, 325; *Leuchtenburg W.E.* Franklin D. Roosevelt and the New Deal 1932–1940. N.Y., 1963. P. 32

6 FDRL. S. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 2. Rosenman to L. Howe. January 27, 1932.

7 *Faber D.* The Life of Lorena Hickok. E. R.'s Friend. N.Y., 1980. P. 137–152.

8 FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. Hickok to H. L. Hopkins. August 31 – September 3, 1933.

9 LC. F. Frankfurter Papers. Box 78. Walter Lippman to Frankfurter. September 14, 1932. Избирательная кампания Рузвельта не внушала особого оптимизма даже тем, кто ему симпатизировал. Но, как заявил, не скрывая иронии, один из них, идейный лидер английских лейбористов Гарольд Ласки, Рузвельт «по крайней мере признал факт существования обыкновенного человека» (Ibid. F. Frankfurter Papers. Box 74. Harold Laski to Frankfurter. October 29, 1932).

10 Ibid. F. Frankfurter Papers. Box 78. Frankfurter to W. Lippman. October 13, 1932.

11 Ibid. Box 150. Frances Perkins to Frankfurter. March 22, 1933.

12 *Josephson M.* Sidney Hillman. Statesman of American Labor. Garden City, 1952. P. 360, 361.

13 Ibid. P. 362.

14 В леворадикальных кругах США высказывались опасения, что риторика Рузвельта, принимаемая массами на веру, способна ослепить их и создать ложное представление о том, кто в действительности сохраняет в своих руках рычаги власти в Вашингтоне (NYPL. N. Thomas Papers. Box 3. Ernest Gruening to Thomas. March 9, 1933).

15 *Lash J.P.* Op. cit. P. 509.

- 16 *Goldstein K.J.* Political Repression in Modern America from 1870 to the Present. Cambr., 1978. P. 213–216.
- 17 *Lash J.P.* Op. cit. P. 510–512.
- 18 FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. Hickok to H.L. Hopkins. April 8, 1934.
- 19 *Johnson J.P.* Drafting the NRA Code of Fair Competition for the Bituminous Coal Industry // *Journal of American History*. December 1966. P. 357.
- 20 MHC. Frank Murphy Papers. Box 15. E. C. Jouston to O. G. Olander. January 5, 1937; O. G. Olander to Murphy. January 12, 1937; J.S. Bersey to Murphy. January 12, 1937; Box 16. A.H. Vandenberg to Murphy. February 15, 1937; H.C. Pratt to Murphy. February 20, 1937; Box 17. W.L. Smith to Murphy. March 17, 1937; Mchugh to Murphy. March 24, 1937; B.E. Hutchinson to Murphy. June 16, 1937.
- 21 Ibid. Box 17. Murphy to P.H. Callahan. May 25, 1937.
- 22 Ibid. Box 16. Franklin Delano Roosevelt to Murphy. February 11, 1937; F. Perkins to Murphy. February 11, 1937.
- 23 Иная точка зрения изложена в целом ряде работ известных авторов: см. *Taft Ph.* The A.F. of L. from the Death of Gompers to the Merger. N. Y., 1959. P. 45; *Burns J.M.* Roosevelt: The Lion and the Fox. N.Y., 1956. P. 217, 218. С. Розенман, полемизируя после войны с авторами многочисленных работ о Рузвельте, пытавшихся воссоздать его образ в одномерном изображении, решительно отвел все попытки представить президента политиком, расчетливо продумывавшим каждый свой шаг вплоть до последнего и следовавшим какому-то твердому и неизменному плану. По его убеждению, Рузвельт был политическим оппортунистом, который действовал чаще всего по принципу «смотря по обстоятельствам» и вовсе не отличался ни великодушием, ни прямоотой (FDRL. S. Rosenman Papers. Box 7. Rosenman to Jay J.M. Scandrett. July 25, 1950).
- 24 LC. F. Frankfurter Papers. Box 150. Charles E. Wysanski, Jr. to Frankfurter. September 13, 1933.
- 25 NYSSILRL. International Union of Mine, Mill and Smelter Workers (L. McLenegan Papers). L. McLenegan to Ch. Whiteley. April 23, 1934; NA. General Records of the Department of Labor. 167/2505–167/2585. Box 162. R. B. Stuart to F. Perkins. November 20, 1933, etc.
- 26 Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. I. P. 301.
- 27 *Brody D.* Workers in Industrial America. Essays on the Twentieth Century Struggle. N.Y., 1981. P. 145, 146.
- 28 *Huthmacher J. J.* Senator Robert F. Wagner and the Rise of Urban Liberalism. N.Y., 1968. P. 166.
- 29 Ibid. P. 147.
- 30 *Fine S.* President Roosevelt and the Automobile Code // *Mississippi Valley Historical Review*. Vol. XLV. № 1 (June 1958). P. 25.
- 31 Ibid. P. 26.
- 32 Ibid. P. 50.
- 33 FDRL. A. Williams Papers. Box 4. Harry L. Hopkins to Franklin D. Roosevelt. September 11, 1935.
- 34 *Koeniger A.C.* The New Deal and the States: Roosevelt versus the Byrd Organization in Virginia // *Journal of American History*. Vol. 68. № 4. March 1982. P. 876–896.
- 35 *Schlesinger A.M. Jr.* The Crisis of the Old Order, 1919–1933. Melbourne – L. – Toronto, 1957. P. 468–470; *Graham O.* Toward a Planned Society. N.Y., 1976; *Freidel F.* Launching the New Deal. Boston, 1973.
- 36 LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. Robert M. La Follette, Jr. to Frankfurter. April 4, 1933; Box 150. Frankfurter to Frances Perkins. April 4, May 2, 1933.
- 37 Principal Speeches of Harry L. Hopkins, Works Progress Administrator. Address of Harry L. Hopkins at Babson Institute. April 12, 1937.
- 38 *Schlesinger A.M. Jr.* The Coming of the New Deal. L.; Melbourne; Toronto, 1960. P. 262.
- 39 FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. Hickok to H.L. Hopkins. April 11, 1934.

40 Brewer W.W. Along the American Way. The New Deal's Work Relief Programs for the Unemployed // Journal of American History. June, 1975. P. 642, 643.

41 Обри Вильямс, правая рука Гопкинса, самокритично признавал, что по отношению к подлинным масштабам национальной трагедии правительством в сфере помощи безработным делалось ничтожно мало (FDRL. A. Williams Papers. Box 5. Williams to Mrs. Isaac P. Witter. October 1, 1934).

42 Tacoma News Tribune. September 17, 1938.

43 LC. H. Ickes Papers. Box 161. Ickes to Hiram W. Johnson. September 21, 1935. В набросках отдельных выступлений Гопкинса мы находим места, из которых видно, что в случае сохранения массовой безработицы он не исключал возможности вытеснения частных капиталистических предприятий государственными. Избежать этой опасности, считал он, капитал мог бы, только взаимодействуя с правительством и гибко приспособливая свою стратегию к изменившимся условиям (FDRL. Personal Letters in the Papers of Harry L. Hopkins, 1930–1946. Roll 17. «What Price Recovery»).

44 Karl B.D. Executive Reorganization and Reform in the New Deal. Cambridge, 1963; *Idem*. Charles E. Merriam and the Study of Politics. Chicago, 1974.

45 MHC. F. Murphy Papers. Box 19. Franklin D. Roosevelt to Murphy. March 15, 1938.

46 LC. H. Ickes Papers. Box 160. Ickes to Chester A. Braman. January 22, 1940.

47 В тот период Рузвельт заявлял, что оппозиция в конгрессе «не является серьезной; она возникает каждый год, но с ней всегда нетрудно справиться, посвятив этому некоторое время» (New Deal Mosaic: Roosevelt with his National Emergence Council, 1933–1936. Eugene (Oregon), 1963. P. 449).

48 Huthmacher J.J. Op. cit. P. 175–176; LC. F. Frankfurter Papers. Box 49. Thomas G. Corcoran to Frankfurter. June 18, 1934.

49 Roosevelt and Daniels. A Friendship in Politics. P. 156.

50 Perkins F. Op. cit. P. 239. См. также: Brody D. Op. cit. P. 144.

51 NYPL. N. Thomas Papers. Box 8. Robert F. Wagner to Thomas. April 1, 1935.

52 Huthmacher J.J. Op. cit. P. 197.

53 Tugwell R.G. The Democratic Roosevelt. Garden City, 1957. P. 341.

54 Leuchtenburg W.E. Op. cit. P. 151.

55 WSHSL. R. Robins Papers. Box 27. H. L. Ickes to Robins. August 19, 1933. Увеличивающийся разрыв между либералами и ушедшими влево массами тревожил не одного только Икеса; Нельзя пройти мимо многозначительного замечания мэра Нью-Йорка Ф. Лагардия, оброненного им в письме к другу в связи с оценкой общей ситуации в стране и перспектив политического развития. В апреле 1938 г. он писал, что многие близко стоявшие к нему политики «порой выражали опасения, что я (Лагардия. – В.М.), случалось, бывал немного более радикальным, чем это казалось необходимым, но последующие события, возможно, убедили (их), что в то время я верно угадывал общую тенденцию» (NY City Archives. F.H. La Guardia Personal File, Location 2675. La Guardia to E.M. Elciott. April 4, 1938).

56 FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. Hickok to H.L. Hopkins. June 1, 1934; Hickok to A. Williams. August 15, 1934.

57 FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. Hickok to H.L. Hopkins. October 10, 1935.

58 FDRL. A. Williams Papers. Box 2. E.C. Lindeman to Williams. March 26, 1937; Box 4. Williams to Eleanor Roosevelt. August 18, 1939; Papers of Harry L. Hopkins. Confidential Political File. 1938–1940. Box 120. Samuel C. Cleland to Daniel C. Roper. November 14, 1938; Печатнов В.П. Демократическая партия и ее электорат в годы «нового курса» // Американский ежегодник. 1980. М., 1981. С. 83, 84.

59 Roosevelt and Frankfurter. Their Correspondence 1928–1945. Boston – Toronto, 1967. P. 235; Kennedy D.M. Freedom from Fear. The American People in Depression and War 1929–1945. N.Y., 1999. P. 242.

60 Huthmacher J.J. Op. cit. P. 213–216.

61 Ibid. P. 238–243.

62 NYPL. F. La Guardia Papers 1939 (Good-Gray). Frank Gannett to F. La Guardia. March 4, 1939; *Lash J.P.* Op. cit. P. 611.

63 Roosevelt and Frankfurter. P. 344.

64 LC. F. Frankfurter Papers. Box 109. Robert F. Wagner to Frankfurter. June 25, 1937.

65 Несоответствие между желаемым и достигнутым признавалось многими из окружения Рузвельта. Весной 1937 г. Генри Уоллес, министр сельского хозяйства в администрации Рузвельта, выступая в Экономическом клубе Нью-Йорка, в драматических выражениях признал, что «четыре года героических усилий» не вывели американское общество из тупика, куда завели его коллизия антагонистических интересов «различных экономических групп», конфликт между бедностью и богатством, погоней за прибылью любой ценой и реальным бесправием доброй «половины нации», ставшей жертвой экономической анархии и вопиющей недооценки социальной ответственности со стороны государственной власти (FDRL. A. Williams Papers. Box 5. Address by Secretary Waller before Economic Club of New York. February 3, 1937).

66 *Montgomery D.* Workers' Control in America. Studies in the History of Work, Technology and Labor Struggles. L.—N.Y., 1979. P. 164.

67 LC. John P. Frey Papers. Box 12. Folder: «Notes and Memoranda (2)».

68 *Taft Ph.* Op. cit. P. 305.

69 *Josephson M.* Op. cit. P. 401–403.

70 Wayne State University. Labor History Archives. Oral History. Interview of Len De Caux. P. 4–5.

71 Committees for Industrial Organization. The Program of the CIO. P. 12, 13.

72 New Deal Mosaic. P. 496.

73 People's Press. 1936. 31.X.

74 FDRL. A. Williams Papers. Box 4. H.L. Hopkins to FDR. September 11, 1935; FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Confidential Political File, 1938–1940. Box 121; B. Sperling to James A. Farley. November 4, 1937.

75 ILGWU. Proceedings, 1937. P. 301; The Flint Weekly Review. January 8, 1937. P. 8.

76 Wayne State University. Labor History Archives. H. Kraus Collection. Box 6. Radio Broadcast, Mr. Arthur Green. July 4, 1936.

77 Ibid. The Walter P. Reuther Papers. Document: New America and Labor (1938?).

78 Многие так называемые «регулярные» демократы – сторонники Рузвельта – выражали недовольство отступлением, как они заявляли, от первоначальной программы «нового курса», программы умеренного либерализма. Их тревожило появление социал-демократических фракций в составе организаций Демократической партии в штатах, снижение роли партийных машин на местах и т. д. (см. FDRL. Papers of Harry L. Hopkins, Confidential Political File, 1938–1940. Box 121. Frank Tierney to Hopkins. October 2, 1939; Tierney to L. Mellett. October 3, 1939).

79 FDRL. A. Williams Papers. Box 4. Franklin D. Roosevelt to Harry Hopkins and Williams. May 17, 1938.

80 *Douglas P.H., Hackman J.* The Fair Labor Standards Act of 1938 // Political Science Quarterly. December, 1938. P. 492.

81 Ibid. P. 511.

82 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Confidential Political File, 1938–1940. Box 120. W. Evjue to James A. Farley. December 12, 1938.

83 Многие видные деятели из окружения Рузвельта понимали, что неспособность либерализма сформулировать продуманную и обоснованную программу поступательного развития чревата тяжелыми и далеко идущими последствиями с точки зрения не только развития внутренних условий в стране, но и роли США в мировом сообществе. Высказывались опасения, что если «новый курс» остановится на достигнутом, то это будет означать капитуляцию перед реакцией, а следовательно, отрицательно скажется и на позиции США в мировых делах. Например, Честер Боулс (тогда глава Администрации по

контролю за ценами) писал С. Розенману в 1943 г.: «По моему мнению, провал в деле дальнейшей разработки либеральной программы может иметь своим результатом упадок нашей демократии и рост агрессивного национализма в США, который может стать еще более опасным для всеобщего мира, чем был в прошлом наш изоляционизм» (FDRL. S. Rosenman Papers. Box 1, General Correspondence, Chester Bowles to Rosenman. December 23, 1943).

84 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Confidential Political File, 1938–1940. Box 120. Memoranda. May 28, 1939.

85 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Confidential Political File, 1938–1940. Box 120. Hopkins to L. Moore. November 18, 1940; LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. Frankfurter to H. Laski. November 27, 1940.

86 *Bruno R.* Everyday Constructions of Culture and Class: The Case of Youngstown Steelworkers // *Labor History*. Vol. 40, № 2, 1999. P. 143.

87 *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 251.

Глава V

1 *Harper J.L.* American Visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambr., 1994. P. 12.

2 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y., 1979. P. 29.

3 См.: История США: В 4 т. Т. 3. С. 297, 298.

4 См. там же. С. 298.

5 См. там же. С. 307.

6 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy... P. 148. Такой видный исследователь, как Роберт Девин, в книге, вышедшей в 1969 г., безоговорочно причислил Рузвельта к числу убежденных «изоляционистов». По его мнению, «карантинная речь» не внесла ничего нового в подход Рузвельта к проблеме разрешения международных кризисов (*Devine R.A.* Roosevelt and World War II. Baltimore, 1969. Ch. I).

7 New York Public Library. N. Thomas Papers. F.D. Roosevelt to Thomas. December 25, 1937.

8 *Егорова Н.И.* Изоляционизм 30-х годов // Американский ежегодник. 1984. М., 1984. С. 120; *Smith G.* Forty Months. Franklin D. Roosevelt as War Leader 1941–1945 // *Prologue*. Vol. 26. № 3. Fall 1994. P. 131–139.

9 *Nawyn W.* American Protestantism's Response to Germany's Jews and Refugees, 1933–1941. Ann Arbor, 1981; *Guinsburg Th.N.* The Pursuit of Isolationism in the United States Senate from Versailles to Pearl Harbor. N.Y., 1982; *Kanawada L.K. Jr.* Franklin D. Roosevelt Diplomacy and American Catholics, Italians and Jews. Ann Arbor, 1982.

10 *Miller A.D.* Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949. Chapel Hill, 1980; *Anderson I.H.* Aramco, the United States, and Saudi Arabia. A Study of the Dynamics of Foreign Oil Policy, 1933–1950. Princeton, 1981. В тех случаях, когда, оставаясь верным правде факта, историк вторгается в эту «заповедную зону», он неизбежно приходит к выводам, прямо противоположным тем, которые выдаются за бесспорные истины. Так, в книге, посвященной экономической экспансии США в Латинской Америке накануне и в годы Второй мировой войны, Майкл Гроу убедительно показал скрытые цели политики «добраго соседа», назвав ее орудием «либерального империализма» (*Grow M.* The Good Neighbour Policy and Authoritarianism in Paraguay: United States Economic Expansion and Great Powers Rivalry in Latin America during World War II. Lawrence, 1981).

11 *Jacobs T.B.* America and the Winter War, 1939–1940. N.Y., 1981; *Reynolds D.* The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937–1941: A Study in Competitive Co-operation. Chapel Hill, 1982.

12 *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American

National Security Policy. N.Y. – Oxford, 1982. P. 6.

13 *Gaddis J.L.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947. N.Y.—L., 1972; *Heinrichs W.* FDR and the Entry into World War II // Prologue. Vol. 26. № 3. Fall 1994. P. 121.

14 The Past before US. Contemporary Historical Writing in the United States. Ed. by Michael Kammen. Ithaca; L., 1980. P. 370.

15 *Kinsella W.E., Jr.* Leadership in Isolation: FDR and the Origins of the Second World War. Cambridge, 1978.

16 *Journal of American History*. Vol. 66. № 3. December, 1979. P. 703.

17 *Ibid.* Vol. 67. № 4. March 1981. P. 954, 955.

18 *MacDonald C.A.* The United States, Britain and Appeasement, 1936–1939. N.Y., 1981.

19 См. подробнее: *Поздеева Л.В.* Предвоенный политический кризис в Европе и позиция США // Причины возникновения Второй мировой войны. М., 1982. С. 206–220.

20 *Кунина А.Е., Марушкин Б.И.* Миф о миролюбии США. М., 1960. С. 158–162; *Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А.* Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983. С. 30–40.

21 См.: *Дашичев В.И.* Из истории сталинской дипломатии // История и сталинизм / Сост. А.Н. Мерцалов. М., 1991 и др.

22 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 500.

23 *Offner A.A.* American Appeasement. United States Foreign Policy and Germany, 1933–1938. N.Y., 1976. P. 279, 280. Оффнер, между прочим, подводя итоги своему исследованию, писал, что если бы США, а также Англия и Франция, отказались от своего эмбарго на продажу оружия республиканской Испании, то фашизм в этой стране не смог бы одержать победу, а это, в свою очередь, резко ослабило бы позиции его покровителей в Германии и помешало бы совершить следующие акты агрессии (*Ibid.* P. 277).

24 *Offner A.A.* FDR Remembered: Statesman of Peaceful Means // OAH Newsletter. Vol. II. № 2. May, 1983. P. 23–25.

25 LC. Norman H. Davis Papers. Box 51. F. Roosevelt to J. Ramsay MacDonald. August 30, 1933.

26 *Ibid.* F. Roosevelt to Davis. August 30, 1933.

27 *Dallek R.* Democrat and Diplomat. The Life of William E. Dodd. N.Y., 1968. P. 195.

28 LC. W.E. Dodd Papers. Box 42. W. Phillips to Dodd. November 27, 1933.

29 *Ibid.* Dodd to Franklin D. Roosevelt. October 28, 1933.

30 *Ibid.*

31 *Ibid.* Franklin D. Roosevelt to Dodd. November 13, 1933.

32 *Dodd W.E.* Ambassador Dodd's Diary 1933–1939. Ed. by W.E. Dodd Jr. and H. Dodd. N.Y., 1941. P. 63, 64.

33 Речь шла о поездке М.М. Литвинова – народного комиссара по иностранным делам СССР, по приглашению Рузвельта в ноябре 1933 г., в ходе которой стороны согласились восстановить дипломатические отношения.

34 FRUS. 1933. Vol. I. P. 330–332.

35 LC. W.E. Dodd Papers. Box 42. Dodd to W. Phillips. December 14, 1933.

36 *Dallek R.* Democrat and Diplomat. P. 218, 219.

37 LC. W.E. Dodd Papers. Box 42. R. Moore to Dodd. December 26, 1933.

38 *Ibid.* Box 45. W. Phillips to Dodd. July 6, 1934.

39 *Ibid.* W. Phillips to Dodd. August 16, 1934.

40 *Ibid.* Dodd to Franklin D. Roosevelt. August 15, 1934.

41 *Ibid.* Dodd to Daniel Roper. August 14, 1934. Тогда же, в августе 1934 г., Додд писал генералу Дугласу Макартуру: «Я считаю, что германское правительство ведет подготовку к большой войне на континенте. Тому масса доказательств. Это вопрос времени» (*Ibid.* Box 44. Dodd to D. MacArthur. August 27, 1934).

42 *Мельников Ю.М.* США и гитлеровская Германия, 1933–1939. М., 1959. С. 83.

- 43 LC. W.E. Dodd Papers. Box 44. Dodd to C. Hull. August 30, 1934.
- 44 *Harper J.L.* . American Visions of Europe. P. 52.
- 45 LC. W.E. Dodd Papers. Box 44. Franklin D. Roosevelt to Dodd. August 25, 1934.
- 46 Ibid. Dodd to C. Hull. September 19, 1934.
- 47 Ibid. Box 44. Dodd to E.M House. October 19, 1934.
- 48 LC. W.E. Dodd Papers. Box 47. Franklin D. Roosevelt. to Dodd. February 2, 1935.
- 49 FDR: His Personal Letters. Vol. I. P. 475.
- 50 LC. W.E. Dodd Papers. Box 47. Dodd to R. Walton Moore. March 21, 1935.
- 51 Ibid. Box 47. Dodd to R. Walton Moore. June 27, 1935.
- 52 Ibid. Dodd to R. Walton Moore. March 21, 1935.
- 53 Ibid. Box 49. Dodd to R. Walton Moore. January 2, 1936.
- 54 Ibid. Box 47. R. Walton Moore to Dodd. April 22, 1935.
- 55 Ibid. Box 49. R. Walton Moore to Dodd. January 13, 1936.
- 56 Ibid. Box 45. Josephus Daniels to Dodd. September 19, 1935.
- 57 Ibid. Box 47. Franklin D. Roosevelt to Dodd. December 2, 1935.
- 58 Ibid. Dodd to Franklin D. Roosevelt. December 15, 1935.
- 59 *Dallek R.* Democrat and Diplomat. P. 274, 275.
- 60 LC. W.E. Dodd Papers. Box 49. R. Walton Moore to Dodd. April 1, 1936; B. Long to Dodd. April 1936.
- 61 Ibid. Dodd to Franklin D. Roosevelt. April 1, 1936.
- 62 Ibid. Dodd to H. Ickes. August 21, 1936.
- 63 Ibid. Dodd to R. Walton Moore. August 31, 1936.
- 64 Ibid. R. Walton Moore to Dodd. August 31, 1936.
- 65 Ibid. Dodd to C. Hull. September 19, 1936; C. Hull to Dodd. October 2, 1936.
- 66 См. подробнее: *Мельников Ю.М.* Указ. соч. С. 163–169.
- 67 LC. W.E. Dodd Papers. Box 49. Dodd to Franklin D. Roosevelt. December 7, 1936.
- 68 Ibid. Box 51. Dodd to Franklin D. Roosevelt. February 27, 1937.
- 69 Ibid. Dodd to C. Hull. June 21, 24. 1937.
- 70 Ibid. Dodd to E. Phipps. July 1, 1937.
- 71 *Dallek R.* Democrat and Diplomat. P. 310.
- 72 Ibid. P. 310, 311.
- 73 Ibidem.
- 74 *Bullitt O.H.* (ed.). For the President. Personal and Secret. Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Boston, 1972. P. 235–237.
- 75 Ibid. P. 262, 263.

Глава VI

- 1 The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. XIII. P. 342–354.
- 2 См.: ДВП СССР. Т. I–XXI. М., 1957–1977; Т. IX. С. 26, 312, 313; ДВП. 1939 г. Т. XXII. Кн. 1–2. М., 1992; ДВП. 1940 г., 22 июня 1941 г. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995; Кн. 2. М., 1998.
- 3 *Maddox R.J.* William E. Borah and American Foreign Policy. Baton Rouge, 1969. P. 190.
- 4 В бумагах Бора хранится интересное письмо известной американской общественной деятельницы Дороти Детцер, в котором излагались убедительные аргументы против наигранного возмущения по поводу «советского вмешательства» во внутренние дела США, типичного для противников признания. Она писала в апреле 1933 г.: «Очень разумно предположить, что на предстоящих переговорах русские будут решительно стремиться к выработке взаимных гарантий против «пропаганды» и «подрывных» действий. Ведь именно мы дважды вторгались в их страну в попытке свергнуть их правительство, и именно мы вложили миллионы долларов в руки разных военных авантюристов, которые пытались восстановить царскую монархию и, добываясь этого, разрушить всю страну. На различные

иностранные вторжения большевики ответили единственным оружием, которое было в их распоряжении, – пропагандой... И хотя я не являюсь знатоком марксистской теории, я считаю, что русские исходят из невозможности импортировать революцию в саквояжах иностранной принадлежности. Они полагают, что революции вызревают в силу условий, сложившихся внутри страны. Поэтому они не собираются заниматься миссионерством у нас. Из собственного опыта знаю, что они целиком поглощены строительством своей страны» (LC. W. Borah Papers. Box 371. Dorothy Detzer to U. Grant-Smith. April 12, 1933).

5 *Williams W.A.* American-Russian Relations, 1781–1947. N.Y. – Toronto, 1952.

6 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 145, 147, 152.

7 См.: ДВП СССР. Т. III. С. 84.

8 *Williams W.A.* Op. cit. P. 225; *Вальков В.А.* СССР и США (Их политические и экономические отношения). М., 1965. С. 179.

9 Цит. по: *Meacham J.* Franklin and Winston. An Intimate Portrait of Epic Friendship. N.Y., 2003. P. 37.

10 *Filene P.G.* Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933. Cambr., 1967. P. 195.

11 *Wilson E.* Travels in Two Democracies. N.Y., 1936. P. 320, 321.

12 *Maddux Th.R.* Years of Estrangement. American Relations with the Soviet Union. 1933–1941. Tallahassee, 1980. P. 9.

13 В защиту лозунга установления нормальных дипломатических и экономических отношений все решительнее выступало левоцентристское течение в профсоюзах США. Большую роль в этом сыграла деятельность Компартии США. Начиная с конца 20-х годов резолюции в защиту признания СССР принимались съездами профсоюзов учителей, рабочих текстильной промышленности, дамских портных, швейников, шляпников. Конференции за прогрессивное рабочее действие. Многие печатные органы профсоюзов осудили антисоветскую позицию руководства АФТ.

14 *Maddux Th.R.* Years of Estrangement. P. 9.

15 LC. W. Borah Papers. Box 371. Jerome Davis to Borah. February 13, 1933.

16 Journal of Commerce. March 2, 1933.

17 Literary Digest. March 18, 1933.

18 *Maddux Th.R.* Op. cit. P. 11.

19 LC. W. Borah Papers. Box 371. Borah to A. Wunstorff. January 27, 1933.

20 LC. F. Frankfurter Papers. Box 147. Frankfurter to Joseph E. Davis. February 25, 1933; LC. W. Borah Papers. Box 371. Jerome Davis to Borah. March 20, 1933.

21 WSHSL. R. Robins Papers. Box 25. Robins to (фамилия адресата неразборчива). March 17, 1933.

22 LC.W. Borah Papers. Box 401. R. Robins to Borah. October 31, 1933.

23 *De Santis H.* The Diplomacy of Silence: The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933–1947. Chicago, 1980.

24 LC. W. Borah Papers. Box 401. R. Robins to Borah. October 31, 1933.

25 Ibidem.

26 Ibidem; WSHSL. R. Robins Papers. Box 25. Robins to Jane Addams. August 26, 1933.

27 LC. W. Borah Papers. Box 401. R. Robins to Borah. October 31, 1933.

28 Б.Е. Сквирский в телеграмме в НКВД СССР от 17 октября 1933 г. писал: «Рузвельт имел беседу с Робинсом и Купером об СССР. Он сказал обоим, что собирается вскоре признать СССР, но не сказал об имеющихся месте переговорах. Получаемые мною сведения говорят о серьезности намерений Рузвельта. Избранный им путь разговоров для получения заверений объясняется желанием «успокоить оппозицию» (ДВП СССР. Т. XV. С. 576).

29 *Севостьянов Г.Н.* Миссия М.М. Литвинова в Вашингтон в 1933 г. Новые материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 148–175.

30 ДВП СССР. Т. XVI. С. 609, 610.

31 Там же. С. 621.

32 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 80–81; Soviet

Diplomacy and Negotiating Behaviour: Emerging New Context for U.S. Diplomacy. Vol. I. Wash., 1979. P. 77–78.

33 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 75.

34 *Ibid.* P. 77; *Offner A.A.* American Appeasement. United States Foreign Policy and Germany. P. 279.

35 FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to Secretary of State. April 22, 1934 (этот документ не вошел в книгу: *Bullitt O.H.* (ed.). For The President: Personal and Secret. Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Boston, 1972; W. Bullitt to Franklin D. Roosevelt. August 5, 1934; W. Bullitt to C. Hull. October 2, 1934 (этот важный документ также не вошел ни в одно вышедшее в США издание дипломатических бумаг); W. Bullitt to Franklin D. Roosevelt. April 7–8, 1935.

36 ДВП СССР. Т. XVI. С. 658.

37 *См. там же.* С. 659.

38 *Там же.* С. 675.

39 *См. там же.* С. 641, 642–644, 654.

40 *См.: Farnsworth B.* William Bullitt and the Soviet Union. Bloomington, 1967.

41 FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to Roosevelt. January 1, 1934.

42 *Ibidem.*

43 *См.: ДВП СССР.* Т. XVI. С. 758.

44 For the President: Personal and Secret. P. 61–73; FRUS. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933–1939. Wash., 1952. P. 55–62.

45 FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to Secretary of State. April 22, 1934.

46 *Ibid.* W. Bullitt to Franklin D. Roosevelt. August 5, 1934.

47 *См.: Цветков Г.* Политика США в отношении СССР накануне Второй мировой войны. Киев, 1973. С. 36.

48 For the President: Personal and Secret. *Op. cit.* P. 71.

49 Seeley G. Mudd Library. George Frost Kennan Papers. Box 31. Kennan to Jacqueline S. Mithun. 15 December, 1964.

50 FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to C. Hull. October 2, 1934.

51 *См.: Белоусова З. С.* Франция и европейская безопасность. М., 1976. С. 208.

52 FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to Franklin D. Roosevelt. April 7, 1935; W. Bullitt to Franklin D. Roosevelt. April 8, 1935.

53 For the President: Personal and Secret. P. 103–106.

54 LC. W.E. Dodd Papers. Box 43. Josephus Daniels to Dodd. October 16, 1934.

55 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 3. Diary. August 25, 1936.

56 *Ibid.* Diary. August 28, 1936.

57 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 3. Memorandum. February 1, 1937; Box 4. Memorandum of a Conversation between the Ambassador and a Soviet Official. March 24, 1937.

58 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 4. Diary. February 16, 1937.

59 *Ibid.* Box 3. Davies to R. Walton Moore. February 5, 1937; Box 4. Davies to C. Hull. March 15, 1937; Davies to Marvin McIntyre. March 15, 1937.

60 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 4. Diary. March 24, 1937 (Coulandre).

61 *Ibid.* Diary. March 24, 1937 (Conferred with Lord Chilston).

62 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 5. Davies to Stephen Early. July 4, 1937.

63 *Ibid.* Box 6. Journal. November 11, 1937.

64 *Ibid.* Box 7. Davies to Samner Welles. March 1, 1938.

65 *Ibid.* Davies to Key Pittman. March 26, 1938.

66 *См.: Белоусова З.С.* Указ. соч. С. 287–289; *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979. С. 162.

67 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 7. Diary. March 30, 1938.

68 *См. Harper J.L.* *Op. cit.* P. 53.

69 *Davies J.E.* Mission to Moscow. L., 1942. P. 195–202.

- 70 FDRL. President's Personal File. Folder 1381. Joseph E. Davies to Marvin H. McIntyre. April 4, 1938; LC. Joseph E. Davies Papers. Box 7. Davies to Marvin H. McIntyre. April 4, 1938.
- 71 *Davies J.E.* Op. cit. P. 201.
- 72 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 9. Davies to Lord Davies. October 29, 1938.
- 73 FDRL. PSF. Folder 1381. Joseph F. Davies to Marvin H. McIntyre. July 10, 1937.
- 74 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 5. «Importance of Industry to Defence». July 28, 1937.
- 75 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 9. Davies to Milliard Tydings. September 15, 1938.
- 76 Ibid. Davies to H. McIntyre. September 20, 1938; Seeley A. Mudd Library. Armstrong Hamilton Fish Papers. Box 8. Armstrong to Franklin D. Roosevelt. April 20, 1939.
- 77 FDRL. Harry L. Hopkins Papers. Box 190. Folder: Eastern European Branch. Vol. 2. (10 Febr.–20 Dec. 1938). G-2 Report. Subject: Foreign Affairs – General. Central European Crisis (документ рассекречен в мае 1973 г.).
- 78 *Поздеева Л.В.* Указ. соч. // Причины возникновения Второй мировой войны. С. 215.
- 79 Документы по истории Мюнхенского сговора, 1937–1939. М., 1979. С. 337.
- 80 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 9. Davies to Stephen T. Early. October 7, 1938.
- 81 См.: *Цветков Г.* Указ. соч. С. 143.
- 82 См.: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 81.
- 83 *Roosevelt F.D.* Development of U.S. Foreign Policy Addressess and Messages of FDR. Wash., 1942. P. 33.
- 84 LC. Joseph E. Davies, Papers. Box 9. Davies to Steve Early. March 29, 1939.
- 85 LC. W.E. Dodd Papers. Box 56. Dodd to de los Rios. March 29, 1939.
- 86 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 183.
- 87 СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 260–261; *Carley M.J.* The Alliance That Never Was and the Coming of the World War II. Chicago, 1999. P. 82.
- 88 См.: New York Times, March 19, 1939. P. E3; March 31, 1939. P. 1; April 1, 1939. P. 1; April 3, 1939. P. 14.
- 89 *Carley M.J.* Op. cit. P. 179–212; *Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А.* Указ. соч. С. 51–66; *Городецкий Г.* Миф «Ледокола» накануне войны. М., 1995. С. 51–57.
- 90 Georgetown University Library. Robert E. Kelley Papers. Box 3. Folder 11a. Samuel N. Harper. A Sixth Visit to the Soviet Union. July 26, 1939.
- 91 См.: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 461, 463.
- 92 LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. Ickes to Raymond Robins. July 5, 1939.
- 93 АВП РФ. Ф. 06, оп. 1, п. 20, д. 214, л. 56, 173; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 478.
- 94 LC. Laurence A. Steinhardt Papers. Box 27. S. Welles to Steinhardt. August 4, 1939.
- 95 Ibid. William Bullitt to Steinhardt. August 12, 1939.
- 96 СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 604.
- 97 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Memorandum. Diary Entry Dictated by Joseph Davies on October 16. Immediately upon his return from the White House.
- 98 См.: Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. М., 1983. С. 424–425.
- 99 *Tucker R.C.* Politics as Leadership. Columbia – London, 1981. P. 152.

Глава VII

- 1 *Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 236.
- 2 *MacLean E.K.* Joseph E. Davis and Soviet-American Relations, 1941–1943 // Diplomatic History. Fall 1991. vol. 73. № 3. P. 74
- 3 LC. Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 9. Davies to Lord Davies. October 29, 1938.
- 4 WSHSL. R. Robins Papers. Box 28. Robins to Mary E. Dreier. October 14, 1938.
- 5 LC. W. Dodd Papers. Box 55. J. Daniels to W. Dodd. November 25, 1938.

- 6 *Fielding G. Eliot*. The Military Consequences of Munich // Foreign Policy Reports. 1938. December 15. P. 227.
- 7 LC. W.E. Dodd Papers. Box 56. R. Wolton Moore to Dodd. November 8, 1938.
- 8 The Washington Daily News. 1939. January 30.
- 9 SML. Hamilton Fish Armstrong Papers. Box 45. Henry L. Stimson to Cordell Hull. January 18, 1939.
- 10 См.: *Davies J.E.* Mission to Moscow. L., 1942. P. 276.
- 11 LC. J.E. Davies Papers. Chronological File. Box 9. Davies to Franklin Roosevelt. January 18, 1939.
- 12 HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 459. Hornbeck to S. Welles. January 6, 1939.
- 13 HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 459. Hornbeck to C. Hall. January 28, 1939.
- 14 HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 459. Hornbeck to Joseph C. Grew. February 13, 1939.
- 15 HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 459. Memorandum. February 18, 1939.
- 16 См.: Fielding G. Eliot. Defending America // Foreign Policy Association. World Affairs Pamphlets. 1939. № 4, March. P. 11.
- 17 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 9. Davies to Millard Tydings. March 9, 1939.
- 18 LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. Ickes to Raymond Robins. March 17, 1939.
- 19 HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 459. March 18, 1939.
- 20 См.: *Международная жизнь*. 1999. № 8. С. 83.
- 21 LC. Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 9. Davies to Millard Tydings. March 27, 1939.
- 22 LC. Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 9. Davies to Steve Early. March 29, 1939.
- 23 См.: *Davies J.E.* Mission to Moscow. P. 281.
- 24 Мягкий тон обращения Рузвельта к Гитлеру и Муссолини от 15 апреля с призывом торжественно обещать в течение 10–15 лет воздерживаться от агрессии в отношении трех десятков европейских стран тяжело подействовал на противников политики «умиротворения». Усилились опасения, что США, так же как и Англия, подумывают о «втором Мюнхене». 19 апреля С. Хорнбек сделал следующую запись: «Реакция в Европе как со стороны авторитарных держав, так и со стороны демократических стран на заявление президента, сделанное на прошлой неделе и адресованное Гитлеру и Муссолини (вкуче с заявлениями президента во время встречи с корреспондентами в Белом доме), ясно указывают на опасность вмешательства в европейские дела с целью повлиять на их ход чисто вербальным путем, не сопровождаемым выражением намерения и готовности подкрепить слова, если необходимо, акциями позитивного давления (экономическими, военными и т. д.)» (см.: HI. Stanley Hornbeck Papers. Box 459. April 19, 1939).
- 25 LC. Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 10. Memorandum enclosed in the letter to be given to President. April 18, 1939.
- 26 Ibidem.
- 27 См. Foreign Relations of the United States. 1939. Vol. 1. Wash., 1956. P. 23.
- 28 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 10. Davies to S. Early. September 11, 1939.
- 29 LC. Breckenridge Long Papers. Box 5. Diaries. September 2, 1939.
- 30 *Roosevelt E.* This I Remember. N.Y., 1949. P. 182, 183.
- 31 *Davies J.E.* Mission to Moscow. P. 287.
- 32 LC. Raymond Clapper Papers. Box 224. Clapper to Loy Henderson. May 5, 1939.
- 33 LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. Raymond Robins to Ickes. June 18, 1939.
- 34 Yale University Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 6. July 5, 1939.
- 35 LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. Ickes to R. Robins. July 5, 1939.
- 36 HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 454. August 24, 1939.
- 37 Ibid. Box 459. Situation in the Far East as Affected by Current Development in Europe.
- 38 *Севостьянов Г.Н.* Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992.

- 39 LC. Norman Davis Papers. Box 54. Pierrepont Moffat to Davis. August 18, 1939.
40 Ibid. B. Long Papers. Box 5. «Diaries». September 2, 1939.
41 LC. Raymond Clapper Papers. Box 49. Clapper to A. L. – L. October 17, 1941.

Глава VIII

- 1 LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. Ickes to Raymond Robins. February 16, 1937.
2 *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 310.
3 Ibid. P. 311.
4 *McJimsey G.* Harry Hopkins. Ally of the Poor and Defender of Democracy. Cambr. (Mass.), 1987.
5 *Kennedy D.M.* Freedom From Fear. The American People in Depression and War, 1929–1945. N.Y., 1999. P. 322.
6 Principal Speeches. Address by Harry L. Hopkins. March 1, 1937.
7 Ibid. Address of Harry L. Hopkins at National Conference of Social Workers. May 27, 1937.
8 *Charles S.F.* Minister of Relief. Harry Hopkins and the Depression. Syracuse, 1963.
9 Public Speeches. Address of Harry L. Hopkins at National Conference of Social Workers. May 27, 1937. Выступая в мае 1938 г. перед сенатским подкомитетом по ассигнованиям, Гопкинс вновь повторил, что правительство способно лишь снизить уровень безработицы, не более того (U.S. Congress. Senate. Work Relief and Public Works Appropriation Act of 1938. Hearings before the Committee on Appropriations. Wash., 1938. P. 152).
10 Public Speeches. Address of Harry L. Hopkins at Babson Institute. June 12, 1937.
11 Ibid.
12 New Republic. February 26, 1936. P. 61–62; December 23, 1936. P. 243.
13 Public Speeches. Radio Address by Harry L. Hopkins («Dollars and Sense»). October 9, 1936. P. 4.
14 Ibid. Address by Harry L. Hopkins before the United States Conference of Mayors. November 17, 1936.
15 New Republic. February 10, 1937.
16 Цит. по: *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 192.
17 *Fenno R. F., Jr.* The President's Cabinet. N.Y., 1959. P. 125.
18 *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 194.
19 LC. W. Borah Papers. Box 504. Raymond Robins to Borah. November 5, 1938.
20 WHSL. Raymond Robins Papers. Box 28. H. Ickes to Robins. August 5, 1939.
21 *Ickes H.* The Secret Diary of Harold Ickes. 3 vols. N.Y., 1953–1954. Vol. 2. P. 317.
22 New Republic. May 13, 1940. P. 632.
23 *Farley F.A.* Jim Farley's Story. The Roosevelt Years. N.Y., 1948. P. 143.
24 *Tagwell R.G.* In Search of Roosevelt. P. 262; *Charles S.F.* Op. cit. P. 212.
25 *Lash J.P.* Op. cit. P. 794.
26 Ibid. P. 795.
27 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 120. H.L. Hopkins Memorandum. May 28, 1939.
28 LC. H. L. Ickes Papers. Box 90. Grace G. Tully to Ickes. July 17, 1950.
29 *Rosenman S.I.* Working with Roosevelt. N.Y., 1952. P. 176–177.
30 U. S. Political Parties. Vol. III. P. 1950.
31 *Lash L.P.* Op. cit. P. 803.
32 FDRL. A. Williams Papers. Box 4. Williams to E. Roosevelt. November 11, 1939.
33 *Adams H.H.* Harry Hopkins. A Biography. N.Y., 1977. P. 149.
34 *Baruch B.M.* Baruch: The Public Years. N.Y., 1960. P. 299.
35 Цит. по: США: политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М., 1976. С. 478.
36 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 189.

- 37 *Adams H.H.* Op. cit. P. 155.
 38 Цит. по: *Donahoe B.F.* Private Plans and Public Dangers. Notre Dame, 1965. P. 101.
 39 Ibid. P. 115, 126.
 40 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 121. Hopkins to Nan Wood Honeyman. June 19, 1939.
 41 WSHSL. Raymond Robins Papers. Box 28. H. Ickes to Robins. August 5, 1939.
 42 LC. H. L. Ickes Papers. Box 162. Raymond Robins to Ickes. July 1939.
 43 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 120. John Hertz to Franklin D. Roosevelt. June 11, 1940.
 44 Ibid. Franklin D. Roosevelt to John Hertz. June 25, 1940.
 45 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 120. William O. Douglas Memorandum to Franklin D. Roosevelt. July 2, 1940.
 46 См.: *Яковлев Н.Н.* Франклин Рузвельт – человек и политик. М., 1965. С. 347.
 47 *Rosenman S.L.* Op. cit. P. 213–214.
 48 *Josephson M.* Op. cit. P. 504–506.
 49 У консервативных лидеров АФТ давно вызывали опасения многие аспекты внутренней политики администрации, особенно связанные с внедрением регулирования экономической жизни. Выступавший в роли признанного идеолога АФТ Джон Фрей писал в 1938 г.: «Это правда, что в группе образованных молодых энтузиастов, которые оказывают влияние на умонастроения президента, есть такие, которые симпатизируют коммунизму, а еще больше таких, которые исповедуют концепцию плановой экономики...» (LC. John P. Frey Papers. Frey to F.A. Robinett. January 13, 1938).
 50 *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 319.
 51 Американский ежегодник. 1981. М., 1981. С. 266–267.
 52 *Josephson M.* Op. cit. Pr 488.
 53 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 121. Emmet White to Hopkins. August 14, 1940; Hopkins to White. August 14, 1940.
 54 LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. Frankfurter to Harold Laski. November 27, 1940.

Глава IX

- 1 См.: История США в 4-х томах. Т. 3 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1985. С. 317.
 2 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 199.
 3 Ibidem.
 4 Цит. по: *Meacham J.* Op. cit. P. 43.
 5 *Dallek R.* Franklin Roosevelt and American Foreign Policy. P. 202.
 6 *Sherwood R.E.* Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. Vols. 2. N.Y., 1950. Vol. 1. P. 150.
 7 LC. Joseph E. Davies Papers. Box. 12. Memorandum. October 16. 1942.
 8 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 164.
 9 Ibid. P. 167.
 10 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 207.
 11 *Kimball W.F.* The Most Unsordid Act. Lend-Lease, 1939–1941. Baltimore, 1969. P. 21.
 12 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 167.
 13 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 205–206.
 14 История США. Т. 3. С. 319.
 15 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 214.
 16 Ibid. P. 216.
 17 *Higham Ch.* Trading with the Enemy: An Exposй of the Nazi-American Money Plot 1933–1949. N.Y., 1983. P. 188, 189.
 18 Ibid. P. 191.
 19 LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. October 11, 1939.

- 20 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 216; *Rock W.R.* Chamberlain and Roosevelt: British Foreign Policy and the United States, 1937–1940. Columbus, 1988. P. 262, 263.
- 21 LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. February 9, 1940.
- 22 Ibid. March 12, 1940.
- 23 АВП РФ. Ф. 48 з, оп. 24 б, п. 3, д. 8, л. 99.
- 24 *Севастьянов П.П.* Перед великим испытанием. М., 1981. С. 177.
- 25 *Josephson M.* Op. cit. P. 481.
- 26 LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. Frankfurter to H.L. Laski, June 20, 1940.
- 27 FDR. His Personal Letters. Vol. II. P. 1037, 1938.
- 28 Цит. по: *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 175.
- 29 Ibidem.
- 30 *Adams H.H.* Op. cit. P. 216.
- 31 The Secret Diary of Harold L. Ickes. Vol. II. P. 478.
- 32 *Sherwood R. E.* Op. cit. Vol. 1. P. 146.
- 33 Ibid. P. 196.
- 34 Ibidem.
- 35 Ibid. P. 224.
- 36 LC. Herbert Feis Papers. Box 12. W.C. Bullitt to Feis. August 26, 1940.
- 37 *Kimball W.F.* Op. cit. P. 121–122.
- 38 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 276.
- 39 Ibid. P. 279.
- 40 *Burns J.M.* Roosevelt: The Soldier of Freedom. N.Y., 1970. P. 60.
- 41 *Davies J.E.* Mission to Moscow. P. 141.
- 42 См.: История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 166.
- 43 Там же. С. 168. 22 января 1941 г. государственный департамент объявил об отмене так называемого «морального эмбарго» против Советского Союза, наложенного во время советско-финского конфликта в декабре 1939 г.
- 44 LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 29. L. Henderson to Steinhardt. December 13, 1940.
- 45 FRUS. 1940. Vols. 5. Wash., 1955–1961. Vol. 3. P. 107.
- 46 FDRL. O. Cox Papers. Box 145. Diaries and Related Material. March 4, 1941; *Dawson R.H.* The Decision to Aid Russia, 1941. Chapel Hill, 1959.
- 47 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945, MID Report, 1935–1945, USSR. From: MA, Moscow, Report 1819. December 6, 1940.
- 48 LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. February 21, 1941.
- 49 *Adams H.H.* Op. cit. P. 199.
- 50 Ibid. P. 202–204.
- 51 *Burns J.M.* Op. cit. P. 77.
- 52 Ibid. P. 88, 91, 101; *Adams H.H.* Op. cit. P. 222.
- 53 LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. May 12, June 4, 1941.
- 54 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. A. Harriman to Hopkins. June 10, 1941.
- 55 *Adams H.H.* Op. cit. P. 323.
- 56 *Churchill W.* The Second World War. Vol. III. The Grand Alliance. N.Y., 1962. P. 312, 313.
- 57 См. FRUS, 1941. Vol. I. Wash., 1958. P. 712–714; *Hull C.* Memoirs, 2 vols. N.Y., 1948. P. 968–969; Harvard University. Houghton Library. Robert E. Sherwood Papers. Lawrence A. Steinhardt to Sherwood. October 30, 1946; February 2, 1948. Российские архивные источники подтверждают версию Штейнгардта: встречи с высшими чиновниками Наркоминдела СССР состоялись, но среди них не было Молотова (АВП РФ. Ф. 483, оп. 24б, п. 2, д. 8, л. 156–159).
- 58 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 369.
- 59 Цит. по: *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985. С. 11.

- 60 См.: История дипломатии. Т. IV. С. 188, 198.
- 61 FDRL. 0.Cox Papers. Box 145. Diaries and Related Material. June 22, 1941.
- 62 Ibid. June 23, 1941.
- 63 Ibidem.
- 64 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. H.B. Swope to Hopkins. June 23, 1941.
- 65 *Борисов А.Ю.* СССР и США. Союзники в годы войны 1941–1945. М., 1983. С. 48.
- 66 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. «To the Congress of the United States of America. June 27, 1941».
- 67 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. H. Stimson to Franklin D. Roosevelt. June 23, 1941.
- 68 Ibid. Joseph E. Davies to Hopkins. July 8, 1941.
- 69 Правда. 1941 г. 12 июля.
- 70 См.: *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. М., 1965. С. 162.
- 71 Правда. 1941 г. 29 июня.
- 72 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. Memorandum «Conference held on 31st July between Mr. Stalin, Mr. Hopkins and the Interpreter at the Kremlin in Moscow – 6.30 p.m. to 9.30 p.m. First Draft».
- 73 FRUS, 1941. Vol. L Wash., 1958. P. 814.
- 74 Цит. по: *Бережков В.М.* Становление антигитлеровской коалиции // Новая и новейшая история. 1973. № 1. С. 96.
- 75 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 80–82.
- 76 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. Hopkins to John G. Winant. September 5, 1941. У себя на столе Гопкинс нашел меморандум заместителя государственного секретаря А. Бирла-младшего, полный критики в отношении «сентиментальных» деятелей, которые сочувственно отзывались о борьбе советского народа, предупреждений о возможных «переменах» в позиции Москвы, нелепых ссылок на историю, якобы говорящую о «ненадежности» СССР как союзника, и т. д. Бирл резко возражал против самой идеи военно-технического сотрудничества СССР и США в войне против Германии (Ibid. Box 305. A.A. Berle, Jr. Memorandum for Hopkins. July 30, 1941).
- 77 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. Hopkins to J. Stalin. September 12, 1941.
- 78 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 11. Journal. September 8, 1941.
- 79 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 1937. Hopkins to Joseph E. Davies. October 30, 1941.
- 80 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. Hopkins to H. Stimson. October 14, 1941.
- 81 FDRL. Papers of Harry Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. Memorandum prepared by Harry L. Hopkins. «Case Stated in Writing on October 19th, 1941».
- 82 Ibidem.
- 83 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. Note.
- 84 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 135.
- 85 Там же. С. 139.
- 86 LC. V. Long Papers. Box 5. Diaries. December 16, 1941.
- 87 Ibid. April 28, 1942.
- 88 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 139.
- 89 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. «To the Russian People».

Глава X

- 1 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 308. Hopkins' Memorandum. September 2, 1941.
- 2 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. Alan Barth to O. Cox. October 29, 1941.
- 3 См.: История рабочего движения в США в новейшее время: В 2 т. 1918–1965. Т. 2. 1939–1965. М., 1971. С. 64; История США. Т. 3. С. 337.
- 4 История рабочего движения в США в новейшее время. Т. 2. С. 66.
- 5 ЦГАОР СССР. Ф. 5283, оп. 14, ед. хр. 84, л. 7.
- 6 Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt (1941). P. 438 ff.
- 7 См.: *Поздеева Л.В.* Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны 1941–1945. М., 1964. С. 117–132.
- 8 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 224.
- 9 ЦГАОР СССР. Ф. 5283, оп. 14, ед. хр. 185, л. 1.
- 10 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 233.
- 11 FDRL. Harry L. Hopkins Papers. Records of President's Soviet Protocol Committee, 1942–1945. Box 18. Memorandum for the Chief of Staff. February 12, 1942.
- 12 FDRL. Harry L. Hopkins Papers. Sherwood Collection. Box 308. Hopkins to James Norman Hall. November 12, 1941.
- 13 LC. V. Long Papers. Box 5. Diaries, April 28, 1942.
- 14 См.: *Поздеева Л.В.* Лондон – Москва. Британское общественное мнение и СССР, 1939–1945. М., 2000. С. 145–155.
- 15 *Чув Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М., 2002. С. 81.
- 16 См.: *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 207; *Печатнов В.О.* Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 183; *Shepardson D.E.* Conflict and Diplomacy. From the Great War to the Cold War. N.Y., 1999. P. 181–183.
- 17 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 160.
- 18 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 308. Hopkins' Memorandum. April 9, 1942.
- 19 Ibid. War Cabinet. Defence Committee. Minutes of Meeting held 14th April 1942 (London).
- 20 См.: *Севостьянов Г.Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969. С. 220.
- 21 FDRL. Papers of H. L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 308. War Cabinet. Defence Committee. Minutes of Meeting held 14th April, 1942 (London).
- 22 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 159–160.
- 23 *Dallek R.* Franklin Roosevelt and American Foreign Policy. P. 344.
- 24 См.: *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия. С. 206–208.
- 25 New York Times. 1942.23.VI. Ни одну речь Гопкинс не отработывал с такой тщательностью, как эту. Придавая ей особое значение, Гопкинс подготовил пять вариантов выступления, пока не остановился на последнем. Каждое его слово было согласовано с Ф. Рузвельтом (см.: *Cotham P.C.* Harry L. Hopkins. Spokesman for Franklin D. Roosevelt in Depression and War. Dissertation. Wayne State University, 1970. P. 186).
- 26 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 137. Joseph E. Davies to Hopkins. June 23, 1942.
- 27 Ibid. Hopkins to Joseph E. Davies. June 25, 1942.

- 28 *Ундасынов И.Н.* Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М., 1965. С. 65–66.
- 29 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 308. Franklin D. Roosevelt to H. Hopkins, G. Marschall and E. King. July 24, 1942.
- 30 См. донесения М.М. Литвинова в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 22 и 29 декабря 1942 г. о беседах с Рузвельтом (АВП РФ. Ф. 059, оп. 1, п. 412, д. 3708, л. 250–253; см. также FRUS, 1942. Vol. III. P. 532).
- 31 *Adams H. H.* Op. cit. P. 287.
- 32 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 220. Upton Sinclair to Hopkins. July 29, 1942; Hopkins to Upton Sinclair. August 13, 1942.
- 33 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Russia – Russian Convoys. Box 217. Hopkins to Franklin D. Roosevelt. September 22, 1942.
- 34 Накануне контрнаступления советских войск под Сталинградом на стол Гопкинса легло секретное письмо шефа ФБР Эдгара Гувера, информирующее его о совещании ведущих германских промышленников с участием Круппа и Тиссена у Геринга 15 октября 1942 г. «По сведениям нашего источника, – говорилось в письме, – все выступавшие на совещании заявили, что война для Германии проиграна и что Гитлер не сможет добиться в России того, к чему он стремился» (FDRL. Papers of Harry L. Hopkins, Special Assistant to the President, 1941–1945. FBI Reports. Box 151. E. Hoover to Hopkins. November 18, 1942).
- 35 *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt.* Vol. XII. P. 80.
- 36 *Persico J.E.* Roosevelt's Secret War. FDR and World War II Espionage. N.Y., 2002. P. 9.
- 37 В сетях шпионажа. М., 1965. С. 128–129; *The Secret War Report of the OSS / Ed. and with an Introduction by A.C. Brown.* N.Y., 1976.
- 38 *Kimball F.* The Juggler. P. 26, 27.
- 39 *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Т. 2. М., 1960. С. 63.
- 40 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 2. P. 251–252.
- 41 См. также: *Проектор Д.М.* Агрессия и катастрофа. М., 1972. С. 566, 567; *Лебедева Н.С.* Секретные контакты эмиссаров держав «оси» и Запада в 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 115–132.
- 42 См.: *Вознесенский В.Д.* Царь Борис, Гитлер и легионеры // Новая и новейшая история. 1971. № 2. С. 95; *Высоцкий В.Н.* Мероприятие «Терминал». Потсдам, 1945. М., 1975. С. 50–51; *Нунне Н.* Canaris. Patriot un Zweilicht. Munchen, 1976.
- 43 FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H.L. Hopkins. Box 13. Roosevelt to Hopkins. July 25, 1942.
- 44 См.: *Безыменский Л.А.* О роли Гимmlера и СС в попытках сепаратного сговора между гитлеровской Германией с западными державами // Германский империализм и Вторая мировая война. М., 1963. С. 467–487; *Израэлян В.Л., Кутаков Л.Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967. С. 368–370; *Schellenberg W.* The Labyrinth. The Memoirs of Walter Schellenberg. N.Y., 1956. P. 311.
- 45 См.: *Израэлян В.Л., Кутаков Л.Н.* Указ. соч. С. 373; *Мазохин В.А.* Швейцария в агрессивных планах гитлеровской Германии // Вторая мировая война и современность. М., 1972. С. 219.
- 46 *Dalles A.* The Secret Surrender. N.Y., 1966. P. 27; *Мадер Ю.* Тайное становится явным. М., 1970. С. 38.
- 47 LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 37. George V. Allen to Steinhardt. March 18, 1942; National Archives of the United States (далее – NA). Record Group 226. OSS Archives. Entry 190. Box 474. Folder 1289. Frank Mauran to W. Donovan. May 6, 1942.
- 48 FRUS. 1943. Vol. I. Wash., 1963. P. 484.
- 49 LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 41. A. A. Berle, Jr. to Steinhardt. May 26, 1943.
- 50 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. FBI Reports. Box 151. E. Hoover to Hopkins. September 29, 1943; January 29, 1944.
- 51 *Casey W.J.* The Secret War Against Hitler. Washington, 1988; *Grose P.* Operation Rollback America's Secret War Behind the Iron Curtain. Boston – New York, 2000.

52 The Secret War Report of the OSS. P. 295.

53 Ibid. P. 297–300. Правительство Турции сочувственно относилось к этой деятельности, проходившей у него на глазах. Немецкий историк Ю. Фёрстер пишет о существовании плана турецкого правительства, разработанного совместно с англичанами, о создании Балканской федерации с целью поставить «барьер» на пути продвижения Советской Армии (см.: *Fyrster U.* Stalingrad. Risse im Vьndniss 1942/1943. Freiburg, 1976. S. 89).

54 The Secret War Report of the OSS. P. 297.

55 LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 38. Under Secretary of State (подпись неразборчива) to Steinhardt. August, 1942.

56 См.: *Чевтаев А.Г.* Позиция США и Англии в отношении Турции (ноябрь 1942 – декабрь 1943 г.) // Американский ежегодник. 1978. М., 1978. С. 78; *Farago L.* The Game of the Foxes. L., 1972. P. 574, 576.

57 *Colvin I.* Master Spy. N.Y., 1951. P. 165.

58 *Вознесенский В.Д.* Указ. соч. С. 95.

59 *Смирнова Н.Д.* Политика США в Греции // Из истории Европы в новое и новейшее время. М., 1984. С. 233.

60 FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. Folder 2. G. Earle to Hopkins. February 7, 1943.

61 *Papen F. von.* Memoirs. L., 1952. P. 499; *Farago L.* Op. cit. P. 580.

62 FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. L. Steinhardt to Hopkins. February 21, 1943.

63 The Secret War Report of the OSS. P. 256–257.

64 FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room, Message to and from H. Hopkins. Box 13. G. Earle to Hopkins. March 17, 1943. В противовес Эрлу англичане делали ставку на оппозиционно настроенные к царю Борису буржуазные круги Болгарии. Столкновение двух тактических линий приняло весной и летом 1943 г. очертания мини-конфликта между США и Англией, что получило отражение в записках английского посольства в Вашингтоне в адрес госдепартамента США (см.: FRUS, 1943. Vol. I. P. 495–497).

65 FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. G. Earle to Hopkins. April 2, 1943.

66 Ibid. G. Earle to Hopkins. May 10, 1943.

67 Ibid. G. Earle to Hopkins. April 2, 1943. Утверждения, с которыми приходится встречаться в литературе, о заключении при посредничестве Эрла секретного соглашения между царем Борисом и США скорее всего неверны (см.: *Colvin I.* Op. cit. P. 165–166). Новые документы подтверждают точку зрения тех российских и болгарских историков, которые считают, что Борис и его окружение оставались верными сотрудничеству с Гитлером, хотя и не отказывались от контактов и торга с американцами (см.: *Вознесенский В.Д.* Указ. соч. С. 102; *Димитров И.* Буржуазната опозиция в България 1939–1944. София, 1969. С. 100–102).

68 FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. G. Earle to Hopkins. February 25; April 15, 1944; Map Room. Missilenious Press Dispatches. Box 12. Folder 3 (A). G. Earle to Roosevelt. April 17, 1944.

69 NA. Record Group 226. OSS Archives. Entry 1. Box 1. Folder 10. «Condition of a Separate Russo-German Peace. Summery and Conclusion. October 16, 1943»; J.A. Morrison to R. Hartshorne. September 23, 1943.

70 См.: История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 6. М., 1976. С. 403–404; FRUS. 1943. Vol. I. P. 510–511; The Secret War Report of the OSS. P. 250.

71 *Прожктор Д.М.* Агрессия и катастрофа. С. 558.

72 Франц фон Папен относился к тем германским политикам, которые в наибольшей степени несут ответственность за приход нацистов к власти. В годы Первой мировой войны Папен был военным атташе Германии в США. Высланный оттуда за шпионскую

деятельность, он приложил немало усилий для восстановления сил реакции, ослабленной после Ноябрьской революции в Германии. На Нюрнбергском процессе главных военных преступников в 1945–1946 гг. Папен оправдывал свое содействие фашистской клике стремлением найти противовес «политическому радикализму». Объясняя мотивы своих действий извечным служением идее «миротворчества», Папен постоянно ссылаясь на свою набожность. На этот счет главный обвинитель от Англии Х. Шоукросс заметил: «Он предпочел господствовать в аду, нежели служить Богу» (Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в 7 томах. Т. VII. М., 1961. С. 295). В 1934 г. Папен был назначен Гитлером на пост германского посла в Австрии, где действовал строго в интересах политики подрыва ее независимости и аншлюса. В апреле 1939 г. уже после оккупации Австрии Папен становится германским послом в Турции. При этом он оговорил себе исключительное право «выхода» непосредственно на Гитлера, минуя министерство иностранных дел и самого Риббентропа. Было условлено, что деятельность Папена будет контролировать лично Гитлер без вмешательства гестапо (*Papen P. von*. Op. cit. P. 445). Оставаясь в Турции вплоть до 1944 г., Папен свое «миротворчество» на заключительном этапе войны подчинил задаче сохранения и укрепления основных стратегических позиций германского империализма ценой затягивания войны и склонения Запада к примирению с нацистским режимом. Голосами западных судей фон Папен был оправдан на Нюрнбергском процессе.

73 *Moyzisch L.C.* Operation Cicero. N.Y., 1950. P. 3.

74 *Papen F. von*. Op. cit. P. 480, 481, 489, 493, 495, 517.

75 Ibid. P. 522, 523.

76 См.: СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933–1945. М., 1976. С. 237; *Papen F. von*. Op. cit. P. 481; *Hühne H.* Op. cit. S. 460–462.

77 См.: *Безыменский Л.* Германские генералы – с Гитлером и без него. М., 1961. С. 229; *Хаффнер С.* Самоубийство германской империи. М., 1972. С. 86–88.

78 *Papen F. von*. Op. cit. P. 445, 496.

79 Ibid. P. 449, 500, 517; *Colvin I.* Op. cit. P. 215, 216.

80 *Adams H.H.* Op. cit. P. 334–335; *Кузнец Ю.Л.* От Перл-Харбора до Потсдама. М., 1970. С. 130–131.

81 См.: *Севостьянов Г.Н., Уткин А.И.* США и Франция в годы войны, 1939–1945. М., 1974. С. 199–200; *Funk A.L.* The Politics of TORCH. Lowtence, 1974. P. 249–255.

82 См.: *Лебедева Н.С.* Касабланкская конференция и принцип безоговорочной капитуляции // Американский ежегодник. 1978. М., 1978. С. 42–68.

83 *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*. Vol. XII. P. 80.

84 FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 15. Hopkins to G. Earle. February 18, 1943.

85 A. Record Group 226. OSS Archives. Entry 1. Box 2. Folder 28. W.J. Donovan to John K. Deane. January 4, 1944; *Grose P.* Op. cit. P. 17.

86 Library of Congress. Arthur Sweetser Papers. Box 34. Notes, May 29, 1942.

87 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 287.

88 См.: *Земсков И.Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 146.

89 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 224–230.

90 См. там же. С. 21, 313. Подробнее об удельном весе и значении англо-американской помощи России см.: *Рейнолдс Д. и др.* Союзники, противники, потомки // Союзники в войне 1941–1945. М., 1995. С. 430.

91 См. там же. С. 292, 488.

92 См. там же. С. 338.

93 См. там же. С. 489; Т. 2. С. 13.

- 94 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Diary. November 20, 1942. Conference with the President.
- 95 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Russia – Russian Convoys. Box 217. Memorandum for Mr. Hopkins: Importance of Soviet Relationships and Suggestions for Improving Them. December 1, 1942.
- 96 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 262.
- 97 FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. Folder 2. W. Churchill to Hopkins. February 13, 1943.
- 98 См.: *Земсков И.Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. С. 180, 205.
- 99 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Diary. March 14, 1943. Conference with Hopkins.
- 100 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Diary. March 12, 1943.
- 101 Ibid. Diary. March 19, 1943.
- 102 Ibid. Journal. March 14, 1943.
- 103 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Journal. March 14, 1943.
- 104 См.: *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 192, 193.
- 105 По-видимому, имелась в виду беседа министра иностранных дел Англии Идена с советским послом И.М. Майским 22 октября 1942 г., в которой Иден по поручению военного кабинета затронул вопрос о состоянии советско-английских отношений, ссылаясь на замечания И.В. Сталина в интервью корреспонденту американского агентства Ассошиэтед Пресс Кэссиди от 3 октября 1942 г. о невыполнении союзниками их обязательств об открытии второго фронта. В ходе последовавшего «серьезного разговора» И.М. Майский сообщил о том неблагоприятном впечатлении, которое производят в СССР подобные действия (см.: *Земсков И.Н.* Указ. соч. С. 141).
- 106 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. Diary. April 12, 1943. Roosevelt on Churchill and Stalin.
- 107 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Diary. April 19, 1943.
- 108 Полный текст послания президента США Рузвельта Председателю Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталину от 5 мая 1943 г. см.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 315, 316.
- 109 FRUS. The Conference of Cairo and Teheran, 1943. Wash., 1961. P. 5.
- 110 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 319–323.
- 111 См. там же. С. 315, 316.
- 112 Там же. С. 316.
- 113 FRUS. The Conference of Cairo and Teheran, 1943. P. 5.
- 114 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 324.
- 115 См. там же. С. 359.
- 116 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. Davies to H. M. Warner. May 24, 1943.
- 117 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 326.
- 118 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. Diary. June 7, 1943.
- 119 *Burns J.M.* Roosevelt: The Lion and the Fox. P. 368.
- 120 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Russia – Russian Convoys. Box 217. J.H. Burnes' Memorandum. August 10, 1943 (Subject: Russia). Вплоть до мая 1972 г. документ был помечен грифом «секретно».
- 121 Ibid; *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 2. P. 364.
- 122 Цит. по: *Израэлян В.Л.* Указ. соч. С. 191.
- 123 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 375.

124 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Russia – Russian Convoys. Box 217. Joint Intelligent Committee Weekly Summary. № 34. September 1, 1943.

125 Правда. 2 ноября 1943 г.

126 См.: *Севостьянов Г.Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. С. 600.

127 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 2. P. 404.

128 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 175.

129 *Harbatt F.* The Iron Curtain: Churchill, America and the Origins of the Cold War. N.Y., 1986.

130 *Hershberg J.G., James B. Conant.* Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. Stanford (CA), 1993.

131 FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Presidential Trips (Cairo – Teheran). Box 17. Roosevelt to C. Hull. December 3, 1943.

132 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 461. В личном архиве Роберта Шервуда хранится его весьма примечательная короткая запись о беседе с Гопкинсом о впечатлениях последнего о саммите в Тегеране. Шервуд писал: «После возвращения из Тегерана Гопкинс сказал мне, что президент Рузвельт был чрезвычайно удивлен, узнав, как плохо Сталин был информирован о политической ситуации в США... Но эта форма правительственного самогипноза свойственна не только Москве. Наш собственный государственный департамент, в котором всегда были сильны настроения ксенофобии, с нескрываемой подозрительностью будет относиться к любому американскому представителю в Москве, чьи послания окажутся неизменно благожелательными по отношению к Советскому Союзу. То же следует сказать и о любом американском представителе в Лондоне, который обнаруживает признаки англофильства» (*Мальков В.Л.* Из личной переписки Р. Шервуда // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 157).

Глава XI

1 См.: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 190.

2 *Pranng G.W.* Miracle at Midway. N. Y., 1982.

3 *Mahan A. Th.* The Influence of Sea Power upon History. N.Y., 1957. P. 68.

4 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 2. P. 304.

5 Речь президента США при вручении верительных грамот послом СССР в США А.А. Громыко 4 октября 1943 г. (Известия. 6 октября 1943 г.). Еще в начале февраля 1942 г. по инициативе Рузвельта в госдепартаменте был образован Совещательный комитет по вопросам послевоенной политики во главе с К. Хэллом и С. Уэллесом.

6 В этом плане немаловажное значение, по-видимому, придавалось поездке издателя газеты «Нью-Йорк таймс» А. Сульцбергера в СССР в июле 1943 г. В продолжительной беседе с В.М. Молотовым Сульцбергер прямо заявил о внутренних трудностях, с которыми сталкивалось правительство Рузвельта в осуществлении курса на сотрудничество с союзниками, и о той поддержке, которую оно рассчитывает получить у них, чтобы не дать взять верх противникам продолжения этого курса после войны (см.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. С. 346).

7 *Polenberg R.* War and Society. The United States, 1941–1945. Philadelphia; N.Y., 1972. P. 194, 195.

8 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President. 1941–1945. Box

137. Office of War Information. Bureau of Intelligence. Special Intelligence Report «Attitudes toward peace planning». March 6, 1943.

9 Гопкинс также обращал внимание на необходимость систематически осуществлять в американском обществе «обучение миролюбию» (FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 137. Hopkins to Henry S. Curtis. March 24, 1943).

10 LC. F. Frankfurter Papers. Box 2. Diary. January 16, February 26, 1943.

11 См.: История США. Т. 3. С. 424.

12 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 137. Tom Connally to Hopkins. May 5, 1943.

13 *Luce H.R.*. The American Century. N.Y., 1941. P. 27.

14 LC. F. Frankfurter Papers. Box 2. Diary. March 14, 1943.

15 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Journal. March 14, 1943. Conference with the President.

16 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 421.

17 Ibidem.

18 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. Diary. May 3, 1943.

19 *Hoover H. and Gibson H.* The Problems of Lasting Peace. Garden City, 1942.

20 См.: *Фоглесонг Д.С.* Американские надежды на преобразование России во время Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 80–105; *O'Neill W.L.* A Better World: The Great Schism. Stalinism and American Intellectuals. N.Y., 1982.

21 *Steele R.* Franklin D. Roosevelt and His Foreign Policy Critics // Political Science Quarterly. Spring, 1979.

22 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 346–347.

23 Антианглийские выпады некоторых органов печати США в годы войны находили сочувственный отклик среди пацифистски настроенных групп, полагавших, что английская дипломатия ловко обманула США, втянув их в войну с Германией ради сохранения Британской империи (см.: NYPL N. Thomas Papers. Box 27. Allan H. Gilbert to Thomas. March 23, 1944).

24 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. J. Davies to S. Rosenman. July 29, 1943.

25 LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. August 9, 1943.

26 *Burns J. M.* Roosevelt: The Soldier of Freedom. P. 398.

27 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 351.

28 *Mark E.* American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // Journal of American History. Vol. 68. № 2. September 1981. P. 315.

29 FDRL. O. Cox Papers. Diaries and Related Material. Box 148. Cox to Hopkins. October 16, 1943.

30 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 388.

31 Там же. С. 388–441. С этим заявлением А. Гарримана перекликалось и высказывание К. Хэлла о роли прессы в деле установления правильных, конструктивных отношений между союзниками. В беседе с послом СССР в США 20 ноября 1943 г. государственный секретарь США сказал, что «он считал бы большим достижением, если бы руководящие органы печати обеих стран не увлекались критикой противоположной стороны». Далее А.А. Громько сообщал: «Хэлл при этом признал, что в США имеются «грязные» газеты, которые постоянно критикуют не только Советский Союз, но и правительство США за его дружественную политику в отношении СССР».

32 См.: *Harriman W. A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. N.Y., 1975. P. 213, 218, 219.

33 FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 17. Folder 4. S. Early to Hopkins.

December 7, 1943.

34 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 440.

35 *Ibid.* P. 441.

36 См.: *Печатнов В.О.* Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 183.

37 NYPL. N. Thomas Papers. Box 26. Chester Bowles to Thomas. December 13, 1943.

38 FDRL. S. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 1. Chester Bowles to Rosenman. December 23, 1943.

39 LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. Ickes to Marguerite A. Le Hand. December 27, 1943.

40 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 435.

41 LC. B. Long Papers. Box 149. Claude Bowers to Long. March 30, 1944.

42 FDRL. S. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 4. Robert Sherwood to Rosenman. March 5, 1944.

43 LC. Laurence A. Steingardt Papers. Box 44. Breckinridge Long to Steingardt. March 24, 1944.

44 *Ibidem.*

45 Одним из выразителей этих настроений был Джозеф Кеннеди, в 1938–1940 гг. посол США в Англии (*Beschloss M.R.* Kennedy and Roosevelt. The Uneasy Alliance. N.Y., 1980. P. 167); Союзники в войне 1941–1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян и др. М., 1995. С. 197–224.

46 *Wittner L.S.* Rebels against War. The American Peace Movement, 1933–1983. Philadelphia, 1984. P. 111.

47 См.: *Сивачев Н. В.* США: государство и рабочий класс. С. 259.

48 *Wilcox W. W.* The Farmer in the Second World War. Ames (Iowa), 1947. P. 95–96, 249–251.

49 «Во всем этом было только одно хорошее, – вспоминает один из персонажей книги Стадса Теркела «Хорошая война». – У многих моих подруг матери пошли работать на фабрики. Впервые в жизни они работали не дома. И вдруг поняли, что способны на нечто большее, чем стоять у плиты. Помню, как одна из таких женщин пригласила меня на воскресный обед. За столом она и ее сестра горячо обсуждали, как лучше всего затачивать резцы. Никогда в жизни я не слышала ничего подобного. Это было прекрасно» (*Terkel S.* The Good War. An Oral History of World War Two. N.Y., 1984. P. 119).

50 A Report on Wartime Life in the United States. Ed. by Jack Goodman. N.Y., 1946. P. 18, 23.

51 *Coffin T.* The Passion of the Hawks: Militarism in Modern America. N.Y., 1964. P. 162.

52 *Sherry M.S.* Preparing for the Next War. New Haven, 1977. P. 33.

53 *Koistinen Paul A. C.* The Industrial-Military Complex in Historical Perspective: The Interwar Years // Journal of American History. LVI. March 1970. P. 819–839.

54 *Noble D.F.* Forces of Production. A Social History of Industrial Automation. N.Y., 1984. P. 5, 6.

55 *Ibid.* P. 7.

56 *Ibid.* P. 12.

57 Цит. по: *Wittner L. S.* *Op. cit.* P. 115.

58 The American Economic Review. Vol. XXXIII. № 1. Supplement. Pt 2. March 1943. P. 29, 33, 78, 80, 113, 114, 131.

59 American Economic Review. Vol. XXXIV. N 1. Pt 2. Supplement. March 1944. P. 120, 126, 140, 148.

60 Цит. по: *Wittner L. S.* *Op. cit.* P. 114.

61 *Ibid.* P. 47, 48.

62 *Josephson M.* *Op. cit.* P. 593.

63 *Gotson R.* The AFL Foreign Policy Making Process from the End of World War II to the

Merger // *Labor History*. 1975. Vol. 16. № 3. P. 336.

64 История рабочего движения в США в новейшее время. В 2-х томах. 1918–1965. Т. 2. 1939–1965. М., 1971. С. 121–123.

65 *Polenberg R.* War and Society. P. 203–207.

66 *Ibid.* P. 208.

67 1 мая 1944 г. Н. Томас разослал своим сторонникам секретный меморандум, отвергающий идею безоговорочной капитуляции держав «оси» (NYPL. N. Thomas Papers. Box 27. Bertran D. Wolfe to Thomas. May 2, 1944).

68 *Ibid.* Box 28. William Hard to Thomas. March 1, 1945; Alfred M. London to Thomas. May 3, 1945; FDRL. O. Cox Papers. Box 149. FDR's Memorandum for Secretary of War. August 26, 1944.

69 FDRL. S.I. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 2. Isador Lubin to Rosenman. October 17, 1944.

70 *Ibid.* Box I. W.P. Reuther to FDR. August 23, 1944.

71 *Bamard J.* Walter Reuther and the Rise of the Auto Workers. Boston; Toronto, 1983. P. 88–113; *Hinshaw J.* Steel and Steel Workers: Race and Class Struggle in Twentieth-Century Pittsburgh. Albany, 2002.

72 *Josephson M.* *Op. cit.* P. 607.

73 LC. Kermit and Belle Roosevelt Papers. Box 136. Notes. July 13, 1943.

74 Эта тема начиная с лета 1943 г. отчетливо проходит в секретной переписке Рузвельта с Черчиллем (см., например: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vols. I–III. II. Alliance Forged. November 1942–February 1944. Ed. with Commentary by Warren F. Kimball (далее – Churchill and Roosevelt). Princeton, 1984. P. 290, 291). Многие наблюдатели, не склонные драматизировать события, были поражены силой великодержавных настроений, охвативших к концу войны определенные категории населения США. Имя Рузвельта в этой среде ассоциировалось с чем-то крайне враждебным традициям подлинного американизма, национальному величию и добропорядочности. Супруга видного политолога Чарльза Мерриама писала через неделю после выборов министру внутренних дел Гарольду Икесу о той атмосфере ненависти к Рузвельту, которую подогревают сторонники Дьюи и в которой резко возросла, по ее мнению, вероятность покушения на президента. Очень характерен ответ Г. Икеса, датированный 21 ноября 1944 г. Он писал: «Люди Дьюи действительно разожгли худшие настроения, которые мне когда-либо приходилось наблюдать в политической жизни нашей страны; в этой обстановке какой-нибудь полусумасшедший вполне может быть доведен до такого состояния, что решится предпринять покушение на жизнь президента... Это была самая гнусная политическая кампания на моей памяти, и я опасаясь, что она оставит много шрамов, которые не скоро исчезнут» (LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. Ickes to Mrs. Charles E. Merriam. November 21, 1944).

75 См.: *Culver J.C.* and *Hyde J.* *Op. cit.* P. 277.

76 *Ibidem.*

77 *White D.W.* *Op. cit.* P. 9.

78 Washington Star. July.29, 1944.

79 Слухи о его катастрофически ухудшающемся здоровье вынудили Рузвельта предпринять длительную инспекционную поездку в середине июля 1944 г. на побережье Тихого океана, Гавайи и Аляску (см.: Churchill and Roosevelt. III. P. 191–193, 243).

80 The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. XIII. P. 42.

81 Churchill and Roosevelt. III. P. 208–210.

82 Об этом красноречиво свидетельствует запись беседы посла СССР в США с Г. Гопкинсом от 13 октября 1944 г. (см.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 235; Churchill and Roosevelt. III. P. 209, 210).

83 Churchill and Roosevelt. III. P. 319; см. также: *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы

войны (1941–1945). С. 309–314.

84 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 481; *Bishop J.* FDR's Last Year. April 1944–April 1945. L., 1975. P. 166.

85 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 14. Diary. June 27, 1944.

86 LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. September 26, 1944.

87 Chicago Tribune. September 24, 1944.

88 См.: *Израэлян В.Л.* Указ. соч. С. 301.

89 Washington Post. August 18, 1944.

90 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 196.

91 FDRL. Personal Letters in the Papers of Harry L. Hopkins. 1930–1946. Roll 17. Stephen Early Memorandum for Miss Kraus, Secretary to Hon. Harry Hopkins. March 27, 1944.

92 Ibid. Untitled Article by Harry L. Hopkins (март 1944 г.). Представляется симптоматичным, что Гопкинс считал желательным отказаться от «фигуры умолчания», скажем, в одной из ключевых сфер внешней политики – в колониальном вопросе («отношение к проблемам эксплуатации малых стран»). Не исключено, что в этом отношении раздумья Гопкинса были навеяны ростом антиамериканских настроений в Азии и разочаровавшим всех противников колониализма заявлением Рузвельта от 1 февраля 1944 г. о политике США на этом континенте. Президент, определяя цели американской политики в этом регионе, свел их к достижению победы в войне с Японией (см.: *Поздеева Л.В.* Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны 1941–1945. М., 1964. С. 287).

93 FDRL. Personal Letters in the Papers of Harry L. Hopkins. 1930–1946. Roll 17. Untitled Article.

94 *Polenberg R.* Op. cit. P. 211, 212.

95 FDRL. S.I. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 2. FDR Memorandum for the Secretary of State. September 29, 1944.

96 Интересные новые материалы и соображения, связанные с подготовительной стадией конференции в Думбартон-Оксе и ее ходом, содержатся в книге Н.А. Нарочницкой (см.: *Нарочницкая Н.А.* Указ. соч. С. 287–298).

97 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 244, 258, 264, 274–276; Churchill and Roosevelt. III. P. 377, 385.

98 *Meacham J.* Franklin and Winston. P. 308.

99 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 144–148, 166, 171.

100 Chicago Tribune. November 11, 1944.

101 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 171.

102 *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. М., 1980. С. 321.

103 В секретном докладе главного резидента УСС (085) в Швейцарии о политической обстановке на оккупированной гитлеровцами территории в начале 1944 г. говорилось: «В Европе нарастает гигантская социальная революция. Это неизбежное следствие землетрясения, которое сотрясало континент на протяжении последних четырех лет. Сочувствие народов, которые пострадали от этой катастрофы, в большей мере на стороне русских, чем на стороне западных держав...» Авторы доклада делали следующий вывод: США должны активизировать тайную психологическую войну против СССР, сея недоверие к освободительной миссии Советской Армии и всемерно содействуя насаждению в сознании европейцев представления об «идеализме» Америки (FDRL. Map Room. Box 171. Naval Aid File. Joint Chiefs of Staff Memorandum for Information № 180. Report on Political Conditions in Occupied Europe. January 17, 1944)

104 LC. Kermit and Belle Roosevelt Papers. Box 136. Запись не датирована.

105 NA. W. Leahy Papers. Box 4. Memoirs to the President from General Marshall. March 31, 1944. «Analysis of the Russian Front».

- 106 Речь шла о разгроме немцев в ходе победоносной Корсунь-Шевченковской операции (январь – февраль 1944 г.).
- 107 FDRL. O. Cox Papers. Box 150. Diaries and Related Material. Memorandum for Mr. Harry L. Hopkins. December 19, 1944. Subject: «Army and Navy Journal» Stories about Soviet Strategy.
- 108 См.: *Сиполс В.Я.* На пути к великой победе. Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985. С. 272.
- 109 FDRL. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from Harry L. Hopkins. Box 13. Hopkins to A. Harriman. September 11, 1944.
- 110 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 189; *Moran L.* Churchill: Taken from the Diaries of Lord Moran The Struggle for Survival 1940–1965. Boston, 1966. P. 173, 185.
- 111 *Lash J.P.* Op. cit. P. 918, 919.
- 112 См.: *Израэлян В.Л.* Указ соч. С. 376; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 506.
- 113 *Campbell Th.M., Herring G.C.* The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr. 1943–1945. N.Y., 1975. P. 214.
- 114 FDRL. S.I. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 2. FDR Memorandum for Secretary of State. September 29, 1944.
- 115 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 15. Journal. October 11, 1944. Hopkins on Unity.
- 116 FDRL. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from Harry L. Hopkins. Box 13. Hopkins to A. Harriman. September 11, 1944.
- 117 Ibid. Hopkins to W. Churchill. December 16, 1944.
- 118 *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N.Y., 1949. P. 304.
- 119 *Hershberg J.G.* James B. Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. Stanford (Cal.), 1993. P. 204.
- 120 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 171.
- 121 См. там же. С. 177, 178, 181.
- 122 Там же. С. 184.
- 123 См.: *Ржешевский О.А.* Война и история. М., 1984. С. 223–224.
- 124 NA. W. Leahy Papers. Box 4. Russia (Moscow Mission) 1944. U.S. Military Mission, Moscow, to War Department. October 17. 1944.
- 125 Ibid. October 16, 1944.
- 126 См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сб. документов. М., 1979. С. 49.
- 127 *Bishop J.* FDR's Last Year. April 1944–April 1945. L., 1975. P. 245.
- 128 *Fousek J.* To Ledge the Free World. American Nationalism and the Cultural Roots of the Cold War. Chapel Hill, 2000. P. 43.
- 129 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 288.
- 130 *Clemens D.S.* Yalta. N.Y., 1970. P. 84.
- 131 NA. W. Leahy Papers. Box 4. Russia in Pacific War with Japan (Russian Participation in the War against Japan). January 23, 1945.
- 132 *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 659.
- 133 *Bishop J.* Op. cit. P. 461.
- 134 *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 507, 508.
- 135 LC. Joseph E. Davies Papers. Box 16. Journal. January 10, 1945.
- 136 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция... С. 271.

- 137 *Burns J.M.* Roosevelt: The Soldier of Freedom. P. 572.
- 138 *Gaddis J.L.* Russia, the Soviet Union, and the United States. An Interpretive History. N.Y., 1978. P. 166.
- 139 *Lash J.P.* Op. cit. P. 923.
- 140 *Burns J.M.* Op. cit. P. 583.
- 141 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 137. Russel W. Devenport to Hopkins. February 20, 1945.
- 142 Ibid. Hopkins to Russel Devenport. February 26, 1945.
- 143 *Hershberg J.* Op. cit. P. 215; *Kimball W.F.* The Juggler. P. 236, 237.
- 144 The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. XIII. P. 570–586.
- 145 Fortune. 1945. III.
- 146 LC. J.R. Oppenheimer Papers. Box 62. Franklin D. Roosevelt to Oppenheimer. June 29, 1943.
- 147 Ibid. Box 34. Memorandum of April 18, 1945 from Justice F. Frankfurter to Lord Halifax.
- 148 *Sherwin M.J.* A World Destroyed. The Atomic Bomb and Grand Alliance. N.Y., 1977. P. 284.
- 149 LC. Herbert Feis Papers. Box 17. M.M. Gowing to Feis. September 5, 1965.
- 150 LC. J.R. Oppenheimer Papers. Box 34. Addendum to Memorandum of July 3rd 1944. March 24, 1945. By Dr. Bohr.
- 151 Ibidem.
- 152 Washington Post. January 28, 1947; Yale University Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 9. March 15, 1945.
- 153 *Sherwin M.J.* Op. cit. P. 7.
- 154 LC. J.R. Oppenheimer Papers. Box 62. E. Roosevelt to Oppenheimer. April 16, 1954.
- 155 Harper's Magazine. 1946. III.
- 156 FRUS, 1996. Vol. 6. P. 708.
- 157 *Егорова Н.Н.* Указ. Соч. С. 208–210.
- 158 FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 171. Naval Aides File. Roosevelt to G. Earle. March 24, 1945.
- 159 См.: *Алрвиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968. С. 249, 250.
- 160 *Brown A. Cave.* The Last Hero. Wild Bill Donovan. N.Y., 1984. P. 728, 729.
- 161 LC. W. Leahy Papers. Box 20. Joseph Davies to H. Truman. June 12, 1945.
- 162 LC. Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 16. Diary. March 30, 1945.
- 163 *Kolko G.* The Politics of War. N.Y., 1968. P. 379.
- 164 *Bishop J.* Op. cit. P. 545.
- 165 FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 11. Ambassador Winant to the President. April 6, 1945.
- 166 Документ находится в личном архиве автора благодаря любезности Л.А. Безыменского.
- 167 FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 35. Roosevelt Memorandum for Admiral Leahy. April 8, 1945.
- 168 Churchill and Roosevelt. III. P. 630.
- 169 The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. XIII. P. 613–616.
- 170 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 355.
- 171 FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 35. Roosevelt to Ambassador Harriman. April 12, 1945.
- 172 См.: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 312–313.
- 173 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 400.

Вместо заключения

- 1 New York Times, April 11, 2010. P. 10.
- 2 Ibid. P. 9.
- 3 *Leonhardt D.* Headling Off the Next Financial Crisis // New York Times Magazine, March 28, 2010. P. 38.
- 4 Современный взгляд на банковское законодательство «нового курса» изложен в книге: *Johnson S., Kwak J.* Bankers. The Wall Street Takeover and the Next Financial Meltdown. N.Y., 2010. P. 34–37.
- 5 New York Times Magazine, March 20, 2010. P. 38.
- 6 *Brinkley A.* With Justices for All // New York Times Book Review, March 28, 2010. P. 11.
- 7 *Hobsbawm E.* The Age of Extremes. A History of the World, 1914–1991. N.Y., 1996. P. 249.
- 8 LC. John Davidson Papers. Box 13. Lincoln Steffens to Davidson. September 1, 1935.
- 9 *Kimball W.F.* Thirty Years After, or the Two Musketeers // Diplomatic History. Vol. 18. № 2. Spring 1994. P. 166
- 10 *Ward G.C.* A First Class Temperament. The Emergence of Franklin Roosevelt. N.Y., 1989, p. 681.
- 11 Ibid. P. 696
- 12 Ibid. P. 530.
- 13 Ibid. P. 682.
- 14 Артур Мейер Шлезингер-мл. в своем «Дневнике» пишет, что ««новый курс» Рузвельта и «новые рубежи» Кеннеди имели много общего в политике, хотя «новый курс» был более радикален, менее податлив на доводы бизнеса, не прогибался перед трудностями и всегда был нацелен на движение вперед. Разница в риторике, возможно, означает более глубокое различие в преданности смыслу своей деятельности – как непохожи евангелисты, которые стремятся что-то сделать, потому что это справедливо и правильно, на технократов, которые тоже хотят что-то сделать, но только потому, что это рационально и необходимо» (*Schlesinger A.M., Jr.* Journal, 1952–2000. N.Y., 2007. P. 187).
- 15 См.: *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 23.
- 16 *Krugman P.* For Richer. How the Permissive Capitalism of the Boom destroyed American Equality // New York Times Magazine, October 20, 2002. P. 65.
- 17 *Обама Б.* Дерзость надежды. СПб., 2008. С. 33.
- 18 *Обама Б.* Указ. соч. С. 202.
- 19 *Ward G.C.* A First Class Temperament. The Emergence of Franklin Roosevelt. N.Y., 1989. P. 521.
- 20 *Kimball W.F.* Op. cit. P. 169.
- 21 См.: *Мальков В.Л.* Из личной переписки Р. Шервуда // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С.161.
- 22 *Kennan G.* American Diplomacy, 1900–1950. Chicago, 1951. P. 135.
- 23 *Rollins A.B., Jr.* Roosevelt and Howe. N.Y., 1962. P. 226.
- 24 *Ward G.C.* A First Class Temperament. P. 535.
- 25 Цит. по: *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. N.Y., 1979. P. vii.
- 26 *Roosevelt J.* My Parents: A Differing View. Chicago, 1976. P. 160–162.
- 27 Цит. по: *Kimball W.F.* The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. P. 7.
- 28 *Schlesinger A.M., Jr.* Journal 1952–2000. P. 467.